

2024
2 (76)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

**Филология и культура.
Philology and Culture**

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, заведующий кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильовна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Горобец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Жолобов Олег Феофанович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. заведующего отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций имени И. А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Неселова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталия Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии имени Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурыхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Ван Юйлин** Особенности репрезентации эмоций посредством цветовых ассоциаций в художественном тексте (на материале повести И. С. Тургенева «Первая любовь»). 7
- Гилязов И.** Некоторые новые факты из биографии тюрколога Ахмета Темира. 14
- Замалетдинов Р., Нурмухаметова Р.** Лексикографирование этнокультурной лексики татарского языка. 24
- Зельдин А.** Метафора как производное Гештальта: нейрофизиологический и лингвистический аспект. 30
- Кириллова З., Аниферова В.** Названия предметов верхней одежды в татарском и чувашском языках. 41
- Ма Лимин** Особенности использования предлогов в дипломатическом подстиле русского и китайского языков. 48
- Недоступова Л.** Отображение реалий деревенского человека воронежской глубинки в народном говоре. 57
- Непомнящих Е.** Двухфазовые креативные тексты как новый жанр поздравительного дискурса. 63
- Султанова А.** Особенности онимов в произведениях М. Каримова. 69
- Файзуллина Н., Хан Сывэнь** Русские и английские народные загадки о животных. 75

Литературоведение

- Алпатова Т.** «Ментальная карта» «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина и проблема репрезентации национальных мифов. 80
- Барковская Н.** Гибридная идентичность и образ родной земли в казахстанской русскоязычной поэзии. 86
- Бекметов Р., Сабиров Н.** Средняя Азия в русских описаниях XVIII века: об одной анонимной заметке из нецерковного календаря эпохи Просвещения. 92
- Бурчанова А.** Система образов в румынско-молдавском фольклоре (на материале сказок М. Эминеску и И. Крянгэ). 102
- Гаврилов В.** Концептосфера базового концепта «зима» в лирике Ю. Шесталова. 110
- Говорухина Ю.** Мифотворчество как смыслообразование в современной литературной критике. 116
- Зиннатуллина З., Хабибуллина Л.** Стратегии репрезентации образа «внутреннего» Другого в британской литературе начала XXI века. 122
- Иваницкий А.** Понятие национальной культуры в немецком романтизме: источники и исторические предпосылки. 128
- Касьмова К. В.** Набоков о своем статусе «американского писателя» (на материале интервью 1950–1970-х гг.). 134
- Ларкович Д.** Эсхатологический миф в романном творчестве Е. Д. Айпина. 140
- Липинская А.** Хорошие английские мальчики. Конструирование гендерного и национального в британской готической новелле. 146
- Маслова А.** Авторский миф Г. Р. Державина. 152
- Несмелова О., Коновалова Ж.** Мифологизация образа отца в художественно-документальной литературе США 1990-х гг. 158
- Никулина А.** Преодолеть вечный полдень среды: поиск основ человеческого существования в романе Уокера Перси «Последний джентльмен». 164
- Паикуров А.** Миф России в «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева. 170
- Поляков О.** Национальный текст драмы Ханна Каули «День в Турции, или Русские рабы». 176

Романова Н. Национальная специфика переживания травматического опыта в романе Хилари Мантел «Перемена климата».	181
Салахова А. История и миф в романе Леонида Юзефовича «Филэллин».	188
Сарбаи Л. Инонациональные культурно-религиозные мифологемы в создании этнического образа в русской литературе XIX века.	193
Селитрина Т. Сергей Аксаков в Англии (к проблеме национальной идентичности).	199
Сесорова А. Миф об ангеле в поэзии А. И. Полежаева.	205
Терентьева Д. Архетип культурного героя в повести Е. Д. Айпина «В ожидании первого снега».	209
Фазлутдинов И. Образ Емельяна Пугачева в татарском историческом фольклоре.	214
Файзуллина Р. Национальный и психологический аспекты проживания телесного в романе «На берегу» И. Макьюэна.	220
Хацкевич Т. Другой в романе «Мальчик-обезьяна» Франциско Голдмана.	226
Чугунов Д. Национальный миф в романе С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл».	233
Шлемова Н., Пономарева Е. Книга как жанровое явление в современной прозе русского зарубежья («Венеция. Карантинные хроники» Е. Марголис).	238
Щепачева И. Проблема идентификации в романе Ч. Н. Адичи «Половина желтого солнца».	248
Юсупова Н. Забытые имена: Кашшаф Патии.	254

ПЕДАГОГИКА

Валиахметова Н., Ахмадуллина Р., Ярмакеев И. Возможности и риски применения нейростей в образовании.	260
Гимадиева Э. Потенциал лингвоинформационной технологии нейросети GLIGLISH при обучении иноязычному устному общению студентов языкового вуза.	272
Ярмакеев И., Пименова Т., Абдрафикова А., Хусаинов Р. Лонгрид как один из инструментов имплементации технологии эдьютейнмент в процессе обучения экстенсивному чтению на иностранном языке.	281

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Бреева Т., Хабибуллина Л. IX Международная научная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: множественность репрезентаций: множественность репрезентаций». Промежуточные итоги.	289
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Wang Yulin</i> . Features of representing emotions through color associations in a literary text (based on the novella “First Love” by Ivan Turgenev).	7
<i>Gilyazov, I.</i> New facts from the biography of turkologist Ahmet Temir.	14
<i>Zamaletdinov, R., Nurmukhametova, R.</i> Lexicography of the Tatar language ethnocultural vocabulary.	24
<i>Zeldin, A.</i> Metaphore as a projection of geschalt: Neurophysiologic and linguistic aspects.	30
<i>Kirillova, Z., Aniferova, V.</i> The names of outerwear in the Tatar and Chuvash languages.	41
<i>Ma Liming</i> Features of preposition usage in the diplomatic sub-style of the Russian and Chinese languages.	48
<i>Nedostupova, L.</i> Displaying the realities of the villagers from the Voronezh Province in their folk accent	57
<i>Nepomnyashchikh, E.</i> Two-phase creative texts as a new genre of congratulatory discourse.	63
<i>Sultanova, A.</i> Features of onyms in M. Karim’s works.	69
<i>Faizullina, N., Hang Siwen.</i> Russian and English folk riddles about animals.	75

Literary Studies

<i>Alpatova, T.</i> “Mental map” in “Letters of a Russian Traveler” by Nikolay Karamzin and the problem of the national myth representation.	80
<i>Barkovskaya, N.</i> Hybrid identity and the image of the native land in Kazakhstan Russian language poetry.	86
<i>Bekmetov, R., Sabirov, N.</i> Central Asia in Russian descriptions of the 18th century: On an anonymous note from the non-church calendar of the Enlightenment Era.	92
<i>Burchanova, A.</i> The system of images in Romanian-Moldovan folklore (based on the fairy tales by M. Eminescu and I. Creangă).	102
<i>Gavrilov, V.</i> Conceptosphere of the basic concept “winter” in Yu. Shestalov’s lyrical poetry.	110
<i>Govorukhina, Yu.</i> Myth-making as sensemaking in modern literary criticism.	116
<i>Zinnatullina, Z., Khabibullina, L.</i> Representation strategies of the “internal” Other image in the early 21st century British literature.	122
<i>Ivanitskiy, A.</i> The concept of the national culture in German romanticism: Sources and historical background.	128
<i>Kasymova, K. V.</i> Nabokov about his status of “an American writer” (based on interviews of the 1950s-1970s).	134
<i>Larkovich, D.</i> Eschatological myth in the novel works by E. Aipin.	140
<i>Lipinskaya, A.</i> Good English boys. Constructing the gender and the national in British ghost stories.	146
<i>Maslova, A. G.</i> Derzhavin’s authorial myth.	152
<i>Nesmelova, O., Konovalova, Zh.</i> Mythologization of the father’s image in American literary nonfiction of the 1990s.	158
<i>Nikulina, A.</i> To end the eternal Wednesday afternoon: The search for the foundations of human existence in “The Last Gentleman” by Walker Percy.	164
<i>Pashkurov, A.</i> The myth of Russia in “Dialogues of the Dead” by Mikhail Muraviev.	170
<i>Polyakov, O.</i> The national text of Hannah Cowley’s drama “A Day in Turkey; or the Russian slaves”.	176
<i>Romanova, N.</i> National peculiarities of a traumatic experience in H. Mantel’s novel “A Change of Climate”.	181
<i>Salakhova, A.</i> History and myth in Leonid Yuzefovich’s novel “Philhelle.	188
<i>Sarbash, L.</i> National cultural and religious mythologems in the ethnic image creation in Russian literature of the 19th century.	193
<i>Selitrina, T.</i> Sergei Aksakov in England (on the problem of national identity).	199
<i>Sesorova, A.</i> The myth of the angel in A. Polezhaev’s poetry.	205
<i>Terentyeva, D.</i> The cultural hero archetype in E. Aipin’s story “Waiting for the First Snow”.	209
<i>Fazlutdinov, I.</i> The image of Yemelyan Pugachev in Tatar historical folklore.	214
<i>Faizullina, R.</i> National and psychological aspects of the corporeality in the novella “On Chesil Beach” by I. McEwan.	220
<i>Khatskevich, T.</i> The other in the novel “Monkey Boy” by Francisco Goldman.	226
<i>Chugunov, D.</i> The national myth in S. Clarke’s novel “Jonathan Strange & Mr Norrell”.	233

Shlemova, N. Ponomareva, E. The book as a genre phenomenon in modern prose of the Russian abroad (“Venice. Quarantine Chronicles” by E. Margolis)	238
Shchepacheva, I. The problem of identification in Ch. N. Adichie’s “Half of a Yellow Sun”.	248
Yusupova, N. Forgotten names: Kashshaf Patii.	254

PEDAGOGY

Valiakhmetova, N., Akhmadullina, R., Yarmakeev, I. Opportunities and risks of using neural networks in education.	260
Gimadeeva, E. Revealing educational potential of neural network Gliglish as a linguo-information technology in teaching oral communication to students at university.	272
Yarmakeev, I., Pimenova, T., Abdrafikova, A., Khusainov, R. Longread as a tool of the edutainment technology implementation in teaching extensive reading in a foreign language.	281

UNIVERSITY LIFE

Breeva, T., Khabibullina, L. The 9th International Research Conference “National Myth in Literature and Culture”.	289
--	-----

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-7-13

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ
ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»)**

© Юйлинь Ван

**FEATURES OF REPRESENTING EMOTIONS THROUGH COLOR
ASSOCIATIONS IN A LITERARY TEXT
(BASED ON THE NOVELLA “FIRST LOVE” BY IVAN TURGENEV)**

Yulin Wang

One of the most relevant trends that interests modern language science is the study of the way the inner world of humans is encoded in literary texts through various linguistic means. At the same time, the issues of specificity of using color designations as a means of conveying emotional information in Ivan Turgenev's works remain incompletely studied.

This work comprehensively analyzes the features of verbalizing the emotive space through lexemes with the semantics of color in Ivan Turgenev's novella “First Love”. The research methods include contextual, semantic, linguistic-statistical, descriptive and psycholinguistic analyses.

In the course of our research, we examined the occurrences of color lexemes along with their quantitative and frequency characteristics in Ivan Turgenev's novella “First Love”. The article provides a classification of all identified words based on categorical-lexical themes and analyzes their specificity of associative emotive reinterpretation in the context.

Color is a key element of visually perceived objects and phenomena, playing a crucial role in humans' understanding of the surrounding world. In the context of Ivan Turgenev's literary works, color lexemes both reflect the color characteristics of the objects and enable the writer to better reflect his worldview and emotional-psychological state. They imbue the text with figurative meanings and lend it emotional and evaluative coloration.

Keywords: emotive potential, color associations, semantics, color terms, literary text, Ivan Turgenev

Одним из самых актуальных направлений, интересующих современную науку о языке, является изучение вопроса кодирования внутреннего мира человека в художественном тексте разнообразными языковыми средствами. При этом вопросы, касающиеся специфики использования цветообозначений в качестве средств передачи эмоциональной информации в произведениях И. С. Тургенева, остаются не до конца изученными.

Данная работа посвящена комплексному анализу особенностей вербализации эмотивного пространства посредством лексем с семантикой цвета в повести И. С. Тургенева «Первая любовь». Методами исследования являются контекстный, а также семантический, лингвостатистический, описательный и психолингвистический анализы.

В результате проведенного исследования рассмотрены употребление цветowych лексем в повести И. С. Тургенева «Первая любовь», их количественные и частотные характеристики, проведена классификация всех выделенных слов по категориально-лексическим темам, а также проанализирована их специфика ассоциативного эмотивного переосмысления в контексте.

Цвет является ключевым элементом визуально воспринимаемых объектов и явлений и играет важнейшую роль в процессе понимания человеком окружающего мира. В контексте художественного произведения И. С. Тургенева цветowe лексемы не только отражают цветowe признаки объектов, но и глубже отображают мировоззрение писателя, его эмоционально-психологическое состояние, они наполняют текст переносными смыслами и придают ему эмоционально-оценочную окраску.

Ключевые слова: эмотивный потенциал, цветовая ассоциация, семантика, цветообозначение, художественный текст, И. С. Тургенев

Для цитирования: Ван Юйлин. Особенности репрезентации эмоций посредством цветовых ассоциаций в художественном тексте (на материале повести И.С. Тургенева «Первая любовь») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 7–13. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-7-13

В настоящее время в лингвистической сфере одним из наиболее активно развивающихся направлений является исследование тесной взаимосвязи между человеком и языком. Это в первую очередь объясняется антропоцентрическим принципом современного языкознания. Так, по мнению российского лингвиста Т. И. Ананиной, освоение языка превращается в изучение самой говорящей личности [1].

Человек играет крайне важную роль в языковом описании, являясь не только точкой отсчёта для характеристики физических свойств окружающих объектов, но и ключом к анализу внутренней психической деятельности человека. Будь то мысли, эмоции или внутренние ощущения, человек является ядром и субъектом этих процессов. В результате этого в научных статьях и диссертациях многих исследователей начинается постепенный переход от анализа системы и структуры языка к рассмотрению новых вопросов, таких как способы фиксации и хранения знаний о мире в языке и влиянии человеческих факторов на язык и другие соответствующие проблемы.

Язык не только является инструментом коммуникации, но и представляет собой живую, постоянно развивающуюся систему, с которой человек непосредственно взаимодействует. Такое понимание языка позволяет исследователям рассматривать его комплексно, с различных точек зрения, что способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в нем, и выяснению влияния языка на когнитивную деятельность человека.

В XXI веке многие лингвисты начали рассматривать язык в контексте когнитивных исследований. Множество теорий и эмпирических исследований были направлены на переосмысление вопросов, касающихся соотношения между языком и мышлением, теоретическими знаниями и повседневным опытом, а также на изучение языковых и мыслительных структур, языковых и когнитивных процессов на различных уровнях их взаимодействия.

Изначально различные виды информации сохраняются в сознании человека в нематериальной и образной форме, и их нельзя напрямую передать от одного человека другому. Необходимо использовать язык, чтобы корректно передавать

и воспринимать информацию, облекая ее в доступную форму. Согласно высказываниям С. В. Князева, С. К. Пожарицкой, передача информации из абстрактных, ментальных форм в конкретные, звуковые проявления и обратно считается одной из важнейших ролей, выполняемых языком в человеческом мышлении. Этот процесс, несомненно, представляет собой сложную задачу [2, с. 5]. В человеческом сознании присутствует не только предметно-логическая информация об окружающем мире, но и эмоциональная, волевая и другие формы его отражения.

Во второй половине XX века многие ученые, например, К. Изард, А. Н. Леонтьев, В. Н. Телия, О. Н. Тихомиров, В. И. Шаховский и др., признали, что эмоции охватывают все виды когнитивной деятельности человека, являясь важнейшим компонентом его внутренней жизнедеятельности, и в обязательном порядке находят отражение в языке и речи. В связи с этим интерес лингвистов к эмоциональной сфере человека все более возрастает. Как подчеркивает А. С. Илинская, психологи и лингвисты за последнее время провели углубленное исследование концепта «эмоция» с разных точек зрения. Психологи со своей стороны задаются целью разобраться в природе эмоций, форме их проявления и функциях, а лингвисты сосредотачиваются на том, как язык интерпретирует, передает эмоциональные состояния и отношения [3, с. 98].

Информация об эмоциональном опыте, как и другое понимание мира людьми, может быть накоплена, сохранена, закодирована и скопирована с помощью символических средств и предоставлена для полного восприятия другими. В процессе общения мы используем языковые средства для репрезентации эмоционально-оценочной информации, а собеседник понимает наше эмоциональное состояние, анализируя эту информацию на языковом уровне. Следовательно, при изучении различных уровней языковых единиц нельзя игнорировать в них эмотивный потенциал, то есть их способность выражать эмоциональную информацию о человеке.

С учетом важности и актуальности этого объекта исследования в современной науке и обширных эмпирических данных, накопленных в области лингвистики, возникли такие понятия, как «лингвистика эмоций» и «эмотиология». По

определению В. И. Шаховского, последний термин обозначает науку «о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [4, с. 33]. Даже за последние два-три десятилетия обширное количество лингвистических исследований было посвящено проблеме эмоциональной сферы человека, в том числе статьи, монографии, диссертации и др. Однако ученые отмечают, что постижение концепта «эмоция» не имеет границ, как и само это понятие «не имеет пределов, и знания о нем бесконечны» [5, с. 160].

Языковые единицы в литературно-художественных текстах не только несут в себе функцию передачи информации, но и являются текстовым носителем духовной жизни писателя и народа той эпохи, являются символическим отображением «культурно-национального мировидения». Языковые особенности художественных произведений отражены в его богатых и разнообразных средствах выражения, уникальном повествовательном стиле, глубоком раскрытии человеческой природы и общества. Эти характеристики придают языку текста полную выразительность и привлекательность, а также позволяют читателям более глубоко постигать смысл текста в процессе чтения.

Литературовед Н. А. Мартянова отмечает, что информация, которую мы получаем в результате анализа языковых средств писателя, помогает нам более глубоко понять его творческую индивидуальность, его мнение и психические переживания и состояния (эмоции) [6, с. 79]. В данной работе мы хотели бы сосредоточиться на последней категории – эмоциях, которые имеют непосредственное отношение к психологии человека. Как мы уже упоминали ранее, эмоции латентно присутствуют во всех языковых знаках, в основном в художественных текстах. Особенность объекта темы исследования определяет необходимость использования в нашей работе именно текстовых методов: для репрезентации эмотивных тем цветообозначения и определения эмотивной структуры текстов применялись методики комплексного анализа текста и контекстуального анализа.

Благодаря обширным и глубоким исследованиям ученые раскрыли секреты процесса вербализации и передачи эмоциональной информации, высказали гипотезу о том, что в «коммуникативной ситуации любая языковая единица может приобрести статус эмотивной» [7, с. 124], то есть может выражать эмоции. Это позволило нам сделать предположение о том, что цветообозначения должны иметь в своей семантической структуре эмотивные семы в статусе потенциала. Реализация эмотивного потенциала цветовых лексем и,

соответственно, расширение их семантического объема осуществляется в различных лексико-семантических условиях и текстовых ситуациях.

Следует обратить внимание на то, что некоторыми учеными уже была предпринята попытка раскрыть тесную взаимосвязь между эмоциями и цветообозначениями. Цвет является ключевым элементом визуально воспринимаемых объектов и явлений и играет важнейшую роль в процессе понимания человеком окружающего мира. В контексте художественных произведений цветовые лексеммы не только отражают цветовые признаки объектов, но и более глубоко отображают мировоззрение писателя, его эмоционально-психологическое состояние [8, с. 328].

Ю. А. Климовских справедливо отметила, что с помощью когнитивно-прагматического анализа можно сделать вывод о том, что в контексте художественного произведения семантическое поле цветообозначения расширилось и дифференцировалось. По мнению исследователя, лексеммы со значением цвета могут выступать в роли символов психологических деталей писателя и его героев [9, с. 108]. Таким образом, цветообозначения выступают в художественных произведениях не только в прямых номинативных значениях, но и представляют собой полисемантические единицы языка, выполняющие различные функции, такие как символическая, эмоционально-оценочная, изобразительная, эстетическая и др.

Примечательно, что до настоящего времени эмотивный потенциал цветовой картины мира в творчестве И. С. Тургенева не привлекал большого внимания лингвистов в качестве самостоятельной темы исследования, и это отразилось на недостаточном освещении данного вопроса в научных публикациях. Всеми этими факторами обусловлена актуальность выбранной темы. В данной статье мы непосредственно обратимся к функционированию лексем с семантикой цветообозначения в произведениях И. С. Тургенева. Материалом исследования послужила повесть автора «Первая любовь» (1860 г.).

Если учесть, что в русском художественном тексте давно уже традиционно используются лексические единицы с семантикой цветообозначения в качестве средства интерпретации эмоционального мира героев, то произведения И. С. Тургенева не являются исключением. В своей повести писатель использует разнообразные выразительные средства языка для изображения эмоционального состояния героев, в том числе и лексические единицы с семантикой цветообозначения.

Изучение особенностей функционирования цветковых слов в повести И. С. Тургенева позволило выявить их количественные и частотные характеристики (табл. 1).

Таблица 1.

Количественные и частотные характеристики цветообозначений и их производных в повести «Первая любовь»

Микро-поля	Лексемы с основной и производной цветовой номинацией	количество	Доля %
белый	белый, белевший, бледнеть, бледный, беловатый	22	13,10
черный	черный, черномазый, вороной, вороненький, черноволосый	13	7,74
красный	красный, розовый, румяный, вспыхнуть, краснеть, кровавый, разгоряченный, кровь, алый, заалевшийся, окровавленный	31	18,45
серый	серый, седой, серенький	10	5,95
желтый	желтый, белокурый, золото, золотистый, золотой, желтоватый	14	8,33
синий	синий, лазурь, голубой, бледно-синий, синеть	6	3,57
зеленый	зеленый	5	2,98
с другим колоративным значением	пестрый, медный, порыжелый, полинялый, бурый, карий, пурпуровый, полупрозрачный, прозрачный, рыже-чалый	12	7,14
со световым значением	темный, темнота, мрак, тускнеть, тускло, сияющий, светлый, светить, яркий, темненький, огненный, ясно, дымный, неяркий, заря, загораться, блестеть, лунный, потемневший, мрачный, огонь, ночной, свет, полумрак, вечерний, тень, мрачно	55	32,74

В повести «Первая любовь» содержатся 168 лексем для наименования разнообразных цветов и оттенков. Все лексические единицы, включающие в семантике цветоименования, входят в состав индивидуально-авторского лексико-семантического поля цветообозначений, среди которых, как мы показали в таблице, наиболее часто встречающимися микрополями являются «красный» – 31 раз (18,45% от общего числа), «белый» – 22 раза (13,10%), «желтый» – 14 раз (8,33%), «черный» – 13 раз (7,74%), «серый» – 10 раз (5,95%), «синий» – 6 раз (3,57%) и «зеленый» – 5 раз (2,98%). Однако в повести И. С. Тургенев нередко допускает использование смешанных и производных цветов, которые в тексте представлены прилагательными *пестрый*, *прозрачный*, *рыже-чалый*, *полинялый* и др. Также в данном произведении активно употребляется особая группа цветковых лексем, в том числе слова *яркий*, *мрачный*, *дымный*, *сияющий*, *светлый*, *темный*, в семантике которых содержатся такие значения, как яркость, передача степени насыщенности света, интенсивность окраски. По мнению И. А. Герасименко, такие лексические единицы имеют неконкретное спектральное значение, в определенных контекстах осмысливаются как средства представления семантики, близкой к темным и светлым цветам (*светлый* (= *белый*), *темный* (= *черный*)) [10, с. 33].

Анализ позволил сделать вывод о том, что языковые единицы, выражающие цветное восприятие, относятся к различным частям речи, большинство среди них являются прилагательными. Кроме того, представлены глаголы с отвлеченной признаковой семантикой цвета (*светиться*, *потемнеть*, *краснеть*, *бледнеть*), а также существительные, сочетающие в семантической структуре семы цвета со значением признака предмета или явления, с учетом визуально-эмпирического аспекта определенный цвет является неотъемлемым признаком тех или иных объектов (*кровь* – *красный*, *золото* – *желтый*, *огонь* – *светлый* или *красный*). Все эти слова иллюстрируют многообразие лексических средств, изображающих цветовую картину мира произведения И. С. Тургенева.

По мнению Н. В. Шелеповой, кодирование эмоциональной информации на всех уровнях художественного текста может осуществляться посредством экспликации эмотивного потенциала в семантической структуре цветообозначений и сопровождается приращением смыслов, а также реализацией переносных и символических значений [11, с. 6]. Как показывают материалы исследования, в повести И. С. Тургенева цветковым

значением наделены изображения разных предметов, такие как:

1. лица: *белое лицо, румяное лицо, светлые глаза, бледные губы, ясный взгляд* и др.;
2. части тела человека, детали его одежды и носимых вещей: *розовое платье, темное платье, белый платочек, красные пальцы, пестрая гаусная косынка* и др.;
3. реалии окружающей среды: *темное небо, полупрозрачная мгла, черные тучи, ночная темнота, темная комната* и др.

Лексические единицы со значением цвета, с одной стороны, помогают создавать эмоциональную атмосферу сюжета, стимулируют у читателя целый ряд ассоциаций, объединенных сходной эмоциональной окраской; с другой – характеризуют личность персонажей и их эмоциональные состояния, а также передают отношение автора к героям. С помощью описательных конструкций с компонентом «цвет» читатели могут наблюдать внутренний мир персонажей и лучше понимать подтексты и эмотивные смыслы художественных произведений.

Рассмотрим несколько основных эмоциональных ситуаций, описываемых в повести «Первая любовь» с помощью цветообозначения: *Она до того была бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась в каждой ее черте...* [12, с. 108]; *На ней было белое платье – и сама она, ее лицо, плечи, руки – были бледны до белизны*» [Там же, с. 122] (здесь и далее разрядка наша – Ю. В.). Одним из уникальных художественных средств, участвующих в создании цветового образа и эмоциональной атмосферы сюжета, соответственно, является цветовая ассоциация. По мнению Е. В. Абакумовой, цвет или сочетание цветов могут вызвать различные воспоминания и связанные с ними психологические реакции [13, с. 148]. При изображении образа Зинаиды автор повторно использует однокоренные слова *бледный, белый* и *белизна* в контекстуальных условиях, во взаимодействии с эмотивными единицами *печаль, усталость* в семантике этих цветообозначений представлен эмотивный потенциал.

В «Словаре символов», составленном Д. Трессидером, белый цвет, с одной стороны, может ассоциироваться с чистотой, истиной, невинностью, а с другой – имеет и такие негативные значения, как страх, печаль, холодность, пустота [14]. Пересечение этих смыслов в образе Зинаиды раскрывает ее внутренний мир: девушка с чистой душой и непередаваемым отпечатком грусти, любви и какого-то отчаяния.

Кроме этого, активное употребление лексем с семантикой цветообозначения «белый» при ин-

терпретации эмоции «печаль» можно обосновать с физиологической точки зрения. Эмоции тесно связываются с организмом человека, всегда влияют на его физиологический и психологический процессы: сильная печаль влияет на общий уровень активности мозга, приводит к похуданию и истощению [15, с. 9].

Оттенки цвета кожи могут тесно связываться с эмоциональными состояниями человека: красный часто показывает такие эмоции, как *гнев, смущение и грусть*, белый – *страх, печаль, удивление*, а черный – *тоска, зависть, угнетенность и неуверенность*. Например, *Он красен, как рак ... Отчего она такая бледная? ездил верхом целое утро – и бледная?* [12, с. 120]. Таким образом, выражение эмоций персонажей через цветовые слова основывается на взаимодействии подходов метафоры и гиперболы, при этом осуществляется актуализация эмотивных сем в статусе коннотации.

В произведениях И. С. Тургенева природные элементы (*небо, огонь, дерево, туман, облако* и др.) являются параллелью духовности человека, они имеют важное значение в характеристике личности персонажа. Автор в своей работе активно использует разнообразные выразительные средства языка для изображения картины природы, чтобы создать эмоциональный фон истории. Например:

Шесть окон раскрыты сверху донизу, от потолка до полу; а за ними темное небо с большими звездами да темный сад с большими деревьями. Королева глядит в сад. Там, около деревьев, фонтан: он белеет во мраке – длинный, длинный, как привидение [Там же, с. 126].

Как показал наш анализ, в цветовой картине мира исследуемой прозы в количественном плане лексем с семантикой яркости, блеска являются первостепенными, поскольку составляют 32.74% от общего числа цветообозначений. По мнению С. В. Кезиной, в словах данной группы существуют «световые семы», они выражают наличие света и его отсутствие [16, с. 14]. Эта группа цветообозначений особенно маркирована и экспрессивна в художественном пространстве писателя. Темный, как традиционный цвет ночи и смерти, символизирует *грусть, страдание, сомнение* и *духовные терзания*, передает эмоциональное состояние Зинаиды, которая не смогла противостоять любви и уже осознала свой трагический конец. В фантазии Зинаиды показывается тургеневская концепция любви: она часто приносит людям страдание, что приводит к утрате внутренней свободы, превращает человека в раба.

Эмоциональные сферы являются абстрактными, расплывчатыми и трудно выразимыми, поэтому исследователям так важно обращать внимание на средства репрезентации эмоций в языке. В художественном тексте для интерпретации эмоциональных состояний героев можно использовать различные языковые средства, в том числе и лексические единицы с семантикой цветообозначения.

Согласно изученному фактическому материалу, лексемы с семантикой цветообозначения в нашем исследовании подразделяются на слова, обозначающие основные цвета (*красный, белый, черный, желтый* и др.), называющие сложные (составные) и производные цвета (*пестрый, порыжелый, полинялый, прозрачный, рыже-чалый* и др.), а также слова со значением яркости, степени насыщенности света.

Проанализированные примеры показали, что И. С. Тургенев при использовании цветовых лексем для объективации внутренних переживаний героев в большинстве ситуаций придерживается устоявшихся традиций. Лексические единицы с семантикой цветообозначения под влиянием эмоционального контекста могут приобретать соответствующие символические значения и демонстрируют различные эмоциональные переживания персонажей, делают художественный текст более образным и экспрессивным.

Цветовой образ позволяет эффективно кодировать большой объем различной информации, в том числе эмоциональной. В художественном тексте лексические единицы с семантикой цветообозначения позволяют проецировать внутренний мир человека на его физиологические реакции и на внешний мир, что помогает заинтересовать читателей и заставляет их переживать вместе с героями.

Список источников

1. Ананина Т. В. Эмоции и языковая картина мира // Вестник КАСУ. 2006. № 2. URL: <https://www.vestnik-kafu.info/journal/6/210/> (дата обращения: 24.12.2023).
2. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография. М.: Изд-во МГУ, 2004. 310 с.
3. Илинская А. С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке // Ползуновский вестник. 2006. №3-2. С. 98–105
4. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 49. С. 29–43.
5. Шаховский В. И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: ма-

териалы Междунар. конф. М. – Ярославль: Изд-во «Канцлер». 2018. С. 145–162.

6. Мартыанова Н. А. Особенности объективации эмоциональных состояний посредством цветообозначений (на материале произведений А. И. Куприна) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (26). С. 79–84.

7. Ионова С. В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124–131.

8. Лысцова Ю. А. Особенности семантики цветообозначений в постмодернистских текстах В. О. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Выпуск 6. С. 328–332.

9. Климовских Ю. А. Цветообозначения как способ семантической интерпретации психологических деталей в описании портрета в произведениях О. Уайльда // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 68. С. 108–112.

10. Герасименко И. А. Средства вербализации цветовой картины мира (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия») // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2015. № 2. С. 30–36.

11. Шелепова Н. В. Контекстуальная эмотивность единиц лексико-фразеологического поля «цвет»: на материале англоязычной художественной прозы XX века: автореф. дис... канд. филол. наук: Волгоград, 2007. 21 с.

12. Тургенев И. С. Первая любовь: повести. М.: Дет. лит., 2011. 317 с.

13. Абакумова Е. В. Цвет как средство выражения в живописи и музыке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 148–154.

14. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. URL: https://lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBLES.pdf (дата обращения: 24.02.2024)

15. Аверина Д. И., Трубина И. С. «Цветные фразеологизмы»: физиология эмоций // Слово – эхо мысли!: Сборник студенческих научных работ и эссе (к 100-летию Приволжского исследовательского медицинского университета). 2020. Нижний Новгород. С. 9–12.

16. Кезина С. В. Эволюция семантики цветообразования в соответствии с законом расширения семантического объема слова // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2008. № 1. С. 14–21.

References

1. Ananina, T. V. (2006). *Emotsii i yazykovaya kartina mira* [Emotions and Linguistic Picture of the World]. Vestnik KASU, No. 2. URL: <https://www.vestnik-kafu.info/journal/6/210/> (accessed: 24.12.2023). (In Russian)
2. Knyazev, S. V., Pozharitskaya, S. K. (2004). *Sovremennyyi russkii literaturnyi yazyk. Fonetika, grafika, orfografiya* [Modern Russian Literary Language. Phonet-

ics, Graphics, Spelling]. 310 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)

3. Ilinskaya, A. S. (2006). *Znakovaya tipologiya yazykovykh edinits, reprezentiruyushchikh emotsii v angliiskom yazyke* [Sign Typology of Linguistic Units Representing Emotions in English]. *Polzunovskii vestnik*, No. 3–2, pp. 98–105. (In Russian)

4. Shakhovskii, V. I. (2009). *Emotsii kak ob"ekt issledovaniya v lingvistike* [Emotions as an Object of Research in Linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki*, No. 3–2, pp. 29–43. (In Russian)

5. Shakhovskii, V. I. (2018). *Kommunikatsiya v emotsional'noi sfere cheloveka: ekologicheskii i emotsional'nyi intellekt* [Communication in the Emotional Sphere of Man: Ecological and Emotional Intelligence]. *Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya: materialy Mezhdunar. konf.*, pp. 145–162. Moscow, Yaroslavl', izd-vo "Kantsler". (In Russian)

6. Mart'yanova, N. A. (2013). *Osobennosti ob"ektivatsii emotsional'nykh sostoyanii posredstvom tsvetooboznachenii (na materiale proizvedenii A. I. Kuprina)* [Features of Objectification of Emotional States through Color Designations (based on the works of A. Kuprin)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 5 (26), pp. 79–84. (In Russian)

7. Ionova, S. V. (2019). *Lingvistika emotsii – nauka budushchego* [Linguistics of Emotions as Science of the Future]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 1 (134), pp. 124–131. (In Russian)

8. Lystsova, Yu. A. (2019). *Osobennosti semantiki tsvetooboznachenii v postmodernistskikh tekstakh V. O. Pelevina* [Features of the Semantics of Color Terms in Postmodern Texts by V. Pelevin]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, T. 12, Vypusk 6, pp. 328–332. (In Russian)

9. Klimovskikh, Yu. A. (2010). *Tsvetooboznacheniya kak sposob semanticheskoi interpretatsii psikhologicheskikh detalei v opisanii portreta v proizvedeniyakh O. Uail'da* [Color Terms as Means of Semantic Interpretation of Psychological De-

tails in Portrait Description in Works of O. Wilde]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, No. 68, pp. 108–112. (In Russian)

10. Gerasimenko, I. A. (2015). *Sredstva verbalizatsii tsvetovoi kartiny mira (na materiale proizvedeniya M. Bulgakova "Belaya gvardiya")* [Color Worldview Verbalization in M. Bulgakov's "The White Guard"]. *Vestnik RUDN, seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, No. 2, pp. 30–36. (In Russian)

11. Shelepova, N. V. (2007). *Kontekstual'naya emotivnost' edinits leksiko-frazeologicheskogo polya "tsvet": na materiale angloyazychnoi khudozhestvennoi prozy XX veka: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Contextual Emotiveness of Units of the Lexical-Phraseological Field "Color": Based on English Literary Prose of the 20th Century: Doctoral Thesis Abstract]. *Volgograd*, 21 p. (In Russian)

12. Turgenev, I. S. (2011). *Pervaya lyubov': povesti* [First Love: Stories]. 317 p. Moscow, Det. lit. (In Russian)

13. Abakumova, E. V. (2015). *Tsvet kak sredstvo vyrazheniya v zhivopisi i muzyke* [Color as a Means of Expression in Painting and Music]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, No. 4 (168), pp. 148–154. (In Russian)

14. Tresidder, D. (2001). *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Moscow, Fair-Press. URL:

15. https://lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBLES.pdf (accessed: 24.02.2024). (In Russian)

16. Averina, D. I., Trubina, I. S. (2020). *"Tsvetnye frazeologizmy": fiziologiya emotsii* ["Color Phraseological Units": Physiology of Emotions]. *Slovo – ekho mysli! : Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot i esse (k 100-letiyu Privolzhskogo issledovatel'skogo meditsinskogo universiteta), Nizhnii Novgorod*, pp. 9–12. (In Russian)

17. Kezina, S. V. (2008). *Evolutsiya semantiki tsvetoobrazovaniya v sootvetstvii s zakonom rasshireniya semanticheskogo ob"ema slova* [Evolution of Color Designation Semantics According to the Law of Expansion of Semantic Volume of a Word]. *Vestnik RUDN, seriya Lingvistika*, No. 1, pp. 14–21. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2024

Поступила в редакцию 15.05.2024

Ван Юйлин,

аспирант,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

yulin0817@126.com

Wang Yulin,

graduate student,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

yulin0817@126.com

УДК 811.51/930.85

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-14-23

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ТЮРКОЛОГА АХМЕТА ТЕМИРА

© Искандер Гилязов

NEW FACTS FROM THE BIOGRAPHY OF TURKOLOGIST AHMET TEMIR

Iskander Gilyazov

The article deals with new sources from the Archives of the Humboldt University in Berlin, which allow us to present in detail the defense procedure of the famous turkologist Ahmet Temir's thesis. Ahmet Temir entered the University of Berlin in 1936 and studied there for nine semesters. His thesis was ready by the spring of 1941. In particular, the article presents what documents were submitted by the applicant to the university, what reviews were written on his thesis, and how he passed the oral examination. German researchers confirmed the high scientific quality of Akhmet Temir's thesis, which, in their opinion, besides having a serious linguistic base, was also truly innovative research, deserving high praise and setting new trends in Turkology. This peer-reviewed study was supported by experienced scholars. The thesis was submitted for defense in the very first phase of World War II; so, the political and military events had an impact on the defense procedure, as well as on the prospect of the thesis publication, which was eventually published only long afterwards, in 1956. The procedure itself included two stages - an oral examination and a public defense of the thesis - and lasted for two whole years - Ahmet Temir received his Ph.D. degree only in July 1943.

Keywords: Ahmet Temir, Turkology, University of Berlin, thesis defense, Old Turkic language

В статье речь идет о некоторых новых источниках из архива университета им. Гумбольдта в Берлине, позволяющих детально представить процедуру защиты диссертации известным тюркологом Ахметом Темиром. Ахмет Темир поступил учиться в Берлинский университет в 1936 году и обучался здесь в течение девяти семестров. Его диссертация в целом была готова к весне 1941 года. В статье представлено, какие документы были поданы соискателем в университет, какие рецензии были написаны на его диссертацию, как он сдавал устный экзамен. Немецкие исследователи подтвердили высокое научное качество диссертации Ахмета Темира, которая, по их мнению, имела не только серьезную языковую базу, но и стала по-настоящему новаторским исследованием, заслуживающим высокой оценки. Опытные ученые поддержали рецензируемое исследование. Диссертация была представлена к защите в самый первый этап Второй мировой войны, и политические и военные события в целом оказали свое влияние на процедуру защиты, а также и на перспективу публикации диссертации, которая в итоге была опубликована лишь много времени спустя, в 1956 году. Сама процедура включала в себя два этапа – сдачу устного экзамена и публичную защиту диссертации – и растянулась на целых два года – диплом доктора философии Ахмет Темир получил только в июле 1943 года.

Ключевые слова: Ахмет Темир, тюркология, Берлинский университет, защита диссертации, древнетюркский язык

Для цитирования: Гилязов И. Некоторые новые факты из биографии тюрколога Ахмета Темира // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. №2 (76). С. 14–23. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-14-23

Имя Ахмета Темира (1912–2003), выдающегося ученого-тюрколога, достаточно хорошо известно не только узкому кругу специалистов – в последние десятилетия в Татарстане проводились мероприятия, посвященные его памяти, из-

давались статьи и книги, о нем не раз рассказывалось в средствах массовой информации [1], [2], [3], [4], так что компетентному и любознательному читателю оно знакомо не понаслышке. В публикациях затронуто немало самых разных

этапов его извилистой и непростой биографии, в том числе и период его пребывания в Германии в 1930 – начале 1940-х гг., где он занимался научной работой. И сам ученый в воспоминаниях довольно-таки подробно рассказал о некоторых фактах своей общественной и научной деятельности в Германии в то время [5].

Когда я занимался изучением феномена коллаборационизма в годы Второй мировой войны, мне довелось обратить внимание на фигуру Ахмета Темира, тем более что в начале войны Германии против Советского Союза он был тесно связан со многими представителями татарской эмиграции и коллаборационистами и даже вовлечен в некоторой степени в ту авантюру, которую Германия развернула в 1941–1942 гг., создав в составе вермахта Восточные легионы, в том числе и легион «Идель-Урал» из представителей народов Поволжья и Приуралья [6].

Некоторых достоверных источников в моем распоряжении на тот момент не было, поэтому в своих публикациях я допустил досадную неточность, говоря о научной деятельности Ахмета Темира, и отметил, что свою диссертацию он защитил 17 июня 1941 г. в Гамбургском университете. Как оказалось, не в Гамбургском университете и не 17 июня... Именно эта оплошность и стала определенным толчком для написания данной статьи, тем более что некоторое время назад мне довелось поработать в архиве университета им. Гумбольдта в Берлине и обнаружить там новые и весьма любопытные материалы, которые практически во всех деталях представляют «эпопею» с защитой диссертации Ахметом Темиром.

Именно этот сюжет хотелось бы мне осветить в этой публикации.

Но для общего представления немного предварительной информации о том, каким образом и почему Ахмет Темир оказался в Германии в самый темный период ее истории. Представить это лучше всего на основе его собственных воспоминаний.

После своего прибытия, фактически бегства, из СССР в Турцию в 1929 г. Ахмет Темир обучался в Стамбуле и Анкаре. Вполне естественно, что он тесно общался со своими земляками, проживавшими и работавшими в этой стране. Среди них особо выделяю Акдеса Нимета Курата и Рашита Рахмати Арата, которые имели опыт обучения в немецких университетах. Можно уверенно полагать, что это общение и подтолкнуло молодого ученого к мысли отправиться в Германию для продолжения учебы, так как немецкая школа тюркологов и монголоведов имела богатую историю и высокий авторитет в научном мире.

В июле 1936 г. Ахмет Темир прибыл в Берлин. До октября месяца он посещал языковые курсы при Высшей школе по изучению зарубежных стран, которая являлась подразделением Берлинского университета, а 6 октября стал студентом философского факультета университета, где и обучался в течение девяти семестров. Основным направлением его учебы являлась тюркология – тюркские языки и история. Однако научные интересы молодого ученого были достаточно широки: судя по его воспоминаниям, в разное время он посещал, например, такие курсы, как «Введение в венгерское языкознание» и «История венгерской литературы» (профессор Юлиус Фаркаш), «Государство и общество в России» (профессор Ханс Юберсбергер), «Происхождение и распространение славян» (профессор Макс Фасмер), «Турецкий язык» (профессор Рихард Хартманн), «Уйгурский язык» (профессор Вальтер Бьоркманн) [5, с. 165].

Особую роль в научной карьере Ахмета Темира, в том числе и в защите им диссертации, сыграли два видных немецких исследователя – Аннемари фон Габейн и Рихард Хартманн.

Аннемари фон Габейн (1901–1993) (см. о ней подробнее: [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13]) была одним из крупнейших тюркологов и синологов Германии еще в довоенное время. Она активно занималась турфанскими рукописями, ее докторская диссертация была посвящена древнетюркскому языку и защищена в 1939 г. А. фон Габейн являлась автором многочисленных публикаций по истории и языкам народов Центральной Азии. Любопытно отметить, что в годы Второй мировой войны она как языковед проводила исследовательскую работу среди советских военнопленных. В результате в 1945 г. в Лейпциге была издана ее монография «Узбекская грамматика» [14].

Уже по окончании войны А. фон Габейн имела серьезные проблемы из-за ее лояльности к режиму (она состояла в нацистской партии с 1939 г.). Однако решением президиума Прусской Академии наук от 11 июля 1945 г. она была оставлена в составе Академии как один из «уникальных и фактически незаменимых» специалистов, тогда как многие члены этого учреждения были вынуждены покинуть его в процессе денацификации послевоенной германской науки. В случае с А. фон Габейн было подчеркнуто: «оставить на службе Академии, чтобы она сохраняла немецкую науку, но при условии, что она будет обязана заниматься исключительно своей научной деятельностью» как «специалист по ряду языков, знание которых в мире встречается крайне редко и имеет первостепенное значение» [15, с. 29–30].

В послевоенные десятилетия А. фон Габейн работала в Гамбургском университете и опубликовала немало фундаментальных тюркологических исследований [16], [17], [18], [19]. Уже в новейшее время одна из ее работ была опубликована в русском переводе [20].

Ахмет Темир, познакомившийся в А. фон Габейн летом 1937 г., в своих воспоминаниях привел важнейшие факты из ее биографии и очень высоко оценил ее роль в развитии науки, отметив, что именно она укрепила его в решимости и далее заниматься тюркологией. «Хотя она и не была турчанкой, но она умела думать потюркски по каждому вопросу, потому что она была серьезным ученым, любившим тюркский мир, испытывавшим бесконечную любовь к его языку и в то же время знавшим все методы западной науки», – написал он о Марьям-апа (так тепло и дружески именовали А. фон Габейн многие турецкие исследователи) [5, с. 170].

Рихард Хартманн (1881–1965) – авторитетный немецкий арабист и исламовед (см. о нем: [21], [22]). До 1936 г. работал в университетах Лейпцига, Кёнигсберга, Гейдельберга и Гёттингена, а с 1936 г. в Берлинском университете. В своей исследовательской карьере занимался широким кругом самых разных проблем, таких как происхождение исламской мистики, история мамлюков в Египте, ранняя история ваххабизма, общие вопросы истории ислама, возникновение и эволюция турецкого национализма и пр. [23], [24], [25], [26], [27].

Отмечу также, что Р. Хартманн, как и А. фон Габейн, в годы Второй мировой войны в некоторой степени оказался связан с советскими военнопленными – правда, не с исследовательскими, а больше с политическими целями: он стал одним из организаторов и преподавателей школы военно-полевых мулл в Дрездене (об этой школе см.: [6, с. 313–316], [28]; о роли Р. Хартманна в деятельности этой школы см.: [29, с. 335]).

После поступления в Берлинский университет Ахмет Темир посещал занятия Рихарда Хартманна по арабскому и турецкому языкам. Очень коротко и емко описал он его в своей книге: «Вспоминаю его как настоящего профессионала, относящегося к нам чисто по-отечески, и как он с пожелтевшими от табака усами читал нам произведение „Сорок визирей“» [5, с. 174].

Вернемся теперь непосредственно к защите диссертации Ахметом Темиром. Она состояла из двух этапов – сдачи устного экзамена и собственно защиты.

В начале 1939 г., согласно его воспоминаниям, А. Темир обсудил с Аннемари фон Габейн перспективы написания диссертации. Она пред-

ложила работу над темой «Наречия в древнетюркском языке». К этой теме склонялся и сам диссертант. Но после некоторой ее проработки и углубления в нее он все же сам решил изменить тему исследования и назвал ее «Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen» («Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке»). «Таким образом, я пошел по пути исследования и изучения науки со свободной мыслью, без какого-либо давления или приказа» – так сам Ахмет Темир оценил свое решение о начале работы над темой [Там же, с. 194].

К весне 1941 г. работа над диссертацией была завершена, А. Темир был готов к ее защите. Для получения степени доктора он должен был обязательно пройти две стадии – устный экзамен и собственно защиту. Разница между двумя стадиями у А. Темира составила почти два года.

4 апреля 1941 г. декан философского факультета Берлинского университета Херманн Грапов¹ обратился с официальным письмом на имя министра науки, воспитания и народного образования Бернхарду Русту и ректора университета Лотара Кройца с просьбой о допуске гражданина Турции Ахмета Темира к получению степени доктора философии. Очевидно, что в Германии того времени существовала определенная общая процедура в этих вопросах, поскольку в обращении делается ссылка на указ от 15 марта 1938 г. о допуске иностранцев к сдаче экзаменов и защите диссертаций. Декан предложил удовлетворить заявление и сообщил, что Темир обучался в университете в течение девяти семестров [30, л. 363].

В тот же день декан Х. Грапов отправил оригинал заявления А. Темира на разрешение об оплате взноса за сдачу устного экзамена Аннемари фон Габейн с просьбой выразить мнение об этом [Там же, л. 364]. А. фон Габейн довольно быстро отреагировала на просьбу декана и одобрила за-

¹ Херманн Грапов (1885–1967) – крупный немецкий египтолог, специалист по древнеегипетскому языку. С 1938 г. профессор Берлинского университета. С июня 1940 г. декан философского факультета. С весны 1943 г. проректор и одновременно до 1945 г. вице-президент Прусской Академии наук. Состоял членом НСДАП и активно участвовал в партийной жизни. В процессе денацификации после 1945 г. он объяснял свою политическую активность как «борьбу с режимом для защиты науки». В послевоенной Германии тем не менее не подвергся серьезным репрессиям. В 1947 г. был одним из основателей Института востоковедения Немецкой Академии наук в Берлине, который возглавлял с 1956 по 1962 г., а в 1953 и 1959 гг. даже стал лауреатом национальной премии ГДР [15, с. 32–33].

явление А. Темира – 7 марта декан сообщил об этом куратору университета [Там же, л. 365].²

Некоторое время заявление А. Темира рассматривалось в Министерстве науки, воспитания и народного образования и 22 апреля 1941 г. было министерством одобрено, о чем заявителю сообщил декан Х. Грапов 3 мая [Там же, л. 367].

Первая, формальная часть пути, связанная с официальными разрешениями, как видим, была пройдена довольно быстро.

7 мая 1941 г. декан вновь обратился к А. фон Габейн – на этот раз с предложением стать рецензентом диссертации – и отметил при этом, что, согласно предписанию ректора, только в случае получения диссертантом оценки по меньшей мере «хорошо» он будет освобожден от оплаты взноса за сдачу устного экзамена [Там же, л. 368]. 11 мая А. фон Габейн поблагодарила декана за «оказанное доверие» и сообщила о своем намерении обсудить это тотчас с профессором Рихардом Хартманном, которому была предложена роль второго рецензента [Там же, л. 369].

20 июня 1941 г. Ахмет Темир написал заявление на имя декана философского факультета с просьбой принять его диссертацию на тему «Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке» к защите. Он отметил, что все необходимые для этого документы он представил и просил допустить его к сдаче экзамена по предметам «тюркология» и «монгольский язык», а в качестве дополнительного предмета назвал «китайский язык» [Там же, л. 355]. Для сдачи экзамена и допуска к защите, кроме всего прочего, кандидат должен был принести своеобразную «клятву», что А. Темир сделал в тот же день: «Под присягой заявляю, что я написал диссертацию на тему „Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке“ самостоятельно и без неразрешенной посторонней помощи, и клянусь, что нигде больше она не предложена для защиты, а также заверяю, что ни части ее, ни диссертация целиком нигде не опубликованы» [Там же, л. 356].

К заявлению была приложена короткая автобиография кандидата [Там же, л. 357], в которой перечислены в целом известные факты – год и место рождения, учеба в Турции, прибытие в Германию, поэтому выделю здесь только некоторые, заслуживающие внимания моменты. Ме-

стом своего рождения А. Темир назвал Эльмет (современный Альметьевск) с припиской «Казанская губерния. Поволжье», причем школу, в которой он обучался, назвал «турецкой», а не татарской.

Примечательно, что после прибытия в Германию он, по его словам, «по поручению господина имперского министра воспитания и руководителя Высшей школы по изучению зарубежных стран» преподавал татарский язык. Позднее «это поручение было передано на факультет изучения зарубежных стран», где он работал лектором татарского языка.³

В тот же день, 20 июня 1941 г., Аннемари фон Габейн представила на факультет развернутую рецензию на диссертацию Ахмета Темира [30, л. 358–360].

В рецензии особо отмечается оригинальность и значимость работы молодого исследователя, который «исследовал все неопубликованные рунические надписи и турфанские рукописи и нашел необходимым для характеристики введения в предложения исследовать все союзы, а также и выражения, связывающие слова». Рецензент отметила в качестве достоинства диссертации фактическое открытие А. Темиром факта, что «древнетюркский язык, язык надписей, использует очень малое количество союзов, которые выражаются в нем через отглагольные существительные (*Verbalnomina*? – *И. Г.*) в косвенном падеже». По мнению А. фон Габейн, «древнетюркский язык, в отличие от многих современных диалектов, педантично внимателен в различии между законченными глагольными формами и конвербами (незаконченные формы глагола. – *И. Г.*), совершенно правильно и важно, что господин Темир рассмотрел кроме отдельных слов и целые конструкции: первая часть его работы содержит чисто описательно все встреченные им введения в предложения, связующие слова, вместе со всеми их конструкциями в структуре предложений. Во второй части кандидат основательно исследует отдельные слова. Он приводит другие диалектные формы и их значение и упоминает прочие функции союзов (чем те, которые рассматривались в первой части) с целью максимально ясно представить природу каждого этого слова. При наличии он подтверждает примерами слов из монгольских или тунгусских диалектов».

² Должность куратора существовала в немецких университетах до 1945 г. Куратор являлся официальным представителем министерства науки и осуществлял надзор за деятельностью университета, в особенности за финансовой деятельностью и персоналом.

³ Две названные А. Темиром структуры юридически относились к Берлинскому университету – *Ausland-Hochschule* (Высшая школа по изучению зарубежных стран, до 1940 г.) и *Auslandwissenschaftliche Fakultät* (Факультет изучения зарубежных стран, с 1940 г.). См. об этом: [31].

«Вся работа господина Темира, – отметила рецензент, – выполнена с основательностью и критичностью. В стремлении ничего не упустить он рассматривает и то, что выходит за рамки темы».

В качестве не принципиальных недостатков работы А. фон Габейн выделила два: во-первых, то, что «иногда господину Темиру сложно отличить типичное и обычное от случайного» (и это было связано с тем, что немецкий язык для диссертанта не являлся родным), во-вторых, недостаток, связанный с характеристикой работ предшественников: диссертанту «не удавалось порой ясно представить мнение авторов, которых он хотел процитировать и представить отличие их позиций от его собственной».

Резюмируя свою рецензию, А. фон Габейн подчеркнула, что А. Темир «выполнил полезную работу, которую в будущем не может обойти вниманием любой, кто будет заниматься введением в предложения, или же, в общем плане, соединениями, природой и происхождением придаточных предложений в тюркских языках. На его представление можно абсолютно положиться, оно обосновано, точно или критично. Его выводы проницательны, и при этом осторожны и в большинстве своем могут считаться убедительными». В качестве итоговой оценки рецензент предложила поставить «хорошо».

Пятница, 20 июня 1941 г., оказалась для А. Темира очень насыщенной – в тот же день появилось официальное уведомление об экзамене на соискание докторской степени. Для этого существовал типографский распечатанный стандартный формуляр с конкретными пунктами [Там же, л. 361].

В документе отмечено, что «кандидат Ахмет Темир подал заявление на сдачу экзамена по предмету: „тюркское языкознание и монгольский язык“». К нему были приложены автобиография, письменная гарантия кандидата, что «он написал диссертацию самостоятельно без посторонней помощи, больше нигде не представил ее на рецензию, и ни диссертация, ни ее части не были опубликованы».

Пункт «Регистрация об окончании (или полицейская справка об окончании учебы)» подтверждал, что «кандидат во время подачи ходатайства еще числится обучающимся».

Отмечено было также, что приложены к уведомлению свидетельства об учебе (аттестат зрелости), об окончании лицея Хайдар-паша Стамбул от 3 февраля 1936 г., сдаче квалификационного экзамена по латинскому языку в Высшей школе по изучению зарубежных стран 29 марта 1938 г.

В документе сообщалось, что А. Темир в течение девяти семестров обучался в Берлинском университете, в результате чего написал диссертацию на тему «Союзы и введения в предложения в древнетюркском языке».

В резолюции на уведомление декан Х. Грапов просил профессоров А. фон Габейн и Р. Хартманна «оценить диссертацию и поставить соответствующую оценку», хотя, как мы видели выше, положительная рецензия А. фон Габейн в тот же день уже была представлена на факультет.

На следующий день, в субботу, 21 июня 1941 г., куратор университета известил декана Х. Грапова, что своим циркуляром от 14 июня министр науки, воспитания и народного образования «разрешил покрыть все взносы за экзамен гражданину Турции Ахмету Темиру». Правда, эту новость сам Темир узнал из сообщения декана только 25 июня [Там же, л. 370–371].

26 июня 1941 г. свою рецензию на диссертацию представил Рихард Хартманн. Он отметил научную смелость и старательность ученого, взявшегося за сложную тему из области тюркской грамматики и создавшего в итоге «крепкую основу для дальнейших исследований». Сложность поставленной проблемы он видел в том, что «грамматическая терминология в области тюркологии отнюдь не однородна и, более того, находится в чрезвычайно быстром движении».

Заключая свою рецензию, Р. Хартманн подчеркнул: «Господин Темир продемонстрировал в своей работе качества, которые я ценю в нем особенно: большое усердие, настоящая научная добросовестность, неспешность и рассудительность в суждениях. Результат, основанный на очень хороших знаниях, несомненно, способствует решению проблемы». Рецензент считал работу достойной оценки «хорошо» [Там же, л. 362].

17 июля 1941 г. состоялся устный экзамен. В составе комиссии были два рецензента – Аннемари фон Габейн, Рихард Хартманн, а также профессор Эрих Хэниш.⁴

Устный экзамен был весьма содержательным и сложным, фактически Ахмет Темир сдавал его по трем дисциплинам: «тюркология», «синология» и «монголоведение». Судя по протоколу, ему были заданы различные вопросы, прежде всего прочтение и интерпретация текстов на раз-

⁴ Хэниш, Эрих (1880–1966), известный китаевед и монголовед, в 1932–1945 гг. профессор Берлинского университета. После войны работал в Мюнхенском университете. Исследовал китайско-монгольские двуязычные памятники, был авторитетным специалистом по истории средневековых Китая и Монголии. См. о нем: [32].

личных языках – уйгурском, китайском и монгольском. За каждую «часть» экзамена выставлялись отдельные оценки: за тюркологическую соискатель получил оценку «очень хорошо», за китайскую – «хорошо» и «удовлетворительно», за монгольскую – «хорошо». В итоге экзаменаторы пришли к мнению, что в целом за устный экзамен А. Темир достоин общей оценки «очень хорошо» [30, л. 363]. Любопытно, что в книге воспоминаний сам А. Темир называет в качестве даты сдачи устного экзамена 17 июня [5, с. 195], хотя в документе от 4 апреля 1942 г. он приводит дату 17 июля [30, л. 372].

Так для А. Темира завершился первый этап на пути к получению степени доктора философии.

В довоенной Германии для получения степени доктора необходима была публикация текста диссертации, однако с началом Второй мировой войны данное условие было отменено, достаточно было распечатать несколько ее экземпляров и предоставить декану [5, с. 194]. Понятно, что такое изменение правил значительно облегчило А. Темиру прохождение процедуры защиты. Однако уже после защиты он приложил определенные усилия, чтобы издать диссертацию в виде книги.

В том же самом фонде Архива университета им. Гумбольдта, кроме источников, связанных с защитой диссертации, отложились и документы, которые представляют и этот любопытный сюжет. И вот какая картина при этом вырисовывается.

Судя по всему, А. Темир после устного экзамена взял некоторую паузу в научной работе, которую в воспоминаниях он объяснял своей политической активностью: работой в лагерях военнопленных (по заданию Восточного министерства он проводил беседы с военнопленными татарами и башкирами и составлял их списки [Там же, с. 195, 217–261], [6, с. 121–124], а также своей занятостью в редколлегии коллаборационистской газеты «Идель-Урал».

Но уже весной 1942 г. он вновь возвращается к теме публикации книги и 4 апреля 1942 г. направляет заявление на имя декана философского факультета Х. Грапова. Из этого заявления не совсем ясно, когда он отправил свой текст в издательство, об этом здесь сказано несколько туманно: «17 июля 1941 г. я сдал экзамен на доктора и направил диссертацию в издательство „Отто Харассовиц“ в Лейпциге» [30, л. 372]. Но точно указано, что ответ из издательства был направлен ему 19 марта 1942 г., и в нем была выражена готовность опубликовать книгу в случае покры-

тия диссертантом всех издательских расходов, составлявших 800 рейхсмарок.

А. Темир не осмелился просить у университета всю сумму и попросил лишь о выделении ее части – 300 рейхсмарок. Его просьбу декан удовлетворил в тот же день: в кассу университета было дано соответствующее распоряжение, а А. Темиру предложено обратиться туда и предъявить письмо декана для получения денег [Там же, без указания листа].

Следующие два документа датированы 10 сентября 1942 г.: издательство «Отто Харассовиц» сообщило А. фон Габейн и А. Темиру не слишком обнадеживающие новости – издательство получило отказ в получении бумаги для распечатки книги. Причем отказ издательству был сформулирован довольно жестко: «дальнейшая подача заявлений или рекламаций по данному вопросу не имеет смысла. Ответа на подобные вопросы не последует». Представитель издательства выразил мнение, что «отказ связан с тем, что диссертации в настоящее время не должны быть опубликованы». Он предложил А. фон Габейн переговорить с профессором Хельмутом Шеелем, известным исламоведом и тюркологом, занимавшим на тот момент пост директора Прусской Академии наук, и уточнить, не видит ли он выхода из положения [Там же, без указания листа].

Аннемари фон Габейн, очевидно, высоко оценивала научный потенциал Ахмета Темира и активно поддержала его начинание. 15 сентября 1942 г. она обратилась к руководителю гуманитарного отделения Германского исследовательского общества (DFG) Карлу Гриванку с довольно подробным письмом. Она отметила, что «в тюркских языках изначально очень мало союзов, а современные тюркские языки используют многочисленные выражения для соединения предложений и слов».

Среди тюркологов, по ее словам, «уже состоялась дискуссия, можно ли объяснять союзы в турецком языке иранским влиянием», и констатировала, что «эта часть речи никогда не освещалась в монографическом исследовании, т. е. обсуждалась теоретически без недостаточного представления о материале».

А. фон Габейн заметила, что тюркология в каждой из стран имеет свои специфические интересы: «в Венгрии, например, предпочтение отдается изучению западнотюркских проблем, в Болгарии – средневековых турецких историков, во Франции – изучению языка и истории османов», и констатировала, что в Германии интересы исследователей-тюркологов ничем не ограничены, выразив мнение, что «мы в полной мере

продолжаем работы некогда блестящих тюркологов Польши и России и должны их превзойти».

После этого немецкая исследовательница перешла к характеристике работы А. Темира, которого она назвала *Doctor Designatus* (так называли ученого, сдавшего экзамен на доктора, но еще не опубликовавшего диссертацию): «Солидным и убедительным способом и на древнейшем, доступном ему материале автор исследует союзы, так что сейчас вполне возможна плодотворная дискуссия. Работа объемом около 220 машинописных страниц написана на основе полученного в Германии образования и вполне заслуживает внимания немецкой науки».

Фон Габейн просила К. Гриванка оказать содействие в получении издательством разрешения на бумагу для публикации книги А. Темира [Там же, без указания листа].

22 сентября К. Гриванк коротко ответил не самой А. фон Габейн, а директору Прусской Академии науки Х. Шеелю и объяснил отказ в выдаче бумаги условиями военного времени. «Бумага выдается только в случае первоочередной важности публикации», — заметил он [Там же, без указания листа].

5 октября к делу подключился декан философского факультета Х. Грапов. Как будто и не было жесткого отказа в выдаче бумаги! Он обратился в издательство с просьбой опубликовать диссертацию кандидата А. Темира, «поскольку она имеет высокое научное значение и желательна ее публикация». По его словам, Темир обязался предоставить факультету 56 отпечатанных экземпляров, и, поскольку для обменных целей факультету было необходимо нужно еще около 70 экземпляров, Х. Грапов считал целесообразным тираж в 150 экземпляров [Там же, л. 374].

Удивительно, но университетские покровители А. Темира надежды на публикацию не теряли, 21 октября 1942 г. представитель издательства (подпись его неразборчива) писал А. фон Габейн, что во время съезда востоковедов в Берлине (имелся в виду Германский день ориенталиста, который во время войны состоялся лишь один раз — с 30 сентября по 3 октября 1942 г.) к нему обратились профессор Х. Шеель и К. Гриванк, которые поддерживали публикацию и заявили о своей готовности одобрить выдачу бумаги для нее [Там же, л. 375].

Несмотря на оптимизм вовлеченных в это предприятие, дело затягивалось... И последний документ, связанный с попытками публикации диссертации А. Темира, датирован 6 ноября 1942 г. Издательство «Отто Харрасовиц» вновь обратилось к декану Х. Грапову и сообщило, что

«до сегодняшнего дня экономический отдел немецкой книготорговли отказывал в выделении для выпуска книги Темира бумаги». Представитель издательства отметил, что «мы продолжаем прилагать усилия» и пообещал тотчас известить университет в случае успеха [Там же, л. 376].

Успеха, однако, не получилось. Как известно, книга А. Темира, подготовленная на основе его диссертации, в годы войны так и не была опубликована, в неполном виде она увидела свет только в 1956 г. на страницах журнала «*Oriens*» [33].

Весной 1943 г. интерес к научным достижениям Ахмета Темира проявила и турецкая сторона, так как все-таки он являлся гражданином Турции. 12 апреля представитель Инспекции студентов в Центральной Европе (*Orta Avrupa talebe müfettişliği*) (подпись его неразборчива) «любезно просил» ректора Берлинского университета «сообщить о готовности докторской работы студента Ахмета Темира, или же сдал ли он свой экзамен, если да, то с какой оценкой». Ответ ректора последовал 17 апреля: он сообщил, что А. Темир сдал свой экзамен 26 июня с оценкой «хорошо». Как видим, в документе допущена неточность: экзамен был сдан только 17 июля, на 26 июня имелись только отзывы рецензентов. Причем ректор также проинформировал турецкую сторону, что, по его данным, диссертация находилась в печати, что также не соответствовало действительности [30, л. 377–378].

Точка в процессе получения Ахметом Темиром ученой степени доктора после сравнительно долгой паузы была поставлена 2 июля 1943 г. В этот день состоялась публичная защита диссертации. Саму процедуру, количество присутствовавших и выступавших сегодня представить достаточно трудно, в просмотренном мной деле из Архива Университета им. Гумбольдта документов об этом не отложилось. Имеется лишь официальное объявление философского факультета следующего содержания:

«Философский факультет Университета им. Фридриха Вильгельма Берлина в лице ректора профессора ортопедии Лотара Кройца и декана профессора египтологии Херманна Грапова присуждает господину Ахмету Темиру из Эльмет, Казань (Россия) степень доктора философии после того, как он прошел соответствующую процедуру защиты диссертации на тему: (...), а также после устного экзамена и подтвердил свою научную квалификацию и при этом получил общую оценку „хорошо“.

Берлин, 2 июля 1943 г.

Ректор, декан (подписи)» [Там же, без указания листа]

Торжественное заседание, посвященное вручению диплома новоиспеченному доктору, состоялось 22 июля 1943 г. – А. Темир получил документ из рук декана Х. Грапова [5, с. 195].

Так завершился важный этап в научной карьере именитого тюрколога. Понятно, что этот этап пришелся на очень сложный исторический отрезок: подготовка документов и устный экзамен пришлось фактически на первые дни нападения нацистской Германии на Советский Союз. Сам А. Темир в первые месяцы войны оказался втянут в водоворот политических событий: помогал в составлении «тюрко-татарской библиотеки для Института по изучению России, сотрудничал в отделе радиопропаганды Министерства иностранных дел Германии, с июня 1943 г. работал в турецкой редакции германского радиовещания, сотрудничал в газете Волго-татарского легиона «Идель-Урал». Он активно занимался преподавательской деятельностью, преподавал татарский язык в Берлинском университете в зимнем семестре 1941–1942 гг. и читал курсы «Введение в татарский язык», «Татарская грамматика» и «Чтение татарских текстов на латинском и русском шрифтах» общим объемом 10 учебных часов в неделю в зимнем семестре 1943–1944 г., судя по расписанию лекций, он вел курсы «Введение в татарский язык» (4 часа) и «Татарский язык для продвинувшихся студентов» (3 часа в неделю) [6, с. 265].

Некоторые сюжеты, связанные с берлинским этапом своей биографии, А. Темир в воспоминаниях описывает не слишком подробно, что, вероятно, можно объяснить не свойствами памяти, а скорее конкретными политическими и военными реалиями Германии периода национал-социализма и нежеланием акцентировать на них внимание читателей.

Практически сразу же после получения диплома доктора Ахмет Темир покинул Германию. Сам он объяснял возвращение в Турцию тем, что был вызван для прохождения военной службы. Однако, скорее всего, более правильна интерпретация немецкого исследователя Патрика фон Цур Мюлена, считавшего, что причиной довольно таки поспешного отъезда в Турцию стал внутренний конфликт в среде коллаборационистов из представителей мусульманских народов [34, с. 97]. Ахмет Темир, очевидно, в силу своей политической неопытности оказался в эпицентре одного из подобных конфликтов и был вынужден уехать из Германии, что, впрочем, оказалось для него правильным выбором, впоследствии он сосредоточился на тюркологических исследованиях, в которых преуспел и завоевал заслуженный авторитет в научном мире.

Список источников

1. Ахмет Тимер: Возвращение / автор-составитель. Р. Абзалова-Сальманова. Казань: Яз, 2012. 199 с.
2. Ахунов А. М. Ахмет Тимер – выдающийся ученый-тюрколог и монголовед // Тюркологические исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 80–90.
3. Ахунов А. М. Выбрал свободу, но потерял Родину. Судьба татарского ученого Ахмета Тимера на чужбине // Татарстан. 2004. № 9. С. 60–64.
4. Давлет Н. О профессоре Ахмете Тимере // Из истории Альметьевского региона. Вып. 1. Казань: Татполиграф, 1999. С. 199–204.
5. Temir A. Altmış yıl Almanya (1936-1996): Bir yabancının gözü ile geziler- araştırmalar-hatıralar. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1998. 426 S.
6. Гулязов И. А. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань: Таткнигоиздат, 2005. 382 с.
7. Turfan, Khotan und Dunhuang: Vorträge der Tagung «Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung», veranstaltet von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften in Berlin (9.-12.12.1994) / R. E. Emmerick, W. Sundermann, I. Warnke, P. Zieme (Eds.). Berlin: Akademie-Verlag, 1996. 417 S.
8. Fedakar D. Maryam apa'nın ardından. Annemarie von Gabain (4.7.1901 – 15.1.1993) // Türk Dili Araştırmaları yillığı. 1993. Cilt 41. S. 135–139.
9. Laut J.P. Annemarie von Gabain // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1995. Nr. 52. S. 367–374.
10. Sertkaya O. Annemarie von Gabain (Maryam Apa)'dan anılar // Bizim külliye. 2017. Nr. 72. S. 7–10.
11. Ölmez M. Annemarie von Gabain // Türk Dilleri Araştırmaları. 1993. Nr. 3. S. 289–292.
12. Vogt A. Eine seltene Karriere: Die Turkologin Annemarie von Gabain // Berlinische Monatsschrift (Luisenstädtischer Bildungsverein). 1999. Heft 6. S. 24–31.
13. Yüce N. Annemarie von Gabain'in eserleri // Türk Dilleri Araştırmaları. 1994. Nr. 4. S. 11–50.
14. Von Gabain A. Özbekische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis. Leipzig: Harrasowitz, 1945. 278 S.
15. Weise-Pötschke S. Entnazifizierung an der Akademie der Wissenschaften // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2019. Nr. 43. S. 26–37.
16. Von Gabain A. Türkische Turfantexte IX: Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch» B mit alttürkischer Übersetzung. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 50 S.
17. Von Gabain A. Einführung in die entlasienkunde. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. 86 S.
18. Von Gabain A. Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250. Berlin: De Gruyter, 1961. 82 S.
19. Von Gabain A. Die Formensprache der uigurischen Malerei. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1987. 87 S.
20. фон Габен А. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 294–344.

21. Dietrich A. Richard Hartmann. 8. Juni 1881 – 5. Februar 1965 // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1965. S. 74–82.

22. Roemer H.-R. Richard Hartmann in memoriam (1881–1965) // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1967. Nr. 117. S. 1–10.

23. Hartmann R. Zur Frage nach der Herkunft und den Anfängen des Sufitums // Der Islam. 1916. Nr. 6. S. 31–70.

24. Hartmann R. İyâ Gök Alp's Grundlagen des türkischen Nationalismus // Orientalische Literaturzeitung. 1925. Nr. 9. S. 578–610.

25. Hartmann R. Die Religion des Islam. Berlin: Verlag von E.S. Mittler und Sohn, 1944. 209 S.

26. Hartmann R. Islam und Nationalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1948. 47 S.

27. Hartmann R. Zur Vorgeschichte des abbasidischen Schein-Chalifats von Cairo. Berlin: Akademie-Verlag, 1950. 9 S.

28. Heine P. Die Mullah-Kurse der Waffen-SS // Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945 / Hrsg. Gerhard Höpp und Brigitte Reinwald. Berlin: Verlag Das Arabische Buch, 2000. S. 181–188.

29. van Koningsveld P. Sij. The Training of Imams by the Third Reich // The Study of Religion and the Training of Muslim Clergy in Europe: Academic and Religious Freedom in the 21st Century / Eds. Willem B. Drees, P. Sij. van Koningsveld. Amsterdam: Leiden University, 2008. S. 333–347.

30. Archiv der Humboldt-Universität Berlin, Phil. Fak. 01 Prom., Nr. 934–Temir.

31. Haiger E. Politikwissenschaft und Auslandswissenschaft im «Dritten Reich» – (Deutsche) Hochschule für Politik 1933–1939 und Auslandswissenschaftliche Fakultät der Berliner Universität 1940–1945 // Kontinuitäten und Brüche in der deutschen Politikwissenschaft / Gerhard Göhler, Bodo Euer (Hrsg.): Baden-Baden: Nomos, 1991. S. 94–136.

32. Bauer W. Erich Haenisch (1880–1966) // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1967. Band 117. S. 205–210.

33. Temir A. Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen // Oriens (Leiden). 1956. IX (1). S. 41–85; Oriens (Leiden). 1956. IX (2). S. 233–280.

34. Von Zur Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im zweiten Weltkrieg. Düsseldorf: Droste, 1971. 256 S.

References

1. Abzalova-Salmanova, R. (Red.) (2012). *Ahmet Timer: Vozvrashhenie* [Ahmet Timer: The Return]. 199 p. Kazan, Yaz. (In Russian)

2. Akhunov, A. M. (2020). *Ahmet Timer – vydayushchiysya uchenyi-tyurkolog i mongoloved* [Ahmet Timer – an Outstanding Scholar of Turkology and Mongol Studies]. Tyurkologicheskije issledovaniya. T. 3, No. 4, pp. 80–90. (In Russian)

3. Ahunov, A. M. (2004). *Vybral svobodu, no poteryal Rodinu. Sud'ba tatarskogo uchenogo Ahmeta*

Timera na chuzhbine [Chose Freedom, but Lost Homeland. The Fate of the Tatar Scientist Akhmet Timer in a Foreign Land]. Tatarstan, No. 9, pp. 60–64. (In Russian)

4. Davlet, N. (1999). *O professore Akhmete Timere* [About Professor Akhmet Timer]. Iz istorii Al'met'evskogo regiona. Vyp. 1. Kazan, Tatpoligraf, pp. 199–204. (In Russian)

5. Temir, A. (1998). *Altmış yıl Almaniya (1936–1996): Bir yabancı'nın gözü ile geziler-araştırmalar-hatıralar* [Sixty Years in Germany (1936–1996): Travels, Research Works and Reminiscences through the Eyes of a Foreigner]. 426 p. Ankara, Kültür Bakanlığı. (In Turkish)

6. Gilyazov, I. A. (2005). *Legion "Idel'-Ural". Predstaviteli narodov Povolzh'ya i Priural'ya pod znamenami "tret'ego reikha"* [The Legion "Idel-Ural". Representatives of the Volga and Urals Peoples under the Banners of the "Third Reich"]. 382 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Russian)

7. Emmerick, R. E., Sundermann, W., Warnke, I., Zieme, P. (Eds.) (1996). *Turfan, Khotan und Dunhuang: Vorträge der Tagung "Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung", veranstaltet von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften in Berlin (9.–12.12.1994)* [Turfan, Khotan and Dunhuang: Papers Presented at the Conference "Annemarie v. Gabain und die Turfan-forschung", Organized by the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities in Berlin (9–12 December 1994)]. 417 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

8. Fedakar, D. (1993). *Maryam apa'nin arından. Annemarie von Gabain (4.7.1901–15.1.1993)* [After Maryam Apa. Annemarie von Gabain (4.7.1901–15.1.1993)]. Türk Dili Araştırmaları yaylığı, No. 41, pp. 135–139. (In Turkish)

9. Laut, J. P. (1995). *Annemarie von Gabain* [Annemarie von Gabain]. Finnisch-Ugrische Forschungen. No. 52, pp. 367–374. (In German)

10. Sertkaya, O. (2017). *Annemarie von Gabain (Maryam Apa)'dan anılar* [Memories of Annemarie von Gabain (Maryam Apa)]. Bizim külliye. No. 72, pp. 7–10. (In Turkish)

11. Ölmez, M. (1993). *Annemarie von Gabain* [Annemarie von Gabain]. Türk Dilleri Araştırmaları. No. 3, pp. 289–292. (In Turkish)

12. Vogt, A. (1999). *Eine seltene Karriere: Die Turkologin Annemarie von Gabain* [A Rare Career: The Turkologist Annemarie von Gabain]. Berlinische Monatschrift (Luisenstädtischer Bildungsverein). No. 6, pp. 24–31. (In German)

13. Yüce, N. (1994). *Annemarie von Gabain'in eserleri* [Annemarie von Gabain's Works]. Türk Dilleri Araştırmaları. No. 4, pp. 11–50. (In Turkish)

14. Von Gabain, A. (1945). *Özbekische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis* [Uzbek Grammar with Bibliography, Readings and Dictionary]. 278 p. Leipzig, Harrasowitz. (In German)

15. Weise-Pötschke, S. (2019). *Entnazifizierung an der Akademie der Wissenschaften* [Denazification at the Academy of Sciences]. Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. No. 43, pp. 26–37. (In German)

16. Von Gabain, A. (1958). *Türkische Turfantexte IX: Ein Hymnus an den Vater Mani auf "Tocharisch" B*

mit alttürkischer Übersetzung [Turkish Turfan Texts IX: A Hymn to the Father Mani in "Tocharian" B with Old Turkish Translation]. 50 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

17. Von Gabain, A. (1979). *Einführung in die Zentralasienkunde* [Introduction to Central Asian Studies]. 86 p. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (In German)

18. Von Gabain, A. (1961). *Das uigurische Königreich von Chotscho 850–1250* [The Uyghur Kingdom of Khotscho 850–1250]. 82 p. Berlin, De Gruyter. (In German)

19. Von Gabain, A. (1987). *Die Formensprache der uigurischen Malerei* [The Formal Language of Uyghur Painting]. 87 p. Wiesbaden, Harrassowitz. (In German)

20. Fon Gaben, A. (1986). *Drevnyurykskaya literatura* [Ancient Turkic Literature]. *Zarubezhnaya tyurkologiya*. No. 1, pp. 294–344. (In Russian)

21. Dietrich, A. (1965). *Richard Hartmann. 8. Juni 1881–5. Februar 1965* [Richard Hartmann. 8 June 1881–5 February 1965]. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*, pp. 74–82. (In German)

22. Roemer, H.-R. (1967). *Richard Hartmann in memoriam (1881–1965)* [Richard Hartmann in memoriam (1881–1965)]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. No. 117, pp. 1–10. (In German)

23. Hartmann, R. (1916). *Zur Frage nach der Herkunft und den Anfängen des Sufitums* [On the Origins and Nature of Sufism]. *Der Islam*. No. 6, pp. 31–70. (In German)

24. Hartmann, R. (1925). *Ziya Gök Alp's Grundlagen des türkischen Nationalismus* [Ziya Gök Alp's Foundations of Turkish Nationalism]. *Orientalische Literaturzeitung*. No. 9, pp. 578–610. (In German)

25. Hartmann, R. (1944). *Die Religion des Islam* [The Religion of Islam]. 209 p. Berlin, Verlag von E. S. Mittler und Sohn. (In German)

26. Hartmann, R. (1948). *Islam und Nationalismus* [Islam and Nationalism]. 47 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

27. Hartmann, R. (1950). *Zur Vorgeschichte des abbasidischen Schein-Chalifats von Cairo* [The Pre-

history of the Abbasid Sham Chaliphate of Cairo]. 9 p. Berlin, Akademie-Verlag. (In German)

28. Heine, P. (2000). *Die Mullah-Kurse der Waffen-SS* [The Mullah Courses of the Waffen-SS]. Gerhard Höpp; Brigitte Reinwald (Eds.) *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in europäischen Kriegen; 1914–1945*. Pp. 181–188. Berlin, Verlag Das Arabische Buch. (In German)

29. Van Koningsveld, P. Sj. (2008). *The Training of Imams by the Third Reich*. Willem B. Drees, P. Sj. van Koningsveld (Eds.) *The Study of Religion and the Training of Muslim Clergy in Europe: Academic and Religious Freedom in the 21st Century*. Pp. 333–347. Amsterdam, Leiden University. (In English)

30. *Archiv der Humboldt-Universität Berlin, Phil. Fak.* 01 Prom., Nr. 934 – Temir. (In German)

31. Haiger, E. (1991). *Politikwissenschaft und Auslandswissenschaft im "Dritten Reich" – (Deutsche) Hochschule für Politik 1933–1939 und Auslandswissenschaftliche Fakultät der Berliner Universität 1940–1945* [Political Science and Foreign Studies in the "Third Reich" - (German) School of Politics 1933–1939 and the Faculty of Foreign Studies at Berlin University 1940–1945]. Gerhard Göhler; Bodo Euner (Eds.) *Kontinuitäten und Brüche in der deutschen Politikwissenschaft*. Pp. 94–136. Baden-Baden, Nomos. (In German)

32. Bauer, W. (1967). *Erich Haenisch (1880–1966)* [Erich Haenisch (1880–1966)]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. No. 117, pp. 205–210. (In German)

33. Temir, A. (1956). *Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen* [Conjunctions and Sentence Introductions in Old Turkish]. *Oriens* (Leiden), No. IX (1), pp. 41–85; No. IX (2), pp. 233–280. (In German)

34. Von der Mühlen, P. (1971). *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg* [Between the Swastika and the Soviet Star. The Nationalism of the Soviet Oriental Peoples during World War II]. 256 p. Düsseldorf, Droste. (In German)

The article was submitted on 28.04.2024

Поступила в редакцию 28.04.2024

Гилязов Искандер Аязович,
доктор исторических наук,
профессор,
Академия наук Республики Татарстан,
Институт Татарской энциклопедии
и регионоведения им. М. Х. Хасанова,
420015, Россия, Казань,
Пушкина, 56.
gilyazov1958@mail.ru

Gilyazov Iskander Ayazovich,
Doctor of History,
Professor,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Institute of Tatar Encyclopedia and
Regional Studies named after M. H. Hasanov,
56 Pushkin Str.,
Kazan, 420015, Russian Federation.
gilyazov1958@mail.ru

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-24-29

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

© Радиф Замалетдинов, Раушания Нурмухаметова

LEXICOGRAPHY OF THE TATAR LANGUAGE ETHNOCULTURAL VOCABULARY

Radif Zamaletdinov, Raushaniya Nurmukhametova

The article describes the four-volume “Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language”, which was compiled by a team of teachers from the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University. This work records the vocabulary of the Tatar language, reflecting the people’s traditional culture, which accumulates information about the surrounding world, living conditions, everyday life, work organization, etc. Such studies are a reliable aid in studying the circumstances and factors of the national culture formation.

Ethnocultural dictionaries give a fragmentary idea of the Tatar people’s linguistic picture of the world. To determine the role and place of culturally marked vocabulary selected for the compilation of the dictionary entries, its authors analyzed the dictionaries of the 19th-21st centuries, studied the use of these words as part of phraseological units, proverbs and sayings, as well as their use in songs and works of art. This study of the culturally marked units adds new data to the history of the formation, development and improvement of Tatar material and spiritual culture. The proposed works can serve as a model for compiling ethnocultural dictionaries of other Turkic-speaking peoples; the material, collected in these lexicographic works, will find a worthy place in the dictionaries of concepts of Turkic languages.

Keywords: Tatar language, ethnocultural vocabulary, dictionaries, traditional culture, mentality

Статья посвящена описанию 4-х томного «Этнокультурного словаря татарского языка», который был составлен коллективом преподавателей Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. В данном труде зафиксирована лексика татарского языка, отражающая традиционную культуру народа, в которой аккумулируются сведения об окружающем мире, условиях жизни, быте, организации труда и т. п. Подобного рода исследования являются надежным подспорьем в изучении обстоятельств и факторов формирования национальной культуры.

Этнокультурные словари дают фрагментарное представление о языковой картине мира татарского народа. Для определения роли и места культурно-маркированной лексики, выбранной для составления словарных статей, авторами были проанализированы словари XIX–XXI веков, рассмотрено употребление данных слов в составе фразеологических высказываний, пословиц и поговорок, их использование в песнях, художественных произведениях. Подобное изучение таких единиц добавляет новые данные в историю становления, развития и совершенствования татарской материальной и духовной культуры. Предлагаемые труды могут служить образцом для составления этнокультурных словарей других тюркоязычных народов, а собранный в этих лексикографических трудах материал найдет достойное место в словарях концептов тюркских языков.

Ключевые слова: татарский язык, этнокультурная лексика, словари, традиционная культура, менталитет

Для цитирования: Замалетдинов Р., Нурмухаметова Р. Лексикографирование этнокультурной лексики татарского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 24–29. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-24-29

Взаимодействие языка и культуры на сегодняшний день является объектом постоянного внимания многих наук. Язык – сокровище на-

циональной культуры народа, говорящего на этом языке. Он сохраняет бесценное наследие этноса, передает культурную информацию из

поколения в поколение. В языке накоплен общественный жизненный опыт этноса, языковые единицы отражают внутренний и внешний мир народа, особенности национального характера.

Язык и традиционная культура народа составляют основу этнолингвистических исследований. При этом культура народа изучается лингвистическими средствами. Такие исследования всегда бывают комплексными, то есть национально-культурные понятия рассматриваются во взаимосвязи с внеязыковой реальностью, потому что чем больше информации о том или ином явлении, тем шире раскрывается семантическая полнота слова, которое является названием данного явления.

В настоящее время описание лексики, относящейся к различным тематическим группам, и ее комплексное изучение в этнолингвистическом аспекте является одним из важнейших вопросов, стоящих перед лингвистической наукой.

Татарская этнокультурная лексика является предметом изучения многих ученых, в частности за последние годы XX и начала XXI веков появились исследования Т. Х. Хайрутдиновой [1], Д. Б. Рамазановой [2], Ф. С. Баязитовой [3], С. В. Сусловой [4], М. З. Валиевой, К. М. Миннуллина и И. Г. Закировой [5], Р. С. Нурмухаметовой [6] и др.

История лексикографических работ, фиксирующих этнокультурную лексику татарского языка, не велика, первые труды, посвященные лексикографическому описанию отдельных тематических групп, относящихся к этому богатому пласту лексики, появились только в начале XXI века.

Первый этнокультурный словарь-справочник татарского языка был опубликован в 2003 году [7]. Этот успешный опыт продолжается в 2012 году в работах «Этнокультурный словарь татарского языка: лексика материальной культуры» [8], «Этнокультурный словарь татарского языка: лексика духовной культуры» [9]. Данные труды стали новым словом в татарской лексикографии: ставилась задача не зафиксировать, объяснить отдельную лексическую единицу, а доказать взаимосвязь языка и культуры через эту языковую единицу. Словарные статьи посвящаются единицам, которые ярко отражают национально-культурные особенности, богаты дополнительной информацией и ассоциациями, тесно связаны с историей и материальным бытом народа, они знакомы каждому татарину с детства. Наряду с этим авторы обращают внимание и на те единицы, которые теряются из памяти народа, но когда-то занимали в нем важное место.

Четыре тома «Этнокультурного словаря татарского языка», которые издавались в 2015, 2016, 2017 и 2024 годах, являлись продолжением успешного опыта предыдущих лет изучения языка как явления культуры. В отличие от вышеназванных словарей, материал в этих трудах подается на татарском и английском языках, что способствует широкому распространению и сохранению особенностей традиционной культуры, а также глубокому пониманию менталитета татар.

Словарные статьи данных трудов составлены следующим образом. Вслед за главным словом приводится информация о его происхождении; если слово заимствовано из арабского или персидского языков, то указывается значение из языка-источника. Следующие пункты словарной статьи предусматривают выявление прямого и переносного значений слова по различным словарям татарского языка, его словообразовательного потенциала. Далее приводятся дополнительные сведения о явлении, которое вербализуется данным словом. После этого даются примеры употребления его в составе фразеологизмов, пословиц. Изучая использование слова в татарских песнях, произведениях писателей, можно выявить его новые семантические, стилистические особенности, не зафиксированные в других лексикографических источниках.

В первом томе словаря [10] рассматриваются слова, обозначающие понятия, связанные с пищей и ее приготовлением. Это не случайно. В истории есть известная фраза: народ, который помнит и хранит свои национальные традиции, будет сильным и будет жить долго. Одна из таких традиций в жизни народа связана с культурой приготовления пищи и питания. Самые устойчивые элементы материальной культуры в любой стране и в любой период – традиции питания. Именно по этой причине первый том словаря этнокультуры посвящен этой тематической группе.

Татары – народ, который в течение всей истории претерпел значительные трудности, связанные с природными и социально-экономическими условиями. Конечно, это не могло не внести изменения в традиции питания татарского народа: опыт приготовления многих блюд был забыт, они не передавались из поколения в поколение, некоторые из них материально получили новое содержание, перенимались названия и рецепты приготовления национальных блюд других народов. Но даже в таких условиях сохранились многочисленные блюда, в которых отражается бывшее материальное и духовное богатство татарского народа. В особенностях пригото-

ния их и в их названиях ярко наблюдается опыт предков, образ жизни татар, их развитие.

В традициях, связанных с употреблением пищи, концентрируются не только ресурсы, присутствующие той или иной среде, но и культурные особенности населения. Способ приготовления многих блюд зависит от древних традиций народа, обычаев, которые становятся основными компонентами различных праздников. Поэтому естественно переплетение в пище элементов материальной и духовной культуры.

В первом томе словаря рассматриваются 40 слов, обозначающих понятия, связанные с пищей и ее приготовлением: *азык* (пища), *эйрэн* (айран), *бавырсак* (баурсак), *бәләш* (балиш), *ботка* (каша), *бөккән* (беккэн), *гөбәдия* (губадия), *дучмак* (дучмак), *жәймә* (тонкая лепешка), *кабартма* (пончик), *казы* (домашняя колбаса), *каймак* (сметана), *каклаган каз* (вяленый гусь), *катык* (ряженка), *коймак* (оладьи), *кош теле* (хворост), *күмәч* (булочка), *кымыз* (кумыс), *кыстыбый* (кыстыбый), *өчпочмак* (треугольник), *пәрәмәч* (перемячи), *пилмән* (пельмени), *сумса* (пирожки), *табикмәк* (лепешка), *токмач* (лапша), *умач* (затируха), *чәй* (чай), *чәкчәк* (чакчак), *ширбәт* (ширбет), *шулта* (бульон); *гөбе* (пахталка), *иләк* (сито), *казан*, *кашык* (ложка), *мичкә* (бочка), *пычак* (нож), *самавар* (самовар), *таба* (сковородка), *табак* (чаша, тарелка), *чүлмәк* (кувшин).

Эти единицы являются одними из важных и древнейших элементов материальной культуры народа. В них особенно ярко проявляются вековые традиции населения. Наличие данных слов в различных источниках свидетельствует о тесной взаимосвязи между бытом, культурой и языком. Поэтому наименования пищи и посуды должны рассматриваться в неразрывной связи с историей народа.

Второй том этнокультурного словаря [11] посвящен наименованиям одежды, тканей и украшений в татарском языке. Выбор названий этой тематической группы тоже неслучаен, потому что они, прежде всего, удовлетворяют естественные потребности человека и меняются на протяжении всей истории человечества. Поэтому, глядя на эти предметы, можно судить и об истории, материальном положении и статусе человека, о взаимодействии с разными народами, о развитии эстетических норм и др. Именно по этой причине к этой группе лексики не равнодушны языковеды, этнографы, историки, культурологи и др.

В татарском языке данный лексический пласт включает в себя очень большое количество слов. В довольно жестких климатических условиях Европы одежда является первой необходимо-

стью: она защищает от холода и жары, дождя и снега, ветра; при этом выполняет эстетическую функцию, то есть человек не только утепляется, но и украшает себя. Следовательно, в данную группу можно отнести слова, обозначающие наименования верхней одежды, головных уборов и обуви, их отдельных частей, тканей, деталей оформления и т. д. Среди них татарские традиционные названия одежды привлекают особое внимание, как драгоценный камень. Традиционная одежда – элементы, указывающие на этнические особенности народа, в которых отражаются многовековой опыт, уровень культуры, хозяйственный уклад, адаптация к условиям физико-географического проживания, представление о красоте.

Во втором томе зафиксировано 45 единиц из наименований одежды, тканей и украшений: *альяпкыч* (фартук), *балак* (штанина), *баишмак* (тапочки), *билбау* (пояс), *бишмәт* (бешмет), *бияләй* (варежки), *бүрек* (шапка), *итек* (валенки), *калфак* (национальное женское головное украшение), *ката* (короткие валенки), *кәләпүш* (мужской головной убор), *кесә* (карман), *кием* (одежда), *куныч* (голенище), *күлмәк* (платье; рубашка), *толып* (тулуп), *тун* (шуба), *түбәтәй* (мужской головной убор), *чабата* (лапти), *чалбар* (брюки), *чикмән* (чекмень, армяк), *читек* (ичиги), *шәл* (шаль), *ыштан* (штаны), *яка* (воротник), *яулык* (платок); *алка* (серьги), *балдак* (кольцо), *беләзек* (браслет), *ефәк* (шелк), *каеш* (ремень), *киндер* (холст), *муенса* (ожерелье), *ука* (позумент), *хәситә* (хасита), *чулпы* (накосники).

В 2017 году публикуется третий том этнокультурного словаря под названием «Этнокультурный словарь татарского языка: интеллектуальный и нравственный мир человека» [12].

Выявление качеств, присущих отдельному народу, предполагает исследование проявления общечеловеческих качеств в общественно-экономической жизни, культуре и традициях этого народа. Это одна из самых сложных, запутанных и трудно решаемых проблем, с которыми человечество столкнулось в своей жизни. Эту задачу стремятся решить такие науки, как философия, астрология, теология, литература, биология, психология, искусство, языкознание и др., предлагаются различные концепции.

В последние годы научные исследования в языкознании приобретают все большую антропоцентрическую направленность. В лингвистике появились труды, посвященные изучению речевой характеристики как проявления человеческого характера; выявлению особенностей наименований различных лиц; исследованию собственных имен, антропоцентрических метафор и др.

Однако в татарском языкознании пока отсутствуют труды, в которых обобщенно были бы представлены лексические единицы, отражающие личностные качества человека.

В трудах, посвященных определению русского национального характера, делается акцент на роль природных условий, религии и т. п. в формировании национального характера. Принимая во внимание то, что русские и татары живут в одних и тех же природно-географических условиях, считаем, что они влияют и на особенности менталитета татарского народа. Действительно, суровые природные условия повысили выносливость, трудоспособность и у нашего народа. Расселение по широким просторам воспитало в нем великодушие, гостеприимство, единство, дружбу, способность к самообороне и взаимную поддержку. Как важные черты личности в характере человека у татарского народа выделяются духовный и внутренний мир. Стремление к образованию у татар издревле высоко ценилось; невежественным же людям они относились снисходительно. В отношениях между собой господствовали такие качества, как мягкость, внимательность, помощь старшим и младшим. Трудолюбие оценивалось как положительное качество.

В это издание вошли 30 словарных статей, отражающих ценностную систему менталитета татарского народа, слова, обладающие высокой степенью эмоциональности и насыщенные ассоциативными полями: *абруйлы* (авторитетный), *акыллы* (умный), *атаклы* (знаменитый), *батыр* (богатырь), *бәхетле* (счастливый), *дуамал* (безрассудный), *җитез* (ловкий), *җор* (острый на язык), *зирәк* (смышлелый), *изге* (святой), *ихлас* (искренний), *көнче* (завистливый), *куркак* (трусливый), *мактанчык* (хвастливый), *мәрхәмәтле* (милосердный), *намуслы* (честный), *оялчан* (застенчивый), *оятсыз* (бесстыдный), *сабыр* (терпеливый), *саран* (жадный), *тиле* (глупый), *хәйләкәр* (хитрый), *шаян* (озорной), *юмарт* (щедрый), *явыз* (злой), *ялагай* (льстец).

Таким образом, в этом томе словаря представлены лишь некоторые лексические единицы, характеризующие национальную языковую личность. Благодаря эмоциям, качествам, присущим только человеку, можно создать лингвокультурное представление о целой нации, глубже раскрыть его самобытность. Они также помогают определить человека как личность, которая находится в центре мира, его образ мышления.

Четвертый том словаря «Этнокультурный словарь татарского языка: лексика духовной культуры (названия семейных и родственных отношений)» увидел свет в 2024 году [13].

Названия родственных отношений давно привлекали внимание ученых. Труды, посвященные их изучению в различных аспектах, есть и в русском, и в татарском языкознании. Эти исследования подразумевают изучение происхождения, распространения, морфологических признаков этих единиц, сопоставление с другими родственными и неродственными языками.

Данные термины татарского языка упоминаются в отдельных трудах в виде фактического и иллюстративного материала, однако нельзя назвать их полностью изученными. В трудах известных татарских ученых Ф. С. Баязитовой [14], Р. Р. Замалетдинова [15], А. Ш. Юсуповой [16], Д. Б. Рамазановой [17] и др. собран весомый материал, касающийся этой сферы. В исследовании этой тематической группы также использованы различные словари татарского языка.

В предлагаемой работе авторы дают описание в 22 словарных статьях 30 единиц, отражающих семейные и родственные отношения, с помощью этнокультурных материалов. Например, *абый* / *абзый* (брат; дядя), *ана* / *әни* (мать), *апа* (старшая сестра; тетя), *ата* / *әти* (отец), *әби* (бабушка), *бабай* (дедушка), *баҗа* / *баҗай* (свояк), *бала* (ребенок), *балдыз* (младшая свояченица), *бәби* (грудной ребенок), *гаилә* (семья), *җизнә* / *җизни* (муж старшей сестры или старшей родственницы), *җиңги* / *җиңгә* (жена старшего брата или старшего родственника), *ир* (муж), *каене* (деверь – младший брат мужа), *каениш* (шурин – младший брат жены), *каенага* (старший брат мужа или жены), *каенсеңел* (золовка – младшая сестра мужа), *каенигәч* (старшая сестра мужа или жены), *кайната* / *каената* (свекор; тесть), *кайнана* / *каенана* (свекровь; теща), *килен* (сноха; невестка), *кияу* (жених; зять), *кода* (сват), *кодагы* (сватья), *кодача* (младшая родственница родителей мужа или жены по отношению к родственникам мужа или жены), *кыз* (*кыз бала*) (дочь), *онык* (внук), *сеңел* (младшая сестра), *эне* (младший брат).

Большинство зафиксированных в четвертом томе этнокультурного словаря терминов родства относятся к общетюркскому словарному фонду. Важнейшие термины кровного родства и родства по браку показали большую устойчивость и сохранились в современном татарском языке. Они отражены почти во всех словарях и входят в состав активной лексики письменной и устной речи. Доказательством этому является их частое употребление в народном творчестве, произведениях писателей разных лет.

Культура каждого народа постоянно развивается, заимствуя элементы других культур. В эпоху глобализации этот процесс является неизбеж-

ным. Однако недопустимо пренебрегать культурными ценностями своего народа и забывать свои корни, поэтому сохранение памяти к традициям будет укрепляться с помощью изучения и возрождения этнокультурных элементов как доказательства укрепления культурной идентичности народа.

Этнокультурные словари фиксируют национально значимые единицы, которые являются точкой пересечения духовной и материальной культуры. Данные труды вносят большой вклад в лингвокультурологию, этнолингвистику и лингвострановедение. Предлагаемые материалы могут быть включены в словари концептов тюркской культуры в целом.

Список источников

1. Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 142 с.
2. Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань: Мастер-Лайн, 2002. 354 с.
3. Баязитова Ф. С. Лексика пищи и народных традиций. Казань: Дом печати, 2007. 480 с. (на татарском языке)
4. Суслова С. В. История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). Астана: Сарыарка, 2011. 286 с.
5. Валиева М. З., Миннуллин К. М., Закирова И. Г. Особенности функционирования этнокультурной лексики татарского языка. Мир науки. Социология, филология, культурология. V. 11. №4. 2020. С. 1–9.
6. Нурмухаметова Р. С. Этнокультурная лексика татарского языка // Tatarica. 2016. №1 (6). С. 27–42.
7. Замалетдинов Р. Р. Этнокультурная лексика татарского языка: словарь-справочник. Казань: Алма-Лит, 2003. 144 с. (на татарском языке)
8. Этнокультурный словарь татарского языка: лексика материальной культуры (словарь-справочник) / Авторы-составители: Р. Р. Замалетдинов, Р. С. Нурмухаметова. Казань: Отечество, 2012. 144 с. (на татарском языке)
9. Этнокультурный словарь татарского языка: лексика духовной культуры (словарь-справочник) / Авторы-составители: Р. Р. Замалетдинов, Г. Ф. Замалетдинова, Р. С. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова. Казань: Отечество, 2012. 144 с. (на татарском языке)
10. Этнокультурный словарь татарского языка: лексика материальной культуры (названия пищи и посуды) / Авторы-составители: Р. Р. Замалетдинов, А. Ш. Юсупова, Г. Ф. Замалетдинова, Р. С. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова, Г. Н. Хуснуллина / Переводчики: А. Х. Ашрапова, Л. Р. Мухаметзянова, Л. Р. Мухарлямова, Л. Х. Шаяхметова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. 280 с. (на татарском языке)
11. Этнокультурный словарь татарского языка: лексика материальной культуры (названия одежды, тканей и украшений) / Авторы-составители: Р. Р. За-

малетдинов, А. Ш. Юсупова, Г. Ф. Замалетдинова, Р. С. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова, И. И. Фазлеева, Х. Г. Ханова / Переводчики: А. Х. Ашрапова, Л. Р. Мухаметзянова, Л. Р. Мухарлямова, Л. Х. Шаяхметова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. 288 с. (на татарском языке)

12. Этнокультурный словарь татарского языка: интеллектуальный и нравственный мир человека / Авторы-составители: Р. Р. Замалетдинов, Р. С. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова, Ф. Р. Сибгаева / Переводчики: А. Х. Ашрапова, Л. Р. Мухарлямова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. 188 с. (на татарском языке)

13. Этнокультурный словарь татарского языка: лексика духовной культуры (названия семейных и родственных отношений) / Авторы-составители: Р. Р. Замалетдинов, Г. Ф. Замалетдинова, Д. Р. Гайсина, Р. С. Нурмухаметова, А. Ф. Нурмухаметова, М. Р. Саттарова, Д. И. Саттарова / Переводчики: А. Х. Ашрапова, И. М. Макаров. Казань: Магариф – Вақыт, 2024. 216 с. (на татарском языке)

14. Баязитова Ф. С. Гомернең оч туге: Татар халкының гаилә йолалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 295 б.

15. Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.

16. Юсупова А. Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казанск.гос. ун-та, 2008. 410 с.

17. Рамазанова Д. Б. Родственные и семейные отношения в названиях. Казань: Татарское кн. изд-во, 2014. 287 с.

References

1. Khairutdinova, T. Kh. (1993). *Nazvaniya pishchi v tatarskom yazyke* [Names of Food in the Tatar Language]. 142 p. Kazan', Tatarskoe kn. izd-vo. (In Russian)
2. Ramazanova, D. B. (2002). *Nazvaniya odevzhdyy i ukrashenii v tatarskom yazyke v areal'nom aspekte* [Names of Clothing and Jewelry in the Tatar Language in the Areal Aspect]. 354 p. Kazan', Master-Lain. (In Russian)
3. Bayazitova, F. S. (2007). *Leksika pishchi i narodnykh traditsii* [Vocabulary of Food and Folk Traditions]. 480 p. Kazan', Dom pechati. (In Tatar)
4. Suslova, S. V. (2011). *Istoriya kostyuma tyurkskikh narodov (ehtnograficheskoe issledovanie tatarskoi narodnoi odevzhdyy)* [History of the Turkic Peoples' Costume (ethnographic study of Tatar folk clothing)]. 286 p. Astana, Saryarka. (In Russian)
5. Valieva, M. Z., Minnullin, K. M., Zakirova, I. G. (2020). *Osobennosti funktsionirovaniya ehtnokul'turnoi leksiki tatarskogo yazyka* [Features of the the Ethnocultural Vocabulary Functions in the Tatar Language]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*. V. 11. No. 4, pp. 1–9. (In Russian)
6. Nurmukhametova, R. S. (2016). *Ehtnokul'turnaya leksika tatarskogo yazyka*

[Ethnocultural Vocabulary of the Tatar Language]. Tatarica. No. 1 (6), pp. 27–42. (In Russian)

7. Zamaletdinov, R. R. (2003). *Ehtnokul'turnaya leksika tatarskogo yazyka: slovar'-spravochnik* [Ethnocultural Vocabulary of the Tatar Language: A Dictionary-Reference Book]. 144 p. Kazan', Alma-Lit. (In Tatar)

8. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: leksika material'noi kul'tury (slovar'-spravochnik)* (2012) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: Vocabulary of Material Culture (A Dictionary-Reference Book)]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, R. S. Nurmukhametova. 144 p. Kazan', Otechestvo. (In Tatar)

9. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: leksika dukhovnoi kul'tury (slovar'-spravochnik)* (2012) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: Vocabulary of Spiritual Culture (A Dictionary-Reference Book)]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, G. F. Zamaletdinova, R. S. Nurmukhametova, M. R. Sattarova. 144 p. Kazan', Otechestvo. (In Tatar)

10. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: leksika material'noi kul'tury (nazvaniya pishchi i posudy)* (2015) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: Vocabulary of Material Culture (Names of Food and Utensils)]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, A. Sh. Yusupova, G. F. Zamaletdinova, R. S. Nurmukhametova, M. R. Sattarova, G. N. Khusnullina. Perevodchiki: A. Kh. Ashrapova, L. R. Mukhametzyanova, L. R. Mukharlyamova, L. Kh. Shayakhmetova. 280 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Tatar)

11. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: leksika material'noi kul'tury (nazvaniya odezhd, tkanei i ukrashenii)* (2016) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: Vocabulary of Material Culture (Names of Clothing, Fabrics and Jewelry)]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, A. Sh. Yusupova, G. F. Zamaletdinova, R. S. Nurmukhametova, M. R. Sattarova, I. I. Fazleeva, Kh. G. Khanova. Perevodchiki: A. Kh. Ashrapova, L. R.

Mukhametzyanova, L. R. Mukharlyamova, L. Kh. Shayakhmetova. 288 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Tatar)

12. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: intellektual'nyi i нравственный мир человека* (2017) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: The Intellectual and Moral World of Man]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, R. S. Nurmukhametova, M. R. Sattarova, F. R. Sibgaeva. Perevodchiki: A. Kh. Ashrapova, L. R. Mukharlyamova. 188 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Tatar)

13. *Ehtnokul'turnyi slovar' tatarskogo yazyka: leksika dukhovnoi kul'tury (nazvaniya semeinykh i rodstvennykh otnoshenii)* (2024) [Ethnocultural Dictionary of the Tatar Language: Vocabulary of Spiritual Culture (Names of Family and Kinship Relationships)]. Avtory-sostaviteli: R. R. Zamaletdinov, G. F. Zamaletdinova, D. R. Gaisina, R. S. Nurmukhametova, A. F. Nurmukhametova, M. R. Sattarova, D. I. Sattarova. Perevodchiki: A. Kh. Ashrapova, I. M. Makarov. 216 p. Kazan', Magarif – Vakyt. (In Tatar)

14. Bayazitova, F. S. (1992). *Gomerneñ och tue: Tatar khalkynyñ gailä iolalary* [Three Weddings of Life: Family Rituals of the Tatar People]. 295 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

15. Zamaletdinov, R. R. (2009). *Teoreticheskie i prikladnye aspekty tatarskoi lingvokul'turologii* [Theoretical and Applied Aspects of Tatar Linguoculturology]. 351 p. Kazan', Magarif. (In Russian)

16. Yusupova, A. Sh. (2008). *Dvuyazychnaya leksikografiya tatarskogo yazyka XIX veka* [Bilingual Lexicography of the Tatar Language in the 19th Century]. 410 p. Kazan', izd-vo Kazansk.gos. un-ta. (In Russian)

17. Ramazanova, D. B. (2014). *Rodstvennye i semeinye otnosheniya v nazvaniyakh* [Kinship and Family Relationships in Names]. 287 p. Kazan', Tatarskoe kn. izd-vo. (In Russian)

The article was submitted on 07.05.2024
Поступила в редакцию 07.05.2024

Замалетдинов Радиф Рифкатович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sovet.rus16@gmail.com

Zamaletdinov Radif Rifkatovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sovet.rus16@gmail.com

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
rsagadat@yandex.ru

Nurmukhametova Raushaniya Sagdatzyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
rsagadat@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК ПРОИЗВОДНОЕ ГЕШТАЛЬТА: НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Анатолий Зельдин

METAPHORE AS A PROJECTION OF GESCHTALT: NEUROPHYSIOLOGIC AND LINGUISTIC ASPECTS

Anatoly Zeldin

The paper considers the neural and functional grounding of human skills in the production metaphoric/metonymic extension. Two existing theories underlie the main concept of the paper. The first one focuses on the correspondence of a certain cell assembly in the human cortex to a specific entity or an object; the cell assembly may embed the neurons pertaining to different cortex areas (sensory, motor, or language areas). The second proposition employed is based on the theory of Gestalt, arising as a consequence of an object/event's repeated perception. We also consider the model of a higher-order cell assembly formation. According to the model, some lower-order cell assemblies, each of them corresponding to a Gestalt component, may be united in the framework of a Gestalt matrix. The process is embodied in cognitive and verbal domains. We argue that the existing denotation, encoded in the preceding cell assembly, is transposed onto a new one represented by the Gestalt cell assembly, when the phonetic form and semantics of the previous object are retained during this process. The neurophysiological process, which has been detailed in the paper, bears considerably on language evolution. In the case where the phonetic contours and semantics of an existing lexeme are transferred upon a second lexeme, adjacent to the first one within the Gestalt framework, a whole tree of lexemes pertaining to one cognitive domain is formed. Due to this phenomenon, lexeme diversification occurs, which in turn gives rise to the formation and ramification of language dialects.

Keywords: metaphor, metonymy, metaphoric transfer, cell assembly, cognitive domain, Gestalt

В работе рассматривается процесс метафорического переноса (включая метонимию) в коре головного мозга. Используются выдвинутая ранее гипотеза о соответствии каждой сущности или каждому объекту определенной нейронной матрицы (cell assemblies), которая может включать нейроны различных областей (сенсорных, моторной и языковой), а также теория формирования гештальта в результате неоднократной перцепции объектов / явлений в совокупности, что соответствует нейронной матрице более высокого порядка. Рассматривается модель формирования матрицы высокого порядка из более простых, соответствующих отдельным элементам, из которых строится психологический гештальт, что находит свое выражение в когнитивной и вербальной сферах. Высказана гипотеза, согласно которой в рамках сформированной гештальт-матрицы происходит транспозиция существующего денотата на вновь сформированный объект с переносом семантики и фонетической формы. Рассмотренный процесс заметно проявляется в эволюции языка, когда и фонетический контур одной существующей лексемы переносится на другую, смежную с первой в рамках гештальта. При этом происходит порождение целого древа лексем, принадлежащих первоначально к одному семантическому полю, что способствует в дальнейшем диалектному членению.

Ключевые слова: метафора, метонимия, метафорический перенос, нейронная матрица, семантическое поле, гештальт

Для цитирования: Зельдин А. Метафора как производное Гештальта: нейрофизиологический и лингвистический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 30–40. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-30-40

Введение

В своей популярной лекции “Linguistics as a Window to Understanding the Brain” (свыше трех

млн. просмотров за 10 лет начиная с 06.10. 2012 г.) Стивен Пинкер утверждает: “What sticks in memory is far more abstract than the actual sentenc-

es, something that we can call meaning or content or semantics. In fact...the actual words are the top of a vast iceberg of a very rapid, unconscious, non-linguistic processes that's necessary even to make sense of the language itself" [1].

В подтверждение этого тезиса попытаемся исследовать тему лингвистического отражения психологических процессов, происходивших в сознании «лингвистических особей», то есть людей, обладающих развитой языковой способностью (*linguistic competence* по Хомскому), в очень давний период, диахронически отстоящий в прошлое на десятки тысяч лет.

Рассмотрим через «языковое окно», как выразился Пинкер, образование феномена метафоры, тем более что его выражение также является метафорическим. Утверждалось, что концептуальная система сознания, в рамках которой человек мыслит и действует, в основе своей является метафорической и сам язык структурирован метафорически [2]. Согласно Аристотелю, метафора, или переносное слово, это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [3, с. 669.]

Метафора (под этим термином будем подразумевать и метатезу, следуя Аристотелю, который во главу угла ставил *μετοσ* ‘перенос’, а именно смысловой перенос) отмечена не только у Homo Sapiens, но и у отдельных особей высших приматов [4], [5]. Нейрофизиологический базис метафоры представляется целесообразным описывать в рамках теории нейронных матриц (или cell assemblies) Дональда Хебба [2], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12]. Согласно этой теории “neurons that fire together wire together” и “any two cells or systems of cells that are repeatedly active at the same time will tend to become 'associated' so that activity in one facilitates activity in the other” [13, с. 70]. Многократно повторяющаяся активация нейроном А нейрона Б при схожих условиях перцептивной стимуляции ведет к установлению синаптической связи между ними и последующему ее упрочению, что приводит в итоге к формированию нейронной матрицы (cell assembly – CA). Хеббовские нейронные матрицы можно определить как устойчивые функциональные единицы, состоящие из многих нейронов (от 10^3 до 10^7 [14]); связи между ними обеспечивают активацию всей матрицы при возбуждении одного элемента.

Метафора как проекция семантического поля

Согласно положению нейрофизиологической теории метафоры “The learning of new metaphors involves only the establishment of new neural con-

nections” [2, с. 258]. Психологически метафора определяется взаимодействием source domain и target domain [15], в основе чего лежат синаптические связи этих двух полей [9]. Кору головного мозга следует рассматривать не как единое поле закодированной памяти, а как пространство взаимодействующих локальных участков памяти, связанных друг с другом [16]. Поскольку топологию коры головного мозга можно в первом приближении охарактеризовать как множество пересекающихся семантических полей, кодирующих классы понятий (такие как «овощи и фрукты», «инструменты», «помещения», «транспортные средства» [17], [18], [19], [20], [21], [22]), метафору можно определить в нейрофизиологических терминах как пример взаимодействия этих семантических полей, как правило, не граничащих и не соприкасающихся (ср. «авокадо, твердое как камень» vs. * «авокадо, твердое как морковь»). То же самое применимо и к метатезе, которая отличается от собственно метафоры наличием только source domain, а метонимический перенос, в отличие от классического метафорического, происходит от целого к части (аудитория – то есть люди, находящиеся в помещении аудитории, – слушала лекцию внимательно) или наоборот [2].

При неоднократной активации, примерно 100-кратной перцепции стимула [8], нейронные матрицы (или CA) могут иерархически образовывать структуры более высокого порядка [23], [24], что в повседневном языке можно иллюстрировать построением семантической иерархии с использованием гипонимов и гиперонимов: пудель → собака → хищник → млекопитающее → животное и т. д. [25], [26], [27]. Известно, что даже если единичный нейрон сочетается с несколькими матрицами, то есть ассоциирован с различными понятиями, то при возбуждении одной из матриц посредством данного нейрона синхронно могут быть активированы и остальные [14], [28], [29].

Нейронные матрицы также образуют горизонтальные структуры; поскольку практически каждый объект обладает целым набором свойств, что также находит свое отражение в языке (*Земной шар, бильярдный шар*), и синаптические связи между нейронными матрицами или CA можно ментально спроецировать на семантические связи. В этом процессе задействованы различные области коры головного мозга – моторная, сенсорная, ассоциативная [30], [31].

Корреляционная ко-активность нейронов, определяющаяся синхронизированным возбуждением, является фактором активации нейронных матриц. При повторяющейся и продолжи-

тельной последовательной активации СА количество синаптических связей между ними и, соответственно, сила взаимодействия увеличиваются. Таким образом, первоначальная ко-активация слабо связанных нейронных матриц, лежащая в основе кратковременной памяти (STM) [14], сменяется в процессе концептуализации объекта регулярным синхронизированным возбуждением, которое определяет долговременную память (LTM). Каждому концепту соответствует своя нейронная матрица [32], [33], [34], и перекрывающиеся нейронные кодировки находят выражение в формировании нового концепта из существующих посредством метафорического переноса. Если речь идет о случайной совокупности двух и более объектов, концептуально слабо связанных друг с другом, то процесс аффилиации происходит согласно концептуально воспринимаемым ассоциациям. Если речь идет о множестве постоянно взаимодействующих концептов, то следует рассматривать это множество как гештальт.

Нейрофизиологическая основа гештальта

Важная особенность человеческого сознания, отмечал Дж. Лакофф, состоит в том, что факт, воспринимаемый в рамках концептуального явления, запоминается лучше, чем тот же факт, рассматриваемый сам по себе или противоречащий этому концептуальному явлению [9, с. 23]. Факты (или объекты), когерентно связанные или сочетающиеся в рамках концептуального явления, образуют гештальт. Отцы-основатели теории определяли гештальт как временную или постоянную совокупность единиц, которая воспринимается более значимой, чем составные части. Матрица гештальта формируется при многократном восприятии взаимодействия единиц или самостоятельных концептов (*ложка-тарелка-вилка-чашка-обеденный стол-еда*), при этом, согласно хеббовской теории, чем чаще и дольше взаимодействуют единицы, тем чаще и активнее происходит синхронное возбуждение участвующих нейронных матриц (СА), тем больше синаптических связей образуется, если речь идет о постоянном гештальте. Напротив, даже одновременно наблюдаемая сцена, сопровождаемая заметной эмоциональной реакцией (*непогашенный окурок – ворох бумаг – пожар*), может в результате активной консолидации памяти породить гештальт, особую роль в процессе эмоциональной памяти играет миндалевидное тело [35]. В обоих случаях семантический анализ ситуации может включать метафорическое мышление, особенно если единицы, образующие гештальт, принадлежат к одному семантическому полю [2,

с. 84–85]. Формирование гештальт-матрицы происходит согласно вероятностным критериям [36], [37].

Основатели теории гештальта выделяли следующие принципы кластеризации сущностей или объектов (или *Prägnanz*):

- пространственная близость
- схожесть
- группировка по объективным критериям
- замкнутость
- смежность
- предыдущий опыт и / или привычность восприятия [38].

Несмотря на то, что принципы позволительно трактовать неоднозначно, можно выделить общий знаменатель *Prägnanz*'ев – совокупность рассматриваемых объектов. При этом ближайший воспринимается как первостепенный по значимости [2]. Восприятие в виде совокупности есть функция многократной перцепции объектов или явлений, которые и составляют потенциальный гештальт. Согласно теории функциональных систем «извлекаемая из индивидуальной памяти модель знакомого, но еще не наступившего в среде события, выступает системообразующим фактором для организации всех исполнительных механизмов функциональной системы» [39, с. 64], что является, безусловно, ключевым моментом в высшей нервной деятельности, направляющей осмысленную жизнедеятельность разумного организма.

Гештальт в диахроническом разрезе

Согласно хеббовскому постулату, чем чаще происходит одновременная активация нейронов, тем более прочные синаптические связи между ними устанавливаются. При этом происходит образование нейронных матриц (*cell assemblies*), включающих нейроны различных областей коры головного мозга. Таким образом, при аудиальной активации нейронной матрицы (например, при назывании объекта), наряду с активацией слуховой зоны, в височной зоне может происходить коактивация зрительной области коры в затылочной зоне, языковых центров (в том числе области Брока и Вернике) в височной зоне вместе с семантическим центром в области сильвиевой борозды, а также моторных центров [11], [14], [31], [33], [40], [41].

Рассматривая явление гештальта на нейронном уровне, следует иметь в виду последовательное возбуждение нейронных матриц, когда одна СА активирует другую, та, в свою очередь, третью и т. д., пока не наступает реактивация первой СА и наблюдается синхронная активность [14].

Согласно основному положению теории гештальта – целое более значимо, чем составляющие его части – при когерентном возбуждении нескольких нейронных матриц активируется и гештальт-матрица, даже если и не все составляющие ее матрицы активированы [9, с.21]. Возникает вопрос: каким образом сущности окружающего мира или когнитивные единицы, психологически воспринимаемые как совокупность (*Einstellung*), влияют на метафорический сдвиг? В качестве примера рассмотрим самое естественное взаимодействие – мать-ребенок. Наблюдаемый *Pragnanz*, или зрительно и аудиально воспринимаемая совокупность объектов – мать и ребенок, служит фактором образования гештальта сотни тысяч лет, а такая естественная активность, как кормление грудью младенца, происходит по несколько раз в день (можно убедиться, что данная совокупность элементов удовлетворяет всем шести принципам образования гештальта). Классик гештальт-теории Вольфганг Кёхлер описывал эффект транспозиции при перцептивном восприятии взаимосвязанных стимулов [42]. Транспозицию можно наблюдать как на уровне СА, так и при номинализации объектов как следствие метафорического переноса [10]. Поскольку есть веские основания полагать, что нейроны зрительной зоны коры головного мозга активируются синхронно с нейронами языковых зон [11], можно предположить модель нейронного базиса лексического переноса (частный случай транспозиции по Кёхлеру) при многократной перцепции сопряженных сущностей, воспринимаемых как гештальт. На основании многократно переживаемого опыта образуется так называемый *experiential gestalt*, эта структура считается основой восприятия, так как состоит из базовых компонентов [2, с.117]. Соответственно, сходство, передаваемое метафорой или метатезой, является следствием приобретенного личного опыта, а не объективной категорией. В диахроническом разрезе формирующийся гештальт является весьма устойчивым объектом: «С эволюционной точки зрения, наибольшее значение имеет наименование людей и мест. Таким образом, первая стадия речевого развития – это наименование людей, мест и отношений между ними... На втором уровне абстракции свойства объектов и сами объекты начинают связываться... В концептуальном пространстве образуются кластеры на основе выделения свойств. Такой кластер будет оставаться стабильным и когда объекты изменяют свои свойства» [43, с. 343].

В рассматриваемом примере такая универсальная для всех без исключения культур (и в синхроническом, и в диахроническом аспекте)

ситуация, как акт кормления младенца, может быть разложена на составляющие: мать (или кормилица) – грудь – младенец. Сходство фонетического контура лексем *мать* и *женская грудь* во многих языках мира, генетически не родственных, отмечалось неоднократно (напр. прото-ИЕ **māttēr* ‘mother’ (< **ma-*) , *mammā* ‘nipple’) [44], [45], [46], [47]. Это явление можно объяснить как артикуляционной простотой, так и психологическими факторами [44], [48].

Семантический трансфер звукового комплекса МАМА от понятия матери / кормилицы на объект кормления, то есть младенца, в рамках единого тематического семантического поля также является довольно распространенным явлением в языках мира.

Афразиатские языки: муби (чадская семья) *tundru* ‘enfant’; гаввада (кушитская семья) *miʔaye* ‘baby’; сахо (омотская семья) *umale* ‘to bear child’; бамбасси (омотская семья) *ma:me* ‘carrying a child’; диме (омотская семья) *miŋi* ‘placenta’;

Японский язык (изол.): *um*, *úm-*, *ùm-* ‘to bear’ < PJaп. **úm* ‘to give birth’, ‘to bear’ [49];

Уральские языки: северный саами *maanna* (асс. *maanaa*), *nammaa* (асс. *namaa*) ‘child’;

Северо-кавказские языки: прото-аваро-андийский **miki*, **moki* ‘small’, ‘child’ [50]; анд. *moči* ‘child’; ахвах. *mike* id.; чамалин. *m* id.; тинд. *maḳa* id.; ботлих., годоберийск., каратин. *maḳe* id., багвал. *maḳ* id.;

Картвельские языки: груз. *nana* ‘cradle song’ < прото-картв. **nana* ‘mother’ [51, с. 146];

Дравидские языки: каннада *magava* ‘infant’, ‘child’, *makkal* ‘children’ (~ *mātē* ‘mother’); тамил *makaṭu*, *makaṭūu* ‘female’, ‘woman’, ‘wife’, *maka* ‘child’, ‘infant’;

Нигеро-кордофанские языки: PWS [Proto-West Saharan = Proto Niger-Congo without Bantu] **mu*, **muan-* ‘child’, ‘to bear child’, ‘to beget’ [52, с. 56] - **-má* ‘mother’ [Там же, с. 58];

Нило-сахарские языки: тубу (сахарская семья) *aŋga*, *iŋa*, *niŋgai* ‘child’, ‘baby’ (< прото-сонгай-сахарск. **ŋa* [53, с. 124]); ньянги (семья куляк) *im* ‘sister’, ‘child’, соо (семья куляк) *im* ‘child’; ик (семья куляк) *ima* id.; маба (семья маба) *misik*, *miyik*, *muš-aŋ*, *maš*, *muoŋ* ‘girl’, ‘baby’;

Койсанские языки: сандаве *tamaʔse* ‘to pacify child’, Jul’hoan (сев.койсан.) *lām* ‘birth’; прото-кхое-кхое (центр. хойсан.) *ama* ‘to carry baby on hip in sling’ [50];

Аустроазиатские языки: горум *tamaʔa* ‘to give birth to’, ‘to bear’; кату *tam* ‘to suckle’, ‘baby’ (< прото-семай **meem* [54, с. 489]);

Австронезийские языки: саароа *tamaini* 'child', пуюма *maiaian* id.; канаканабу *mánu* id.; адзена *tama* id.;

Эскимо-алеутские языки: иннуинактун *amaamak*, *taamak* 'mother', *amaamaktuq*, *taamaktuq* 'a baby sucks milk', 'a baby nurses';

На-дене: западный апачи *mé* 'baby' (ср. *(ko)-ma* 'mother');

Альгские языки: унами *atemens* 'child';

Пенутианские языки: алсеа / якона (семья Орегон пенутианские) *miyánash* 'child'; кламат (семья Плато пенутианские) *moq* 'baby';

Салишские языки: белла кула *tamnɬ* 'child', *mna* 'offspring (son or daughter)'; халькомелен *méle* (pl. *mámele*) 'child', сечельт *miman* id.;

Сиу: чивере *tamáíñe*, *tamáíñe* 'baby'; хидаца *tama* 'word used imperatively when trying to get an infant to drink or nurse';

Чумашские языки: инесеньо *-malik* 'firstborn child'; пурисименьо *mičaneqx* 'baby' (ср. крусеньо *mičlo* 'mother');

Юто-ацтекские языки: прото-ЮА **mala* 'child' [55]; северный тепехуан *mára* id.; тохоно оодхам *ma-*, *maɬ* id.;

Тукано: десано *majigugã*, *majigogã*, *majrãgã*, 'nene', 'bebé', 'niñito', 'niñita';

Карибские языки: акавайо *lara*, *mare* 'child'; макуши *more* id.; вайана *mure-mure* 'baby'; кариб *mami* 'child' (~ *tama* 'mamá');

Аравакские языки: бауре *'monči* 'infant', 'baby'; апурина *imi* 'child'; янеша *ema* 'bebé', 'nene';

Панойские языки: амахуака *máx o* 'recien nacido' (recently born);

Хиваро: ачуар-шивиар *imáiri* 'su primogénito' (his / her firstborn);

Тупи: асурини Токантас *imémyra* 'women's children'; параканья *temyr-ypu* 'primogênito de milher' (woman's firstborn); гуарани Парагвай *mēmi* 'child';

Трумай (изол.) *omat-ke* 'infant', 'baby';

Кайюбаба (изол.) *tami* 'child';

Транс-новогвинейские языки: алекано (горокская семья) *namuni* 'baby'; тифал (семья окавью) *man* 'child'; вано (семья Уэст) *amea* 'youngest child', *manggu* 'firstborn';

Торричелли: брагат *maiyeñ*, *maiyeñ* 'child' (ср. *ay miye* 'mother');

Этрусский язык (изол.) *marish* 'baby', 'boy'.

Обсуждение

Можно охарактеризовать восприятие гештальта как психологическую тенденцию к синтезу объектов и явлений, а разложение гештальта на составляющие, в том числе метафорическими средствами, — как тенденцию к анализу окру-

жающей реальности. В условиях ограниченного числа денотатов и, соответственно, скудости лексикона естественно предположить семантический трансфер с одного объекта на смежный или сходный в рамках одного гештальта. Поскольку хеббовская теория предполагает соответствие каждому когнитивному элементу (лексеме или гештальту) своей СА [11], логично предположить формирование гештальт-матрицы в виде совокупности матриц низшего порядка. Синаптические связи между такими матрицами укрепляются по мере многократного перцептивного восприятия когнитивных единиц, из которых сознание формирует гештальт. Важно отметить, что в коре головного мозга происходит синтез поступающей из разных источников информации, преимущественно в передней части теменной области [56], [57]. Особая роль принадлежит зоне нижней лобной извилины (*Gyrus frontalis inferior*), в том числе области Брока, где происходит интеграция процессов наблюдения за действием, восприятия и языковой кодировки [58], [59], [60]. Кроме того, матрица, кодирующая когнитивную единицу, многофункциональна, то есть включает нейроны различных зон мозговой коры [61]. Так, установлено, что СА зрительной зоны активируются при произнесении слова [62]. В частности, матрица, кодирующая лексему с предметным значением, то есть грамматически и лексически относящуюся к существительным, активирует нейроны зрительной области; если кодирует лексему, связанную с действием (то, что описывается глаголом), то активируются нейроны моторной области. Можно предположить по аналогии, что нейронная матрица #'корича' включает нейроны семантической области в районе силвиевой борозды, а также нейроны зрительной, вкусовой, обфакторной, тактильной зон коры головного мозга. Поскольку в коре существуют нейронные связи между областью, в которой закодирована перцептуальная информация, и сенсорными зонами, то возбуждение последних приводит к извлечению информации из «хранилища» [63]. Сенсорная стимуляция одной части СА (например, попробовать незнакомое блюдо с привкусом корицы) приводит к возбуждению всей матрицы, что может сопровождаться в когнитивной сфере метафорическим переносом. Аналогично можно предположить, что нейронная матрица, кодирующая слово или объект 1, включая его семантику, морфологию, фонетику и фонологию, активирует матрицу, кодирующую смежный объект 2, и в том случае, если объекты 1 и 2 составляют устойчивый гештальт и матрицы 1 и 2 включают общие нейроны, наблюдается их син-

хронное возбуждение и трансфер словоформы 1 → 2, что также можно считать проявлением метафорического переноса. Современная гештальт-теория трактует этот процесс как сохранение явления в долговременной памяти (Long Term Memory) в виде двух компонентов, а именно семантического и процедурного, то есть действия (мать-грудь-младенец и процесс кормления в нашем примере) [64].

Или, как описал данное явление Дж. Фодор в рамках Теории Универсального языка мышления (mentalese): “Within certain famous limits, the semantic relation that holds between two symbols when the proposition expressed by the one is entailed by the proposition expressed by the other can be mimicked by syntactic relations in virtue of which one of the symbols is derivable from the other” [65, с. 10].

Заключение

Человеческий язык пронизан метафорами [66], [67], [68], [69], более того – метафора в значительной степени формирует язык [70], и само наше мышление по сути метафорично [2], [71], [72].

С нейрофизиологической точки зрения метафора обусловлена взаимодействием двух или более несопряженных или слабо сопряженных нейронных матриц [9], [36], когда при перцепции объектов, имеющих сходство, возбуждаются нейроны, общие для этих матриц. Данное явление обусловлено синаптической пластичностью коры головного мозга и способностью нейронных матриц к самоорганизации [12]. Таким образом происходит семантический дрейф в рамках матрицы более высокого порядка, являющейся порождением сформировавшегося гештальта и транспозицией лексической формы [9].

С точки зрения исторической лингвистики такой дрейф имеет два важнейших следствия. Во-первых, происходит эволюция от состояния, которое лучше всего описывается библейским стихом «И был на земле язык один со словами немногими», к полноценному языку с развитым и богатым лексиконом, включающим лексемы с абстрактным и переносным значением (напр., «здравствуйте!» < здоровье < прото-слав. **szdorvъ* ‘дерево’ ~ др.-инд. *dāru* ‘полено’, авест. *dāru* ‘бревно’, ‘дерево’ [73, с. 90], ср. уэльск. *derw* ‘дуб’, лит. *dervà* ‘смола’, ‘смолистый пень’, англ. *tree* < ИЕ **deru-*, **doru-*, **dru-*, **dreu-* ‘tree’ [74], [75].

Вторым следствием отмеченного процесса можно считать лексические различия, накапливающиеся в языках родственных, но географически разделенных социумов, которые, вкпе с фо-

нетическими различиями, ведут к диалектному членению и затем к образованию отдельных языков (ср. русск. *человек* и укр. *чоловік* ‘мужчина’). Из истории ИЕ языкознания можно привести пример древа лексем, восходящих к прото-ИЕ **leuk* ‘light’, ‘brightness’ со значениями ‘light’, ‘moon’, ‘purify’, ‘meadow’, ‘shine’, ‘flame’, ‘fire’, ‘lamp’, ‘rabies’ и даже, возможно, ‘lynx’ – ‘and they are only the cognates retrievable from the English vocabulary [76, с. 362]. Аналогично, прото-ИЕ корень **deike* ‘to point’ породил очень широкое древо лексем, чрезвычайно разнящихся семантически, как глаголов (‘to point out’, ‘to show’, ‘to exhibit’, ‘to confess’, ‘to say’, ‘to teach’, ‘to accuse’, ‘to manifest’, ‘to give a sign’), так и существительных (‘direction’, ‘region’, ‘part’, ‘earth’, ‘world’, ‘camping ground’, ‘country’, ‘village’, ‘cultivated field’, ‘side’, ‘span’, ‘handspan’, ‘amazement’, ‘finger’, ‘toe’. ‘accusation’, ‘sign’, ‘example’, ‘token’, ‘dedicate’, ‘judge’...totally 31 different meanings...” [77, с. 354]. Роль явления гештальта в исторической лингвистике рассматривалась отдельными авторами [64], [78].

В заключение автор выражает скромную надежду на то, что дальнейшее изучение нейрофизиологии языковых и перцептивных зон неинвазивными методами, такими как fMRI, PET ([30], [79]), BMIs [80], индикация масс нейронов (multineural recording) [81], хомогенетика [82], оптогенетика [83], визуализация живых клеток [84], визуализация посредством потенциал-чувствительных красителей (VSDI) [85], сможет подтвердить высказанные в работе предположения, что может иметь значение в исследованиях процессов высшей нервной деятельности и лингвогенеза.

Список источников

1. *Pinker S.* Linguistics as a Window to Understanding the Brain. 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Q-B_ONJIEcE&t=2410s (дата обращения: 18.12.2022)
2. *Lakoff G., Johnsen M.* Metaphors we live by. L.: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
3. *Аристотель.* Поэтика. Сочинения в 4 томах. 4 Том. М.: Мысль. 1984. 830 с.
4. *Зорина З., Смирнова А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. Способны ли высшие животные к оперированию символами?. М.: Языки славянских культур. 2006. 423 с.
5. *Sagan C.* Dragons of Eden: Speculations on the Evolution of Human Intelligence. NY: Ballantine Books, 1978. 271 p.
6. *Braitenberg V.* Cell assemblies in the cerebral cortex // Lecture notes in biomathematics. Theoretical approaches to complex systems. V. 21. Berlin: Springer Verlag, 1978. Pp. 171–188.

7. Coulson S. Metaphor Comprehension and the Brain // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 177–194
8. Garagnani M., Wennekers Th., Pulvermüller F. Recruitment and Consolidation of Cell Assemblies for Words by Way of Hebbian Learning and Competition in a Multi-Layer Neural Network // Cognitive Computation. 2009. Vol. 1. Pp.160–176.
9. Lakoff G. The Neural Theory of Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 17–38.
10. Perniss P., Vigliocco G. The bridge of iconicity: from a world of experience to the experience of language // Phil. Trans. R. Soc. 2014. Vol. B 369. P. 20130300
11. Pulvermüller F. Hebb's concept of cell assemblies and the psychophysiology of word processing // Psychophysiology. 1996. Vol. 33. Pp. 317–333.
12. Wennekers Th., Garagnani M., Pulvermüller F. Language models based on Hebbian cell assemblies // Journal of Physiology-Paris. 2006. Vol. 100. Pp. 16–30.
13. Hebb D. The Organization of Behavior. NY: Wiley, 1949. 335 p.
14. Huyck C., Passmore P. A review of cell assemblies // Biological Cybernetics. 2013. Vol. 107. No. 3. Pp. 263–288.
15. Gertner D. Structure-Mapping: a Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science. 1983. Vol. 7. Pp. 155–170.
16. Palm G., Knoblauch A., Hauser F., Shüz A. Cell assemblies in the cerebral cortex // Biological Cybernetics. 2014. Vol. 108. No. 5. Pp. 559–572.
17. Chao L., Haxby J., Martin A. Attribute-based neural substrates in temporal cortex for perceiving and knowing about objects // Nat. Neurosci. 1999. Vol. 2, Pp. 913–919.
18. Gainotti G. The influence of anatomical locus of lesion and of gender-related familiarity factors in category-specific semantic disorders for animal, fruits and vegetables: a review of single-case studies // Cortex. 2010. Vol. 46. Pp. 1078–1087.
19. Huth A., Nishimoto Sh., Vu A., Gallant J. A continuous semantic space describes the representation of thousands of object and action categories across the human brain // Neuron. 2012. Vol. 76. No. 6. Pp. 1210–1224.
20. Huth A., de Heer W., Griffiths Th., Theunissen F., Gallant J. Natural speech reveals the semantic maps that tile human cerebral cortex // Nature. 2016. Vol. 532. Pp. 453–458.
21. Martin A., Haxby J., Lalonde F., Wiggs C., Ungerleider L. Discrete cortical regions associated with knowledge of color and knowledge of action // Science. 1995. Vol. 270. Pp. 102–105.
22. Martin A., Wiggs C., Ungerleider L., Haxby J. Neural correlates of category-specific knowledge // Nature. 1996. Vol. 379. Pp. 649–652.
23. Buonomano D., Merzenich M. Cortical plasticity: from synapses to maps // Annual Review of Neuroscience. 1998. Vol. 21. Pp. 149–186.
24. McNaughton B., Battaglia F., Jensen O., Moser E., Moser M.-B. Path integration and the neural basis of the 'cognitive map' // Nature Reviews Neuroscience. 2006. Vol.7. Pp. 663–678.
25. Huyck C. Creating Hierarchical Categories Using Cell Assemblies // Connection Science. 2007. Vol. 19. No. 1.Pp. 1–30.
26. Jolicoeur P., Gluck M., Kosslyn S. Pictures and names: Making the Connection // Cognitive Psychology. 1984. No. 16. Pp. 243–275.
27. Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D, Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. 1976. Vol. 8. Pp. 382–439.
28. Bressler S. Large-scale cortical networks and cognition // Brain Research Reviews. 1995. Vol. 20. Pp. 288–304.
29. Sakurai Y. The search for cell assemblies in the working brain // Behav. Brain Research. 1998. Vol. 91. No.1-2. Pp. 1–13.
30. Petersen S., Fox P., Posner M., Mintun M, Raichle M. Positron Emission Tomographic Studies of the Processing of Single Words // Journal of Cognitive Neuroscience. 1989. Vol. 1. No. 2. Pp. 153–170.
31. Steriade N., Nuñez A., Amzî F. A novel slow (< 1Hz) oscillation of neocortical neurons in vivo: depolarizing and hyperpolarizing components // Journal of Neuroscience. 1993. Vol. 13. No.8. Pp. 3252–3265.
32. Georgopoulos A., Schwartz A., Kettner R. Neuronal populations coding of movement direction // Science. 1986. Vol. 233. Pp. 1416–1419.
33. Pulvermüller F., Lutzenberger W., Preissl H. Nouns and Verbs in the Intact Brain: Evidence from Event-related Potentials and High-frequency Cortical Responses // Cerebral Cortex. 1999. Vol. 9. Pp. 497–506.
34. Tuduscius O., Nieder A. Neuronal population coding of continuous and discrete quantity in the primate posterior parietal cortex // PNAS. 2007. Vol. 104. No. 36. Pp. 14513–14518.
35. Kensinger E. Phases of Influence: How Emotion Modulates the Formation and Retrieval of Declarative Memories // The Cognitive Neurosciences. Cambridge MS – L.: MIT Press, 2014. Pp. 725–738.
36. Зельдин А. Физиология нейронной кодировки лексем // Журнал высшей нервной деятельности. 2018 а. Т. 69. №. 2. С. 256–264.
37. Коган А., Чораян О. Вероятностные механизмы нервной деятельности. Ростов: Изд-во. Ростовского университета 1990. 176 с.
38. Wertheimer M. Laws of organization in perceptual forms // A source book of Gestalt psychology. Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, 1938. Pp.71–88 .
39. Анохин К. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
40. Kiefer M., Sim E.-J., Herrnberger B., Grothe J., Hoenig T. The sound of concept: four markers for a link between auditory and conceptual brain systems // J.Neurosci. 2008. No. 20. Pp. 12224–12230.
41. Tomasello R., Wennekers Th., Garagnani M., Pulvermüller F. Visual cortex recruitment during language processing in blind individuals is explained by Hebbian learning // Nature. Scientific Reports. 2019. Vol. 9. 3579 p.

42. *Ehrenstein W., Spillman L., Sarris V.* Gestalt Issues in Modern Neuroscience // *Axiomathes*. 2003. Vol. 13. Pp. 433–458.
43. *Сергиенко Е.* Когнитивное развитие довербального ребенка // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 337–365.
44. *Зельдин А.* Звуковой символ «мама» в синхроническом и диахроническом аспекте // *Вопросы психолингвистики*. 2018. Т. 4. № 38. С. 120–136.
45. *Biasi D., Wi hmann S., Hammarström H., Stadler P., Christiansen M.* Sound-meaning associations biases evidenced across thousands of languages // *PNAS*. 2016. Vol. 113. No. 39. Pp.10818–10823.
46. *Campbell L.* American Indian languages: the historical linguistics of Native America. Oxford: Oxford University Press. 1997. 527 p.
47. *Traunmüller H.* Sound symbolism in deictic words // *Fonetik 96*. Swedish phonetic conference, Nässlingen 1996, May 29–31. Pp. 147–150.
48. *MacNeilage P.* The Frame/Content Theory of Evolution of Speech Production // *Behavioral and Brain Sciences*. 1998. Vol. 21. No. 4. Pp. 499–511.
49. *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p.
50. *Starostin S., Starostin G.* The Tower of Babel. 1998/2013. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/main.cgi?flags=eygttnl> (дата обращения: 02.05.2023)
51. *Климов Г.* Этимологический словарь картельских языков. М.: изд. АН СССР. 1964. 306 с.
52. *Armstrong R.* The Study of West African Languages. Ibadan University Press. The Institute of African Studies. 1964. 74 p.
53. *Bender L.* Nilo-Saharan Languages, A Comparative Essay. München: LINCOM Europa, 1997. 251 p.
54. *Diffloth G.* Towards a History of Mon-Khmer: Proto-Semai Vowels // *South-East Asian Studies*. 1977. Vol. 14. No. 4. Pp. 463–495.
55. *Manaster Ramer A.* Eudeve and Huichol evidence for Proto-Uto-Aztecan phonology // *Journal de la Société des américanistes*. 1996. Vol. 82. P. 117–127.
56. *Clark A., Tyler L.* Understanding What We See: How We Derive Meaning From Vision // *Trades in Cognitive Sciences*. 2015. Vol. 19. No. 11. Pp. 677–687.
57. *Patterson K., Nestor P., Rogers T.* Where do you know what you know? The representation of semantic knowledge in the human brain // *Nature*. 2007. Vol. 8. Pp. 976–987.
58. *Martin A.* The Representation of Object Concepts in the Brain // *Annu. Rev. Psychol.* 2007. No. 58. Pp. 25–45.
59. *Pulvermüller F.* Brain reflection of words and their meaning // *Tr. in Cogn. Sci.* 2001. Vol. 5. No. 12. Pp. 517–524.
60. *Pulvermüller F.* Brain mechanisms linking language and action // *Nature*. 2005. Vol. 6. Pp. 576–582.
61. *Margiotoudi K., Pulvermüller F.* Action sound-shape congruencies explain sound symbolism // *Nature, Scientific Reports*. 2020. No. 10. P. 12706.
62. *Garagnani M., Kirillina E., Pulvermüller F.* Semantic Grounding of Novel Spoken Words in the Primary Visual Cortex // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2021. Vol. 15. P. 581847.
63. *Goldberg R., Perfetti Ch., Schneider W.* Perceptual Knowledge Retrieval Activates Sensory Brain Regions // *Journal of Neuroscience*. 2006. Vol. 26. No.18. Pp. 4917–4921.
64. *Gobet F.* Entrenchment, Gestalt formation and chunking // *Entrenchment, memory and automaticity. The psychology of linguistic knowledge and language learning: How we reorganize and adapt linguistic knowledge*. Berlin: Walter de Gruyter, 2017. Pp. 245–267.
65. *Fodor G.* Psychosemantics: the Problem of meaning in the philosophy of mind. Cambridge MA: MIT Press, 1987. 171p.
66. *Cameron L.* Metaphor and Talk // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 197–211.
67. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. No. 2. Pp. 133–187.
68. *Gibbs R-Jr.* The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding, Cambridge UK: Cambridge University Press, 1994. 527 p.
69. *Sweetser E.* 1990. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Berkeley: University of California, 1990.
70. *Deutscher G.* The Unfolding of Language. The Evolution of Mankind's Greatest Invention. L: Arrow Books, 2006. 360 p.
71. *Gibbs R.-Jr., Matlock T.* Metaphor, Imagination and Simulation // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 161–176.
72. *Sperber D., Wilson D.* A Deflationary Account of Metaphors // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 84–105.
73. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырех томах. 2 том. Е-Муж. М.: Астрель, АСТ, 2007. 671 с.
74. *Claiborne R.* The Roots of English. NY: Anchor Books. Doubleday, 1989. 335 p.
75. *Hoad T.* The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1993. 552 p.
76. *Nichols J.* Modelling Ancient Population Structures and Movement in Linguistics // *Ann. Rev. Anthropol.* 1997. Vol. 26. Pp. 359–384.
77. *Ban el P., Matthey de l'Etang A.* Brave New Words // *New perspectives in the Origins of Language. Studies in Language Companion Series. #144*. John Benjamin Publ. Comp, 2013. Pp. 333–377.
78. *Höltz A.* The Unknown History of Cognitive Linguistics. Academia Letters. Article 8, 2020. URL: <http://doi.org/10.20935/AL8> (дата обращения: 10.12.2022).
79. *Mazoyer B., Cohen L., Frak V.* The Cortical Representation of Speech // *J. Cogn. Neurosci.* 1993. Vol. 5. No. 4. Pp. 467–479.

80. Lebedev M. Brain-machine interface: an overview // Trans. Neurosci. 2004. No. 5. Pp. 99–110.

81. Sakurai Y., Osako Y., Tanisumi Y., Ishihara E., Hirokawa J., Manabe H. Multiple Approaches to the Investigation of Cell Assembly in Memory Research – Present and Future // Front. Syst. Neurosci. 2018. Vol. 12. Art. 21. Pp. 1–13.

82. Sternson S., Roth B. Chemogenetic tools to interrogate brain functions // Annu. Rev. Neurosci. 2014. Vol. 37. Pp. 387–407.

83. Tonegawa S., Pignatelli M., Roy D., Ryan T. Memory engram storage and retrieval // Curr. Opin. Neurobiol. 2015. Vol. 35. Pp. 101–109.

84. Grienberger C., Konnerth A. Imaging calcium in neurons // Neuron. 2012. Vol. 73. Pp. 862–885.

85. Grinvald A., Hildesheim R. VSDI: a new era in functional imaging of cortical dynamics // Nat Rev Neurosci. 2004. Vol. 5. No. 11. Pp. 874–885.

References

1. Pinker, S. (2012). *Linguistics as a Window to Understanding the Brain*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Q-B_ONJIEcE&t=2410s (accessed 18.12.2022). (In English)
2. Lakoff G., Johnsen, M. (2003). *Metaphors We Live By*. 276 p. L., The University of Chicago Press. (In English)
3. Aristotel. (1984). *Poetica*. Sochinenia v 4 tomax. T. 4. 830 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)
4. Zorina, Z., Smirnova, A. (2006). *O chom rasskazali "govoryash h iye" obezyany. Sposobny li vysshye zhyvotnye k operirovaniyu simbolami?* [What the 'Speaking' Apes Told. Can the Higher Animals Employ Symbols?]. 423 p. Moscow, Yazyki slavyanskix kul'tur. (In Russian)
5. Sagan, C. (1978). *Dragons of Eden: Speculations on the Evolution of Human Intelligence*. 271 p. NY, Ballantine Books. (In English)
6. Braitenberg, V. (1978). *Cell Assemblies in the Cerebral Cortex*. Lecture notes in biomathematics. Theoretical approaches to complex systems. V. 21. Pp. 171–188. Berlin, Springer Verlag. (In English)
7. Coulson, S. (2008). *Metaphor Comprehension and the Brain*. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Pp. 177–194. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
8. Garagnani, M., Wennekers, Th., Pulvermüller, F. (2009). *Recruitment and Consolidation of Cell Assemblies for Words by Way of Hebbian Learning and Competition in a Multi-Layer Neural Network*. Cognitive Computation. Vol. 1, pp.160–176. (In English)
9. Lakoff, G. (2008). *The Neural Theory of Metaphor*. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Pp. 17–38. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
10. Perniss, P., Vigliocco, G. (2014). *The Bridge of Iconicity: From a World of Experience to the Experience of Language*. Phil. Trans. R. Soc. Vol. B 369, p. 20130300. (In English)
11. Pulvermüller, F. (1996). *Hebb's Concept of Cell Assemblies and the Psychophysiology of Word Processing*. Psychophysiology. Vol. 33, pp. 317–333. (In English)
12. Wennekers, Th., Garagnani, M., Pulvermüller, F. (2006). *Language Models Based on Hebbian Cell Assemblies*. Journal of Physiology-Paris. Vol. 100, pp. 16–30. (In English)
13. Hebb, D. (1949). *The Organization of Behavior*. 335 p. NY, Wiley. (In English)
14. Huyck, C. Passmore, P. (2013). *A Review of Cell Assemblies*. Biological Cybernetics. Vol. 107. No. 3, pp. 263–288. (In English)
15. Gertner, D. (1983). *Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy*. Cognitive Science. Vol. 7, pp.155–170. (In English)
16. Palm, G., Knoblauch, A., Hauser, F., Schüz, A. (2014). *Cell Assemblies in the Cerebral Cortex*. Biological Cybernetics. Vol. 108. No. 5, pp. 559–572. (In English)
17. Chao, L., Haxby, J., Martin, A. (1999). *Attribute-based Neural Substrates in Temporal Cortex for Perceiving and Knowing about Objects*. Nat. Neurosci. Vol. 2, pp. 913–919. (In English)
18. Gainotti, G. (2010). *The Influence of Anatomical Locus of Lesion and of Gender-Related Familiarity Factors in Category-Specific Semantic Disorders for Animal, Fruits and Vegetables: A Review of Single-Case Studies*. Cortex. Vol. 46, pp.1078–1087. (In English)
19. Huth, A., Nishimoto, Sh., Vu, A., Gallant, J. (2012). *A Continuous Semantic Space Describes the Representation of Thousands of Object and Action Categories across the Human Brain*. Neuron. Vol. 76. No. 6, pp. 1210–1224. (In English)
20. Huth, A., de Heer, W., Griffiths, Th., Theunissen, F., Gallant, J. (2016). *Natural Speech Reveals the Semantic Maps that Tile Human Cerebral Cortex*. Nature. Vol. 532, pp. 453–458. (In English)
21. Martin, A., Haxby, J., Lalonde, F., Wiggs, C., Ungerleider, L. (1995). *Discrete Cortical Regions Associated with Knowledge of Color and Knowledge of Action*. Science. Vol. 270, pp. 102–105. (In English)
22. Martin, A., Wiggs, C., Ungerleider, L., Haxby, J. (1996). *Neural Correlates of Category-Specific Knowledge*. Nature. Vol. 379, pp. 649–652. (In English)
23. Buonomano, D., Merzenich, M. (1998). *Cortical Plasticity: From Synapses to Maps*. Annual Review of Neuroscience. Vol. 21, pp. 149–186. (In English)
24. McNaughton, B., Battaglia, F., Jensen, O., Moser, E., Moser, M.-B. (2006). *Path Integration and the Neural Basis of the 'Cognitive Map'*. Nature Reviews Neuroscience. Vol. 7, pp. 663–678. (In English)
25. Huyck, C. (2007). *Creating Hierarchical Categories Using Cell Assemblies*. Connection Science. Vol. 19. No. 1, pp. 1–30. (In English)
26. Jolicoeur, P., Gluck, M., Kosslyn, S. (1984). *Pictures and Names: Making the Connection*. Cognitive Psychology. No. 16, pp. 243–275. (In English)
27. Rosch, E., Mervis, C., Gray, W., Johnson, D., Boyes-Braem, P. (1976). *Basic Objects in Natural Categories*. Cognitive Psychology. Vol. 8, pp. 382–439. (In English)

28. Bressler, S. (1995). *Large-scale Cortical Networks and Cognition*. Brain Research Reviews. Vol. 20, pp. 288–304. (In English)
29. Sakurai, Y. (1998). *The Search for Cell Assemblies in the Working Brain*. Behav. Brain Research. Vol. 91. No.1–2, pp. 1–13. (In English)
30. Petersen, S., Fox, P., Posner, M., Mintun, M., Raichle, M. (1989). *Positron Emission Tomographic Studies of the Processing of Single Words*. Journal of Cognitive Neuroscience. Vol. 1. No. 2, pp. 153–170. (In English)
31. Steriade N., Nuñez A., Amzica F. (1993). *A Novel Slow (< 1Hz) Oscillation of Neocortical Neurons in Vivo: Depolarizing and Hyperpolarizing Components*. Journal of Neuroscience. Vol. 13. No. 8, pp. 3252–3265. (In English)
32. Georgopoulos, A., Schwartz, A., Kettner, R. (1986). *Neuronal Populations Coding of Movement Direction*. Science. Vol. 233, pp. 1416–1419. (In English)
33. Pulvermüller, F., Lutzenberger, W., Preissl, H. (1999). *Nouns and Verbs in the Intact Brain: Evidence from Event-related Potentials and High-frequency Cortical Responses*. Cerebral Cortex. Vol. 9, pp. 497–506. (In English)
34. Tuduscius, O., Nieder, A. (2007). *Neuronal Population Coding of Continuous and Discrete Quantity in the Primate Posterior Parietal Cortex*. PNAS. Vol. 104. No. 36, pp. 14513–14518. (In English)
35. Kensinger, E. (2014). *Phases of Influence: How Emotion Modulates the Formation and Retrieval of Declarative Memories*. The Cognitive Neurosciences. Pp. 725–738. Cambridge MS – L., MIT Press. (In English)
36. Zeldin, A. (2018 a). *Fiziologiya neironnoi kodirovki leksem* [The Physiology of Lexemes' Neural Encoding]. Zhurnal vysshchei nervnoi deyatel'nosti. Tom 69. No. 2, pp. 256–264. (In Russian)
37. Kogan, A., Chorayan, O. (1990). *Veroyatnostnye mexanizmy nervnoi deyatel'nosti* [The Probabilistic Mechanisms of Nervous Activity]. 176 p. Rostov, izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. (In Russian)
38. Wertheimer, M. (1938). *Laws of Organization in Perceptual Forms*. A source book of Gestalt psychology. Pp.71– 88. Kegan Paul, Trench, Trubner & Company. (In English)
39. Anokhin, K. (2021). *Cognitom: v poiskakh fundamental'noi neironau h noi teorii soznaniya* [Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness]. Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti [Journal of Higher Nervous Activity]. Vol. 71. No. 1, pp. 39–71. (In Russian)
40. Kiefer, M., Sim, E.-J. Herrnberger, B., Grothe, J., Hoenig, T. (2008). *The Sound of Concept: Four Markers for a Link between Auditory and Conceptual Brain Systems*. J. Neurosci. No. 20, pp. 12224–12230. (In English)
41. Tomasello, R., Wennekers, Th., Garagnani, M., Pulvermüller, F. (2019). *Visual Cortex Recruitment during Language Processing in Blind Individuals Is Explained by Hebbian Learning*. Nature. Scientific Reports. Vol. 9, p. 3579. (In English)
42. Ehrenstein, W., Spillman, L., Sarris, V. (2003). *Gestalt Issues in Modern Neuroscience*. Axiomathes. Vol. 13, pp. 433–458. (In English)
43. Sergienko, E. (2008). *Kognitivnoye razvitiye doverbal'nogo rebyonka* [Cognitive Development of Preverbal Children]. Razumnoye povedeniye i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Language and Reasoning. Vol. I. Animal Communication and Human Language. Language Origins]. Pp. 337–365. Moscow, Yazyki slavyanskix kul'tur. (In Russian)
44. Zeldin, A. (2018 b). *Zvukovoi symbol "mama" v synchronicheskom i diachronicheskom aspect* ["Mama" Sound Symbol Viewed Synchronically and Diachronically]. Voprosy psicholinvistiki. Vol. 4. No. 38, pp. 120–136. (In Russian)
45. Biasi, D., Wichmann, S., Hammarström, H., Stadler, P., Christiansen, M. (2016). *Sound-Meaning Associations Biases Evidenced across Thousands of Languages*. PNAS. Vol. 113. No. 39, pp.10818–10823. (In English)
46. Campbell, L. (1997). *American Indian Languages: The Historical Linguistics of Native America*. 527 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
47. Traunmüller, H. (1996). *Sound Symbolism in Deictic Words*. Fonetik 96. Swedish phonetic conference, Nässlingen 1996, May 29–31, pp. 147–150. (In English).
48. MacNeilage, P. (1998). *The Frame/Content Theory of Evolution of Speech Production*. Behavioral and Brain Sciences. Vol. 21. No. 4, pp. 499–511. (In English)
49. Starostin, S., Dybo, A., Mudrak, O. (2003). *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. 1556 p. Leiden, Brill. (In English)
50. Starostin S., Starostin G. (1998/2013). *The Tower of Babel*. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtntl> (accessed: 02.05.2023). (In Russian, in English)
51. Klimov, G. (1964). *Etymologi h eskii slovar' kartvelskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages]. 306 p. Moscow, izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
52. Armstrong, R. (1964). *The Study of West African Languages*. 74 p. Ibadan University Press. The Institute of African Studies. (In English)
53. Bender, L. (1997). *Nilo-Saharan Languages. A Comparative Essay*. 251 p. München, LINCOM Europa. (In English)
54. Diffloth, G. (1977). *Towards a History of Mon-Khmer: Proto-Semai Vowels*. South-East Asian Studies. Vol. 14. No. 4, pp. 463–495. (In English)
55. Manaster Ramer A. (1996). *Eudeve and Huichol Evidence for Proto-Uto-Aztecan Phonology*. Journal de la Société des américanistes. Vol. 82, pp. 117–127. (In English)
56. Clark, A., Tyler, L. (2015). *Understanding What We See: How We Derive Meaning From Vision*. Trades in Cognitive Sciences. Vol. 19. No. 11, pp. 677–687. (In English)
57. Patterson, K., Nestor, P., Rogers, T. (2007). *Where Do You Know What You Know? The Representation of Semantic Knowledge in the Human Brain*. Nature. Vol. 8, pp. 976–987. (In English)

58. Martin, A. (2007). *The Representation of Object Concepts in the Brain*. Annu. Rev. Psychol. No. 58, pp. 25–45. (In English)
59. Pulvermüller, F. (2001). *Brain Reflection of Words and Their Meaning*. Tr. in Cogn. Sci. Vol. 5. No. 12, pp. 517–524. (In English)
60. Pulvermüller, F. (2005). *Brain Mechanisms Linking Language and Action*. Nature. Vol. 6, pp. 576–582. (In English)
61. Margiotoudi, K., Pulvermüller, F. (2020). *Action Sound-Shape Congruencies Explain Sound Symbolism*. Nature, Scientific Reports. No. 10, p. 12706. (In English)
62. Garagnani, M., Kirillina, E., Pulvermüller, F. (2021). *Semantic Grounding of Novel Spoken Words in the Primary Visual Cortex*. Frontiers in Human Neuroscience. Vol. 15, p. 581847. (In English)
63. Goldberg, R., Perfetti, Ch., Schneider, W. (2006). *Perceptual Knowledge Retrieval Activates Sensory Brain Regions*. Journal of Neuroscience. Vol. 26. No.18, pp. 4917–4921. (In English)
64. Gobet, F. (2017). *Entrenchment, Gestalt Formation and Chunking. Entrenchment, Memory and Automaticity. The Psychology of Linguistic Knowledge and Language Learning: How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge*. Pp. 245–267. Berlin, Walter de Gruyter. (In English)
65. Fodor, G. (1987). *Psychosemantics: the Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*. 171 p. Cambridge MA, MIT Press. (In English)
66. Cameron, L. (2008). *Metaphor and Talk*. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Pp. 197–211. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
67. Fauconnier, G., Turner, M. (1998). *Conceptual Integration Networks*. Cognitive Science. Vol. 22. No. 2, pp. 133–187. (In English)
68. Gibbs, R.-Jr. (1994). *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. 527 p. Cambridge UK, Cambridge University Press. (In English)
69. Sweetser, E. (1990). *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. 174 p. Berkeley, University of California. (In English)
70. Deutscher, G. (2006). *The Unfolding of Language. The Evolution of Mankind's Greatest Invention*. 360 p. L., Arrow Books. (In English)
71. Gibbs, R.-Jr., Matlock, T. (2008). *Metaphor, Imagination and Simulation*. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Pp. 161–176. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
72. Sperber, D., Wilson, D. (2008). *A Deflationary Account of Metaphors*. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Pp. 84–105. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
73. Fasmer, M. (2007). *Etymologicheskii slovar' russkogo yazyka v chetyryokh tomakh. 2 tom. E-Muzh*. [Etymological Dictionary of Russian Language in IV volumes. Vol II: E-Muzh]. 671 p. Moscow, Astrel. AST. (In Russian)
74. Claiborne, R. (1989). *The Roots of English*. 335 p. NY, Anchor Books. Doubleday. (In English)
75. Hoad, T. (1993). *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. 552 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)
76. Nichols, J. (1997). *Modelling Ancient Population Structures and Movement in Linguistics*. Ann. Rev. Anthropol. Vol. 26, pp. 359–384. (In English)
77. Bancel, P., Matthey de l'Etang, A. (2013). *Brave New Words. New perspectives in the Origins of Language*. Studies in Language Companion Series. #144. Pp. 333–377. John Benjamin Publ. Comp. (In English)
78. Höltz, A. (2020). *The Unknown History of Cognitive Linguistics*. Academia Letters. Article 8. URL: <http://doi.org/10.20935/AL8> (accessed 10.12.2022). (In English)
79. Mazoyer, B., Cohen, L., Frak, V. (1993). *The Cortical Representation of Speech*. J. Cogn. Neurosci. Vol. 5. No. 4, pp. 467–479. (In English)
80. Lebedev, M. (2004). *Brain-Machine Interface: An Overview*. Trans. Neurosci. No. 5, pp. 99–110. (In English)
81. Sakurai, Y., Osako, Y., Tanisumi, Y., Ishihara, E., Hirokawa, J., Manabe, H. (2018). *Multiple Approaches to the Investigation of Cell Assembly in Memory Research – Present and Future*. Front. Syst. Neurosci. Vol. 12. Art. 21, pp. 1–13. (In English)
82. Sternson, S. Roth, B. (2014). *Chemogenetic tools to interrogate brain functions*. Annu. Rev. Neurosci. Vol. 37, pp. 387–407. (In English)
83. Tonegawa, S., Pignatelli, M., Roy, D., Ryan, T. (2015). *Memory Engram Storage and Retrieval*. Curr. Opin. Neurobiol. Vol. 35, pp.101–109. (In English)
84. Grienberger C., Konnerth A. (2012). *Imaging Calcium in Neurons*. Neuron. Vol. 73, pp. 862–885. (In English)
85. Grinvald A., Hildesheim R. (2004). *VSDI: a new era in functional imaging of cortical dynamics*. Nat. Rev. Neurosci. Vol. 5. No. 11, pp. 874–885. (In English)

The article was submitted on 16.04.2024
Поступила в редакцию 16.04.2024

Зельдин Анатолий Евсеевич,
соискатель,
Управление Государственной службы,
76300, Израиль, Реховот.
anatolyz@moia.gov.il

Zeldin Anatoly Evseevich,
Ph.D. applicant,
Civil Service Commission,
Rehovot, 76300, Israel.
anatolyz@moia.gov.il

УДК 811.512.111: 811.512.145: 391: 81'373.6
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-41-47

НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ В ТАТАРСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

© Зоя Кириллова, Виолетта Аниферова

THE NAMES OF OUTERWEAR IN THE TATAR AND CHUVASH LANGUAGES

Zoya Kirillova, Violetta Aniferova

This work studies the vocabulary of outerwear in two related Turkic languages – Tatar and Chuvash. These two languages of neighboring peoples closely interact, which leads to their interpenetration, including the linguistic elements.

In the article, Tatar and Chuvash lexemes, included in the thematic group “outerwear”, are analyzed in a comparative aspect. The words are considered in historical and etymological terms. The work provides examples from other Turkic languages and investigates the borrowing of these words into the Russian language.

The article concludes that the stem of lexemes expressing the meaning of outerwear is made up of common Turkic words such as *chikmen*, *tolyp*, *kurk*, *chapan*, *ermek*, *tun*, *bishmet*, etc., although researchers believe some of them to be borrowings from other languages. Some of the words were borrowed into the Chuvash language from Tatar: *sapan*, *kamsul*, *beshmet*, etc. The etymology of such foreign words as *kamsul* is generally believed to come from Italian through Russian, *zybyn*, *choba* from Arabic, etc. Some names of outerwear were adopted into the Russian language from Turkic languages: *beshmet*, *azyam*, *armyak*, *chekmen*, *epancha*, *kafian*, *tulup*, *chapan*, etc. The fact that the origin of many words is determined by scientists in different ways makes their study more complicated.

Keywords: outerwear, Turkic peoples, Tatars, Chuvashs, Ancient Turkic words

Данная работа посвящена исследованию лексики предметов верхней одежды в двух родственных тюркских языках – татарском и чувашском. Эти два языка соседних народов тесно взаимодействуют, что приводит к взаимопроникновению в том числе и языковых элементов.

В статье татарские и чувашские лексемы, входящие в тематическую группу «верхняя одежда», анализированы в сравнительном аспекте. Слова рассмотрены с историко-этимологической точки зрения. В работе были приведены примеры из других тюркских языков и исследованы заимствования этих слов в русский язык.

Авторы пришли к выводу, что основу лексем, выражающих значения предметов верхней одежды, составляют общетюркские слова, такие как *чикмэн*, *толпып*, *курк*, *чапан*, *эрмэк*, *тун*, *бишмэт* и др., хотя некоторые из них исследователи считают заимствованиями из других языков. Стоит отметить, что часть слов была заимствована в чувашский язык из татарского: *сәпән*, *камсул*, *пишмет* и др. Общепринятым считается мнение, что такие иноязычные слова, как *камзул* / *камсул*, заимствованы из итальянского через русский язык; *зыбын*, *чоба* – из арабского языка и т. д. Некоторые названия предметов верхней одежды были приняты в русский язык из тюркских языков: *бешмет*, *азям*, *армяк*, *чекмень*, *епанча*, *кафтан*, *тулуп*, *чапан* и др. Затрудняет исследование тот факт, что происхождение многих слов определяется учеными по-разному.

Ключевые слова: верхняя одежда, тюркские народы, татары, чувашы, древнетюркские слова

Для цитирования: Кириллова З., Аниферова В. Названия предметов верхней одежды в татарском и чувашском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 41–47. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-41-47

Из-за климатических условий, которые меняются в различные времена года, народам приходится носить разную одежду. Это и является

причиной того, что одежда была поделена по сезонам: выделялась зимняя, летняя и демисезонная (весенняя и осенняя) одежда. Многие наро-

ды, в частности татары и чуваша, проживающие на территории России, девять месяцев в году вынуждены ходить в верхней одежде. Сейчас выбор верхней одежды очень большой. Однако какой была раньше верхняя национальная одежда у татар и чувашей? Этому вопросу и посвящена данная работа.

Актуальность данной работы определяется тем, что сравнительных исследований лингвистического характера наименований одежды в тюркологии проведено недостаточно, имеются лишь этнографические альбомы костюма татар и чувашей, а также некоторые исследования, освещающие проблемы на стыке этого научного направления [1], [2], [3], [4] и др. Татары и чуваша в течение долгого времени являются контактирующими народами, что оказало огромное взаимовлияние не только на развитие экономических и повседневных отношений, но и на языковые системы [5, с. 53].

Целью данного исследования является описание, анализ лексики и сравнение семантической структуры названий национальной верхней одежды в татарском и чувашском языках. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить имеющийся опыт лингвистических исследований; сделать исторический и генетический анализ названий верхней одежды в татарском и чувашском языках; провести сравнительный анализ лексики верхней одежды в данных языках.

Поставленные в работе цель и задачи определили необходимость использования комплексной методики исследования. В статье были использованы метод лингвистического анализа, включающий в себя описание, сравнение и классификацию исследуемого материала; метод анализа словарного определения и семантических частей языковых единиц; сравнительно-типологический метод, предполагающий сравнительный анализ татарских и чувашских лексем наименований верхней одежды; этимологический анализ и т. д.

В татарском языке для выражения понятия «одежда» используется слово *кием*, которое образовано от корня *ки(й)*- «надевать, одевать, одеваться» и словообразовательного аффикса *-ем*, выражающего результат действия путем образования имени существительного. *Кием* в современном татарском языке в первую очередь означает верхнюю одежду, в словарях также дается значение «платье, наряд» [6].

Данное слово зафиксировано в «Древнетюркском словаре» в разных фонетических вариантах: *kedim* – «одежда, одеяние» [7, с. 293], *kedim* – «одежда, одеяние» [Там же, с. 294], *kejim* – «одежда» [Там же, с. 295]. Как видно, эти слова обра-

зованы от глагольных основ *ked-* – «надевать» [Там же, с. 292], *ked-* – «надевать» [Там же, с. 294] и *kej-* – «одевать, надевать» [Там же]. Кроме этого, можно также добавить такой фонетический вариант глагольной основы как *ket-* – «одеваться» [Там же, с. 303], хотя в отличие от других он не имеет производного, выражающего значение «одежда».

В «Древнетюркском словаре» также можно найти следующие слова со значением «одежда» и его синонимами: *kedgü* – «одежда; одевание», *kedgölük* – «одеяние, одежда», *kedük I* – «накидка из войлока» [Там же, с. 293], *kedgü* – «одежда; одеяние», *kedük* – «накидка из шерсти», *kedüt* – «халат, одежда, преподносящая в качестве приданого или дара» [Там же, с. 294], *kejük* – «плащ, накидка из войлока» [Там же, с. 295]. К отглагольным именам с аффиксом *-t* со значением объекта, кроме вышеназванного *kedüt*, можно добавить слова *kejit-* «одежда», *kijit* – «одежда, (верхнее) платье». Последнее слово в разных языках имеет похожее значение. Например, в ногайском – «дары невесты родственникам жениха», в казахском – «подарок от отца невесты», в киргизском – «подарок одеждой; подарок от родственников жениха родственникам невесты после помолвки» и т. д. [8, с. 473]. Как видно из последних примеров, у имен существительных с аффиксом *-t* преобладает значение «дар, подарок одеждой».

Одежду, а в частности верхнюю одежду, чуваша называли обобщенным словом *тумтир*, которое состоит из двух слов: древнетюркских *ton* – «платье, одежда» [7, с. 574] и *teri* – «шкура, кожа» [Там же, с. 554]. Слово *тире* / *депи* используется и в современных тюркских языках: татарский, башкирский – *тире*, казахский, киргизский, узбекский – *тери*, турецкий – *deri*, азербайджанский – *дари*, туркменский – *депи* и т. д. Чувашское название одежды *тумтир* указывает, вероятно, на то, что первоначальной одеждой служила шкура животных. В некоторых диалектах и говорах чувашей в значении одежда может выступать слово *япала*, которое имеет следующие значения: 1. вещь, предмет; 2. вещи, имущество, добро, пожитки (разг.); 3. багаж, груз; 4. приданое; 5. изделие и т. д. [9].

Основой национального костюма у чувашского народа была рубашка-платье – *кёне*. Поверх рубахи в прохладные дни и по вечерам в летнее время чуваша носили легкий полукафтан (халат): *шунър* из белого холста и *пустап* из тонкого сукна.

Шунър – летний женский кафтан из белого полотна. По данным этимологических словарей чувашского языка, *шунър* / *шопър*, по-видимому,

заимствовано из финно-угорских языков: мансийский *шуп* – ‘рубаха’, хантыйский *шабур*, марийские *шовыр*, *шавыр* – ‘поддёвка из белого холста’, коми *шабур* – ‘глухая одежда типа рубашки из холста’ и т. д. [9], [10, с. 461].

Татарки тоже носили длинную верхнюю одежду без подкладки из домотканого белого или полосатого полотна, называемую *чоба*. Прежде всего надо отметить, что лексема *чоба* обнаруживается в ряде тюркских языков: башкирский *сыба*, ногайский *шыба* – женское платье; карачаево-балкарский *чуба* – корсет (обычно из кожи, который носили девочки с 10–12 лет до замужества), уйгурский *чипо* – длинное женское платье маньчжурского покроя со стоячим воротником (примечательно, что составители уйгурско-русского словаря считают его китайским заимствованием), турецкий, крымско-татарский *Дуба* – ‘нижнее домашнее платье с короткими рукавами’ и др. [11, с. 32–33]. Чоба является одним из архаичных видов верхней летней одежды волгоуральских татарок. В конце XIX – начале XX в. чоба носили татарки-кряшенки (за исключением молькеевских нагайбаков) и пермские татарки [3, с. 124]. Однако Р. Г. Мухамедова считает, что в начале XX в. чоба встречалась среди кряшен лишь в качестве обрядовой одежды пожилых мужчин. Ее надевали во время жертвоприношения по случаю засухи [12, с. 35]. В татарских говорах имеются и другие фонетические варианты слова *чоба* – *чува*, *чыба*, *чиба*, *сыба*, *цоба* [11, с. 31]. Р. Г. Ахметьянов происхождение этих слов связывает с арабским словом *жәббә* – ‘риза, плащ’, которое было принято в татарский через посредство персидского языка, и определяет *жәббә* как слово, получившее распространение из семитских языков [13, с. 443], [14, с. 278].

Чувацкий *постав* был назван в честь материала – сукна, из которого шили эту верхнюю одежду. В. Г. Егоров считает это слово русским заимствованием: *постав* обл. – ‘кусочек холста, свернутый трубкой’, ср. тув. *пос-даавы* – ‘текстильные изделия’ [15, с. 168], [9]. В. В. Радлов в книге «Опыт словаря тюркских наречий» пишет, что *пастав* происходит от венгерского *pastal* – ‘кусочек сукна’ [16, II, с. 1191]. Р. Г. Ахметьянов также указывает на венгерские слова *paszto* – ‘сукно’ и *pastal* – ‘кусочек сукна’, но *поставу* называет словом-загадкой [13, с. 113]. В татарском языке, в отличие от чувашского, данное слово имеет только значение сукна, но не используется для обозначения наименования одежды из этого материала.

В качестве основной демисезонной одежды у чувашей служили кафтаны из толстого сукна *сәхман* с глубоким запахом, разных цветов, чаще

черного или серого цвета. В. Г. Егоров в своем этимологическом словаре приводит множество тюркских соответствий: *сәхман* / *сәкман* – ‘суконный кафтан’; сибирско-татарский *сүкман* – ‘чекмень’; башкирский *сәкмән* – ‘зипун’, ‘армяк’; хакасский *сикпен*, алтайский *чекпен*, *чекмен* – ‘сукно’; тувинский *шекпен*, *шепкен* – ‘сукно’; ‘дождевик (из сукна)’; казахский, каракалпакский *шекпен* – ‘армяк’, ‘кафтан’; узбекский *чакмон* – ‘армяк’, ‘кафтан’; татарский *чикмән* – ‘кафтан’; караимский *шушман* – ‘мантия’; турецкий *чекмен*, *чепкен* – ‘короткий суконный кафтан’; ‘плащ (дождевой)’. Образованы они с помощью аффикса *-ман*, *-мен*, *-пен* от глагола: 1. чувашский **сәх*, алтайский *сук* – ‘надевать’, ‘вкладывать’, ‘всовывать’; хакасский *сук* – то же; турецкий *сок* – ‘всовывать’, ‘втыкать’, ‘вталкивать’; 2. турецкий *чек* – ‘надевать’, ‘натягивать’; сравни персидский *чакман* – ‘чекмень’, ‘мужская верхняя одежда’ [15, с. 185].

Татарский *чикмән* – это верхняя одежда из домашнего сукна. Д. Б. Рамазанова в своей монографии пишет: «География бытования слова дает, как нам кажется, основание предполагать то, что, во-первых, слово *сукман* весьма древнее, и, во-вторых, оно является общим для языков Волжско-Камского ареала, связано с добулгарскими тюрками. Слово же *чекмень*, видимо, более позднего происхождения и, возможно, принесено в Поволжье кипчаками» [11, с. 39].

Зимней одеждой чувашей являлась шуба *кёрёк* из дубленых овчин желтой или черной окраски, а у татар – *тун*. В. Г. Егоров приводит множество эквивалентов *кёрёк* из других тюркских языков. В чагатайском, азербайджанском языках *күрк* в значении «шуба», «мех»; в карачаевском *көрүк* – ‘мех’. Также это слово в значении «кузнечные мехи для нагнетания воздуха» можно встретить в следующих языках: в уйгурском – *көрүк*, киргизском – *көбрүк*, казахском, каракалпакском – *көрик*, башкирском – *күрек*, татарском – *күрүк*. В алтайском и хакасском *көрүк* переводится как ‘бурундук’; в калмыцком *көрк* – ‘мех пушного зверя’ [15, с. 108]. Считаем необходимым исправить татарский вариант написания на *күрек*. Р. Г. Ахметьянов слово *күрек* в трех следующих значениях: «кузнечные и пр. воздухоудные меха», «мех, обработанная шкура с хорошей шерстью» и диал. «шуба» – возводит к одной основе. Приводя множество параллелей из разных языков, обращает внимание на то, что в древнетюркском языке отличались древние написания слов *körük* и *kürk* [14, с. 498]. И действительно, в «Древнетюркском словаре» лексема *körük* представлено в значении «мех, горн ювелира или жестианщика» [7, с. 318], а слово *kürk*

переводится как ‘меховая одежда, шуба’ [Там же, с. 329]. В словаре В. В. Радлова отмечено слово *кўрк* с пометкой османское – ‘шуба, платье, подбитое мехом’, *бўтуън кўрк* – ‘шуба’, *кўрк тулуму* – ‘меховая подкладка’ и т. д. [17, с. 1457].

Слово *тун* в «Древнетюркском словаре» представлено со значением «платье, одежда» [7, с. 574], а в татарском языке сузилось до значения «шуба». Д. Б. Рамазанова для выяснения происхождения слова *тун* обращается к «Историко-этимологическому словарю» В. И. Абаева, в котором ученый предполагает, что источником для тюркского слова могло быть китайское *t'ûân* – ‘длинная одежда, мантия’, а латинское *tunica*, по его мнению, «до сих пор удовлетворительно не разъяснённое», следует, возможно, связать со скифским *tuna* [11, с. 48]. М. Р. Федотов приводит многочисленные тюркские соответствия и производные формы от *том* / *тум*, а также ссылается на мнение И. Н. Шервашидзе, который считает, что представляется более целесообразным выведение тюркского слова **dōn* (> *ton*) из среднекитайского *twân* (древнекитайское **iōn*) / современное *duan* – ‘длинное платье, халат’ [10, с. 238]. По мнению Р. Г. Ахметьянова, обычно слово считается заимствованием из санскритского языка – *thauna* – со значением «дорогая одежда», однако имеются и те, кто относится с сомнением к этой этимологии [13, с. 313].

Поверх шубы или кафтана в дальнюю дорогу чуваша зимой надевали *чапан* (*açam*) из грубошерстного, очень плотного и хорошо свалянного сукна коричневого или черного цвета. В татарском литературном языке и в большинстве говоров *чапан* – бухарский халат. В таком же значении слово наблюдается в чагатайском, узбекском, туркменском, киргизском и казахском языках.

У чувашей имелось еще несколько видов верхней одежды. И, судя по названию, они были заимствованы чувашами у соседей. К такой одежде относились *юпйңчă* (епанча), надеваемая в сырую погоду; *камсул* (камзол), *сăпăн* (зипун), *пишмет* (бешмет), *çипирке* (сбирка), *ермек* (армяк). Однако эти виды одежды, как и их названия, не получили широкого распространения среди чувашского народа [18, с. 73]. Чего не скажешь о татарах. *Бишмэт* у татар являлся одним из самых распространенных видов верхней теплой одежды. Это зимняя одежда, его шили из фабричной ткани на вате или из овечьей шерсти [12, с. 41]. Данная лексема бытует во многих тюркских языках, в основном кыпчакской и карлукской групп. Русское слово *бешмет* считается тюркским заимствованием, вошедшим из татарского языка, это утверждали М. Ряснянен, Л. Ли-

гети, М. Фасмер и др. ученые, но Э. В. Севортян выражает сомнение в тюркском происхождении слова, указывая на одну из форм в казахском языке *бешпент* и киргизскую асингармоническую форму *бешмант* [19, с. 124]. По мнению Р. Г. Ахметьянова, *бишмэт* восходит к персидскому слову *пэши банд* – ‘завязанная, застегнутая спереди (одежда)’, где *пэши* – ‘свисающий’, *банд* – ‘завязка, застежка и т. д.’ [14, с. 191–192]. В то же время общепринятым является мнение о том, что в русский язык это слово пришло из татарского языка.

Чувашский *сăпăн* – женский кафтан из сукна, девичья суконная поддевка, женская верхняя одежда, халат. Слово заимствовано из татарского *зыбын* – ‘зипун’. Как считает Р. Г. Ахметьянов, *зыбын* восходит к арабскому слову *жэуббун* (жэббэ) со значением «верхняя одежда, плащ» [20, с. 75], из арабского языка оно было принято в итальянский, а из итальянского – в русский, но заимствование этого слова из русского языка является сомнительным [14, с. 290]. В. В. Радлов приводит следующее тюркское соответствие: османские *зыбун* и *зубун* – ‘жилет с короткими рукавами’ [16, I, с. 907, 923], а В. Г. Егоров ссылается на азербайджанский, туркменский, узбекский *зипун* [15, с. 182].

Слова *пальто* (из франц. в рус. пальто), *манарка* (рус. устар. манерка), *пинжак* (рус. пиджак), *кэзэки* (из нем. в рус. казакин), *камзул* (из итал. в рус. камзол) с фонетическими вариантами были заимствованы в татарский через русский язык.

Камзул у татар представлял собой удлиненный жилет, плотно облегающий тело до талии и широкими фалдами спадающий вниз, с длинными (казакин) или короткими рукавами и без рукавов [1, с. 65]. Камзул у крышен являлся повседневной одеждой молодухи [12, с. 40]. М. Фасмер рассматривает русское слово *камзол* как итальянское заимствование, по его мнению, это слово проникло через немецкое *kamisol* или французское *camisole* из итальянского *camiciuola* [21]. Из татарского языка *камзул* проник и в другие языки Поволжья, в частности в чувашский – *камсул*, в марийский – *камчол* и т. д. [11, с. 26]. В тюменском и тарском говорах сибирских татар *камзул* произносится как *камсул* [22, с. 271].

Последним видом теплой одежды, которую имел далеко не каждый чуваш, являлся длинный, с большим воротником и шалью овчинный тулуп – *тăлăп*. У татарского народа тоже был *толып*. Данную лексему можно встретить в ряде тюркских языков. Например, в каракалпакском *тулып*, ногайском *тулуп*, башкирском *толоп* также означают «тулуп». А вот киргизское *тулуп*, азерб-

байджанское *тулук* имеют значение «шкура теленка, снятая чулком». М. Федотов считает, что данное слово заимствовано из русского языка [10, с. 189], однако Р. Г. Ахметьянов не соглашается с этим мнением и склоняется к тюркскому происхождению слова [13, с. 280].

Таким образом, данная лексическая подгруппа названий верхней одежды в татарском и чувашском языках очень богата как по способам словообразования, так и по этимологии. В обоих языках есть общетюркские наименования, к которым можно отнести такие слова, как *кием* / *тумтир* – ‘одежда’, *чапан* / *чапан* (*аҫам*) – ‘чапан’, *чикмән* / *сәхман* – ‘чекмень’, *кёрёк* – ‘шуба’, *толып* / *тәйләп* – ‘тулуп’, *бишмәт* / *пишмет* – ‘бешмет’, *әрмәк* / *ермек* – ‘армяк’ и др., хотя некоторые из них, к примеру, *тун* и *бишмәт*, отдельными исследователями считаются иноязычными словами. Кроме общетюркских лексем, мы можем определить и заимствования из других языков: *зыбын* – ‘зипун’ (араб.), *чоба* – ‘верхняя летняя одежда’ (араб.), *шунёр* – ‘летний женский кафтан из белого полотна’ (финно-угор.), *кәзәки* – ‘казакин’ (нем.), *камзул* – ‘камзол’ (итал.), *пальто* (франц.), *манарка* (рус. устар.), *пинжак* – ‘пиджак’ (рус.). Стоит отметить, что некоторые названия верхней одежды были заимствованы в чувашский язык из татарского: *сәпән* – от *зыбын*, *камсул* – от *камзул*, *пишмет* – от *бишмәт*, *ермек* – от *әрмәк* и т. д. Довольно много наименований было заимствовано в русский язык из тюркских языков и часто через татарский: *азям*, *армяк*, *бешмет*, *епанча*, *кафтан*, *сукман*, *терлик*, *тулуп*, *чапан*, *ферязь*, *чекмень* и др. Приходится констатировать, что происхождение некоторых слов определяется исследователями по-разному, например, слово *тун* учеными возводится к тюркскому, санскритскому или китайскому языкам, *пустав* (‘суконный кафтан’) – к венгерскому или русскому и т. д. Этимология названий верхней одежды показывает, насколько древними являются рассмотренные слова. Они используются и по сей день, что отражает их значимость и многовековую историю.

Список источников

1. Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Альбом на русском и английском языках. М.: Советский художник, 1990. 215 с.
2. Николаев В. В., Иванов-Орков Г. Н., Иванов В. П. Чувашский костюм от древности до современности. Научно-художественное издание. На рус., чув. и англ. яз. Москва – Чебоксары – Оренбург, 2002. 400 с.
3. Сулова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – на-

чало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с. URL: <https://syuyumbike.ru/news/istoriya/verkhnyaya-odezhda-tatar-zhenshchiny> (дата обращения: 27.03.2024).

4. Aniferova V. V., Kirillova Z. N., Alkaya E. Chuvash Loan Words in the Dialects of the Kreshin Tatars, Revista Entrelenguas. 2021. Vol. 7. Pp. 22–30.

5. Кириллова З. Н. Чувашские слова в кряшенских говорах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 2 (115). С. 49–54.

6. Электронный фонд словарей. URL: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (дата обращения: 13.04.2024).

7. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.

8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.

9. Электронные словари чувашского языка. URL: <http://ru.samah.chv.su/cgi-bin/s.cgi> (дата обращения: 30.03.2024).

10. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. II. С-Я. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.

11. Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань: Мастер-Лайн, 2002. 354 с.

12. Мөхәмәдова Р. Г. Керәшен татарлары киеме. Казан: Сүз, 2005. 159 б.

13. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге, II том (М-Я). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 567 б.

14. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге, I том (А-Л). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 543 б.

15. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

16. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. I–II. СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1911. Ч. I. 1116 с. Ч. II. 2230 с.

17. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 2. СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1899. 1814 с.

18. Aniferova V. V., Kirillova Z. N., Alkaya E. Comparative Legal Topics on the Naming of Clothing Items in the Chuvash and Tatar Culture // BiLD Law Journal. 2022. Vol. 7. No. 3s: Special Issue: Models of Law and in Law: Uses, Opportunities, and Risks. Pp. 71–74.

19. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. / Академия наук СССР. Институт языкознания / Отв. ред. д. ф. н. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. 349 с. URL: <https://altaica.ru/LIBRARY/ESTJA/estja2b.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

20. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.

21. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://lexicography.online/>

etymology/vasmer/к/камзол (дата обращения: 10.04.2024).

22. Татар теленен зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

References

1. Valeeva-Suleimanova, G. F., Shageeva, R. G. (1990). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo kazanskikh tatar. Al'bom na russkom i angliiskom yazykakh* [Decorative and Applied Art of Kazan Tatars. An Album in Russian and English]. 215 p. Moscow, Sovetskii khudozhnik. (In Russian)
2. Nikolaev, V. V., Ivanov-Orkov, G. N., Ivanov, V. P. (2002). *Chuvashskii kostyum ot drevnosti do sovremennosti* [Chuvash Costume from Antiquity to Modernity]. Nauchno-khudozhestvennoe izdanie. Na rus., chuv. i angl. yaz. 400 p. Moscow – Cheboksary – Orenburg. (In Russian, in Chuvash, in English)
3. Suslova, S. V., Mukhamedova, R. G. (2000). *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.* [People's Costume of the Tatars of the Volga Region and the Urals (the mid-19th – early 20th centuries)]. Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda. 312 p. Kazan, Fen. URL: <https://syuyumbike.ru/news/istoriya/verkhnyaya-odezhda-tatar-zhenshchiny> (accessed: 27.03.2024). (In Russian)
4. Aniferova, V. V., Kirillova, Z. N., Alkaya, E. (2021). *Chuvash Loan Words in the Dialects of the Kreshin Tatars*. Revista Entrelinguas, vol. 7, pp. 22–30. (In English)
5. Kirillova, Z. N. (2022). *Chuvashskie slova v kryashenskikh govorakh* [The Chuvash Words in Baptized Tatars' Subdialects]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. No. 2 (115), pp. 49–54. (In Russian)
6. *Elektronnyi fond slovarai* [Electronic Dictionary Fund]. URL: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (accessed: 13.04.2024). (In Tatar, in Russian)
7. *Drevnetyurkskii slovar'* (1969) [Old Turkic Dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. 677 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение. (In Russian)
8. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* (1997) [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary]. 800 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. *Elektronnye slovni chuvashskogo yazyka* [Electronic Dictionaries of the Chuvash Language]. URL: <http://ru.samah.chv.su/cgi-bin/s.cgi> (accessed: 30.03.2024). (In Russian, in Chuvash)
10. Fedotov, M. R. (1996). *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2-h t. T. II. S–Ja* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: In 2 Vol. Vol. 2. S–Ya]. 509 p. Cheboksary, Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk. (In Russian)
11. Ramazanova, D. B. (2002). *Nazvaniya odezhdy i ukrashenii v tatarskom yazyke v areal'nom aspekte* [Names of Clothes and Decorations in Tatar Language in an Areal Aspect]. 354 p. Kazan, Master-Lain. (In Russian)
12. Mokhamedova, R. G. (2005). *Kereshen tatarlary kiieme* [Clothes of Baptized Tatars]. 159 p. Kazan, Suz. (In Tatar)
13. Ekhmet'yanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik suzlege, II tom (M–Ya)* [Etymological Dictionary of the Tatar Language, Vol. 2 (M–Ya)]. 567 p. Kazan, Megarif – Vakyt. (In Tatar)
14. Ekhmet'yanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik suzlege, I tom (A–L)* [Etymological Dictionary of the Tatar Language, Vol. 1 (A–L)]. 543 p. Kazan, Megarif – Vakyt. (In Tatar)
15. Egorov, V. G. (1964). *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language]. 355 p. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo. (In Russian)
16. Radlov, V. V. (1911). *Opyt slovary tyurkskikh narechii. T. IV. Ch. I–II* [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects. Vol. IV. Is. I–II]. Is. I. 1116 p. Is. II. 2230 p. St. Petersburg, tipografiya Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian)
17. Radlov, V. V. (1899). *Opyt slovary tyurkskikh narechii. T. II. Ch. II.* [Experience of the Dictionary of Turkic Dialects. Vol. II. Is. II]. 1814 p. St. Petersburg, tipografiya Rossiiskoi Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian)
18. Aniferova, V. V., Kirillova, Z. N., Alkaya, E. (2022). *Comparative Legal Topics on the Naming of Clothing Items in the Chuvash and Tatar Culture*, BILD Law Journal. Vol. 7 No. 3s: Special Issue: Models of Law and in Law: Uses, Opportunities, and Risks, pp. 71–74. (In English)
19. Sevortyan, E. V. (1978). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"*. [Etymological Dictionary of Turkic Languages. All-Turkic and Inter-Turkic Foundations for the Letter "B"]. Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznaniiya. Otv. red. d.f.n. N. Z. Gadzhieva. 349 p. Moscow, Nauka. URL: <https://altaica.ru/LIBRARY/ESTJA/estja2b.pdf> (accessed: 30.03.2024). (In Russian)
20. Ekhmet'yanov, R. G. (2001). *Tatar telenen kyskacha tarihi-etimologik suzlege* [Concise Historical and Etymological Dictionary of the Tatar Language]. 272 p. Kazan, Tatar. kit. neshr. (In Tatar)
21. *Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera* [Etymological Online Dictionary of the Russian Language by Max Fasmer]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/к/камзол> (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
22. *Tatar telenen zur dialektologik suzlege* (2009) [Large Dialectological Dictionary of the Tatar Language]. Toz.: F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, Z. R. Sadyikova, T. Kh. Kheiretdinova. 839 p. Kazan, Tatar. kit. neshr. (In Tatar)

The article was submitted on 09.04.2024
Поступила в редакцию 09.04.2024

Кириллова Зоя Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zkirillova@yandex.ru

Аниферова Виолетта Витальевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aniferova20@gmail.com

Kirillova Zoya Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zkirillova@yandex.ru

Aniferova Violetta Vitalyevna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aniferova20@gmail.com

УДК 81*27+003.074+811.161.1+811.581
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-48-56

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДЛОГОВ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОДСТИЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

© Ма Лимин

FEATURES OF PREPOSITION USAGE IN THE DIPLOMATIC SUB-STYLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Ma Liming

The article is devoted to the use of prepositions in the diplomatic language of the Russian and Chinese languages. The subject of the study is the structural and semantic characteristics of prepositional constructions typical of the diplomatic substyle. The main goal is a comparative analysis of the preposition use as one of the diplomatic substyle linguistic features in the languages under consideration and the identification of their features in terms of their structure and meaning. To achieve this goal, methods of comparative analysis, statistical analysis and component analysis were used. Bilingual diplomatic documents from the official websites of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and China over the period from 1994 to 2023 were selected as research material. As a result of the study, we conclude that prepositions are actively used in both Russian and Chinese diplomatic styles, but their structures and meanings differ. We have found that from the point of view of the constructions' meanings, both languages possess prepositional constructions to express the meanings of goals, methods and bases. However, in the Chinese language there is a special group of prepositions expressing the subject or object of an action, while in the Russian language such meanings are conveyed using case forms.

Keywords: functional stylistics, diplomatic substyle, Russian language, Chinese language, linguistic features, comparative analysis

Статья посвящена исследованию употребления предлогов в дипломатическом подстиле русского и китайского языков. Предметом исследования являются структурные и семантические характеристики предложных конструкций, характерных для дипломатического подстиля. Основная цель заключается в сравнительном анализе использования предлогов как одной из языковых особенностей дипломатического подстиля в рассматриваемых языках и выявлении их особенностей в аспектах их структуры и значения. Для достижения данной цели используются методы сопоставительного, статистического и компонентного анализов. В качестве материала исследования выбраны двуязычные дипломатические документы из официальных сайтов Министерства иностранных дел России и Китая за период с 1994 по 2023 год. В результате исследования был сделан вывод, что предлоги активно употребляются как в русском, так и в китайском дипломатическом подстиле, однако их структуры и значения различаются. Выявлено, что с точки зрения значений в обоих языках представлены предложные конструкции для выражения значений целей, способов и оснований. Однако в китайском языке выделяется особая группа предлогов, выражающая субъект или объект действия, в русском же языке такие значения передаются с помощью падежных форм.

Ключевые слова: функциональная стилистика, дипломатический подстиль, русский язык, китайский язык, языковые особенности, сопоставительный анализ

Для цитирования: Ма Лимин. Особенности использования предлогов в дипломатическом подстиле русского и китайского языков // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 48–56. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-48-56

Введение

Дипломатия – это официальная деятельность, которая включает в себя контакты между главами государств, правительствами и специальными

органами внешних дел с целью осуществления внешнеполитических целей и задач государства, а также защиты его прав и интересов за границей [1, с. 330]. Дипломатическая деятельность вклю-

чает в себя составление документов в соответствии с определенными правилами, и этот процесс требует профессиональных навыков. Дипломатические документы играют важную роль в международной деятельности, их содержание обычно определено заранее, а составление основано на стереотипах. В любом дипломатическом документе важны как содержание, так и форма [2, с. 84], так как документы должны быть составлены в соответствующем стиле для всех жанров подстиля. Поскольку дипломатические документы не выражают индивидуальные особенности, их основные виды и форматы признаны международными, следуя установленной практике, и обладают определенными лингвистическими характеристиками.

Результаты исследования

Дипломатические документы в функциональной стилистике относятся к дипломатическому подстилю, который является «одной из разновидностей официально-делового стиля и применяется в дипломатической деятельности» [3, с. 94]. Дипломатический подстиль характеризуется определенными коммуникативными качествами, включая обобщенность, информативность, объективность, логичность изложения, ясность, точность речи и соблюдение дипломатической этики [4, с. 23]. Кроме того, при анализе документов важно учитывать национальные и религиозные традиции каждой из взаимодействующих стран [5, с. 9], а также иметь представления о менталитете и обычаях адресатов.

Кроме того, дипломатические документы часто используются в целях стилизации [6, с. 7]. Любой функциональный стиль всегда проявляет свои языковые особенности в соответствующей области на разных уровнях, в том числе морфологическом. По мнению ученого В. В. Виноградова, каждый стиль языка является более или менее устойчивой системой на данном этапе развития русского литературного языка. Стилистические особенности языка определяются их исторической закреплённостью, по мере развития языка они меняются, прогрессируют, появляются и исчезают [7, с. 73].

Одной из специфичных языковых особенностей дипломатического подстиля является интенсивное использование предлогов. Эта практика находит свое объяснение в применении принципа языковой экономии, который не только делает предложение более компактным, но и позволяет также точнее отразить различные логические отношения. В русском языке представлено большое количество предлогов, в китайском языке, по данным китайского ученого Ван Пэй-

шо, насчитывается около 70 против 204 в русском языке [8, с. 39]. В «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» 2023 года [9] в русском варианте документа представлено 593 предлога, что составляет 10,92% от общего количества слов, в то время как в китайском – всего 177, что составляет 5,13%.

Опираясь на дипломатические документы за период с 1994 по 2023 год, можно заметить, что в русском языке наиболее часто употребляемыми предлогами являются *в* (480 упоминаний), *по* (123 упоминания) и *на* (145 упоминаний). В китайских документах чаще всего встречаются предлоги *在* (zài) (137 упоминаний), *为* (wéi\wèi) (66 упоминаний) и *与* (yǔ) (78 упоминаний). На основе данных предлогов можно образовать разнообразные производные конструкции. Например, в русском языке такие конструкции, как *в области, в сфере, в целях, по вопросам и на основе*, выражают различные смысловые оттенки. В китайском языке чаще используются такие конструкции, как *在* (zài) + *существительные-директивы* и *以...为...* (yǐ...wéi...), которые позволяют передавать разнообразные значения. Их активное употребление может объясняться потребностью дипломатических документов указывать на области, охватываемые внешней политикой.

Важно отметить, что, как и другие части речи, служебные слова, включая предлоги, способны нести разнообразные стилистические оттенки – нейтральные, книжные или разговорные. Это связано с тем, что стилистическое воздействие предлогов и союзов во многом обусловлено их историческим происхождением. Например, первообразные предлоги *в, на, к, о* и союзы *а, и, или, но*, как правило, стилистически нейтральны и могут использоваться в любом функциональном стиле. В то время как отыменные, отглагольные и некоторые наречные предлоги (например, *относительно, согласно, сообразно, соответственно, касательно*) чаще всего встречаются в научной, официально-деловой и публицистической речи, где особенно важны точность и формальность выражения. К числу предлогов, получивших широкое распространение в последние годы в книжных стилях, относятся такие выражения, как *в деле, по линии, за счет, в пользу, в благосостоянии, в этом смысле, со стороны, в сопро-вождении* и другие [10, с. 119].

Однако исследование предлогов не может ограничиваться анализом отдельных слов, поскольку их понимание требует рассмотрения

конкретного контекста и использования в предложениях. Поэтому в процессе анализа предложений стоит уделять внимание предложно-падежной конструкции. Под последней подразумевается корректное сочетание предлога с существительным в соответствующем падеже в зависимости от функции предлога в предложении.

В китайском языке предлоги обозначаются термином 介词 jiècí (букв.: слово-посредник), они аналогичны русским предлогам и объединяются с содержательными словами или фразами, формируя «предложные конструкции». В китайском языке предлоги применяются в основном для расширения предиката, а также для выражения времени, места, причины, способа, цели, субъекта и объекта действия и других аспектов, связанных с действиями и характеристиками [11, с. 28].

Наблюдается тенденция к увеличению частоты использования определенных предложных конструкций в дипломатических документах. Эти конструкции обеспечивают краткость, лаконичность и точность передачи информации, формируя стереотипные выражения, что, в свою очередь, позволяет дипломатам эффективно и оперативно обмениваться информацией, не тратя времени на построение каждой фразы.

Анализ функционирования выбранных предлогов в дипломатических документах включает в себя несколько аспектов. Во-первых, мы рассматриваем структуру предложных конструкций, исследуя их композицию и взаимосвязь между компонентами. Во-вторых, анализируем семантическое значение предлогов, учитывая контекст и особенности их использования в различных языках. Такой подход позволяет глубже понять роль и функцию предлогов в дипломатическом подстиле и их влияние на структуру и содержание текстов.

Характеристика по структуре

При анализе предложных конструкций всегда необходимо обращать внимание на их составляющие. Исходя из этого принципа, мы подходим к рассмотрению предложных конструкций с учетом их структуры.

1. Простые. В русском языке активно применяются простые предлоги, и их использование в дипломатическом подстиле не является исключением. Особенно характерными для дипломатических документов являются не только простые предлоги, зависящие от управления глаголов и существительных (например, *выступить против чего, опираться на что*), но и такие, как предлог *по*. Последний часто используется для

указания определенного направления или конкретного содержания:

Российская Сторона поддерживает реализацию Китайской Стороной задач модернизации по китайской модели [9] (здесь и далее разрядка наша – М. Л.);

... твердо поддерживает действия Китайской Стороны по защите своего государственного суверенитета и территориальной целостности [Там же];

...проводить работу по минимизации негативного влияния на него внешних рисков, обеспечению устойчивости... [Там же].

Кроме того, в дипломатическом стиле широко используются такие предлоги, как *между* (в значении взаимодействия), *путем* (в значении орудия), *посредством* (в значении орудия) и др.

2. Составные конструкции

а) Конструкция «предлог + существительное» представляет собой один из наиболее распространенных видов в дипломатическом подстиле. Данный вид предложной конструкции позволяет выражать разнообразные значения через сочетание предлогов и существительных. Например, *на основе чего, в целях чего, в духе чего* и т. д. Все эти конструкции представляют собой типичные и относительно устойчивые выражения в дипломатической документации, как, например:

В духе стратегического взаимодействия министерства иностранных дел России и Китая (далее – «Стороны») заявляют по проблемам Корейского полуострова следующее... [12];

... в целях прочного мира и стабильности в Северо-Восточной Азии [Там же];

Постоянно возникают локальные конфликты на почве национальных и религиозных противоречий... [13].

б) Предложные конструкции «предлог + существительное + предлог + существительное» представляют собой относительно стандартную структуру в русском языке и часто формируются путем сочетания двух или более предлогов с существительным. Например, *в соответствии с чем, в связи с чем* и т. д. В дипломатических документах такие конструкции обычно применяются для описания правил, законов, инструкций, политики и других аспектов, что придает языку большую точность и официальность.

в) В рассматриваемых материалах выявлено наличие лишь двух предложных конструкций «наречие + предлог»: *совместно с чем* и *независимо от чего*. Отмечено, что подобные конструкции в дипломатических документах используются редко.

г) Предложные конструкции «деепричастие + предлог + существительное» в русском языке

также встречаются редко. В рамках нашего исследования была выявлена только одна такая конструкция *исходя из чего*.

Структура китайских предлогов анализируется по количеству слогов или китайских иероглифов. Китайский ученый Чэнь Чанглай разделяет современные китайские предлоги на односложные и двухсложные, отмечая, что трехсложных предлогов в современном китайском языке встречается очень мало [14, с. 81].

На основе анализа китайских дипломатических документов мы выявили, что в данной области используются в основном односложные и двухсложные предлоги.

Односложные предлоги

Односложные предлоги являются довольно распространенными в составлении китайских дипломатических документов. Опираясь на наши материалы, обнаружили следующие: 为 (*wéi\wèi*), 把 (*bǎ*), 以 (*yǐ*), 从 (*cóng*), 将 (*jiāng*), 对 (*duì*), 就 (*jiù*), 同 (*tóng*), 于 (*yú*), 在 (*zài*), 自 (*zì*), 向 (*xiàng*). Некоторые из предлогов этой группы имеют книжную окраску. Одним из самых типичных примеров для дипломатического стиля является предлог 就 (*jiù*), который переводится как «на основании, в соответствии с...; согласно; по». Он часто используется с существительными, такими как *вопросы, проблема, ситуация, споры, противоречие, тезис, отношения между двумя странами, двусторонние отношения, сотрудничество* и др. А также с глаголами, такими как *обсуждать, высказывать мнение, подписывать соглашение, достигать консенсуса, добиваться единства мнений*. В основном предлог 就 (*jiù*) используется в более официальной письменной речи [Там же, с. 104]. Примерами употребления предлога 就 (*jiù*) в дипломатических документах могут служить следующие:

中俄将继续就拉美事务进行磋商... [15] – (букв.: *Россия и Китай продолжают практику проведения консультаций по вопросам, связанным с Латинской Америкой ...*);

中俄两国外交部 (以下称“双方”) 就朝鲜半岛问题声明如下... [16] – (букв.: *...министерства иностранных дел России и Китая (далее – «Стороны») заявляют по проблемам Корейского полуострова следующее...*).

Предлог 同 (*tóng*), который переводится как «вместе с», обладает яркой характеристикой в дипломатическом подстиле. Приведем примеры использования его в дипломатических документах:

双方将同其他成员国一道完善上海合作组织

现阶段工作... [15] – (букв.: *Совместно с другими государствами – членами ШОС – они намерены прилагать усилия по совершенствованию деятельности Организации на современном этапе...*);

双方将同有关各方一道... [16] – (букв.: *Стороны намерены совместно с другими заинтересованными сторонами...*).

В официально-деловом стиле, особенно в дипломатическом подстиле, предлог 同 (*tóng*) указывает на различие в ролях субъектов. В первом случае *они* (то есть стороны) занимают ведущее положение по сравнению с *другими государствами-членами ШОС*. Во втором случае *стороны с другими заинтересованными сторонами*. В дипломатических документах 同 (*tóng*) часто сопровождается словом 一道 (*yīdào*), которое буквально переводится как «тем же путём». Учитывая стилистическую окраску и оттенок значения, 同 (*tóng*) часто используется для выражения желания субъекта осуществить какое-либо действие с другими странами или организациями.

Двухсложные

При анализе двухсложных китайских предлогов с точки зрения словообразования и сочетания морфем внутри них мы выделяем два основных типа, характерных для дипломатических документов: 1) Сложносочиненные предлоги: в данной категории встречаются такие предлоги, как 通过 (*tōngguò*), 按照 (*ànzhào*), 依照 (*yīzhào*), 根据 (*gēnjù*), 依据 (*yījù*), 作为 (*zuòwéi*). В них обе морфемы являются синонимами, равноправны и параллельны. Этот тип предлогов формируется как сложносочиненные предлоги, где обе составляющие равны и создают предлог без различий в главенстве. 2) Сложноподчиненные предлоги: в этой группе такие предлоги, как 本着 (*běnzhe*), 朝着 (*cháozhe*), 关于 (*guānyú*), 基于 (*jīyú*), 为了 (*wèile*). В двухсложных предлогах данного типа одна из составляющих является корневой морфемой, а другая преобразуется в аффикс. Таким образом, формируется сложноподчиненный предлог со структурой «корень + суффикс».

Циркумлоги

Китайский лингвист Лю Даньцин провел классификацию китайских предлогов, выделяя три основные категории: предлоги, послелоги и циркумлоги [17, с. 241]. В нашей статье мы ограничимся рассмотрением только предлогов, но следует отметить, что в дипломатических документах

ментах часто встречается использование циркумлогов, представляющих собой рамочные конструкции из предлогов и послелогов.

Наиболее распространенной конструкцией является группа циркумлогов, например «*在*zài + *сущ.* + *существительные-директивы*». В русском языке подобные значения выражаются с помощью падежных форм, тогда как в китайском языке распространено сочетание предлога и послелога. Такие циркумлоги передают значение направления или местонахождения, однако при сочетании с существительными они приобретают различные абстрактные значения.

Таблица 1.

Циркумлог «*在*zài + *сущ.* + *существительные-директивы*»

Циркумлоги	перевод	сущ.	Перевод сущ.
在+сущ.+ 上вверху	На чего / в отношении чего	基础/问题/原则	Основа / вопросы / принцип
在+сущ.+ 下внизу	Под чем / при чем	背景/监督/框架/前提/努力/条件/引领/形式	Фон / контроль / рамки / предпосылки / усилие / условия / направление / форма
在+сущ.+ 中внутри	В процессе чего	进程/事务/谈判	Ход / работа / переговоры
在+сущ.+ 内внутри	В чем	框架	рамки

Конструкция «*在* + *сущ.* + *内*» обычно указывает на статическое состояние, в то время как «*在* + *сущ.* + *中*» может охватывать как динамический процесс, так и статическое состояние, что и объясняется их сочетанием в дипломатических документах: «*在* + *сущ.* + *内*» сочетается со словом *рамки*, тогда как «*在* + *сущ.* + *中*» – с терми-

нами, описывающими процессы, такие как *ход*, *работа*, *переговоры* и т. д.

Кроме того, точно перевести циркумлоги трудно. Передача информации через такие конструкции достаточно гибкая. Например, фраза «*在双方不懈努力下...*» буквально переводится как «*при усилиях обеих сторон...*», но в русском документе предложение формируется как «*благодаря усилиям обеих сторон*».

Кроме циркумлога «*在* + *сущ.* + *существительные-директивы*», в дипломатических документах также часто встречается другой распространенный циркумлог: «*以... 为...*» (yǐ... wéi...), который можно перевести как «принимать кого-либо / что-либо за кого-либо / что-либо». Этот циркумлог часто используется в сочетании с такими словами, как *цена*, *ядро*, *основы*, *предпосылки*, *принципы* и т. д. Например :

反对域外势力以应对朝鲜核导计划为借口...

[16] (принимать ...за предлогом) – *Выступают против... под предлогом противодействия ракетно-ядерным программам КНДР.*

国际社会应以《联合国宪章》和公认的国际关系准则为基础，在多边框架内共同打击恐怖主义

。[18] (принимать... за основу) – *Борьба с терроризмом должна вестись мировым сообществом на основе Устава ООН, общепризнанных норм международных отношений и в рамках многосторонних подходов.*

中国和俄罗斯将以二战胜利和联合国成立70

周年为契机...[19] (принимать... за ключ) – *Наши государства намерены использовать 70-ю годовщину Победы во Второй мировой войне и основания Организации Объединенных Наций.*

以两国元首共识为引领 ...[15] (принимать... за руководство) – *...руководствуясь договоренностями, достигнутыми между главами государств...*

双方重申致力于坚定维护以联合国为核心的国际体系... [Там же] (принимать...за ядро) – *Стороны подтверждают готовность решительно защищать международную систему, в которой центральную роль играет ООН...*

Таким образом, можно отметить, что в китайском языке употребление циркумлогов является довольно распространенным явлением. Важно отметить, что сами циркумлоги не несут в себе конкретных значений, но способны передавать различные смыслы через формирование

предложных конструкций с использованием существительных.

Характеристика по значениям

Одной из характеристик языка дипломатического подстиля является усложнение структуры предложений. Данная характеристика отражается в замене подчинительных предложений множеством сложных конструкций простого предложения, например:

...в целях укрепления материальной базы российско-китайских отношений и улучшения благосостояния народов двух государств... [9] (вместо дословного: ...для того, чтобы укрепить материальную базу российско-китайских отношений и улучшить благосостояние народов двух государств...)

Как показал анализ, предложение, построенное с применением предлога *в целях*, оказывается более сжатым и выразительным, что соответствует стандартам составления дипломатических документов. В русских и китайских текстах с помощью использования предлогов и предложных конструкций можно передать разные значения.

Для выражения многообразных смыслов и отношений в дипломатических документах на русском языке часто используются следующие предложные конструкции:

Предлоги и предложные сочетания с временным значением: *в ходе, по мере, в течение, в случае, спустя, до, из...в....*;

Предлоги и предложные сочетания со значением способа действия: *путём, в форме, посредством*;

Предлоги и предложные сочетания, выражающие целевые отношения: *для, в целях, с целью, в результате, в интересах, во имя*;

Предлоги и предложные сочетания, выражающие причинно-следственные отношения: *в связи с*;

Предлоги и предложные сочетания, указывающие на основание действия: *на основе, в зависимости от, по, за счёт, в соответствии с, согласно*;

Предлоги и предложные сочетания, указывающие на условные отношения: *при, без*.

По сравнению с русским языком, который характеризуется развитой системой флексий, китайский представляет собой язык, лишенный морфологических изменений слов в категории падежа. Однако в китайском языке существуют средства, выражающие подобные значения существительных, причем грамматическое значение имен существительных в китайском языке в основном отражается с точки зрения семантики,

а не морфологии. В связи с этим функцию выражения сложных отношений между существительными и глагольными составляющими в китайском языке выполняют служебные слова. Таким образом, классификация китайских предлогов традиционно проводится в семантическом аспекте.

Указывает на время, место: 于 yú、在...中 zài...zhōng、自...起 zì...qǐ;

Указывает на направление: 向 xiàng、朝着 cháozhe、从 cóng;

Указывает на способ действия: 通过 tōngguò、以...为...yǐ... wéi...、以 yǐ;

Указывает на основу действия: 按照 ànzhào 依照 yīzhào 本着 běnzhe 基于 jīyú 根据 gēnjù (以...为基础 yǐ...wéijīchǔ、在...基础上 zài...jīchǔ hàng);

Указывает на цель: 为 wèi、以 yǐ、为了 wèile;

Указывает на причину: 考虑到...kǎolǜdào...;

Указывает на субъект или объект действия: 把 bǎ、向 xiàng、将 jiāng、对 duì、使 shǐ;

Указывает на связанную тему: 就 jiù、关于 guānyú;

Указывает на сравнение: 同 tóng;

Указывает на положение: 作为 zuòwéi.

На основе анализа выявлено, что в дипломатическом подстиле русского и китайского языков активно используются предложные конструкции для выражения цели, способа и основания. Однако их употребление в документах не совпадает полностью. В связи с различиями в синтаксической структуре, по сравнению с русским языком, в китайском языке выделяется группа предлогов, обозначающих «субъект или объект действия». Например:

双方 (Стороны) 反对 (выступать против) 把 (предлог для указания объекта действия) 本国价值观 (ценностей своего государства) 强加 (навязывать) 于 (предлог в значении кому, куда.) 人 (люди / другие) [15] – Стороны выступают против навязывания одним государством другим государствам своих ценностей

В китайском языке для указания объекта, подвергающегося действию, в предложении используется предлог 把 (bǎ), с помощью которого прямое дополнение располагается перед глагольным сказуемым. 于 (yú) употребляется в значении «кому» или «куда». Аналогичные значения в русском языке передаются с помощью использования существительных в разных падежах.

Выводы

Таким образом, в русских и китайских дипломатических документах использование предложных конструкций имеет различия. Русский язык обладает более обширным разнообразием предложных конструкций, особенно сложных предлогов, что делает его структуру более сложной. В то время как в китайском языке, помимо простых и сложных предлогов, активно используется уникальный тип предлогов, а именно циркумлоги в форме «предлог + сущ. + послелог». Эти конструкции обогащают языковой арсенал и позволяют выражать разнообразные смыслы в дипломатических документах.

С точки зрения значений конструкций оба языка активно используют предложные конструкции для выражения значений целей, способов и оснований действия. Однако в китайском языке выделяется особая группа предлогов, выражающая субъект или объект действия. Эти значения в русском языке передаются, например, с помощью использования падежных форм существительных, обозначающих субъект или объект действия.

Таким образом, сравнив два языка, мы видим, что дипломатический подстиль русского и китайского языков активно употребляет предложные конструкции, но каждый из них имеет свои уникальные особенности, которые придают текстам своеобразие и выразительность.

Список источников

1. Дипломатический словарь: в 3 томах / гл. ред. А. А. Громыко и др. 4-е перераб. и доп. изд. М.: Наука, 1984–1986. Т. 1: А - И. Т. 1. 1984. 424 с.
2. *Борунков А. Ф.* Дипломатический протокол в России. Изд. 3-е, доп. Москва: Междунар. отношения, 2007. 264 с.
3. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
4. *Евлоева З. А.* Особенности языка дипломатической коммуникации // *Lingua-Universum*. 2019. № 6. С. 23–24.
5. *Трабелси Х.* Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2013. 23 с.
6. *Буре Н. А.* Основы русской деловой речи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. А. Буре, Л. Б. Волкова, Е. В. Косарева и др.; под ред. проф. В. В. Химика. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 448 с.
7. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // *Вопросы языкознания*. 1955. № 1. С. 60–87.
8. 王培硕. 俄语前置词与汉语介词对比 // *中国俄语教学*. 1988. № 06. С. 39–41 (*Ван Пэйшио*. Со-
поставление русских предлогов и китайских пред-
гов // *Преподавание русского языка в Китае*. 1988. № 6. С. 39–41) (In Chinese).
9. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 02. 02. 2024)
10. Стилистика русского языка / под ред. Л. Шанского. 2-е изд., дораб. - Ленинград: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1989. 223 с.
11. 现代汉语.下册/黄伯荣, 廖序东主编. - 4版. - 北京: 高等教育出版社. 2007. 261 с. (Современный китайский язык. 2-ой том / Под редакцией Хуан Бо-рун и Ляо Сюдун. 4-е издание. Пекин: Издательство высшего образования. июнь 2007 года. 261 с.) (In Chinese).
12. Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1549360&lang=ru> (дата обращения: 15. 12. 2023)
13. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/240/print> (дата обращения: 02. 12. 2023)
14. 陈昌来. 介词与介引功能. 安徽教育出版社. 2002. 300 с. (*Чэнь Чанлай*. Предлоги и их функции. Издательство образования провинции Аньхой. 2002. 300 с.) (In Chinese).
15. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于深化新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明 URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/gwxw/ttxw/202303/t20230322_474868.html (дата обращения: 25. 02. 2024)
16. 中华人民共和国外交部和俄罗斯联邦外交部关于朝鲜半岛问题的联合声明 URL: http://new.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/y_z_676205/1206_676404/1207_676416/201707/t20170704_9290469.shtml (дата обращения: 16. 01. 2024)
17. 刘丹青. 汉语中的框式介词// 当代语言学. 2002. № 4. С. 241–253. (*Лю Даньцин*. Рамочные предлоги в китайском языке // *Современная лингвистика*. № 4. С. 241–253) (In Chinese).
18. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于重大国际问题的联合声明 (全文) URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/200805/t20080524_9867817.shtml (дата обращения: 02. 02. 2024)
19. 中俄第十一轮战略安全磋商关于第二次世界大战胜利及联合国成立70周年的联合声明 (全文) URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/gjs_673893/gjzz_673897/lhg_684120/zywj_684132/201505/t20150526_10410440.shtml (дата обращения: 05.02.2024)

References

1. *Diplomaticeskii slovar': v 3 tomakh* (1984) [Diplomatic Dictionary: In 3 Volumes]. Gl. red. A. A. Gromyko i dr. 4-e pererab. i dop. izd. 1984–1986. T. 1: A – I. T. 1. 424 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Borunkov, A. F. (2007). *Diplomaticeskii protokol v Rossii* [Diplomatic Protocol in Russia]. Izd. 3-e, dop. 264 p. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya. (In Russian)
3. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (2010) [Dictionary of Linguistic Terms]. Izd. 5-e, ispr. i dop. 486 p. Nazran, Pilgrim LLC. (In Russian)
4. Evloeva, Z. A. (2019). *Osobennosti yazyka diplomaticheskoi kommunikatsii* [Features of the Diplomatic Communication Language]. *Lingua-Universum*. No. 6, pp. 23–24. (In Russian)
5. Trabelsi, H. (2013). *Lingvokommunikativnyi analiz diplomaticeskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Communicative Analysis of Diplomatic Discourse: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 23 p. (In Russian)
6. Bure, N. A. (2012). *Osnovy russkoi delovoi rechi: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Fundamentals of Russian Business Speech: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. 448 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
7. Vinogradov, V. V. (1955). *Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki* [Results of the Discussion of Stylistics Issues]. *Voprosy yazykoznanii*, No. 1, pp. 60–87. (In Russian)
8. 王培硕. 俄语前置词与汉语介词对比 // 中国俄语教学(1988) [Wang Peisho. Comparison of Russian Prepositions and Chinese Prepositions]. *Teaching the Russian language in China*. No. 06, pp. 39–41. (In Chinese)
9. *Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki ob uglublenii otnoshenii vseob"emlyushchego partnyorstva i strategicheskogo vzaimodeistviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu* [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Relations of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction, Entering a New Era]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (accessed: 02.02.2024). (In Russian)
10. *Stilistika russkogo yazyka* (1989) [Russian Language Stylistics]. 2-e izd., dorab. 223 p. Leningrad, Prosveshchenie, Leningr. otd-nie. (In Russian)
11. 现代汉语.下册/黄伯荣,廖序东主编. - 4版. - 北京: 高等教育出版社 (2007) [Modern Chinese. 2nd volume. Edited by Huang Borun and Liao Xudong]. 4th edition. 261 p. Beijing, Higher Education Publishing House. (In Chinese)
12. *Sovmestnoe zayavlenie Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii i Ministerstva inostrannykh del Kitaiskoi Narodnoi Respubliki po problemam Koreiskogo poluostrova* [Joint Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Problems of the Korean Peninsula]. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1549360&lang=ru> (accessed: 12.15.2023). (In Russian)
13. *Sovmestnaya deklaratsiya Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki po osnovnym mezhdunarodnym voprosam* [Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on Major International Issues]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/240/print> (accessed: 02.12.2023). (In Russian)
14. 陈昌来. 介词与介引功能. 安徽教育出版社 (2002) [Chen Changlai. Prepositions and Their Functions]. 300 p. Anhui Province Educational Publishing House. (In Chinese)
15. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于深化新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明 [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Relations of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction, Entering a New Era]. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/gwxw/ttxw/202303/t20230322_474868.html (accessed: 25.02.2024). (In Chinese)
16. 中华人民共和国外交部和俄罗斯联邦外交部关于朝鲜半岛问题的联合声明 [Joint Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on the Problems of the Korean Peninsula]. URL: http://new.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/y_z_676205/1206_676404/1207_676416/201707/t20170704_9290469.shtml (accessed: 16.01.2024). (In Chinese)
17. 刘丹青. 汉语中的框式介词// 当代语言学 (2002) [Liu Danqing. Frame Prepositions in the Chinese Language]. *Modern linguistics*. No. 4, pp. 241–253. (In Chinese)
18. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于重大国际问题的联合声明 (全文) [Joint Declaration of the People's Republic of China and the Russian Federation on Major International Issues (full text)]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/200805/t20080524_9867817.shtml (accessed: 02.02.2024). (In Chinese)
19. 中俄第十一轮战略安全磋商关于第二次世界大战胜利及联合国成立70周年的联合声明 (全文) [Joint Statement of the Eleventh Round of Strategic Security Consultations between the People's Republic of China and the Russian Federation on the Victory in the Second World War and the Seventieth Anniversary of the Founding of the United Nations (full text)]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zjzg_673183/gjs_673893/gjzz_673897/lhg_684120/zywj_684132/201505/t20150526_10410440.shtml (accessed: 05.02.2024). (In Chinese)

The article was submitted on 16.05.2024
Поступила в редакцию 16.05.2024

Ма Лимин,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119234, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
mlmdiana@yandex.ru

Ma Liming,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,

1B Leninskie Gory,
Moscow, 119234, Russian Federation.
mlmdiana@yandex.ru

УДК 81'282.2

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-57-62

ОТОБРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ ДЕРЕВЕНСКОГО ЧЕЛОВЕКА ВОРОНЕЖСКОЙ ГЛУБИНКИ В НАРОДНОМ ГОВОРЕ

© Любовь Недоступова

DISPLAYING THE REALITIES OF THE VILLAGERS FROM THE VORONEZH PROVINCE IN THEIR FOLK ACCENT

Lubov Nedostupova

The article represents the speech of the senior age group from the Central Black Earth Region. The purpose of this scientific essay is to describe, by means of the folk dialect, the 20th-century realities of the residents from the village of 2nd Voznesenovka, the Talovsky District. The subject of the study is the world of man in the Voronezh Province of the last century. The object of this work is the Voznesenov dialect. In the course of writing the article, we used the methods of stationary observation, interviewing, analysis and description. As a result, through one of the dialects of the Voronezh Region, we present the realities of the villagers: their family, war and the memory of it, times of hunger, their housing, education, different types of work, farming, local authorities and relations with them, field work and gardening, the material side of life, etc. It is concluded that the villagers' peculiarity is their simplicity, openness, hard work, sincerity, generosity, original ingenuity, ability to overcome temporary misfortunes, remaining honest and decent. The article shows that there is special care for each other and the truly great rural spirit, coupled with faith in a higher power. Based on the realities of the Voznesenovites, presented in the article, we get an idea of the South Russian dialect (the system of vocalism). This material has been introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: realities, village life, family, folk dialect, dialect phonetic features, vocalism

В статье репрезентирована речь представителей старшей возрастной группы Центрального Черноземья. Целью научного сочинения выступает описание реалий XX века жителей посёлка 2-я Вознесенка Таловского района посредством народного говора. Предметом исследования становится мир человека воронежской глубинки прошлого столетия. Объектом работы является вознесенский диалект. В ходе написания статьи использованы методы стационарного наблюдения, интервьюирования, анализа и описания. В результате деятельности посредством одного из говоров Воронежской области представлены реалии деревенского человека: семья, война и память о ней, голодное время, жилище, воспитание, разные виды труда, хозяйство, местная власть и отношения с ней, полевые и огороднические работы, материальная сторона жизни и др. Сделан вывод о том, что особенность селян заключается в их простоте, открытости, трудолюбии, душевности, щедрости, оригинальной смекалке, способности преодолевать временные невзгоды и оставаться честными и порядочными. Показано, что здесь особая забота друг о друге и тот поистине великий сельский дух, сопряжённый с верой в высшие силы. По репрезентированным в статье реалиям вознесенцев получено представление о южнорусском говоре (системе вокализма). Настоящий материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: реалии, деревенская жизнь, семья, народный говор, диалектные фонетические особенности, вокализм

Для цитирования: Недоступова Л. Отображение реалий деревенского человека воронежской глубинки в народном говоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 57–62. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-57-62

В Российской Федерации 2024 год объявлен В. В. Путиным Годом семьи. Это знаковое событие для всей огромной страны.

Совершенно очевидно, что в разные эпохи и времена именно в семье зарождались и укреплялись ценности человека, которые становились основополагающими в жизни общества. Сегодня

Россия – это большая семья, и каждая маленькая наша семья – часть великого государства. Не стоит забывать о том, что высокий уровень жизни, свидетелями которого мы являемся в настоящее время, был не всегда. Он результат деятельности предшественников, представителей старшего поколения, проживающих в мегаполисах и отдалённых деревенских социумах.

Исключительно интересный языковой материал о реалиях людей, их семей мы обнаружили на юго-востоке от столицы Черноземья. Живая народная речь предоставила ответы на возникающие вопросы, которые касаются жизнедеятельности сельского населения.

Здесь уместно процитировать слова известного российского лингвиста Т. И. Вендиной: «Самобытность русских диалектов выражается в основном в языковом сознании диалектоносителей и способности подметить такие особенности предметов и реалий окружающего мира, которые позволяют взглянуть на них иначе» [1, с. 5]. Кроме того, «восприятие и деятельность человека зависит от его взглядов, а отношение человека к объектам окружающей его реальности полностью определяется языком» [2, с. 48].

Обратимся к значению понятия «реалия». В лингвистических словарях находим: *реалия* – всякая вещь материального мира [3]; *реалии* – предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [4].

Любопытна история сельского поселения Воронежской области, прибегнем к прошлому: «2-я Вознесеновка находится в двухстах двадцати километрах от областного центра – г. Воронежа. История появления этого населённого пункта связана с тем, что в конце двадцатых годов прошлого века в селе Новая Чигла не стало хватать земельных угодий для частного владения. Эту проблему решили в 1921 году по Декрету о земле, предложив людям свободные территории в центральной части Таловского района» [5, с. 148]. Укажем, что «название посёлков получил по Вознесенскому приходу в Новой Чигле, где жили переселенцы до возникновения посёлка» [6]. Известно, что «первые жители 2-й Вознесеновки селились на берегу тихой речки Сухая Чигла, численность населения составила 267 человек» [7, с. 24]. Также отметим, что «на территории Вознесенского сельского Совета < колхоз имени Мичурина» [8] при советской власти являлся миллионером по производству мяса, молока и зерновых культур.

К сожалению, в период перестройки создаваемое десятилетиями было утрачено: исчез колхоз, закрыты, а позднее разрушены и фермы, молодёжь покинула родные места в поисках работы в районном и областном центрах. Современное население немногочисленно (больше представителей старшего возраста). Всего около 183 человек.

Важно отметить, что данная статья свидетельствует о научном интересе автора к диалектной речи деревенских людей.

Целью работы является описание реалий XX века жителей посёлка 2-я Вознесеновка Таловского района Воронежской области посредством народного говора.

Предметом изыскания становится мир человека воронежской глубинки прошлого столетия. Объектом исследования оказывается вознесенский диалект. Лингвистическим материалом является живая речь сельчан: Е. Т. Шаховой (1936 г. р.), В. А. Хромых (1938 г. р.), Р. Я. Кисуриной (1939 г. р.), М. М. Малаховой-Недоступовой (1943 г. р.), Н. А. Недоступова (1945 г. р.), В. Е. Плешаковой (1952 г. р.) и др., записанная в ходе непосредственного общения с автором работы в 2013, 2015 и 2023 гг.

В ходе написания статьи использованы следующие методы: стационарного наблюдения, интервьюирования, описания и анализа.

Обратим внимание на то, что в XXI веке «в рамках антропоцентрической парадигмы именно человек и его язык как главная характеристика представляют достаточный интерес для многих ученых, в том числе диалектологов» [9, с. 29]; более того, «говоры всё ещё остаются достаточно стабильной языковой системой» [10, с. 3]. Поскольку «сфера функционирования заметно уменьшается, необходимость их изучения и описания обусловлена современной лингвистической ситуацией, важностью оставить следующим поколениям сведения о речи их предков» [11, с. 18].

Заметим, что языковой материал, полученный от респондентов в полевых условиях, указывает на то, что для них сквозной темой является *семья и все её составляющие*. По нашим данным, это другая семья, она несколько отличается и количеством её членов, и бытом, и устоями XX века.

Представим существовавшие реалии вознесенцев. Речевые произведения диалектоносителей отображают:

1. Сведения о семье *Семь и ва се аль ия ите а ни а ять-семь- вянацать чилаве ыло. Да я ы с а ами. ама и с а а ими. У а о матря амярла вала с а ть:*

«На ч о старане солны а ня рея из ра-
има мат и ни то ни а алея». Традици-
онно многочисленная вознесенская семья –
полноценная реалья середины XX века.

2. Войну и память о ней: *Ва на ие се
знали. Кали а е вс омни ь слёзы. Ва на ыла
– рава ралития. У а о ато на ва н взяли. А
а ы с стари ами итиями м чилися. Б вала за-
яр ть а мама ричить.* Совершенно очевидно,
что война коснулась каждой советской семьи.
Тяжесть тех страшных лет удручает: *Лю е и-
вали ря о ро ь тя ла. Ка мы на ричалася!*

3. Голодное время: *Голат ыл смиртельны
а асля ва ны. Ф сора астом олат ниваз-
мо на эти з ола а мёрли. Нечи а исть ни
са е ни ития армить. На аси и расли а ыри
а а вот т вот. ало инь ии а а а мы а -
ем ирею нарвем и я им. А вить а ыри ани
трава чё ат и ?.* Акцентируем внимание на
том, что приведённые воспоминания демонстри-
руют боль и горечь, стойкость простого челове-
ка, способность выживать в нереальных услови-
ях: *Чё мы ви али олат и олат а з чё о ь
е ь. А мы а ы ра отал ал а . Н или на
траве на траве мы или. ас с атина ле
ись ть а мы на траве или.*

4. Жилище: *Из а- итистен а а итая а
трё а о ичи ыла. А асти – т ит и-
стено т та три и тама три. В из е ыли а-
лати на алатя ли али с али. ы стая овы
амо атом з елали. Па а а взял а и о ри-
ля ил ва а на чи а расторне ыло.* Из этого
следует, что простота и скромность отличала
структуру крестьянского жилища. Однако в нём
хватало места всем.

5. Семейное воспитание: *Та ы сл алися
ра итиле . ама и а а чтили. Нам ни а а
ничаво ни варили а мы сл алися и знали то в
из е лавна .* В этом можно усмотреть то, что
особые взаимоотношения детей и родителей вы-
ступали как реальная ценность, формирование
которой закладывалось поколениями.

6. Занятость: разные виды деятельности:
*Ра отали т та ал ози и ра итили на и и
мы а сёрна и а и. В ал ози ра отали и на
аля а али се или асили алоли ирали
свазили. Ча о толь я ня елали. Ра отали с ат-
ня ами на аровни и аяр ими свиар ими.* Как
было упомянуто, разнообразная работа пред-
ставлена физически сложным, тяжёлым трудом.
Следующей оценкой он репрезентируется в речи
диалектоносителей: *Си е ра ляли. С оль я ра-
оты ви али. Ац ая изнь ыла. На рывалися,
р ни ч или.*

7. Хозяйство: *азя ств ир али арова
тияты ыли свинь и си, ти ры. С атини*

*варили ра или за арьвали. Сами ни а и им а
и равим. Дети ис равна ама али вязь е.*
Речь идёт, как видно, о содержании крупного рога-
того скота, птицы в домашних условиях. По свиде-
тельству информантов, это был большой трудовой
процесс разведения животных, которые являлись
одним из источников пропитания многодетной се-
мьи. И в нём задействованы, по правилам вознесе-
новцев, все члены семейства. Ответственность воз-
лагалась и на детей, что показательно в XXI веке.

8. Местную власть и отношения с ней: *И
рится атиль, и ире тар – ни и ели ани ни а-
а ни то.* По всей видимости, у населения и ор-
ганов управления складывались добрые взаимо-
отношения, что очень важно.

9. Изменения в материальной стороне жиз-
ни: *Т та в и сятый а а и али сё стала и
а а а а ё а ся ая. Фся те ни а на сталае.
А о и ама сара и нова и лю и
стро или, ани стро или. И я а ся ая. Наелися
и на илися слава ти е Гас о ь!* Естественно,
речь отображает перемены в жизни маленькой
деревни, ставшие частью больших преобразова-
ний в огромной стране.

10. Огороднические работы *ас а ть
аро ы а рани и а али ла атыми. У из е
ишьят соты а о амени. Ка с а а им
арот за сле ам арто и са али л мар о ь
свя л . Посли а рцы ами оры то а. На
аро и сё ыло ы с ня о ня слазили.* Безу-
ловно, в говоре деревенский огород выступает
частью большого хозяйства. Он кормил много-
детную трудовую семью в течение всего кален-
дарного года.

11. Современность: *В ал ози ыла ра ота
он рямел на высь ры он а развалили. Фирмяра
ти еря равють. Старинь им эти ама ають.
И ас ри ёл и аро и есьть и енсию
лотють а изня аньча итца.* Примеры пока-
зывают, как противоречива сельская жизнь: с
одной стороны, существовавшая колхозная ста-
бильность и невысокое материальное положение;
с другой – некая разрушенность инфраструктуры
и финансовая устойчивость представителей
старшей возрастной группы.

12. Божественность: *И он и ва се в из е
висять. ы ла а арим а ны ён Гос о ь
Бо а. Ка он алея а он лю я! Слава ти е
Гас о ь Ка о омним все амина им и др.*
Нельзя не отметить, что речь диалектоносителей
указывает на духовность и совершенно удиви-
тельное отношение людей к божеству, репрезен-
тирует веру в помощь его и состояние незримого
присутствия в человеке.

Итак, мы представили реалии воронежской
глубинки, нашедшие отображение в народном

говоре. Наиболее яркие черты речи вознесенцев продемонстрируем ниже.

В частности, в системе во ализ ма (гласных звуков) местного диалекта прослеживаются следующие явления:

1. Недиссимилятивное а а нье: *арю, ась-тюм, ательна, атлеты, Качат о, ла ы, р а в а р а л и т и я, л а в л ю, л а а т а, л а с я, м а и л а, м а, м а л а е ц, а и м а в и з т ь а а м а л а а е а л П а м а с о в н а е а з в а л я ю т ь* и др. Заметим, что рассматриваемая фонетическая черта свойственна не только южнорусским говорам, но и литературному языку.

2. После твёрдых согласных [], [], [ц] и мягкого [ч] в предударном слоге в лексемах *а-л а, ани а а л е я а н л а а н а ц а т ы, ц а л ю; а ч а р я н а ч а в а л и ч а т ы р и* системно произносится [а].

3. *И а н ь е* – характерная черта южнорусских говоров и норма современного русского языка: *и им, и а ю, ли а т ь, л и с н и ч и н а р и а л а, н и е с н а ю, н и л ь з я, н и с е ь, н и и р и в а, а в и з е м, а в и с и л е я, а л и е л а, р и р и л ь н а р и р е з а л* и др.

4. Замены: [а] на месте [е]: [*та е*] – тебе; [а] на месте []: [*ра а ю с ь*] – радуюсь; [и] на месте [о]: [*сиртиравала*] – сортировала; [и] на месте [а]: [*заст чили*] – застучали; [и] на месте []: [*чи ны*] – чугуны; [о] на месте [а]: [*черв ч и*] – червячки; [] на месте [ы]: [*увала*] – бывало; [] на месте [о]: [*учь*] – хоть; [] на месте [а]: [*то ю т ь*] – топят; [ы] на месте [а]: [*т ы*] – туда и др.

5. Ассимилятивно-диссимилятивное *я а н ь е* *раз я р т ь, рассярчала, стяна, Стя а н, сяло сямом сямнацать Сярё а Сярё ина сястра, сястрица, тя ла, тя ло, мярла с явали, с я о, я во, я о, Я ор, я м* и др. Известно, что «ассимилятивно-диссимилятивное яканье характеризуется принципом ассимилятивности при ударном [а] и принципом диссимилятивности в той или иной разновидности при ударных гласных» [12, с. 47]. Добавим, что эта черта свойственна восточной группе южнорусского наречия.

6. *А ереза* – полная утрата гласного в начале слова: [*ни и а си арот*] – не обижайся, огород. Об этом фонетическом явлении Р. И. Аванесов писал: «второй предударный слог во многих южных говорах настолько ослаблен, что при благоприятных условиях редукция гласного в нём может дойти до нуля» [13, с. 60]. И, наоборот, его появление: [*аря ь и*] – репы, что объясняется фонетическими процессами.

7. Выпадение гласного(-ых) в лексических единицах: переконаемся, перерабатывали, пороховой, приказываю, разваливалась, рассказы-

вать, своего, сковорода, спрашивает, тараканы: [*ир анаимси ирра атвали ра аво, ри а з ваю развальвалась, рас азвать, сваво, с овра а с ра вая тар аны*]. В связи с этим Л. Л. Карпова пишет: «Выпадение гласных чаще всего вызвано их безударным положением или сочетанием однородных гласных, в ряде позиций – вялой артикуляцией» [14, с. 49].

8. Зафиксировано появление вставного гласного после согласного [а аница] – пшеница.

9. Появление гласного на конце слова: [*ти-еря т та*] – теперь, тут. И, наоборот, его утрата: [*рям несть*] – прямо, унести.

10. Отсутствие перехода [е] в [о]: [*ив ть ир м*] – живёт, уберём и др.

11. Переходы [о] в [е]: [*ащёч а сваё сли-лёнаи*] – дощечка, своей, слепленные; [а] в [е]: [*лим нница*] – племянница и др.

12. Диалектное ударение в словах: [*а н а-нёр*] – комбайнер; [*лася*] – лося; [*лё о*] – легко; [*ни алё а*] – недалеко; [*семью*] – семью; [*с овра а*] – сковорода; [*с атня ами*] – скотниками; [*сли лё наи*] – слепленные; [*а снавила*] – поставила; [*ринял*] – принял и др.

Таким образом, в данном научном сочинении продемонстрирован мир деревенского человека XX века, проживающего в отдалённом населённом пункте Воронежской области, пространство которого включает: семью, войну и память о ней, голодное время, жилище, воспитание, разные виды деятельности, хозяйство, местную власть и отношения с ней, полевые работы, материальную сторону жизни, огороднические работы и мн. др. Отражён и взгляд сельчан на прошлое и современность.

Бесспорно, особенность сельского человека в его особой простоте, открытости, трудолюбию, душевности, щедрости, оригинальной смекалке, способности преодолевать разные временные трудности и оставаться честным и порядочным. Здесь забота друг о друге, которой не заметишь в городской среде, и тот поистине великий сельский дух, сопряжённый с верой в высшие силы (Бога). Считаем, что они бесценны в наши дни.

По репрезентированным в настоящей статье реалиям вознесенцев можно получить представление о южнорусском говоре, в частности, о его системе вокализма. Необходимо подчеркнуть, что исследуемый диалект, несомненно, развивается по собственным правилам, принятым на данной территории.

Подводя итоги, заметим, «устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстаёт как бесспорный факт при изучении речевого поведения населения сёл, со-

хранивших нормальную генерационную структуру» [15, с. 121]. Кроме того, они «в современной языковой ситуации занимают отнюдь не периферийное место, отведённое языковым реликтам. $\Diamond$ Русские говоры, как и любой язык, осуществляя духовную преемственность, являются феноменом культурного национального наследия.... И заслуживают лингвистического изучения» [16, с. 147].

Примечание в работе использована русская упрощённая транскрипция. Звук «г» – фрикативного образования.

Список источников

1. Вен и на Т. И. Русские диалекты на диалектном ландшафте Славии // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2019. С. 4–14.
2. Г м о л ь т В. О различии в строении человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человечества // Хрестоматия по истории языка 19–20 вв. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1956. 457 с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 04. 03.2024).
4. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/279123/реалии> (дата обращения: 04. 03.2024).
5. Зеленин П. . Л ь янов А. Т. Таловский район. Историко-экономический очерк. Воронеж: областная организация Союза журналистов России, 1995. 152 с.
6. Вознесеновка, посёлок – Воронежская Энциклопедия. URL: <https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-v/a-00128-v> (дата обращения: 04. 03.2024).
7. Не о ст ова Л. В. Прозвища как компонент лингвориторической картины мира (на материале речи жителей посёлка 2-я Вознесеновка Таловского района Воронежской области) // Научный вестник ВГАСУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. № 15. Воронеж, 2014. С. 24–28.
8. Таловая. О земле мне милой и любимой. Из истории Вознесеновских посёлков. У истоков. URL: <https://ok.ru/talovaya.vrn/topic/68809743761504> (дата обращения: 04. 03.2024).
9. Не о ст ова Л. В. Ба а нова А. А. Характерные признаки речи жительницы села Берёзово Воронежской области (словообразовательный аспект) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2018. № 4 (31). С.28–33.
10. Авеева . Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / ВГУ. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008-. Т. 1 (А–М). 2008. 227 с.; Т. 2 (Н–Я). 2012. 307 с.
11. Не о ст ова Л. В. Леонов Е. А. Морфологические и фонетические особенности говора села Кутки // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. № 1 (24). Воронеж, 2017. С. 13–18.
12. Русская диалектология / (С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.); под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 224, с.: ил.
13. Аванесов Р. И. Очерк русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.
14. Кар ова Л. Л. О явлениях выпадения гласных в северных диалектах удмуртского языка // Научный диалог. 2018. № 10. С. 47–59.
15. Калыныч Л. Э. Русские диалекты в их современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. № 3. 1997. С. 115–124.
16. а слов В. Г. Русские говоры – национальное богатство // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы IX Международной научной конференции. Воронеж: ВГПУ, 2017. С. 143–148.

References

1. Vendina, T. I. (2019). *Russkiye dialekty na dialektnom landshafte Slavii* [Russian Dialects on the Dialect Landscape of Slavia]. Rossiya narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur. Pp. 4–14. Volgograd, izd-vo ООО RA "Fortess". (In Russian)
2. Gumbol'dt, V. (1956). *O razlichii v stroenii chelovecheskikh yazykov i ikh vliyaniy na dukhovnoye razvitiye chelovechestva* [On the Differences in the Structure of Human Languages and Their Influence on the Spiritual Development of Mankind]. Khrestomatiya po istorii yazyka 19–20 vv. 457 p. Moscow, Gos. uchebno-pedagog. izd-vo. (In Russian)
3. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* (1999) [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. Moscow. Rus. yaz. Poligrafresursy. Fundamental'naya ehlektronnaya biblioteka. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 04.03.2024). (In Russian)
4. *Tolkovyi slovar' Yefremovoi* (2000) [Explanatory Dictionary of Efremova]. T. F. Efremova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/279123/realii> (accessed: 03.04.2024). (In Russian)
5. Zelenin, P. M., Luk'yanov, A. T. (1995). *Talovskiy rayon. Istoriko-ekonomicheskii ocherk*. [Talovsky District. Historical and Economic Essay]. 152 p. Voronezh: oblastnaya organizatsiya Soyuzha zhurnalistov Rossii. (In Russian)
6. *Voznesenovka, posolok – Voronezhskaya Entsiklopediya* [Voznesenovka, Village – Voronezh Encyclopedia]. URL: <https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-v/a-00128-v> (accessed: 04.03.2024). (In Russian)
7. Nedostupova, L. V. (2014). *Prozvischa kak komponent lingvoritoricheskoi kartiny mira (na materiale rechi zhitel'ey posolka 2-ya Voznesenovka Talovskogo rayona Voronezhskoi oblasti)* [Nicknames as a Component of the Linguistic and Rhetorical Picture of the World

(based on the speech of residents of the village of 2nd Voznesenovka, the Talovsky District, the Voronezh Region)]. Nauchnyi vestnik VGASU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". Vyp. No. 15. Pp. 24–28. Voronezh. (In Russian)

8. Talovaya. *O zemle mne miloy i lyubimoy. Iz istorii Voznesenovskikh posolkov. U istokov* [Talovaya. About the Land that Is Dear and Beloved to Me. From the History of Voznesenovsky Villages. At the Origins]. URL: <https://ok.ru/talovaya.vrn/topic/68809743761504> (accessed: 04.03.2024). (In Russian)

9. Nedostupova, L. V., Bazhanova, A. A. (2018). *Kharakternyye priznaki rechi zhitel'nitsy sela Berozovo Voronezhskoy oblasti (slovoobrazovatel'nyy aspekt)* [Special Features of the Resident's of the Berezovo Village of the Voronezh Region Language (Word-Forming Aspect)] Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki. Voronezh. No. 4 (31), pp. 28–33. (In Russian)

10. Avdeyeva, M. T. (2008, 2012). *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Ukrainian Dialects of the Voronezh Region: In 2 Volumes]. T. 1 (A–M). 227 pp.; T. 2 (N–Y). 307 p. VSU. Voronezh, Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

11. Nedostupova, L. V., Leonov, Ye. A. (2017). *Morfologicheskiye i foneticheskiye osobennosti govora sela Kutki* [Morphological and Phonetic Features of the

Dialect of the Village of Kutki]. Nauchnyi vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". Vyp. No. 1 (24). Pp. 13–18. Voronezh. (In Russian)

12. *Russkaya dialektologiya* (1989) [Russian Dialectology]. (S. V. Bromlei, L. N. Bulatova, K. F. Zakharova i dr.); pod red. L. L. Kasatkina. 2-e izd., pererab. 223 p, [1] p.: ill. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

13. Avanesov, R. I. (1949). *Ocherk russkoi dialektologii* [An Essay on Russian Dialectology]. 335 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)

14. Karpova, L. L. (2018). *O yavleniyakh vypadeniya glasnykh v severnykh dialektakh udmurtskogo yazyka* [On the Phenomena of Vowel Loss in the Northern Dialects of the Udmurt Language]. Nauchnyi dialog. No. 10, pp. 47–59. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-47-59. (In Russian)

15. Kalnyn, L. E. (1997). *Russkiye dialekty v ikh sovremennoy yazykovoy situatsii i ikh dinamika* [Russian Dialects in Their Modern Language Situation and Their Dynamics]. Voprosy yazykoznanii. No. 3, pp. 115–124. (In Russian)

16. Maslov, V. G. (2017). *Russkiye govory – natsional'noye bogatstvo* [Russian Dialects - National Wealth]. Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletii: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pp. 143–148. Voronezh, VSPU. (In Russian)

The article was submitted on 04.04.2024

Поступила в редакцию 04.04.2024

Недоступова Любовь Виняминовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Воронежский государственный технический
университет,
394026, Россия, Воронеж,
Московский проспект, 14.
nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lubov Viniaminovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Voronezh State Technical University,
14 Moskovsky Prospect,
Voronezh, 394026, Russian Federation.
nedostupowa2009@yandex.ru

УДК 81'22

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-63-68

ДВУХФАЗОВЫЕ КРЕАТИВНЫЕ ТЕКСТЫ КАК НОВЫЙ ЖАНР ПОЗДРАВИТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

© Екатерина Непомнящих

TWO-PHASE CREATIVE TEXTS AS A NEW GENRE OF CONGRATULATORY DISCOURSE

Ekaterina Nepomnyashchikh

This article describes a new genre of congratulatory discourse - two-phase creative texts. It analyzes the texts of modern greeting cards, as well as texts on bento cakes and substantiates the legitimacy of identifying this genre, taking into account a number of genre-forming features. We claim that the text of a creative greeting card has moved from paper to a confectionery product, that is, the creative greeting card (literally and figuratively) is now the cake and its packaging. The article proves that two-phase creative texts have a special structure - they are parceled and placed on different surfaces, that is, locally separated, due to which a two-stage perception of the text occurs. This structure increases the pragmatic potential of texts of this genre and determines the mechanism of their linguistic creativity. The functional feature of these texts is their pronounced humorous dominant, colloquial nature, playfully ironic tone, unpredictability of the second part semantics of the text, which affects its stylistic characteristics. Two-phase creative texts are also characterized by precedent. The article connects the emergence of two-phase creative texts with the development of congratulatory discourse and the strengthening of the mass linguistic creativity role in modern society.

Keywords: creative text, genre, linguistic creativity, postcard, texts on cakes, bento cake, congratulatory discourse

Статья посвящена описанию нового жанра поздравительного дискурса – двухфазовым креативным текстам. Автор анализирует тексты современных поздравительных открыток, а также тексты на бенто-тортах и обосновывает правомерность выделения данного жанра с учетом ряда жанрообразующих признаков. Автор утверждает, что фактически текст креативной поздравительной открытки перешел с бумажного носителя на кондитерское изделие, то есть креативной поздравительной открыткой (в прямом и переносном смысле) теперь служит торт и его упаковка. В статье доказывается, что двухфазовые креативные тексты имеют особую структуру – они парцеллированы и размещены на разных поверхностях, то есть локально разделены, за счет чего происходит двухэтапное восприятие текста. Такая структура повышает прагматический потенциал текстов данного жанра и обуславливает механизм их лингвокреативности. Функциональной особенностью данных текстов является их ярко выраженная юмористическая доминанта, разговорный характер, шутливо ироничный тон, непредсказуемость семантики второй части текста, что влияет на стилистические характеристики. Двухфазовым креативным текстам также свойственна прецедентность. Автор связывает появление двухфазовых креативных текстов с развитием поздравительного дискурса и усилением роли в современном обществе массового лингвистического креатива.

Ключевые слова: креативный текст, жанр, лингвокреативность, открытка, тексты на тортах, бенто-торт, поздравительный дискурс

Для цитирования: Непомнящих Е. Двухфазовые креативные тексты как новый жанр поздравительного дискурса // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 63–68. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-63-68

Современное лингвокультурное пространство претерпевает значительные изменения в связи активным развитием информационных технологий, которые теперь позволяют создавать оригинальные

речевые произведения большому количеству носителей языка. Это способствует значительному возрастанию уровня массового лингвокреатива. В современном языковом сообществе

высокую ценность получают нестандартные, креативные высказывания, аккумулирующие новые, свежие смыслы. Многие жанры трансформируются, появляются новые.

Данная статья посвящена новому жанру поздравительного дискурса – двухфазовым креативным текстам. Материалом исследования послужили тексты на тортах и их упаковках, а также тексты современных поздравительных открыток.

Изначально мы обратили внимание на то, что многие современные поздравительные открытки в корне отличаются от открыток в традиционном понимании [1], [2]. Многие из них имеют совершенно другую структуру: текст в них разделен на две части, при этом первая часть текста размещается на лицевой стороне открытки, вторая – внутри (рис. 1, 2). Само слово *открытка* в данном случае актуализирует свой первоначальный смысл, открытка – это то, что нужно открыть: ... (здесь и далее знаком «слэш» обозначена граница разделения текста).

Рис. 1 Лицевая часть открытки

Рис. 2 Внутренняя часть открытки

Далее мы обнаружили, что такой же эффект имеют тексты, которые размещаются на так называемых бенто-тортах и их упаковках. Бенто-торты, ставшие популярными в России в 2021 году, – это особый вид десерта, мини-торты, предназначенные для 1-2 человек и оформленные в минималистическом стиле. Такой торт кладется в специальный картонный контейнер – ланч-бокс. При этом все чаще поздравительный текст располагается не только на самом торте, но и на упаковке. Правильнее сказать, что текст и начинается с упаковки (рис. 3, 4).

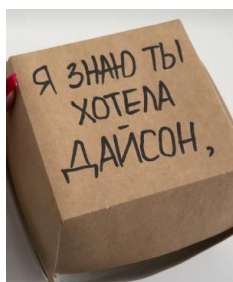

Рис. 3 Ланч-бокс с первой частью текста

Рис. 4 Вторая часть текста

Первая часть текста наносится на коробку обычным маркером, вторая – на сам торт при помощи специальных пищевых фломастеров, фотопечати или же других приспособлений и ингредиентов (например, кондитерских мешков, шоколадной или сахарной глазури, айсинга, мастики и т. д.). И в этом, на наш взгляд, принципиальное отличие данного типа текстов от всех других, имеющих место в поздравительном дискурсе. По сути, это та же креативная поздравительная открытка, только в данном случае «носителем» текста является не картонный лист, сложенный вдвое, а лицевая часть упаковки и само кондитерское изделие. Исследователи отмечают, что упаковка перестала быть просто емкостью для хранения и транспортировки: «Даже самая простая картонная коробка способна произвести стойкое впечатление на клиента, привлечь внимание или наоборот оттолкнуть» [3, с. 132]. В случае с бенто-тортами упаковка играет очень важную роль, поскольку берет на себя коммуникативную функцию – именно с текста на упаковке начинается речевой поздравительный акт:

- я появилась в твоей жизни потому что.../ каждый день рождения тебе желали самого лучшего;

- МОЛЧИ ЖЕНЩИНА... / ТВОЁ МЕСТО НА МАЛЬДИВАХ;

- ТЫ НЕ ЖДАЛА iPhone НА 8 МАРТА / Я И НЕ КУПИЛ...

Укажем, что в текстах примеров мы стараемся сохранить первоначальную графику: не только написание текстов заглавными или прописными буквами, но и исходную орфографию и пунктуацию. На наш взгляд, это необходимо для отражения реальной речевой практики.

Существует несколько способов «открытия» второй части высказывания на тортах. Это может быть специальная пластиковая полоска, которая сверху покрыта кремом, как и весь торт, однако, если потянуть ее за видимый край, открывается вторая часть текста (Рис. 5, 6).

Рис. 5 Торт с пластиковой полоской

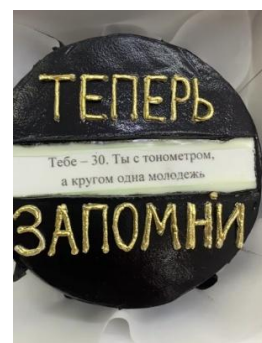

Рис. 6 Вторая часть текста на торте

Существует особый вид бенто-тортов – огненные торты. Это торты, на которых уже нанесен текст в два слоя. Адресат читает текст, расположенный на видимой части торта, а потом середину торта поджигают, слой с первой надписью сгорает и становится видна вторая надпись (Рис. 7, 8, 9): *Я появилась в твоей жизни... / ...чтобы показать как выглядит самый прекрасный вид голодной боли*))).

Рис. 7 Первая часть текста

Рис. 8 Поджигание верхнего слоя

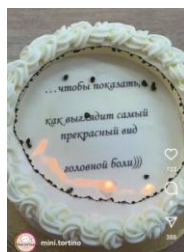

Рис. 9 Вторая часть текста

При любом из вышеперечисленных способов «открытия» второй части текста происходит такое же двухфазовое восприятие написанного, как и в случае с открытием креативной поздравительной открытки. На наш взгляд, было бы вполне логичным называть такие торты – «торты-открытки», поскольку, чтобы узнать вторую часть текста, нужно каким-либо образом этот текст механически «открыть». Функционально такие тексты ничем не отличаются от текстов на креативных поздравительных открытках, разница только в предмете, на который этот текст нанесен.

Итак, все эти тексты объединяет то, что, во-первых, они являются креативными. Лингвокреативность в речи возникает там, где происходит нарушение языковой нормы, смещение смысловых доминант, искажение логики высказывания или потеря им предсказуемости.

Во-вторых, такие тексты представляют собой одно парцеллированное высказывание или две фразы, при этом каждая часть такого высказывания или каждая фраза локально дистанцирована, то есть размещена на разных поверхностях, что оказывает влияние на перцептивные возможности адресата: *Ты моя вселенная / ... и даже больше* (открытка). Воспринимая первую часть, реципиент сразу же включается в акт коммуникации, пытаясь предугадать вторую часть текста (высказывания): *Вселенная тебя любит. / Я тоже* (открытка). Текст становится своеобразной загадкой. Поскольку смысл второй части обычно непредсказуем, возникает яркий перлокутивный эффект. Прагматический потенциал такого тек-

ста значительно возрастает именно в связи с «порционной» подачей частей высказывания, разделенного локально. Также парцеллирование текста выступает одним из главных механизмов создания лингвокреативности, поскольку дробление высказывания является нарушением нормы, смещает смысловую доминанту на финальную часть высказывания, которая становится трудно угадываемой.

Мы считаем момент открытия / появления второй части текста принципиальным для выделения данной группы текстов в особый жанр поздравительного дискурса, отличающийся от прочих: цитат, «прикольных» надписей, нанесенных на кружки, бокалы, сувениры или подарочные средства по уходу за собой. Понятно, что современные технические средства позволяют делать текст динамичным, движущимся (реклама, бегущая строка). Но принципиальное отличие в том, что анализируемые нами тексты:

- зафиксированы письменно на двух локально разделенных поверхностях;
- статичны (нанесены на осязаемый предмет);
- имеют четкую двухфазовую структуру, два этапа восприятия;
- являются креативными – оригинальными, непредсказуемыми.

Итак, двухфазовый креативный текст – это жанр поздравительного дискурса, который представляет собой оригинальный парцеллированный на две части текст, зафиксированный письменно на двух локально разделенных предметных поверхностях, имеющий два этапа восприятия и обладающий трудно предсказуемой семантикой второй смысловой части.

Известно, что речевые жанры появляются следующим образом: «Вначале появляется замысел, он определяет, с одной стороны, предмет речи и его границы, предметно-смысловую исчерпанность и сочетается с предметом речи как субъективный момент высказывания с объективным в неразрывное единство, очевидно, и являясь темой речевого жанра. С другой стороны, замысел определяет выбор жанровой формы. Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром. В результате этого взаимодействия складываются стиль и композиция» [4, с. 111].

Как видно из приведенных примеров, двухфазовые креативные тексты очень редко содержат в себе традиционные поздравительные элементы: обращение к адресату, название праздничного события, пожелание, подпись. Праздничный повод чаще всего не вербализован, а семантизируется имплицитно: *С таким защитни-*

ком как ты... / Можно переспать спокойно (текст на торте ко Дню защитника Отечества). Речевой акт поздравления является не прямым, а косвенным, и в некоторых случаях праздничное событие вообще не угадывается: *ТЫ МОЯ ЖИЗНЬ, БЕЗ ТЕБЯ Я НЕ ХОЧУ БЫТЬ* / я хочу, чтобы история нашей любви бегала по нашему дому... (текст на торте). Функция поздравления в двухфазовых креативных текстах коррелирует с юмористической функцией и зачастую не подкрепляется традиционной комплиментарной семантикой, а наоборот, вызывает у адресата положительный эмоциональный отклик посредством шутильных разговорных, дружески ироничных высказываний. Структурные же элементы «поздравление» и «пожелание» в традиционном понимании кардинально трансформируются, становясь как бы выхваченными из контекста репликами адресанта адресату с ярко выраженным оттенком разговорности. На наш взгляд, это происходит потому, что двухфазовые креолизованные тексты способны заменить собой ту устную поздравительную речь, которая традиционно готовится дарителем и произносится в момент дарения подарка адресату.

В теории речевых актов выделяется перформатив как один из видов актов речи. Это так называемые «фразы-действия», к которым относятся и собственно поздравление, поскольку фраза «я поздравляю тебя» обозначает действие, заключаемое в самом ее произнесении.

Что же происходит в случае с «говорящими» тортами или открытками? Поздравитель как бы перекладывает функцию произнесения поздравительной речи на подарочный предмет, «произносителем» поздравления становится торт / открытка. Именно поэтому такие тексты часто представляют собой реплики, обращенные к адресату, содержат конфиденциальную или даже интимную информацию: *ТЫ КАК ТОРТ НА ПРАЗДНИК... / ТЕБЯ ВСЕГДА МАЛО И ХОЧЕТСЯ ЕЩЁ*.

То есть происходит своеобразная попытка передать устную речь поздравителя на письме, чтобы избежать произнесения. Локуция как момент произнесения высказывания переносится с адресанта на предмет. С позиции прагматики такой вариант представляется более удачным, так как исключает какие-либо риски, свойственные устной речи (поздравитель может разволноваться, произнести поздравительную речь недостаточно хорошо, сбиться, забыть что-то и т. д.).

Особо следует отметить, что тексты открыток и тексты на тортах идентичны не только функционально, но и структурно. Например, в первой части текста может выступать вопро-

сительное предложение, а вторая часть является ответом на данный риторический вопрос:

- *И как ты докатилась до такой жизни?* (изображение роликовых коньков) / *Продолжай в том же духе!* (открытка);

- *Ты себя вообще видела?* / *Ты офигенная* (текст на торте).

Но чаще всего текст представляет собой одну парцеллированную фразу – простое или сложное предложение:

- *С Днём РОЖДЕНИЯ! Жить так, как будто ВСЁ ВОЗМОЖНО...* / *...потому что ТАК И ЕСТЬ* (открытка);

- *Каждый месяц моей жизни... / ... становится медовым, когда мы вместе!* (открытка);

ОБЪЕКТИВНО (изображение женщины с фотоаппаратом) / *Ты круче всех!* (открытка);

- *Этой весной... / Ты влюбишься в себя по новому* (текст на торте);

- *ТЫ НЕ ЖДАЛА iPhone НА 8 МАРТА / Я И НЕ КУПИЛ...* (текст на торте);

- *8 МАРТА ДЕНЬ КОГДА... / УБРАТЬСЯ И ПОМЫТЬ ПОСУДУ ТЫ МОЖЕШЬ ЗАВТРА* (текст на торте).

Двухфазовые креативные тексты могут быть прецедентными. Если рассматривать прецедентность в ее традиционном понимании как «текст, хорошо известный личности и ее широкому окружению, включая предшественников и современников, обращение к которому в дискурсе данной языковой личности возобновляется неоднократно» [5, с. 216], то двухфазовые креативные тексты поздравительного дискурса нередко являются прецедентными: *ТЕПЕРЬ ЗАПОМНИ / Тебе – 30. Ты теперь с тонометром, а кругом одна молодежь* (рис. 5, 6); *ТЕПЕРЬ ЗАПОМНИ / Ты теперь бабка, ты теперь с поликлиникой, а вокруг шлюхи и наркоманы* (рис. 10). Однако такие тексты не просто содержат прецедентные элементы, а дают отсылку к общеизвестному крылатому выражению (из телесериала 2023 года «Слово пацана») посредством своей структурной основы, то есть происходит процесс *реплика-ции* (разрядка наша – Н. Е.) – копирование структуры исходного текста с полной заменой лексических элементов: *А теперь запомни, ты теперь пацан, ты теперь с улицы, а кругом враги*.

Рис. 10 Прецедентный текст на торте

В данном случае прецедентность проявляется в результате семантического несоответствия «качеств эталона и референта» [6, с. 33].

Однако следует отметить, что феномен прецедентности в текстах, функционирующих в социальных сетях, расширяет свои границы. Наиболее удачные креативные тексты начинают копироваться большим количеством пользователей, так как являются общедоступными, и со временем теряют свою креативность, поскольку становятся легко узнаваемыми. «Эффект загадки» теряется в случае, если адресату уже известен семантический вариант второй части текста:

- Я ХОТЕЛА ПОДАРИТЬ LEXUS... / НУ А ПОКА ЕСТЬ Я И ТОРТ;

- когда-нибудь у тебя будет крутой LEXUS 570 / а пока есть мы и торт;

- когда-нибудь у тебя будет крутой HARLEY-DAVIDSON / а пока есть мы и торт.

Итак, тексты на тортах относятся к этикетному типу речевых жанров. «Современный подход к понятию „жанра“ предполагает, что это понятие охватывает некий набор универсальных текстов» [7, с. 639]. Особенности речевого жанра определяются его тематикой, структурой, функциональной направленностью, а также стилистическими характеристиками (выбором лексики, грамматических конструкций). Двухфазовые креативные тексты являются новым жанром поздравительного дискурса, поскольку имеют свои характеристики в каждом из перечисленных жанровых критериев:

- тематически это тексты-поздравления с эксплицитно или имплицитно заданной поздравительной семантикой;

- функциональный аспект расширен и имеет явно выраженную юмористическую доминанту;

- структурная организация уникальна, поскольку текст локально закреплен на разных поверхностях и имеет две фазы восприятия;

- стилистические параметры обусловлены функционально-структурными особенностями.

Перспективой исследования является изучение дальнейшего развития и трансформации

двухфазовых креативных текстов поздравительного дискурса.

Список источников

1. Непомнящих Е. А., Литовкина А. М. Языковые особенности креативных поздравительных открыток // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. №3. С. 99–103.

2. Непомнящих Е. А. Креативная поздравительная открытка: определение термина и особенности жанра // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2024. №1. С. 131–136.

3. Журавлева А. И., Ковалевская Н. И. Визуальная идентификация бренда (на примере кондитерской ALINKA TSVIRKO) // Труды БГТУ. 2021. Серия 4. № 2, С. 126–135.

4. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 104–121

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

6. Аврамова В. Н. Прецедентность или квазипрецедентность в языке массмедиа // Медиалингвистика. 2017. № 4 (19). С. 29–36.

7. Иркабаева М. В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. 2010. №3. С. 636–640.

References

1. Nepomnyashchikh, E. A., Litovkina, A. M. (2019). *Yazykovye osobennosti kreativnykh pozdravitel'nykh otkrytok* [Language Features of Creative Greeting Cards]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya". No. 3, pp. 99–103. (In Russian)

2. Nepomnyashchikh, E. A. (2024). *Kreativnaya pozdravitel'naya otkrytka: opredelenie termina i osobennosti zhanra* [Creative Greeting Card: Definition of the Term and Features of the Genre]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya". No. 1, pp. 131–136. (In Russian)

3. Zhuravleva, A. I., Kovalevskaya, N. I. (2021). *Vizual'naya identifikatsiya brenda (na primere konditerskoi ALINKA TSVIRKO)* [Visual Brand Identification (based on the ALINKA TSVIRKO confectionery)]. Trudy BG TU. Seriya 4. No. 2, pp. 126–135. (In Russian)

4. Dement'ev, V. V. (1997). *Izuchenie rechevykh zhanrov* [Study of Speech Genres]. Voprosy lingvistiki. No. 1, pp. 104–121. (In Russian)

5. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 264 p. Izd. 7-e. Moscow, izd-vo LKI. (In Russian)

6. Avramova, V. N. (2017). *Pretsedentnost' ili kvazipretsedentnost' v yazyke massmedia* [Precedent or Quasi-Precedent in the Language of Mass Media]. Medialingvistika. No. 4 (19), pp. 29–36. (In Russian)

7. Irkabaeva, M. V. (2010). *Rechevye akty i rechevye zhanry: sootnoshenie ponyatii* [Speech Acts and Speech Genres: Correlation of Concepts]. Vestnik Bashkirskogo universiteta. No. 3, pp. 636–640. (In Russian)

The article was submitted on 11.05.2024

Поступила в редакцию 11.05.2024

Непомнящих Екатерина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Байкальский государственный университет,
664003, Россия, Иркутск,
Ленина, 11.
trunova.k_86@mail.ru

Nepomnyashchikh Ekaterina Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Baikal State University,
11 Lenin Str.,
Irkutsk, 664003, Russian Federation.
trunova.k_86@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. КАРИМА

© Альфина Султанова

FEATURES OF ONYMS IN M. KARIM'S WORKS

Alfina Sultanova

Onomastics in fiction is a promising, young, but a rapidly developing branch of knowledge in linguistics. It expresses the importance of onomastic material in different ways, and its inclusion in scientific circulation covers the study of a wide range of historical, geographical and linguistic issues, starting from ancient times to the present time.

Onyms are an important component of the semantic and stylistic system in the author's use of language in fiction. They organically and willingly join the system of linguistic means of a literary text, participate in the formation of the work's overall expressiveness, entering the author's lexicon as an important indicator of the author's style and creating an "onomastic space" of the work.

Onyms in Bashkir, as well as in many Turkic languages, arouse the interest of many scientists. This article studies structural and word-formation features in the work of the national Bashkortostan poet Mustai Karim. A characteristic feature of the great writer's literary texts is the use of word-formation suffixes in the onym formation in a work of fiction. In addition, we explored the components of these words. The study of the word formation structure and system of the presented lexemes proves that they will always comply with the norms of the Bashkir language.

Keywords: Bashkir language, lexicology of the Bashkir language, onomastics of the Bashkir language, onyms in fiction, toponyms in fiction

Ономастика художественных произведений – перспективная, молодая, но быстро развивающаяся отрасль знаний в лингвистике. Она по-разному выражает значимость ономастического материала, и его вовлечение в научный оборот охватывает изучение широкого круга исторических, географических и лингвистических проблем, начиная с древнейших времен и заканчивая современностью.

Онимы в художественных произведениях – важный компонент семантической и стилистической системы в авторском использовании языка. Они органично и охотно включаются в систему языковых средств художественного текста, участвуют в формировании общей выразительности произведения, входят в авторский лексикон как важный показатель авторского стиля и создают «ономастическое пространство» произведения.

Онимы художественных произведений в башкирском языке, как и во многих тюркских языках, вызывают интерес многих ученых. Данное исследование посвящено изучению структурных и словообразовательных особенностей онимов произведений народного поэта Башкортостана Мустая Карима. Характерной особенностью художественных текстов великого писателя является использование словообразовательных суффиксов при образовании онимов в художественном произведении. Кроме того, рассматриваются компоненты данных слов. Изучение структур и систем словообразования представленных лексем доказывает, что они всегда будут соответствовать нормам башкирского языка.

Ключевые слова: башкирский язык, лексикология башкирского языка, ономастика башкирского языка, онимы в художественных произведениях, топонимы в художественных произведениях

Для цитирования: Султанова А. Особенности поэтонимов в произведениях М. Каримова // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 69–74. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-69-74

Изучение антропонимов и топонимов в литературных произведениях считается актуальной проблемой в башкирском языкознании. В целом,

многообразие проблем, решаемых в данной области, требовало серьезной и систематической организации научной работы в направлении по-

этики башкирской ономастики. Была поставлена задача сформировать ономастикон художественных произведений талантливых писателей, создавших свое направление в башкирской литературе, и развить их научно-теоретическую базу. На сегодняшний день в башкирском языкознании накоплен серьезный научный материал. Систематизация антропонимии, топонимии, богатейшее литературное наследие, талантливые, глубоко образованные, эрудированные научные кадры – все это говорит о том, что для данной работы созданы все необходимые условия [1, с. 94].

В мире имен башкирского народа много интересного и прекрасного. Издавна люди к именованию относились очень серьезно. Имя ребенку давали в зависимости от того, когда и в каких условиях он был рожден. Например, были имена, связанные с природными явлениями: *Буранбай* (родился буранным днем); *Айсыуак* (родился ясной ночью); *Айсылу* (родилась лунной ночью); *Кояш* (родился летом); *Асман* (небо) и др. Имена, которые зависят от цвета: *Акъегет*, *Акчура*, *Акбулат* (ак – ‘белый’); *Карасас*, *Карабулат*, *Карасура* (кара – ‘черный’) и др. Имена, образованные от названий растений, цветов: *Муйылбика* (муйыл – ‘черемуха’); *Гульшат*, *Гульдар* (гуль – ‘цветок’); *Миляуша* (‘фиалка’) и др. Имена, образованные от названий различных металлов: *Таштимер*, *Биктимер* (таш – ‘камень’, тимер – ‘железо’), *Алтынбика* (алтын – ‘золото’); *Ынйыкай* (ынйы – ‘жемчуг’). Имена, которые образованы от названий животных и птиц: *Арыслан* (‘лев’); *Карлугас* (‘ласточка’); *Хандугас* (‘соловей’). Имена, в которых увековечена память исторических личностей, народных батыров: *Салават* (Юлаев); *Юлай* (Азналин); *Миннигали* (Шаймуратов). Для того, чтобы женщина была красивой, в ее имени использовалось слово *гуль*: *Гульназира*, *Гульямал*, *Гульбика* и др.

Можно выделить целую группу наименований, содержащих в себе нововведения, которые Октябрьская революция внесла в человеческое сознание, в жизнь и в социальное положение. Например, в лексике народов Средней Азии можно выделить такие имена, как *Колхозбек*, *Советбек*, *Совхоз*, *Женотдел* и др. Не остались в стороне от этого и башкиры. Появились такие имена, как *Люция*, *Вил*, *Лена*, *Рифмир*, *Марсель* и др.

Многие родители дают имя ребенку заранее, посоветовавшись с родными. При составлении имени обращают внимание на его звучание, смысловую нагрузку, русско-башкирское произношение. Имя ребенку дается один раз и на всю жизнь, так как оно влияет на характер человека.

На мальчиках лежит большая ответственность при именовании, чем на девочках, поскольку их имена в будущем становятся отчеством. Раньше считали, что, когда ребенок с детства знает значение своего имени, в нем пробуждается гордость за свой народ. Чтобы каждый человек гордо носил свое имя, не искажая, не стыдясь его, родители старались называть своих детей с любовью и добрыми пожеланиями.

Нами были проанализированы традиции именаречения башкирского народа. Это праздник не только семьи, но и всех родственников, соседей, каждый из которых считает себя должным поздравить ребенка и принести подарки. А родители новорожденного, в свою очередь, должны подготовить подарки для гостей.

Рассмотрим традицию именования детей в произведении Мустая Карима «Долгое-долгое детство» [2]. Как отмечается в повести, после рождения ребенка соседи, родственники, друзья, знакомые несли матери гостинцы: жаренные на сковороде блины, пироги, кыстыбый, фаршированную курицу, катламу, баурсак и еще многое др. Каждый старался в меру своих возможностей. Самовар с утра и до вечера не сходил со стола. В самом центре на пуховой подушке сидела повивальная бабка [Там же, с. 36].

Далее мы проанализировали значения женских имен в повести Мустая Карима «Радость нашего дома» [2] и отметили, что имя *Оксана* в повести Мустая Карима повторяется 216 раз, *Гульсылу* – 4, *Гульнур* – 5, *Фагима* – 43, *Фархениса* – 10, *Конбика* – 16, *Минлекай* – 1, *Сибар* – 1, *Сания* – 1, *Сагида* – 2, *Роза* – 1 раз. Нужно отметить, что в повести часто встречается имя *Оксана*. Это связано с тем, что оно дано одному из главных героев произведения. Данные имена были проанализированы по словарю Тансылу Кусимовой «В мире имен» [3] и установлены их значения:

Фагима – умная, сообразительная; *Сагида* – счастливая, зажиточная; *Роза* – цветник; *Гульнур* – гуль (‘цветок’), нур (‘луч’); *Гульсылу* – прекрасная, как цветок; *Сания* – второе дитя; *Минлекай* – милая; *Сумбуль* – красивая; *Тазкира* – память, подарок; *Конбика* – солнце; *Фархениса* – знатная девушка; *Оксана* – имя древнегреческого происхождения, в русском языке означает «гостеприимная».

Анализируя данные имена собственные, мы отметили, что Мустай Карим для именования своих героев использовал следующие значения: 1. Пожелания хорошей жизни (*Сагида*, *Оксана*, *Фархениса*); 2. Восхищение их красотой и умом (*Фагима*, *Гульсылу*, *Минлекай*, *Сумбуль*); 3. Наименования, связанные с растениями (*Роза*,

Гульнур); 4. Имя *Сания* давали ребенку, рожденному вторым; 5. Имя *Таскира* давали ребенку в память о ком-либо; 6. Имя, связанное с природными явлениями (*Конбика*).

Далее было отмечено, что важнейшим вопросом для башкирского ономастического материала является также совокупное изучение башкирской топонимии. С самого детства человек напрямую связан с рядом мест, имеющих характерные черты, топонимы (греч. *topos* – место, *onima* – имя, название) – это набор географических названий для определенной территории [4, с. 361]. История образования топонимов свидетельствует о формировании человеческих представлений и взаимодействии человека с окружающим миром. Природные топонимы формируются под воздействием естественных условий, а социальные – в результате взаимосвязи различных социальных институтов. Топонимическая лексика возникла из-за необходимости именовать окружающие объекты и ландшафты в процессе исследования природы на заре становления общества [Там же, с. 164].

Словарь топонимов считается самым точным памятником истории. Потребность фронтального изучения и структурирования топонимической лексики указывает на то, что профессионалов, ценителей и носителей данной информации остается все меньше. Кроме того, лексика топонимов еще полностью не изучена. Сотни тысяч лексических единиц географических названий были безвозвратно утеряны с карт и справочников в связи с быстрыми социальными и политическими изменениями в обществе [5, с. 253]. С этой точки зрения изучение топонимической лексики башкирского языка является очень важной темой. Топонимы являются важнейшим пластом башкирской ономастики и обладают определенными качествами. Например, они могут быть:

1. активными только в определенных сферах и просторечиях;
2. многокомпонентными (используются в словосочетаниях и формах предложений);
3. мобильными (адаптируются к изменениям в повседневной жизни) [6, с. 118].

В настоящее время ученые выделяют топонимию художественных текстов, изучающую географические наименования и их роль в творчестве писателей. Топонимы в художественных произведениях отличаются тем, что они описывают события. Другими словами, они не только именуют что-либо, но и придают стилистическую окраску [7, с. 124].

В повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство» [2] нами были проанализированы топо-

нимы в структурном плане. Это произведение представляет собой живописную картину жизни башкирского аула. В ней так много бытовых и национальных подробностей, что она может удовлетворить и чисто этнографический интерес читателя [8, с. 37].

Изучение структур и систем словообразования представленных лексем доказывает, что они всегда будут соответствовать нормам башкирского языка. Нужно отметить, что в топонимической лексике можно выделить следующие структурные виды:

1. Простые: *Стәрлетамак*, *Ижевск* и др.;
2. Сложные: *Талкаш күле*, *Хозайбирзин урамы* и др.;
3. Сокращенные: *Тагил*, *Челны* и др.

Простые топонимы можно разделить на непроизводные и производные. Непроизводные простые топонимы образуются путем перевода существительных, таких как географические термины, собственные имена существительные, субстантивированные формы прилагательных и глагольные формы, в разряд топонимов художественных произведений и способствуют формированию следующих подсистем:

1. простые непроизводные топонимы: образуются путем изменения существительных в ономы;
2. простые непроизводные топонимы, образованные от собственных имен существительных;
3. простые непроизводные топонимы: образованные от других частей речи.

В произведении Мустая Карима «Долгое-долгое детство» мы выделили простые непроизводные топонимы, такие как *Келәш*; *Мәскәү*; *Өфө*; *Германия*; *Бохара*.

Простые производные географические названия также были отмечены в данной повести:

- Күсем* (Күс (кор.) + ем (афф.));
Сайран (Сайра (кор.) + н (афф.));
Лекаревка (Лекар (кор.) + евка (афф.));
Констанция (Констан (кор.) + ция (афф.));
Сукыраклы (Сукырак (кор.) + лы (афф.)).

Таким образом, топонимы в повести М. Карима «Долгое-долгое детство» входят в состав башкирских ономов из системы тюркских географических наименований. От общего числа отмеченных в художественном тексте топонимов мы выделили всего 10 простых непроизводных и производных топонимов.

В исследовании были проанализированы также сложные топонимы. По типу образования их можно разделить на следующие виды:

1. двухкомпонентные: *Агизел*, *Былау күле* и др.;

2. трехкомпонентные: *Ак Йомагол тыкрыгы, Өс этәс урамы* и др.;

3. четырехкомпонентные: *ябай көтөүсә Сахиб яланы* и др.

Онимы в повести М. Карима «Долгое-долгое детство» образуются на основе связей примыкание, изафет и согласование.

1. Двухкомпонентные топонимы в данном произведении были представлены следующими моделями:

а) примыкание: модель «сущ. + сущ.»: *Акманай* (Акман (сущ.) + ай (сущ.)); *Каран-йылға* (Каран (сущ.) + йылға (сущ.)); *Сағылтау* (Сағыл (сущ.) + тау (сущ.)); *Сталинград* (Сталин (сущ.) + град (сущ.));

модель «прил. + сущ.»: *Ағизел* (Ағ (прил.) + изел (сущ.)); *Йәшелтау* (Йәшел (прил.) + тау (сущ.)); *Белград* (Бел (прил.) + град (сущ.)).

б) изафет: модель «сущ. + сущ.» (оним + географическое наименование): *Тау арты* (Тау (сущ.) + арты (сущ.)); *Пожар майзаны* (Пожар (сущ.) + майзаны (сущ.)); *Усман төбәге* (Усман (сущ.) + төбәге (сущ.)); *Кәзәләр төбәге* (Кәзәләр (сущ.) + төбәге (сущ.)); *Серсә төбәге* (Серсә (сущ.) + төбәге (сущ.)); *Казангол һырты* (Казангол (сущ.) + һырты (сущ.)); *Айғалыш урманы* (Айғалыш (сущ.) + урманы (сущ.)); *Назияз буйы* (Назияз (сущ.) + буйы (сущ.)); *Ябалак урамы* (Ябалак (сущ.) + урамы (сущ.)); *Тукран урамы* (Тукран (сущ.) + урамы (сущ.)); *Тәмәнәй урамы* (Тәмәнәй (сущ.) + урамы (сущ.)); *Шаһибәктәр тыкрыгы* (Шаһибәктәр (сущ.) + тыкрыгы (сущ.)); *Базар урамы* (Базар (сущ.) + урамы (сущ.)); *Губернатор урамы* (Губернатор (сущ.) + урамы (сущ.)); *Мәсет урамы* (Мәсет (сущ.) + урамы (сущ.)); *Түбән урам* (Түбән (сущ.) + урам (сущ.)); *Мөкөш шишмәһе* (Мөкөш (сущ.) + шишмәһе (сущ.)); *Кавказ тауы* (Кавказ (сущ.) + тауы (сущ.)); *Кала урамы* (Кала (сущ.) + урамы (сущ.)); *Сокор аръягы* (Сокор (сущ.) + аръягы (сущ.)); *Казнагол басыуы* (Казнагол (сущ.) + басыуы (сущ.)); *Дим туғайы* (Дим (сущ.) + туғайы (сущ.)); *Мамай убаһы* (Мамай (сущ.) + убаһы (сущ.)); *Ар басыуы* (Ар (сущ.) + басыуы (сущ.)); *Барлыбай утрауы* (Барлыбай (сущ.) + утрауы (сущ.)); *Мөкөш үре* (Мөкөш (сущ.) + үре (сущ.)); *Казангол үре* (Казангол (сущ.) + үре (сущ.)); *Кыззар тауы* (Кыззар (сущ.) + тауы (сущ.)); *Ғариф тауы* (Ғариф (сущ.) + тауы (сущ.)); *Бәрсүән һыуы* (Бәрсүән (сущ.) + һыуы (сущ.)); *Былау күле* (Былау (сущ.) + күле (сущ.)); *Дим түбәне* (Дим (сущ.) + түбәне (сущ.));

в) согласование: модель «прил. + сущ.»: *Түбән Бигим* (Түбән (прил.) + Бигим (сущ.)); *Түбән ос* (Түбән (прил.) + ос (сущ.)); *Юғары ос*

(Юғары (прил.) + ос (сущ.)); *Кайынлы күл* (Кайынлы (прил.) + күл (сущ.)).

Необходимо отметить, что онимы, образованные на основе связи управления, в произведении нами не были отмечены.

2. Топонимы, состоящие из трех топооснов, в произведении М. Карима «Долгое-долгое детство» образуются на основе следующих моделей:

а) модель «прил. + сущ.» + сущ. (географическое наименование): *Туң мөрйә төбәге* (Туң (прил.) + мөрйә (сущ.) + төбәге (сущ.)); *Ак Йомагол тыкрыгы* (Ак (прил.) + Йомагол (сущ.) + тыкрыгы (сущ.)); *Йүкәлекүл урманы* (Йүкәле (прил.) + күл (сущ.) + урманы (сущ.));

б) модель «числ. + сущ.» + сущ. (географическое наименование): *Өс этәс төбәге* (Өс (числ.) + этәс (сущ.) + төбәге (сущ.)); *Өс этәс урамы* (Өс (числ.) + этәс (сущ.) + урамы (сущ.))

Онимы, выделенные в повести М. Карима «Долгое-долгое детство», были проанализированы в «Словаре топонимов РБ». В общей сложности было отмечено 58 топонимических единиц, 13 из которых были отмечены в словаре:

Акманай – озеро (Чишминский район) [9, с. 27]; *Сайран* – село (Чишминском район) [Там же, с. 171]; *Каран-елга* – населенные пункты в Гафурийском, Туймазинском, Чишминском районах [Там же, с. 121]; *Лекаровка* – деревня в Уфимском районе. От антропонима *Лекарев* [Там же, с. 142]; *Кучум* – деревня в Чишминском районе. От антропонима *Күсем* [Там же, с. 107]; *Чукраклы* – деревня в Чишминском районе. От названия долины *Сукраклы* [Там же, с. 179]; *Кляш* – села в Иглинском, Чишминском районах. От антропонима *Келяш* [Там же, с. 94]; *Уфа* – город, столица Республики Башкортостан [Там же, с. 164]; *Девичья гора* – гора в Чишминском районе (деревня *Кара-Якуп*). Топонимы в большинстве случаев были связаны с праздниками весны и девичьими играми [Там же, с. 136]; *Агидель* (русское официальное название Белая) – река, левый приток Камы, самая большая река Республики Башкортостан [Там же, с. 23]; *Дим* – река, левый приток *Белой*. Возможно, от диалекта *дим* // *зим* // *сөм* (омут, глубокое место в реке) [Там же, с. 63]; *Берсувань* – речка, левый приток *Белой* в Чишминском, Уфимском районах. От *бер* (один), диалектный *сеуан* (быстрина, стремнина) [Там же, с. 55]; *Каинлы-куль* – озеро в Кармаскалинском районе (деревня *Бишаул-Унгар*). От *кайынлы* (березовое) и *куль* (озеро) [Там же, с. 112].

Примечательно, что топонимы в указанной повести М. Карима употребляются в говорах башкир на всей территории Башкортостана, где

родился Мустай Карим. Это связано с тем, что данное произведение является автобиографическим [10, с. 105]. Подводя итоги, нужно отметить, что автор в своей повести часто использует нарицательные географические названия, что также подтверждают наши источники. Сокращенных топонимов в произведении выявлено не было.

Важно отметить, что малоизученность топонимов препятствует глобальному формированию как ономастики, так и лексикологии в целом. Данная информация говорит о важности сбора и анализа топонимической лексики, в частности топонимов художественных произведений. Предки башкир, проливая кровь, отдавая жизни, сохранили народ, язык, страну, творчество и дух. Сегодня имена *Роман, Арсен, Давид, Егор*, наряду с русскими, чувашами, мордовцами и другими, носят и башкиры. Важно отметить, что, стремясь к современности, нужно не отступать от своих корней, знать имена собственные родного языка, передавать их будущему поколению. Давать имена своим детям нужно на родном языке, не предавая памяти таких выдающихся личностей, как Мустай Карим, которые могли бы отдать свою жизнь за свой народ, за свой язык.

Список источников

1. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.
2. Карим М. Сочинения. V том: повести. Уфа: Китап. 2014. 664 с.
3. Кусимова Т. В мире имен / Словарь башкирских имен. Уфа: Башкортостан. 1991. 192 с.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Пособие для учителя. 3-е изд., исп. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
5. Шакуров Р. З. Исторические пласты башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья / Ватандаш. № 2. Уфа, 2000. С. 250–261.
6. Хусаинова Л. М. Структурно-словообразовательная классификация башкирских микропонимов / Вестник Челябинского государственного университета // Филология. Искусствоведение. Вып. 79. Челябинск, 2013. С. 117–122.
7. Биктимирова А. Р. Поэтическая топонимия татарских народных песен / II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Труды и материалы: в 2 т.

Казань: Издательство Казанского университета. 2003. С.124–127.

8. Валеев И. И. Мустай Карим – явление мировой культуры: В двух томах. Том I. Уфа: Гилем. 2007. 480 с.
9. Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2002. 253 с.
10. Кильмухаметов Т. А. Наш Мустай. Поэт. Личность. Патриот. Уфа: Китап. 2019. 384 с.

References

1. Superanskaya, A. V. (1986). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and Methodology of Onomastic Research]. 256 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Karim, M. (2014). *Sochineniya* [Works]. Tom V: Povesti. 664 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)
3. Kusimova, T. (1991). *V mire imen* [In the World of Names]. Slovar' bashkirskikh imen. 192 p. Ufa, Bashkortostan. (In Bashkir, in Russian)
4. Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1985). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Posobie dlya uchitelya. 3-e izd., isp. i dop. 399 p. Moscow, Prosveschenie. (In Russian)
5. Shakurov, R. Z. (2000). *Istoricheskie plasty bashkirskoi toponimii Yuzhnogo Urala i Predural'ya* [Historical Layers of Bashkir Toponymy of the Southern Urals and the Urals]. Vatan dash. No. 2, pp. 250–261. Ufa. (In Russian)
6. Khusainova, L. M. (2013). *Strukturno-slovoobrazovatel'naya klassifikatsiya bashkirskikh mikroponimov* [Structural and Word-Formation Classification of Bashkir Microtoponyms]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 79, pp. 117–122. Chelyabinsk. (In Russian)
7. Biktimirova, A. R. (2003). *Poehticheskaya toponimiya tatarskikh narodnykh pesen* [Poetic Toponymy of Tatar Folk Songs]. II Mezhdunarodnye Boduehnovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost'. Trudy i materialy: v 2 t. 124 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo un-ta. (In Russian)
8. Valeev, I. I. (2007). *Mustai Karim – yavlenie mirovoi kul'tury: V dvukh tomakh* [Mustai Karim – a Phenomenon of World Culture: In Two Volumes]. Tom I. 480 p. Ufa, Gilem. (In Russian)
9. *Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan* (2002) [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. 253 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)
10. Kilmukhametov, T. A. (2019). *Nash Mustai. Poeht. Lichnost'. Patriot*. [Our Mustai. Poet. Personality. Patriot]. 384 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

The article was submitted on 09.04.2024
Поступила в редакцию 09.04.2024

Султанова Альфина Шамильевна,
старший преподаватель,
Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий,
453103, Республика Башкортостан, Стерлитамак,
проспект Ленина, 49.
sultan.alfina@bk.ru

Sultanova Alfina Shamil'evna,
Assistant Professor,
Sterlitamak branch of Ufa University of Science
and Technology,
49 Lenin Avenue,
Sterlitamak, 453103, Republic of Bashkortostan.
sultan.alfina@bk.ru

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ О ЖИВОТНЫХ

© Найля Файзуллина, Хан Сывэнь

RUSSIAN AND ENGLISH FOLK RIDDLES ABOUT ANIMALS

Nailya Faizullina, Hang Siwen

Folk riddles have recently become a fairly popular object of linguistic and linguocultural research due to their complex structural and semantic organization, which allows analyzing this folklore genre in semantic, structural and functional aspects. This study explores the description features of wild and domestic animals within the framework of an enigmatic text. The object of our research is to identify the presence of linguistic and cultural connotations in the description of wild and domestic animals and to trace the degree of taboo in using animal names in folk riddles. The tasks set are due to the fact that an archaic person's life was largely connected with agricultural activities carried out with the help of livestock, as well as the need to protect themselves from wild animals attacking livestock. During the analysis of the linguistic material, we found that Russian and English folk riddles about animals were characterized either by omission of the subject of action in the descriptive part of the riddle, or the introduction of occasional vocabulary, which is largely consistent with the laws of taboo. In the Russian folk riddle, an occasional noun of this type is often introduced for the name of an animal: *stuchikha* (someone knocking), *gremikha* (someone rattling), with a rather transparent semantics that actualizes the initial action: (*stuchat'* – *stuchikha*, *gremet'* – *gremikha*). In the corpus of English folk riddles, we have noted a conversion transition (the verb *lick* transforms into the noun *lick*), as a result of which the noun also develops the meaning of the subject of a given action. In addition, we found the absence of a linguocognitive component in the description of animals, since the description of the denotation is mainly based on the actualization of a typical feature (the ability to bark, the presence of a certain number of hooves, horns, the ability to hunt animals).

Keywords: zoomorphic metaphor, image of a horse, image of a bear, image of a bull, secondary nomination, folk riddle, folklore

Народные загадки в последнее время становятся довольно популярным объектом лингвистического и лингвокультурологического исследования ввиду их сложной структурно-семантической организации, позволяющей анализировать данный фольклорный жанр в семантическом, структурном и функциональном аспектах. В рамках данного исследования предпринимается попытка изучить особенности описания диких и домашних животных в рамках энигматического текста. Выбор данного объекта исследования обусловлен стремлением выявить наличие лингвокультурологических коннотаций при описании диких и домашних животных, а также проследить степень табуирования наименований животных в тексте народной загадки. Поставленные задачи обусловлены тем фактом, что жизнь архаичного человека во многом была связана с сельскохозяйственной деятельностью, осуществляемой при помощи домашнего скота, а также необходимостью защищаться от диких животных, нападавших на домашний скот. В ходе анализа языкового материала установлено, что для русских и английских народных загадок о животных характерен пропуск субъекта действия в описательной части загадки или же ввод окказиональной лексики, что во многом согласуется с законами табуирования. В русской народной загадке часто для наименования животного вводится окказиональное существительное типа: *стучиха*, *гремиха* с довольно прозрачной семантикой, актуализирующей исходное действие: (стучать – стучиха, греметь – гремиха). В корпусе английских народных загадок нами отмечен конверсионный переход (глагол *lick* трансформируется в существительное *lick*), в результате которого существительное также развивает значение субъекта заданного действия. Кроме того, авторами выявлено отсутствие лингвокогнитивной составляющей при описании животных, поскольку в основном описание денотата строится через актуализацию типичного признака (способность лаять, наличие определенного количества копыт, рогов, способность охотиться на животных).

Ключевые слова: зооморфная метафора, образ коня, образ медведя, образ быка, вторичная номинация, народная загадка, фольклор

Для цитирования: Файзуллина Н., Хан Сывэнь Русские и английские народные загадки о животных // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 75–79. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-75-79

Проблема постижения мира архаичным человеком нередко требовала поиска сходств и различий между наблюдаемыми предметами и явлениями. По мнению М. Л. Ковшовой, необходимость фиксации знаний была одной из причин создания жанра народной загадки, совмещающей в себе метафорическое описательное изображение известных определенному социуму предметов и явлений [1, с. 71–72]. Следует отметить, что на более ранних этапах развития человек был окружен довольно ограниченным набором одушевленных и неодушевленных предметов, которые тем или иным образом обеспечивали безопасное существование человека. Поскольку взаимодействие с имевшимися предметами происходило ежедневно, довольно естественным было их сравнение, выявление сходств и различий по цвету, форме, выполняемому функционалу. К подобным предметам можно отнести посуду, мебель, предметы для ведения сельского хозяйства, а также домашних и диких животных, поскольку именно животное требует к себе особого подхода, учета особенностей поведения, а значит, и пристального наблюдения со стороны человека.

Настоящее исследование посвящено изучению русских и английских народных загадок о домашних и диких животных. Выбор объекта исследования обусловлен рядом причин, среди которых стремление выявить наличие национальных коннотаций при описании животного, а также возможные способы вторичной номинации денотата в описательной части загадки. Вопрос о наличии национальных коннотаций видится нам довольно естественным, поскольку во многих культурах именно посредством образов домашних и диких животных транслировались нормы жизни общества, а также производилась оценка того или иного поведения человека, свидетельством чему служат многочисленные устойчивые сравнения, фразеологизмы, пословицы, волшебные сказки, а также научные исследования, осуществленные с привлечением перечисленного материала [2], [3], [4].

В ходе сплошной выборки текстов загадок, описывающих домашних и диких животных, мы пришли к выводу, что далеко не все животные представлены в корпусе загадок: имеется довольно ограниченное число загадок о животных. Это подтверждает мысль Т. В. Цивьян о том, что «анализ загадок – самый экономный способ для установления хотя бы первого минимального набора лексем в рамках модели мира» [5, с. 66].

Действительно, в «поле зрения» загадывающего вошли наиболее значимые для жизнедеятельности человека животные, позволяющие ему максимально четко «ориентироваться в действительности» [Там же].

Однако следует учесть, что загадка, являясь частью фольклорного наследия, призвана в первую очередь давать описание загаданного предмета таким образом, чтобы оно было доступно отгадывающему и было в некотором смысле свидетельством временной устойчивости народной ментальности [6, с. 78].

В. П. Аникин подчеркивал: «Загадка берет поэтическую сторону действительности, раскрывая конкретно вещественное богатство видимого, ощущаемого мира природы, тех бытовых предметов и явлений, которые имеют непосредственное отношение к жизни и труду народа» [7, с. 55]. Тесная связь человека с домашними и дикими животными, основанная часто на довольно широком круге суеверий, стала причиной обращения архаичного человека к условной речи. Примечательны в данном случае заметки этнографа Д. Зеленина, который обнаружил, что *имя* коровы часто было под запретом, поскольку полагалось, что она находится «под покровительством мифических хозяев дома», а, следовательно, применение прямой номинации могло разрушить имевшуюся защиту. Этим объясняется и обращение к условной речи, оберегавшей «духов-покровителей и домашний очаг» [8, с. 55]. Вместо корова говорили *рыкуша* (то есть ревушая); также корову могли называть *рыкуля*, *рога*, *роговая*, *рыков*, *дудары* и т. д. Безусловно, что подобная номинация была доступной для декодировки, поскольку она воспринималась в «образно-семантическом слиянии с образно-мотивационным и оценочным компонентами» денотата [Там же, с. 72].

Условная речь встречается и в загадках о домашних животных. Так, довольно многочисленными являются загадки о корове, где описание денотата осуществляется не за счет актуализации национальных коннотаций, а за счет описания «составных» элементов денотата: *Четыре стучихи, четыре гремихи, два бойца, одна маковица (корова)* [9, с. 134]; *Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, один Ермола (корова)* [10, с. 250]. Важно отметить, что под подобное описание может подойти любое парнокопытное животное (ср. загадки о собаке: *Четыре чепырки, две растопырки, пятый вертун (собака)* [9, с. 256]; *Четыре чепырки, две растопырки, один ви-*

люн, один фыркун, и два стеклышка в нем (лошадь) [Там же, с. 134].

В качестве отличительного признака денотата часто иносказательно описывалось вымя коровы: *У ног кузовок, кто за ней ходит, того и накормит (корова)* [10, с. 250]. Однако отметим, что подобные загадки довольно редки, поскольку чаще всего описание строилось за счет указания на количество копыт или же за счет образного описания хвоста и рогов: *Стоит копна посреди двора: спереди вилы, позади – метла (корова)* [Там же].

Реже домашние животные описываются при помощи антропоморфной метафоры: *Стоит дед над водой, трясет бородой (козел над рекой)* [9, с. 249]; *Пошла баба в клеть, а за ней тащится плеть (кот)* [Там же, с. 251]. Иногда возможно совмещение антропоморфной метафоры и указания на качественные признаки животного: *Четыре брата назад бородаты (копыта лошади)* [Там же, с. 249].

Если приведенные выше загадки строились на описании внешних признаков животного, то загадка о собаке строится на выделении способности животного лаем предупреждать хозяина о постороннем: *Собой не птица, петь не поет, кто к хозяину идет, сразу знает дает (собака)* [Там же, с. 141].

Условная речь применялась и в загадках о диких животных: *Рында роет, сканда скачет, турман едет – съест тебя (свинья, заяц, волк)* [Там же, с. 236]; *Рычка рычит, скачка скачет, берегись, купчик, едет свинья (волк и сорока)* [10, с. 248]; *Услышали мякинники. «Уставайте, грешничники! Пришла жалта-балта, унесла шадрубадру» (собака, хозяйка, волк, овца)* [9, с. 236], что вновь свидетельствует о табуировании образа дикого животного [11]. Табуированным было и наименование зайца как предмета охоты: *Рубль бежит, сто догоняет, а как пятьсот споткнется, неоцененный убьется (заяц, собаки, лошадь, охотник)*; *По лесу жаркое в шубе бежит (заяц)* [10, с. 248].

Как можно заметить, описание волка в приведенных выше загадках в большей степени апеллирует к основному действию волка – убийству домашних животных. Здесь мы не встречаем характеристик, которые типичны для аллегорического изображения животного (злость, коварство, жестокость), что можно найти в сказках или баснях. Более того, загадки о волке, на наш взгляд, отражают национальное восприятие этого животного: ощущение опасности от волка, что видим в загадке: *Страх тепло волочет (волк и овца)* [9, с. 236]. Примечательно, что в этой загадке посредством метонимии создается целостный образ, волную-

щий животновода: волк поймал овцу и затем съест ее. Метонимия встречается и в следующих загадках: *По горам по долам ходит шуба да кафтан (баран)* [10, с. 247]; *По лесу жаркое в шубе бежит (заяц)* [Там же, с. 248].

В корпусе английских народных загадок корова также описывается через ключевые признаки животного (наличие копыт, рогов, хвоста): *Two lookers, four down-standers, one switch-about. (A cow)* [12, с. 617] – ‘Двое глядят, четверо стоят; один вертит (корова)’; *What has two look about, one lick-about, four run-about, two stiff-stander? (A cow)* – ‘У кого два глаза, один лизун, четыре бегуна, два жестких крюка? (корова)’ [Там же].

Довольно частотны английские загадки о лошади: *Wild and wooly and full of fleas. (A horse)* [Там же, с. 138] – ‘Дикая, мохнатая, полна блох (лошадь)’; *Up the hill gallop me not, in the level spur me not. (A horse)* [Там же, с. 665] – ‘Вверх по склону не гони меня, на равнине не подстегивай меня (лошадь)’; *My mother has a boy, works him so severe, but he can't talk. (A horse)* [Там же, с. 278]. – ‘У моей матери есть мальчишка, она заставляет его так усердно трудиться, но он все равно молчит (лошадь)’. По наблюдениям И. В. Палашевской, для английской народной загадки было характерно наделение предметов «коммуникативной потенцией», а также способностью «занимать место субъекта в социальном взаимодействии» [6, с. 66]. Отметим, что «коммуникативная потенция» прослеживается и в загадке о собаке: *My mother had a boy, put him in the yard, can't talk. (A dog)* [12, с. 278] – ‘У моего отца был мальчик, его поместили во двор, и он не мог говорить (собака)’.

Описание лошади в процессе работы может строиться и при помощи метонимии: *Flesh before and flesh behind, wood and iron in the middle. (A horse, a man driving him, and a plough)* [Там же, с. 570] – ‘Плоть впереди и плоть позади, дерево и железо посередине (лошадь, наездник и плуг)’.

Следует отметить, что в корпусе английских загадок довольно часто мы встречаем комплексное описание лошади и человека: *Mention a thing has two heads, two feet, one each side, four the other, and one tail. (A lady on horseback)* [Там же, с. 28] – ‘Что это такое: две головы, две ноги смотрят в одну сторону, четыре ноги – в другую, один хвост (девушка на лошади)’; *What has eight legs, two arms, three heads and wings. (A man on horseback with a canary on his hand)* [Там же] – ‘У кого 8 ног, две руки, три головы и крылья? (человек на лошади с канарейкой в руках)’.

Описание собаки в английской загадке строится на основе типичного действия денотата: *My*

father has a thing in his yard and he runs from yard to yard. (A dog) [Там же, с. 77] – ‘У моего отца во дворе есть одна вещица, она бежит от одного двора к другому двору (собака)’; *What is it leaves his tongue out, cold or hot. (A dog)* [Там же, с. 40] – ‘Кто высовывает свой язык в любую погоду? (собака)’. Примечательно, что английская загадка не показывает способность защищать дом, как это было представлено в русской загадке.

Английские загадки о курице строятся на описании постоянного перемещения денотата вокруг дома: *What goes around the house all day, and drags her go after. (A hen and little chickens)* – ‘Кто целый день ходит вокруг дома и ведет за собой других? (курица и маленькие цыплята)’; *What goes around the house with a harrow after it? (A hen and chickens)* [Там же, с. 75] – ‘Кто ходит вокруг дома и тянет за собой борону? (курица и цыплята)’. Представленные загадки о курице довольно многочисленны и имеют большое количество вариантов.

Говоря о диких животных, представленных в корпусе английских загадок, существенно отметить, что сам выбор денотата значительно отличается от того спектра диких животных, который зафиксирован в корпусе русских загадок. Так, в результате скрупулезного изучения сборника А. Тэйлора мы не обнаружили ни одной загадки о волке. Однако зафиксированный мотив похищения домашних животных наблюдается в загадке о лисе: *As I was going up Himple Dimple, I looked down on dimples do, I saw Jack with a pack on his back, and so merrily did he go. (A fox with a goose)* [Там же, с. 263] – ‘Однажды я гулял по Химпл-Димпл, видел Джека с сумкой за спиной, и он весело ушел (лиса и гусь)’. Подчеркнем, что это единственная загадка в сборнике о хищнике. Однако мотив похищения животного встречается в загадке о ястребе: *A woman has a child and teaches him to thief. (A hawk)* [Там же, с. 286] – ‘У женщины есть ребенок, она учит его воровать (ястреб)’; *Crooked as a rainbow, thieving as a cat. (A snake)* [Там же, с. 586] – ‘Изогнутый, как радуга; ворует, как кошка (змея)’.

Указание на страх перед животным встречается в загадке о кабане: *As I was going down that yellow bank, I met a thing all rough and rank, two great lips and a hairy beard, darn the thing it made me afraid. (A hog)* [Там же, с. 199] – ‘Однажды я шел по желтому берегу, встретил грубое и обросшее существо, с двумя большими выступами и волосатой бородой, это чертовски напугало меня (кабан)’.

Нами также обнаружены загадки о кролике, однако он описывается не как объект охоты, а как активное существо, постоянно находящееся в

движении: *Ears like a mule, tail like a cotton ball, runs like a fool. (A rabbit)* [Там же, с. 570] – ‘Уши как у осла, хвост как шарик хлопка, бежит, как сумасшедший’; *Runs and jumps, stops and humps. (A rabbit)* [Там же, с. 77] – ‘Бежит и прыгает, останавливается и собирается силами (кролик)’.

Как можем заметить, русские и английские народные загадки имеют сходство в выборе «ключевых» домашних животных, а также в способе их описания, однако сильно различаются в отношении выбора диких животных для корпуса народных загадок. Так, для русской загадки характерно изображение волка как хищника, похитителя домашнего скота; для английской же загадки мотив похищения связан с образом лисы и ястреба. В русской народной загадке описание денотата строится через окказиональную лексику (условную речь), в основе которой лежит номинация по характерному действию (*стучать* – *стучиха*; *греметь* – *гремиха*). Данная форма наименования предметов реального мира связана с бытовавшими в архаичное время требованиями к табуированию определенных одушевленных и неодушевленных предметов. В английской загадке прослеживается аналогичная модель образования условной речи: от глаголов *run* (*бегать*), *lick* (*лизать*), *look* (*смотреть*) образуются существительные *a looker* (тот, кто смотрит), *a stander* (тот, кто стоит), *a lick-about* (лизун). Следует также отметить, что описание животных в загадке лишено культурной коннотации, поскольку для загадки первоочередным является иносказательное изображение ключевых признаков денотата, которые будут априори понятны отгадывающему.

Список источников

1. Ковишова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия история. Языкознание. 2020. № 4. С. 70–79.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Вып. 11. № 2. С. 265–284.
3. Мерзликина О. В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галийской языковой картинах мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 114–132.
4. Фаттахова Н. Н., Бытовые приметы в телевизионном дискурсе // Филология и культура. 2021. № 4 (66). С. 125–129.
5. Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Ученые записки

Тартусского государственного университета. Выпуск 463. Семиотика культуры. Труды по знаковым системам Х. Тарту, 1978. С. 65–71.

6. Палашевская И. В., Кондрашова С. С. Английская загадка // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 66–71.

7. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя. Москва: Гос. учпедгиз, 1957. 240 с.

8. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. М.: Индрик, 1994. 397 с.

9. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.

10. Рыбникова М. А. Загадки. Москва-Ленинград: Academia, 1932. 488 с.

11. Свешникова Т. Н. Румынские загадки о волке // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Издательство «Индрик», 1994. С. 248–256.

12. Taylor A. Folk riddle from oral tradition. University of California Press, 1951. 959 p.

References

1. Kovshova, M. L., Orlova, O. S. (2020). *K voprosu o semanticheskoy strukture zagadki. Kognitivnyy i kul'turologicheskij kommentarij kak princip issledovaniya* [On the Semantic Structure of the Riddle. Cognitive and Cultural Commentary as a Research Principle]. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya istoriya. Yazykoznanie*. No. 4, pp. 70–79. (In Russian)

2. Bredis, M. A., Dimoglo, M. S., Lomakina, O. V. (2020). *Paremi v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial* [Paremiias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential]. *Vestnik Rossiiskogo univeristeta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Tom 11. No. 2, pp. 265–284. (In Russian)

3. Merzlikina, O. V. (2021). *Zoomorfnye metaforы "domashnii skot" v russkoi i galiiskij yazykovoi kartinakh mira* [Zoomorphic Metaphors of "Livestock" in the Russian and Galician Language Worldview]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 71, pp. 114–132. (In Russian)

4. Fattakhova, N. N. (2021). *Bytovye primety v televizionnom discurse* [Omens of Everyday Life in Television Discourse]. *Philology and Culture*. No. 4 (66), pp. 125–129. (In Russian)

5. Tsivyan, T. V. (1978). *Dom v folklornoy modeli mira (na materiale balkanskih zagadok* [The House in the Folklore Model of the World (based on Balkan riddles)]. *Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vypusk 463, pp. 65–71. *Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam X. Tartu*. (In Russian)

6. Palashevskaya, I. V., Kondrashova, S. S. (2017). *Angliyskaya zagadka* [The English Riddle]. *Zhanry rechi*. No. 1(15), pp. 66–71. (In Russian)

7. Anikin, V. P. (1957). *Russkiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor: posobiye dlya uchitelya* [Russian Folk Proverbs, Sayings, Riddles and Children's Folklore: A Manual for Teachers]. 240 p. Moscow, Gos. uchpedgiz. (In Russian)

8. Zelenin, D. K. (1994). *Izbrannye trudy. Stat'i po dyhovnoy culture 1901-1913* [Selected Works. Articles on Spiritual Culture 1901–1913]. 397 p. Moscow, izdatelstvo "Indrik". (In Russian)

9. Sadovnikov, D. N. (1995). *Zagadki russkogo naroda* [Riddles of the Russian People]. 400 p. Moscow, Sovremenniy pisatel'. (In Russian)

10. Rybnikova, M. A. (1932). *Zagadki* [Riddles]. 488 p. Moscow-Leningrad, Academia. (In Russian)

11. Sveshnikova, T. N. (1994). *Rumynskiye zagadki o volke* [Romanian Riddles about the Wolf]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Zagadka kak tekst*. Pp. 248–256. Moscow, izdatelstvo "Indrik". (In Russian)

12. Taylor, A. (1951). *Folk Riddle from Oral Tradition*. 959 p. University of California Press. (In English)

The article was submitted on 25.04.2024

Поступила в редакцию 25.04.2024

Файзуллина Найля Ивановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Nelya7@mail.ru

Хан Сывэнь,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hangsiwen@gmail.com

Faizullina Nailya Ivanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Nelya7@mail.ru

Hang Siwen,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hangsiwen@gmail.com

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-80-85

**«МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА» «ПИСЕМ РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА И ПРОБЛЕМА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ**

© Татьяна Алпатова

**“MENTAL MAP” IN “LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER”
BY NIKOLAY KARAMZIN AND THE PROBLEM
OF THE NATIONAL MYTH REPRESENTATION**

Tatyana Alpatova

The article analyzes “Letters of a Russian Traveler” by Nikolay Karamzin in terms of the symbolic-mythological perception of space, suggesting a view of the countries, depicted in the travelogue, as symbolic-mythological units of the “mental map” in the book. A “mental map” is understood as a holistic image of a geographical space, value-restructured in accordance with the author’s vision of European cultural and the historical situation. The purpose of the work is to reveal the hidden additional plot of Karamzin’s book, which determines the logic of the perception of geographical space and its comprehension, taking into account the historical and political situation witnessed by Karamzin’s hero-traveler. Using the methodology of the structural-semiotic, historical-genetic and comparative-typological reading of the text, as well as the methodology of human geography, the article shows how Karamzin generalizes ideas about the logic of the Western European history and culture development at the end of the 18th century. We also characterize the writer’s symbolic and mythological view of the cultural dialogue between Russia and Europe, the place and role of the “Letters...” of France, Switzerland, England and the countries of the German world on the “mental map”. Conclusions are drawn about the significance of the spatial image of “Letters...” for the design of Karamzin’s historical and political concept of the late 18th century, in which the key role was played by the ideas of the dialogue, the ability to evaluate the achievements of European culture and to develop the potential of Russian culture.

Keywords: image of space, human geography, Nikolay Karamzin, “Letters of a Russian Traveler”, historical and political concept, symbol, political mythology

В статье анализируются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина в аспекте символично-мифологического восприятия пространства, предполагающего взгляд на страны, изображенные в травелогге, как символично-мифологические единицы «ментальной карты» в книге. Под «ментальной картой» понимается целостный образ географического пространства, ценностно перестроенный в соответствии с авторским видением европейской культурно-исторической ситуации. Цель работы – выявить скрытый дополнительный сюжет книги Карамзина, определяющий логику восприятия географического пространства и его осмысления с учетом историко-политической ситуации, свидетелем которой становится карамзинский герой-путешественник. С помощью методологии структурно-семиотического, историко-генетического, сравнительно-типологического прочтения текста, а также методологии гуманитарной географии показано, каким образом Карамзин обобщает представления о логике развития западноевропейской истории и культуры к концу XVIII столетия. Охарактеризован символично-мифологический взгляд писателя на культурный диалог России и Европы, на место и роль на «ментальной карте» «Писем...» Франции, Швейцарии, Англии и стран германского мира. Сделаны выводы о значении пространственного образа «Писем...» для оформления историко-политической концепции Карамзина конца XVIII столетия, ключевую роль в которой играли идеи диалога, умения оценивать по достоинству достижения европейской культуры и развивать потенциал отечественной.

Ключевые слова: образ пространства, гуманитарная география, Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», историко-политическая концепция, символ, политическая мифология

Для цитирования: Алпатова Т. «Ментальная карта» «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина и проблема репрезентации национальных мифов // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 80–85. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-80-85

«Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина – произведение, ставшее прецедентным для самых разнообразных форм русской литературы и культуры. В трудах В. В. Сиповского [1], Ю. М. Лотмана [2, с. 526–606], Л. А. Сапченко [3, с. 77–89], М. Я. Сорниковой [4, с. 7–16], Т. Б. Фрик [5, с. 305–314], А. Шедтке [6, с. 143–151], А. Шёнле [7] и других авторов многосторонне рассматривались те новые литературные и жизненные практики, которые благодаря этой книге становились центром внимания, начиная от самого «умения путешествовать», воспринимая пространство иных государств, культур, встречи с разнообразными людьми как систему своего рода «зеркал», вглядываясь в которые герой-современник обретает возможность познать себя. Нелучайно знаковой мотивировкой невероятной внутренней важности путешествия для карамзинского героя становится включенный в книгу фрагмент из письма И.-К. Лафатера: *«Глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. Мы созерцаемся только в иных предметах...»* [8, с. 58] (см. также комментарий Ю. М. Лотмана к публикации реальной переписки Карамзина с Лафатером: [Там же, с. 464–498]).

Цель данной статьи – охарактеризовать специфику ментального представления стран Западной Европы в книге Карамзина в аспекте мифотворческого потенциала предлагаемых писателем моделей культурного диалога с ними «русского путешественника». При этом учитывается художественная специфика «Писем...» как особого типа композиционной организации. Помимо собственно внешнего «сюжета» книги (который, в силу закреплённой формы травелога, был задан структурой линейного перемещения в пространстве), выстраивались дополнительные линии, формировавшиеся вокруг целого ряда проблемно-тематических комплексов («литературный», «философский», «исторический» и многие другие «сюжеты»), окруженные более или менее закреплёнными историко-культурными, философскими, литературными и тому подобными ассоциациями. В этом смысле географическое пространство, через которое движется карамзинский путешественник, в силу самой специфики книги мифологизируется, превращается в особый сюжетный план текста, притом в силу своей значимости для художественной организации книги едва ли не определяющий.

Одним из первых на эту специфику пространства в «Письмах...» обратил внимание М. В. Иванов, проанализировавший с этой точки зрения собирательный образ Швейцарии Карамзина [9, с. 296–302]. Исследователь обратил внимание на то, что швейцарские страницы книги существуют в постоянной перекличке с описанием того, что путешественник видит в других странах, и таким образом швейцарская руссоистская утопия возвращения к естественной природе становится для Карамзина одной из возможностей выражения собственной сентиментально-предромантической жизненной философии. В итоге путешествие как передвижение через географическое пространство предстает также и как путешествие ментальное, в книге составляется своего рода «ментальная карта» Европы, анализ которой позволяет понять не только одну из значимых сфер поэтики «Писем...» как художественного и историософского текста, но и специфику историко-политической концепции Карамзина на этом этапе личностного и творческого развития.

Базовая, основная структура карамзинского представления пространства в «Письмах...» – со/противопоставление России и Западной Европы. Целый ряд образов и мотивов книги выстраивается именно вокруг этого динамического взаимодействия, в совокупности оформляя нечто вроде «русского сюжета» книги (см. подр.: [11, с. 628–720]). Помимо того, что путешественник в начале книги выезжает из России, а в конце возвращается обратно, на всем протяжении пути он встречается с русскими за границей, при взгляде на памятники западноевропейским монархам вспоминает российских, прежде всего Петра Первого, особо отмечает те историко-культурные реалии, которые свидетельствуют о самых разных формах диалога России с Западной Европой, от военной конфронтации до глубоко заинтересованного ученичества. Ю. М. Лотманом справедливо замечено, что ключевыми в оформлении «русской» темы книги становятся многочисленные упоминания, с одной стороны, Петра Первого, с другой же – легендарного скифского правителя Анахарсиса [2, с. 526–606]. Применительно к анализируемому контексту важно иметь в виду, что в карамзинском повествовании, по видимому, образ Анахарсиса символически двоятся: в сознании повествователя оказываются сразу и так называемый «старший» Анахарсис, из-

вестный из истории Древней Греции времен Солона, и приписываемый ему «потомок», также оказавшийся в Греции, но позднее, в период расцвета афинской культуры, – образ, созданный в книге Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» (известной Карамзину и многократно обыгранной в «Письмах русского путешественника»). Подобие Петра старшему Анахарсису в сознании Карамзина предполагает осмысление принципа ученичества на уровне межкультурного диалога: Анахарсис пытался перенести на родину греческие обычаи и погиб, Петр же сумел реализовать свою мечту и сблизить Россию и Европу. «Младшему» же Анахарсису, герою Бартеlemi, уподобляет себя сам путешественник, «молодой скиф К*» [8, с. 252], одной из поведенческих стратегий которого и было ученичество, заинтересованное внимание, способность увлеченно наблюдать жизнь западноевропейских стран и таким образом формировать сложную, многосоставную мифологизированную модель культурного диалога России и Европы.

Ключевыми чертами этого карамзинского мифа оказываются: 1) высокая позитивная значимость открытости и способности признавать право Другого на своеобразие (национальная спесь, закрытость, нежелание воспринимать «чужой» язык и культуру в книге равно осуждаются и в русских, и в европейцах, см. Письма «<4> Курляндская корчма, 1 Июня 1789», «<8> Кенигсберг, Июня 19, 1789» [Там же, с. 12, 23]); 2) уважение к новому знанию, открытость, «общительность» (что впоследствии на страницах периодики Карамзина будет интерпретироваться как базовая литературная программа – см. статью «Отчего в России мало авторских талантов?» [10, с. 101–103]); 3) наличие скрытой энергии в российской культуре, которая потому и вступает в диалог с культурой Западной Европы с особой заинтересованностью, ощущая в этом взаимодействии возможность раскрыть то, что должно выйти наружу. В этом смысле сам герой-путешественник оказывается своеобразной «моделью» такого развития, что позволяет выстраивать сложную игру с читателем в финале книги. Пытаясь ответить на вопрос, каков итог осуществленного путешествия, повествователь на глубоко личном, психологическом уровне подчеркивает лишь его субъективную значимость: «*По чему знать? Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих э с к и з а х ; может быть, и другие... Но это их, а не мое дело*» [8, с. 389] (разрядка наша. – Т. А.), в то время как и просветительский эффект текста, и многочисленные свидетельства роста героя (в его переводческих, писательских, историософских, культурологиче-

ских занятиях) явно моделируют гораздо более результативную стратегию диалога, трактуемого на макроуровне, в масштабе диалога культур.

Линейная логика разворачивания карамзинского путешествия при этом может восприниматься и в образе более сложной ментальной конструкции. Отправляясь путешествовать в Европу, его герой в первую очередь представляет свой путь как возможность оказаться во Франции – в Париже («*Париж и Лондон, два первые города в Европе, были двумя Фаросами моего путешествия, когда я сочинял план его*» [Там же, с. 332]). Это, разумеется, глубоко соответствует и самой культурной реальности XVIII столетия как века расцвета французского культурного влияния в Европе, и привычным моделям литературного представления «французских» путешествий многочисленных литературных героев, в том числе в российской литературе. При этом достаточно распространенным приемом, позволяющим проблематизировать изображение подобной долгожданной «встречи» с французской культурой (в том числе французской столицей), был мотив несовпадения ожиданий и реальности, раскрывающийся либо в сознании самого героя (примером чему могут быть знаменитые «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина), либо в оценке автора и читателя, когда речь идет о сатирическом изображении псевдофранцузских претензий героя-галломана («Бригадир» Фонвизина).

На этом фоне карамзинская модель проблематизации оказывается наиболее сложной и историософски обоснованной. Его герой-путешественник с невероятным увлечением передает огромный массив своих «французских» впечатлений, не избегая частных оценок, как положительных, так и отрицательных, однако отказывается подводить итог, в финале «общения» с Парижем (а по существу, и с Францией в целом) прибегая к метафоре-противопоставлению бурного моря и горы и собственной позиции как заинтересованного, но отстраненного созерцателя («*смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море*», [Там же, с. 322]). Его герой не очарован и не разочарован ни Парижем, ни Францией в целом, его задача в другом: понимание, признание всего положительного, яркого, значительного, необходимого для культурного развития и, с другой стороны, осознание того, что не может быть принято последователями. Для карамзинского героя это противоречие оказывается тем более значимым, что он приезжает во Францию, уже захваченную революционным движением, и, следовательно, кризис страны, воплощающей для современников сам дух европейской культуры нескольких веков, заставляет размышлять как

о его причинах, так и о возможностях избежать подобного – мотив, который в «Письмах...» решается довольно своеобразно, не только на уровне непосредственного высказывания, но и с помощью специфической мифологизации самой «ментальной карты» путешествия героя.

С этой точки зрения посещение Швейцарии и Англии для путешественника – в известной мере исследование двух возможных (притом диаметрально противоположных) способов преодолеть те причины, что привели Францию к революции. В Швейцарии это осознанное ограничение неравенства людей, когда «братство» граждан (его эмоциональная поэтическая декларация – «Песня цюрихского юноши», см.: *«Мы все живем в союзе братском, <...> не зная роскоши, которая свободных в рабов, тиранов превращает...»* [Там же, с. 110]) поддерживается в том числе законодательными установлениями правительства. Предлагаемый Англией путь – это промышленный прогресс и поддержка всех путей обогащения, которые будут развиваться гражданами. Сам выбор эпизодов, представляющих впечатления путешественника на швейцарских и английских страницах книги, не случаен: идиллические картины жизни альпийских пастухов, мирная сельская свадьба, мать, играющая с детьми в пригороде Женевы, – и многолюдные улицы Лондона, Биржа, корабли в порту; Ю. М. Лотман [2, с. 526–606], М. В. Иванов [9, с. 296–302] и другие исследователи справедливо отмечали, что в данном случае Карамзин стилизует в виде писем путешественника вполне концептуальное историко-политическое высказывание, выстраивая в тексте своего рода «испытание» двух различных способов, гипотетически позволяющих преодолеть опасности социального неравенства. При этом позиция повествователя, как и в случаях с другими параллельными «сюжетами» «Писем...», далека от однозначного предпочтения или отвержения: и тот, и другой путь показаны в книге как имеющие свои сильные и слабые стороны. Швейцария дает большую свободу проявлениям природного начала, но сдерживание роскоши иной раз кажется избыточным и забавным (ср. упоминания героя-путешественника о законодательном регулировании одежды или употребления вина, <<57> Цюрих» [Там же, с. 120]). Англия открывает гражданам возможность свободного обогащения – но темп жизни и требования, предъявляемые к человеку, иной раз оказываются слишком жестокими, люди могут не выдерживать их и «выпадать» из социального порядка в преступление или болезнь, безумие (см. письмо <<138> Лондон, Июля... 1790», посещение путешественником долговой тюрьмы и дома сума-

шедших, Бедлама [Там же, с. 339–342]). При этом важно, что и швейцарские, и английские страницы «Писем...» в изобилии содержат описания культурных реалий, положительно оцениваемых героем-путешественником с точки зрения ценностной шкалы сентиментально-предромантического мышления: свободная, разнообразная природа, множество садов, стиль которых не разрушает, а подчеркивает естественную природную красоту, довольство и благополучие жителей, естественная привлекательность женщин и т. п. Обращая внимание на множество самых различных деталей, связанных с культурной идеей природного, истинного, исполненного живой энергией бытия, карамзинский герой-путешественник, представляющий в книге «молодую» российскую культуру, по сути, предлагает соотечественникам ценный урок, в перспективе способный удержать от опасных общественных потрясений.

Особое место на «ментальной карте» Европы в книге Карамзина занимают страны германского мира (Пруссия и Саксония, о посещении которых рассказывает путешественник). Наряду с Россией, он оценивает их как «молодую» сферу европейской культуры, также стоящую на пороге интенсивного развития, также обладающую значительной энергией, которая уже начала развиваться и приносить плоды. Именно с этим связано заметно большое число эпизодов общения героя-путешественника на «немецких» страницах книги с философами и писателями (неслучайно столь значим, по мысли Ю. М. Лотмана, «кантовский эпизод» книги; кроме Канта, в той или иной форме «собеседниками» карамзинского героя становятся Гердер, Виланд, Мориц, Николаи, Гёте и др.).

Наиболее интересными и богатыми подтекстами оказываются в этом ряду реминисценции из книги К.-Ф. Морица «Путешествие Немца по Англии»; в том числе они закрепляют в книге рассматриваемый мотив внутреннего сближения России и Германии в их движении навстречу европейскому культурному пространству [11, с. 65–74]. «Русский путешественник» у Карамзина в значительной мере повторяет путь «путешественника-немца» в книге Морица (кроме того, в этом ряду можно рассматривать и сцену пребывания в Кале, где возникает еще одна значимая в системе сентиментально-предромантической поэтики параллель с «английским путешественником» Л. Стерна, Йориком). При этом герой Карамзина движется «в противоположном направлении» по сравнению со своими предшественниками. Если Йорик едет из Англии во Францию, повинаясь желанию «самому удо-

стовериться», что поездка через Ла-Манш надевает человека особым правом судить о самых разных вещах, то карамзинский путешественник направляется из Франции в Англию – при этом явно развивая иронию Стерна, ощущение не только различия, но и внутреннего сходства этих стран для чувствительной души. Если «немецкий путешественник» К.-Ф. Морица ехал из Пруссии в Англию, подчеркивая, насколько прекрасен и благополучен английский климат, свежа и щедра природа в сравнении с Германией, то карамзинский герой, въезжая в Пруссию, словно иронически намекая на lamentации Морица, говорит о щедрости немецкой природы в сравнении с Россией. Всякий раз сближения суждений путешественника со своими предшественниками, встречаемыми попутчиками встраиваются в более широкую смысловую линию карамзинской книги, которая раскрывала идею взаимного общения и обогащения западноевропейской и российской культуры, на образно-символическом уровне представления художественного пространства раскрытую в своеобразной «ментальной карте» Европы, предложенной в книге.

В целом «Письма русского путешественника» стали для современников настоящим открытием культурного пространства Западной Европы, представшей в описании Карамзина как одухотворенное, глубоко осмысленное целое. Его герой-повествователь, развертывая последовательный рассказ о посещении европейских стран, выстраивает его, следуя не только очевидной логике перемещения в пространстве, но и собственно историософской концепции, «картографирующей» наиболее значимые для Карамзина страны с учетом их места и роли в прошлом и будущем европейской культуры. Сама топография текста, таким образом, получает возможность символично-мифологического представления о культурном взаимодействии России и Европы, подводившем итог его развитию в XVIII в. и открывавшем новые возможности для последующего столетия.

Список источников

1. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
2. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин Письма русского путешественника. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 526–606.
3. Сапченко Л. А. Автор как путешественник в наследии Н. М. Карамзина // Русское слово. Сборник научных работ памяти проф. Е. И. Никитиной. Ульяновск, 2022. С. 77–89.

4. Сорникова М. Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2007. № 3 (4). С. 7–16.

5. Фрик Т. Б. Образ «чужого» в эпистолярной Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 305–314.

6. Шедтке К. Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Логос. 2001. № 3. С. 143–151.

7. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий (1790–1840-е гг.). СПб., 2004. / Изд. подгот. [и примеч. сост.] Ю. М. Лотман и др. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 717 с.

8. Иванов М. В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 296–302.

9. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. 351 с.

10. Николаев Д. П. «Я вспомнил Россию, любезное отечество...» (Россия, русские люди и русская нация на страницах «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина); «Когда русские были русскими...» (Пути постижения «русской нравственной физиономии» в прозе Н. М. Карамзина 1790-х гг. // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 628–720.

11. Алпатова Т. А. Н. М. Карамзин и К.-Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 65–74.

Библиографический список

1. Карамзин-писатель: коллективная монография / под ред. Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2018. 384 с.
2. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 356 с.
3. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 279 с.
4. Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.
5. Русский травелог XVIII–XX вв.: между литературой и документом: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. 461 с.
6. Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 327 с.

References

1. Sipovskii, V. V. (1899). *N. M. Karamzin, avtor "Pisem russkogo putesthestvennika"* [Nikolay Karamzin,

the Author of "Letters of a Russian Traveler"]. St. Petersburg. (In Russian)

2. Lotman, Yu. M., Uspenskii, B. A. (1984). *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina i ikh mesto v razvitií russkoi kul'tury* ["Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin and their place in the development of Russian Culture]. N. M. Karamzin *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Pp. 526–606. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie. (In Russian)

3. Sapchenko, L. A. (2022). *Avtor kak puteshestvennik v nasledii N. M. Karamzina* [The Author as a Traveler in Nikolay Karamzin's Oeuvre]. *Russkoe slovo. Sbornik nauchnykh rabot pamyati prof. E. I. Nikitinoi*. Pp. 77–89. Ulyanovsk. (In Russian)

4. Sornikova, M. Ya. (2007). *Zhanrovaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [Genre Structure of "Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin]. *Vestnik Kolomenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. No. 3 (4), pp. 7–16. (In Russian)

5. Frik, T. B. (2020). *Obraz "chuzhogo" v epistolyarii N. M. Karamzina* [The Image of the "Alien" in the Epistolary Works by Nikolay Karamzin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 63, pp. 305–314. (In Russian)

6. Shedtke, K. (2001). *Sub"ektivnost' kak fiktsiya. Problema avtorskogo diskursa v "Pis'makh russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [Subjectivity as Fiction. The Problem of Authorial Discourse in "Letters of a Russian Traveler" by Nikolay Karamzin]. *Logos*. No. 3, pp. 143–151. (In Russian)

7. Shenle, A. (1984). *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii (1790–1840-e gg.)* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-Awareness of Russian Travel Literature (1790–1840s)]. St. Petersburg, 2004. Izd. podgot. (i primech. sost.) Yu. M. Lotman i dr. 717 p. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie. (In Russian)

8. Ivanov, M. V. (1975). *Mir Shveitsarii v "Pis'makh russkogo puteshestvennika"* [The World of Switzerland in "Letters of a Russian Traveler"]. XVIII vek. Sb. 10: *Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi*. Pp. 296–302. Leningrad, Nauka. (In Russian)

9. Karamzin, N. M. (1982). *Izbrannye stat'i i pis'ma* [Selected Articles and Letters]. 351 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

10. Nikolaev, D. P. (2005). *"Ya vspomnil Rossiya, lyubeznoe otechestvo..." (Rossiya, russkie lyudi i*

russkaya natsiya na stranitsakh "Pisem russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina); *"Kogda russkie byli russkimi..."*: (*Puti postizheniya "russkoi npravstvennoi fizionomii" v proze N. M. Karamzina 1790-kh gg.*) ["I remembered Russia, my dear fatherland..." (Russia, Russian people and the Russian nation on the pages of "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin); "When the Russians were Russians...": (Ways of understanding the "Russian moral physiognomy" in the prose of N. M. Karamzin in the 1790s)]. *Russkaya literatura kak forma natsional'nogo samosoznaniya*. XVIII vek. Pp. 628–720. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

11. Alpatova, T. A. (2020). *N. M. Karamzin i K.-F. Morits* [N. M. Karamzin and K.-F. Moritz]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 2, pp. 65–74. (In Russian)

Bibliography

1. *Karamzin-pisatel': kollektivnaya monografiya* (2018) [Karamzin as a Writer: A Collective Monograph]. Pod red. N. D. Kochetkovo, A. Yu. Veselovoi, R. Bodena. 384 p. St. Petersburg, izdatel'stvo "Pushkinskii dom". (In Russian)

2. Kafanova, O. B. (2020). *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [Translations by N. M. Karamzin as a Cultural Universe]. 356 p. St. Petersburg, Aleiteya. (In Russian)

3. Kochetkova, N. D. (1994). *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian Sentimentalism]. *Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya*. 279 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

4. Lotman, Yu. M. (1997). *Karamzin: Sotvorenie Karamzina* [Karamzin: The Creation of Karamzin]. *Stat'i i issledovaniya 1957–1990. Zametki i retsenzii*. 832 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)

5. *Russkii travelog XVIII–XX vv.: mezhdunarodnoi i dokumentom: marshrut, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya* (2019) [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Between Literature and Document: Routes, Topoi, Genres and Narratives: A Collective Monograph]. 461 p. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

6. Serman, I. Z. (2005). *Literaturnoe delo Karamzina* [Karamzin's Literary Work]. 327 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Алпатова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Государственный университет просвещения,
141014, Россия, Мытищи,
В. Волошиной, 24.
alpatova2005@rambler.ru

Alpatova Tatyana Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
State University of Education,
24 V. Voloshina Str.,
Mytishchi, 141014, Russian Federation.
alpatova2005@rambler.ru

УДК 821.161.1-14+821.512,122-14+82'282
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91

ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗ РОДНОЙ ЗЕМЛИ В КАЗАХСТАНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

© Нина Барковская

HYBRID IDENTITY AND THE IMAGE OF THE NATIVE LAND IN KAZAKHSTAN RUSSIAN LANGUAGE POETRY

Nina Barkovskaya

The article is devoted to the problem of the world image in the poetry of modern Kazakhstan Russian-speaking poets. This problem is closely related to the authors' self-identity. The Russian language is chosen by authors of various ethnicities: Russians, Kazakhs and Poles. Kazakhstan has historically developed as a multi-ethnic region; in post-Soviet times, Russian is largely preserved as a language of interethnic communication. The article identifies and analyses the following components that make up the hybrid identity of Russian-speaking authors: their memory of ethnic roots, sociocultural identity, regional identity and civic identity. It is shown that such features as transborderness and transculturation, characteristic of the "nomadic" subject of modern poetry, fully correspond to the type of nomadic culture that has long been established on the territory of the Great Steppe. Hybrid identity in the poetry of Kazakhstan Russian-speaking authors determines its polysubjectivity, interaction of voices and dialogue among speech zones of different subjects, giving rise to the effect of the lyrical poetry "romanization", which affects the prosaization of the verse form. Of the genre varieties, the most characteristic one is the form of poetic conversation. A striking feature of this poetry is the lyrical hero's self-irony and the active use of intertextuality. Different components found in the authors' inner self does not as much create a conflict situation as it allows them to avoid thinking in rigid binary oppositions, without removing a critical view of both today's Kazakhstan and Russia.

Keywords: Russian-language poetry, nomadic subject, ethnic and cultural identity, lyrical polysubjectivity, Pavel Bannikov, Yuri Serebryansky

Статья посвящена проблеме образа мира в поэзии современных русскоязычных поэтов Казахстана. Данная проблема тесно связана с самоидентичностью авторов. Русский язык избирают авторы различной этнической принадлежности: русские, казахи, поляки. Казахстан исторически складывался как полиэтнический регион, в постсоветское время русский во многом сохраняется как язык межнационального общения. В статье выделены и проанализированы следующие компоненты, составляющие гибридную идентичность русскоязычных авторов: память об этнических корнях, социокультурная идентичность, региональная идентичность, гражданская идентичность. Показано, что такие черты, как трансграничность, транскulturация, свойственные «номадическому» субъекту новейшей поэзии, вполне отвечают типу кочевнической культуры, издавна сложившейся на территории Великой Степи. Гибридная идентичность в поэзии русскоязычных авторов Казахстана обуславливает полисубъектность, взаимодействие голосов, диалог речевых зон разных субъектов, порождая эффект «романизации» лирики, что сказывается и на прозаизации стиховой формы. Из жанровых разновидностей наиболее характерной оказывается форма стихотворного разговора. Яркой особенностью данной поэзии является самоирония лирического героя и активное использование интертекстуальности. Наличие разных компонентов во внутреннем самощущении авторов не столько создает конфликтную ситуацию, сколько позволяет избежать мышления жесткими бинарными оппозициями, не снимая критического взгляда как на сегодняшний Казахстан, так и Россию.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия, номадический субъект, этническая идентичность, культурная идентичность, лирическая полисубъектность, Павел Банников, Юрий Серебрянский

Для цитирования: Барковская Н. Гибридная идентичность и образ родной земли в казахстанской русскоязычной поэзии // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 86–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-86-91

Казахстан – полиэтническая страна. После 1991 г. доля русских сократилась с 37,8 до 19,3%, русский язык утратил привилегированное положение, ныне казахи составляют 71% населения. Однако сегодня по-прежнему активно развивается русскоязычная поэзия, особенно в Алматы, самом космополитичном городе Казахстана. На это есть свои исторические причины – именно здесь оказывались поселенцы, становившиеся потом культовыми фигурами места, приносившие с собой традиции модернизма и авангарда начала XX в. Таков, например, описанный Юрием Домбровским в романе «Факультет ненужных вещей» Сергей Иванович Калмыков, художник, ученик Добужинского и Петрова-Водкина, чей метод называют «фантастическим экспрессионизмом». Художник Павел Зальцман, ученик Павла Филонова в живописи и Д. Хармса в поэзии, прожил в Алма-Ате 43 года, став заслуженным деятелем искусств Казахстана.

Среди авторов, пишущих по-русски, есть этнические казахи (Канат Омар, Ануар Дуйсенбинов, Айгерим Тажи), поляк Юрий Серебрянский, этнические русские (Павел Банников, Иван Полторацкий и другие). Павел Банников отмечает: «Русскоязычный автор в Казахстане постоянно находится между разных культур, и хорошо, если только двух, он вынужден постоянно отвечать на вопросы: „кто я и где я нахожусь? через какие ориентиры я определяю себя как человека пишущего? определяю ли я себя вообще таковым образом?“» [1].

Русофонных поэтов объединяют и общие особенности.

1. Транскультурность. Сознвая свою гибридную идентичность, они стремятся использовать разные языковые и культурные традиции, демонстрируя открытость сознания, свободу индивидуального выбора. Большая часть авторов живет в Алматы, что формирует особую социокультурную – городскую – идентичность у жителей мегаполиса [2]. Современные поэты Казахстана много ездят по миру, участвуют в фестивалях и издательских проектах, они интегрированы в мировое поэтическое сообщество, в чем можно усмотреть их культурную трансграничность.

Приведем пример. Юрий Серебрянский написал «Казахстанские сказки», эта двуязычная книга издана в 2017 г. Сказки авторские, сам Серебрянский так объясняет жанр: «Тексты и иллюстрации не используют образы казахского фольклора. Это невозможно – конкурировать с казахским фольклором, я его люблю за глубину и мудрость, но никаких потуг на то, чтобы создать что-то альтернативное, нет. Это сказки мои,

авторские. Почему „казахстанские“? Я в третьем поколении казахстанец, я вырос здесь. И в какой-то момент я подумал, что какие же сказки мои: русские – далеко, польские – да, конечно, но они там, а я здесь, казахские – тоже не мои. И вот решил написать свои сказки. Для таких же, как я» [3].

2. При этом русскоязычные авторы ощущают своей родиной именно Казахстан, Великую Степь, что можно назвать региональной идентичностью. К этим поэтам подходит определение «люди степи», сформулированное Ю. М. Лотманом в работе «Художественное пространство Гоголя» [4, с. 656].

Юрий Серебрянский на вопрос, какое место он мог бы назвать своим сакральным домом, отвечает: «Это Казахстан, где все понятно, где все совершенно очевидно. Но больше всего мне здесь важна дорога и казахстанские расстояния – степь, я себя чувствую дома, когда еду долго в машине по степи... <...> Запах степи мне очень нужен. Первое, что я делаю, когда возвращаюсь в Казахстан, сажусь в машину и еду куда-нибудь за город, просто подышать, выйти и постоять... В разговоре о моей идентичности может прозвучать слово „космополит“, имеющее отношение в греческом языке к слову „космос“: но мне ближе понятие кочевник, потому что кочевник тоже перемещается, но перемещается по земле со всеми запахами, медленно и ощущая все неровности ландшафта» [5].

Наталья Фатеева указывает, что понятие «номадический субъект» стало широко использоваться благодаря работе «Путем номадизма» Розы Брайдотти и концепции «номадического мышления» Жюль Делеза. Фатеева пишет: «...латинский термин „номадизм“, буквально означающий „кочевничество“, в переносном значении был применен к новой форме субъектности, построенной на множественности различий и отсутствии иерархии, а также снятии системы четких оппозиций. Такая конфигурация отражает стремление к идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат...» [6, с. 117].

Марат Гинатуллин полагает, что кочевание, будучи залогом выживания, выработало у казахов особое ощущение земли, ее зеленого покрова, запахов трав [7, с. 121]. Он же пишет, что тысячелетиями Великая Степь была не только источником существования, но и воплощением духовного мира казахов [Там же, с. 59].

3. Отчетливо присутствует и гражданская идентичность. Русскоязычные поэты, ощущая себя гражданами Казахстана, способны

смотреть на жизнь глазами казахского народа и, шире, с позиции жителей Центральной Азии, некогда входивших в Советский Союз, но не порывающих связь с Россией и поныне.

Гибридная идентичность проявляется прежде всего в особенностях субъектной организации – лирической полифонии, смешении точек зрения лирического героя, героя ролевой лирики, некоего безымянного субъекта. Однако нельзя однозначно назвать это самоэкзотизацией.

Последняя книга стихов Павла Банникова называется «На языке шавермы». Тут наблюдается особое многообразие игры субъектными голосами и точками зрения. Один из циклов, входящих в книгу, назван по имени героя: «Говорит Кенжебай», то есть субъект речи – ролевой герой, казах, живущий в Москве, обращающийся к любимой женщине. Рефреном звучат слова: *«в этой вашей настолько большой стране / живущей настолько разными жизнями / что китаец мне милей, чем вологжанин»* [8, с. 27] (варианты: *«чухонец мне милее камызяка»*, *«кореец мне понятнее калмыка»* и тому подобное). Однако последнее, пятое стихотворение, названное «В дурном обществе» (с отсылкой к Короленко), кончается словами:

«Помни, что
жизнь не жестче,
она гибче
смерти» [Там же, с. 34].

В книге есть стихотворение полисубъектное и при этом безликое (в духе «докупоззии») – перечень объявлений от разных лиц, желающих найти жилье в Москве: некто Саша хотел бы снять квартиру у русских, Давид – у армян, Алесь у белорусов, из разных голосов моделируется своеобразный «хоровой» субъект, да и сами эти субъекты – материал для авторской игры.

Финал текста констатирует общую тесноту, зажатость, вынужденное сожительство:

«россия наше отечество
азия наше матчество
кухня тесна
смерть неизбежна» [Там же, с. 67].

Можно предположить, что здесь иронически переигрывается и без того ироничный эпиграф к роману Набокова «Дар»: *«Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна»* (текст упражнения из «Учебника русской грамматики для младших классов средних учебных заведений» П. В. Смирновского). По мнению

Е. И. Ляпушкиной, пятый пример в эпиграфе вводит лирическую тему, а роман показывает, как работает тот единственный способ не дать ничему умереть, который прозревает Федор Константинович» [9, с. 210].

Но в стихотворении Банникова именно песимистический смысл доминирует: нет простора для творчества, нет благословенного «дара» и быть его не может в тесной кухне коммуналки – так метафорически обозначено ограниченное жизненное пространство трудовых мигрантов из Азии.

В разделе «На языке шавермы» часть стихотворений написаны от лица лирического героя, говорящего тем не менее на языке шавермы. Возникают сложные отношения нераздельности-неслиянности сознания ролевого героя (Кенжебая) и собственно лирического героя, пусть этнически русского, но приехавшего в Москву из Центральной Азии. Так происходит в стихотворении «черная пятница в Новогиреево» [8, с. 69–71].

Метрополия и бывшие национальные окраины продолжают тесно сосуществовать, тая скрытые противоречия, потенциальные точки взрывов и конфликтов. И только теплый ветер из метро – ветер подземных кочевий – везде одинаков, *«в ташкенте, москве или риме, стирающий всякие координаты ветер, чужой и домашний, не знающий границ ветер»* [Там же, с. 70–71].

Велика роль с а м о и р о н и и в размышлениях лирического героя в поэзии казахстанских русскоязычных авторов. Ирония по отношению к самому себе и своему творению позволяет занять позицию вненаходимости, дистанцироваться, а значит, сделать свое «я» предметом рефлексии.

Внутренний диалогизм поэтического слова рассмотрим на примере двух стихотворений Павла Банникова: «Немного русских в холодной воде озера Комо» [Там же, с. 14–15] и «Немного русских в холодной воде Иссык-Куля» [Там же, с. 60–61]. Кто эти немногие русские?

Стихотворения разнесены по разным разделам книги, образуя одну из композиционных «арок», скрепляющих структуру целого. Они перекликаются (одно из проявлений диалогизма) не только по названию, но и по ситуации и некоторым особенностям стиховой формы. Оба озера горные, с холодной водой, традиционные туристические места. Лирический субъект на берегу озера не только констатирует холод, но делает некое отступление (экскурс) в прошлое. В первом стихотворении, когда *«турин / и милан взяты без боя без комиссий в банкоматах / и в целом без трат»*, вспоминается переход Суворова через Альпы и представляется картина: фельд-

маршал умывается водой Комо и приказывает всем своим солдатам закаляться, по приказу *«тысяча шестьсот душ погружается в комо столько / жизни еще никогда одновременно не входило в эти воды / и уже не войдет»*. Теперь на пляжах лишь одинокие купальщики, которые начинают понимать *«суровый нрав этого края этого рая холодный взгляд / лебедей и уток заискивающие поклоны»*. Во втором стихотворении упоминается Пржевальский, что похоронен на берегу озера: *«географ империи давший недолгое имя тому городу что меняет ныне / лишь кипяток в источниках да кривой фристайл на тенге и рубли»*. Похожи ритмически концовки обоих стихотворений, сильно отличающиеся от интонации и ритма основного текста – после предельно прозаизированного текста финал звучит с интонацией песни: в первом тексте созвучные дактилические окончания, синтаксический параллелизм, интонационно завершенные все три строки (на фоне бесконечных анжамбеман), уменьшительная форма слова *«уточки»*, разговорное *«проливни»* создают фольклорный эффект, который, правда, разбивается указанием на опасность:

«вот скользят за уточками селезни
вот идут полосой проливни
осторожно возможны оползни» [Там же, с. 15].

Концовка второго стихотворения звучит походной песней (друзья собираются плыть на лодке), одинаковые мужские рифмы четко отбивают конец строки:

«пока плещется водка в походной фляге твоей
говори со мной на языке кузнечиков пей
это озеро что сегодня прозрачнее теплых морей»
[Там же, с. 61].

Однако есть принципиальное различие в субъектной организации. В стихотворении про озеро Комо субъектом выступает некое недифференцированное «мы» русских туристов. Во втором стихотворении, по сути, передан разговор двух лиц, хотя реально звучит только голос «я», но он повторяет реплики друга (Бахтин специально отмечает такой случай двуголосого слова: «Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит только один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывая вне себя, за свои пределы...» [23, с. 229].

«<...>
киргизы чокают казахи шепелявят

кажется так ты говоришь дос (*друг*, перевод с казахск. – Н. Б.)

так и быть наливай свой чой (*чай*, перевод с киргизск. – Н. Б.)

хотя я предпочел бы окрепший шай (*чай*, перевод с казахск. – Н. Б.)

Но еще есть шепеки (казахск. *пресная лепешка*. – Н. Б.) и водка и мясо

и далеко до исчезновения чолпон (*Венера*. – Н. Б.) с небосвода <...>» [20, с. 60].

Особенности лексики и фонетики позволяют атрибутировать лирическое «я» как казаха, его собеседник – киргиз, это народы с близкими языками, вполне понимающие друг друга.

Но есть еще проявления диалогизма: первая строчка стихотворения (*«в европе холодно в италии темно»*) является прямой цитатой из стихотворения Мандельштама «Ариост», знаменитом своей второй строкой. Упоминание «языка кузнечиков» в конце стихотворения тоже не только указывает на приметку степной природы и «чоканье» киргизов, но и на образный строй стихотворения Мандельштама. Таким образом, разговаривающие хорошо осведомлены в русской поэзии. Другой момент: лирический герой спрашивает, как могли назвать такое холодное озеро *«горячим»*, и каламбурит со словом *«ключи»* как носитель русского языка:

«скажи брат как можно было назвать это озеро теплым я все

понимаю зимой не пройти по нему не устроить катаний и все же

брат ысык это наше ыстык, то есть вообще горячо
ключи говоришь хорошо дверь закрою своим ключом»

Название стихотворения иронично напоминает о романе Франсуаза Саган «Немного солнца в холодной воде», а это название, в свою очередь, заимствует слова из стихотворения Поля Элюара: *«И я вижу ее, и теряю ее, и скорблю, / И скорбь моя подобна солнцу в холодной воде»* («Моей сестре»).

Таким образом, на что указывает и заголовок стихотворения, перед нами двое этнических русских, но один живет в Киргизии, другой в Казахстане. Берег Иссык-Куля для них играет роль контактной зоны. И завершает стихотворение утверждение права на свою землю: *«у меня нет другой земли у тебя нет другой земли»*.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Гибридная идентичность русскоязычных поэтов Казахстана включает в себя память об этнических корнях, гражданскую идентичность авторов как разделяющих проблемы современного казахского общества, социо-

культурную идентичность жителей мегаполиса с присущей ей установкой на транскulturацию [24], а также региональную идентичность, живое чувство привязанности к родной земле. Выбор русского языка в качестве языка поэзии сохраняет память и об истории своей собственной семьи, и об истории советского периода, и об истории русской поэзии.

Вместе с тем русский язык, во-первых, может сочетаться с использованием казахского языка, во-вторых, это русский язык жителей Казахстана, русский с «казахским акцентом». Гибридная идентичность обуславливает взаимодействие разных голосов, порождая эффект «романизации» лирики, что сказывается и на прозаизации стиховой формы. Из жанровых разновидностей наиболее характерной оказывается форма «разговора», причем «голос» собеседника («чужое слово») внедрен в речевую зону лирического субъекта, еще более расслаивая ее. Д. М. Магомедова называет такую форму «неканоническим гибридным прозаизированным лирическим жанром», осваивающим первичный (речевой) жанр [25, с. 17–18].

На сегодняшний день интегрирующей основой всей многосоставной идентичности является, как кажется, именно чувство принадлежности русскоязычных поэтов к сегодняшней судьбе Казахстана. Поэтому точнее называть этот поэтический феномен «казахстанская русскоязычная поэзия». Гибридный («номадический») субъект вполне вписывается в исконную казахскую культуру кочевничества («трансграничности»), при этом наличие разных компонентов во внутреннем самоощущении авторов не столько создает конфликтную ситуацию, сколько позволяет избежать мышления жесткими бинарными оппозициями.

Список источников

1. Банников П. Литература ad marginem // Новый мир. 2015. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/12/literatura-ad-marginem.html. (дата обращения: 10.11.2023).
2. Кузьмина Н.В. Формирование социокультурной идентичности в межкультурной среде // Вестник МГУУ. 2015. № 4. С. 73–76.
3. Серебрянский Ю. Нам нужно, чтобы признание наших талантов приходило со стороны // Интернет-газета ZONAKz 04.04.2017 14:00. URL: <https://zonakz.net/2017/04/04/jurijj-serebrjanskijj-nam-nuzhno-chtoby-priznanie-k-nashim-talantam-prikhodilo-so-storony/> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Цифровой кочевник: Юрий Серебрянский о языковой идентичности, маршрутах жизни и прозы, литературной учебе и месте казахстанской литературы. Беседовал Владимир Коркунов // Волга. 2023.

№ 7. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/7/czifrovoj-kochevník.html> (дата обращения: 13.04.2024).

5. Лотман Ю. М. О русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1997. 845 с.

6. Фатеева Н. К проблеме «номадического субъекта» в современной поэзии // Субъект в новейшей русской поэзии – теория и практика. Ред.-сост. Х. Шталь, Е. Евграшкина. Берлин: Peter Lang GmbH, 2018. С. 117–127.

7. Гинатуллин М. Земля и небо Жетысу: Лингвокраеведческий словарь. Алматы: Раритет, 2010. 336 с.

8. Банников П. На языке шавермы. Алматы: Дактиль, 2023. 80 с.

9. Ляпушкина Е. И. «Карусель истины» (смысл эпитафии в романе В. В. Набокова «Дар») // Русская литература. 2020. № 1. С. 205–210. URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950008891-4-1> (дата обращения: 31.01.2024).

10. Тлостанова М. Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН, серия Философия. 2006. № 2 (12). С. 5–16.

11. Магомедова Д. М. и др. Поэтика литературных жанров: Проблемы типологии и генезиса / Под ред. Д. М. Магомедовой, В. В. Савелова. М.: РГГУ, 2019. 360 с.

References

1. Bannikov, P. (2015). *Literatura ad marginem* [Literature Ad Marginem]. Novyi mir. No. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/12/literatura-ad-marginem.html (accessed: 10.11.2023). (In Russian)
2. Kuz'mina, N. V. (2015) *Formirovanie sociokul'turnoi identichnosti v mezhkul'turnoi srede* [Formation of Sociocultural Identity in an Intercultural Environment]. Vestnik MGUU. No. 4, pp. 73–76. (In Russian)
3. Serebryanskii, Yu. (2017). *Nam nuzhno, chtoby priznanie nashikh talantov prikhodilo so storony* [We Need Recognition of Our Talents to Come from Outside]. Internet-gazeta ZONAKz 04.04.2017 14:00. <https://zonakz.net/2017/04/04/jurijj-serebrjanskijj-nam-nuzhno-chtoby-priznanie-k-nashim-talantam-prikhodilo-so-storony/> (accessed: 10.12.2023). (In Russian)
4. *Tsifrovoy kochevnik: Jurii Serebryanskii o yazykovoï identichnosti, marshrutakh zhizni i prozy, literaturnoi uchebe i meste kazahstanskoi literatury. Besedoval Vladimir Korkunov* (2023) [A Digital Nomad: Yuri Serebryansky about Linguistic Identity, Routes of Life and Prose, Literary Studies and the Place of Kazakh Literature. Interviewed by Vladimir Korkunov]. Volga. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/7/czifrovoj-kochevník.html> (accessed: 13.04.2024). (In Russian)
5. Lotman, Yu. M. (1997). *O russkoi kul'ture* [About Russian Culture]. 845 p. St. Petersburg, Iskustvo-SPb. (In Russian)
6. Fateeva, N. (2018). *K probleme "nomadicheskogo sub'ekta" v sovremennoi poezii* [On the Problem of the "Nomadic Subject" in Modern Poetry].

Red.-sost. H. Stahl, E. Evgrashkina. Pp. 117–127. Berlin, Peter Lang GmbH. (In Russian)

7. Ginatullin, M. (2010). *Zemlya i nebo Zhetysu: Lingvokraevedcheskii slovar'* [The Earth and Sky of Zhetysu: A Linguistic Dictionary of Regional Studies]. 336 p. Almaty, Raritet. (In Russian)

8. Bannikov, P. (2023). *Na yazyke shavermy* [In the Language of Shawarma]. 80 p. Almaty, Daktil'. (In Russian)

9. Lyapushkina, E. I. (2020). "Karusel' istiny" (smysl epigrafa v romane V. V. Nabokova "Dar") ["The Carousel of Truth" (the meaning of the epigraph in V. V. Nabokov's novel "The Gift")]. *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 205–210.

URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950008891-4-1> (accessed: 31.01.2024). (In Russian)

10. Tlostanova, M. (2006). *Transkul'turatsiya kak novaya epistema epokhi globalizatsii* [Transculturation as a New Episteme of Globalization Epoch]. *Vestnik RUDN, seriya Filosofiya*. No. 2 (12), pp. 5–16. (In Russian)

11. Magomedova, D. M. et al. (2019). *Poetika literaturnykh zhanrov: Problemy tipologii i genezisa* [Poetics of Literary Genres: Problems of Typology and Genesis]. Red. D. M. Magomedova, V. V. Savelov. 360 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 16.05.2024

Поступила в редакцию 16.05.2024

Барковская Нина Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики
ее преподавания,
Уральский государственный педагогический
университет,
620091, Россия, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26.
barkovskaya@list.ru

Barkovskaya Nina Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Literature and
Methods of Its Teaching,
Ural State Pedagogical University,
26 Kosmonavtov Ave.,
Ekaterinburg, 620091, Russian Federation.
barkovskaya@list.ru

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РУССКИХ ОПИСАНИЯХ XVIII ВЕКА: ОБ ОДНОЙ АНОНИМНОЙ ЗАМЕТКЕ ИЗ НЕЦЕРКОВНОГО КАЛЕНДАРЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

© Ринат Бекметов, Немат Сабилов

CENTRAL ASIA IN RUSSIAN DESCRIPTIONS OF THE 18TH CENTURY: ON AN ANONYMOUS NOTE FROM THE NON-CHURCH CALENDAR OF THE ENLIGHTENMENT ERA

Rinat Bekmetov, Nemat Sabirov

There is a lot of interest in travelogue in the research environment today. Russian oriental travelogues, associated with the Central Asian region, have not been studied sufficiently before, besides a certain number of substantive works primarily of a historiographical nature. A special body of problems here is related to the origins of the Russian Central Asian travelogue formation as a genre structure. One of the texts, related to the “origins of the genre” and taken for consideration in this article, is a note by an anonymous author-compiler entitled “News of Bukharia”, published in the “Monthly Historical and Geographical Dictionary for 1779” (St. Petersburg Imperial Academy of Sciences). The article is a kind of commentary on this note. We characterize the journal in which it was presented – the printed secular calendar of the 18th century, it differs from the religious ones. The article determines historical, cultural, landscape and geographical realities, reflected in it, and identifies the ideological position of the compiler in the context of the eastern imperial policy of those years. We cautiously assume that when writing the text, the author could use materials on Central Asia from Western sources. There is no literary element as such in the described note. This is not a travelogue in the exact meaning of the term, but a concise informative essay on a regional topic, in which, however, there is no strategy for an objective scientific narrative (“pure curiosity”). We can clearly see the journalistic (state) ideologems of its era, combining the economic aspirations of Russia and its geopolitical attitudes (it is significant that in the note the reader he does not even find any ethnographic images of Central Asian people, their portraits, morals and everyday habits). At the same time, the text of the “News of Bukharia” includes separate general literary components – strict composition, laconism of speech style and logical sequence. The text is important as an early stage in the formation of a scientific and artistic Central Asia modus, as a phenomenon of “documentary literature”, not “fictional literature”.

Keywords: Central Asia, “News of Bukharia”, the Age of Enlightenment, the monthly book, ideologems, travelogue

Интерес к травелогу сегодня в исследовательской среде большой. Русские восточные (ориентальные) травелоги, связанные со среднеазиатским регионом, при этом изучены не в достаточной степени, несмотря на некоторое количество содержательных работ по преимуществу историографического характера. Особый корпус проблем здесь связан с освещением истоков формирования русского среднеазиатского травелога как жанровой конструкции. Один из текстов, относимых к «истокам жанра» и взятых на рассмотрение в настоящей статье, – заметка анонимного автора-составителя под названием «Известия о Бухарии», опубликованная в «Месяцослове историческом и географическом на 1779 год» (издание Санкт-Петербургской Императорской академии наук). Статья представляет собой своеобразный комментарий к этой заметке. Характеризуется журнал, в котором она помещена, – печатный светский календарь XVIII века; определяются историко-культурные и ландшафтно-географические реалии, отраженные в ней; выявляется идеологическая позиция составителя в контексте восточной имперской политики; выдвигается осторожное предположение, согласно которому при написании текста он мог пользоваться материалами западных источников о Средней Азии. Литературного элемента как такового в описываемой заметке нет. Перед нами не травелог в прямом и точном значении этого термина, а сжатое информативное сочинение на страноведческую тему, в котором, однако, отсутствует стратегия объективного научного нарратива («чистая любознательность») и отчетливо просматриваются публицистические

(государственные) идеологемы своей эпохи, совмещающие экономические устремления России и ее геополитические установки (симптоматично, что в заметке читатель не находит этнографических описаний среднеазиатских людей: их внешних портретов, нравов и бытовых привычек). Вместе с тем текст «Известий о Бухарии» включает отдельные компоненты общей литературности – строгая композиция, лаконизм речевого стиля, логическая последовательность. Текст важен как ранний этап становления научно-художественного модуса о Средней Азии, явление «литературы документа», а не «литературы вымысла».

Ключевые слова: Средняя Азия, «Известия о Бухарии», эпоха Просвещения, месяцослов, идеологемы, травелог

Для цитирования: Бекметов Р., Сабиров Н. Средняя Азия в русских описаниях XVIII века: об одной анонимной заметке из нецерковного календаря эпохи Просвещения // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 92–101. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-92-101

Интерес к жанру травелога в современной отечественной исследовательской среде носит весьма заметный и устойчивый характер; работ, посвященных этой форме литературного творчества, немало: лаконичный разбор написанного о травелогах занял бы не одну страницу научного текста. На то существуют свои причины; не ошибемся, если скажем, что не в последнюю очередь они связаны с тенденциями последних нескольких десятилетий, когда мир, благодаря легкости, доступности и интенсивности коммуникативных связей, стал едва ли не единым целым: разнообразные в своей пестроте культуры, преодолев географические границы, сошлись друг с другом, встав на такое расстояние, при котором вопрос из плоскости элементарного и поверхностного наблюдения перешел в плоскость глубокого и всестороннего изучения. То, что казалось экзотическим, приобрело черты если не банальности, то будничности; произошла «рутинизация» экзотики, начало которому было положено во второй половине XIX в.¹ (художествен-

но этот закономерный процесс отразил И. А. Гончаров во «Фрегате „Паллада“», «географическом» романе, стремясь найти сходство различных явлений жизни и обывывая то, что числилось по разряду «фантастики»: «Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы – не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите <...>» [1, с. 104]). «Апофеозом» преодоления границ стал ныне феномен, получивший наименование «релокации» – переезд из одной точки земли в другую с деловой или индивидуально-личной целью.² Это не могло не сказаться и на исследовательских практиках; о

стала «привычной» – настолько, что чувство священного трепета у них несколько стерлось, притупилось, ослабло? Оставляя в стороне вопрос об особенностях арабского (южного) характера с присущей ему темпераментностью, на это можно ответить так: ощущение сакральности в мекканском культовом локусе со времен Пророка поддерживалось процедурами входящего плана (постом, уединением в расположенных поблизости горах, созерцанием, молитвами, жертвоприношением, раздачей милостыни); доступность Каабы уравнивалась набором дополнительно и добровольно налагаемых на себя обязанностей, которые можно рассматривать в качестве аналогов тех сложных путей, которыми люди далеких стран и континентов добивались до Мекки в период хаджа или умры. Примечательно, что паломничество, начиная с доисламской эпохи, завершалось бритьем головы и стрижкой ногтей (по другой версии, сопровождалось ими) – внешними ритуализованными знаками обновления человека, символами прохождения им трудного очистительного пути.

² Релокацию порой сравнивают с увлекательным остросюжетным романом авантюрно-приключенческого или детективного толка: подобно тому, как читающий литературное произведение, последовательно открывая его страницы, узнает много нового о персонажах и событиях, человек, оказавшийся в ситуации переезда без должной психологической подготовки, сталкивается с теми фактами новой культурной среды, о которых в прежнее время он мог попросту не подозревать, не догадываться.

¹ Так, если в XVIII или XIX в. хадж правоверного мусульманина в Мекку предполагал сбор в длительную и опасную дорогу, к которой он иногда мог готовиться почти всю сознательную жизнь, то сейчас поездка туда занимает не столь много времени, и даже в материально-финансовом отношении она теперь не так затратна. Другое дело, что при быстроте передвижений теряется ощущение сакральности происходящего. Долгий путь в Мекку все-таки включал духовную подготовку, сосредоточенность, высшую собранность человека – именно из-за исключительности возникшей ситуации; человек обновлялся внутренне, как бы рождался заново, так что статус, который он получал после завершения паломничества («хаджи»), не был формальностью: люди, встречавшие его по возвращении домой, со справедливым благоговением относились к нему, совершившему такой значимый в своей жизни поступок. Разумеется, можно спросить (пусть наивно, но в необходимом теоретическом ракурсе): а разве для самих жителей знойного края, арабов Аравийского полуострова, Мекка за многие столетия не

травелогах размышляли и раньше, причем не менее продуктивно с точки зрения концептуальных построений, но лишь в эпоху глобализации академическое внимание (само являющееся составной частью общекультурной системы) к ним многократно возросло и усилилось.

Травелогом считают сверхжанровую конструкцию, в которой неким лицом (автором или вымышленным героем) дается описание путешествия по незнакомым локусам земли с достаточно подробным или, напротив, лапидарным сообщением о жизни населяющих эти места народах. Травелог – термин широкого плана, он может иметь разные способы выражения собранного материала: дорожные очерки, путевые записки, дневниковые (журнальные) заметки, воспоминания (мемуары), служебный отчет, дипломатический лист [2, стб. 839–842]. Травелог относится к тем старым, хорошо развитым «моделям» литературы, возникновение которых было обусловлено военными походами, торговой деятельностью, научными экспедициями, паломничеством по святым местам – в общем, всем тем, что было связано с перемещением людей в пространстве.

Травелог, кроме того, включает элемент субъективной оценочной интерпретации автора. Многомерность субъективного восприятия чужого/другого мира и делает травелог явлением литературно-эстетическим. Если бы в очерке «Остров Сахалин» А. П. Чехов ограничился объективным изображением дальневосточного пейзажа, то, наряду с приводимыми им статистическими данными о населении края (соотношение мужчин и женщин, стариков и детей, религиозно-конфессиональный, этнонациональный, сословный состав той или иной административной единицы, формы землевладения и хозяйствования, процент рождаемости, типичные заболевания людей и т. д.) и ссылками на этнографическую литературу с характерной системой примечаний, отделенных от основного текста размером печатного шрифта, это дало бы возможность с полным правом утверждать, что перед нами учебное сочинение конца XIX в., то есть книга социолога, взявшего на себя труд в продолжение путешествия («полевой работы») произвести перепись жителей отдаленного острова с его пенитенциарной системой, составить представление об их культурно-антропологическом облике. Однако поскольку писатель в своеобразном стиле поделился впечатлением от увиденного, больше того – высказал обобщенную позицию, свой взгляд о том, чему стал непосредственным свидетелем, то говорить о чеховских записках как об исключительно научно-исследовательском описании, конечно, нельзя. Это творческий текст, синте-

тический по жанровой природе, в котором литературный элемент соседствует с научным и публицистическим дискурсами³.

Таким образом, в оценочности травелога как форме присутствия субъектного сознания заключается мера (глубина) освоенности пространства

³ Художественное осмысление «сахалинской» темы выражается в тех мастерски тонких, импрессионистических зарисовках, которые мы можем вычитать из описаний природы или повседневного быта островитян. Так, Чехов пишет, что, когда он прибыл в селение Дербинское, его за неимением комнаты поселили в амбаре, где хранились венские стулья, специально оборудовав место для ночлега (стол и кровать). Была дождливая ночь, «было спокойно и в амбаре и у меня на душе, но едва я тушил свечу и ложился в постель, как слышались шорох, шепот, стуки, плесканье, глубокие вздохи... Капли, падавшие с потолка <...>, производили гулкий, звенящий звук, и после каждого такого звука кто-то шептал в отчаянии: „Ах, боже мой, боже мой!“». Рядом с амбаром находилась тюрьма. Уж не каторжные ли лезут ко мне подземным ходом? Но вот порыв ветра, дождь застучал сильнее, где-то зашумели деревья – и опять глубокий, отчаянный вздох <...>» [3, с. 151]. Чехов, как видим, субъективизирует ночь, он создает ощущение почти готического страха, за которым стоит идея беспросветного, безнадежного, тоскливого существования на Сахалине, в этом Богом забытом уголке земли. Показательно, что те же вздохи Чехов в следующее утро расслышал в нечленораздельной, мимической речи оборванных, вымокших и озябших каторжан, которые, как он понял по обрывкам слов, просили поместить их, усталых и немощных, в больницу, лазарет. Та же безысходность, мертвенность жизни, ее «пустотность», победа вездесущей сахалинской тоски над любой живой силой, живоносным началом продемонстрирована Чеховым эскизным штрихом, как бы между прочим, без фокусировки, методом незначительного, как поначалу кажется, обзорного перечисления, в эпизоде с выброшенным на берег китом: «На пристани около сторожки лежит скелет молодого кита, когда-то счастливого, резвого, гулявшего на просторе северных морей, теперь же белые кости богатыря лежали в грязи, и дождь точил их...» [Там же, с. 188]. Без подобных многочисленных обмолвок и проговорок текст рассматривался бы в качестве бесстрастного, бессубъектного повествования о неоткрытых землях (научный нарратив). Даже гиляки (нивхи), туземный, автохтонный народ Сахалина, показан Чеховым с явной человеческой симпатией; автор, придерживаясь в процессе их характеристики строгого этнографического языка, его преодолевает, высказывая суждение («я думаю...») о неуместности их русификации из-за фундаментальных мировоззренческих различий двух народов (если и вести эту политику, отмечал он, то только беря в расчет запросы гиляков, а не потребности русской колониальной власти, не умеющей по настоящему учитывать нужды и интересы людей на местах [Там же, с. 179–180]).

литературным словом. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением, согласно которому «культурное освоение территории не менее важно, чем военное, административное, хозяйственное. Только ожив в слове, мелодии, образе, территория становится освоенной» [4, с. 6].

Тут мы подходим к прояснению специфики русского травелога.

Дело в том, что русский травелог в общем виде – продукт имперского сознания. Он возник как ответ на экспансию обширного и чужеродного пространства, представляя собой средство его закрепления, адаптации, включения в новую семиотическую жизнь. В имперских травелогах прослеживается деление пространства на центральное и периферийное («космос» и «хаос» древней мифопоэтической традиции). Последнее окрашено в темные тона (это место варварского бескультурья), в то время как первое обладает силой цивилизаторского разума, вносящего порядок в аморфные структуры.⁴

⁴ Так было не всегда: в целом вполне убедительным (если, подчеркнем, иметь в виду один выразительный пример) выглядит суждение, в рамках которого объясняется, что до XVIII в. русская литература, в отличие от западноевропейской, не знала колониального дискурса: в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина о чужих землях рассказано с искренним уважением и доброжелательностью к их народам; «<...> нет никакого желания автора навязать этим странам свой собственный жизненный уклад» [5, с. 34–35]. С нашей точки зрения, правильное было бы говорить о том, что колониальный дискурс к этому времени еще не обрел отчетливые жанровые контуры по готовым европейским образцам. Возражая Е. Пономареву, автору статьи, на которую мы ссылаемся, хотелось бы сказать, что, например, знаменитая «Казанская история» («История о Казанском царстве»), литературно-идеологический памятник 60-х гг. XVI в., связанный с восточной политикой Московского государства, содержала компоненты религиозно-нравственного противостояния двух цивилизационных миров – русского и татарского, христианского и мусульманского. Безусловно, в тексте этого произведения мы обнаруживаем приметы благоговения перед новой, открывшейся землей: человек, писавший «Казанскую историю», поражается богатством, изобилием чудесного края, храбростью, бесстрашием казанцев, которые находили силы для сопротивления врагу, называет город «прекрасным», «благословенным», «достойным похвалы». Тем не менее красной нитью через весь памятник проходит идея справедливого возмездия (кары), религиозно окрашенной радости от того, что «мечети варварские» заменяются, наконец, «церквями Божиими, пресветло сияющими» (что это, если не «желание навязать свой собственный жизненный уклад» до XVIII в.?). Называть «Казанскую историю» полноценным травелогом нет оснований. Этот

Русский травелог, помимо этого, делится на три разновидности в зависимости от вектора странствий его субъекта: 1) внутри страны, 2) западный и 3) восточный. Первый вид укладывается в схему движения от столицы к провинции и обратно, от локусов пышной жизни к локусам бедного, угнетенного существования. Во втором взаимодействуют разнонаправленные линии, от восторженного очерчивания удобств неродного быта до описаний национального превосходства с чувством тоски по оставленной стороне, «родине». Здесь можно наблюдать закономерность, принципиально важную для традиционного русского мышления: чем дальше человек движется на запад, тем больше он находит в нем технического прогресса, комфорта, гражданской благоустроенности, основанной на меркантильных расчетах, и тем меньше становится духовности. Что касается ориентального травелога, то в нем обозначаются точки иного притяжения: Восток трактуется, с одной стороны, как экзотический знак, а с другой – в качестве места приложения государственной воли, ибо для восточных стран, в их восприятии Россия была носительницей западных ценностей, в этом плане русский восточный травелог смыкался с западным «просветительским» проектом. Отсюда – широкое распространение получила концепция, по которой восточный вид травелога был лишен самодостаточности из-за малой жанровой разработки: «основным сюжетом русского имперского травелога следует признать путешествие на Запад» [5, с. 42].

Пожалуй, есть основание полагать, что в обобщенно-количественном аспекте русских травелогов о Западе больше, чем русских травелогов о Востоке; точными цифрами мы не располагаем, однако впечатление об ориентированности русских путешествий на Запад приходится признавать очевидным. Вместе с тем, поскольку Восток оставался в центре внимания странствующих лиц разного звания и сословия, понять, как формировался взгляд на него в процессе взаимодействия России и Азии, необходимо. Ничуть не претендуя на исчерпывающую полноту

текст аттестуют в качестве исторической повести, в соответствии с авторским определением жанра. Однако элемент травелога присутствует в сочинении самим фактом того, что татарская земля характеризуется русским человеком, оказавшимся в Казани случайно, в результате пленения (если принять такую версию) и оценивающего чуждый мир инокультурными глазами: Афанасий Никитин попал в Индию тоже нечаянно, из-за грабежа на дороге, когда возвращение домой без товаров грозило попаданием в долговую яму, кабалой.

ответа, мы возьмем на конкретное рассмотрение локус Средней Азии, затронув лишь – в связи с одним из текстов – истоки формирования русского среднеазиатского травелога как части ориентального нарратива.

Средняя Азия стала представлять стратегический интерес для Российской империи в середине XIX в. Именно тогда сложились условия для полноценного изучения этого региона с точки зрения реализации ее экономических и политических амбиций. Расширение территории России происходило военным путем.⁵ Между тем следо-

⁵ Весной 1873 г. начался захват Хивы под руководством генерала К. П. фон Кауфмана, после чего Хивинское ханство (одно из трех мусульманских государств Средней Азии, наряду с Бухарой и Кокандом) обрело статус российского протектората, то есть территории, находящейся в вассальной зависимости от северного соседа. В вассальное владение России, кстати, вошли и те земли, которые считались номинально присоединенными к Хиве – земли Мервского оазиса (древний город Мерв на реке Мургаб с полуразрушенными постройками), где жили туркменские племена. Любопытен рассказ Генри Ландселла (1841–1919), английского путешественника, побывавшего в Средней Азии и встретившегося там с хивинским ханом. В рассказе недвусмысленно, с опорой на логику ассоциации, обосновывается, почему туркменские земли должны быть связаны с Россией, хотя они не были еще завоеваны полностью. «Во время моей беседы с Ханом, Его Высочество спросил меня, кому принадлежал Герат. Я ответил: „Афганистану“. Затем он спросил меня, принадлежал Мерв России или Англии. Я ответил, что никому, ведь предполагалось, что он независим. „Одно время, – сказал он, – он был независим, однако шестьдесят лет назад хивинцы взяли его“. Как только пришли русские, их <хивинцев. – Р. Б.> господство оказалось нарушенным. Недавно Мерв отправил к нему <хану. – Р. Б.> письмо, изъявляя готовность заплатить дань, и он послал человека, чтобы ее получить. Исходя из этого, он <хан Хивы. – Р. Б.> утверждал, что Мерв принадлежал ему, как он сам принадлежал России. Мерв также должен принадлежать России. Это логичная ситуация, от которой никуда не деться. Поэтому я с улыбкой ответил, что если Его Высочество не имеет возражений на этот счет, то и у меня их нет» [6, с. 486–487] (пер. с англ. Р. Ф. Бекметова), см.: [7, с. 17], особенно: [7, с. 97, 112].

Г. Ландселл был священником англиканской церкви. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. он осуществил два больших путешествия по азиатской части России: побывал в Сибири (став автором сочинения «Через Сибирь», третье издание которого вышло в 1882 г.) и Средней Азии (с июня по декабрь 1882 г., посетив такие города, как Семипалатинск, Кульджа, Ташкент, Коканд, Бухара, Хива, Карши, и написав двухтомное произведение, цитату из которого мы привели). Побывав в этих местах с миссионерской целью, он ста-

вало бы помнить о том, что связи среднеазиатских государств с Россией возникли в допетровские времена, а в середине – конце XVIII в. они проходили стадию «кристаллизации», когда нащупывался (после вынужденного принятия Казахстана в 1730-е гг. российского подданства) общий подход к русской экспансии на юг.

Одно из небольших сочинений конца XVIII в., посвященных среднеазиатскому культурному региону, – «Известия о Бухарии», опубликованные в 1779 г. в периодическом издании календарного типа «Месяцослов исторический и географический» [8]. Оно привлекало внимание исследователей, в первую очередь историков, в качестве раннего русского источника о Бухаре и городах, примыкающих к нему. Однако, входя в обзоры, этот текст до сих пор не изучался сам по себе. Между тем он заслуживает более полного освещения.

Начать с того, что «Известия о Бухарии» были помещены в «месяцослове» – книжном нецерковном календаре XVIII в. Первые печатные календари в России появились в «петровском» 1708 г. Они несколько отличались, несмотря на генетическую связь, от так называемых «месяцесловов» – рукописных религиозных календарей прежней эпохи. Христианский месяцеслов представлял собой своеобразный жанр церковной письменности; в нем фиксировалась система годовых культовых праздников, жития святых, находили отражения исторические события, интерпретированные с православной точки зрения (военные победы, нашествия врагов, стихийные бедствия) (см.: [9]). Гражданские месяцесловы были разнообразнее, они совмещали библейские и светские толкования истории; их тематический диапазон был широк (излагались сведения, почерпнутые из медицины, физиологии, анатомии, географии, климатологии, астрономии и других наук; нередко для наглядности они сопровождались черно-белыми картинками, многие из кото-

вил задачей описать народные традиции и обычаи, утверждая, что они находили свое отражение в Священном Предании (Библии). Кроме того, его книга (с разнообразными вкладками-иллюстрациями, уникальной цветной картой Средней Азии и Казахстана и таблицами, в которых были тщательно внесены сроки посещения населенных пунктов) включала сообщение о флоре и фауне среднеазиатского региона. Его отчет был высоко оценен в англоязычном мире, потому что содержал ценную и подробную информацию о далеких землях. Одновременно Г. Ландселла критиковали за то, что он в слишком позитивном, радужном свете рассказал о положении людей в российских тюрьмах и попытался в оправдательном аспекте представить экспансию России в Мервский оазис.

рых в соответствии с духом просветительского времени подразумевали символично-аллегорическую трактовку).⁶ Есть основания говорить о том, что светские календари эпохи петровских реформ ставили познавательные задачи. Характерна подпись издателя «Любопытного месяцослова на 1775 год» Василия Григорьевича Рубана (1742–1795), поэта-панегириста с репутацией графомана⁷, переводчика с латинского, издателя нескольких журналов, в том числе «Трудолюбивого муравья», автора сочинений по разным отраслям научного знания, редактора записок В. Г. Барского о посещенных им святых местах в Европе, Азии и Африке, человека со значительным послужным списком: «издал в свет, для пользы Россиян». Формула «для пользы Россиян» как раз чрезвычайно точно определяет телеологическую сторону месяцословов: цель заключалась в том, чтобы «подсобным» литературным жанром, каковым являлись календари, расширить интеллектуальные горизонты читательской публики XVIII в. (не случайно то, что информационная насыщенность месяцословов год от года прирастала).

«Известия о Бухарии» размещались в середине журнала. Он начинался с календаря в виде таблицы, в котором по дням были размечены церковные праздники. Таблицу завершала «Хронология сего года», в которой начальная, библейская датировка событий вписывалась в нецерковное, историческое время, разделенное по принципу пирамидальности, от одного-двух значимых фактов с персоналогическим планом («от рождения Ея Величества... Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския» и т. д.) до событий «большой» (международной) и «малой» (русской) истории («От зачатия Санкт-Петербурга» и т. д.). Канва исторических событий тем самым приводилась в систему, их отбор

происходил не стихийно, а по структурированной семантике «пышных побед», покорения государством неосвоенного пространства вокруг. Персоналогический план конкретизировался сообщением о «высоких праздниках» – рождениях особ Императорского дома, после чего следовал раздел «О четырех временах года». В итоге можно сказать, что составитель придерживался двухчастной формы деления журнала с опорой на иерархически выстроенную композицию: а) первая часть – общая, «парадная», б) вторая – научно-литературная, развивающая основополагающие установки первой.

Заметке о Бухарии предшествовал рассказ о народах, живших в древности по берегам трех морей (Азовского, Черного и Каспийского), а также северного Дуная, – это все зоны российской военной экспансии; экскурс в основы астрономических знаний; справка об Иване IV Грозном (дана как энциклопедическая статья с изложением биографий монарших жен). После «Известий» располагался актуальный материал о пограничных линиях Российской империи. В таком расположении статей есть своя логика: она привязана к мысли о территориальном господстве страны, ее постоянном расширении.

В самой заметке – если переходить к ее содержанию – сведения о местоположении Бухарского эмирата чередуются с фактами политико-исторического ряда. Автор разделяет Бухарию на «большую» и «малую». Первая локализуется в пустынной зоне между реками Сырдарья и Амударья, впадающими в Аральское море. Она состоит из «*владений, имеющих особливых Ханов, или управляющихся самих собою*» [8, с. 113], – речь идет о землях, которые находились под протекторатом бухарских властей. Показательно, что автор, разъясняя смену течения рек, оперирует «*слухами*», имеющими отношение к России, и разоблачает их, ссылаясь на ученые аргументы. «Слухи» заключались в том, что, согласно древним теориям, эти реки, именовавшиеся в греко-латинском изводе «Оксусом» и «Яксартом», впадали в Каспийское море, но позднее народы, обитавшие по берегам рек, якобы спасаясь от воинственных походов Петра I, их запрудили, отведя течения к Аралу. Вопрос о том, в какое море впадали Амударья с Сырдарьей, был предметом давней дискуссии: на этот счет средневековыми учеными высказывались разные предположения. Одно из них сводилось к тому, что некогда существовавшее русло Амударьи было перекрыто кочевыми племенами, чтобы удержать в повиновении селения, расположенные в низовьях, по причине чего сообщение вод с Каспием оказалось невозможным. Взгляд этот (не совсем

⁶ В календаре за 1713 г. сообщение о зиме включало гравированный рисунок женщины, которая в одной руке держала сальную свечу – знак сокращения дня, а в другой – чашу с дымной золой – приметку топки печей; сообщение о весне иллюстрировалось гравюрой рослой женщины с царской короной на голове и цветами в обеих руках; то же лето; а осень «разъяснялась» образом женщины с кубком, откуда шел огонь (под ее ногами, на земле, были разбросаны плоды осеннего сезона в узнаваемых контурах: тыква, виноград, репа, листья).

⁷ Вот образец его художественного письма – стихотворный эпиграф к упомянутому календарю: «*Морозов, иль тепла, иль мрачных дней, иль ясных: / Погоды тихия, иль ветров преужасных, / Иль ведра, иль дождя со снегом должно ждать: / Правдив сей календарь и век не может лгать*».

обоснованный, впрочем) циркулировал в XVI–XVII вв. [10, с. 48], поэтому он не может быть отнесен к Петру I. Вероятно, мы имеем дело с наложением событий: автор мог либо вычитать, либо услышать об этом с опорой на рассказы «туземцев», реальные или мнимые. В этом, мистифицированном, случае могли подразумеваться легенды о том, что берега Амударьи были покрыты золотыми песками и что хивинцы, желая скрыть природную «реалию» от русских, соорудили дамбу, чтобы сток воды был перенаправлен (см.: [11]).

Петр I, мы знаем, вынашивал план поворота течения Амударьи с Аральского моря в Каспийское. Этим способом, исходя из геодезических и топографических знаний в России начала XVIII в., он хотел проложить речной путь в Индию. В период с 1714 по 1717 гг. царь отправлял экспедиции для изучения прежнего, каспийского русла. Экспедиция 1717 г. была выслежена хивинским ханом и истреблена. Автор объясняет смену направлений рек землетрясением, которое привело к возникновению Арала. «Слух» о громадном обвале заставил Петра I, по версии автора, в 1715 г. (неточность: указ о снаряжении миссии был издан годом раньше) послать в Среднюю Азию капитан-поручика Александра Бековича-Черкасского, который составил первую научную карту Каспийского моря.⁸

«Малой Бухарией» автор называет саму Бухару – город, в котором живут купцы и цеховые ремесленники. Вокруг города в передвижных кибитках обитают скотоводы, которых автор обозначает по их этнониму («узбеки»), оговаривая, что они рьяно, с неистовой энергией оберегают ареал своего расселения («караваны часто принуждены бывают откупаться от них подарками» [8, с. 115]).

Помимо Бухары, в заметке дается описание близлежащих городов.

Самарканд характеризуется в качестве города с былой славой. Он – «обиталище наук» [Там же, с. 116]. Главное внимание вызывает его библиотека. Автор в ней не был: говоря о ее фондах, он ссылается на чужие рассказы: «сказывают, что

тамошняя библиотека состояла из знатного количества книг» [Там же, с. 116].

Хива для автора – в первую очередь область. Одним из крупных ее городов признается Ургенч (находится, по уверению автора, не бывавшего там, в 20 днях езды от Каспийского моря⁹), в котором жили ханы, избираемые узбекским населением; торгового рынка в нем нет. Зато Хива как столичный город, центр края, по понятным мотивам изображается в негативном свете. Хива – «гнездо разбойников», куда свозят пленных и продают; место гибели Александра Бековича и членов его свиты [Там же, с. 117]. Автор с колебанием, без твердой уверенности относит время возникновения города к периоду после Ивана Грозного.

Туркестан представлен как город богатой культурной жизни, пришедшей в упадок. «Страна тюрок» – так автор переводит топоним «Туркестан». Опираясь примерным числом дворов, он описывает состояние построек. «Оные суть худые», – заключает автор, имея в виду то, что они невзрачные, неприметные, сделаны из глины и обожженного кирпича [Там же, с. 118].¹⁰ Туркестан – не торговый город; население занято земледелием и скотоводством.

Ташкент в интерпретации автора – город более живой, многолюдный. Торговля – главное занятие его жителей. Караваны из Ташкента бьют в Сибирь.¹¹

⁹ О том, что автор не был в Ургенче, как и в других городах Средней Азии, можно судить по одной его обмолвке. Она позволяет сделать вывод, что при написании заметки автор пользовался материалами английской купеческой и дипломатической переписки, а также трудами английских ученых (в оригинале или переводе). На стр. 117 написано: «из описания их <англичан; курсив наш. – Р. Б., Н. С.> торговли видно, что Ургенч лежит расстоянием 20 дней езды от Каспийского моря, <...>, под 42° 18' высоты полюса <...>» [Там же, с. 117].

¹⁰ Сходные детали (внимание к количеству дворов, указание на кирпич, используемый при постройке жилья) встречаются в травелог о Хиве купца Даниила Рукавкина, посетившего Среднюю Азию в середине XVIII в. («Описание пути от Оренбурга к Хивы и Бухарам, бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Даниила Рукавкина»).

¹¹ Сибирь – место купеческой экспансии выходцев из Средней Азии, начало которой было положено в период распада Золотой Орды и образования нескольких татарских ханств. Духовная элита Сибирского ханства, как известно, была представлена среднеазиатскими суфийскими миссионерами в основном тариката Накшбандий.

⁸ Бекович погиб во время похода 1717 г., когда русские отряды, двигаясь к Хиве, по просьбе хана Ширгази, разделились на несколько частей, чтобы удобно, без скученности, разместиться в столице ханства и его окрестностях. Ширгази пригласил Бековича в свой шатер на берегу Амударьи, а затем, изолировав офицера, пленил и приказал отсечь ему голову. Голова петровского сподвижника была преподнесена бухарскому эмиру, но тот отказался принять этот страшный дар.

Заметка включает каталог племен и народов Средней Азии, представленный не объективно, в отстраненном описании, а в оценочном ключе, выражающем не только личный, но общеимперский взгляд на них.

Туркмены – жители восточного берега Каспийского моря – «дикий и грабительный народ», занимающийся земледелием, но, в отличие от узбеков, пренебрегающий торговыми делами [Там же, с. 120]. Автор аттестует туркмен как людей хитрых, склонных к обману, готовых ограбить и убить неосмотрительного чужеземца. Осторожность – основная стратегия общения с ними.

Аральцы – ветвь узбекского народа – живут на берегу Аральского моря. Торговлей не занимаются. Места их обитания безопасны для караванов.

Каракалпаки – «люди худой славы», не пренебрегающие грабежом [Там же, с. 121]. Вместе с тем автор стремится устранить от них распространенные обвинения: каракалпакам по заблуждению приписывается многое из того, что совершают степняки, склонные к авантюризму. Это стремление не случайно; оно обосновывается тем, что русские о каракалпаках, в сравнении с другими народами Средней Азии, знали больше: часть этноса, обитавшего в низовьях Сырдарьи, взаимодействовала с русским населением, особенно после того, как Оренбург был утвержден в правах «для отворения пути» в Бухарию.

Киргиз-кайсаки, кочующие на огромных степных просторах от Урала до Иртыша, торгуют лишь скотом, выменивая его на нужные вещи. Они подразделяются на три «орды»: «большая», «средняя», «меньшая». Первая названа так по знатности происхождения; вторая и третья находятся в подчинении у России, в том числе тем часто употребляемым способом, когда, чтобы договор не нарушался, одна сторона брала у другой «заложников» («аманат»); Оренбург нередко и выступал тем местом, где дети казахских ханов и султанов должны были находиться после заключения соглашений (см.: [12]).

Бухарцы – сплошь купцы. До взаимодействия с Россией они вели сухопутную торговлю, снаряжая караваны; при царе Алексее Михайловиче им открылась возможность ходить водным путем по Каспию на российских судах. Караванная дорога из Оренбурга в Хиву и Бухару стала обрывать опорными пунктами. Тем не менее, поскольку дорога остается опасной, автор предлагал установить для русских купцов рынок в Астрабаде, на южной окраине Каспийского моря, чтобы путь в Бухарию проходил мимо Хивы, «разбойнического города» [Там же, с. 124]. Более

того, автор выражал желание, чтобы бухарцы тоже вывозили товары в этот транзитный город; а то, что осталось бы не раскупленным, русские, по замыслу, могли бы здесь продать иранцам.

Кто является автором этого сочинения? Вопрос остается открытым. Общее представление об авторе мы можем получить, исходя из текста заметки.

Автор «Известий о Бухарии» – человек образованный, владеющий материалом, который соответствует уровню познания своей эпохи. Ключевая особенность – совпадение личной позиции автора с имперским взглядом на среднеазиатский регион – место экономических инициатив и геополитических интересов России. Отсюда – деление народов на «цивилизованных» и «варварских», «своих» и «чужих». Так, каракалпаки – в целом «чужие», однако из-за вхождения их в орбиту имперского влияния почти «свои», как следствие – попытка автора снять с них стереотипы, приписываемые казахским племенам, отношение с которыми в конце XVIII в. были далеки от урегулированных. Показательно, что речи о цивилизующей роли России в «Известиях о Бухарии» нет.¹² В координатах вестернизированной империи данный дискурс оформится позднее. Пока сфера коммуникации ограничивается тактикой взаимовыгодной торговой деятельности; символична концовка текста, в которой автор аргументированно (с российской точки зрения!) предлагает купцам двигаться в обход Хивы, чтобы на новом месте заложить альтернативный пункт встречи русских и бухарцев; Хива «награждается» перечнем слов отрицательной коннотации (вражий стан, царство разбоя и грабежа, где отсутствуют правила, цивилизованные нормы; учет иной логики суждения не предусмотрен).

По формальным критериям перед нами – научная статья, что отражено в заголовке.¹³ В процессе подготовки автор мог пользоваться европейскими источниками о Средней Азии.¹⁴ В то же время академизм характеристик разбавляется

¹² В «Казанской истории», мы говорили, эта роль фигурировала в религиозном виде (захват Казани и планомерное движение на Восток как распространение света православной веры; ср. концепцию «Москва – третий Рим»).

¹³ «Известия» – «сообщение», «доклад», «выступление».

¹⁴ В XVIII в. к трудам европейцев о Востоке могли обращаться и те, кто, посетив край и делаясь впечатлениями, создавал сочинения, претендующие на статус художественных, как это было в случае офицера Ф. С. Ефремова, оставившего путевые записки о Средней Азии, Тибете и Индии (см.: [13]).

в ней публицистичностью высказываний автора, его пристрастностью, ангажированностью. По жанровой природе это «гибридный» текст.

К «чистым» травелогам данное произведение не принадлежит: в нем мы не обнаруживаем полноценного субъекта повествования. Автор в описанных местах не бывал; он ограничивается усредненным типом среднеазиатской жизни; его кругозор носит книжный характер. На чужой мир отсутствует взгляд изнутри; его и не может быть из-за дефицита опыта живого общения с людьми другой культурной традиции. В тексте мы не находим этнографического изображения представителей среднеазиатских народов (портретов, религиозной аксиологии) с интерпретирующей оценкой. Мало сказано о природе края (флора и фауна), достопримечательностях, ритмах жизни вне ритуалов и церемоний.

И все-таки определенные компоненты литературности в тексте имеются: четкая композиция, логика изложения, речевая система с ее ориентацией на лаконизм синтаксических конструкций. Публицистичность позиции автора делает сочинение не травелогом, но в чем-то приближенным к нему.

«Известия о Бухарии» мы рассматриваем как ранний этап становления научно-художественного модуса о Средней Азии. Они ценны как предыстория среднеазиатского нарратива. Наивно, в корне неправильно было бы требовать от подобных текстов тех жанровых признаков, которые сформировались позднее, в других историко-культурных обстоятельствах.

Список источников

1. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. Т. II: Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. СПб.: Наука, 1997. 746 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. XIV/XV: Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Наука, 1978. 452 с.
4. Авченко В. О. Литературные первопроходцы Дальнего Востока. М.: Молодая гвардия, 2021. 255 с.
5. Пономарев Е. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 33–44.
6. Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsell (author of «Through Siberia») in two volumes. Vol. 2. London: Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington 188, Fleet Street. 1885. 732 p.
7. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.

8. Известия о Бухарии // Месяцеслов исторический и географический за 1779 год. СПб., 1779. С. 113–126.

9. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 421 с.

10. Маджидов О. Ш. Куда впадала река Амударья: палеогеографическое исследование // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2012. № 3–4. С. 45–54.

11. Бурштейн Е. Ф. «Песочное золото» в России: путешествие Матвея Снегирева в 1790 году // Природа. 2012. № 6. С. 67–73.

12. Избасарова Г. Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.

13. Бекметов Р. Ф. Тибет в русской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 189–194.

References

1. Goncharov, I. A. (1997). *Polnoye sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Complete Collection of Works: In 20 Volumes]. Vol. II: Frigate "Pallada": ocherki puteshestviya v dvukh tomakh. 746 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
2. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i pon'atii* (2001) [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Pod red. A. N. Nikol'ukina. 1600 stb. Moscow, NPK "Intervak". (In Russian)
3. Chekhov, A. P. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 Volumes]. Vol. XIV/XV: Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin. 452 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Avchenko, V. O. (2021). *Literaturnye pervoprophodtsy Dal'nego Vostoka* [Literary Pioneers of the Far East]. 255 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
5. Ponomarev, E. (2017). *Russkii imperskii travelog* [Russian Imperial Travelogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (144), pp. 33–44. (In Russian)
6. *Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsell (author of "Through Siberia") in two volumes*. (1885). Vol. 2. 732 p. London, Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington 188, Fleet Street. (In English)
7. Tikhomirov, M. N. (1960). *Prisoedinenie Merva k Rosii* [The Accession of Merv to Russia]. 239 p. Moscow, izd-vo vostochnoi literatury. (In Russian)
8. *Izvestiya o Bukharii* (1779) [News about Bukhara]. *Mesya'tseslov istoricheskii i geograficheskii za 1779 god*. Pp. 113–126. St. Petersburg. (In Russian)
9. Loseva, O. V. (2001). *Russkie mes'yatseslovy XI–XIV vekov* [Russian Moneths of the 11th–14th Centuries]. 421 p. Moscow, Pam'yatniki istoricheskoi mysli. (In Russian)
10. Madzhidov, O. Sh. (2021). *Kuda vpadala reka Amudar'ya: paleogeograficheskoe issledovanie* [Where the Amudarya River Flowed: A Paleogeographical

Study]. Tsentral'noazatskii zhurnal geograficheskikh issledovani. No. 3–4, pp. 45–54. (In Russian)

11. Burshtein, E. F. (2012). *“Pesoshnoe zoloto” v Rossii: puteshestvie Matveya Snegireva v 1790 godu* [“Golden Sand” in Russia: The Journey of Matvey Snegirev in 1790]. Priroda. No. 6, pp. 67–73. (In Russian)

12. Izbasarova, G. (2017). *Amanat v traditsionnom kazakhskom obschestve i rossiiskoi politike XVIII v.*

[Amanat in the Traditional Kazakh Society and Russian Politics of the 18th Century]. Rossiiskaya istoriya. No 1, pp. 103–112. (In Russian)

13. Bekmetov, R. F. (2016). *Tibet v russkoi literature* [Tibet in Russian Literature]. Filologiya i kul'tura. No. 2 (44), pp. 189–194. (In Russian)

The article was submitted on 27.03.2024

Поступила в редакцию 27.03.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Сабилов НEMAT Казакбаевич,
старший преподаватель кафедры русской
филологии,
Ферганский государственный университет,
712000, Республика Узбекистан, Фергана,
Муррабийлар, 19.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Sabirov Nemat Kazakbayevich,
Assistant Professor in the Russian Philology
Department,
Ferghana State University,
19 Murabbillar Str.,
Ferghana, 420008, Republic of Uzbekistan.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

УДК 811.13

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-102-109

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РУМЫНСКО-МОЛДАВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК М. ЭМИНЕСКУ И И. КРЯНГЭ)

© Анастасия Бурчанова

THE SYSTEM OF IMAGES IN ROMANIAN-MOLDOVAN FOLKLORE (BASED ON THE FAIRY TALES BY M. EMINESCU AND I. CREANGĂ)

Anastasiia Burchanova

The article deals with the system of images in the magic fairy tales by M. Eminescu and I. Creangă. The research purpose is to determine the invariant features of the characters in Romanian-Moldovan folklore, to contrast the authors' images of the characters with their prototypes and to compare the systems of images of both M. Eminescu and I. Creangă. The nominative approach allows us to find out how this specificity is manifested in the fairy tale texts through the names of various characters. The article covers detailed descriptions of Romanian-Moldovan magic fairy tale personages. These include positive characters, such as Făt-Frumos and Ileana Cosânzeana, as well as villains, for instance, Muma Pădurii, Statu-palmă-barbă-cot and Zmeul. The classification of characters is based on the V. Propp and E. Meletinsky approach to the magic fairy tale. The article studies primary and secondary nominations of magic fairy tale personages and determines their stylistic, national and cultural potential. The study shows that the image of a character is formed through the use of nominations, whose semantics indicates certain attributes of the personage under consideration. These attributes include the character's name, age, appearance, moral virtues, occupation and place of residence. Some nominations can have a number of positive meanings and play a pivotal role in shaping the ideal image of the protagonist. In magic fairy tales, antagonists are presented by means of nominations with negative semantics.

Keywords: system of images, Romanian-Moldovan folklore, magic fairy tale, nomination, M. Eminescu, I. Creangă

Статья посвящена системе образов, представленной в волшебных сказках М. Эминеску и И. Крянгэ. Цель нашего исследования – определить инвариантные характеристики персонажей румынско-молдавского фольклора, сравнить авторские образы героев произведений М. Эминеску и И. Крянгэ с их прототипами и сопоставить системы образов обоих писателей. Номинативный подход позволит определить, как данная специфика проявляется в тексте сказки через призму наименований различных персонажей. В статье представлены развернутые описания румынско-молдавских сказочных героев. К ним относятся положительные герои, такие как Фэт-Фрумос и Иляна Косынзьяна, а также отрицательные персонажи – Мума Пэдурий, Стату-Палмэ-Барбэ-Кот, Змей. Классификация персонажей выполнена на основе подходов к волшебной сказке В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского. Нами были изучены первичные и вторичные номинации сказочных героев и определен их стилистический и национально-культурный потенциал. Было установлено, что образ персонажа формируется через употребление номинаций, семантика которых указывает на определенные атрибуты рассматриваемого нами героя. Эти атрибуты включают имя персонажа, его возраст, внешность, внутренние качества, ремесло, место жительства. Некоторые номинации могут передавать целый ряд положительных значений и играть большую роль в построении идеального образа главного героя. Антагонисты представлены в сказках при помощи наименований с негативной семантикой.

Ключевые слова: система образов, румынско-молдавский фольклор, волшебная сказка, номинация, М. Эминеску, И. Крянгэ

Для цитирования: Бурчанова А. Система образов в румынско-молдавском фольклоре (на материале сказок М. Эминеску и И. Крянгэ) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 102–109. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-102-109

Введение

Образы, представленные в фольклоре, обладают национально-культурной спецификой. Это выражается в облике и характере героев, а также в типичных для них сюжетных схемах. Одним из жанров фольклора, или народного творчества, является сказка. В. Я. Пропп выделяет несколько видов сказок, но мы подробно остановимся на одном из них – на волшебной сказке. В основу данного вида закладывается не «волшебность» происходящих в сказке событий, а наличие четкого и точного композиционного единства произведения [1, с. 29]. В. Я. Пропп также предлагает классификацию, состоящую из семи сказочных персонажей, каждому из которых присущ определенный набор функций и атрибутов (облик, особенности появления и жилище): (1) герой (протагонист), (2) вредитель (антагонист), (3) даритель, (4) волшебный помощник, (5) отправитель, (6) ложный герой, (7) царевна (отец царевны) [2, с. 77, 81].

Датский фольклорист А. Ольрик в статье «Строение сказки: эпические законы народной поэзии» пишет, что сказка строится на сочетании определенных персонажей, которые призваны выражать некую идею [3, с. 385]. Протагонист всегда находится в центре сказки, и его приключения лежат в основе единства сюжета. Помимо формального главного героя (чаще всего, как отмечает А. Ольрик, этот герой – мужчина), большой интерес вызывает личность женщины, которая по своему значению или приближается к собственно главному герою, или даже становится на один уровень с ним [Там же, с. 388]. В волшебной сказке возникает образ «настоящего» героя, протагониста, который при этом является человеком, а не воплощением сверхъестественного существа. Е. М. Мелетинский полагает, что в сказке существует два основных типа героя. Один из них – эпический герой с благородным происхождением. Он добр, красив, смел и способен на подвиги (в русских волшебных сюжетах таким является, безусловно, Иван-царевич). Второй – «низкий», или демократический, герой. Он, как правило, занимает низкое социальное положение, нередко он ленив, глуп и прост. Этот персонаж отвергнут обществом, гоним и презираем, но, несмотря на это, он начинает совершать подвиги или получает поддержку от волшебных сил [4, с. 179–180].

Волшебная сказка, вопреки своему определению, воссоздает реальную действительность. В ней можно обнаружить отражение различных бытовых и социальных аспектов, среди которых обязательно присутствует некий конфликт. Наиболее распространенным типом конфликта в

волшебной сказке является семейный. Как утверждает Е. М. Мелетинский, сказка «рисует семейную ситуацию» [Там же, с. 7]. Действительно, персонажи сказок часто связаны родственными отношениями, а характерные образы падчерицы, сироты, младшего сына или младшей дочери знакомы многим. И именно вышеупомянутые герои считаются «низкими», поскольку они фактически проживают семейный конфликт (теряют близких родственников, подвергаются гонениям со стороны семьи), но преодолевают все невзгоды и в конце концов обретают счастье. Идеализированный демократический герой становится олицетворением общественного идеала, а его счастливая судьба служит средством его достижения [Там же, с. 13–14].

Большинство исследований волшебной сказки выполнено в рамках антропологического, исторического, философского и других подходов. Вместе с этим остается актуальным изучение сказочных образов с точки зрения номинативного аспекта. Система образов в сказке выстраивается посредством различных номинаций. В. Г. Гак рассматривает номинацию как «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [5, с. 317]. Выделяются первичная и вторичная (или повторная) номинации. Первичная номинация вводит персонажа в повествование и определяет его индивидуальные особенности (имя, возраст, пол, род занятий и иные характеристики) [6, с. 72]. При вторичной номинации происходит наименование ранее упомянутого в тексте персонажа. Обозначение уже известного героя дает возможность для модификации наименований, имеющей, в свою очередь, ярко выраженную стилистическую функцию [5, с. 526].

Методология и источники

Настоящее исследование выполнено на материале двух волшебных сказок, написанных на румынском языке: сказки М. Эминеску «Făt-Frumos din lacrimă» («Фэт-Фрумос из слезы рожденный») (1870) [7] и И. Крянгэ «Făt-Frumos, fiul ierei» («Фэт-Фрумос, сын Кобылицы») (1877) [8]. Уроженцы Молдавского княжества М. Эминеску и И. Крянгэ были хорошими друзьями, а их работы публиковались в известном литературно-художественном журнале «Convorbiri literare» («Литературные беседы»). Обращение к данным произведениям обусловлено тем, что в качестве протагониста выступает один и тот же персонаж. Целью нашего исследования является выявление инвариантных характеристик типичных героев румынско-молдавского фольклора и их сопоставление с системой сказочных образов,

выстроенной в произведениях М. Эминеску и И. Крянгэ. Анализ включает классификацию героев в соответствии с подходами к волшебной сказке В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского, изучение выбранных авторами номинаций героев, определение роли последних в создании системы сказочных образов, а также выделение их стилистического и национально-культурного потенциала. Несмотря на то что каждый автор сохраняет за собой право вносить изменения в образ того или иного персонажа, он редко отходит слишком далеко от сложившегося фольклорного канона. Наша работа опирается на описания румынско-молдавских сказочных персонажей, представленные в исследованиях М. Олинеску, О. Бырля и Э. Лозована. В ходе исследования применяются такие методы, как сопоставительный анализ (для сравнения образов авторских персонажей с прототипами фольклора, а также сравнение системы образов двух писателей), семантический, этимологический, лингвокультурный, стилистический и контекстуальный анализ лексических единиц (для выявления ситуативного значения лексемы, ее национально-культурных характеристик).

Результаты и обсуждение

Герои румынско-молдавского фольклора чрезвычайно разнообразны. Они переходят из сказки в сказку, действуют в различных сюжетах и окружают себя всевозможными волшебными помощниками, сохраняя неизменными определенные черты (внешность, характер и другие атрибуты любого сказочного персонажа). Одно из наиболее полных описаний сказочных героев представлено румынским исследователем М. Олинеску в работе «Румынская мифология» [9]. О сказочных образах писали также О. Бырля [10] и Э. Лозован [11], к работам которых мы обращаемся в ходе исследования. Рассмотрим характеристики популярных образов румынско-молдавского фольклора, к которым относятся Фэт-Фрумос, Иляна Косынзяна, феи, волшебный конь, Сфармэ-Пятрэ, Стрымбэ-Лемне, Мума Пэ-дурий, Полночь, Стату-Палмэ-Барбэ-Кот, Скараоски и Змей.

Ни одно описание румынского и молдавского народного творчества не может обойтись без упоминания Фэт-Фрумоса, известного сказочного персонажа. Его имя состоит из двух лексем (рум. *făt* 'юноша', *frumos* 'красивый'), семантика которых указывает на его молодость и внешнюю красоту. Фэт-Фрумос также обладает внутренней красотой и невероятной храбростью. Ему присущи все положительные качества, характерные для героя. Хотя у Фэт-Фрумоса нет сверхъесте-

ственных способностей, ему помогают феи, добрые силы и даже Богородица. Жизнь Фэт-Фрумоса – это непрерывная борьба с врагами, над которыми он после трудного, но увлекательного приключения всегда одерживает победу [9, с. 340]. Невестой Фэт-Фрумоса является Иляна Косынзяна (рум. *Ileana Cosânzeana*) или Сынзиана (рум. *Sânziana*). Как правило, Иляна – это дочь короля, красивая и храбрая девушка, руки которой просят принцы из самых разных королевств. Она выбирает Фэт-Фрумоса и становится его женой. Иляна настолько прекрасна, что там, где она ступает, зеленеют поля и распускаются цветы. Во многих сказочных сюжетах Иляну Косынзяну похищает Змей (здесь воплощается образ Иляны как «девы в беде»), но Фэт-Фрумос, узнав об этом, отправляется в его королевство, чтобы спасти свою возлюбленную. В схватке со Змеем Фэт-Фрумос одерживает победу и возвращает Иляну домой. Они живут долго и счастливо до самой смерти [Там же, с. 341]. Исследователь О. Бырля пишет, что в некоторых сказаниях Иляна представляется в образе феи или сестры Солнца, притворяющейся Луною. Образ Иляны идеализирован, она есть воплощение красоты, и ее имя в повествовании всегда сопровождают положительные эпитеты [10, с. 201]. Э. Лозован отмечает, что имя Сынзиана произошло от имени римской богини Луны Дианы (в греческой мифологии соответствует Артемиде). В румынском языке имя Дианы сохранилось со значением «фея» (рум. *zână*). Соответственно, римская святая Диана (лат. *Diana Sancta*) сначала стала именоваться Сынзианой (рум. *sân* 'грудь', 'душа' и *zână* 'фея'), а затем Иляной Косынзяной, нашедшей свое воплощение в фольклоре [11, с. 27]. Фэт-Фрумосу приходят на помощь добрые феи (рум. *zânele bune*). В фольклоре не обозначено точное количество фей, но считается, что есть феи цветов (*zână a florilor*), лесов (*zână a pădurilor*), птиц (*zână a păsărilor*), озер (*zână a lacurilor*). Как очевидно из их названий, образ фей тесно связан с природой. В сказках добрые феи помогают всем, кто борется за справедливость, любовь и красоту. В некоторых сюжетах фея может полюбить Фэт-Фрумоса и выйти за него замуж. Тогда она становится подобна смертной женщине [9, с. 308]. У Фэт-Фрумоса также есть верный спутник, волшебный конь, который помогает ему совершать подвиги. В фольклоре его называют *cal năzdrăvan*, где прилагательное *năzdrăvan* означает 'наделенный сверхъестественными способностями, обладающий даром предсказывать будущее, провидец, вещий'. Обычно волшебный конь притворяется тощей клячей, скрываясь в конюшне, где его на-

ходит Фэт-Фрумос. В разных сказках у волшебного коня разное количество сердец. Кроме того, у него может быть четыре, семь или двенадцать крыльев; он умеет летать быстро, как ветер, и легко, как мысль [Там же, с. 350]. Помощниками Фэт-Фрумоса являются добрые великаны Сфармэ-Пятрэ и Стрымбэ-Лемне. Стрымбэ-Лемне (рум. a strâmba ‘гнуть, искривлять’ и lemn ‘дерево’) – это великан, наделенный огромной силой. Он с легкостью сгибает деревья голыми руками, это его ремесло [Там же, с. 344]. Сфармэ-Пятрэ (рум. a sfârâma ‘давить, разбивать на мелкие кусочки’ и piatră ‘камень’), возможно, даже сильнее, нежели Стрымбэ-Лемне, потому что он может дробить камни и валуны и мутить воду их обломками [Там же, с. 346].

Мы рассмотрели положительных героев, однако существует и целый ряд антагонистов, с которыми Фэт-Фрумосу и его друзьям приходится сражаться. Отрицательной героиней является Мума Пэдурий (рум. Muma Pădurii, Мама pădurilor), имя которой означает ‘мать лесов’. Это страшная, уродливая старуха, обитающая в лесу. Ее внешний вид напоминает корявое дерево с сухими ветвями, а пряди волос похожи на змей [Там же, с. 320]. Мума Пэдурий знает все деревья в лесу, в котором она живет, и заботится о них, как мать. Нередко она ругает их или даже проклинает. Мума Пэдурий ненавидит людей, потому что они красивые, а она уродливая. Если она встречает человека, заблудившегося в лесу, то пугает его до смерти. Однако от нее можно защититься, перекрестившись [Там же, с. 321]. Мума Пэдурий крадет сон детей, но может забрать и самих детей, оставленных без присмотра [Там же, с. 322]. В некоторых сказаниях Мума Пэдурий изображается наполовину человеком, наполовину деревом; иногда – наполовину мужчиной, наполовину женщиной. Она ходит по лесу ночью, а днем прячется. Обычно Мума Пэдурий выглядит грустной и угрюмой, часто плачет, особенно когда деревья в ее лесу рубят [10, с. 241]. Другую отрицательную героиню зовут Полночь (рум. Miazănoapte). Старуха Полночь, подобно Муме Пэдурий, как правило, живет в старом лесу и скрывается днем из-за страха перед солнечным светом. Ночью она блуждает по дорогам, и, если ей доведется встретить случайного путника, она превращается в мягкую черноту и поглощает человека [9, с. 337]. Антагонист Стату-Палмэ-Барбэ-Кот носит имя, которое подчеркивает непропорциональность его тела (рум. statură ‘рост’, palmă ‘ладонь’, barbă ‘борода’, cot ‘локоть’), поскольку дословно оно переводится как ‘рост с ладонь, борода с локоть’. Это карикатурный и дьявольский персонаж, ко-

торый наслаждается болью, причиняемой им своим жертвам. Некоторые сюжеты изображают Стату-Палмэ-Барбэ-Кота как «начальника чертей» (иначе говоря, как дьявола), живущего под землей [10, с. 380–381]. Дьявол также часто встречается в румынско-молдавском фольклоре. Особенностью этого персонажа является тот факт, что у него достаточно много имен. Одним из таких наименований Дьявола в румынском языке является Скараоски (возможно – Скараоцки, а в русской переводческой традиции нередко встречается написание «Скараоцкий» подобно фамилии). Толковый словарь румынского языка определяет, что имя Scaraoschi (Scaraoțchi) происходит от (Iuda) Iscariotul [12]. Скараоски живет в аду, и при свете дня он не может никому причинить вред [9, с. 29]. Важным антагонистом в сказках является Змей (рум. Zmeul). Змей – это антропоморфное существо, которое при этом гораздо крупнее человека. У него свирепый вид, чешуйчатый хвост и огромная сила. Он постоянно сражается с Фэт-Фрумосом, который тем не менее всегда побеждает [Там же, с. 341]. Оружие Змея – палица. Встречая Фэт-Фрумоса, Змей спрашивает, будет ли их битва проходить на палицах, мечях или в честном поединке. Змей живет во дворце невероятной красоты, украшенном золотом и серебром, которые блестят под солнечными лучами. Королевство Змея окружено реками, иногда огненными, которые отделяют его от земель, где живут люди. Змеи часто влюбляются в прекрасных дам (как правило, это добрые феи или Ильяна Косынзана), похищают их и держат в заточении во дворцах [Там же, с. 342].

Изучив основные характеристики ряда героев фольклора, обратимся к персонажам сказок М. Эминеску и И. Крянгэ. Так, в сказке М. Эминеску представлены следующие герои: (1) король и королева, родители Фэт-Фрумоса, (2) Фэт-Фрумос, (3) молодой король из соседнего королевства, с которым враждовал отец Фэт-Фрумоса, (4) Мума Пэдурий, (5) Ильяна, дочь Мумы Пэдурий, (6) дочь Дженаара, (7) семиглавый кот, (8) Дженаар, (9) волшебный конь Дженаара о двух сердцах, (10) Господь и святой Петр, (11) король комаров, (12) король раков, (13) старуха Полночь, (14) служанка старухи Полночь, (15) волшебный конь Фэт-Фрумоса о семи сердцах.

В сказке И. Крянгэ действуют (1) волшебная Кобылица, мать Фэт-Фрумоса, (2) Фэт-Фрумос, (3) Сфармэ-Пятрэ, (4) Стрымбэ-Лемне, (5) Стату-Палмэ-Барбэ-Кот (Змей, Скараоски), (6) три феи, (7) три сына Змея, (8) орел.

Протагонистом сказки М. Эминеску выступает, несомненно, Фэт-Фрумос. Король и королева

– его родители. Одним из ключевых атрибутов персонажа является его чудесное рождение. Фэт-Фрумос М. Эминеску появился на свет из слезы Богородицы, перед иконой которой королева молилась о сыне. Другими религиозными образами, воплощенными в сказке М. Эминеску, являются Господь и его спутник, апостол Петр. Во время одной из земных прогулок Петр обратился к Господу с просьбой превратить ручей, которым стал Фэт-Фрумос после гибели от рук Дженера, обратно в человека, и Господь выполнил просьбу Петра. Строго говоря, в данном повествовании святой Петр и Господь становятся помощниками Фэт-Фрумоса. Антагонистами, которых победил Фэт-Фрумос, были Мума Пэдурий, Дженаар и старуха Полночь. Отправителем является король из соседнего королевства, который попросил Фэт-Фрумоса привезти ему красавицу-дочь Дженера. Волшебным помощником Фэт-Фрумоса становится конь о семи сердцах. У этого коня был брат, конь о двух сердцах, который помогал Дженаару. Еще одним волшебным помощником Дженера стал семиглавый кот. В качестве помощников выступают король комаров и король раков, благодарные Фэт-Фрумосу за то, что он спас их от гибели. Дарителем стала служанка старухи Полночь, передав Фэт-Фрумосу точильный камень, щетку и платок, которые затем превратились в скалу, дремучий лес и глубокое озеро. Интересен образ Иляны, невесты Фэт-Фрумоса. В сказке М. Эминеску Иляна – дочь Мумы Пэдурий, помогающая Фэт-Фрумосу победить мать, а затем становящаяся его нареченной.

Иную систему сказочных образов выстраивает И. Крянгэ. Фэт-Фрумос остается главным героем произведения, но форма его чудесного рождения меняется: в данной сказке он сын волшебной Кобылицы. Кобылица, мать Фэт-Фрумоса, становится его волшебным помощником и спасает своего сына от гибели. Еще одним помощником Фэт-Фрумоса является орел, которого автор вводит в конце произведения. Главный антагонист Фэт-Фрумоса И. Крянгэ – это Стату-Палмэ-Барбэ-Кот, который фактически объединяет в себе три образа – непосредственно карлика, а также Змея и начальника чертей Скароски. Стату-Палмэ-Барбэ-Кот похищает фей и прячет их в аду. У него есть три сына, которых Фэт-Фрумос побеждает в честной битве. Невеста Фэт-Фрумоса – одна из фей, самая младшая и самая красивая. Фэт-Фрумос освобождает ее из плена Змея. Образы Сфармэ-Пятрэ и Стрымбэ-Лемне неоднозначны. В начале повествования они представляются типичными вредителями, но, одержав победу над ними, Фэт-Фрумос дела-

ет их своими названными братьями и помощниками. В конце сказки Сфармэ-Пятрэ и Стрымбэ-Лемне, приобретая черты ложных героев, пытаются избавиться от Фэт-Фрумоса, однако он разгадывает их коварный план.

Возникает вопрос, какие номинативные единицы выбрал каждый автор для построения системы сказочных образов. В сказке М. Эминеску первичной номинацией протагониста становится его имя собственное (Făt-Frumos). Однако автор использует еще ряд вторичных номинаций, которые, функционируя в тексте, отражают различные черты внешности и характера главного героя. Такой номинацией является лексема *voinic*. Согласно толковому словарю румынского языка, данная лексема передает следующие значения: *tânăr* ‘молодой’, *bine făcut* ‘стройный, крепкий’, *chipeș* ‘красивый’, *viteaz* ‘храбрый’, *îndrăzneț* ‘решительный, дерзкий’ [12]. В данном случае можно наблюдать, что одна лексическая единица связана с такими атрибутами, как возраст, внешность и внутренние качества протагониста. В русской переводческой традиции *voinic* нередко передается как герой, богатырь или витязь. Следующей лексемой является *ficior*. Данная единица может выражать следующие значения: (1) *fiu* ‘сын’, (2) *băiat* ‘мальчик’; (3) *bărbat tânăr* ‘молодой человек’, (4) *neînsurat* ‘холостой’, (5) *flăcău* ‘юноша’. Первая группа значений (1–2) характеризует Фэт-Фрумоса таким, каким он предстает для своих родителей. Вторая группа сем (3–5) передает молодость героя и тот факт, что он не состоит в браке. М. Эминеску также использует для наименования Фэт-Фрумоса лексическую единицу *împărat* ‘король’, которая отражает социальный статус героя. Наряду с нею встречаются лексемы *păstor* и *păstoraș* (пастух – род деятельности). Разница между единицами *păstor* и *păstoraș* заключается в наличии у последней уменьшительного суффикса (ср. пастух и пастушок). Отметим, что в конце сказки М. Эминеску употребляет в отношении Фэт-Фрумоса номинацию *mîie* ‘жених’. Кроме того, в ходе повествования персонажи используют различные обозначения, обращаясь к протагонисту. Так, Полночь называет Фэт-Фрумоса *flăcăule* ‘юноша’, а ее служанка обращается к нему *bădică* (димиитив от *bade*). Интересно, что вежливое обращение *bade* используется, как правило, молодыми людьми в отношении старших или даже пожилых людей (в данном случае оно сближается с русским обращением «батюшка»). Однако нередко данное обращение приобретает оттенок иронии и может использоваться при обращении к мужчине, независимо от его возраста.

Подобно М. Эминеску, И. Крянгэ использует лексическую единицу *voinic* для характеристики своего героя. Автор вводит протагониста в повествование, используя лексему *băiet* (вариант существительного *băiat*), которая указывает на его юный возраст. Однако на уровне индивидуального стиля у двух авторов отмечаются расхождения. В тексте И. Крянгэ встречается обозначение *Fiul Ierei*, передающее волшебное происхождение главного героя. Обращает на себя внимание номинация, которую использует в речи волшебная кобылица, мать Фэт-Фрумаса: она обращается к сыну, как *dragul mamei* 'любимый мамин сын'. В конце повествования И. Крянгэ завершает образ Фэт-Фрумаса, употребляя в его отношении лексему *păzdrăvan*, и, таким образом, подчеркивает наличие у персонажа волшебных способностей.

Образ Иляны в сказке М. Эминеску символизирует женственность, любовь, верность и смиренность. Автор вводит героиню в повествование посредством номинации *o fată frumoasă*, подчеркивающей прекрасную внешность Иляны. М. Эминеску сравнивает ее с серебристой тенью («*o umbră de argint*») и феей волн («*zână a undelor*»), что, вероятно, восходит к уже упомянутому нами образу богини Луны Дианы. Кроме того, нареченную Фэт-Фрумаса также называют *mîreasa* 'невеста', *Peana împărăteasa* 'королева Иляна' и *împărăteasa cea oarbă* 'незрячая королева' (пока Иляна ждала Фэт-Фрумаса, она выплакала все слезы и потеряла зрение).

В произведении И. Крянгэ женой Фэт-Фрумаса становится добрая фея (*iubita lui soție* – его любимая супруга). В повествовании автор упоминает фей в собирательном смысле и использует номинации *trei zâne frumoase* 'три прекрасные феи' и *neveste* 'жены'.

Помощники Фэт-Фрумаса, Сфармэ-Пятрэ и Стрымбэ-Лемне, вводятся И. Крянгэ в повествование одинаковым способом, посредством номинации *un om*, за которой следует определительное местоимение *care* и указание на ремесло того или иного персонажа. Другим общим наименованием для обоих героев становится *frate de cruce*, поскольку они стали названными братьями Фэт-Фрумаса. Протагонист обращается к Сфармэ-Пятрэ, используя лексическую единицу *fărtate*, которая передает значения (1) *frate de cruce* 'названный брат', (2) *prieten nedespărțit al cuiva*, *legat de el prin jurământ până la moarte* 'чей-либо неразлучный друг, связанный с ним клятвой до самой смерти' [12]. Нередко Фэт-Фрумос обращается сразу к обоим друзьям, поэтому использует общие для них номинации: *tovarășii* 'верные спутники, компаньоны, люди, делающие

общее дело' и *fraților* 'братья'. Интересно, что до знакомства со Стрымбэ-Лемне Фэт-Фрумос называет его *dracul* 'черт', а Сфармэ-Пятрэ говорит о нем, используя лексему *băzdăganie* 'чудовище'. В сказке М. Эминеску волшебным помощником является конь. В начале повествования автор использует номинации *un tretin slab* 'тощий трехлесток' и *calul cel slab* 'тощий конь' для создания образа помощника (в сказочных сюжетах волшебный конь никогда не является главному герою в своей полной силе, поначалу он притворяется слабым и невзрачным). Однако впоследствии конь приобретает новые, волшебные черты: *calul frumos, strălucit, îmbătat de lumina aurită a soarelui* 'красивый, сверкающий конь, опьяненный золотым солнечным светом'.

Рассмотрим, как создаются авторами образы антагонистов. Мума Пэдурий в сказке М. Эминеску вводится в повествование посредством номинаций *Mama-pădurilor*, *muma* и *mama*. Распространенным является наименование *o babă*, в данном случае передающее негативную семантику (ведьма, старуха). Это наименование сопровождается эпитетами *bătrână* 'старая' и *urâtă* 'уродливая'. В отношении старухи Полночь также используется номинация *o babă*, сопровождаемая определением *care are șapte iere* 'у которой семь кобыл' и эпитетами *bătrână* 'старая', *zbârcită* 'сморщенная' и *vicleană* 'хитрая, коварная, жестокая, лицемерная'. Кроме того, встречается и следующая номинация героини: *Miazănoaptea* и *Miazănoaptea bătrână*. Таким образом, благодаря употреблению данных лексических единиц, автору удается создать образы истинных антагонистов – в данном случае коварной, жестокой старухи – и передать возраст, черты характера и внешности. Антагонистом в произведении И. Крянгэ является Стату-Палмэ-Барбэ-Кот. Интересен тот факт, что автор в одном персонаже сочетает три разных сказочных образа: (1) непосредственно *Statu-palmă-barbă-cot*, (2) *Zmeul* (Змей), (3) *Scaraoschi* (черт, Скараоски). Для создания образа персонажа используются единицы с ярко выраженной негативной семантикой *urieșul zmeilor* 'страшный, гигантский Змей' и *o pocitură* 'чудовище'.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам определить как традиционные характеристики персонажей румынско-молдавского фольклора, так и сугубо авторские атрибуты героев, представленные в сказках М. Эминеску и И. Крянгэ. Это стало возможным после классификации героев в соответствии с подходами к волшебной сказке В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского. Было

установлено, что Фэт-Фрумос – это протагонист, эпический герой, который, как правило, имеет благородное происхождение. Кроме того, нами были выделены персонажи-антагонисты, волшебные помощники, дарители и отправители. Такая классификация позволяет выявить функции героя, а в соответствии с функциями воссоздается и его образ. В свою очередь, образ каждого персонажа выстраивается посредством ряда номинаций, семантика которых указывает на определенные черты рассматриваемого нами героя. К первичным номинациям относятся имена собственные. Так, имя Фэт-Фрумаса фактически составлено из двух лексических единиц, значение которых отражает возраст персонажа и его внешность. Имя Иляны Косынзяны восходит к имени римской богини Дианы, которая с течением веков покинула пантеон богов и перешла в фольклор в качестве сказочной героини, феи. Следовательно, неслучайно то, что образ невесты Фэт-Фрумаса нередко связан с образами природы и Луны. В номинациях героев фиксируются их род деятельности, ремесло (имена Сфармэ-Пятрэ и Стрымбэ-Лемне указывают на то, что первый занимается тем, что разбивает камни, а второй – сгибает деревья), черты внешности (Стату-Палмэ-Барбэ-Кот), место жительства (очевидно, что Мума Пэдурий проживает в лесу), время расцвета сил (старуха Полночь боится солнечного света и днем прячется). Функционирующие в тексте вторичные номинации, выбираемые авторами сказок, также отражают различные черты внешности и характера героев. Некоторые лексемы могут передавать целый ряд положительных значений (как, например, лексические единицы *voinic* и *fișior*) и, соответственно, играть большую роль в построении образа протагониста. Определенные лексемы являются диминутивами (*păstoraș*) или носят оттенок иронии (*bădică*), что, несомненно, дает возможность передать как отношение автора к герою, так и отношения между двумя персонажами. Образы вредителей, или антагонистов, строятся через употребление номинаций, имеющих негативную семантику и сопровождающихся эпитетами с негативной коннотацией (так, например, наименование о *babă* встречается наряду с прилагательными *bătrână*, *urâtă*, *vicleană*). Дальнейшее исследование румынско-молдавского фольклора, безусловно, позволит выявить больше особенностей системы образов действующих персонажей. Проанализированные нами сказки были созданы в XIX в. и являются важными литературными памятниками румынско-молдавской культуры. В перспективе было бы интересно установить, остаются ли подходы к авторской волшебной сказ-

ке, актуальные для конца позапрошлого столетия, созвучными современной детской молдавской литературе или же в настоящий момент молдавские писатели придерживаются иных концепций и идей.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01635.

Список источников

1. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
2. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
3. Фольклор: Ранние записи / сост. В. М. Гацак, В. А. Бахтина. Отв. ред. Е. В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 464 с.
4. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Гусева С. С. Средства первичной и повторной номинации персонажа (на материале текстов А. П. Чехова) // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 71–78.
7. Făt-Frumos din lacrimă – Mihai Eminescu. URL: https://www.mihaieminescu.eu/opere/poveste/fat_frumos_din_lacrima.html (дата обращения: 15.04.2024).
8. Făt-Frumos, fiul iepei – Ion Creangă. URL: https://www.ioncreanga.eu/opere/povesti/fat_frumos_fiul_iepei.html (дата обращения: 15.04.2024).
9. Olinescu M. Mitologie românească. București: Editura SAECULUM I.O., 2001. 399 p.
10. Bîrlea O. Mică enciclopedie a poveștilor românești. București: Editura științifică și enciclopedică, 1976. 478 p.
11. Lozovan E. Dacia Sacra. București: Editura SAECULUM I.O., 1999. 254 p.
12. DEX.RO. Dicționarul explicativ al limbii române. URL: <https://www.dex.ro/> (дата обращения: 15.04.2024).

References

1. Propp, V. Ya. (1998). *Poetika fol'klora* [Poetics of Folklore]. 352 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
2. Propp, V. Ya. (2001). *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Tale]. 192 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
3. *Fol'klor: Rannie zapisi* [Folklore: Early Writings]. (2015). 464 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
4. Meletinskii, E. M. (2005). *Geroi volshebnoi skazki* [Hero of a Fairy Tale]. 240 p. Moscow, St. Petersburg, Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya. (In Russian)
5. Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. 768 p. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". (In Russian)

6. Guseva, S. S. (2015). *Sredstva pervichnoi i povtornoii nominatsii personazha (na materiale tekstov A. P. Chekhova)* [Means of Primary and Repeated Nomination of a Character (based on the texts of A. P. Chekhov)]. *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 71–78 pp. (In Russian)
7. *Făt-Frumos din lacrimă – Mihai Eminescu*. URL: https://www.mihaieminescu.eu/opere/poveste/fat_frumos_din_lacrima.html (accessed: 15.04.2024). (In Romanian)
8. *Făt-Frumos, fiul iepei – Ion Creangă*. URL: https://www.ioncreanga.eu/opere/povesti/fat_frumos_fiul_iepei.html (accessed: 15.04.2024). (In Romanian)
9. Olinescu, M. (2001). *Mitologie românească* [Romanian Mythology]. 399 p. Bucharest, Editura SAECULUM I.O. (In Romanian)
10. Bîrlea, O. (1976). *Mică enciclopedie a poveștilor românești* [Small Encyclopedia of Romanian Stories]. 478 p. Bucharest, Editura științifică și enciclopedică. (In Romanian)
11. Lozovan, E. (1999). *Dacia Sacra* [Sacred Dacia]. 254 p. Bucharest, Editura SAECULUM I.O. (In Romanian)
12. *DEX.RO. Dicționarul explicativ al limbii române* [The Explanatory Dictionary of the Romanian Language]. URL: <https://www.dex.ro/> (accessed: 15.04.2024). (In Romanian)

The article was submitted on 02.05.2024
Поступила в редакцию 02.05.2024

Бурчанова Анастасия Александровна,
инженер-исследователь,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 11.
anastasia.burchanova@yandex.ru

Burchanova Anastasiia Aleksandrovna,
Research Engineer,
St. Petersburg State University,

11 University Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
anastasia.burchanova@yandex.ru

УДК 811.161.1(=511.143)-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-110-115

КОНЦЕПТОСФЕРА БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «ЗИМА» В ЛИРИКЕ Ю. ШЕСТАЛОВА

© Виктор Гаврилов

CONCEPTOSPHERE OF THE BASIC CONCEPT “WINTER” IN YU. SHESTALOV’S LYRICAL POETRY

Viktor Gavrilov

The article presents a description of the conceptual sphere with the basic concept of “winter”, based on the lyrical poetry of the famous Mansi poet Yuvan Shestalov. The article develops philological regionalism as a current trend in literary criticism. Based on a conceptual analysis of two volumes of the poet’s poems from his complete works, the article suggests this conceptual sphere, proving the objective choice of the nearest periphery concepts by providing examples from the texts. The immediate periphery includes such concepts and their variants as “snow” (ice, blizzard, snowstorm, snow squall); “sleep”; “night” (stars, moon); “road” (skis, sleds, deer, movement, path); “fire” (bonfire, flame, hearth heat, hot tea, ray of sunshine, northern lights). The key conclusion is that winter for the lyrical hero is a time of discovery, a time of learning new things, moving forward, a time of love and creativity. This perception of winter and Ugra as a whole is at odds with the generally accepted perception of the northern region. We believe the presented analysis will help visualize the mental space of the peoples from the North and the “winter” concept functions in the poet’s lyrical poetry to better understand his individual works, at the same time evaluating his work as an integral, mobile and developing system.

Keywords: concept, conceptosphere, conceptual analysis, winter, lyrical poetry, text, Yuvan Shestalov, North

В статье представлено описание концептосферы с базовым концептом «зима» на материале лирики известного мансийского поэта Ювана Шесталова. Статья развивает такое актуальное направление в литературоведении, как филологическая регионалистика. Автор на основе концептуального анализа двух томов стихотворений поэта из полного собрания сочинений предлагает данную концептосферу, доказывая объективность выбора концептов ближайшей периферии примерами из текстов. Ближайшая периферия включает такие концепты и их варианты, как «снег» (лед, метель, буря, пурга), «сон», а также «ночь» (звезды, луна), «дорога» (лыжи, нарты, олени, движение, путь), «огонь» (костер, пламя, тепло очага, горячий чай, луч солнца, северное сияние). Ключевой вывод состоит в том, что зима для лирического героя – это время открытий, узнавания нового, движения вперед, время любви и творчества. Такое восприятие данного времени года и Югры в целом расходится с общепринятым восприятием северного края. Представленный анализ, по мнению автора, поможет нагляднее представить ментально пространство народов Севера, функционирование концепта «Зима» в лирике поэта, лучше понять отдельные его произведения, при этом оценивая его творчество как целостную, подвижную, развивающуюся систему.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальный анализ, зима, лирика, текст, Юван Шесталов, Север

Для цитирования: Гаврилов В. Концептосфера базового концепта «зима» в лирике Ю. Шесталова // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 110–115. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-110-115

Введение

Югорский край уникален. Он имеет свой неповторимый образ, который, безусловно, не мог не отразиться/воплотиться в произведениях местных авторов (художников, архитекторов, фи-

лософов, краеведов, но прежде всего – поэтов и прозаиков).

Процесс формирования образа края двусторонний. С одной стороны, географические, исторические, этнические, экономические, социо-

культурные, религиозные традиции Югорской земли накладывают отпечаток на образ жизни, поведение и, конечно же, мышление людей, проживающих на данной территории. С другой – люди (и прежде всего представители интеллектуальной элиты, творческих профессий) своими произведениями формируют образ северного края. Это «надпространство» или «не географическое пространство» можно назвать ментальным. Его свойства, характеристики постоянно обновляются, усложняются, уточняются. Почему образ не статичен, однако устойчив? Меняются поколения, технологии, Югра активно осваивается и заселяется. Однако стержневые компоненты этого ментального пространства и образа края остаются неизменными.

Югра – суровое место, где снег лежит 7-8 месяцев в году, а мороз в декабре-январе может достигать до минус 50-55 градусов. Край богат природными ресурсами, прежде всего нефтью и газом. Здесь красивая природа. Живут на этой земле в мире, добрососедстве северные народы (ханты и манси) вместе с теми, кто приехал осваивать этот край (всего в Югре проживает 139 национальностей). И при таком разнообразии культур, обычаев, верований мы утверждаем, что в рамках данного географического пространства сформировано единое ментальное пространство.

О целостности историко-географического образа Югорского края, закреплённого в сознании не только югорчан, но и большинства жителей нашей страны, говорит в одной из своих работ Е. И. Гололобов [1, с. 258].

Литературовед Д. В. Ларкович в настоящее время последовательно вводит в научный оборот понятие «югорский художественный текст», которое, по мнению автора, обладает четкими характеристиками, например идеологической вариативностью и внутренней противоречивостью. Но если мы говорим о югорском тексте как культурном феномене, некой целостной структуре, системе, подчиненной своим законам, то, по мнению автора, его целостность обеспечивается «единством авторских устремлений создать художественный образ уникальной по своему культурно-историческому, природному и этнонациональному ландшафту территории, сопричастность которой открывает для человека подлинный смысл бытия» [2, с. 49].

О целостности образа Югры (лингвокультурологический аспект) пишет и Т. А. Сироткина [3]. На основе мемуаров ссыльных, проживавших в Сургуте, автор выделяет концепты, лежащие в основе образа Югры дореволюционной: «Мороз, холода, ветры, река, северное сияние, рыба, лес и его обитатели, сбор кедрового ореха,

дорога, население (его неоднородность), быт, культур, образование, преобразование (в поэтических текстах), Югра» [Там же, с. 32–36]. Как видим, в дореволюционную эпоху северный край воспринимался как богатый, но суровый, таящий для его гостей опытности и угрозы.

На основании анализа довольно объемного корпуса писателей Югры, Т. А. Сироткина предложила следующий перечень концептов, которые, по ее мнению, являются основой формирования образа региона: «тайга, нефть, газ, северное сияние, Ермак» [Там же]. С целью определить перечень концептов, лежащих в основе восприятия родного края студентами, автор провела ассоциативный эксперимент среди обучающихся (группа студентов-филологов, 3 курс, СурГПУ). Студенты полагают, что в основе ментального образа Югры лежат такие концепты, как «нефть», «олени», «болото», «газ», «ханты», «рыба», «Комарова» [Там же, с. 46] (перечень представлен на основе количества выборов по убывающей).

Также описанию образа Югры серьезное внимание уделяется в учебно-методическом пособии коллектива сургутских ученых «Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста» [Там же].

Мы уверены, что образ Югры имеет целостный характер, несколько преломляясь всякий раз в произведениях югорских авторов. Целостность эта во многом определяется единой системой концептов, то есть устойчивых универсальных понятий культуры региона. Одним из них с уверенностью можно считать концепт «зима». Зима длится в Югре продолжительное время. Она во многом определяет особенности быта, ритуалы и верования, влияет на характер проживающих здесь людей и на ментальное поле югорчан в целом.

В этой связи цель данной статьи – описать концептосферу (ближайшую периферию) базового концепта «зима» в лирике известного мансийского писателя Ювана Шесталова.

Методы исследования

Основным, как следует из заглавия, для нас стал метод концептуального анализа в рамках лингвокультурологического подхода. Для формирования концептосферы с ядром «зима» были проанализированы лирические произведения Ю. Шесталова из полного собрания сочинений 1997 г. издания (тома 1 и 2) [4], [5].

Результаты и обсуждение результатов исследования

Север обычно воспринимается жителями центральной России как безжизненное простран-

ство, почти весь год занесенное снегом, где редко бывает солнце, где люди не живут, а выживают. В этом смысле представляет интерес работа Е. Н. Романовой и О. Э. Добжанской. Авторы считают, что в фольклорных текстах северных народов разрушается стереотип о пустоте, безлюдии этой части планеты (главным образом Арктики). Напротив, звучат голоса простых людей, героев, духов. Север – это то место, где соединяются Небо и Земля, реальное и сакральное, материальное и духовное [6, с. 261].

В этой связи следует сделать вывод о том, что традиционное восприятие севера жителями других регионов и восприятие родного края его жителями (как коренным населением, так и теми, кто приехал развивать Югру) довольно сильно отличаются. Зима с ее холодом, снегом, морозом и метелями большинством авторов воспринимается как чудесное время года, в котором есть и своя красота, и своя сила, и своя загадка. Иначе говоря, жители Югры не подавлены зимой, не прижаты к земле снегом, но сохранили способность видеть красоту мира, говорить о ней в стихах и прозе.

Нашу мысль подтверждают и исследования С. С. Динисламовой (она по национальности – манси). Рассуждая о творчестве мансийского поэта Ювана Шесталова, она отмечает: тепло нельзя воспринимать без холода. Холод имеет двойственную природу. Дневной холод несет добро, радость и надежду на лучшее. Ночной холод дает возможность человеку обдумать все, что произошло за день, это время одиночества [7, с. 54]. Поскольку Югра для манси – это родной дом, восприятие зимы здесь не резко негативное, а зачастую положительное, радостное.

Мы полагаем, что представить его, формализовать лучше всего в виде концептосферы, в которой, учитывая небольшой объем статьи, мы отразим лишь концепты ближайшей периферии. Но даже в таком виде, полагаем, образ зимы и ее восприятие народом манси, «голосом» которого был Юван Шесталов, станет более ясным и наглядным.

Стихов о зиме у Ю. Шесталова довольно много, и, пожалуй, можно утверждать, что эта тема в творчестве автора, наряду с темой любви, является одной из доминирующих.

Базовый концепт «зима» является достаточно сложным и многоплановым. На первый взгляд, восприятие зимы автором негативное: «*Пугай зима, гляди волчицею, / Бураном вой, гуди в трубе*» [4, с. 42]. То есть зима воспринимается как хищник, который рыщет в поисках жертвы. Однако при внимательном прочтении данного и многих других стихотворений становится оче-

видным, что герою не страшно. Он всегда способен отыскать в памяти что-то светлое, найти повод для радости. В данном стихотворении лирический герой и береза ждут тепла, весны, чтобы вновь испытать радость обновления, согреться в лучах теплого и доброго солнца.

В другом стихотворении автор пишет о том, что дума, размышления, а также любовь помогают пережить долгую холодную ночь, с радостью встретить новый день [5, с. 62]. Любовь для лирического героя Ю. Шесталова является часто синонимом весны, тепла, радости. Олицетворяет любовь у народа манси лесная фея по имени Мисне [4, с. 135].

Зимой для манси жизнь не замирает. Напротив, снежный простор зовет в путь, к открытию чего-то нового, неизведанного. И это тоже одна из положительных характеристик зимы:

«В морозной свежести Земля
И шубы в бисере на ней.
Зима спешит, снежком пыля,
Под стук копыт, под скрип саней» [Там же, с. 50].

Неслучайно слово «Земля» написано с прописной буквы. Зима приобретает вселенские размеры.

Да, зима, по Ю. Шесталову, часто бесконечна и объемлет весь мир, она сильна и постоянна («*Долгую зиму с иголками инея, / Вечную зиму с горами льда...*» [Там же, с. 104]), но парадокс состоит в том, что ее все-таки можно переждать, услышать весеннюю капель даже сквозь вой вьюги, вспомнить солнечный летний день, глаза любимой...

Зимой человек может быть счастлив. Эту мысль всем своим творчеством доказывает автор. Важно найти то, что вернет в сердце радость и веселье долгой пугающей зимней ночью. Это утверждение поэт повторяет в своих стихах неоднократно:

«Может быть, в улыбке тихой,
В светлой женской боли,
В жгучей вьюге, что волчихой
Рыщет в чистом поле?» [Там же, с. 249].

Задача человека, проявление его нравственной силы – это тихое счастье отыскать. И, возможно, оно состоит в преодолении трудностей, в способности пережить зиму и дожидаться весны, тепла:

«Может счастье здесь таится?
Все я принимаю...
Станет мальчик с бурей биться,
Пробиваясь к маю» [Там же].

Одним из центральных в творчестве Ю. Шесталова, безусловно, является концепт «снег» и его разновидности, варианты (лед, метель, буран, пурга). Для поэта важно не стать таким же холодным, бесчувственным, как этот снег. Он боится, что однажды (этот образ является сквозным) «*ледяным цветком навеки / Сердце прорастет!*» [Там же, с. 36].

Но зато какой восторг, какую радость, оставаясь человеком живым, тонко чувствующим красоту, можно испытать при виде первого снега:

«Свежий снег!
Первый снег.
Серьги снега
На сосне...
Что за радость –
Снег летит!» [Там же, с. 40].

И еще:

«Пушистый снег, морозный день
Зовут меня, мансийца, в лес» [Там же, с. 50].

Снег в светлое время суток для манси не враг, не угроза, а друг, соратник, часть природы и дома. Можно начать охоту, движение, жить полной насыщенной жизнью. В конце концов, снегом можно просто любоваться:

«Всюду снег – как белый,
Белый мех песцовый,
И река надела
Чистый плат пуховый» [Там же, с. 288].

Известно, что поэт много путешествовал, бывал за границей, встречался с известными людьми, видел великолепные памятники архитектуры и красоты южной природы. Но неоднократно и однозначно он говорит о любви к Родине, своему суровому, но полному загадок и открытий краю. Вот лишь одно из таких признаний: «*Я свой край, подруга, / В песнях воспеваю – / И на солнце юга / Век не променяю*» [Там же].

Снег, несмотря на свою красоту, для поэта всегда загадка, тайна. Как и зима, он все объемлет: «*Небо и земля. На земле снег. Ничего, кроме снега*» [5, с. 88]. Он укрывает от посторонних глаз нечто важное, сокровенное («*Как море – снег. Сугробов гребни / Лежат загадками вдали*» [Там же, с. 61]), но только не для поэта, ему всегда разгадка, поскольку таинственный и бескрайний снежный мир – его родной дом, знакомый с детства: «*Как учащенно сердце бьется! / Я – у себя, я – на снегу!*» [Там же].

Ночное время суток точнее всего представлено, по нашему мнению, концептом «сон».

Спит, конечно, не герой. Он, напротив, внимательный и чуткий наблюдатель. Спит все вокруг [4, с. 36].

Сны зимы с ранних лет лирический герой способен понимать, чувствовать, они, по сути, определили его дальнейшую судьбу: он стал поэтом.

Говоря о сне, нельзя не упомянуть о концепте «ночь» и ее атрибутах (звезды, луна): «*В морозном небе звезды хохлятся, / Лучами зябкими звеня*» [Там же, с. 342]. И еще: «*Как ночи зимние долги*» [Там же, с. 42]. Но зимние ночи, если нет метели, так же прекрасны, как и дни. Они ясны и прозрачны, можно попытаться увидеть их красоту, разгадать тайну. Ночь дарит поэту вдохновение, рождается песня. Состояние вдохновенного пения описано, например, в стихотворении «*Пойте, мои звезды!*»: «*Слышишь, небо звездное, / Как поет тайга? / Видишь, как морозные / Светятся снега!*» [Там же, с. 240]. Поет вся природа, и поэт не может молчать.

Значительное место в творчестве автора играет концепт «огонь» и его разновидности (костер, пламя, тепло очага, горячий чай, луч солнца, северное сияние). В зимние холода согревает костер на снегу или пламя очага в доме, а также горячий чай, разогретый на этом огне: «*Золотой огонь трещи, / Сердце нам разгорячи!*» [Там же, с. 134]. И далее: «*С пятой капли (чая. – В. Г.) ночью зимней / Целоваться захотим мы...*» [Там же]. И еще: «*У огня сидел с тобою, / Пил тепло земли своей*» [5, с. 179].

Автор пишет: «*Ты огня хранитель, славный Север*» [Там же, с. 71]. Что это за огонь? Это и электричество, и костер, и добрый огонь в глазах людей [Там же, с. 66]).

Лирический герой Ю. Шесталова растворяется в огненно-снежном мире, чувствует себя его неотделимой частью [Там же, с. 81].

Не будем забывать и о северном сиянии, которое следует отнести все-таки к концепту «огонь»: «*Наш огонь, / богатство наше, / Наших древних песен пламя*» [Там же, с. 277].

Но главный и самый долгожданный огонь для лирического героя – это, конечно, огонь солнца: «*В сердце луч врывается, / В сердце тает лед...*» [4, с. 282]. Солнце избавляет героя от страха стать подобным снегу и льду, позволяет чувствовать себя живым: «*На снегу пылает солнце / В небе синь без края*» [Там же, с. 290]. И, как только «*показался солнц глаз*» [Там же, с. 298], «*Сердцу слышится: идет / Радость в край родной*» [Там же]. Даже зимнее робкое солнце для Ю. Шесталова – это обещание радостных перемен, весны, доказательство, что долгая зима не навсегда.

Ожидание солнца, таким образом, «главная работа» северного человека [5, с. 617].

Еще один значимый концепт в лирике автора, непосредственно связанный с зимой, – «дорога» (лыжи, нарты, олени, движение, путь) [4, с. 44], [8, с. 40], [4, с. 101].

Итак, лирический герой Ю. Шесталова не считает зиму помехой для движения, развития, творчества, узнавания мира. Он – активный субъект в этом мире, но, в отличие от человека «с большой земли», не переустроитель родного края, а внимательный, чуткий наблюдатель, бережный хозяин, любящий сын: «Слышишь, сердце, хватит спать, / Нам пора в дорогу!» [Там же, с. 136].

Герой не одинок. С ним рядом любимая. Она готова разделить этот путь к постижению окружающего мира (как материального, так и духовного) [Там же, с. 138].

Зимняя дорога (читай: «жизненный путь») – это часто испытание, проверка человека на прочность: «Олень в упряжке познается, / а человек – в пути, в тургу...» [5, с. 61]. Но при этом движение вперед, развитие – величайшая для поэта ценность, жизненное кредо: «Нужны мне крылья да еще дорога, / Которой нет и не было длинней» [4, с. 238].

Мы видим, что зима, метель не помеха этому перманентному устремлению героя в неизведанное, радостному познанию мира, упорной работе души.

При описании концептосферы базового концепта «зима» мы опирались на методику концептуального анализа, предложенную Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным [8], которая базируется на семантическом выводе ключевых, смыслообразующих компонентов текста из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему, микротему, которая формируется «на основе слияния, сближения, стяжения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что обуславливает и определенную цельность концептосферы текста, а ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира...» [4, с. 58]. Как видно из предыдущего анализа, ближайшую периферию ядра концептосферы «зима» составляют пять основных концептов (см. рисунок 1).

Рис. 1. Концептосфера (ближайшая периферия) базового концепта «зима» в лирике Ю. Шесталова

Выводы

Все указанные концепты развивают, уточняют базовый концепт, разветвляясь, в свою очередь, в области дальней периферии, дробясь на новые смыслы. Мы уверены, что данная концептосфера поможет нагляднее представить функционирование концепта «зима» в лирике Ю. Шесталова, позволит лучше понять отдельные его произведения, при этом оценивая творчество автора как целостную, подвижную систему.

Список источников

1. Гололобов Е. И. Конструирование геоисторического образа Севера Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века в российском (советском) общественном сознании // Современная регионалистика: Сб. статей Всероссийской научной конференции. Сургут: РИО СурГПИ, 2016. С. 258–264.
2. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.
3. Динамика и константа в югорском языковом сознании: коллективная монография / М. Г. Бакшеева [и др.]; под общ. ред. Н. Г. Долженко. Ханты-Мансийск: Сектор ред.-издат. работы ЮГУ, 2019. 184 с.
4. Шесталов Ю. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997. 480 с.
5. Шесталов Ю. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997. 528 с.
6. Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263.
7. Динисламова С. С. Образ природы в творчестве Ювана Шесталова // Ежегодник финно-угорских исследований. № 2. 2010. С. 53–60.

8. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.

References

1. Gololobov, E. I. (2016). *Konstruirovaniye geoistoricheskogo obraza Severa Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – pervoi treti XX veka v rossiiskom (sovetskom) obshchestvennom soznanii* [Constructing the Geohistorical Image of the North of Western Siberia in the Late 19th –Early 20th Centuries in the Russian (Soviet) Public Consciousness]. *Sovremennaya regionalistika: Sb. statei Vserossiiskoi nauchnoi konf.* Pp. 258–264. Surgut, RIO SurGPI. (In Russian)
2. Larkovich, D. V. (2019). “Yugorskii tekst” kak literaturnaya real'nost': k postanovke problemy [“The Yugorsky Text” as a Literary Reality: On the Problem]. *Vestnik ugrovedeniya*. T. 9. No. 1, pp. 40–52. (In Russian)
3. *Dinamika i konstanta v yugorskom yazykovom soznanii* (2019) [Dynamics and Constants in the Yugra Language Consciousness]. Kollektivnaya monografiya. M. G. Baksheeva [i dr.]; pod obshch. red. N. G.

Dolzhenko. 184 p. Hanty-Mansiisk: Sektor red.-izdat. raboty YUGU. (In Russian)

4. Shestalov, Yu. (1997). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. T. 1. 480 p. St. Petersburg. Hanty-Mansiisk. (In Russian)
5. Shestalov, Yu. (1997). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. T. 2. 528 p. St. Petersburg. Hanty-Mansiisk. (In Russian)
6. Romanova, E. N., Dobzhanskaya, O. E. (2019). *Antropologiya kholoda: metodologiya, kontsepty, obrazy (na primere kul'turnykh traditsii korennykh narodov Severa i Arktiki)* [Anthropology of the Cold: Methodology, Concepts, Images (based on cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic Region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 35, pp. 255–263. (In Russian)
7. Dinislamova, S. S. (2010). *Obraz prirody v tvorchestve Yuvana Shestalova* [The Image of Nature in the Works of Yuvan Shestalov]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. No. 2, pp. 53–60. (In Russian)
8. Babenko, L. G. (2004). *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic Analysis of a Literary Text. Theory and Practice]. 496 p. Moscow Flinta, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Гаврилов Виктор Викторович,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Сургутский государственный педагогический университет,
428417, Россия, Сургут,
50 лет ВЛКСМ, 10/2.
victorg12@mail.ru

Gavrilov Viktor Viktorovich,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Surgut State Pedagogical University,
10/2 Fifty Years of the Komsomol Str.,
Surgut, 428417, Russian Federation.
victorg12@mail.ru

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-116-121

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

© Юлия Говорухина

MYTH-MAKING AS SENSEMAKING IN MODERN LITERARY CRITICISM

Yulia Govorukhina

This article explores modern literary criticism as part of a cultural narrative, capable of constructing and structuring historical memory and creating myths. The article discovers the “plot” of successive forms of mythologization and demythologization of the past in criticism. In the 1990s, amid the collapse of the magazine circulation, nostalgic recollection of the (post) “thaw” became relevant as a myth of the “Golden Age”, which served a therapeutic function for literary criticism. The forms of nostalgia included memories of the time of youth, a return to the past, a view of it from “outside” and wistfulness for long bygone values. The 1990s were perceived as a time of crisis and catastrophe. Two decades later, criticism reversed from nostalgia to demythologization and destroyed the myth of the (post) “thaw” “Golden Age”. Mythologization is considered by the critics of the 2020s to be a dangerous way of thinking. At the same time, a tendency to build a new myth about the “golden time” is emerging: In the memories of the critics, the 1990s start losing negative associations and turn into an image symbolizing a decade of true freedom in the “Golden Age”. By creating and destroying myths, criticism tries to comprehend the modern sociocultural situation and its status. The past helps to discover the structure, order and patterns that allow understanding the present.

Keywords: literary criticism, mythologization, narrative, nostalgia, historical memory, sensemaking

Современная литературная критика рассматривается в статье как часть культурного нарратива, способного конструировать и структурировать историческую память, творить мифы. Автор обнаруживает «сюжет» сменяющих друг друга форм мифологизации и демифологизации прошлого в критике. В 1990-е гг. в условиях обвала журнальных тиражей актуальным стало ностальгическое припоминание (пост)оттепели, миф о которой как о «золотом веке» выполнял для литературной критики терапевтическую функцию. Формами ностальгии становятся воспоминания о времени молодости, возвращение в прошлое, взгляд на него с позиции «из вне», тоска по былым ценностям. 1990-е гг. воспринимались как время кризиса, катастрофы. Спустя два десятилетия критика демонстрирует разворот от ностальгии к демифологизации и разрушению мифа о «золотом веке» (пост)оттепели. Опыт мифологизации оценивается критикой 2020-х гг. как опасный путь осмысления действительности. В то же время вычленяется тенденция строительства нового мифа: 1990-е начинают в воспоминаниях критиков превращаться в образ по-настоящему свободного «золотого времени». Создавая и разрушая мифы, критика пытается осмыслить современную социокультурную ситуацию и свой статус. Обращение к прошлому помогает обнаружить структуру, порядок, закономерности, позволяющие ей понять настоящее.

Ключевые слова: литературная критика, мифологизация, нарратив, ностальгия, историческая память, смыслообразование

Для цитирования: Говорухина Ю. Мифотворчество как смыслообразование в современной литературной критике // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 116–121. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-116-121

Литературная критика может быть рассмотрена как часть культурного нарратива, который конструирует и структурирует историческую память и формирует смыслы. Как замечает

Г. Л. Тульчинский, воспоминания о прошлом как дискурсивная практика повествования производят символизацию реальности, не только наполняя ее смыслами, но и порождая модели интер-

претации как прошлого, так и настоящего, формируя в том числе групповую идентичность [1, с. 8].

Данное исследование – продолжение проекта, который был осуществлен 2010 г. в рамках темы «Ностальгия по советскому» [2]. Спустя десять лет ностальгический сюжет в литературной критике получил неожиданное продолжение. Современная критика продолжает творить миф и демифологизировать, но что и как? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья.

Продолжение темы было подсказано самими «толстыми» журналами, в которых появились рубрики «Непрошедшее» (Знамя), «Из недавнего прошлого» (Новый мир), тематические выпуски «Назад в СССР» (Знамя. 2022. № 7), «Памяти оттепели» (Знамя. 2018. № 8). Выделился целый ряд статей в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда», объединенных общей темой – взгляд из 2020-х на (пост)оттепель и 1990-е – и рефлексивной нарративностью.

Методологическими и теоретическими ориентирами для нас послужили:

– концепция Д. Карра о нарративном устройстве социальной реальности [3], [4], которая помогает осмыслить в этом ключе проблематику мифопорождения как связанную с конструированием интерпретационных сценариев и моделей;

– феноменологический и герменевтический подходы к социальной памяти, которые позволяют развернуть исследование в направлении осмысления мифотворчества как смыслообразования. В частности, работы М. Хальбвакса о «социальных рамках памяти», выступающих в качестве инструмента создания образов прошлого [5], [6]; исследования взаимосвязи социальной и исторической памяти (А. Ассман [7]); работа С. Ю. Гуцол о нарративизации как механизме мифопорождения и воспроизводства мифов, который создает интерпретационные рамки для осмысления действительности [8, с. 24].

В 1990-е гг. сложились условия, которые сделали актуальным ностальгическое припоминание (пост)оттепели литературной критикой: обвал тиражей «толстых» журналов, сокращение читательской аудитории, утрата статуса авторитетной инстанции для читателя и роли идеологического стержня журнала. По контрасту с кризисным настоящим прошлое начинает ассоциироваться с былыми заслугами. Критика 1990-х творит миф о «золотом веке», «утраченном рае». Так, С. Чупринин вспоминает: «Для читающего сословия критика была тогда (в период (пост)оттепели. – Ю. Г.) всем. Почти всем» [9, с. 185], оценивает тот период как время ренессанса, использует для

характеристики эпитет «богатырский» [10, с. 188].

Утраченным ценным оказался не только прежний статус и ощущение востребованности и прочной идентичности, но и методология, которая позволяла адекватно целеустановке понимать литературные явления.

Формы ностальгирования, вычленимые в критике 1990-х гг., включают: припоминание времени молодости (С. Чупринин: «В те баснословные времена я и сам ощущал себя прежде всего действующим, практическим (да вдобавок еще возмутительно молодым) критиком <...> снег в юности был, безусловно, чище, сахар – слаще, а профессия – значительнее» [9, с. 185]); возвращение в прошлое, взгляд на него с позиции «из вне» (Н. Иванова «Прошедшее несовершенное» [11]); тоску по былым ценностям. В результате критика создает образ советского прошлого со смягченными или редуцированными негативными признаками (не говорится о цензуре, ограничении свободы), осуществляя приращение положительных ассоциаций к советскому. С. Рассадин в статье «Освобождение от свободы», выступая против иждивенчества и несвободы, тусовочности и исторической безответственности молодых, вспоминает старшее поколение и присущие ему трудолюбие, осознанность свободы, завоеванной в борьбе, коллективность, принцип должностования [12, с. 213]. М. Липовецкий «очищает» реалии (пост)оттепели от определения «советский» («Современность тому назад» [13]). В статье «Совок-блюз» [14] критик «реабилитирует» шестидесятников, негативный миф о которых был создан на волне антисоветской моды.

Эмоционально окрашенные нарративы о (пост)оттепели в 1990-е гг. редуцируют действительность к образам, удобным для восприятия. Объяснение данному феномену находим у М. Хальбвакса: люди, которых мы вспоминаем, либо уже не существуют, либо отделились от нас и «представляют собой лишь мертвое общество», большинство предписаний которого недействительно (даже самые тягостные проявления социума прошлого забываются, поскольку принуждение явно только тогда, когда оно осуществляется здесь и сейчас [5, с. 148]). Образ прошлого со стертыми или сглаженными неприятными чертами оказался дополненным новыми, не замечавшимися прежде [Там же, с. 150].

Миф в данном случае, структурируя действительность, выполняет для литературной критики терапевтическую функцию. Как верно отмечает К. Анкудинов, критика, функционируя «внутри катастрофы по имени ПОСЛЕ», демонстрирова-

ла не столько результат ностальгии, сколько ценность процесса припоминания и сравнения [15].

1990-е гг. как актуальное время «здесь и сейчас» воспринимались критикой как кризисный, катастрофичный период, ассоциировались с затянувшимся концом, удушьем, тошнотой, отсутствием горизонта, могилой [16]; литературный процесс вызывал образ раздавленной гусеницы, лестницы, которая ведет в никуда [17, с. 224]; самоощущение связывалось с травмирующим комплексом неполноценности и вторичности [18, с. 187].

Как изменилось восприятие прошлого с увеличением исторической дистанции? Как вспоминаются (пост)оттепель и 1990-е из настоящего, которое, несомненно, корректирует переживание прошлого и конструирует память?

Критика 2020-х гг. демонстрирует разворот от ностальгии и обнаруживает иную тенденцию – демифологизацию, разрушение мифа о «золотом веке» критики.

С. Чупринин предваряет статью «Оттепель: записи и выписки» следующим замечанием: «И надеюсь, что, собранные вместе, эти новеллы освежат наше представление о давно отшумевшей эпохе», а также задается вопросом о смысле этой истории [19], формулировка которого предполагает наличие исторического урока, события, которое требует интерпретации. Фрагмент статьи, названный «О мужской дружбе», не только о взаимоотношениях К. Симонова и А. Кривицкого, она о логике выживания (сохранения позиций/статуса), которая делала возможным, с одной стороны, предательство (К. Симонов пишет письмо Н. С. Хрущеву, настаивая на срочном смещении Кривицкого (верного друга. – Ю. Г.)), а с другой, понимающее принятие этого предательства (спустя год Симонов зовет Кривицкого быть его заместителем, и «тот, разумеется, пошел, и по-прежнему служил своему другу-покровителю верой и правдой, и дружба их оставалась нерушимой до самого конца» [Там же]). Для С. Чупринина этот эпизод, так же как предыдущий, почти анекдотический, с Н. Виртой, – штрихи к образу оттепели как времени, в котором по инерции продолжала действовать вывернутая конформистская жизненная стратегия.

Н. Иванова в статье «Литературное селфи на фоне двух эпох. Оттепель как объект автобиографического письма» [20] фиксирует целый ряд случаев подстройки под систему, вынужденного конформизма в годы «оттепели». Например, пишет о В. Померанцеве, который вынужден был использовать идеологические клише и апеллировать к партийным решениям в знаменитой статье

«Об искренности в литературе», о шестидесятниках, официальные речи которых отличались от зашифрованных посланий читателям, научившихся видеть подтексты («Они обучались в лучшем случае лукавству, в худшем – неискренности и конформизму» [Там же]), об огромной дистанции/разнице между оттепельным дневником Ю. Нагибина и его поздними автобиографическими текстами, которая свидетельствует об отсутствии раскаяния в конформизме. Главка 5 «Воображаемое прошлое» посвящена смене оптики в изображении оттепели в мемуарах В. Войновича, А. Битова, А. Наймана, Д. Бобышева, в которых критик видит следы «самосочинения» и самоприукрашивания. По мнению Н. Ивановой, главным методом воссоздания прошлого у шестидесятников становится мифологизация: создание мифа о рае, мифологизация действующих лиц и самих себя. В статье «ВпередНазад (ностальгическое 2.0)» [21] критик размышляет об опасности тенденции ностальгии по советскому и возвращению к соцреализму. Об этом же пишут М. Гельфонд («Говорят, пионерию решили возродить...» [22]), С. Костырко («О прошлом, которое не закончилось» [23]), Н. Ажгихина («Back in the USSR» [24]).

Если «оттепель» демифологизируется, то 1990-е, когда-то воспринимаемые как кризисные, катастрофические, «могильные», начинают в воспоминаниях критиков не только лишаться негативных ассоциаций, но и превращаться в миф о «золотом времени». Так, в статье Н. Ажгихиной «Back in the USSR» главным ощущением 1990-х становится порыв к внутреннему освобождению, подлинности жизни и слова, внутреннему сопротивлению «гнусности и распаду» и надежда на возможность изменения мира.

Сравним две статьи Н. Ивановой: «Прошедшее несовершенное» (1996) [11] и «Когда погрывают эпоху» (2022) [25]. В первой критик мысленно возвращается на десять лет назад, перечитывает материалы съездов писателей, журнальные статьи в попытке увидеть первые годы перестройки без эйфории, находясь «вне картинки», но обладая знанием/опытом прожитого десятилетия. Н. Иванова обнаруживает в стенограммах съездов такие «сюжеты» (совсем недемократические), которые остались в свое время незамеченными, называет факты манипулирования «модными» словами «перестройка», «либерализм», «демократия» как либералами, так и консерваторами, факты одновременных изданий официальных и прорывных оппозиционных произведений [11, с. 210].

Спустя 26 лет Н. Иванова пишет о слепоте глядящих на 1990-е из 90-х. В начале статьи она

признается, что, перечитав текст перед отправкой на верстку, поменяла нейтральный заголовок «Припоминая девяностые» на «Когда погрёбают эпоху». 1990-е вспоминаются Н. Ивановой как свободные (пишет: «определение найдено»), в финале – как «невероятно свободные», как время неизбежной свободы «после десятилетий мрака», годы эйфории и ощущения прогресса. Изменённое название предполагает героический сюжет: эпоха 1990-х как жертва идеологической установки на «отмену 90-х». И все же первоначальное название статьи важно. Неслучайно оно упоминается критиком. Припоминание 1990-х из 2022-го специфично: творится миф о потерянном рае, о 1990-х как времени, когда была завоевана свобода: конец власти официоза, отмена цензуры, смена языка, стиля и выход из запрета, стилевая свежесть, прямая речь (не эзопов язык). Ностальгически припоминаются те явления и признаки литературной ситуации, которые видятся критику утраченными в настоящем (например, учреждение негосударственных литературных премий). Н. Иванова цитирует главного редактора журнала «Искусство кино» Д. Дондуря, который считает, что 1990-е постепенно переходят в разряд легенд и мифов. Заметим, что творимый миф в литературной критике обладает особой, самоидентификационной, ценностью для либеральной критики.

Оценивая опыт мифологизации «оттепели» как урок, ошибку, Н. Иванова пишет об опасности мифологизации настоящего, признаки которого наблюдает (она происходит, если на него смотреть из прошлого, применяя оптику ностальгического взгляда).

О присутствии ностальгически-мифологизирующего взгляда на 1990-е говорит и критическая оценка художественных произведений, написанных в ХХI в. Изображение 1990-х внутри 1990-х в художественной литературе нередко обозначается словом «чернуха», такой эстетический выбор был в свое время объяснен литературной критикой. Чернушное изображение 1990-х в произведениях 2020-х оценивается критикой, скорее, неприязненно (Н. Иванова упоминает романы «Мама!!!» Анастасии Мироновой (2020) и «Рана» Оксаны Васякиной (2021)). Н. Иванова констатирует, что литература не дает примеры позитивной оценки того времени и надеется на то, что писатели смогут «отойти подальше» и не будут «кружить и заговоренно возвращаться „от чернухи к чернухе“» [25].

Как видим, в 2020-е в либеральной критике сформировался запрос на новый миф, миф о 1990-х. Культивируется фундаментальная метафора «90-е – время свободы», а работа с мифами

(их конструирование и деконструкция) оказывается смыслообразующей. Так критика пытается осмыслить современную социокультурную ситуацию, свой статус. Неизвестное настоящее и будущее прочитывается через опыт интерпретации прошлого. Обращаясь в прошлое, критика пытается найти некую структуру, порядок, закономерности, позволяющие осмыслить настоящее. Приращение смысла происходит благодаря процессу, который Д. Лакофф, М. Джонсон [26], Г. Тульчинский [27] называют «зашнуровыванием» неизвестного с помощью известного.

Согласно Анри Бергсону, воспоминания проявляются в нашей в памяти в той мере, в какой они могут направлять наши действия в настоящем. По всей видимости, новейшая литературная критика вспоминает (пост)«оттепель» и 1990-е как модель верного/ложного мышления и поведения.

Список источников

1. Тульчинский Г. Л. Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20). С. 6–26.
2. Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
3. Carr D. Getting the Story Straight // The History and Narrative Reader / Ed. by G. Roberts. Routledge, 2001. P. 197–207.
4. Carr D. Time, Narrative, and History. Indiana Univ. Press, 1991.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 11.04.2024).
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
8. Гуцол С. Ю. Психология мифопорождения в современной культуре: дис. ... д-ра псих. наук. Киев, 2015. 542 с.
9. Чупринин С. Элегия // Знамя. 1994. № 6. С. 177–188.
10. Чупринин С. Перечень примет // Знамя. 1995. № 1. С. 190–196.
11. Иванова Н. Прошедшее несовершенное // Знамя. 1996. № 9. С. 201–210.
12. Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11. С. 201–218.
13. Липовецкий М. Современность тому назад // Знамя. 1993. № 10. С. 180–189.
14. Липовецкий М. Совок-блюз // Знамя. 1991. № 9. С. 226–239.

15. Анкудинов К. Внутри после // Октябрь. 1998. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1998/4/vnutri-posle.html> (дата обращения: 06.03.2024).
16. Эпштейн М. После будущего // Знамя. 1991. № 1. С. 196–209.
17. Руденко М. Мелкие неприятности в ночь перед страшным судом // Знамя. 1992. № 1. С. 224–234.
18. Агеев А. «Выхожу один я на дорогу...» // Знамя. 1994. № 11. С. 180–201.
19. Чупринин С. Оттепель: записи и выписки // Знамя. 2023. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/3/ottepel-zapisi-i-vypiski.html> (дата обращения: 10.04.2024).
20. Иванова Н. Литературное селфи на фоне двух эпох. Оттепель как объект автобиографического письма // Знамя. 2023. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/1/literaturnoe-selfi-na-fone-dvuh-epoh.html> (дата обращения: 11.03.2024).
21. Иванова Н. ВпередНазад (ностальящее 2.0) // Знамя. 2022. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/vperednazad.html> (дата обращения: 16.04.2024).
22. Гельфонд М. «Говорят, пионерии решили возродить...» // Знамя. 2022. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/govoryat-pioneriyu-reshili-vozdorit.html> (дата обращения: 07.03.2024).
23. Костырко С. О прошлом, которое не закончилось // Знамя. 2021. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/2/o-proshlom-kotoroe-ne-zakonchilos.html> (дата обращения: 07.03.2024).
24. Ажгихина Н. Back in the USSR // Знамя. 2022. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/back-in-the-ussr-2.html> (дата обращения: 07.03.2024).
25. Иванова Н. Когда погрёбают эпоху. Проза 90-х и проза о 90-х // Знамя. 2022. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebayut-epohu.html> (дата обращения: 11.04.2024).
26. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
27. Тульчинский Г. Л. Развитие знания: зашнуровывающая метафора и модели // Философия и методология науки. СПб., 1995. С. 72–75.
5. Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frames of Memory]. 348 p. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
6. Khal'bvaks, M. (2005). *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (accessed: 11.04.2024). (In Russian)
7. Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. 368 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
8. Gutsol, S. Yu. (2015). *Psikhologiya mifoporozhdeniya v sovremennoi kul'ture: diss. ... d-ra psikh. nauk* [Psychology of Myth-Generation in Modern Culture: Doctoral Thesis]. Kiev, 542 p. (In Russian)
9. Chuprinin, S. (1994). *Elegiya* [Elegy]. *Znamya*. No. 6, pp. 177–188. (In Russian)
10. Chuprinin, S. (1995). *Perechen' primet* [The List of Omens]. *Znamya*. No. 1, pp. 190–196. (In Russian)
11. Ivanova, N. (1996). *Proshedshee nesovershennoe* [The Past Imperfect]. *Znamya*. No. 9, pp. 201–210. (In Russian)
12. Rassadin, S. (1995). *Osvobozhdenie ot svobody* [Liberation from Freedom]. *Znamya*. No. 11, pp. 201–218. (In Russian)
13. Lipovetskii, M. (1993). *Sovremennost' tomu nazad* [Modernity Ago]. *Znamya*. No. 10, pp. 180–189. (In Russian)
14. Lipovetskii, M. (1991). *Sovok-blyuz* [Sovok-Blues]. *Znamya*. No. 9, pp. 226–239. (In Russian)
15. Ankudinov, K. (1998). *Vnutri posle* [Inside of After]. *Oktyabr'*. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1998/4/vnutri-posle.html> (accessed: 6.03.2024). (In Russian)
16. Epshtein, M. (1991). *Posle budushchego* [After the Future]. *Znamya*. No. 1, pp. 196–209. (In Russian)
17. Rudenko, M. (1992). *Melkie nepriyatnosti v noch' pered strashnym sudom* [Minor Troubles the Night before the Doomsday]. *Znamya*. No. 1, pp. 224–234. (In Russian)
18. Ageev, A. (1994). *Vykhozhu odin ya na dorogu* [Alone I set out on the road...]. *Znamya*. No. 11, pp. 180–201. (In Russian)
19. Chuprinin, S. (2023). *Ottepel': zapisi i vypiski* [“The Thaw”: Records and Extracts]. *Znamya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/3/ottepel-zapisi-i-vypiski.html> (accessed: 10.04.2024). (In Russian)
20. Ivanova, N. (2023). *Literaturnoe selfi na fone dvukh epokh. Ottepel' kak ob'ekt avtobiograficheskogo pis'ma* [Literary Selfies against the Backdrop of Two Eras. “The Thaw” as an Object of Autobiographical Writing]. *Znamya*. No. 1. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/1/literaturnoe-selfi-na-fone-dvuh-epoh.html> (accessed: 11.03.2024). (In Russian)
21. Ivanova, N. (2002). *VperedNazad (nostal'yashchee 2.0)* [ForwardBackward (nostal'yashchee 2.0)]. *Znamya*. No. 7. URL:

References

1. Tul'chinskii, G. L. (2016). *Simvolicheskaya prezentatsiya proshlogo: narrativy, urovni, formy* [Symbolic Presentation of the Past: Narratives, Levels, Forms]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. No. 2(20), pp. 6–26. (In Russian)
2. *Nostal'giya po sovetskomu* (2011). [Nostalgia for the Soviet]. 514 p. Tomsk, izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian)
3. Carr, D. (2001). *Getting the Story Straight*. The History and Narrative Reader. Ed. by G. Roberts. Routledge. Pp. 197–207. London, New York, Routledge. (In English)
4. Carr, D. (1991). *Time, Narrative, and History*. 189 p. Bloomington, Indiana Univ. Press. (In English)

<https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/vperednazad.html> (accessed: 16.04.2024). (In Russian)

22. Gel'fond, M. (2022). "*Govoryat, pioneriyu reshili vozrodit'...*" ["The Pioneer Organization is said to Be Revived ..."]. *Znamya*. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/govoryat-pioneriyu-reshili-vozrodit.html> (accessed: 7.03.2024). (In Russian)

23. Kostyrko, S. (2021). *O proshlom, kotoroe ne zakonchilos'* [About the Past that Hasn't Passed]. *Znamya*. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/2/o-proshlom-kotoroe-ne-zakonchilos.html> (accessed: 7.03.2024). (In Russian)

24. Azhgikhina, N. (2022). Back in the USSR. *Znamya*. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/back-in-the-ussr-2.html> (accessed: 7.03.2024). (In Russian)

[znamia/2022/7/back-in-the-ussr-2.html](https://magazines.gorky.media/znamia/2022/7/back-in-the-ussr-2.html) (accessed: 7.03.2024). (In Russian)

25. Ivanova, N. (2022). *Kogda pogrebayut epokhu. Proza 90-kh i proza o 90-kh* [When an Era Is Buried. Prose of the 90s and Prose about the 90s]. *Znamya*. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/4/kogda-pogrebayut-epohu.html> (accessed: 11.04.2024). (In Russian)

26. Lakoff, D., Dzhonson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. 256 p. Moscow, URSS Editorial. (In Russian)

27. Tul'chinskii, G. L. (1995). *Razvitie znaniya: zashnurovyvayushchaya metafora i modeli* [Development of Knowledge: Lacing Metaphor and Models]. *Filosofiya i metodologiya nauki*. Pp. 72–75. St. Petersburg. (In Russian)

The article was submitted on 25.05.2024

Поступила в редакцию 25.05.2024

Говорухина Юлия Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград,
А.Невского, 14.
IGovorukhina@kantiana.ru

Govorukhina Yulia Anatolievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo Str.,
Kaliningrad, 236016, Russian Federation.
IGovorukhina@kantiana.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-122-127

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА «ВНУТРЕННЕГО» ДРУГОГО В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© Зульфия Зиннатуллина, Лилия Хабибуллина

REPRESENTATION STRATEGIES OF THE “INTERNAL” OTHER IMAGE IN THE EARLY 21st CENTURY BRITISH LITERATURE

Zulfiya Zinnatullina, Liliya Khabibullina

The article examines historical novels by the early 21st century British writers where the authors turn to images of “internal” Others: Welsh, Irish and Scots. For each of these regions, we can identify topics that are associated specifically with them. Thus, the Welsh component is connected, first of all, with Celtic culture and social issues. Ireland is associated with religious theme, and Scotland is associated with a historical component. Edward Rutherfurd’s diology on Ireland “Dublin: Foundation” (2004) and “Ireland Awakening” (2006), presents the history of the Christianity development in Ireland. The writer emphasizes the continuity of paganism and Christianity. The following series of works analyzed in this article is dedicated to one of the most significant historical figures in Scotland, Robert the Bruce. The novels “Insurrection” (2010), “Renegade” (2012) and “Kingdom” (2014) examine the period of Scottish identity formation exemplified by King Robert and his opposition to the English monarchy. In Ken Follett’s trilogy “Century”, which includes “Fall of Giants” (2010), “Winter of the World” (2012) and “Edge of Eternity” (2014), we can note the socio-political issues associated, first of all, with the Welsh characters. At the same time, the idea common to all these works is the Celtic peoples’ community and their opposition to the English.

Keywords: English literature, historical novel, “internal” Other, national identity

В статье рассматриваются исторические романы британских писателей начала XXI века, в которых авторы обращаются к образам «внутренних» Других: валлийцев, ирландцев и шотландцев. Для каждого указанного выше региона можно выделить темы, которые ассоциируются именно с ними в широком смысле слова. Так, валлийский компонент в первую очередь связан, с одной стороны, с кельтской культурой, с другой – с социальной проблематикой. Ирландия связана с религиозной тематикой, а Шотландия – с историей. В диологии Э. Резерфорда (Edward Rutherfurd), посвященной Ирландии, «Дублин» («Dublin: Foundation», 2004) и «Ирландия» («Ireland Awakening», 2006), представлена история развития христианства в Ирландии. Писатель акцентирует преемственность язычества и христианства. Одному из самых значимых исторических личностей Шотландии, Роберту Брюсу, посвящен следующий цикл произведений, анализируемых в данной статье. В романах «Отважное сердце» («Insurrection», 2010), «Отступник» («Renegade», 2012) и «Королевство» («Kingdom», 2014) рассматривается период становления шотландского самосознания на примере короля Роберта и его противостояния английской монархии. В трилогии Кена Фоллета (Ken Follett) «Век» («Century trilogy»), который включает романы «Гибель гигантов» («Fall of Giants», 2010), «Зима мира» («Winter of the World», 2012) и «Край бесконечности» («Edge of Eternity», 2014), можно отметить социально-политическую проблематику, связанную прежде всего с валлийскими персонажами. В то же время общим для всех произведений становится идея общности кельтских народов и противопоставления их англичанам.

Ключевые слова: английская литература, исторический роман, «внутренний» Другой, национальная идентичность

Для цитирования: Зиннатуллина З., Хабибуллина Л. Стратегии репрезентации образа «внутреннего» Другого в британской литературе начала XXI века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 122–127. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-122-127

Вместе с формированием понятия «мы» в национальных литературах большую роль начина-

ет играть и образ Другого. Как справедливо отмечает исследователь О. Ю. Поляков: «Отдален-

ные истоки имагологии восходят к эпохе Возрождения, когда впервые появляется компаративная характеристика черт отдельных народов» [1, с. 5]. Сопоставление с «другим» становится основой для формирования собственной идентичности, что проявляется в английской литературе уже в творчестве У. Шекспира, в произведениях которого заданы параметры образов «внутренних» Других.

Ракурс воссоздания образа «внутреннего» Другого во многом определяется национальной литературной традицией, в частности теми моделями, в рамках которых некогда начиналось осмысление взаимоотношений англичан с ними. Так, для репрезентации в английской литературе «ирландской», «шотландской» и «валлийской» темы можно выделить жанры, которые являются своеобразными «визитными карточками» и опираются на значимые для национального самосознания элементы культуры. Все три компонента так или иначе кельтские по своему происхождению, но особенно кельтский компонент значим в отношении Уэльса: «Культурное наследие Уэльса <...> стало основой того, что в дальнейшем получило название „артуровского цикла“ и послужило импульсом к созданию великих памятников литературы» [2, с. 35]. Таким образом, первоначально «общекельтская» «волшебная» семантика закрепляется именно за валлийским компонентом.

Если у Шекспира тема колдовства еще прочно закреплена за Шотландией («Макбет»), то благодаря Вальтеру Скотту с XIX в. за ней «закрепляется» историческая проблематика. Это ему удается как раз за счет создания жанра исторического романа, и «историческое» прочтение шотландской проблемы становится устойчивой моделью в английской литературе [3].

Для Ирландии же такой моделью начиная с Дж. Свифта становится политический аспект и политический ракурс, который задается в произведении «Путешествия в некоторые удаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» (1726), где тема Ирландии прямо не поднимается, но англо-ирландские политические противостояния задают призму рассмотрения образа Англии в произведении. Позднее, в начале XX в., в особенности благодаря творчеству Дж. Джойса, в связи с темой Ирландии актуализируются культурный и религиозный компоненты, и хотя социально-политическая проблематика напрямую не заявлена Джойсом, который был, по его собственным утверждениям, равнодушен к политике, но и в его произведениях, по признанию критиков, находила отражение

политическая ситуация в Ирландии начала XX в. [4].

В имагологии немало говорилось о динамичности, подвижности образа Другого в литературе и культуре. В частности, отмечалось, что образы «разных» Других имеют некую общую для них основу и в то же время они изменяемы и подвижны [1, с. 196]. Действительно, в литературе мы часто наблюдаем своего рода «делегиrowание» национальных черт от одной нации к другой в зависимости от транслируемых смыслов, политической и культурной ситуации. На наш взгляд, обозначенные нами тенденции к определенным стратегиям трансляции образа «внутреннего» Другого в рамках фэнтезийной, исторической и социально-политической проблематики тяготеют к взаимозаменяемости либо когда выделяется в культурном плане и становится значимой общая для всех кельтская составляющая, либо когда актуализируется тема политического противостояния с метрополией.

Например, после Второй мировой войны вместе с потерей внешних колоний ставится под угрозу статус Англии как метрополии для так называемых «внутренних» колоний: Шотландии, Ирландии и Уэльса. Ряд политических событий в регионах¹ привели в том числе к тому, что в английской политике и культуре актуализировалась тема «внутреннего» Другого. Целый ряд английских писателей стали обращаться к теме взаимоотношений с «внутренними» Другими в поисках истоков сложившейся ситуации. Так, Уэльс привлёк внимание Джона Уэйна («Зима в горах», 1970) и Кингсли Эмиса («Старые черти», 1986). Рефлексией на тему англо-ирландских отношений становятся романы Айрис Мердок «Алое и зеленое» (1965), Уильяма Тревоора «Пасынки судьбы» (1983). Шотландия фигурирует в произведениях Энтони Берджесса «Мистер Эндерби изнутри» (1963), Айрис Мердок «Лучше не бывает» (1969). Практически во всех перечисленных выше произведениях присутствует социально-политическая проблематика, которая связана с осмыслением взаимоотношений «внутренних» Других с представителями титульной нации. Во второй половине XX в. с распадом Британской империи, образованием Евросоюза и далее – выходом Великобритании из его состава (Brexit) тема «внутреннего» Другого вновь актуализируется.

¹ Обострение североирландского конфликта (1960-е гг.), победа в выборах Плайд Камри – националистической партии Уэльса (1966 г.), принятие Акта о валлийском языке (1967 г.), референдум о деволуции Шотландии (1979 г.).

В данной статье мы рассмотрим, какие аспекты проблематики, связанной с «внутренним» Другим, привлекают современных представителей массовой литературы, работающих в жанре исторического романа. В частности, покажем, что важным элементом всех анализируемых романов является идея о противостоянии английского и кельтского «мира» невзирая на его «этническую» специфику и продемонстрируем, что те тенденции, которые сформировались в литературе «первого ряда» 1960–80-х гг., получают развитие и в массовой литературе XXI в., что соответствует общественно-политической ситуации уже нового столетия, на которую зачастую именно массовая литература реагирует наиболее быстро и живо. Мы обратимся к творчеству представителей английской литературы, которые по тем или иным причинам обращаются к теме «внутреннего» Другого, не затрагивая произведения представителей собственно этнических литератур.

Как уже отмечалось, в случае с Ирландией важное место в репрезентации межэтнических отношений в литературе, помимо политики, занимает религия. Актуализация вопросов многовекового противостояния католичества и протестантизма в английской литературе традиционно ассоциируется с «ирландской» темой. Одним из современных английских писателей, который в своих произведениях обращается к этой теме, становится Эдвард Резерфорд (Edward Rutherford, 1948). Он известен как автор исторических романов, посвященных крупным городам мира («Дублин», «Париж», «Лондон», «Нью-Йорк» и т. д.). Писатель родился в Солсбери и является этническим англичанином, однако в 1990-е гг. он поселился недалеко от Дублина, что, несомненно, отразилось в выборе объекта изображения. Специфической чертой практически всех произведений Э. Резерфорда является то, что, создавая исторический роман, автор обращается не к конкретной исторической эпохе, а к локации, представляя историю данного места в разное время, в связи с этим его произведения исследователи называют «биографией» города [5, с. 93]. Диалогия, посвященная истории Ирландии, в частности истории развития религии, состоит из романов «Дублин» («Dublin: Foundation», 2004) и «Ирландия» («Ireland Awakening», 2006), которые охватывают временные промежутки от 430 до 1537 г.

Сквозной темой диалогии становится религия, которая в романе рассматривается как основной источник англо-ирландского противостояния. Как известно, одна из важных тем в дискуссиях между католиками и протестантами – это связи

католичества с язычеством. Развитая ангелология и демонология, пышность и сложность католических ритуалов, приверженность к мистицизму, значимость священных реликвий – все это служит для упреков в близости к язычеству. Существенна эта дискуссия не только в общеевропейском, но и в национальном контексте. Для Резерфорда, особенно в первой части диалогии, важным является изучение предпосылок этих представлений. Так, роман «Ирландия» посвящен язычеству и раннему христианству. Значимой фигурой в романе является образ святого Патрика, который, скорее, представлен как умелый дипломат, нежели святой. Он играет, как известно, ключевую роль в христианизации Ирландии, и именно благодаря тому, что он привлекает на свою сторону друидов, этот процесс проходит относительно мирно. Резерфорд показывает, что последние легко переходят в христианство, видя в нем возможность не только сохранить свой статус и положение, но и возможность развития своей страны. И во многом они оказываются правыми, так как в Средние века Ирландия превращается в один из культурных и религиозных центров Европы.

Символом преемственности языческой и католической традиций в романе становится «пожелтевший от времени» череп одного из героев произведения Фергуса, использовавшийся в качестве кубка и выполнявший ту же функцию, что и христианские артефакты. Неслучайно в финале англичане сжигают его вместе с остальными католическими святынями:

«В той, что стояла ближе к костру, среди реликвариев и украшенных драгоценными камнями шкатулок, лежал череп с золотым ободком, похожий на какой-то сосуд» [6, с. 820].

Образ сосуда является одним из значимых как для кельтской мифологии, так и для христианской традиции, однако череп. Используемый в этом качестве, он указывает на околорелигиозную природу раннего христианства. В дальнейшем таким символическим сосудом становится колодец, к которому ходят молиться представители семьи Уолш.

Друидизм как внутренняя природа ирландской религиозности показана и на уровне образов. Начиная со священнослужителя Гилпатрика и заканчивая Лоуренсом Уолшем в героях, связанных с католической церковью, можно увидеть черты друидов. Они хорошо образованны, часто связаны с искусством, сочетают в себе черты политика, дипломата и ученого и стремятся к ненасильственным методам решения конфликтов. Интересно, что Лоуренс Уолш имеет валлийские

корни, что отражается в его фамилии. Его предок Ричард, оказавшись в Ирландии, смог ассимилироваться и стать частью ирландского мира, в противовес англичанам, которые, как мы знаем, всегда держались обособленно, образовав так называемый класс английского превосходства. Таким образом, в романе транслируется идея о единстве кельтского мира. В противовес им англичанцы демонстрируют совершенно другие качества: они фанатичны, бескомпромиссны и больший акцент делают на формальных аспектах религии. Ярче всего это представлено в образе армии Кромвеля, которая вторгается в Ирландию. Для воинов Кромвеля католики – враги, погрязшие в грехе и пороке. В определенной степени писатель солидаризируется с таким представлением, показывая, что религиозность у ирландцев сочетается с определенной вольностью в соблюдении формальных требований. С другой стороны, ирландцы изображены более искренними в своей вере и более преданными ей.

Таким образом, Резерфорд в своих романах, хотя и транслирует стереотипы относительно католичества в Ирландии, однако переосмысливает их, лишая отрицательной коннотации и демонстрируя свою симпатию по отношению к Ирландии. В этом романе обращение к древней ирландской истории активизирует исторический контекст изображения Другого, но апеллирует и к кельтскому легендарному прошлому, включая мифологический компонент.

Шотландский компонент, как уже говорилось, реализуется через связь с традицией исторического романа, поэтому для литературы, где значим образ «шотландского» Другого, эта модель является наиболее органичной. Как утверждают исследователи Г. Норквей и Дж. Смит, существует фундаментальное различие между шотландской и ирландской художественной литературой: в то время как в ирландской художественной литературе (и драме) прошлое обычно живет в настоящем и составляет значительную, хотя и не всегда органичную, часть произведения (в основном в форме травмирующих возвратов и повторов), шотландский роман склонен концентрироваться на прошлом как таковом [7, с. 28]. Еще от У. Шекспира и В. Скотта идет тенденция к выделению наиболее значимых исторических личностей, к ним, безусловно, относится шотландский король Роберт Брюс, который правил страной в начале XIV в., и даже в XXI в. он остается символом борьбы за независимость Шотландии. В историю этот король вошел в первую очередь как освободитель Шотландии, но в то же время его почитают как образец других королев-

ских добродетелей, таких как дипломатия, справедливость, мудрость, эрудиция и благочестие.

Одна из интересных интерпретаций образа Роберта Брюса в XXI в. представлена в трилогии британской писательницы Робин Янг (Robyn Young, 1975), в которую входят романы «Отважное сердце» («Insurrection», 2010), «Отступник» («Renegade», 2012) и «Королевство» («Kingdom», 2014). В этом цикле также важной становится тема противостояния англичанам.

Если в произведениях предыдущих эпох прослеживалась тенденция к идеализации образа Брюса, то Янг намеренно стремится к разностороннему изображению этой личности, пытаясь показать не только короля, но и личность. Это выглядит вполне убедительно, так как, с одной стороны, в биографии Брюса довольно много «белых пятен» (время, проведенное в Ирландии, и т. д.), с другой стороны, даже известные факты (причины перехода на сторону шотландцев и возобновления клятвы верности Эдуарду, убийство Джона Комина и др.) доказывают неоднозначность этой фигуры, которая у писательницы становится воплощением шотландской двойственности.

Осознание себя шотландцем у Брюса в романе происходит во время его нахождения при английском дворце. Высокомерное поведение англичан, их предвзятость – все это приводит к осознанию будущего короля Шотландии своей инаковости. Он понимает свою чуждость англичанам, что даже после всех жертв, которые его семья принесла во имя короля Эдуарда, к ним все равно будут относиться, как к варварам.

Находясь в рядах английских войск, Брюс отправляется в Уэльс, чтобы подавить восстание против английского короля. Во время этой кампании он проводит параллель между валлийцами и шотландцами, приходя к пониманию, что оба народа подвергаются насильственному подчинению со стороны Эдуарда:

«Он подумал о своей стране, ослабленной и раздираемой на части вмешательством Эдуарда, и тень беспокойства шевельнулась у него в душе» [8, с. 331].

В целом на протяжении всего цикла Робин Янг проводит идею о связи всех трех кельтских народов: валлийцев, ирландцев и шотландцев. Как мы уже отметили, валлийская кампания становится переломным моментом в сознании Роберта Брюса. С Ирландией в реальности у Брюсов более сложные отношения, учитывая, что она воевала против Уоллеса, однако в своих романах Робин Янг пользуется пробелами в биографии Брюса, помещая его именно в Ирландию с 1299

по 1302 г., где он находит укрытие после битвы при Фолкерке. Согласно Янг, в детстве Брюс воспитывался в семье лорда Донаха. Писательница отмечает:

«В исторических хрониках содержится намек на то, что Роберт и Эдвард Брюсы были усыновлены в юности кем-то из гэльских вельмож. Лорд Донах – собирательный образ этих людей, а Кормак – названный брат, который, как явствует из более поздних источников, действительно сражался вместе с Робертом в Шотландии» [9, с. 575].

Таким образом, ирландцы представлены как братский шотландцам народ, который так же страдает от действий англичан.

В романе показан путь сложного становления Брюса, его путь к шотландскому трону происходит параллельно с формированием шотландского самосознания. Янг не делает своего героя патриотом с самого рождения, в этом аспекте он противопоставляется Уоллесу, который стал символом борьбы за независимость. Образ Роберта Брюса в трилогии Янг воплощает шотландское самосознание. Сквозной идеей романа становится идея общности кельтских народов в их противостоянии англичанам.

В отношении изображения Уэльса, традиционно рассматриваемого как «самая старая колония Англии», в литературе можно отметить две тенденции: с одной стороны, мифологическая, которая порождает литературу фэнтези, с другой, историко-политическая. Именно валлийцы, преодолевая, подобно герою Дж. Р. Толкиена Фродо Бэггинсу, свое нежелание покидать «малую родину», оказываются вовлеченными в мировые политические процессы, что позволяет актуализировать политический компонент.

Такая ситуация характерна, в частности, для романов Кена Фоллета (Ken Follett, 1949) – современного британского автора валлийского происхождения. Главными героями его трилогии «Век» («Century trilogy»), состоящей из романов «Гибель гигантов» («Fall of Giants», 2010), «Зима мира» («Winter of the World», 2012) и «Край бесконечности» («Edge of Eternity», 2014), становятся представители пяти семей, относящихся к разным этническим группам и принимающих участие в основных исторических событиях XX в.

Уже в первом романе делается акцент на противопоставлении англичан и валлийцев, которое основано в первую очередь на социальном и политическом аспектах. Семья англичан Фицгербертов владеет шахтами, где работают валлийцы, в том числе и члены семьи Уильямс. Именно через конфликт членов этих двух семей

в трилогии раскрывается противопоставление англичан и валлийцев (см. подр.: [10]). Также в трилогии в целом обыгрывается ситуация противостояния «внутренних» Других (валлийцев, ирландцев и шотландцев) и англичан, с их имперским поведением в отношении первых: «В романе проводится параллель между объявленной шахтерами Эйбрауэна забастовкой и начавшимися после обсуждения „Третьего билля об ирландском гомруле“ беспорядками» [Там же, с. 69].

В своей трилогии Фоллет делает акцент на социальном и политическом аспектах англо-валлийских взаимоотношений. Здесь он остается верен существующим в литературе тенденциям, изображая англичан как представителей правящего класса, а валлийцев – рабочего, также намекает на симпатии англичан к национал-социалистам. Кроме того, здесь вновь проявляется противопоставление англичан всем «кельтским» народам в историческом контексте с акцентированием социально-политического аспекта.

Таким образом, массовая литература начала XXI в. актуализирует те проблемы, связанные с «внутренними» Другими, которые поднимались в литературе первого ряда в 1960–80 гг. Жанровая модель исторического романа оказывается востребованной всеми авторами, при этом относительно каждого региона оказываются значимыми разные компоненты: если в отношении «шотландской» проблематики обращение к прошлому для трансляции национальной проблематики сохраняет свою значимость, во всяком случае в рассмотренном нами примере, то в случае с валлийским и ирландским компонентами проявляется отмеченная нами тенденция к делегированию смыслов, в ситуации с Ирландией наряду с историческим актуализируется мифологическо-религиозный компонент, а в случае с Уэльсом – социально-политический.

Список источников

1. Поляков О. Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии // Имагологические аспекты русской и зарубежной литератур; межвузовский сборник научных трудов. Киров: Радуга-пресс, 2012. 270 с.
2. Алексеева Н. В. Мифы и легенды древних кельтских племен и их влияние на развитие английской литературы // Идеи и новации. 2020. № 2 (8). С. 33–59.
3. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: Флинта, 2019. 500 с.

4. *Замятин Е. И.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин, Республика, 2010. С. 233–257.

5. *Самосюк Н. Л.* Исторический роман Эдварда Резерфорда «Лондон». К вопросу об уточнении особенностей жанра // Новая наука: стратегии и векторы развития: материалы международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2017. Ч. 3. С. 92–96.

6. *Резерфорд Э.* Ирландия / пер. с англ. Т. Голубевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 832 с.

7. *Norquay G., Smith G.* Waking Up in a Different Place: Contemporary Irish and Scottish Fiction // The Irish Review. 2001. 28. P. 28–45.

8. *Янг Р.* Отважное сердце / пер. с англ. А. Михайлова. Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2012. 640 с.

9. *Янг Р.* Отступник / пер. с англ. А. Михайлова. Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2013. 592 с.

10. *Зиннатуллина З. Р.* Англо-валлийские отношения в трилогии Кена Фоллета «Век» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2020. № 8 (13). С. 68–72.

References

1. Polyakov, O. Yu. (2012). *Aktual'nye problemy izucheniya retseptov i reprezentatsii natsional'nykh obrazov v svete imagologii* [Current Problems of Studying the Reception and Representation of National Images in the Light of Imagology]. *Imagologicheskie aspekty russkoi i zarubezhnykh literatur; mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. 270 p. Kirov, "Raduga-press". (In Russian)

2. Alekseeva, N. V. (2020). *Mify i legendy drevnikh kel'tskikh plemen i ikh vliyaniye na razvitiye angliyskoi*

literatury n.v. [Myths and Legends of the Ancient Celtic Tribes and Their Influence on the Development of English Literature Today]. *Idei i novatsii*. No. 2 (8), pp. 33–59. (In Russian)

3. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Literature]. 500 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

4. Zamyatin, E. I. (2010). *Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 4. Besedy eretika*. [Conversations of a Heretic]. Pp. 233–257. Moscow, "Dmitrii Sechin", "Respublika". (In Russian)

5. Samosyuk, N. L. (2017). *Istoricheskiy roman Edvarda Rezerforda "London"*. *K voprosu ob utochnenii osobennostey zhanra* [Edward Rutherford's Historical Novel "London". The Issue of Clarifying the Features of the Genre]. *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sterlitamak. Chast'3, pp. 92–96. (In Russian)

6. Rezerford, E. (2019). *Irlandiya* [Ireland Awakening]. Per. s angl. T. Golubevoi. 832 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)

7. Norquay, G., Smith, G. (2001). *Waking Up in a Different Place: Contemporary Irish and Scottish Fiction*. *The Irish Review*. No. 28, pp. 28–45. (In English)

8. Yang, R. (2012). *Otvazhnoe serdtse* [Insurrection]. Per. s angl. A. Mikhailova. 640 p. Belgorod, OOO "Knizhnyi klub 'Klub semeinogo dosuga'". (In Russian)

9. Yang, R. (2013). *Otstupnik* [Renegade]. Per. s angl. A. Mikhailova. 592 p. Belgorod, OOO "Knizhnyi klub 'Klub semeinogo dosuga'". (In Russian)

10. Zinnatullina, Z. R. (2020). *Anglo-valliiskie otnosheniya v trilogii Kena Folleta "Vek"* [Anglo-Welsh Relations in Ken Follett's "Century Trilogy"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov, Gramota*. No. 8 (13), pp. 68–72. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zin-zulya@mail.ru

Хабибуллина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fuatovna@list.ru

Zinnatullina Zulfiya Rafisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zin-zulya@mail.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fuatovna@list.ru

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В НЕМЕЦКОМ РОМАНТИЗМЕ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

© Александр Иваницкий

THE CONCEPT OF THE NATIONAL CULTURE IN GERMAN ROMANTICISM: SOURCES AND HISTORICAL BACKGROUND

Alexander Ivanitskiy

In Novalis's works, the reaction of German Romanticism to the Enlightenment was civilizational: By the German world, both the French monarchy and Republic were viewed in a negative light. Thus, the Novalis's philosophy developed the concept of national culture, which the movement "Storm and Onslaught", led by J. G. Herder, opposed to French classicism of the 17th–18th centuries. According to Herder, the folk's culture is formed through the psychological exploration of nature in myths and folklore, fixed in language. The "organic nature" of culture links folklore with the Middle Age and Modern poetry as the new forms of the dialogue with nature. This idea was consolidated by the figure of Faust, chosen by the Sturmiers and Goethe as the hero of the "masterpiece" summarizing the national poetic path. Novalis elevated Catholicism to the cult of the earth, and the collective mind was connected with it by magic. He saw the institution of this union as an "ideal" Prussia where self-knowledge unites citizens, and the monarch unites the people and nature as an esoteric master. The French monarchy divided the people by cultivating selfishness. The prerequisites of this opinion were indicated by J. Le Goff and L. Karsavin who stated the existence of two types of cultures, which emerged as a result of the Roman conquest of Europe. For the national ones, who retained their languages and with them the connection with pre-Roman mythology and folklore, the introduced ancient norm and Christianity became forms of self-development. For the newly emerged unities west of the Rhine, they became the foundation of the cultural convention.

Keywords: nature, national culture, folklore, medieval poetry, "Storm and Onslaught", Heidelberg romanticism, state

В творчестве Новалиса реакция немецкого романтизма на Просвещение была цивилизационной: негативами германского мира явились как французская монархия, так и республика. Лежащая в основе такой оценки философская позиция Новалиса развивала концепцию национальной культуры, которую движение «Буря и натиск» во главе с Й. Г. Гердером противопоставило французскому классицизму XVII–XVIII вв. Это подразумевало два типа культуры в Европе. Актуальным видится вопрос об исторических предпосылках такого взгляда. В гердеровском понимании культура народа формируется психологическим освоением природы в мифе и фольклоре, закрепляемым в языке. «Органичность» культуры делает ее исторически непрерывной, связывая фольклор с поэзией Средневековья и Нового Времени задачей личного и коллективного диалога с природой. Это скрепила фигура ученого мага Фауста, выбранная штюрмерами и Гете героем «шедевра», суммирующего национальный поэтический путь. Новалис возвел католицизм к культу земли, с которой коллективное «я» соединяла магия. Институтом такого соединения он видел «идеальную» Пруссию, чьих граждан объединяет самопознание в зеркале другого, а монарх объединяет народ и природу в качестве эзотерического мэтра. Французские же монархия и республика разъединяют народ, культивируя личный и сословный эгоизм. Й. Г. Фихте исторически обосновал взгляды Новалиса тем, что германские франки, подчинив Галлию, заговорили на местном диалекте латыни – чужом для них и галлов и потому не связывающем с природой. Предпосылки позиции Фихте обозначили Ж. Ле Гофф и Л. Карсавин, констатирующие появление в результате римского завоевания Европы двух типов культур. Для национальных, сохранивших свои языки, а с ними – связь с доримскими мифологией и фольклором, привнесенные античная норма и христианство стали формами саморазвития. А для вновь возникших единств к западу от Рейна они стали фундаментом культурной конвенции.

Ключевые слова: природа, национальная культура, фольклор, средневековая поэзия, «Буря и натиск», хайдельбергский романтизм, государство

Для цитирования: Иваницкий А. Понятие национальной культуры в немецком романтизме: источники и исторические предпосылки // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 128–133. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-128-133

1.

Термин «реакционный» применительно к немецкому романтизму достаточно давно утвердился в своем изначальном значении «ответного», реагирующего [1, с. 408, 414]. Оппонентом романтизма, спровоцировавшим его ответ, стали, как известно, французские Просвещение и революция 1789–1794 гг. В творчестве главы йенской романтической школы Новалиса, прежде всего в его эссе «Вера и любовь, или Король и королева» («Glauben und Liebe oder der König und die Königin», 1797), Германия и Франция противопоставляются по «цивилизационному» основанию, где равно негативные французские монархия и республика, по сути, предполагают друга друга.

Идеалы французской монархии в понимании Новалиса – зажиточность подданных и сословный мир – несут в себе зародыш революции, поскольку рассудок, служащий эгоизму человека, становится рабом прихотей; потребности растут по мере их удовлетворения и в итоге перерастают возможности такового со стороны власти. Замыкаясь на них, гражданин становится обывателем («филистером»), а побеждающая с революцией демократия – властью толпы, «у которой вульгарность срослась с естеством». В свою очередь, культурный космополитизм революционеров и их сторонников («просветительский классицизм») маскирует их бессердечие и внутреннее бессилие. Отсюда смена французской монархии республикой проявляют, по Новалису, слабость социума в целом, лишённого внутреннего единства и отсюда – энергии.

Альтернативой Новалис видит Пруссию курфюрста Фридриха Вильгельма I (правил в 1713–1740 гг.). Она была основана на духовном единстве граждан, которое и скрепляло собою в лице монарха. Такое, «нравственное», государство прочно, поскольку в нем «крестьянин радуется куску заплесневелого хлеба и благодарит Бога за счастье родиться в этой стране». Современная Пруссия, по Новалису, пошла по опасному французскому пути, поскольку наследники Великого курфюрста также стремились «привлечь подданных корыстью». Она должна вернуться к своему идеалу, и поэтому, чтобы усовершенствовать законы, их следует наделить «большой способностью к любви» [2, с. 104–105, 122, 127, 129, 132–138, 140, 220–221].

Между тем лежащая в основе этого взгляда философия Новалиса замыкает одну из ключевых линий в формировании немецкой концепции национальной культуры. Она была, как известно, задана предшествующим романтизму движением «Буря и натиск» («Sturm und Drang») во главе с Й. Г. Гердером, развита так называемыми «хайдельбергскими» романтиками и фактически противопоставлена в качестве не концепта, а немецкого феномена французскому «наднациональному» классицизму XVII–XVIII вв.

Это подразумевало наличие двух типов культур в Европе с разным набором составляющих. В таком контексте исторические предпосылки штюрмерско-романтической концепции позволят оценить ее не как субъективный взгляд на феномен национальной культуры вообще и немецкой в частности, а как на этап ее развития.

2.

В суммирующих концепцию Гердера «Идеях к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1787–1791) формирование национальной культуры состоит в психологическом освоении народом природы себе и себя в ней, плоды которого являются в мифе и его младших фольклорных формах. Природа, таким образом, выступала национальной духовно-поэтической «почвой», а полем ее освоения представал язык [3, с. 177–182, 189–206, 211–222]¹.

Отсюда хайдельбергские романтики и, в частности, Й. Гёррес видели разделение народа на сословия исторически обусловленным и потому не безусловным: в каждом человеке соединены потенциалы всех сословий, которые проявляются в силу социальных обстоятельств [5, с. 173]. Й. Арним также полагал, что, «*выделяя из себя семью и личность, род и народ воссоединяются в состояниях, захватывающих всех*» [6, с. 293]. В итоге история у Гердера и романтиков не отменялась, а меняла свое содержание, представая не сменой правителей и правлений, а формированием национального характера в ходе поэтико-психологического освоения природы. В русле этой идеи Я. Гримм пишет К. Ф. Савиньи [Там же, с. 277–278] о том, что сказания и эпос выражают сущностное начало в национальном бытии

¹ Соответствующая роль языка стала программной уже в романтическую эпоху. Из недавних работ см., напр.: [4, с. 396–399].

и движении и потому историчны. В. Гримм [Там же, с. 281] заключает из этого, что народную поэзию следует изучать как мифологию².

Видя природу ключевым предметом народной поэзии, Гердер и вслед за ним «хайдельбержцы» представили последнюю прямым, «органическим» продолжением природы. Так, для Гёссера народные песни – *«творения не искусства, а природы, наподобие растений. В них она проявляет свой эпический дух»* [5, с. 177]. Органичность предполагала неделимость: исторически наследующая архаике и вдохновленная христианством поэзия Средневековья и Нового Времени вплоть до современности явилась новым качеством психологического диалога с природой – личного и коллективного³. Поэтому Арним и К. Брентано, осуществлявшие штюрмерскую программу собирания немецкого поэтического фольклора, свободно сочетали в своем собрании «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn», 1806–1808) языческую и религиозную лирику, что по умолчанию предполагало их синтез в народном сознании.

Наконец, в I части «Фауста» Гете фольклорный ключ постижения природы соединился с немецкой ренессансной эзотерикой XVI в. Кульминацией национальной истории как культуры Гердер видел гения, который обобщил бы в эпосе или драме фольклорный (национальный) поэтический опыт. Для этого «гений» должен был найти в фольклоре героя, воплощающего волю народа к осуществлению своей исторической роли⁴. Фауст – ученый маг из народной книги XVI в. был выбран на эту роль штюрмерами еще до Гете: сначала Ф. Мюллером («Жизнь и смерть Фауста», 1778), а затем М. Клингером («Жизнь, деяния и гибель Фауста», 1790)⁵.

² В этом, очевидно, проявилось отличие Гердера от «географической школы» во главе с Ш. де Монтескье, на которую он опирался в видении климата, ландшафта и рельефа источниками национального бытия и характера. Монтескье в своем «Духе законов» («De L'Esprit des Lois», 1748) видел их плодом в первую очередь насущные потребности, образ жизни и отсюда законы народа [7, с. 9–33, 42–47]. Для Гердера же они суммировались законами «естества» («das Wesen») [8, с. 105]. А для Я. Гримма [6, с. 286] древний царь соединял в себе судью, правителя и певца. О преемстве и оппонировании Гердера взглядам Монтескье на роль климата в коллективном бытии см.: [9, с. 74, 109–110, 325–326].

³ См.: [1, с. 412, 414].

⁴ О влиянии Гердера на юного Гете см.: [10, с. 21, 57–68]; ср.: [11, с. 145–159].

⁵ См. подробнее: [12, с. 29–49]. В свою очередь, Гете, сделав Фауста героем лирико-драматической поэмы, представил в ней эзотерическое и фольклорное освое-

3.

Новалис философски обосновал в своих «Фрагментах» («Fragmente», 1797–1800) поэтический стержень ролевого преемства архаики, христианства и магии в коллективном («национальном») психологическом освоении природы. Определив его как *«практическую религию»*, Новалис представляет целью последней объединение человеком в высшем существе Природы и своих влечений к ней (*«Каждый возлюбленный предмет есть центр Рая»*). Психологическое освоение природы и себя в ней превращается в овладение ею, то есть распространение себя до внешних пределов мира (*«Объясняя предмет, мы приобщаем его себе»*). А этому служит магия – *«искусство пользоваться чувственным миром по своему усмотрению»* [2, с. 87–88, 110, 169–170, 189, 211–212].

Условием такого соединения с природой является, по Новалису, объединение людей в одно духовное целое (в штюрмерском понимании – «народ»). Этому служит самопознание, помогающее человеку увидеть себя во всех и всех в себе: *«потенциал гениальности есть у каждого, поскольку он способен быть одной личностью и делиться на многие»*. Понимание себя прямо пропорционально пониманию других [Там же, с. 89–94, 157, 168, 205–206, 247, 267, 298].

В то же время «практической религией» Новалис видит католицизм, где культ Марии выступает новым, духовным качеством культа Природы. Поэтому искомое гармоническое тождество коллективного «я» и природы наделяется христианскими значениями: *«Совершенная жизнь» (дух и добродетель) – небо, которым должно стать все*. Именно движение природы через наращение симпатии ее начал составляет у Новалиса значение Священной истории: *«Если Бог стал человеком, Он может стать камнем растением, животным, стихией...»* [Там же, с. 247–252, 279–283, 292, 298, 300].

Институтом же объединения народа в одно духовное целое, а его – с природой, по Новалису, выступает государство – *«главное дело каждого гражданина, чувствующего, что его бытие... сопряжено[о] с общественными...»*, – и в итоге сводящего их в одно «Я»: *«Мы должны стать*

ние природы содержанием личного поэтического опыта. Как показывают И. Ф. Волков [13, с. 203–204, 209] и А. В. Михайлов [14, с. 9], образы как Ветхого Завета, так и немецкого фольклора в первой части трагедии Гёте не только и не столько выражают ее идеи, сколько отражают путь их поэтического освоения поэтами «Бури и натиска» и самим Гете. См. об этом также: [15, с. 376–391], [16, с. 334].

одним большим Я, растворяя свое малое Я в малом Ты». Залогом выступает изначальное подобие человека и общества: «Общество – неделимая мыслящая и чувствующая личность», а «каждый человек – общество в миниатюре». Бескорыстно служа государству, граждане становятся в итоге одним идеальным («образцовым») человеком.

Таким государством и выступает для Новалиса Пруссия в своем идеале. С одной стороны, гражданин мира, по Новалису, выше европейца, как тот – выше француза, англичанина или немца. С другой стороны, эти национальные группы суть духовные принципы, в которых «немецкий» преобладает как наиболее «популярный» (всеобщий). Он и состоит в нахождении себя во всех и всех в себе, где в итоге «...простые Я и Ты дополняют большое Я».

Государство и осуществляет ролевое преемство христианства и эзотерической науки архаической гармонизации коллективного «я» и природы. С одной стороны, стержнем объединения граждан в единую «всемирно-бесконечную» личность выступает монарх. Его миссия состоит в том, чтобы «...возводить подданных до себя», и поэтому «в перспективе каждый гражданин будет достоин трона». Он осуществляет эту миссию, будучи абсолютным мэтром научно-эзотерического знания, в чем и состоит его «просвещенный» статус⁶.

С другой стороны, концентрация народа в одно «я» вокруг монарха носит духовно-моральный, то есть христианский характер («Монарх – зримое предчувствие лучшего и более благородного мира»). Это превращает службу в богослужение, а трон – в алтарь. Поэтому «Духовность (гений) государства блещет в каждом гражданине – как в религиозном сообществе личный Бог открывается в тысяче образов». Это делает чиновниками всех граждан государства как духовного братства – по образцу Тевтонского ордена, которому исторически и наследовала Пруссия.

Суммируя смысл всех исторически наследующих форм диалога с природой (фольклора, христианства и эзотерики), «высокодуховное» государство вбирает в себя их органичность⁷, а в силу этого «не может не стать поэтическим» [2, с. 114–115, 124–139, 173 211–216, 220–221, 267, 276, 285, 293]. Такому «просвещенному абсолютизму» и противостоит у Новалиса абсолютизм французский – разъединяющий народ по

вторичному принципу социального эгоизма, а не объединяющий его по фундаментальному основанию духовного единства друг другу и природе⁸.

4.

Наиболее отчетливое «историко-культурное» обоснование концепции Новалиса сформулировал, как представляется, Й. Г. Фихте (на учение которого в своих идеях государства последовательно опирался йенский романтик). В написанных спустя семь лет после кончины Новалиса «Речах к немецкой нации» (1808) Фихте так объясняет отличия в национально-культурном самосознании французов и немцев: если германцы к востоку от Рейна сохранили этноязыковую аутентичность, то франки, утвердившиеся в Галлии (нынешней Франции), заговорили на местном диалекте языка бывших завоевателей – римлян (назвав его своим именем – ‘*Frankisch*’). В терминологии Фихте франки перестали быть «народом изначального языка», который, в понимании философа, является основной коллективного самосознания и мировосприятия [20, с. 67–68, 103]⁹.

Суммарно с позициями Новалиса и хайдельбергских романтиков оценка Фихте подводит к выводу: отсутствие скрепляемой языком духовной связи с природой как почвой превращает народ из внутреннего единства в неустойчивое сообщество.

В следующем веке Л. П. Карсавин [22, с. 25–34, 44–55, 81, 97] и Ж. Ле Гофф [23, с. 41–57] обозначили исторические предпосылки романтического взгляда на национальную культуру. По сути, они констатировали возникновение в Европе в результате римского завоевания двух типов культуры, которые можно условно определить как национальный и конвенциональный. Для большинства культур центральной, северной и восточной Европы, сохранивших вместе с языками связь с мифом и фольклором, христианство, а впоследствии античность стали формами под-

⁶О значениях «просвещенности», в том числе властной, у Новалиса см., напр.: [17, с. 82–111].

⁷См. об этом: [1, с. 409–410].

⁸ Именно изначальность этой модели в отношении классицизма и просвещения и делают позицию романтика не реакционной, но консервативной. См. специально посвященную этому монографию [18]. О соответствующих преимуществах прусской модели у Новалиса см. также: [19, с. 299–318].

⁹Ср. замечание В. Гумбольдта в статье «Характер языка и характер народа» (1822) о стадийно позднейшем, в сравнении с германскими языками, формировании в Европе «дочерних языков латыни», происходящем уже в пору зрелого средневековья – в терминологии Гумбольдта «... на наших глазах... посредством смешения и изменения» [21, с. 373].

спудного саморазвития. В то же время ряд культур Средиземноморья сформировался римским завоевательным объединением неродственных этносов (кельтов, берберов, финикийцев), а также покоривших либо сменивших римлян в их бывших владениях германских франков, лангобардов, вестготов. В результате они постепенно забыли родные языки и оказались отсечены от своей доримской культуры и фольклора. Диалекты латыни и христианская религия (а затем канонизированная в классицизме античность) стали для вновь образовавшихся единств фундаментальной культурной конвенцией. Возможно, эта историко-культурная развилка и была оторефлексирована немецкими штюрмерами и романтиками – в противовес французскому Просвещению и благодаря ему¹⁰.

Список источников

1. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 401–435.
2. Новалис. Фрагменты. Перев. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. 319 с.
3. Гердер Й. Г. Идеи к философии истории человечества. Перевод с нем и прим. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 704 с.
4. Белова Л. А., Челпанова Е. В. Лингвистическая репрезентация немецкоязычной картины мира в сказках братьев Гримм // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 396–399.
5. Гёррес И., Брентано К. Дискуссия о народной поэзии // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 17–250.
6. О народной поэзии. Из писем и статей романтических писателей // Эстетика немецких романтиков. Публ. А. В. Михайлов. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. С. 275–308.
7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 673 с.
8. Herder J. G. Gedanken bei Lesung Montesquieus. Sturm und Drang. Weltanschauliche und ästhetische Schriften. Bd. I-II. Hrsg. P. Müller. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1978. Bd. I, S. 105–108.
9. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: Росспэн, 2004. 480 с.
10. Тураев С. В. Гете и формирование концепции мировой литературы. М.: Наука, 1989. 268 с.
11. Leitzmann H. Der junge Goethe und Herders Schriften, in: Goethe. Vierteljahrsschrift. D. Goethe-Gesellschaft, 7, 1942. S. 21–40.
12. Doke T. Faustdichtungen des Sturm und Drang // Goethe-Jahrbuch, 32, 1970. S. 29–49.
13. Волков И. Ф. «Фауст» Гете и проблема художественного метода. М.: Изд. МГУ, 1970. 264 с.

¹⁰Ср. характерную в этом плане оценку Америки Я. Гриммом а его письме к Арниму как «колонии, лишённой почвенности» [5, с. 300].

14. Михайлов А. В. Гете, поэзия, «Фауст» // Гете И. В. Фауст. Лирика. Серия Библиотека классики (Зарубежная литература). Сост., вступительная статья, комментарий. М.: Художественная литература, 1986. С. 9–40.

15. Иваницкий А. И. Автобиографизм I части «Фауста» Гёте: о роли и месте в смысловом целом // Литература и искусство в поле притяжения Гёте: сборник научных статей. Отв. ред. П. В. Абрамов. М.: Изд. Московского государственного лингвистического университета, 2023. С. 376–391.

16. Vietor K. Goethe. Dichtung, Wissenschaft, Weltbild. Bern: 1949. 600 S.

17. Schanze H. Romantik und Aufklärung: Untersuchungen zu Friedrich Schlegel und Novalis. Nurnberg: Carl, 1966. 176 S.

18. Kurzke H. Romantik und Konservatismus: Das «politische» Werk Friedrich von Hardenbergs (Novalis) im Horizont seiner Wirkungsgeschichte. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. 292 S.

19. Häring Th. Novalis als Philosoph. Stuttgart: Kohlhammer, 1954. 648 S.

20. Фухте Й. Г. Речи к немецкой нации. Пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, 2008. 336 с.

21. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа. Перев. с нем. А. О. Гулыги // В. Гумбольдт Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370–381.

22. Карсавин Л. П. Культура Средних веков. Киров: Символ – Airland, 1995. 198 с.

23. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Пер. с французского под ред. В. Л. Бессмертно-го. М.: Прогресс-Академия. 1992. 373 с.

References

1. Mikhailov, A. V. (2006). *E`steticheskie idei nemetskogo romantizma* [Aesthetic Ideas of German Romanticism]. E`stetika nemetskikh romantikov. Publ. A. V. Mikhailov. Pp. 401–435. St. Petersburg, izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
2. Novalis. (2014). *Fragments* [Fragments]. Perv. s nem. A. L. Vol'skogo. 319 p. St. Petersburg, Vladimir Dal'. (In Russian)
3. Gerder, I. G. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of Human History]. Pervod s nem i prim. A. V. Mikhailova. 704 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Belova, L. A., Chelpanova, E. V. (2023). *Lingvisticheskaya reprezentatsiya nemetskoyazy`chnoi kartiny` mira v skazkakh brat'ev Grimm* [Linguistic Representation of the German-language Picture of the World in the Fairy Tales of the Brothers Grimm]. Kognitivny'e issledovaniya yazy`ka. No. 4 (55), pp. 396–399. Moscow. (In Russian)
5. Gyorres, J., Brentano, K. (2006). *Diskussiya o narodnoi poe`zii* [Discussion about Folk Poetry]. E`stetika nemetskikh romantikov. Publ. A. V. Mikhailov, pp. 17–250. St. Petersburg, izd. SPbGU. (In Russian)
6. *O narodnoi poe`zii. Iz pisem i statei romanticheskikh pisatelei* (2006) [About Folk Poetry.

From Letters and Articles of Romantic Writers]. E`stetika nemetskikh romantikov. Publ. A. V. Mikhailov. Pp. 275–308. St. Petersburg, izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

7. Montesk'e, Sh. L. (1999). *O dukhe zakonov* [About the Spirit of Laws]. 673 p. Moscow, My'sl'. (In Russian)

8. Herder, J. G. (1978). *Gedanken bei Lesung Montesquieus* [Thoughts while Reading Montesquieu]. Sturm und Drang. Weltanschauliche und ästhetische Schriften. Bd. I-II. Hrsg. P. Müller. Bd. I, S. 105–108. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag. (In German)

9. Meineke, F. (2004). *Vozniknovenie istorizma* [The Emergence of Historicism]. 480 p. Moscow, Rosspe'n. (In Russian)

10. Turaev, S. V. (1989). *Gete i formirovanie kontseptsii mirovoi literatury* [Goethe and the Formation of the Concept of World Literature]. 268 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Leitzmann, H. (1942). *Der junge Goethe und Herders Schriften* [The young Goethe and Herder's writings]. Goethe. Vierteljahrsschrift. No. 7, pp. 21–40. D. Goethe-Gesellschaft. (In German)

12. Doke, T. (1970). *Faustdichtungen des Sturm und Drang* [Faust Poems of the Sturm und Drang Period]. Goethe-Jahrbuch, No. 32, pp. 29–49. (In German)

13. Volkov, I. F. (1970). *“Faust” Gete i problema khudozhestvennogo metoda* [Goethe's “Faust” and the Problem of Artistic Method]. 264 p. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

14. Mikhailov, A. V. (1986). *Gete, poe`ziya, “Faust”* [Goethe, Poetry, “Faust”]. Gete I. B. Faust. Lirika. Seriya Biblioteka klassiki (Zarubezhnaya literatura). Sost., vstypitel'naya stat'ya, kommentarii. Pp. 9–40. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

15. Ivanitskii, A. I. (2023). *Avtobiografizm I chasti “Fausta” Gyote: o roli i meste v smy'slovom tselom*

[Autobiographism of the First Part of Goethe's “Faust”: About the Role and Place in the Semantic Whole]. Literatura i iskusstvo v pole prityazheniya Gyote: sbornik nauchny'kh statei. Otv. red. P. V. Abramov. Pp. 376–391. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. (In Russian)

16. Vietor, K. (1949). *Goethe. Dichtung, Wissenschaft, Weltbild* [Goethe. Poetry, Science, Worldview]. 600 p. Bern. (In German)

17. Schanze, H. (1966). *Romantik und Aufklärung: Untersuchungen zu Friedrich Schlegel und Novalis* [Romanticism and Enlightenment: Studies on Friedrich Schlegel and Novalis]. 176 p. Nurnberg, Carl. (In German)

18. Kurzke, H. (1983). *Romantik und Konservatismus: Das “politische” Werk Friedrich von Hardenbergs (Novalis) im Horizont seiner Wirkungsgeschichte* [Romanticism and Conservatism: The “Political” Work of Friedrich von Hardenberg (Novalis) in the Context of Its History of Influence]. 292 p. München, Wilhelm Fink Verlag. (In German)

19. Häring, Th. (1954). *Novalis als Philosoph* [Novalis as a Philosopher]. 648 p. Stuttgart, Kohlhammer. (In German)

20. Fikhte, J. G. (2008). *Rech'i k nemetskoi natsii* [Speeches Addressed to the German Nation]. Per. s nem. A. K. Sudakova. 336 p. Moscow, Kanon+. (In Russian)

21. Gumbol'dt, V. (1985). *Kharakter yazy'ka i kharakter naroda* [The Character of the Language and the Character of the People]. Perev. s nem. A. O. Guly'gi. Gumbol'dt V. Yazy'k i filosofiya kul'tury', pp. 370–381. Moscow, Progress. (In Russian)

22. Karsavin, L. P. (1995). *Kul'tura Srednik vekov* [Culture of the Middle Ages]. 198 p. Kirov, Simvol – Airland. (In Russian)

23. Le Goff, Zh. (1992). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Per. s frantsuzskogo pod red. V. L. Bessmertnogo. 373 p. Moscow, Progress-Akademiya. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Иваницкий Александр Ильич,
доктор филологических наук,
Российский государственный гуманитарный
университет,
125047, Россия, Москва,
Миусская пл., 6.
meisster@mail.ru

Ivanitskiy Alexander Ilyitch,
Doctor of Philology,
Russian State University for Humanities,

6 Miusskaya Square,
Moscow, 125047, Russian Federation.
meisster@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-134-139

В. НАБОКОВ О СВОЕМ СТАТУСЕ «АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ 1950–1970-Х ГГ.)

© Карина Касымова

V. NABOKOV ABOUT HIS STATUS OF “AN AMERICAN WRITER” (BASED ON INTERVIEWS OF THE 1950S-1970S)

Karina Kasymova

V. Nabokov is known as one of the unique phenomena in 20th century world literary history not only because of the unconditional significance of his creative legacy, but also because everything he wrote belongs equally to the history of two national literatures, Russian and American. So, researchers' discussions about which of the national-literary paradigms V. Nabokov belongs to a greater extent are completely justified. As for our study, its aim is to analyze V. Nabokov's public statements concerning his personal perception of one of the sides of his creative self, namely the status of “an American writer”. The object of the study is V. Nabokov's interviews given by him to various publications from the 1950s to the 1970s. The study is based on V. Nabokov's interviews from the book “Nabokov about Nabokov and Other Things: Interviews, Reviews, Essays” compiled by N. Melnikov. The scientific novelty of the study lies in the fact that until now Nabokov's interviews have not been analyzed comprehensively for the presence of statements identifying him as “an American writer”. In the course of analyzing Nabokov's public statements about his “American writer” status, we concluded that this Nabokov's position was based on his pragmatic strategy of anticipating the audience's expectations, when he demonstrated accuracy in his identifying formulations and formal “nostalgia” for his estranged second homeland called the United States.

Keywords: V. Nabokov, interview, American writer, national-literary paradigm, public statements, identifying formulations

В. В. Набоков, как известно, представляет собой один из уникальных феноменов в истории мировой литературы XX века не только в силу безусловной значительности оставленного им творческого наследия, но и потому, что все им написанное в одинаковой степени принадлежит истории сразу двух национальных литератур – русской и американской. С учетом этого дискуссии исследователей, биографов и литературных критиков о том, какой из национально-литературных парадигм Набоков принадлежит в большей степени, более чем обоснованы. Что касается нашего исследования, то его целью стал анализ публичных высказываний В. Набокова, касающихся его личного восприятия одной из сторон собственного творческого «я», а именно – его многолетнего и бесспорного, казалось бы, статуса «американского писателя». Объектом исследования выступили интервью В. Набокова, данные им для различных западных изданий в период с конца 1950-х и до конца 1970-х гг. Материалом исследования послужили тексты интервью В. Набокова из книги «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе», составленной Н. Г. Мельниковым. Научная новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени интервью В. Набокова на предмет наличия в них высказываний, идентифицирующих его как «американского писателя», комплексно не анализировались. В ходе анализа публичных рассуждений В. Набокова о его статусе «американского писателя» был сделан вывод о том, что позиционирование Набоковым себя таковым во многом строилось на его прагматичной установке по предугадыванию ожиданий аудитории. В ходе реализации этой стратегии им последовательно демонстрировались аккуратность в идентифицирующих формулировках и формальная «ностальгия» по США, отдалившейся второй родине.

Ключевые слова: В. В. Набоков, интервью, американская литература, национально-литературная парадигма, публичные высказывания, идентификационные формулировки

Для цитирования: Касымова К. В. Набоков о своем статусе «американского писателя» (на материале интервью 1950–1970-х гг.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 134–139. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-134-139

Фраза «я – американский писатель» не раз прозвучала в интервью В. В. Набокова. Если бы эту фразу произнес кто-нибудь другой, ее можно было бы счесть простой констатацией факта. Однако у Набокова подобная фраза не могла не вызывать некоторого внутреннего отторжения ввиду заложенной в ней «угрозы» его тщательно создаваемому образу абсолютного творческого индивидуалиста, которому претит мысль об ограничении себя рамками только одной национально-культурной системы. Значит, нужны были объективные причины, вынуждавшие Набокова все же причислять себя к сообществу американских писателей публично, – и подобные причины были. Первая из них состоит в том, что именно в Америке Набоков обрел статус знаменитого писателя. Америка, отвергшая однажды «бедняжку» «Лолиту», смогла «загладить» свою вину перед ней, дав ей первое место в списке бестселлеров, многотысячные тиражи и право на экранизацию. На волне ошеломительного успеха «Лолиты» имя ее создателя, как отмечает Н. Г. Мельников, стало «известным миллионам читателей» [1, с. 152]. Вторая же причина заключается в том, что приобретенный Набоковым в Америке статус автора романа-сенсации поспособствовал тому, что мировые издательства активизировали свою деятельность по приобретению прав на публикацию корпуса всех его прошлых и будущих произведений. Таким образом, Америка подарила писателю успех, финансовую независимость и творческую свободу – теперь Набоков мог оставить преподавание, зажить спокойно и респектабельно, отдаваясь писательству как акту творения, а не способу заработка. Вместе с тем полученные Набоковым слава и признание, по-видимому, накладывали на него своего рода негласные «обязательства», в результате которых ему нужно было продемонстрировать Америке свою признательность за успех в виде публичных признаний себя «американским писателем». И Набоков готов был оправдать возложенные на него ожидания, с гордостью называя себя «американским писателем» перед лицом своей потенциальной аудитории.

Однако необходимость «соответствовать» ожиданиям не могла не вступить в противоречие с одним из главных, по признанию самого Набокова, свойств его характера – врожденной страстью к независимости. Поэтому если Набоков все же решал признать себя «американским писателем», то делал это так, чтобы в конструкции

его «признаний» оставались небольшие смысловые «лазейки», оставляющие простор для интерпретационного маневра. Например, в интервью для журнала «Плейбой» (1963) Набоков, отвечая на вопрос о своей принадлежности к какой-нибудь нации, сначала вполне однозначно заявляет, что он – американский писатель, а затем сразу же напоминает о том, что родился он при этом в России, учился в Англии и жил в Германии, однако в 1940 г. приехал в Америку, чтобы «стать американским гражданином» [2, с. 136]. В данном случае Набоков аккуратно подменяет свой статус «американского писателя» своим же статусом «американского гражданина» – при этом за счет того, что заявление «Я – американский писатель» стоит в начале его высказывания, запоминается именно оно, смысловые же «нюансы» становятся не так заметны. В интервью для французского издания «Пари ревю» (1966) вновь происходит замена «писателя» на «гражданина»: Набоков признается: несмотря на то что он не слишком эмоционально причастен к «американской <...> литературе <...> в духовном плане», все же испытывает «беззаботную гордость», показывая «свой <...> американский паспорт на европейских границах» [Там же, с. 216]. В 1969 г. итальянский журналист Клаудио Горльер интересуется у Набокова, «подходит ли к нему этикетка „американский писатель“». На что получает «заимствование» с ответа О. Тоффлеру, данного несколькими годами ранее: да, говорит Набоков, «я горд тем, что считаюсь американским писателем» – ведь «после 1940-го я стал гражданином США» [3, с. 486]. В 1974 г., отвечая на вопрос Джералда Кларка из американского «Эсквайра» о том, считает ли он себя «по-прежнему американцем», Набоков, проведя в своем ответе некоторые расчеты, исходя из которых «дольше всего» он прожил именно в Америке, уверенно заявляет – да, он – американец [2, с. 387].

В случаях, когда ответ на вопрос журналиста не предусматривал подмену статуса «американского писателя» статусом «американского гражданина», Набоков старался формулировать его так, чтобы степень смысловой однозначности в нем была сведена к минимуму. К примеру, в 1966 г. Альфред Аппель в беседе с писателем замечает, что библиографы и журналисты нередко испытывают затруднения в вопросе о том, какой литературной системе господин Набоков принадлежит в большей степени – американской или

русской? И потому не мог бы мистер Набоков помочь разрешить их, дав свой однозначный ответ? На данную просьбу Набоков реагирует следующим образом: сейчас он считает себя американским писателем, при этом когда-то он был и русским писателем. Однако в целом, продолжает Набоков, стоит сказать, что чем *характернее* писатель, тем меньшее значение приобретает наличие на нем «этикетки» с указанием на его национальную принадлежность [Там же, с. 177–178]. В интервью Джорджу Плимptonу того же года Набоков с несколько лукавым сожалением сетует на то, что ему приходится *«быть отстраненным»*, ведь профессиональные американские критики никак не могут определиться, можно ли считать его частью общества современных писателей Америки [Там же, с. 227]. В 1968 г., давая интервью Николасу Гарнхэму из британского «Листенера», Набоков признается, что *«на самом деле»* он не принадлежит *«ни одному континенту»*. Он – *«курсирующий над Атлантикой челнок»*, далекий от любых классификаций [Там же, с. 239]. Впрочем, данное признание не помешает Набокову год спустя, отвечая на вопрос журналиста американского «Тайма» о том, считает ли он себя *«до сих пор в чем-то американцем»*, заявить, что он *«и есть американец»* и ему *«нравится быть американцем»* [Там же, с. 247].

Помимо слов про «американского» писателя и гражданина, на образ «своего» для Америки работала еще и ностальгия по ней, которую Набокову удалось весьма поэтично воспеть, проживая в Швейцарии. Необходимо отметить, что, когда в 1959 г. писатель отправлялся в небольшое турне по Европе, он, как указывает Брайан Бойд, предполагал, что оно продлится *«не более трех месяцев»* [4, с. 465]. Расставание с Америкой, оказавшееся в итоге окончательным, было, таким образом, не результатом сознательного плана, а стечением обстоятельств. Когда в 1940 г. Набоков, спасаясь от войны, покидал Европу, он надеялся обрести в Америке новую родину, место, в котором он смог бы дышать *«полной грудью»* [2, с. 84]. И постепенно ему, как он отметил в беседе с О. Тоффлером, удалось открыть для себя лучшие ее стороны, начать преподавательскую деятельность, продолжить – исследовательскую и литературоведческую, приобрести *«больше друзей, чем когда-либо имел в Европе»*, найти своих новых *«превосходных читателей»* [Там же, с. 136]. С учетом этого, Набоков вряд ли предполагал, что больше в Америку не вернется, за исключением нескольких коротких визитов. С другой стороны, по мнению Б. Бойда, после того, как писатель принял решение оставить долж-

ность преподавателя в Корнеле, а его единственный сын обосновался в Милане, Америка в целом уже не слишком держала его, а бабочек, горные склоны и библиотеки можно было найти и в Европе [4, с. 465, 482].

Необходимо сказать, что первое время Европа немного разочаровывала Набокова: в одном из писем своему другу Морису Бишопу он писал, что время не пощадило места, которые он знал, а те, что он видел впервые, не обещали *«воспоминаний, которые стоило бы хранить»* [4, с. 482]. В октябре 1961 г. Набоков, *«по причинам исключительно личного характера»*, решил временно – как тогда казалось – осесть в швейцарском Монтрё [4, с. 502], [2, с. 137]. Однако чем больше времени писатель там проводил, тем сильнее откладывалось его возвращение в Америку. В 1964 г. в разговоре с Джейн Хоуард Набоков признался, что решил извлечь пользу из своей разлуки с Америкой и развить в себе ту же плодотворную ностальгию по отношению к ней, которую он испытывал по России *«в первые <...> годы <...> эмиграции»* [Там же, с. 162]. В 1965 г. Набоков, рассуждая о некоторых промежуточных итогах своего жизненного пути, заметил, что первая его часть *«отмечена <...> хронологической опрятностью»*. Так, говорит писатель, первые двадцать лет своей жизни он провел в России, следующие двадцать – в Западной Европе, и еще двадцать лет после этого жил в Америке. И вот уже пять лет, как он вновь живет в Европе. Но он не обещает, что продержится *«еще пятнадцать во имя поддержания ритма»*, – возможно, как только ему удастся накопить достаточно энергии, он вернется в Америку *«на длительное время»* [Там же, с. 170]. В 1968 г., описывая Мартину Эслину свой распорядок дня, Набоков как бы промежду прочим сообщает, что собирается *«приблизительно через год»* отправиться в страну, ставшую ему *«второй родиной»*, – и тут же делает оговорку, замечая, что он *«слишком ленивый путешественник»* [Там же, с. 229]. В 1969 г. Марта Даффи интересуется у писателя, подумывает ли он по-прежнему о возвращении в Америку? Например, в Калифорнию, о которой он упоминал пару лет назад? Набоков отвечает утвердительно: да, он мечтает *«провести в Калифорнии <...> закат своей жизни»* [Там же, с. 247].

До определенного момента заверения Набокова в том, как ему недостает Америки, звучали убедительно – все-таки в США он провел двадцать лет и потому мог искренне привязаться к ее условным тропинкам в Скалистых горах. Так, когда в 1960 г. писатель получил приглашение в Голливуд для работы над киносценарием «Лоли-

ты», он принял его не только потому, что нашел подходящее решение для этой «непростой задачи», но и «потому, что ужасно соскучился по Америке» [5, с. 243]. Находясь в Швейцарии, Набоков периодически задумывался о том, чтобы «навсегда поселиться в <...> Калифорнии» или, по крайней мере, проводить там «половину времени» [4, с. 484, 502]. Но постепенно жизнь в Швейцарии демонстрировала все больше достоинств вроде политического спокойствия, приятного климата и новых бабочек [4, с. 548], [2, с. 398]. Да, связь с Америкой не прерывалась – хотя бы потому, что, во-первых, по словам Набокова, он как честный американский гражданин, платил подоходный налог «в казну США с каждого заработанного [им] цента» [2, с. 247], а во-вторых, уделял время чтению книг «с претензией на сверхъестественность», которые американские издатели присылали ему в надежде на его благосклонный отклик [Там же, с. 110].

К концу 1960-х гг. Набоков, как отмечает Б. Бойд, окончательно решил для себя, что «плодотворное уединение в Швейцарии» предпочтительнее «рассеянной жизни в Америке» [4, с. 502]. Но американской аудитории знать о принятом им решении было необязательно – потому в беседах с журналистами писатель продолжал говорить о надеждах и планах на скорое возвращение в Америку или по крайней мере на ее посещение. Так, в интервью Клоду Жанно (1972) Набоков заметил, что хотел бы в следующем году «побаловать себя <...> порцией калифорнийского солнца». Причину же своего затянувшегося отсутствия объяснил тем, что «путешествие на корабле слишком продолжительно», а летать он ненавидит [2, с. 349–350]. Однако в 1973 г. встретиться с Калифорнией писателю не удалось. Поэтому в интервью для американского «Сатудэй ревью» (1974) на вопрос Джорджа Фейфера о том, что ему бы хотелось «сделать в ближайшие два года», Набоков, перечисляя желания вроде «поохотиться на бабочек» или «вернуться к теннису», называет также и желание «посетить некоторые пейзажи <...> Америки» [Там же, с. 382]. В 1975 г. писатель не оставил «надежды» вернуться в Соединенные Штаты, чтобы «задержаться там еще годков <...> на двадцать» [Там же, с. 398]. В интервью Роберту Робинсону в феврале 1977 г. Набоков вновь сообщил, что планирует вернуться в Америку «при первой возможности» [Там же, с. 418]. Как известно, этим «планам» не было суждено сбыться – в июле того же года Набокова не стало. Таким образом, за шестнадцать лет, проведенных в Швейцарии, в США Набоков побывал в итоге только дважды: первый визит был

связан с кинопремьерой «Лолиты» в июне 1962 г., второй – с презентацией его перевода «Евгения Онегина» в апреле 1964 г. [4, с. 555, 574].

Конечно, факт того, что планы Набокова посетить свою «вторую родину» или вернуться в нее насовсем так и остались на стадии планов, можно объяснить довольно просто: с течением времени писателю, по его словам, все труднее было заставить себя вылезти из «уютного шезлонга или кресла» даже ради поездки в находящуюся в сорока минутах езды от Монтрё Лозанну, не говоря уже о том, чтобы совершить гораздо более энергозатратное путешествие с пересечением Атлантики [4, с. 170]. В конце концов, статус Набокова как «американского писателя» едва ли зависел от его географического местоположения. Гораздо интереснее здесь то, как «американский писатель» Набоков на протяжении восемнадцати лет искусно имитировал как свою «тоску» по Америке, так и свою принадлежность к ее литературе в публичном пространстве, и «эмоциональнее» всего «тоска» и «принадлежность» проявлялись в интервью для крупных американских изданий, вроде «Тайма», «Плейбоя» или «Эсквайра»: Набоков в данном случае говорил ровно то, что ожидается услышать от писателя, прожившего в Америке двадцать лет и пишущего на английском языке. Своего рода подтверждением этой продуманной Набоковым игры в «имитацию» можно считать его высказывание из беседы с Олденом Уитменом (1969), в ходе которой Набоков замечает, что в его случае быть «американским писателем» означает только то, что он – «писатель, в течение четверти века имеющий американское гражданство». Более того, продолжает Набоков, это также означает только то, что «все [его] теперешние книги впервые публикуются в Америке» [2, с. 257]. Здесь стоит сказать, что, сделав это достаточно откровенное признание в том, что именно он подразумевает под своим статусом «американского писателя», Набоков тут же «смягчает» его своим же восхищением Америкой – единственной страной, в которой он «психологически и эмоционально» чувствует себя дома [Там же].

Таким образом, во всей «американской» публичной линии поведения Набокова чувствуется внутренний расчет, действие по принципу «вы – мне, а я – вам». На наш взгляд, подобная прагматичная установка вполне оправдана – до «Лолиты» Набокову приходилось больше отдавать, чем получать. Ему, уже состоявшемуся и сложившемуся автору, в Америке пришлось начать, по его собственному определению, новую спираль своей творческой жизни. И начать ее пришлось с

принесения «жертвы» в виде расставания с бесконечно богатым, послушным родным русским языком – ради «второсортного», по его же мнению, английского [Там же, с. 122]. Насколько «прощание» с родным языком было для Набокова драматичным, сказать трудно: в ходе публичной рефлексии писатель нередко вступал в противоречие с самим собой. К примеру, в интервью Филлис Мерас (1962) он признается, что ему совсем не важно, на каком языке писать, ведь «язык – лишь инструмент» [Там же, с. 106]. В телеинтервью же Р. Хьюзу (1965) «полный переход от русской прозы к английской» Набоков называет «чудовищно болезненным», сравнимым по ощущениям с мучительным поиском простейших приемов обращения «с предметами после потери семи или восьми пальцев во время взрыва» [Там же, с. 169]. Как бы то ни было, Набокову удалось совершить интеллектуально-психологическую перестройку самого себя, в результате которой его «серии романов на том и на другом языке» в конечном счете стали обладать, как отметил сам писатель в беседе с К. Жанно, «одинаковой художественной ценностью» [Там же, с. 349]. Америка же продолжительное время демонстрировала свое довольно прохладное к нему внимание – она не готова была считать его «своим», и ее не получалось в должной мере заинтересовать стилистической изысканностью и языковой изощренностью. Пришлось «тонкому художнику» Набокову воспользоваться «советами» г-на Щеголева и м-ра Гудмена и написать роман про соблазн «под особым углом зрения» [6, с. 170–171], [7, с. 72]. На этот раз пройти мимо Набокова у Америки не получилось – после четырех своих «нет» она смогла сказать «да» и сделать из «серьезной книги с серьезным замыслом» – именно так охарактеризовал ее сам Набоков в переписке со своим издателем Морисом Жиродиа – громкий «проект» с высокими рейтингами и многотысячными тиражами, а из ее автора – новую литературную звезду [8, с. 205]. «Шокирующая» «Лолита», нарушив «спокойствие» консервативной Америки, заставила разглядеть своего создателя. Вот только весь этот ошеломительный успех, к которому она его привела, не стал для него чем-то неожиданным – так, в одном из писем к сестре Елене Набоков заметил, что все это должно было «случиться тридцать лет тому назад» [9, с. 93].

Поэтому ждать от Набокова особенно теплых чувств к Америке вряд ли стоит. Так, несмотря на то, что в ходе публичной рефлексии Набоков не раз называл себя «американским писателем», рассматривать это как полноценное подтверждение его принадлежности к американской литера-

туре не стоит, так как в формулировке каждого его именованья себя таковым имеется изрядная доля интерпретационной неоднозначности. Также Набоков нередко выбирает стратегию по «переклещению» внимания журналистов с себя как «американского писателя» на себя как «американского гражданина», который, проживая в Швейцарии, испытывает щемящую «тоску» по Америке и не терпит домыслов о том, будто он смеется над своей второй родиной. Да, складывается ощущение, что из интервью в интервью Набоков демонстрирует способность «соответствовать» ожиданиям своей потенциальной аудитории, говоря ей то, что она желала бы услышать, то, что не смогло бы дать поводов упрекнуть его в «отчуждении» или «неблагодарности» по отношению к приютившей когда-то стране. Таким образом, Набоков публично воздаст Америке должное за свой успех «по-американски»: ровно настолько, чтобы, с одной стороны, не слишком покривить душой, с другой – не нарушить собственный внутренний «нейтралитет».

Список источников

1. Мельников Н. Г. «Лолита» – скандальный шедевр Владимира Набокова // О Набокове и прочем: статьи, рецензии, публикации / Н. Г. Мельников. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 75–87.
2. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / Редактор-составитель Н. Г. Мельников. М.: Издательство Независимая Газета, 2002. 704 с.
3. Мельников Н. Г. Писатель и папарацци: итальянские интервью Владимира Набокова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Вып. 2. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 479–492.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы. Биография / пер. с англ. СПб: Симпозиум, 2010. 950 с.
5. Набоков В. Лолита: сценарий / пер. с англ. А. Бабинова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
6. Набоков В. В. Избранные сочинения в 3 томах. Т. 2 / коммент. А. Кузнецова. М.: Мир книги, 2004. 528 с.
7. Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1 / Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Предисл. и коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 2004. 608 с.
8. Nabokov V. Selected Letters. 1940-1977 / Ed. by D. Nabokov and M. J. Bruccoli. B.: Harvest Books, 1991. 624 p.
9. Набоков В. Переписка с сестрой [Е. Сикорская] / В. Набоков. Ann Arbor: Ardis, 1985. 125 с.

References

1. Mel'nikov, N. G. (2014). "Lolita" – skandal'nyi shedevr Vladimira Nabokova ["Lolita" – a Scandalous

Masterpiece by Vladimir Nabokov]. O Nabokove i prochem: stat'i, retsenzii, publikatsii. Pp. 75–87 Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

2. Nabokov o Nabokove i prochem: interv'yū, retsenzii, esse (2002) [Nabokov about Nabokov and Other Things: Interviews, Reviews, Essays]. Redaktor-sostavitel' N. G. Mel'nikov. 704 p. Moscow. Nezavisimaya gazeta. (In English)

3. Mel'nikov, N. G. (2011). *Pisatel' i paparatstsi: ital'yanskii interv'yū Vladimira Nabokova*. [V. Nabokov's Italian Interviews]. Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. No. 2, pp. 479–492. Moscow. Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. (In Italian)

4. Boyd, B. (2010). *Vladimir Nabokov: amerikanskii gody. Biografiya*. [Vladimir Nabokov: The American Years. A Biography]. Per. s angl. 950 p. St. Petersburg. Simpozium. (In Russian)

5. Nabokov, V. (2010). *Lolita: stsennarii*. [Lolita: A Screenplay]. Per. s angl. A. Babikova. 256 p. St. Petersburg. Azbuka-klassika. (In Russian)

6. Nabokov, V. V. (2004) *Izbrannye sochineniya v 3 tomakh. T. 2* [Selected Works: In 3 Volumes. Vol. 2]. Komment. A. Kuznetsova. 528 p. Moscow. Mir knigi. (In Russian)

7. Nabokov, V. V. (2004) *Amerikanskii period. Sbranie sochinenii v 5 tomakh. T. 1* [The American Period. Collected Works in 5 Volumes. Vol. 1]. Per. s angl. Sost. S. Il'ina, A. Kononova. Predisl. i komment. A. Lyuksemburga. 608 p. St. Petersburg. Simpozium. (In Russian)

8. Nabokov, V. (1991). *Selected Letters. 1940–1977*. Ed. by D. Nabokov and M. J. Bruccoli. 624 p. Boston. Harvest Books. (In English)

9. Nabokov, V. (1985) *Perepiska s sestroi (E. Sikorskaya)* [Correspondence with Sister (E. Sikorskaya)]. 125 p. Ann Arbor. Ardis. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Касымова Карина,
аспирант,
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620002, Россия, Екатеринбург,
Мира, 19.
kasymovak@list.ru

Kasymova Karina,
graduate student,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira Str.,
Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.
kasymovak@list.ru

УДК 821(571.122)''19''-31.09Айпин Е.
DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-140-145

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Е. Д. АЙПИНА

© Дмитрий Ларкович

ESCHATOLOGICAL MYTH IN THE NOVEL WORKS BY E. AIPIN

Dmitry Larkovich

The article represents the experience of scientific reading of the novel works by the major Khanty prose writer E. Aipin from the perspective of mythopoetics. Witnessing the global changes at the turn of the 20th–21st centuries and being acutely aware of the crisis nature of the era, the writer introduces in his novels a number of eschatological myths, existing in the culture of the Khanty people and the cultures of other peoples, into the field of his interpretations. The author correlates the crisis phenomena inherent in the social consciousness of the millennium and expressed in environmental, socio-political and spiritual-moral shifts with the “eternal plots” of eschatological mythology, thereby bringing the eventual focuses of artistic narration to the level of general cultural and generally significant problems. The actualization of the eschatological context of Aipin’s novels is facilitated by the frequent use of concepts and artistic signs of catastrophic semantics: fire (“Khanty, or the Star of the Dawn”), death, destruction (“Mother of God in the Bloody Snows”), global flood (“In Search of the First Earth”), etc. In the process of the author’s understanding of the role and place of man in the modern world, there is an expansion of the scale of eschatological issues from novel to novel: from the ethnic to the universal level.

Keywords: eschatology, eschatological myth, mythopoetics, Khanty literature, novel, E. Aipin

Статья представляет собой опыт научного прочтения романного творчества крупнейшего хантыйского прозаика Е. Д. Айпина в ракурсе мифопоэтики. Будучи свидетелем глобальных перемен рубежа XX–XXI веков и остро ощущая кризисный характер эпохи, в своих романах писатель вводит в поле авторской интерпретации ряд эсхатологических мифов, бытующих в культуре народа ханты и культурах других народов. Кризисные явления, присущие общественному сознанию миллениарной эпохи и выражающиеся в экологических, социально-политических и духовно-нравственных сдвигах, автор соотносит с «вечными сюжетами» эсхатологической мифологии, тем самым выводя событийные фокусы художественного повествования на уровень общекультурной и общезначимой проблематики. Актуализации эсхатологического контекста айпинских романов способствует частотное использование концептов и художественных знаков катастрофической семантики: пожар («Ханты, или Звезда Утренней Зари»), гибель, разрушение («Божья Матерь в кровавых снегах»), всемирный потоп («В поисках Первоземли») и др. В процессе осмысления автором роли и места человека в современном мире от романа к роману наблюдается расширение масштаба эсхатологической проблематики: от этнического до общечеловеческого уровня.

Ключевые слова: эсхатология, эсхатологический миф, мифопоэтика, хантыйская литература, роман, Е. Д. Айпин

Для цитирования: Ларкович Д. Эсхатологический миф в романном творчестве Е. Д. Айпина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 140–145. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-140-145

Эсхатологические (греч. *εσχάτος* ‘конечный, последний’) мифы, фиксирующие ситуацию конца света, известны всем сколько-нибудь развитым культурам, и в отличие от большинства мифологических сюжетов, свидетельствующих о событиях сакрального прошлого, эсхатологическая мифология обозначает перспективы неот-

вратимого будущего. Сценарии всемирной катастрофы, сопровождающейся полным разрушением и уничтожением существующих форм бытия, вариативны (потоп, пожар, взрыв, землетрясение, засуха, голод, эпидемия и т. п.), но в большинстве своем обусловлены идеей обновления мира по воле высших сил.

Так, мифы архаичных народов, основанные на представлении о цикличности времени, рассматривают всемирную катастрофу как один из закономерных этапов космогонии, предполагающих периодическую смену состояний мироздания: от первозданного хаоса – к инициированному демиургом космосу и через временный возврат к хаосу – к обновленному космосу посредством творческой активности демиурга. С возникновением и развитием культур, основанных на монотеистических воззрениях, складывается линейная концепция времени, согласно которой мир как материальная субстанция имеет свои начало и конец, заданные Создателем и определяемые понятием «человеческая история». Так, например, в христианской культуре конец истории мыслится как Высшее воздаяние человечеству за его греховность, сопровождаемое полным уничтожением мира материального и окончательным установлением Царства Божия. В подобной ситуации в эсхатологических ученияхкратно возрастает роль этических детерминант, так как фактор коллективной ответственности человечества за нарушение Воли Творца не снимает личной ответственности с индивида и, по сути, определяет участь каждого конкретного человека в постисторической перспективе. В этом случае физическая смерть человека приобретает инициальный характер и, говоря словами Р. С. Гранина, «может быть осмыслена как частный случай трансформации личности, переводящей ее в новое онтологическое состояние» [1, с. 90].

Традиционная культура народа ханты также имеет свою эсхатологическую мифологию. Согласно хантыйской космогонии, мир был создан из щепотки донного ила, которая со дна мирового океана была доставлена птицей гагарой по воле верховного бога Нуми-Торума. Разрастаясь в размерах, эта щепотка образовала обширное земное пространство, которое вскоре покрылось растительностью и было заселено животными и людьми. Сама траектория движения мировой жизни от хаоса к космосу предполагала сбалансированность, упорядоченность и целесообразность бытия, существующего по принципу всеобщего тождества и взаимосвязи элементов, его составляющих. Однако устойчивое равновесие, заданное демиургом, может временно нарушаться в результате вмешательства его хтонического двойника, претендующего на верховную власть и несущего хаос и разрушения. В этой ситуации восстановление утраченного равновесия инициирует демиург либо его сын, выполняющий роль культурного героя и способный перемещаться между всеми существующими ярусами

мироздания (верхним, средним и нижним). Но и сам Нуми-Торум может выступать инициатором стихийных бедствий, обрушившихся на людей. Так, согласно преданию «Люди потопа» («Послан ёх»), разгневанный Небесный Отец обрушил на землю поток кипящей воды, от которого смогли спастись только те, кто построил семислойные плоты [2, с. 43]. А по одной из версий хантыйского мифа «Огненный потоп» [3, с. 70–73], сыну Торума однажды даже удалось хитростью предотвратить сход огненного шквала, который его Отец излил на землю в наказание за утрату людьми должного к нему почитания.

Творческая рефлексия эсхатологических мифов отчетливо прочитывается в литературном наследии известного хантыйского прозаика Е. Д. Айпина. Будучи современником миллениарной эпохи и свидетелем кардинальных перемен, вызванных промышленным освоением Тюменского Севера и распадом Советского Союза, Айпин глубоко осмыслил и творчески запечатлел ситуацию тотального кризиса самих основ бытия, в которой оказался его народ да и, по твердому убеждению писателя, все планетарное человечество. Наиболее ярко это проявилось в его романном творчестве, которое охватывает тридцатилетний период его литературной деятельности. Три романа Е. Айпина, опубликованные в 1990, 2002 и 2019 гг., дают наглядное представление о динамике его авторского сознания, продуцирующего актуальность эсхатологической культурной традиции.

Так, роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1990) моделирует ситуацию не самой глобальной катастрофы, а ее ожидания и предчувствия. Сюжетное повествование сосредоточено здесь вокруг судьбы потомственного охотника Демьяна и начинается с указания на ее трагическую развязку с уточнением срока – «три дня» [4, III, с. 16]. Катастрофа еще не произошла, но ощущение ее неотвратимой близости отчетливо дается через призму восприятия главного героя. Тревожные мысли Демьяна вызваны картинами изменяющейся на глазах реальности, которая нарушает складывавшийся веками образ жизни таежного человека. Он с болью замечает, как поиск и добыча нефти, которую ханты называют «горючим жиром» земли, сопровождаются вырубкой лесов, осушением озер и болот, прокладкой труб через уголья, уничтожением ягельников, истреблением таежной фауны, и эти свидетельства распада былой гармонии и разрыва единства человека и природы порождают в душе Демьяна чувство неизбывной тоски. Это чувство разделяет его старый пес Харко.

Примечательно, что само ощущение грядущей катастрофы автор подкрепляет имплицитной аллюзией апокалиптического предвестия: подобно поочередно сменяющим друг друга четырём всадникам Апокалипсиса, на югорскую землю сначала являются искатели (геологи), которые составляют карты, *«где нарисован лик Священной Земли»* [Там же, с. 45], затем рубщики *«с топорами и пилами»*, после которых *«идут машины со стальными бурами, которыми в таежную землю вгрызаются»* [Там же], и, наконец, добытчики, которые, как сказано в тексте, *«бахвалятся, что на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого не оставляют»* [Там же, с. 46]. Размышляя об этом, Демьян ощущает, как *«огонь постепенно охватывал все нутро»* [Там же, с. 47].

Образ огня вообще имеет в романе исключительно широкое поле семантической вариативности, а сама лексема «огонь» употребляется в тексте более 80 раз. Помимо своего основного значения как источника тепла и света, огонь выступает здесь в качестве метафоры любовной страсти, жизни, домашнего мира, родовой преемственности, душевного смятения, болезненной тоски, алкогольного безумия, эмоционального возбуждения и т. п.

Особый смысл в романе имеет эпизод, где огонь предстает как неодолимая разрушительная стихия и коннотируется эпитетом «безумный»:

«Этот безумный огонь прошел с Полуденной стороны на север и скосил все живое и неживое. И бор помертвел. <...> Нагие сосны на корню догнивали на обочине дороги. Из-под снега торчали скрюченные руки-ветви стариков с черными подпалинами-ожогами на узловатых суставах. Всюду серо-бледные тела мертвых сосен. Они скончались в невыносимых муках. Как и люди, умирая, они взывали к небу, взывали к тучам, взывали к дождю» [Там же, с. 98].

Однако принципиально значимым с точки зрения заявленной темы является фрагмент, где огонь выступает в качестве высшей кары, справедливого возмездия человеку, поправшему элементарные природные законы и утратившему от ощущения вседозволенности свою человеческую сущность. Примечательно, что источник информации о судьбе персонажного образа с говорящим прозвищем Кровавый Глаз и единая оценочная позиция по отношению к его действиям связаны в романе с коллективным образом народа, устами которого выражена мысль об индивидуальной ответственности человека за свои поступки, неотвратимости наказания за неоправданную жестокость:

«Вскоре пришла весть: бог покарал-таки Кровавого Глаза. Его испепелил праведный огонь. <...> главным судьей оставался огонь. Таким и должен быть его конец, решили старые жители Реки. Справедливость восторжествовала» [Там же, с. 303–304].

Автор не случайно акцентирует здесь внимание на том обстоятельстве, что средством высшего возмездия является огонь. По авторскому замыслу, неизбежно настанет момент, когда нефть, которую местные жители квалифицируют как «огонь земли», из объекта безудержной погони может обернуться средством высшего возмездия цивилизованному человечеству за его потребительское отношение к земле. И в этом смысле «Ханты, или Звезда Утренней Зари» следует воспринимать как роман-предупреждение, роман-пророчество.

В романе «Божья Матерь в кровавых снегах» (2002) эсхатологический (а точнее – апокалиптический) контекст выражен еще более отчетливо. В основу повествования Е. Айпиным положены драматические события «Казымского восстания» 1933–1934 гг., жестоко подавленного карательными отрядами Свердловского ОГПУ. Романский нарратив сфокусирован на судьбе одной остяцкой семьи, волею обстоятельств оказавшейся в эпицентре исторических коллизий и разделившей общую судьбу своего народа. В стремлении подчеркнуть универсальный характер происходящего автор использует широкий спектр аллюзивных художественных средств, отсылающих читателя не только к этнической, но и мировой культурной традиции.

Так, неизбежность катастрофы отмечена в романе системой знаковых ситуаций, которые воспринимаются как предвестие грядущей беды. К числу таких знаков Е. В. Косинцева относит мироточение иконы Божьей Матери; «случайное» сходство иконного изображения ликов убиенной царской фамилии с детьми главной героини и ее мужа, предсказавшее их гибель; полет воронов, сопровождавших в дороге Мать Детей, и др. [5, с. 35–36].

Основная эсхатологическая ситуация разворачивается в эпизоде разгрома остяцкого поселения отрядом красных карателей. Результатом экспедиции по восстановлению Советской власти в Среднем Приобье оказываются разграбленные и сожженные жилища, разоренные хозяйства, уничтоженные стада оленей, замученные и убитые мирные жители, в числе которых – старики, женщины и дети. Бойцы карательного отряда, именуемого в романе *«собачим войском»* и наглядно демонстрирующие не человеческие, а именно звериные признаки, сеют хаос, разрушение, страдание, чем вызывают отчетливые ин-

фернальные ассоциации. Командир отряда Владимир Чухновский, который в сознании одной замученной им остячки ассоциируется с мэнквом¹ [4, IV, с. 223–224], разрядив целую обойму своего револьвера в икону Божьей Матери, вполне оправдывает определение «*приспешник сатаны*» [Там же, с. 125], которое повествователь адресует всему красному воинству. По словам Н. Б. Граматчиковой, «мир красных нарушает законы мироздания: у них „вожаки“, „главари“, „ненавистные захватчики“, привычная тактика которых – пленных добить, стадо угнать, нарты порубить, провиант сожрать» [6, с. 138].

Наиболее драматичные моменты повествования представлены в эпизодах, где главная героиня одного за другим теряет своих детей, убийство которых она воспринимает как конец всего земного существования:

«Мать повалилась на остывающее тело Анны и завывала на всю Вселенную нечеловеческим воем. Ее жуткий вой, вползая во все земные и небесные трещины, расшатывал, казалось, все мироздание. Все рушилось. Все рассыпалось. С уходом Анны подступал конец мира, конец человечества, конец остяцкого народа и вместе с ними подступала кончина Матери и всех ее детей» [4, IV, с. 75].

Важно отметить и то, что образ главной героини, обозначенный в тексте как «*Мать Детей*», принципиально коррелирует с образом Божьей Матери. Их связь акцентирована в романе чертами внешнего сходства, номинативными и ситуативными аналогиями, самой возможностью их прямого контакта. Но главное, что сближает Мать Детей с образом Святой, – это спасительная миссия. Подобно Богородице, которую в канонических текстах определяют эпитетами «Заступница», «Защитница», «Спасительница», героиня романа, жертвуя собой, спасает от гибели своего последнего сына, которому суждено продолжить жизнь семьи, жизнь рода, жизнь этноса, жизнь всего человечества.

На фоне катастрофических событий в романе разворачивается мотив покаяния, который связан с образом бывшего белого офицера, продолжавшего оказывать сопротивление новой власти даже после завершения Гражданской войны. Размышляя о причинах постигшей Россию катастрофы, ставшей следствием национального раскола, Белый приходит к выводу о его личной вине перед собственным народом, ставшим народом-цареубийцей по воле исторических обстоя-

тельств и вследствие сословного высокомерия и равнодушия русского дворянства. Осознание личной ответственности за страшные потрясения, обрушившиеся на Россию, побуждает его к возведению в тайге часовни в честь убиенной императорской семьи, которая олицетворяет всех невинно погибших в огне и хаосе братоубийственной войны.

Наиболее масштабная художественная трансформация эсхатологических мифов представлена в последнем, третьем романе Е. Айпина «В поисках Первоземли» (2019). Здесь нет сцен массовой гибели людей, уничтожения природных объектов и катастрофических разрушений. Знаки Апокалипсиса наблюдаются не во внешних событиях, а в сознании человечества, переживающего на рубеже тысячелетий ситуацию глобального духовного кризиса, который вызван подменой традиционных ценностей (дом, семья, любовь, честь, совесть, родина) ценностями утилитарного характера (деньги, власть, карьера, имидж, богатство и т. п.). Очевидным знамением начавшегося Апокалипсиса в романе является крушение Великой Советской Империи, породившее всеобщий страх, растерянность и утрату четких этических ориентиров.

Главный герой романа Матвей Тайшин, художник, сторонник демиургической концепции искусства, получивший в кругу своих единомышленников прозвище Маэстро, отчетливо осознает масштабы начавшейся катастрофы и напряженно ищет путей ее преодоления. Унаследовав от своего деда-шамана способность перемещаться между всеми тремя мирами (средним, верхним и нижним), еще в раннем детстве из уст самого Небесного Отца он узнал, что ему суждено пережить времена, когда Сатана в течение трех лет трех месяцев и трех дней «станет править миром – и начнется вакханалия» [7, с. 54], а повзрослев, оказался непосредственным очевидцем высшего предсказания. Происходящие в стране и мире события породили в сознании художника аналогии с библейским сюжетом о всемирном потопе, который оригинально перекликается в тексте с хантыйским мифом «Люди потопа», подробно изложенном в авторской версии в первой главе романа. Подобно ветхозаветному Ною, исполнившему Высшее повеление о строительстве ковчега (Быт. VI: 13–16), Маэстро обретает осознание своего предназначения.

Результатом этого осознания становится серия картин, изображающих процесс спасения людей от неумолимо надвигающейся гибели:

«Пишу лодки. Большие и малые. Лодки тесовые и обласа-однодеревки. А лодок нужно много. Кому дос-

¹ Мэнкв – персонаж хантыйской мифологии, получеловек-полузверь, демоническое существо, склонное к людоедству.

танется лодка, то доплывет до Первоземли. Значит, выживет, спасется» [7, с. 22].

По замыслу художника, единственно возможным местом спасения во время всемирного потопа является Священный Остров, где, согласно преданию, «в незапамятные времена жили боги» [Там же, с. 28] и откуда берет начало жизнь на земле. Примечательно, что образ Первоземли предстает на полотнах Маэстро как окруженный бескрайней водной стихией остров с горной вершиной, расположенной в центральной его части и устремленной в небесную высь. Именно такие очертания, по свидетельству М. Элиаде, в представлении традиционных культур имеет архетипическая модель Священного Центра, где на единой Космической Оси пересекаются нижний, средний и верхний ярусы мироздания [8, с. 268–271].

В результате сам процесс движения к Первоземле, многократно воспроизводимый рукой художника, обретает в романе символический смысл космогонического прадействия: поиск Первоземли открывает человеку не только возможность спасения посредством преодоления хаоса жизненной стихии, но и позволяет вернуться к своей первозданной сущности, обрести свое подлинное место в системе мироздания, забытое и утраченное на извилистых поворотах исторических блужданий и заблуждений. Иными словами, в результате оригинальной творческой интерпретации библейского сюжета о строительстве Нового ковчега и хантыйского мифа «Люди потопа» автор романа «В поисках Первоземли» приводит своего читателя к мысли о спасительной и жизнестроительной миссии искусства, которое обладает способностью пробудить в человеке его генетическую память, напомнить о его духовных истоках и указать верный путь к его ментальной Первоземле.

Таким образом, романное творчество Е. Д. Айпина, восходящее к эсхатологической мифологии, демонстрирует авторскую логику развития представлений о ситуации глубокого духовного кризиса, в условиях которого определяется судьба личности, судьба этноса, судьба всего человечества. По мнению писателя, последствия этого кризиса уже в ближайшей перспективе могут перерасти в глобальную катастрофу, а три его романа транслируют три сценария поведения человека, пребывающего в поиске возможных путей его преодоления: осознание сущности происходящего и выход за пределы кризисной зоны, покаяние и понимание того, что жизнь должна продолжаться, спасение через возврат к подлинным ценностям бытия. Но, несмот-

ря на различие поведенческих стратегий, которые демонстрируют герои айпинских романов, автор стремится утвердить своего читателя в мысли о том, что право и необходимость этического выбора всегда остается за конкретным человеком.

Список источников

1. Гранин Р. С. Аналитическая эсхатология: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2019. 159 с.
2. Перевалова Е. В. Войны и миграции северных ханты // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С. 36–58.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общей редакцией Е. С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
4. Айпин Е. Д. Собр. соч.: в 5 томах. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2020.
5. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»: монография. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 143 с.
6. Граматчикова Н. Б. «Близнечный миф» озера Нумто: Казымское восстание в художественной прозе и эго-документах // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 130–146.
7. Айпин Е. В поисках Первоземли. М.: РИПОЛ классик, 2019. 424 с.
8. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское [пер. с фр.]. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

References

1. Granin, R. S. (2019). *Analiticheskaya e'skhatologiya: Monografiya* [Analytical Eschatology: A Monograph]. 159 p. Moscow, INION RAN. (In Russian)
2. Perevalova, E. V. (2002). *Voiny' i migratsii severny'kh khanty'* [Wars and Migrations of the Northern Khanty]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 8, pp. 36–58. (In Russian)
3. *Mify', predaniya, skazki khantov i mansi* (1990) [Myths, Legends, Tales of the Khanty and Mansi]. Per. s khanty'iskogo, mansiiskogo, nemetskogo yazy'kov. Sost., predisl. i primech. N. V. Lukinoi, pod obshchei redaktsiei E. S. Novik. 568 p. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury'. (In Russian)
4. Aipin, E. D. (2020). *Sobr. soch.: v 5 tomakh* [Collected Works in 5 Volumes]. Khanty'-Mansiisk, *Novosti Yugry'*. (In Russian)
5. Kosintseva, E. V. (2010). *"Vse v e'tom mire ot Boga...": roman E. D. Aipina "Bozh'ya Mater' v krvavykh snegakh: monografiya* ["Everything in This World is from God...": E. Aipin's Novel "The Mother of God in the Bloody Snows": A Monograph]. E. V. Kosintseva, N. V. Kurenkova. 143 p. Khanty'-Mansiisk: IITS YuGU. (In Russian)

6. Gramatchikova, N. B. (2021). "Bliznechny'i mif" ozera Numto: Kazy'mskoe vosstanie v khudozhestvennoi proze i ego-dokumentakh ["Twin Myth" of Lake Numto: Kazym Uprising in Fiction and Ego-Documents]. *Kunstkamera*. No. 1 (11), pp. 130–146. (In Russian)

7. Aipin, E. (2019). *V poiskakh Pervozemli* [In Search of the First Earth]. 424 p. Moscow, RIPOL klassik. (In Russian)

8. Eliade, M. (2000). *Izbranny'e sochineniya: Mif o vechnom vozvrashhenii; Obrazy' i simvoly'; Svyashhennoe i mirskoe* [Selected Works: The Myth of Eternal Return; Images and Symbols; Sacred and Profane]. 414 p. Moscow, Ladomir. (In Russian)

The article was submitted on 20.05.2024

Поступила в редакцию 20.05.2024

Ларкович Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
профессор,
Сургутский государственный педагогический
университет,
628417, Россия, Сургут,
50 лет ВЛКСМ, 10/2.
dvl10@yandex.ru

Larkovich Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Surgut State Pedagogical University,
10/2 50 Years of the Komsomol Str.,
Surgut, 628417, Russian Federation.
dvl10@yandex.ru

УДК 82-32

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-146-151

ХОРОШИЕ АНГЛИЙСКИЕ МАЛЬЧИКИ. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В БРИТАНСКОЙ ГОТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ

© Анастасия Липинская

GOOD ENGLISH BOYS. CONSTRUCTING THE GENDER AND THE NATIONAL IN BRITISH GHOST STORIES

Anastasia Lipinskaya

The article describes how gender and national aspects are constructed in late 19th–early 20th century British ghost stories. Both categories are seen within the context of the fearful Other so characteristic of the genre: deviations from the ideal of healthy British masculinity are perceived as potentially dangerous. It can be expressed as appearance of feminine or juvenile features gravitating towards heathen cults, and here gender is combined with the national: often a portion of non-British blood (e.g. Jewish or Italian) influences the choice of the particular cult and the way the protagonist's appearance and manners change in the course of the narrative. All these phenomena are often complemented with the presence of animalistic features in the character, even if only metaphorically: any decline from masculinity and Christianity is perceived as a partial loss of humanity. Here, the influence of theories by Ch. Lombroso, M. Nordau, J. Fraser etc. is evident. But the authors of high quality stories (J. Buchan, A. Conan Doyle, E. F. Benson) do not preach these ideas straightforwardly, they create original texts with quite ambivalent treatment of the topics discussed.

Keywords: ghost story, gender, masculinity, degeneration, ambivalence, the Other

Статья посвящена конструированию гендерного и национального в британской готической новелле рубежа XIX–XX веков. Обе эти категории воспринимаются в рамках характерного для жанра представления о страшном Другом: отклонения от идеала здоровой британской маскулинности предстают как тающие угрозы. Выражаться это может как проявление детских или феминных черт, сочетающееся с тягой к языческим культам, и здесь гендерное смыкается с национальным: зачастую именно примесь не-британской крови (например, семитской или итальянской) определяет как характер культовых практик, так и черты, проявляющиеся в герое на протяжении повествования. Все это часто сопровождается наличием у персонажа анималистических черт, пусть и лишь на уровне сравнений: отход от маскулинности и христианства воспринимается как частичная утрата человечности. Очевидно влияние популярных в то время научных теорий (Ч. Ломброзо, М. Нордау, Дж. Фрэзер и др.). Но в лучших текстах подобные смысловые конструкции не превращаются в прямолинейную проповедь: Дж. Бакан, А. Конан Дойл, Э. Ф. Бенсон, опираясь на характерные для эпохи представления, создают оригинальные тексты, не лишённые амбивалентного отношения к «здоровой маскулинности» и британской цивилизации.

Ключевые слова: готическая новелла, гендер, маскулинность, вырождение, амбивалентность, Другой

Для цитирования: Липинская А. Хорошие английские мальчики. Конструирование гендерного и национального в британской готической новелле // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 146–151. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-146-151

Не секрет, что гендерная проблематика занимает важное место в современных гуманитарных науках. Данная статья касается одного частного аспекта этой темы – о том, как осуществляется конструирование гендерного и национального в британской готической новеллистике. Готиче-

ская новелла, она же история с привидениями (англ. ghost story), строится на ситуации вторжения сверхъестественного, в том числе архаического (древние боги, демоны и т. д.) в рационально устроенный мир [1, с. 204]. Категория страшного здесь, разумеется, присутствует, но

более фундаментальной и обязательной является идея инакости, тревоги по отношению к другому, к непонятному. Учитывая, на какой период пришелся расцвет жанра, это вполне объяснимо: вторая половина XIX – начало XX столетия ознаменованы высшим расцветом и одновременно началом конца Британской империи, открытиями Дарвина, сложными отношениями с колониями, бурным развитием антропологии и этнографии [Там же, с. 218]. Отсюда понятно, что в готических новеллах мир зловещих чудес зачастую конструируется исходя из определенных представлений о национальном. Сюжеты, связанные с экзотическим колдовством, встречаются очень часто – достаточно вспомнить новеллы Э. Ф. Бенсона, Дж. Бакана, А. Блэквуда (отдельной темой стала, конечно, египетская магия [2, с. 249], но, разумеется, не только она). Но и гендерное не остается без внимания: на фоне классического представления о здоровой британской маскулинности появляются персонажи, странность, инакость которых лежит именно в этой плоскости, причем в полном соответствии с традициями жанра особенно пугающей предстает именно гибридность [3, с. 144], [4, с. 8]. Рассмотрим несколько примеров, это хорошо известные тексты, которые вполне можно считать прецедентными.

Герой новеллы Джона Бакана «Дубрава Астарты» («The Grove of Ashtaroth», 1912 [5, с. 141–171]) покупает обширное поместье в Африке, на территории которого обнаруживается храм древней богини. Три года спустя рассказчик, его друг, приезжает и застаёт идеально обустроенное поместье, но хозяин как будто пал жертвой странной болезни: красивый, сильный, жизнелюбивый человек обрюзг и заметно приуныл. Конечно, он попал под влияние богини, и, чтобы спасти его, пришлось снести тот самый храм. Сюжет, связанный с языческим культом, интересен сам по себе, но в данном случае обратим внимание на то, как Бакан показывает своего героя, Лоусона, и претерпеваемую им трансформацию. Вот каков персонаж в самом начале:

«In his untanned field-boots, breeches, and grey shirt he looked like the born wilderness-hunter <...> Being a fair man, he was gloriously tanned <...> young, good-looking, wholesome in mind and body, and much sought after by the mothers of marriageable girls <...> I saw that he was restless <...> There was that in his eyes, too, which marked him out from the ordinary blond type of our countrymen. They were large and brown and mysterious, and the light of another race was in their odd depths» [5, с. 142].

Лоусон выглядит как воплощенный идеал, физически совершенный, целеустремленный,

привлекательный для дам деловой человек и одновременно путешественник, охотник, колонизатор, «лицо» Британской империи. Но глаза у него не британские, а, как нетрудно догадаться, еврейские. Рассказчик приводит сведения о родословной своего друга, купленной в геральдической палате, и предельно аккуратно сообщает, что дед Лоусона торговал антиквариатом, посещал синагогу и, видимо, не менял фамилию на шотландскую. Это, пусть и прозрачные, но все же эвфемизмы, и есть еще вот такая формулировка: «мой друг принадлежал к расе более древней, нежели Лаусоны с шотландской границы» [Там же, с. 143]. То есть предки героя более или менее старательно ассимилировались, надо полагать, по причине негативного отношения к евреям, но в нем заговорила древняя кровь, определяя не только некоторые особенности внешности, но и склонности. Отношение рассказчика в данном случае балансирует между антисемитизмом, мешающим высказываться прямее, и почтением. Древняя иная раса – это в данном случае не просто эвфемизм для евреев, но и совершенно классическое для поздней готики определение, открыто намекающее на возможность зловещих чудес (современному читателю оно, конечно, напомнит Древних, придуманных Лавкрафтом). Лоусон как бы не совсем человек. Характерно, что визуально его выдают именно глаза, то есть что-то заметное при близком контакте и, согласно распространенному представлению, тесно связанное с внутренним миром («глаза – зеркало души»). Герой только кажется образцом британской маскулинности, на самом деле он плохо вписан в социум, и его внутренняя, потаенная сущность обладает зловещим потенциалом, который он сам не осознает.

И вот совсем другое описание Лоусона, в течение трех лет жившего рядом с храмом Астарты – семитской богини (во времена Бакана существовали теории о финикийском влиянии на Африке [6, с. 8]):

«In place of the lean young man I had known, I saw a heavy flaccid being <...> tired and listless. [He] wore shapeless flannel clothes <...> [His eyes] were as deep and restless as ever. With his pallid face they made him look curiously Semitic. I had been right in my theory about his ancestry» [5, с. 151].

Последняя фраза объясняет туманность формулировок в начале новеллы – получается, сам герой не выражался открыто (напомним, что его семья всячески пыталась мимикрировать под шотландцев), не признавал свою глубинную идентичность вслух. А вблизи храма под влиянием древнего божества в Лоусоне пробудились

его еврейские корни. Но вот что интересно: бывший красавец утратил не столько свою в целом европейскую внешность, сколько маскулинность: полное дряблое тело, халат вместо походной одежды, и даже голос стал высоким и пронзительным, друг даже называет его не мужчиной, но существом (being). А в сцене ритуала, временно прерванного рассказчиком, присутствует сравнение с менадой; более того, ритуал этот «списан» из «Золотой ветви» Фрзера [7, с. 279, 287], и полная версия его включает самооскопление – но, благодаря вмешательству друга, Лоусон отделался несколькими порезами. Этническое и гендерное причудливо перемешались. Окончательное возвращение к древнему семитскому наследию выглядит как превращение мужчины в двуполое или бесполое создание. За этим ассоциативным полем давняя традиция, ассоциирующая британское с «образцово-показательной» маскулинностью [8, с. 92] и еврейское с женоподобием, слабостью, паразитизмом [9, с. 148–152], причем конкретно женственность приписывалась межрасовым «гибридам» [10, с. 237], каковым, в сущности, является Лоусон. Но Бакан не превращает свою новеллу в прямолинейную пропаганду некой нормы. То, что мешает Лоусону быть настоящим британцем, амбивалентно: именно бессознательная тяга к корням заставляет его отважно исследовать мир. И потом (в этом, пожалуй, главная прелесть истории) рассказчик, только что ужасавшийся произошедшим в друге переменам, после разрушения храма испытывает некое подобие ностальгии по красивому историческому месту. Перед нами достаточно тонкий текст, не играющий в привычные бинарные оппозиции, но показывающий их внутреннюю сложность.

Еще одну выразительную историю о маскулинности и британскости обнаруживаем у Артура Конан Дойла, это рассказ «Номер 249» («Lot No. 249», 1892 [11, с. 179–224]). В Оксфорде учатся и живут по соседству трое молодых людей, один из них раздобыл и оживил мумию, чтобы отомстить своим врагам.

Вот описание двоих персонажей, Смита и Хасти, в полной мере объясняющее, каким образом студенты в глазах автора ассоциируются со здоровой британской мужественностью в духе движения muscular Christianity [12, с. 66]:

«Both men were in flannels, for they had spent their evening upon the river, but apart from their dress no one could look at their hard-cut alert faces without seeing that they were open-air men – men whose minds and tastes turned naturally to all that was manly and robust» [11, с. 181].

Естественно, прекрасную физическую форму, активность и любовь к природе дополняют усердие в изучении наук и крепкая мужская дружба, а еще, беседуя у камина, молодые люди пьют шотландский и ирландский виски – напиток подчеркнуто национальный и опять-таки ассоциирующийся с Великобританией и маскулинностью.

Их сосед Беллингем – полная им противоположность: он толст, некрасив (и, что особенно злит друзей, претендует на красивую девушку, сестру еще одного их соседа). А еще он, по их словам, мерзок и злобен и рядом с красавицей выглядит как жаба с голубкой [Там же, с. 183] – характерное зооморфное сравнение. Но это невероятно знающий египтолог, владеющий коптским, арабским и древнееврейским языками, на которых легко объясняется с жителями долины Нила. Само по себе знание Востока не является однозначным маркером, но автор подчеркивает именно способность героя адаптироваться там, чувствовать себя своим, и, напомним, он очень сильно не нравится своим образцово-показательным соседям. Причем Смит у него кажется просто обрюзгшим молчаливым человеком с бледным лицом (чем-то напоминающим изменившегося Лоусона в рассказе Бакана), а вот каково было мнение Хасти:

«He could not tolerate departures from what he looked upon as a model type of manliness <...> Like so many who are themselves robust, he was apt to confuse the constitution with the character, to ascribe to want of principle what was really a want of circulation» [Там же, с. 186].

Это описание очень заметно перекликается с популярной в те годы, хорошо воспринятой в Британии и оказавшей заметное влияние на литературу теорией Чезаре Ломброзо [1, с. 218], [13, с. 84], [14], согласно которой некоторые особенности внешности выдают преступные наклонности (и позже в тексте будут появляться еще «ломброзианские» детали внешности Беллингема, например оттопыренные уши [11, с. 189]). Итак, чем же, по мнению соседей, плох востоковед? Он толст, неспортивен, бледен, откровенно некрасив, и эта непривлекательная оболочка может служить признаком внутренней испорченности. Контраст слишком ярок, чтобы избежать соблазна видеть в Беллингеме фигуру страшного Другого, с явным акцентом на недостаток мужественности и правильной аристократической британскости (не только в тяге к Востоку – старый уборщик говорит, что этот тип никогда не был джентльменом в его вкусе [Там же, с. 195]).

Некрасивый студент, несомненно, просто человек, но его очень хорошо описывает знаменитый фрейдовский термин *uncanny* (нем. *Unheimliche*; стандартный русский перевод 'жуткое' очень неточен, речь идет о ситуациях, когда вроде бы все знакомо и понятно, но что-то смутно не так, и это вызывает беспокойство). Он пытается подружиться с Хастисом и Смитом, однако чересчур навязчив, совершенно непритязателен в быту и при этом периодически раздражается выпендриваемыми речами или, наоборот, постоянно бормочет что-то себе под нос, и это вызывает у соседей подозрение, что молодой египтолог немного не в себе (полная противоположность их несокрушимой жизнерадостности и здравомыслию). Но дело вовсе не в безумии: Беллингема научился оживлять хранящуюся у него в комнате мумию, чтобы она нападала на его врагов, и странное поведение объясняется, надо полагать, постоянным бормотанием заклинаний и, возможно, деградацией души и психики под воздействием культовых практик (как то случилось с Лоусоном). Тема деградации, вырождения очень хорошо прослеживается в литературе этого времени, особенно в готической: одноименная Макса Нордау [14] вышла как раз недавно, была переведена на английский и легла на благодатную почву. Но в случае с героями Конан Дойла (и Бакстера, в общем, тоже) дополнительный оттенок придает то, что точкой отсчета, эталоном, на фоне которого читается дегенерация, являются маскулинность и британский аристократизм как высшие воплощения человеческого и цивилизованного. Причем британскость тесно связана с христианством: один из персонажей сообщает Беллингема, что в Англии его мерзкие египетские штучки не пройдут [11, с. 213, 217], а другой герой, по фамилии Ли, брат девушки, на которую претендует Беллингема, отказывается участвовать в ритуалах с мумией как добропорядочный христианин.

И еще один выразительный штрих: изображение Беллингема неоднократно сопровождается зооморфными метафорами – в этом ряду, помимо упомянутой выше жабы, есть еще паук [Там же, с. 212] и змея (последняя – не напрямую, Смит грозит вырвать у противника его ядовитые зубы [Там же, с. 224]). То есть существа малоприятные, к тому же ассоциирующиеся со злыми чарами, но, вероятно, автору важно в первую очередь подчеркнуть, что герой как будто не совсем человек. Не в буквальном смысле, но как бы недотягивающий до настоящей человечности.

И третий случай, весьма поздний, уже двадцатых годов, но развивающий тот же комплекс мотивов, – новелла Эдварда Фредерика Бенсона

«Человек, который зашел слишком далеко» («The Man Who Went Too Far», 1912 [16, с. 205–238]). Художник поселяется на окраине глухой деревни, расположенной за рекой, а на другом берегу – лес, населенный, судя по всему, отнюдь не только стандартной английской фауной, но и более таинственными и опасными созданиями. Он занимается некими не описанными в подробностях практиками, нацеленными на получение бессмертия или, как минимум, продления молодости, но заканчивается все трагически: в ночи является таинственное бог Пан, и горе-экспериментатор обнаруживает мертвым с отпечатком копыта на груди. Наиболее очевидное прочтение этой истории – в русле столкновения современного человека с миром зловещих чудес, но в данном случае интерес представляет подача образа протагониста. Он сам как будто немного волшебное существо, был так красив, что люди улыбались, когда видели его.

«He was of medium height <...> His face and hands were of very dark complexion, either from constant exposure to wind and sun, or, as his black hair and dark eyes tended to show, from some strain of southern blood <...> led you to believe that he was a beardless lad still in his teens» [16, с. 209].

Отдельно подчеркнуто, что возраст его определить невозможно – взгляд взрослого многоопытного человека при юношеском облике. На самом деле герою тридцать пять, и друг после долгой разлуки находит его не постаревшим, а, напротив, сильно помолодевшим: выглядит он лет на двадцать. Едва ли это объясняется удачной наследственностью, художник явно что-то сделал со временем или с собой. И еще одна черта, которую современный читатель может принять за обычную деталь описания: цвет волос (между прочим, кудрявых), глаз и кожи, выдающий южную кровь, на этот раз не семитскую, а греческую или, скорее, итальянскую, раз уж в тексте упоминается античное божество Пан [Там же, с. 226], и это напоминает о давней традиции романов тайны и ужаса, где действие зачастую происходило в Италии, начиная с «Замка Отранто». И там уже была привязка к образу опасного, пугающего Другого; здесь она тоже есть, но в другой плоскости: не потому, что на юге Европы католики, инквизиция, а в силу того, что не-британец воспринимался на излете существования империи как опасно близкий к древнему языческому наследию, будь то кельтскому, античному или восточному. Кудрявый потомок итальянцев в роли почитателя бога Пана смотрится вполне логично. Для сравнения можно

вспомнить опять-таки Лоусона, чья семитская кровь пробудилась вблизи храма Астарты.

С маскулинностью бенсоновского персонажа опять-таки все довольно сложно: артистические наклонности, юношеский облик (в противоположность облику зрелого мужчины, ожидаемому в тридцать пять лет). Приехавший друг иронизирует: стоило шесть лет возиться, чтобы выглядеть на двадцать лет, ты что, светская дама [Там же, с. 214]? Персонаж не выглядит напрямую женственно, он, скорее, амбивалентен в плане возрастных и гендерных характеристик. Сам он считает, что достиг расцвета, но автор, подозреваю, не разделяет его взгляды: явная приверженность языческому культу и даже занятия живописью подозрительны (опять-таки Макс Нордау объявлял вырожденцами деятелей современного искусства). Трансформация под воздействием темных сил, судя по всему, должна восприниматься как деградация, нравственная и физическая. Кроме того, вечно молодой художник на удивление хорошо ладит с дикими животными, то есть он не проявляет зооморфных черт сам, как Беллингом у Конан Дойла, но опасно близок к природе. Это еще один пример того, как важно учитывать контекст: для современного читателя моложавый мужчина, глядящий милых зверюшек и птичек, зрелище, скорее, приятное и уж никак не тревожащее.

Подведем итоги. Какими бы разными ни были рассмотренные выше тексты, легко заметить ряд общих черт: британское и маскулинное рассматриваются как своеобразная точка отсчета, эталон из палаты мер и весов. А заметные отклонения от нее воспринимаются как тревожные, как своего рода вырождение, и симптомами служат тяга к язычеству, проявление феминных или детских и даже зооморфных черт. Опять-таки частый, хоть и не единственный вариант – наличие у героя чужеземных предков, например еврейских или итальянских. В таком случае предполагается, что неанглийская кровь, ассоциирующаяся с более древними культурами и, главное, религиозными традициями, может в какой-то момент пробудиться и возобладать – так Лоусон в новелле Бакана буквально на глазах превращается из образцового, разве что слишком тяготеющего к перемене мест джентльмена в пухлого немужественного почитателя Астарты. Еврейское происхождение осознается как нечто подлежащее сокрытию, как тайный позор (с учетом массово распространенного антисемитизма) настолько, что даже рассказчик не может прямо сказать, кто были предки героя. Причем современный читатель может на многое не обратить внимания, счесть просто подробностями, не

имеющими большого значения. В конце концов, перед нами не прямолинейные агитки, а качественная готическая новеллистика. А между тем моменты, о которых только что шла речь, являются едва ли не несущей конструкцией, ведь поздняя готика в основе своей – о том, как в рационально устроенный, привычный и понятный мир вторгается страшное Другое, и в данных трех (и многих других) случаях это Другое конструируется на основе представлений о национальном и гендерном.

Список источников

1. The Victorian Gothic. An Edinburgh Companion. Ed. by A. Smith and W. Hughes. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. VIII, 258 p.
2. The Palgrave Handbook of Steam Age Gothic. Ed. By Clive Bloom. Palgrave Macmillan, 2021. VII, 867 p.
3. Hurley K. The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. XII, 202 p.
4. Palmer P. The Queer Uncanny: New Perspectives on the Gothic. Cardiff: University of Wales Press, 2012. IX, 232 p.
5. Buchan J. The Moon Endureth. Tales and Fancies. Lnd.: Hodder and Stoughton, 1912. XII, 269 p.
6. Buchan J. The African Colony. Studies in the Reconstruction. Edinburgh & Lnd.: William Blackwood and Sons, 1903. 404 p.
7. Frazer J. G. The Golden Bough. A Study in Comparative Religion. In Two Volumes. Vol. 1. New York and London, 1894. 409 p.
8. Killeen J. History of the Gothic: Gothic Literature 1825-1914. Cardiff: University of Wales Press, 2009. X, 248 p.
9. Davison C. Anti-Semitism and British Gothic Literature. Palgrave Macmillan, 2004. IX, 226 p.
10. Victorian Sensations. Essays on a Scandalous Genre. Ed. by Harrison K., Fantina R. The Ohio State University Press. Columbus. 2006. XXIII, 278 p.
11. Doyle A. C. The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen. N. Y.: George H. Doran Company, 1925. 254 p.
12. Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age. Ed. By D. E. Hall. Cambridge University Press, 2006. 260 p.
13. Ellis H. The Criminal. Lnd.: Walter Scott, 24, Warwick Lane, Paternoster Row, 1891. 337 p.
14. Lombroso Ferrero G. Criminal Man according to the Classification of Cesare Lombroso. Briefly Summarised by his Daughter. With an Introduction by Cesare Lombroso. New York and London: G. P. Putnam's Sons, 1911. 322 p.
15. Nordau M. Degeneration. N. Y.: D. Appleton and Company, 1895. 566 p.
16. Benson E. F. The Room in the Tower and Other Stories. Lnd.: Mills&Boon Limited, 1918. VII, 338 p.

References

1. *The Victorian Gothic. An Edinburgh Companion*. Ed. by A. Smith and W. Hughes (2014). VIII, 258 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
2. *The Palgrave Handbook of Steam Age Gothic*. Ed. By Clive Bloom (2021). VII, 867 p. Palgrave Macmillan. (In English)
3. Hurley, K. (1996). *The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle*. XII, 202 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
4. Palmer, P. (2012). *The Queer Uncanny: New Perspectives on the Gothic*. 232 p. Cardiff, University of Wales Press. IX, 232 p. (In English)
5. Buchan, J. (1912). *The Moon Endureth. Tales and Fancies*. XII, 269 p. Lnd., Hodder and Stoughton. (In English)
6. Buchan, J. (1903). *The African Colony. Studies in the Reconstruction*. 404 p. Edinburgh & Lnd., William Blackwood and Sons. (In English)
7. Frazer, J. G. (1894). *The Golden Bough. A Study in Comparative Religion. In Two Volumes. Vol. 1*. 409 p. New York and London. (In English)
8. Killeen, J. (2009). *History of the Gothic: Gothic Literature 1825-1914*. X, 248 p. Cardiff, University of Wales Press. (In English)
9. Davison, C. (2004). *Anti-Semitism and British Gothic Literature*. IX, 226 p. Palgrave Macmillan. (In English)
10. *Victorian Sensations. Essays on a Scandalous Genre* (2006). Ed. by Harrison K., Fantina R. XXIII, 278 p. The Ohio State University Press. Columbus. (In English)
11. Doyle, A. C. (1925). *The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen*. 254 p. N. Y., George H. Doran Company. (In English)
12. *Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age*. Ed. By D. E. Hall (2006). 260 p. Cambridge University Press. (In English)
13. Ellis, H. (1891). *The Criminal*. Lnd., Walter Scott, 24. 337 p. Warwick Lane, Paternoster Row. (In English)
14. Lombroso Ferrero, G. (1911). *Criminal Man According to the Classification of Cesare Lombroso. Briefly Summarised by His Daughter. With an Introduction by Cesare Lombroso* 322 p. New York and London, G. P. Putnam's Sons. (In English)
15. Nordau, M. *Degeneration* (1895). 566 p. N. Y., D. Appleton and Company. (In English)
16. Benson, E. F. (1918). *The Room in the Tower and Other Stories*. VII, 338 p. Lnd., Mills&Boon Limited. (In English)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Липинская Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Россия, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32.
nastya.lipinska@gmail.com

Lipinskaya Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
30–32 Griboyedov Canal,
St. Petersburg, 191023, Russian Federation.
nastya.lipinska@gmail.com

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-152-157

АВТОРСКИЙ МИФ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

© Анна Маслова

G. DERZHAVIN'S AUTHORIAL MYTH

Anna Maslova

The article characterizes the concept of G. Derzhavin's personality, which he constructs in his poetry. This concept is considered as an authorial myth, an author's myth-making. In his poetry, Derzhavin creates an image that directly correlates with his life and personality. When creating many poems, he associated them with specific biographical facts; thus, in the artistic context and the author's interpretation, the image of the lyrical hero in Derzhavin poetry acquires certain mythological features. The purpose of the study is to identify the key texts and cross-cutting principles that form the basis of G. Derzhavin's authorial myth. The article analyzes his poems "Felica", "Philosophers. Drunk and Sober", "God", "Monument", "To Tonchii", "Freedom", "To Myself", "To Eugene. Zvanskaya's Life", "Recognition". As a result, the main aspects of G. Derzhavin's authorial myth are revealed, in which Derzhavin appears to the reader as a statesman, poet, philosopher, landowner and an ordinary person with his inherent weaknesses. This myth is based on a moral position defined by such qualities as candor, truth and virtue. Derzhavin's personality is represented in his authorial myth as the embodiment of a Russian person's national qualities.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, lyrical hero, author's myth-making, philosophical poetry, national identity

В статье характеризуется концепция личности Г. Р. Державина, которую он конструирует в своей поэзии. Эта концепция рассматривается как авторский миф, авторское мифотворчество. Державин создает в своей поэзии образ, непосредственно соотносящийся с его жизнью и его личностью. Создание многих стихотворений связано с конкретными биографическими фактами, но в художественном контексте и авторской интерпретации образ лирического героя державинской поэзии обретает определенные мифологические черты. Цель исследования – выделить ключевые тексты и сквозные принципы, которые составляют основу авторского мифа Г. Р. Державина. В статье проанализированы стихотворения «Фелица», «Философы. Пьяный и трезвый», «Бог», «Памятник», «Тончию», «Свобода», «К самому себе», «Евгению. Жизнь Званская», «Признание». В результате раскрываются основные аспекты авторского мифа Г. Р. Державина, в котором перед читателем Державин предстает как государственный деятель, поэт, философ, помещик и обычный человек со свойственными ему слабостями. Основой этого мифа является нравственная позиция, определяемая такими качествами, как чистосердечье, правда и добродетель. Личность Державина представлена в его авторском мифе как воплощение национальных качеств русского человека.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, лирический герой, авторское мифотворчество, философская поэзия, национальное самосознание

Для цитирования: Маслова А. Авторский миф Г. Р. Державина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 152–157. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-152-157

Гаврила Романович Державин – поэт, строивший свою жизнь согласно тем принципам, которые декларировал в своей поэзии. В его творчестве отразилась его личность, наделенная такими чертами характера, как честность, усердие в службе, ответственное отношение к делу, целеустремленность, но не противоречащая правде, искренность и отказ от лести в адрес тех, кто, с его точки зрения, нарушал законы человечности

и чести. О себе он писал: «Ум и сердце человецъ / Были гением моим...» [1, т. 6, с. 111], «горяч и в правде чѣрт...» [1, т. 2, с. 93], что отражает главные черты его характера – горячность в отстаивании правды и умение ценить человеческое начало в человеке, которое для Державина было неотделимо от понятия добродетели.

Г. А. Гуковский подчеркивал, что именно Г. Р. Державин ставит в центр своего поэтиче-

ского мира собственную личность, наделенную конкретными биографическими и психологическими чертами, окруженную реальными бытовыми деталями: «Стихи Державина строят в сознании читателя совершенно конкретный бытовой образ основного персонажа их – поэта» [2, с. 358]. Исследователь отмечает, что образ державинского лирического героя неотделим от личности самого Державина, но в то же время Державин в жизни мог и не вполне соответствовать тому персонажу, который является основным героем его лирики [Там же]. В этом случае однозначно можно говорить о мифотворчестве Державина, который стремится выстроить в сознании читателя вполне определенное восприятие его личности.

Исходя из этого, можно выделить ключевые произведения и сквозные принципы, которые составляют основу авторского мифа, созданного Державиным в своем творчестве. Анализ «авторского мифа» в данном исследовании подразумевает рассмотрение того образа личности автора, который создается самим Державиным в его поэзии. Это понятие мы применяем как синоним термина «авторское мифотворчество». Как отмечает О. В. Ермоленко, «под авторским мифотворчеством, как правило, понимается воплощаемое в тексте конструирование автором собственной биографии» [3, с. 93], это особая «мифизация собственного образа – включение личности в мифологическое миропонимание» [4, с. 11]. Подобное мифотворчество наиболее характерно для литературы модернизма, но мы можем увидеть данное явление уже в 1780–1800-е гг., когда Г. Р. Державин создавал концепцию собственной личности, отразившуюся как в его поэзии, так и в различных прозаических произведениях, таких, например, как «Записки» и «Объяснения Державина» к собственным стихотворениям.

В своем исследовании мы доказываем, что составляющими авторского мифа Державина являются следующие аспекты: поэт, философ, государственный деятель, помещик, человек. Этот авторский миф складывается постепенно, обретая на протяжении творческой жизни поэта все более определенные черты, связанные с мировоззренческой позицией Державина, его биографией и личностью.

В. Г. Белинский отметил, что «Державин был первым живым глаголом юной русской поэзии» [5, с. 73]. По сути, впервые Державин вдохнул в поэзию живую душу поэта, отказавшись от риторичности и «готового слова», характерных для эпохи традиционализма. Это и позволило поэту воссоздать в своем творчестве собственную лич-

ность, он не побоялся раскрыть читателю и свои положительные стороны, и свои недостатки.

Рассмотрим, как постепенно Державин шел к построению концепции своей личности и как реализованы в его произведениях и в его биографии различные составляющие указанного авторского мифа.

Первые литературные опыты Державина были связаны с его стремлением подражать одической поэзии М. В. Ломоносова, но параллельно он писал и легкие стихи, что формировало его стиль сразу в двух направлениях. Он осваивал как высокий слог, так и более свободный и отличающийся большей простотой средний стиль. Впоследствии именно это позволит поэту создать свой собственный «забавный слог», позволяющий о высоком говорить простым языком.

Творческое самоопределение Г. Р. Державина происходит в конце 1770-х гг., когда он сблизился с кружком Н. А. Львова, где обсуждались вопросы, касавшиеся преодоления канонов классицизма в творчестве, утверждалась необходимость следовать индивидуальному авторскому вкусу. В своей автобиографической записке 1805 г. Державин отмечал, что с 1779 г. он избрал в поэзии «совсем другой путь», отличающийся от ломоносовского [6, с. 443]. Главные новаторские черты нового стиля Державина: смешение ранее несовместимых жанров, использование ярких зрительных образов, отказ от канонов в изображении представителей царской фамилии и государственных деятелей. Но известность к Державину приходит несколько позже, когда в 1783 г. была опубликована его ода «Фелица». Именно это произведение и можно считать началом формирования авторского державинского мифа. Здесь он предстает в образе мурзы, что подчеркивает его связь с родом татарских князей. С одной стороны, это собирательный образ вельможи, ведущего неподобающий высоким государственным деятелям образ жизни, с другой – это обычный человек, который погружен в житейскую суету: «Сегодня властвую собою, а завтра прихотям я раб» [1, т. 1, с. 82].

Не боится ввести Державин в свое произведение и картины собственной повседневной жизни, своих семейных забав с супругой: «Иль сидя дома я прокажу, / Играя в дураки с женой, / То с ней на голубятню лажу, / То в жмурки резвимся порой...» [Там же, с. 84–85]. Здесь отразились нежные взаимоотношения Державина со своей первой супругой Пленирой (Екатериной Яковлевной), которую он потерял довольно рано, прожив с ней в супружестве 18 лет. Она ушла из жизни в 34 года, и смерть ее оплакана во многих

стихотворениях как самого Державина, так и его близких друзей.

Благодаря высокой оценке оды самой Екатериной II Державин был приближен ко двору, и с этого времени начинает складываться его образ как государственного деятеля.

В XX в. биографы и исследователи отметят, что государственной службе Державин отдавался с таким же вдохновением, как и поэтическому творчеству. В. Ф. Ходасевич подчеркивал, что для Державина государственная служба и поэзия были равновеликими делами: и на том, и на другом поприще он видел свое предназначение в том, чтобы служить Богу и человеку, исполнять свой гражданский долг [7, с. 95]. И. Ю. Фоменко в своей работе доказывает, что поэзию и государственную службу Державин рассматривал «как сферу высокого творческого вдохновения» [8, с. 152].

В поэзии перипетии, с которыми столкнулся Державин на государственной службе, отразились лишь косвенно – через отрицание несправедливости, нередко торжествующей в среде государственных деятелей, через несогласие с царящими в России порядками.

Показательно стихотворение «Философы. Пьяный и трезвый» (1789), в котором предстают две равноправные позиции, и обе одинаково близки Державину, еще готовому ревностно служить интересам отечества, но уже во многом разочаровавшемся.

Один философ (Пьяный) утверждает, что незачем тратить свою жизнь на поиски богатства, славы и чинов, что участие в военных кампаниях приносит гибель людям, что ситуация в судах весьма печальная, там «*кривят душой*» и «*шутят*» со своей совестью [1, т. 1, с. 139–140].

Другой философ (Трезвый) убеждает своего оппонента в том, что главное во всех сферах жизни, в том числе и на государственной службе, «*прямо честь любить*», участие в военных кампаниях Трезвый воспринимает как необходимую защиту государственных границ, ведь важно следующее: «*Чад, жен, родителей хранить, / Себя от плена оборонить – / Священна должность храбрым быть!*» [Там же, с. 139]. Для судьбы выдвигается требование ни в коем случае не идти по нечестному пути, не брать взятки.

То, что стихотворение заканчивается репликой трезвого философа, подчеркивает позицию Державина – государственного деятеля. Он, хотя и во многом разочарован, еще стремится честно служить отечеству, быть справедливым с зависимыми людьми, исполнять свой государственный долг исходя из существующих законов и собственного понимания правды. Однако мы уже

видим, что этой стойкой позиции противопоставлено другое мнение человека, разочаровавшегося в возможности оставаться справедливым и чистосердечным, занимая какие-то государственные посты.

В конце 1780-х гг. происходит разочарование Г. Р. Державина в идеале «просвещенной монархии», он отказывается петь похвалы тому, кого он уже не считает добродетельным и идеальным служителем Истины, и создает произведения, провозглашающие отказ поэта от пения похвал императрице и тем приближенным ко двору императрицы царским любимцам, которых он перестал уважать. В стихотворении 1793 г., адресованном секретарю императрицы А. В. Храповицкому, он заявляет: «*Богов певец / Не будет никогда подлец*» [Там же, с. 251]. Так Державин формирует образ поэта, который в своих стихах отражает только искренние чувства, поет только о том, что его вдохновляет, он не может и не хочет писать под заказ, не желает льстить высшим мира сего.

Державин-философ в первую очередь представлен своей одой «Бог», написанной в 1784 г. В этой оде создается величественный образ человека, несущего в себе частицу Божества, но в то же время исполненного противоречий: «*Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю; / Я царь, – я раб, – я червь, – я бог!*» [Там же, с. 110]. Г. Р. Державин видит предназначение человека в том, чтобы возвышаться к Богу и жить в «гармонии со своей совестью» [9, с. 208]. Он формулирует и самые простые житейские правила: «*Живи и жить давай другим, / Но только не на счет другого*» [1, т. 1, с. 339].

Державин-поэт наиболее ярко осмысляет себя в переложении горадианской оды «Памятник», где среди главных своих заслуг отмечает «забавный слог» и умение говорить о высоком простым языком, а также готовность отстаивать истину даже перед самими царями: «*В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить*» [Там же, с. 361]. Формулируется также идея поэтического бессмертия, которая отразится и в других стихотворениях, в частности в стихотворении «Лебедь».

Легендарное осмысление своей собственной личности предлагает Г. Р. Державин в 1801 г. в программе живописного портрета, который планирует выполнить итальянский художник Сальваторе Тончий. В этой программе, которую и попытался выполнить художник, отразились такие биографические факты, как рождение в северной стране (так воспринималась Россия) и связь с татарскими предками («*прапрацур мой Брагим*» [Там же, т. 2, с. 202]), а также особенности фор-

мирования литературного дарования – вне связи с литературными школами и канонами («шел, природой лишь водим» [Там же, с. 202]), черты характера («с огнем души» [Там же]), и те перипетии, с которыми пришлось Державину столкнуться в жизни (часто ему приходилось идти «против погод, волн, гор кремнистых» [Там же]).

Концепция авторского мифа углубляется в творчестве Г. Р. Державина после окончательной отставки 7 октября 1803 г. от государственной службы. С этим связан следующий факт: Александр I, сместив Державина с должности министра юстиции, «предлагал ему остаться в сенате и государственном совете с сохранением министерского жалованья и обещал дать высший русский орден – Андрея Первозванного» [10, с. 437]. Первый отклик на это – стихотворение «Свобода», в котором звучит решительный отказ от каких-либо сделок со своей совестью ради сохранения должности и жалованья: «Не хочу моей свободы, / Совесть на мечты менять» [1, т. 2, с. 230].

В 1804 г., уже будучи в отставке, Г. Р. Державин выпускает цикл стихотворений «Анакреонтические песни», в котором формируется новое философское осмысление человеческого бытия, соответствующее новому сознанию XIX в.: это уже не государственная служба, с которой Державин отставлен, а новая концепция обретения смысла бытия в повседневном существовании поэта-помещика-философа. Этому соответствует новая декларация сборника: позиции поэта, певца героев и победителей в военных кампаниях, однозначно противопоставлена позиция поэта, певца любви и земных радостей: «Петь откажемся героев, / А начнем мы петь любовь» [Там же, с. 72].

В программном стихотворении «К самому себе», созданном еще до окончательного выхода в отставку, Державин утверждает важность сохранения человеком тех человеческих качеств, которые заложил в человека Бог, и необходимость сопротивления тому, что иногда (вопреки всем законам человеческого существования) требует от человека должность, им занимаемая: «Полно быть в делах горячим, / Буду лишь у правды гость» [Там же, с. 93].

Образ Державина-помещика наиболее полно отражается в стихотворении 1807 г. «Евгению. Жизнь Званская», где описаны повседневные занятия сельского жителя – самого Державина – в его имении Званка, представлены картины русской жизни, русского быта, русской еды: «опрятно все и представляет Русь: / Припас домашних, свежий, здоровый» [1, т. 6, с. 77]. Кроме того, лирический герой показан здесь и как фи-

лософ, размышляющий о прошедшей жизни, благодарящий Бога за свою судьбу и смиренно ожидающий окончания своего земного бытия.

Многосторонне отразилась основная концепция личности и творчества Державина в его позднем стихотворении «Признание», написанном в 1807 г. Здесь автор озвучивает основные темы своей поэзии. Героями его лирики были Бог («вне себя я Бога пел» [Там же, с. 111]), идеальный правитель («Если звуки посвящались лиры моей царям – / Добродетельми казались мне они равны богам» [Там же]) и величественный полководец («за победы громки я венцы сплетал вождем» [Там же]). В то же время указывает Державин и на обличительную, сатирическую сторону своей поэзии: «вельможам властным смел я правду брякнуть вслух» [Там же, с. 112], а также пишет о важности в его творчестве темы женской красоты: «Признаюсь, красотою был плененным, пел и жен» [Там же].

Искренне говорит Державин и о своем отношении к окружающим людям: «Я любил чистосердечье» [Там же, с. 111]. Эта строка также отражает и внутреннюю нравственную позицию самого поэта, не только от других ожидающего честности и правдивости, но и требовательно относящегося к себе. Завершающие строки стихотворения воссоздают образ Державина-человека, имеющего не только достоинства, но и слабости: «Словом, жег любви колы пламень, / Падал я, вставал в мой век. / Брось, мудрец! на гроб мой камень, / Если ты не человек» [Там же, с. 112].

Таким образом, авторский миф Державина, под которым мы подразумеваем конструирование поэтом в своем творчестве мифологической концепции собственной личности, многогранен. Основой этого мифа является нравственная позиция, остающаяся неизменной на протяжении всей жизни писателя. Державин как государственный деятель позиционирует себя служителем закона, ревностным борцом за правду. Он принципиален в отстаивании правды, он не готов идти на сделку со своей совестью ради достижения должностей и привилегий. В то же время он остается человеком, которому не чужды обычные житейские слабости. На фоне этого многоплановой оказывается и концепция Державина-философа. Он, с одной стороны, величественный певец Бога, видящий главной целью человеческого существования возвышение к Творцу, с другой – эпикурец, умеющий наслаждаться красотой женщин, русской природой, всеми благами жизни аристократа, помещика, но при этом пропагандирующий принцип умеренности. Державин-поэт ассоциируется в нашем сознании не просто со служителем муз, это тоже многогран-

ный образ. Он певец Бога, добродетельной Фелицы, величественных полководцев и одновременно обличитель вельмож и представителей власти, не исполняющих своего гражданского долга. В то же время он певец русской жизни, русских обычаев, русской природы. Чистосердечье его как человека отразилось в его поэзии, в которой нам является и «гиперболический размах» [11, с. 163] натуры русского человека, и жажда внутренней свободы, и «горячность», но в то же время и стремление к покою, семейному уюту, размеренному образу жизни, не омрачаемому призрачной суетой и погоней за славой и богатством.

Список источников

1. Державин Г. Р. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Народное образование, 2015–2018.
2. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 2003. 453 с.
3. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 90–94.
4. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): учебное пособие. Киев: Научно-методический кабинет высшего образования Украины, 1992. 92 с.
5. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1981. 678 с.
6. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. В 9 т. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». СПб.: Издание Академии наук, 1871. XXX, 905 с.
7. Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Мысль, 1988. 283 с.
8. Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 143–164.
9. Маслова А. Г. Поэтическое творчество Г. Р. Державина в контексте литературно-эстетических исканий конца XVIII – начала XIX века. Киров: Издательство Вятского государственного университета, 2010. 295 с.
10. Запалов В. А. Комментарий: Державин. Свобода // Г. Р. Державин Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 437.
11. Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Н. В. Гоголь

Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1959. С. 159–203.

References

1. Derzhavin, G. R. (2015–2018). *Sobranie sochinenii. V 10 t.* [Collected Works. In 10 Vol.]. Moscow, Narodnoe obrazovanie. (In Russian)
2. Gukovskii, G. A. (2003). *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. 453 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
3. Ermolenko, O. V. (2020). “Mifotvorchestvo” i “individual’no-avtorskoe mifotvorchestvo”: problema razgranicheniya ponyatii [“Myth-Making” and “Individual Author’s Myth-Making”: The Problem of Differentiation of Concepts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 13. Vy’pusk 3, pp. 90–94. (In Russian)
4. Orekhova, L. A. (1992). *Avtorskoe mifotvorchestvo i russkii modernizm (liricheskaya proza): uchebnoe posobie* [Author’s Myth-Making and Russian Modernism (Lyrical Prose): A Study Guide]. 92 p. Kiev, Nauchno-metodicheskii kabinet vy’sshogo obrazovaniya Ukrainy. (In Russian)
5. Belinskii, V. G. (1981). *Sobranie sochinenii. V 9 t. T. 6.* [Collected Works. In 9 Vol. Vol. 6]. 678 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
6. *Sochineniya Derzhavina s ob’yasnitel’ny’mi primechaniyami Ya. K. Grot* (1871) [Derzhavin’s Works with Explanatory Notes by J. K. Groth]. V 9 t. T. 6. XXX, 905 p. Sankt-Peterburg, Izdanie Akademii nauk. (In Russian)
7. Khodasevich, V. F. (1988). *Derzhavin* [Derzhavin]. 283 p. Moscow, My’sl’. (In Russian)
8. Fomenko, I. Yu. (1983). *Avtobiograficheskaya proza G. R. Derzhavina i problema professionalizatsii russkogo pisatelya* [Autobiographical Prose by G. Derzhavin and the Problem of the Russian Writer Professionalization]. Pp. 143–164. Leningrad. XVIII vek. Sbornik 14. *Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul’turnom kontekste*. (In Russian)
9. Maslova, A. G. (2010). *Poe’ticheskoe tvorчество G. R. Derzhavina v kontekste literaturno-esteticheskikh iskanii kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The G. Derzhavin’s Poetic Work in the Context of Literary and Aesthetic Searches of the Late 18th–Early 19th Centuries]. 295 p. Kirov, izdatel’sтво Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
10. Zapalov, V. A. (1957). *Kommentarii: Derzhavin. Svoboda* [Comments: Derzhavin. Freedom]. P. 437. Leningrad. (In Russian)
11. Gogol’, N. V. (1959). *V chem zhe, nakonets, sushchestvo russkoi poe’zii i v chem ee osobennost’* [What, Finally, Is the Essence of Russian Poetry and What Is Its Peculiarity]. Gogol’ N. V. *Sobr. soch. v 6 tom*. T. 6, pp. 159–203. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Маслова Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
ag.maslova@mail.ru

Maslova Anna Gennadyevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
ag.maslova@mail.ru

УДК 82(091)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-158-163

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА ОТЦА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США 1990-Х ГГ.

© Ольга Несмелова, Жанна Коновалова

MYTHOLOGIZATION OF THE FATHER'S IMAGE IN AMERICAN LITERARY NONFICTION OF THE 1990s

Olga Nesmelova, Zhanna Konovalova

At the turn of the 20th-21st centuries, the literary process of the USA demonstrates a steady move towards an organic fusion of fiction and nonfiction, on the one hand, and mythologization / demythologization of national history and images, on the other. This paper addresses mythologization of the image of the father in nonfiction novels "Unto the Sons" (1992) by G. Talese and "Patrimony: A True Story" (1991) by Ph. Roth. In their literary nonfiction, both G. Talese and Ph. Roth often turn to the problems of the search for national identity, which is connected with their origin. In the book "Unto the Sons", G. Talese dwells upon the history of his family, focusing on the image of his father whom he presents as the embodiment of the national type of a self-made man. "Patrimony: A True Story" by Ph. Roth focuses on the serious illness and death of the writer's father, which makes him plunge into philosophical reflections on life and death, national history and identity. Based on the material of these works, the article considers the synthesis of fiction and nonfiction in G. Talese's and Ph. Roth's creative work, in particular, in terms of transformation of a real person into a mythological figure.

Keywords: literary nonfiction, nonfiction novel, mythologization, image of the father, self-made man, national history, identity

Литературный процесс США рубежа XX–XXI вв. демонстрирует устойчивую тенденцию к органичному слиянию художественного и документального начал, с одной стороны, и мифологизации/деификации национальной истории и образов – с другой. Данная статья посвящена проблеме мифологизации образа отца в художественно-документальных книгах Г. Тейлиза «К сыновьям» («Unto the Sons», 1992) и Ф. Рота «По наследству» («Patrimony: A True Story», 1991). И Г. Тейлиз, и Ф. Рот в своем художественно-документальном творчестве часто обращаются к проблемам поиска национальной идентичности, что связано в том числе и с их происхождением. В книге «К сыновьям» Г. Тейлиз погружается в историю собственной семьи, акцентируя внимание на образе собственного отца, которого представляет как воплощение национального типа self-made man. В центре книги «По наследству» Ф. Рота оказывается тяжелая болезнь и смерть отца, которые наводят писателя на философские размышления о жизни и смерти, национальной истории и идентичности. На материале данных произведений авторами доклада рассматриваются особенности синтеза художественного и документального в творчестве Г. Тейлиза и Ф. Рота, в частности прослеживается процесс мифологизации реальной личности.

Ключевые слова: художественно-документальная литература, документальный роман, мифологизация, образ отца, «человек, который сделал себя сам», национальная история, идентичность

Для цитирования: Несмелова О., Коновалова Ж. Мифологизация образа отца в художественно-документальной литературе США 1990-х гг. // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 158–163. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-158-163

Тема «отцов и детей» является магистральной темой любой национальной литературы, однако в американской литературе она получила особое звучание. По справедливому замечанию Дж. Армэнгола-Карреры, «ответом на вопрос, что делает американскую литературу американской,

является почти полное отсутствие темы отцовства в художественной литературе США или включение в художественную ткань произведений образа отца-тирана» [1, с. 211]. Рассматривая эволюцию американской литературы начиная с тетралогии о Кожаном Чулке Ф. Купера и рома-

на «Алая буква» Н. Готорна исследователь отмечает, что в большинстве американских романов герой либо вообще лишен семейных связей, либо концепция дружбы провозглашается более важной, нежели семейные узы. Также интересны размышления М. Киммела, который приходит к выводу, что американские герои почти всегда являются сиротами или воспитываются женщинами [2, с. 143].

По нашему мнению, причины данного феномена можно проследить в самой истории становления американской нации. Важную роль в формировании американского национального сознания сыграла концепция индивидуализма, которая занимает важное место в системе американских ценностей. Именно индивидуализм лег в основу национальной американской философии и способствовал осознанию американцами себя как уникальной нации. Еще одной важной концепцией в данном контексте является представление об американце как о «Новом Адаме», то есть человеке, который строит свое существование, руководствуясь принципами добродетельности и верой в себя и свою избранность. Этот образ входит в национальное сознание уже на этапе формирования документальной традиции литературы США через проповеди «отцов-пилигримов», дневники и автобиографии первых поселенцев. Свое художественное воплощение этот образ получает в творчестве трансценденталистов, постепенно приобретая черты национальной мифологии. Кроме того, значимым образом в американском национальном сознании становится образ *self-made man* («человека, который сделал себя сам»). Данная концепция складывается на основе представлений Б. Франклина о том, что любой человек может достичь успеха исключительно благодаря своему таланту и труду. Необходимо отметить, что все эти концепции (индивидуализм, «Новый Адам» и *self-made man*) предполагают абсолютную самостоятельность человека и во многом объясняют тему отказа от влияния отца или, шире, семьи, свойственную для американской литературы.

Вторая характерная тенденция в изображении образа отца как тирана в американской литературе также находит свое объяснение в особенностях исторического развития США. Так, Д. Паг предлагает рассматривать Американскую революцию, как «символическую битву между Отцом-доминионом Англией и его непослушными американскими сыновьями» [3, с. xvi]. Исследователь ссылается на фигуру Георга III как воплощение образа «несправедливого отца», против влияния которого боролись американские колонисты. Действительно, национальная рито-

рика на первом этапе формирования американской государственности строилась во многом на отрицании традиций, культуры, классовой системы и институтов Великобритании.

При этом отрицание «отцовского влияния» Великобритании приводит к появлению в национальном сознании собственной фигуры отца. В этом контексте мифологическое значение обретают образы отцов-пилигримов (*the Pilgrim Fathers*) и отцов-основателей (*the Founding Fathers*), которые завоевали независимость США, а также сформировали и «воспитали» молодую американскую нацию и именно в этом качестве вошли в национальное сознание.

Конец XX в. знаменует собой новый этап в развитии американской литературы и в эстетическом, и в тематическом плане. Литературный процесс США рубежа XX–XXI вв. демонстрирует устойчивую тенденцию к органичному слиянию художественного и документального начал. С одной стороны, в этот период продолжают свои эксперименты некоторые представители школы Нового журнализма 1960–1970-х гг. Так, Норман Мейлер в 1990-х гг. пишет сразу две крупных книги – «Пикассо. Портрет художника в юности: Версия биографии» (*Portrait of Picasso as a Young Man: An Interpretive Biography*, 1995) и «История Освальда. Американская загадка» (*Oswald's Tale: An American Mystery*, 1996), где предлагает собственную художественную интерпретацию образов Пабло Пикассо и Ли Харви Освальда, подозреваемого в убийстве Дж. Кеннеди. Т. Вулф в 1980–2000-х гг. создает сборники эссе и повестей «Пурпурные десятилетия» (*The Purple Decades*, 1982) и «Перепихнуться» (*Hooking Up*, 2000), где, соединяя публицистические эссе и отрывки из художественной прозы, подводит итог 1970-м и 2000-м гг. Хантер Томпсон издает сразу несколько сборников: «Поколение свиней» (*Generation of Swine: Tales of Shame and Degradation in the 80s*, 1989), «Песни Обреченного» (*Songs of the Doomed*, 1990), «Большая охота на акулу» (*The Great Shark Hunt: Strange Tales from a Strange Time*, 1991), «Лучше, чем секс» (*Better than Sex*, 1995), «Автострада гордости: Сага отчаянного южного джентльмена» (*The Proud Highway: Saga of a Desperate Southern Gentleman*, 1998), «Винтовой домкрат. Короткие истории» (*Screwjack. A Short Story*, 2000), в которых в присущей ему «гонзо»-манере анализирует политику США.

С другой стороны, художественная литература демонстрирует «поворот» к автобиографичности и фактографической достоверности. По справедливому замечанию Н. В. Киреевой, «ав-

тобиографический жанр становится полем широкого эксперимента как при создании художественного творчества (обретая черты „autofiction“), так и в своей „конвенциональной“ форме документально-художественного жанра, в котором специфический коммуникативный эффект (готовность доверять автору и отождествляться с ним) осуществляется благодаря отчетливой маркированности произведения как „non-fiction“ [4].

Свое переосмысление получает и фигура отца. В 1990-х гг. сразу два крупных американских писателя создают автобиографические книги: Ф. Рот в 1991 г. публикует книгу «По наследству» («Patrimony») [5] и почти сразу же, в 1992 г., выходит книга Г. Тейлиза «К сыновьям» («Unto the Sons») [6].

В центре внимания Ф. Рота в книге «По наследству» – последние годы и мучительная смерть его отца Германа Рота от опухоли головного мозга. Писатель дает собственное определение жанра книги, сопровождая ее подзаголовком «Правдивая история» («A True Story»). По нашему мнению, в данном случае Ф. Рот продолжает традицию, заложенную Т. Капоте и Н. Мейлером, которые часто создавали авторские определения художественно-документального жанра («nonfiction novel», «true life novel», «novel as a history, history as a novel», «interpretative biography»). Хотелось бы согласиться с О. Б. Карасик, которая определяет книгу «По наследству» как документальный роман, но написанный, в отличие от большинства документальных романов, не о событиях национального масштаба, а об истории собственной семьи писателя [7, с. 189]. Ф. Рот последовательно документирует основные события, связанные с развитием болезни отца, однако линейное повествование часто прерывается ретроспекцией. Через ретроспективу представлены события, связанные с недавним прошлым: эпизоды из семейной жизни отца, смерть матери писателя и ее похороны, попытки Германа Рота научиться жить без жены. Кроме того, Рот реконструирует события семейной истории, прослеживая ее от начала XX в., когда дед писателя приехал в США из Польши, спасаясь от антисемитизма. Такой прием позволяет Роту показать персональную жизнь отца в контексте глобальной истории. В книге реализуется принцип «повторяемости истории», повествование начинается с упоминания о том, как отец полвека назад проходил тот же путь, что и Филипп Рот. В 1942 г. отец писателя каждый день утром и вечером навещал в больнице Сендера Рота, деда писателя, обездвиженного после сердечного приступа. Отец писателя, как впоследст-

вии и сам Филипп Рот, становится свидетелем угасания, а потом и смерти своего отца.

Кроме этого, книгу Ф. Рота можно рассматривать и как вариант «беллетризованной биографии писателя», в которой он обращается к рефлексии на тему сути писательства и решает внутренний конфликт в восприятии себя как писателя и как сына Г. Рота, сделанного им литературным героем. Так, автор на последних страницах своей книги приводит два сна, приснившихся ему незадолго до смерти отца и через полтора месяца после его похорон. В первом сне повествователь видит себя ребенком, стоящим в толпе других детей и ждущим эвакуации в ньюаркском порту времен Второй мировой войны. Повествователь вместе с другими детьми наблюдает, как к ним медленно приближается американский корабль старого образца, списанный из флота за ненадобностью. Не найдя своего отца на борту корабля, Ф. Рот осознает, что его отец – сам корабль. В этом символическом образе подчеркивается жизненный путь его отца, который всю жизнь гордился не только своим происхождением, но и принадлежностью к американской нации, а в конце жизни оказался «списанным со счетов» истории. В данном эпизоде возникает еще один показательный образ: проснувшись, повествователь рефлексировал на тему чувств, вызванных у него сном, и осознает, что подобные же пронзительные эмоции он испытывал в день похорон президента Рузвельта. Показательно, что повествователь определяет себя и других детей, находящихся на причале, как «безотцовщину», проводя параллель между собой и американской нацией, со смертью Рузвельта символически лишившейся отца.

Во втором сне отец является к повествователю в саване и обвиняет его в том, что его похоронили не в той одежде, в которой он хотел быть похороненным. Это заставляет Ф. Рота задуматься над чувством вины, которое он испытывает, публикуя автобиографию. Неодобрение отца автор переносит на историю создания книги, работу над которой он начал еще во время его болезни. В данном эпизоде Ф. Рот наполняет образ отца символическим значением «судьбы всех моих дел».

Ф. Рот не идеализирует образ Германа Рота, приводя свидетельства его необразованности и тяжелого характера. Автор воссоздает многочисленные эпизоды, когда отец проявляет предубеждение, черствость и не идет на диалог. Автор винит тиранию и упрямство отца в нервных срывах, которые происходили с его матерью в последние годы ее жизни: «*His obsessive stubbornness – his stubborn obsessiveness – had*

very nearly driven my mother to breakdown in her final years» [5, с. 36]. Одним из ключевых эпизодов становится сцена, когда отец Ф. Рота избавляется от всех вещей своей покойной жены через два часа после ее похорон.

Однако по мере разворачивания повествования становится ясно, что автор создает прежде всего историю своего «примирения» и сближения с отцом, а через него – обретения своей идентичности. Писатель наполняет фигуру отца символическими и мифологическими чертами. В книге постоянно подчеркивается контраст между физической немощностью отца (Рот не обходит вниманием различные, даже самые отталкивающие физиологические признаки, связанные с развитием опухоли) и негибемостью его духа:

«<...> starting with his immigrant parents' transatlantic crossing in steerage, extending to his grueling campaign to get ahead, the battle to make good against so many obstructive forces – as a poor boy robbed of serious schooling, as a Jewish working man in the Gentile insurance colossus—and ending with his transformation, by the brain tumor, into an enfeebled wreck» [Там же, с. 27].

В образе отца постоянно подчеркивается мотив «борьбы», которую он ведет всю жизнь, сначала для того, чтобы обеспечить своей семье достойное существование, а затем с болезнью. Мотив борьбы за жизнь, в том числе связанный с еврейским происхождением отца и его существованием в Америке как иммигранта, становится центральным по отношению к характеристике персонажа. Этот мотив находит свое отражение и в названиях глав («Они шли на бой и потому, что такая их профессия, и потому, что они евреи»), и в диалогах, которые приводит Ф. Рот. Одной из центральных сцен книги является разговор отца с врачом в больничной палате по поводу его дальнейших перспектив. Отец рассказывает врачу о своем происхождении, отсутствии образования и каждодневной борьбе, которую он вел всю жизнь, и подчеркивает, что он никогда не сдавался. В образе отца Ф. Рот находит мифологические черты *self-made man*.

Кроме того, по мнению автора, его отец является одним из поколения «выживших»: «*all that he had weathered and survived without bitterness or brokenness or despair*» [Там же, с. 115]. Мотив выживания становится основным в конструировании образа Германа Рота: «*survivorship, survivorhood, survivalism*» [Там же, с. 125]. В книге Ф. Рота часто возникают аллюзии на Холокост, жертвой наряду со многими которого является и отец писателя. Показательно что последними словами книги являются: «*You must not forget anything*» [Там же, с. 176], выражение, ко-

торое, по словам исследователей, часто применяется по отношению к нацистскому геноциду.

Своей кульминации мотив борьбы за выживание достигает в сцене, описывающей последние часы жизни Германа Рота. Его агония длится двенадцать часов, во время которых он демонстрирует «упорство и непреклонность», свойственные ему всю жизнь. Последнюю ремарку писателя можно воспринять как осознание той роли, которую играл отец в его жизни, и принятие стойкости отца как ролевой модели для собственного дальнейшего существования.

Подобный же путь осознания собственной идентичности через анализ семейной истории, особенно взаимоотношений с отцом, выстраивает в своей автобиографической книге «К сыновьям» («*Unto the Sons*») Г. Тейлиз. В жанровом отношении это произведение представляется более сложным, чем книга Ф. Рота. Г. Тейлиз, в отличие от Ф. Рота, воспринимается как журналист и автор прежде всего документальных и художественно-документальных книг. Он известен своим глубоким «погружением» в материал и следованием принципу «включенного репортажа». Так, во время работы над своей книгой «*Honor Thy Father*», посвященной клану итальянской мафии, Тейлиз фактически жил с представителями данного клана. Работа над книгой «К сыновьям» длилась около десяти лет, несколько из которых Тейлиз провел, путешествуя по Европе и интервьюируя членов своей семьи и знакомых, а также изучая многочисленные документальные источники, связанные с историей Италии за последние пятьсот лет. Однако в послесловии к своей книге автор отмечает, что его попытки сохранить абсолютную фактографичность книги не удалась. Первые 9 глав в книге написаны в соответствии с канонами традиционной автобиографии, повествование ведется от первого лица, автор пишет о себе в подростковом возрасте. В этой части, которую можно рассматривать как пролог к основному повествованию, автор делает акцент на конфликте «отцов и детей»: рожденный в Америке и страстно желающий почувствовать себя настоящим американцем, повествователь в годы Второй мировой войны чувствует себя отчужденным от отца из-за его происхождения, преданности национальным традициям, языка:

«*There were many times when I wished that I had been born into a different family, a plain and simple family of impeccable American credentials - a no-secrets, nonwhispering, no-enemy-soldiers family that never received mail from POW camps, or prayed to a painting of an ugly monk, or ate Italian bread with pungent cheese*» [6, с. 47].

Однако уже в 10 главе повествовательная модель резко меняется. При отсутствии нарушения временной хронологии, Я-повествователь неожиданно исчезает, и на страницах появляется герой Гей Тейлиз. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что писатель видит свою основную задачу не только и не столько в саморефлексии, сколько в представлении коллективного опыта семей итальянских иммигрантов в Америке в один из самых сложных периодов – в 1940–1944 гг. В книге «К сыновьям» так же, как и Ф. Рот, Г. Тейлиз прослеживает персональную историю отца на фоне национальной истории и глобальной мировой истории. По Тейлизу, история Джозефа Тейлиза, портного, эмигрировавшего из Италии в США в 1920 г., является иллюстрацией влияния глобальных мировых катаклизмов на личность каждого отдельно взятого человека. Однако, в отличие от Ф. Рота, который в центр внимания ставит процесс сближения с отцом, Г. Тейлиз акцентирует внимание на неразрешенном (на страницах книги) конфликте между Геем и Джозефом. Последней сценой романа является ссора между героями. Джозеф, узнав о трагической ошибке союзных войск, разрушивших фактически до основания Аббатство Монтекассино (провинция Лацио), в котором в тот момент находились не немецкие войска, а мирные жители, в порыве ярости и отчаяния уничтожает модели американских самолетов, принадлежащих сыну. 12-летний Тейлиз в истерике, выбегает из дома, надев роликовые коньки, и, не справившись со скоростью, врезается в стеклянную витрину магазина, получив страшные порезы и травмы. Герой не прощает своего отца, даже несмотря на заботу и раскаяние, которые тот демонстрирует после происшествия. Примирение и сближение автора с отцом (произошедшее в действительности) остается за рамками текста, что, по нашему мнению, свидетельствует об определенной доле драматизации повествования и попытке вынесения личной истории в более широкий социальный и исторический контекст.

Отец писателя в книге представлен как носитель традиционных итальянских национальных ценностей, ему присущи религиозность, трудолюбие, строгость и даже суровость. Автор особо подчеркивает стремление отца сохранить свою национальную идентичность в Америке, которая стала ему домом в 1920-х гг.:

«Among the waiting parishioners were my mother and father, sitting close to each other in the third row, two well-tailored Italians in a humble Irish Catholic parish on a Protestant Island, a minority within a minority» [Там же, с. 38].

В образе отца Тейлиза так же, как и в образе Германа Рота, подчеркиваются черты тирана: все в доме подчинено заведенному им порядку, сыну отказано в возможности вести жизнь обычного американского подростка. На страницах книги автор неоднократно заявляет, что отец делает из него «манекена», который создан для того, чтобы рекламировать его мастерство как портного. При этом Г. Тейлиз, так же как и Ф. Рот, наделяет образ отца мифологическими чертами *self-made man*. Центральным мотивом в изображении образа отца является мотив успеха. По мнению писателя, именно благодаря своему упорному труду и таланту отец добивается успеха в чуждом ему американском мире.

Таким образом, и Г. Тейлиз, и Ф. Рот в своих художественно-документальных книгах создают неоднозначный образ отца. В книге «К сыновьям» Г. Тейлиз погружается в историю собственной семьи, акцентируя внимание на образе отца, которого представляет как носителя неразрешенного внутреннего конфликта. Ф. Рот также воссоздает историю своей семьи, характеризуя ее как обычную семью еврейских иммигрантов. Однако, если центре книги Ф. Рота – самоопределение писателя через сближение с отцом, то Г. Тейлиз драматизирует и фикционализует отношения с отцом с целью поставить вопрос об опыте многих семей иммигрантов в США. Героев объединяет их происхождение: и Герман Рот, и Джозеф Тейлиз являются иммигрантами, обосновавшимися в Америке в начале XX в. Оба являются носителями и «хранителями» своей национальной и этнической идентичности. Оба героя представлены как тираны, с которыми ведут символическую борьбу их сыновья. При этом и Герман Рот, и Джозеф Тейлиз выступают как воплощение мифологемы *self-made man*.

Список источников

1. *Armengol-Carrera J. M.* Where Are Fathers in American Literature? Re-visiting Fatherhood in U.S. Literary History // *The Journal of Men's Studies*. 2008. P. 211–226.
2. *Kimmel M. S.* Manhood in America: A cultural history. New York: The Free Press, 1997. 544 p.
3. *Pugh D. G.* Sons of Liberty: The Masculine Mind in Nineteenth-Century America. Westport, CT: The Greenwood Press, 1983. 186 p.
4. *Киреева Н. В.* Трансформация жанра автобиографии американскими писателями-постмодернистами, 2011. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/kireeva-transformaciya-zhanra-avtobiografii.htm> (дата обращения: 24.05.2024).
5. *Roth Ph.* Patrimony: A True Story. NY: Vintage, 1991. 176 p.

6. Talese G. *Unto the Sons*. Random House, 2006. 577 p.
7. Карасик О. Б. Семейная история, превращенная в роман: «По наследству» Ф. Рота // Филология и культура. Philology And Culture. 2012. № 4 (30). С. 189–193.

References

1. Armengol-Carrera, J. M. (2008). *Where Are Fathers in American Literature? Re-visiting Fatherhood in U.S. Literary History*. The Journal of Men's Studies, pp. 211–226. (In English)
2. Kimmel, M. S. (1997). *Manhood in America: A Cultural History*. 544 p. New York, The Free Press. (In English)
3. Pugh, D. G. (1983). *Sons of Liberty: The Masculine Mind in Nineteenth-Century America*. 186 p. Westport, CT, The Greenwood Press. (In English)
4. Kireeva, N. V. (2011). *Transformatsiya zhanra avtobiografii amerikanskimi pisatelyami-postmodernistami* [Transformation of Autobiographical Genre by American Postmodernist Writers]. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/kireeva-transformaciya-zhanra-avtobiografii.htm> (accessed: 24.05.2024). (In Russian)
5. Roth, Ph. (1991). *Patrimony: A True Story*. 176 p. NY, Vintage. (In English)
6. Talese, G. (2006). *Unto the Sons*. 577 p. Random House. (In English)
7. Karasik, O. B. (2012). *Semeinaya istoriya, prevrashchennaya v roman: "Po nasledstvu" F. Rota* [Family Story Turned into a Novel: Ph. Roth's "Patrimony"]. Philology and Culture. No. (30), pp. 189–193. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Несмелова Ольга Олеговна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
olga.nesmelova@inbox.ru

Коновалова Жанна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhanna.konovalova@gmail.com

Nesmelova Olga Olegovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
olga.nesmelova@inbox.ru

Konovalova Zhanna Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhanna.konovalova@gmail.com

УДК 82-312.1(7)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-164-169

**ПРЕОДОЛЕТЬ ВЕЧНЫЙ ПОЛДЕНЬ СРЕДЫ:
ПОИСК ОСНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
В РОМАНЕ УОКЕРА ПЕРСИ «ПОСЛЕДНИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН»**

© Алла Никулина

**TO END THE ETERNAL WEDNESDAY AFTERNOON:
THE SEARCH FOR THE FOUNDATIONS OF HUMAN EXISTENCE
IN “THE LAST GENTLEMAN” BY WALKER PERCY**

Alla Nikulina

The article examines the philosophical issues in Walker Percy's novel "The Last Gentleman", revealed in the author's modeling of the plot development and in creating character images with conscious reliance on the provisions of Kierkegaard's and Marcel's existentialist philosophy. The main problem in the book centers round the desire of a person to find his own way in a situation of existential choice, the search for faith as the significant basis for human existence. The protagonist, Will Barrett, is put by the author into the situation of absolute freedom and is presented with the choice of various conceptual models of life, personified in the images of the people surrounding him: his father's stoic ethics, Rita's secular humanism, Val's uncompromising religious faith, Sutter's desperate nihilism. The turning point in Will's life comes with his falling in love with Kitty: it changes his way of thinking, laying the foundation for the subsequent discovery of God. The article discloses the symbolic meaning of the character's way in the novel: from a crowded metropolis to the open wilderness of southwestern deserts, from feeling lost to the discovery of faith, from loneliness to the search for the significant Other. The dynamic movement becomes the most important element in the novel, the character's actual travelling through the country acquires the features of a spiritual journey to truth. Despite the absence of Will's crucial inner transformation at the end of the novel, the author, in accordance with Marcel's philosophical concept, gives paramount importance to the journey itself, regarding it as the main event that gives meaning to human life.

Keywords: Walker Percy, philosophical novel, Kierkegaard, Gabriel Marcel, existentialism

В статье рассматривается философская проблематика романа Уокера Перси «Последний джентльмен», раскрывающаяся в авторском моделировании сюжетного развития и художественных образов персонажей с сознательной опорой на положения экзистенциалистской философии Кьеркегора и Марселя. Центральной темой произведения становится стремление человека обрести собственный путь в ситуации экзистенциального выбора, поиск веры как наиболее значимой основы существования. Главный персонаж, Уилл Барретт, помещается автором в пространство абсолютной свободы и выбора между различными концептуальными моделями жизни, олицетворяемыми образами близких ему людей: стоической этики отца, светского гуманизма Риты, бескомпромиссной религиозной веры Вэл, отчаянного нигилизма Саттера. Решающим событием оказывается обретение героем любви, придающее необходимое направление его жизни и закладывающее основу для последующего решающего движения от человека к Богу. В статье раскрывается символическая значимость пути героя в романе: из душного города в открытый мир юго-западных пустынь, от внутренней потерянности к вере, от одиночества к поиску Другого. Динамическое движение представляет собой наиболее важный элемент замысла романа, физический путь героя через страну обретает черты духовного пути к познанию смысла жизни. Несмотря на отсутствие значимого внутреннего преобразования Уилла в конце произведения, автор, в соответствии с философской концепцией Марселя, наделяет первостепенным значением само движение, видя в нем главный смысл человеческой жизни.

Ключевые слова: Уокер Перси, философский роман, Кьеркегор, Габриэль Марсель, экзистенциализм

Для цитирования: Никулина А. Преодолеть вечный полдень среды: поиск основ человеческого существования в романе Уокера Перси «Последний джентльмен» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 164–169. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-164-169

Уокер Перси (1916–1990) – один из наиболее ярких представителей жанра философского романа в литературе США. Он сам указывал на сознательное намерение «использовать художественную форму для передачи идей» [1, с. 9] (здесь и далее перевод англоязычных источников наш. – А. Н.). Критики изначально были склонны рассматривать произведения Перси в контексте южной литературной традиции, однако не местный колорит интересует Перси: «Я жил в ста милях от Уильяма Фолкнера, но он значил для меня меньше, чем Альбер Камю», – заявлял он [Там же, с. 146]. Писатель прежде всего размышляет над универсальными человеческими проблемами и ситуациями, и американский Юг оказывается лишь фоном для постановки значимых философских вопросов.

Философский роман как жанр является художественным произведением, сознательно сориентированным автором на проверку конкретных теоретических идей. С этой точки зрения, идейная составляющая в философском романе всегда оказывается первична по отношению к художественным элементам, выбираемым автором в соответствии с идейным замыслом. Несмотря на это, философский роман остается прежде всего именно художественным произведением: «Это не то, чтобы просто взять какую-то теорию и проиллюстрировать ее. Здесь нужно поместить человека внутри некой ситуации и посмотреть, что произойдет», – комментирует свой метод Перси [Там же, с. 61]. Автор настаивает на необходимости проверки абстрактных положений в реальных жизненных обстоятельствах.

В произведениях писателя философским фундаментом выступает экзистенциализм религиозного типа: в первую очередь работы С. Кьеркегора и Г. Марселя. Хотя Перси утверждал в интервью, что его романы базируются на «различных аспектах философии Кьеркегора» [Там же, с. 154], невозможно не заметить, что идеи католика Марселя оказываются ему ближе, чем индивидуалистический протестантский пафос сочинений Кьеркегора [2].

Философский характер творчества Перси неоднократно становился предметом анализа в работах американских литературоведов. Так, Р. Коулз подчеркивает стремление автора балансировать «на грани философии, теологии и литературы» [3, с. 191]. «Философом среди романистов» именует Перси исследователь его творчества А. Казин [4, с. 102]. Г. Блум утверждает, что

Перси «использует роман как духовное оружие, направленное против отчаяния своей эпохи» [5, с. 5]. Отечественные исследователи уделяют творчеству автора гораздо меньше внимания. О. Ю. Анцыферова [6] и О. Ю. Панова [7] обращаются к роману «Любитель кино», но рассматривают его скорее в психологическом, а не философском ключе. Остальные романы писателя в российском литературоведении практически не изучаются, что является явным пробелом в отечественной науке, так как творчество Перси, несомненно, представляет собой одно из наиболее своеобразных явлений американской литературы второй половины XX столетия.

Мы в данной статье сосредоточимся на втором романе писателя – «Последний джентльмен» («The Last Gentleman», 1966) и, опираясь на историко-культурный и сравнительно-сопоставительный методы, проанализируем представленную в нем художественно-философскую специфику авторского видения мира. Данное произведение всегда привлекало гораздо меньше внимания исследователей по сравнению с первым романом Перси «Любитель кино», хотя художественная доминанта творчества писателя проявляется в нем не менее ярко. В первом романе автор ясно обозначил свою позицию философского романиста, проведя центрального героя кьеркегоровским путем рыцаря веры через основные стадии становления: эстетическую, этическую и религиозную. Однако писатель продолжал размышлять о трудностях и преградах, которые неминуемо возникают перед современником, далеко не всегда проходящим свой путь веры так же быстро и успешно, как Бинкс Боллинг. В романе «Последний джентльмен» главный персонаж, с одной стороны, изначально находится на более продвинутой духовной ступени развития, чем Бинкс, охарактеризованной самим писателем как «религиозная» [1, с. 68], с другой – испытывает более глубокие трудности выбора дальнейшего пути, так и не достигая решающего «обращения» в рамках развития романного действия.

Центральным персонажем в романе выступает Уилл Баррет – молодой уроженец Луизианы, живущий в Нью-Йорке и совершенно не вписывающийся в типическую действительность крупного американского города. Неслучайно У. Аллен сравнивает Баррета с Джорджем Брашом, героем романа «К небу мой путь» Т. Уайлдера [8, с. 45]: внутренняя серьезность религиозного поиска при внешней комичности

социально нелепого поведения явно объединяет двух персонажей. Перси полагал, что Уилл – модификация художественного образа Бинкса из первого романа, но «главное отличие состоит в том, что он болен гораздо серьезнее» [1, с. 13]. Уилл обладает приятной внешностью и происходит из респектабельной южной семьи. Он один из тех, *«кто хорошо учится в школе, кого все время приводят в пример, на кого возлагают большие надежды, но кто в дальнейшем демонстрирует все меньше и меньше достижений, пока совсем не пропадает из виду»* [9, с. 5]. Бросив учебу в престижном университете, он становится *«наблюдателем, слушателем и странником»* [Там же, с. 6]. Уилл – человек на распутье, понимающий важность осуществления судьбоносного экзистенциального выбора, но не способный решить, в чем этот выбор должен заключаться. Автор намеренно наделяет его глухотой на одно ухо и приступами амнезии: его физические недостатки для Перси становятся метафизическими достоинствами, он глух к шуму толпы, но вслушивается лишь в значимые голоса; временами теряет мир и себя, забывая даже собственное имя, что дает ему возможность открыть действительность заново, утвердить себя в качестве свободы, совершающей собственный выбор вне сковывающих моделей общественных практик.

Уилл изначально помещается автором в пространство абсолютной свободы:

«<...> до настоящего момента он жил в ситуации чистой возможности, не зная, кем он является и что ему надлежит делать, и поэтому полагая, что он должен быть всеми и делать все» [Там же, с. 1].

Однако такая анархическая и бесцельная свобода, с точки зрения Перси, абсолютно бесперспективна. Разделяемое автором понимание свободы – кьеркегоровская «свобода знать о самом себе, что он есть свобода» [10, с. 201] и следовать собственным избранным путем. В начале романа Уилл прекращает свои многолетние визиты к психотерапевту и покупает телескоп: данную символическую деталь можно трактовать как намерение героя отныне всматриваться не в себя, а в окружающий мир, что находится в соответствии с заявлением Перси, сделанном им в одном из интервью: «Я полагаю, что значительная часть написанного мной можно назвать сатирой на так называемые поиски себя» [1, с. 49]. По убеждению писателя, которое он разделяет с Марселем, человеку надлежит искать не себя, а Бога; при этом Бога можно найти только через понимание значимости других людей, внимание к ним. Именно телескоп в романе по стечению

обстоятельств приводит к знакомству Уилла сначала с Китти, а через нее – со всей ее семьей, которая сыграет важную роль в дальнейшем становлении его личности. Вместе с братом Китти Джейми Уилл отправляется в путешествие по югу и юго-западу США, и это путешествие становится важным этапом его жизни: на первый план здесь выходит марселевская концепция жизни в пути, паломничества к истине, а также кьеркегоровские мотивы «ротации» и «повторения». Ротация у Кьеркегора, как и у Перси, подразумевает идею посещения новых мест, которое в ключевой момент оказывается способно вывести человека за эстетические рамки смены места и стать толчком к духовному прозрению, «заглядыванию за грань». Теми же качествами обладает у Кьеркегора и «повторение»: Уилл едет назад на юг, чтобы найти себя прошлого и тем самым расчистить дорогу будущему. После этого его путь будет проложен автором в западном направлении: выражение «отправиться на запад» (to go west) на английском языке означает «умереть»: там должен умереть старый Уилл и родиться новый. Таким образом, физический путь героя через страну обретает черты духовного движения к познанию смысла жизни.

Уилл долгое время не может найти свое место в мире. На севере США, как ему кажется, он мог неплохо существовать, потому что в вечной гонке за призрачными благами все чувствовали себя там некомфортно, и поэтому он как будто меньше ощущал неестественность своей позиции. Но на более расслабленном юге, куда он отправляется, все чувствуют себя прекрасно, и от этого ему становится совсем не по себе. *«Вечный полдень среды в штате Миссисипи»* [9, с. 280], как он формулирует это про себя, для него непреносим. Метафоры полудня и среды в различных вариантах несколько раз встречаются в романе как обозначение современной цивилизации, обретшей внешнее материальное благополучие, пребывающей в ленивом самодовольстве, но утратившей духовную составляющую, необходимую для ощущения себя человеком. Уилл ищет возможности преодоления этой внутренней статики. Его главный талант – умение чутко приглядывать и прислушиваться к миру, «талант к общению» [1, с. 82]. Он способен слышать других, хотя и не понимает их до конца. Именно на его попытках осознать и оценить чужие модели жизненного поведения, выбрать из них подходящую для себя строится внутренне движение сюжета романа. Таких моделей ему предлагается несколько: в романе они представлены в первую очередь фигурами его отца, Риты, Вэл и Саттера.

С детства в памяти Уилла живет образ отца-стоика, «гордого и одинокого человека» [9, с. 303], юриста, совершившего самоубийство практически в присутствии сына после нечестно выигранного судебного дела. Жизнь, четко выстраиваемая в соответствии с секуляризованными понятиями чести и этики, внешне выглядит красиво и благородно, но неминуемо приводит к внутреннему тупику, утрате надежды, которая не может существовать без поддержки веры, и к смерти как закономерному финалу. Перси в каждом из своих романов подвергает персонажей, следующих бескомпромиссному этическому кодексу, явному осуждению, потому что, как он полагает, никакой абстрактный принцип не может быть поставлен выше конкретного человека и его человеческих нужд.

Более жизнеутверждающая позиция воплощена в романе в образе Риты-«гуманиста» [1, с. 14], разведенной жены Саттера, продолжающей принимать активное участие в делах его семьи. Рита предстает перед читателем как твердая и уверенная в себе женщина, отвергающая религиозные убеждения. Ее путь – практическая помощь людям. Она предстает в романе воплощением жизни как естественной природной силы, деятельного человеколюбия, готового многое отдавать, но настойчиво требующего взамен обязательной ответной любви, преданности, самопожертвования. Она не лишена внутреннего эгоизма, неслучайно автор в интервью характеризует ее как «одновременно хорошую и плохую» [Там же]. Но ее несомненное достоинство, с точки зрения автора, состоит в том, что она не предается метафизическим размышлениям, а практически работает на благо других.

Воплощением религиозной позиции выступает в романе Вэл – сторонница абсурдной веры, совершившая кьеркегоровский «прыжок», но так и не обретшая ни себя, ни Бога. Т. ЛеКлэр считает, что именно Вэл, католичка и носительница веры в романе, является выразителем позиции Перси [4, с. 133]. На самом деле это не совсем так. Перси, несомненно, разделяет ее убежденность в значимости веры, но не признает идеи прыжка: человек должен понимать свои цели и идти к ним последовательно, «религия – это форма знания», уверен он [1, с. 204]. Вэл совершила свое движение веры одномоментно, от отчаяния, не будучи к нему подготовлена. Она упорна, настойчива и от совершенного выбора не откажется, но внутренне она как будто потеряна, в чем и признается Уиллу:

«Вот это-то я и не могу понять: я верю во все, что положено – Бога, евреев, Христа, Святую церковь,

благодать и прощение грехов – но чувствую внутри еще больше злобы, чем прежде... И что мне с этим делать?» [9, с. 237].

Она проповедует отчаянную веру, страстную, бесповоротную, существующую прежде разума и личных устремлений. На вершине своей веры она абсолютно одинока, как кьеркегоровский Авраам, рыцарь «бесконечного самоотречения» [10, с. 45], но, по мнению Перси, так быть не должно. К Богу человек должен идти от человека к человеку и ради поддержания человеческого, вера – не жест отчаяния. В этом отношении Перси в полемике с идеями Кьеркегора всегда склонялся к точке зрения Марселя, утверждавшего, что «Бог не хочет, чтобы мы любили его вопреки своим убеждениям» [11, с. 116], и призывавшего идти к вере через последовательное открытие знаков его присутствия в повседневном мире.

Другую точку зрения на проблему веры представляет в романе Саттер, в душе жаждущий встречи с Богом, но интеллектуально сопротивляющийся ей. «Религиозный человек, не имеющий веры», – охарактеризовал его Т. ЛеКлэр [4, с. 132]. Он все время испытывает всевышнего, намеренно бросает вызов Богу своими парадоксальными действиями, пытаясь таким образом заставить его заговорить с ним, подать ему знак. Именно поэтому, с точки зрения Перси, Саттер не безнадёжен, он вполне может стать носителем веры в будущем, так как не безразличен к духовному миру и его голосам, в отличие, например, от Мерсо Камю, с которым Перси сравнивал его в интервью [1, с. 42]. Саттер одержим идеей самоубийства: он уже один раз пытался его совершить и снова заявляет о своем намерении в финале. С одной стороны, это результат отчаяния – «болезни к смерти» по Кьеркегору, марселевской «неспособности к служению» [11, с. 106]. С другой, символ надежды: «кажется, Камю сказал, – замечал Перси, – что вся философия рождается из возможности самоубийства. И в этом отношении Саттер становится воплощением философии Камю» [1, с. 43].

На протяжении всего романа Уилл находится в поиске «отца» [Там же, с. 14]. Настоящий отец предал его, совершив самоубийство, и в течение многих лет он пытается обрести истинно авторитетного наставника, способного раскрыть для него тайны жизни. На некоторое время им становится Саттер, личность которого поражает и притягивает Уилла. Откровением для Уилла становится записная книжка Саттера: обрывочный и эмоциональный текст предстает своеобразным манифестом, «достойным Марселя и Хайдеггера», по словам Р. Коулза [3, с. 182]. Перси при-

знает, что введение в текст романа объемных отрывков из записной книжки выглядит несколько искусственно, но считает, что с художественной точки зрения подобный прием сработает лучше, чем долгие философские диалоги персонажей «в духе Достоевского» [1, с. 14]. В своих записях Саттер стремится доказать абсурдность религии и церкви в современном мире. Для него самого никакая форма компромисса с миром неприемлема. Он намеренно выбирает для себя юго-запад – край пустынь как источник абсолютной свободы:

«Я покинул старый распадающийся юг ради чистой трансценденции юго-запада. Но трансценденция подвела меня» [9, с. 275].

«Место чистой возможности» [Там же, с. 286] оказалось наполнено только пустой тишиной. Выбор человека – всегда его собственный внутренний выбор, и никакие внешние обстоятельства не способны оправдать его. Финальный выбор Саттера – мир без Бога, ведущий только к одному выходу – самоубийству, но оставляющий отчаянную надежду на духовное обновление:

«Христос должен нас покинуть. Он слишком задержался у нас, и его друзья мне совершенно не нравятся. У нас нет никакой надежды вновь обрести Христа, пока Христос не покинет нас» [Там же, с. 293].

Это утверждение, действительно, напоминает размышления Хайдеггера о бытийно значимой «тишине Начала», которая может быть обретена только после того, как «мир должен быть принужден к крушению, земля – к опустошению» [12, с. 178].

Уилл внимательно выслушивает всех в романе, но абсолютистские крайности представленных позиций вызывают у него внутреннее неприятие. Его не привлекает ни бескомпромиссная сверхчеловеческая этика отца, ни требовательное человеколюбие Риты, ни отчаянная вера Вэл, ни такая же отчаянная борьба с верой Саттера. В конце романа он, как ему кажется, находит свой путь, который мог бы дать ему жизненно важную опору и надежду:

«С телескопами покончено, – подумал он, – и с далекими галактиками тоже. Какое мне дело до Андромеды? Все, что мне нужно, – это моя милая невеста-южанка, уютный трейлер, спичка и разожженная плитка, приветливая полоска света, падающая из открытой двери на знакомую землю, и чашка сладкого мятного чая, из которой мы отпиваем по очереди, гоня прочь холод пустыни» [9, с. 281].

Согласно Кьеркегору, рыцарь веры после обращения всегда возвращается в обыденный мир и внешне оказывается неотличим от других людей, но в данном случае проблема заключается в том, что обращения еще не произошло, и обыденность Уилла, к которой он внутренне тянется, совсем не похожа на озаренную новым светом веры, как в финале первого романа Перси «Любитель кино». Неслучайно Перси характеризовал финал как «неопределенный» [1, с. 205]. С одной стороны, в нем присутствует декларируемое на словах намерение Уилла сойти с пути поиска, но, с другой, есть и дорога, открытая перед ним, по которой он бежит за машиной уезжающего Саттера, все еще желая задать ему очень важный вопрос и не оставляя надежды продвинуться дальше, – вечный марселевский странник, *homo viator*, обреченный всегда быть в пути.

Таким образом, философский роман Перси строится на поиске персонажем внутренних принципов, определяющих основы существования и придающих смысл человеческой жизни, на изучении и сопоставлении различных сущностно значимых моделей, равнозначных с точки зрения экзистенциального выбора, но совершенно несходных по практическому эффекту, который они оказывают на человеческую судьбу. Герой настойчиво ищет свой путь, и, хотя окончательно так и не находит, Перси наделяет ценностью само стремление к духовному поиску, которое, в соответствии с католической философской концепцией Марселя, представляет собой наиболее важный фактор человеческой жизни.

Список источников

1. Conversations with Walker Percy / ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. Jackson: University Press of Mississippi, 1985. 325 p.
2. Никулина А. К. Экзистенциалистский путь веры как способ достижения жизненного успеха в романе У. Перси «Второе пришествие» // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 2 (9). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2023. С. 142–147.
3. Coles R. Walker Percy: an American search. Boston: Little, Brown, 1978. 250 p.
4. Critical essays on Walker Percy / ed. by J. D. Crowley and S. M. Crowley. Boston: G.K. Hall & Co., 1989. 294 p.
5. Walker Percy / ed. by H. Bloom. New York: Chelsea House, 1986. 167 p.
6. Анцыферова О. Ю. Южный миф vs киномиф в романе Уокера Перси «Любитель кинематографа» // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 1. С. 42–48.

7. Панова О. Ю. Американский «подпольный дух»: повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и литература США второй половины XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 412–419.

8. Allen W. R. Walker Percy, a southern wayfarer. Jackson: University Press of Mississippi, 1986. 160 p.

9. Percy W. The last gentleman. New York: Ivy Books, 1993. 323 p.

10. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.

11. Марсель Г. Быть и иметь / пер. с фр. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 159 с.

12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

References

1. *Conversations with Walker Percy* (1985). Ed. by L. A. Lawson and V. A. Kramer. 325 p. Jackson, University Press of Mississippi. (In English)

2. Nikulina A. K. (2023). *Ekzistentsialistskiy put' very kak sposob dostizheniya zhiznennogo uspeha v romane W. Percy "Vtoroe prishestvie"* [The Existentialist Path of Faith as a Way to Achieve Life Success in W. Percy's Novel "The Second Coming"]. *American Studies in the Far East: Annual Bulletin*. No. 2 (9), pp. 142–147. Blagoveshchensk, izd-vo BSPU. (In Russian)

3. Coles, R (1978). *Walker Percy: An American Search*. 250 p. Boston, Little, Brown. (In English)

4. *Critical Essays on Walker Percy* (1989). Ed. by J. D. Crowley and S. M. Crowley. 294 p. Boston, G. K. Hall & Co. (In English)

5. *Walker Percy* (1986). Ed. by H. Bloom. 167 p. New York, Chelsea House. (In English)

6. Antsyferova, O. Yu. (2004). *Yuzhniy mif vs kinomif v romane Walkera Percy "Lubitel kinematografa"* [Southern Myth vs Cinematic Myth in "The Moviegoer" by Walker Percy]. *Ivanovo State University Bulletin*. No. 1, pp. 42–48. (In Russian)

7. Panova, O. Yu. (2021). *Amerikanskii "podpolnyi dukh": povest' F. M. Dostoevskogo "Zapiski iz podpol'ya" i literature SShA vtoroy poloviny 20 veka* [American Underground Spirit: Dostoevsky's Notes From Underground and the 20th Century USA Literature]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. Vol. 21, iss. 4, pp. 412–419. (In Russian)

8. Allen, W. R. (1986). *Walker Percy, a Southern Wayfarer*. 160 p. Jackson, University Press of Mississippi. (In English)

9. Percy, W. *The Last Gentleman* (1993). 323 p. New York, Ivy Books. (In English)

10. Kierkegaard, S. (1993). *Strah i trepet* [Fear and Trembling]. 383 p. Moscow, Republic. (In Russian)

11. Marcel, G. (1994). *Byt' i imet'* [Being and Having]. 159 p. Novocherkassk, Saguna. (In Russian)

12. Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. 447 p. Moscow, Republic. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Никулина Алла Константиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450077, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
alla_nikoulina@mail.ru

Nikulina Alla Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University,

3a Oktyabrskoy Revolyutsii Str.,
Ufa, 450077, Russian Federation.
alla_nikoulina@mail.ru

МИФ РОССИИ В «РАЗГОВОРАХ МЕРТВЫХ» М. Н. МУРАВЬЕВА

© Алексей Пашкуров

THE MYTH OF RUSSIA IN "DIALOGUES OF THE DEAD" BY MIKHAIL MURAVIEV

Aleksey Pashkurov

This article focuses on the processes of development and change in the philosophical and rhetorical genre of "Dialogues..." in Russian literature of the last quarter of the 18th century. A given phenomenon goes back as far as the heritage of ancient thinkers; for instance, "Parallel Lives" by Plutarch was relevant to Russian writers of the years 1700-1800. Initially, under new conditions, the national writers were mostly interested in this genre by reason of the general problems of knowledge distribution as a metaphysical beginning of existence (A. Belobotsky, V. Tatitshev). By the last quarter of the 18th century, a key aspect of consideration had been shifted to the issues of a new personal education and the state and moral doctrine of Russia. Mikhail Muraviev (1757 - 1807) was a famous Russian literary man and enlightener, the founder of sentimentalism and pre-romanticism in national literary culture, a philosopher and historian. In the years 1780-1790, on a personal invitation of Empress Catherine the Second, he taught moral philosophy and history to her grandchildren – tsesareviches Alexander and Constantine. It was the period when "Dialogues of the Dead" were contemplated as part of the writer's teaching activities. M. Muraviev's central goal was to show two key ideas: the development of Russia in Modern Period and the development of a new educated person.

Using a well-known allusion technique, the writer chose symbolic figures of the world history and culture, transferred two contrasting characters to one period of time and turned them into interlocutors, holding a discussion. Moreover, Russian public figures of different epochs could meet both the leaders of the world historical and cultural process and each other. So far, "Dialogues of the Dead" by M. Muraviev have been studied fragmentarily in scientific research. The researchers' attention has been focused mainly on the range of sources used by the writer, as well as on some language features, style and general moral ideas of the outstanding Russian enlightener. According to our hypothesis, the original "myth of Russia" is in the centre of this work. The distinguishing features of this phenomenon are: firstly, the synthesis of various spheres of socio-cultural life, from policy to literary culture; secondly, a clear correlation of "the state glory" phenomenon with conceptions of the internal moral creed both of the ruler of the state and every man in the country.

Keywords: myth of Russia, M. Muraviev, enlightenment ideology of the 18th century, "Dialogues of the Dead", issues of the human personality moral creed in Modern Period

В центре внимания настоящей статьи – процессы развития и изменений философско-риторического жанра «Разговоров...» в русской литературе последней четверти XVIII века. Данное явление восходит еще к наследию античных мыслителей: в частности, актуальными для писателей России 1700–1800-х годов были «Параллельные жизнеописания» Плутарха. Первоначально в новых условиях отечественных писателей наиболее интересовали в жанре общие проблемы распространения знания как метафизического начала бытия (А. Белоботский, В. Татищев). К последней четверти XVIII столетия ключевой аспект рассмотрения перемещается на вопросы нового воспитания личности, а также государственной и нравственной доктрины России. Михаил Муравьев (1757–1807) – известный русский литератор и просветитель, основатель сентиментализма и предромантизма в отечественной литературной культуре, философ и историк. В 1780–1790-е годы по личному приглашению императрицы Екатерины Второй он преподавал нравственную философию, историю и словесность ее внукам, цесаревичам Александру и Константину. «Разговоры мертвых» и были замыслены в этот период, в контексте педагогической деятельности писателя. Центральная установка М. Н. Муравьева – представить во взаимодействии две ключевые идеи: становления России Нового времени, становления личности нового просвещенного человека. Используя известный прием аллюзии, писатель выбирает знаковые фигуры мировой истории и культуры, переносит двух каких-либо контрастных героев в одно время и превращает их в дискути-

рующих собеседников. Деятели России разных эпох могут при этом встретиться как с лидерами мирового историко-культурного процесса, так и между собой. На данный момент «Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева все еще рассмотрены в науке фрагментарно. Внимание исследователей сосредоточено главным образом на круге использованных писателем источников, а также на некоторых чертах языка, стиля и общенравственных идей выдающегося просветителя России. Согласно нашей гипотезе, в центре произведения – оригинальный «миф России». Приметами этого явления выступают, во-первых, синтез различных сфер социокультурной жизни, от политики до литературной культуры, и, во-вторых, четкое соотнесение феномена «государственной славы» с представлениями о внутреннем нравственном кредо как правителя государства, так и каждого человека в стране.

Ключевые слова: миф России, М. Н. Муравьев, просветительская идеология XVIII века, «Разговоры мертвых», вопросы нравственного кредо личности человека Нового времени

Для цитирования: Пашкуров А. Миф России в «Разговорах мертвых» М. Н. Муравьева // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 170–175. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-170-175

Известный античный философско-риторический жанр «Разговоров...» пережил в России XVIII в. примечательную и необычную эволюцию¹.

В ситуации начального порубежья главенствовала близкая барокко метафизичность (характерный пример – «Краткая беседа Милости с Истиною» А. Белобокского, 1712), достаточно осторожно «дрейфовавшая» в направлении к прикладным задачам молодой литературной культуры. В последнем случае одно из характерных произведений представлено в философско-публицистическом наследии В. Татищева – «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» (опубликовано впервые в 1787 г.)².

В период первой волны расцвета русского классицизма процессы генезиса и эволюции жанра дали такое представительное ответвление, как полупереводной философский роман (самое известное тому подтверждение – «Разговоры о множестве миров» А. Д. Кантемира, 1730).

К концу столетия и на кризисном переходе в 1800-е гг. на один из первых планов выступила гротескно-преображенная политика (определенную популярность приобрели ходившие в списках разговоры Суворова с Павлом Первым, в которых великий, недавно отошедший в Вечность полководец сочувствовал последнему императору России XVIII в. в связи с его насильственной смертью).

«Разговоры мертвых» М. Н. Муравьева – кульминация просветительской аксиологии жанра, прежде всего важно помнить, что произведение это входит в корпус педагогических трудов писателя времен его учительствования у великих князей цесаревичей Александра и Константина (1785–1796). Любопытно представлен здесь синтез тех дисциплин, которые Муравьев преподавал: история, нравственная философия и словесность. Постепенно, как справедливо отметила в свое время И. Ю. Фоменко, у Муравьева из мозаики научных и документально-художественных опытов рождается осознание необходимости «философского осмысления исторического прошлого России», что является одной из «тех ранних попыток написания беллетризованного курса русской истории, которые непосредственно предшествовали „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» [7, с. 169].

В целом ведущим направлением выступает надвременная нравственная аксиология, в связи с чем и большинство «главок» сопровождаются специальными вводными афоризмами (по интересной гипотезе Вл. Н. Топорова, эти «эпиграфы» следует читать не только и не просто по отдельности, но и в итоге как единый системный текст нравоучения: [1, с. 751–753]). Вместе с тем и исторический план далеко не второстепенен и направлен на столь актуальные для нашей страны во многие эпохи вопросы нравственно-патриотического и гражданственно-личностного воспитания. И. Ю. Фоменко в диалоге с концепциями Г. А. Гуковского и Ю. М. Лотмана выявляет такой «общий знаменатель» проблемы: «русская историография последовательно применяла просветительские концепции при рассмотрении хода русской истории», но при этом «идеологические процессы, отражающие определенный кризис методологии просвещения, имели <...> положительный смысл». Итогом

¹ Первые образцы этого жанрового феномена пришли еще в древнерусскую словесность – через Византию, в предшествующие периоды мировой культуры одна из знаковых тенденций – «Параллельные жизнеописания» Плутарха, построенные по принципу «серийности парных биографий» (см. подр.: [1, с. 753]).

² Об историко-литературном и историко-философском контекстах типологии становления «Разговоров...» см., к примеру, такие исследования: [2], [3], [4], [5], [6].

стало для отечественных мыслителей понимание «Сложности» как главного критерия оценки протекающих процессов [7, с. 172].

Прежде чем мы попробуем выявить локальные конкретные идеи «мифа России» в «Разговорах Мертвых» – несколько существенных общеконпозиционных замечаний.

Во-первых, общая логика последовательно-сти частей демонстрирует классическую просветительскую идею о том, что вначале необходимо преобразовать мир политики, а в заключение прийти к словесности, которая выступит проводником нравственности в мир (выше мы как раз отметили общий сквозной диалог Муравьева-просветителя с магистральными линиями мирового Просвещения). Символично в этой связи, что открывает «Разговоры мертвых» беседа князя Кия и Ромула – двух основателей двух великих городов-миров. Финальный аккорд – «встреча» в инобытии двух писателей-просветителей, воплощающих встречу-диалог двух далеких эпох – античности и современной Муравьеву России XVIII в. Здесь перед читателями предстают Гораций и Антиох Кантемир.

Во-вторых, внутри каждого «разговора» возможны у писателя различные варианты соотношения героев. Персонажи могут выступать как не знающими друг о друге прежде оппонентами (беседа Кия с Ромулом), так и преемниками в деле Просвещения (князь Кантемир переводил Горация – с ним и дискутирует). Наконец, возможен и вариант прямой родовой преемственности: Святослав и Ярополк – отец и сын.

В-третьих, если внешнее «кольцо» в «Разговорах мертвых» Муравьева образуют диалоги «ушедших великих», представляющих общие вопросы Бытия, которые лишь опосредованно переходят к философии истории России, то в сердцевине располагаются как раз те «мини-диспуты», что связаны с историей новейшего Отечества напрямую. Эскизно обратясь в свое время к контексту философских настроений М. Н. Муравьева времени написания «Разговоров мертвых», И. Ю. Фоменко выявила «перекрестье» в восприятии писателем двух ведущих учений: Руссо – с одной стороны, Вико-Гердера – с другой. Следствием же внимательного «диалога» с европейской историософской мыслью стало для Муравьева важнейшее убеждение в том, что «Россия могла быть рассмотрена как страна, быстро и бурно развивающаяся, готовая рано или поздно не просто догнать, а превзойти развитые европейские страны» [Там же, с. 174–175].

Рассмотрим главные моменты.

1. В беседе Кия с Ромулом основателю Киевской Руси не без труда, но удастся убедить первого римлянина в том, что сила и гордость власти без просвещения и чистоты души – очень малые гаранты «вселенской славы». Лидирующие числом афоризмы, безусловно, за киевским князем: «*вливать в раждающийся народ <...> глубокое чувство славы*», «*без дерзости шествовать наравне с минувшею славою...*» [8, с. 299–300]. Однако в конце и сам «перевоспитанный» Ромул признает приоритет просветительской аксиологии в Истории и право России проводить свою новую и более мудрую и справедливую политику: «*<...> слава, вместе с просвещением, обтекает весь земный шар*» [Там же, с. 301]. А. Д. Ивинский интересно соотносит подобного профиля идеи с общими задачами монархического «культурного проекта» Екатерины Второй, в основе какового – мысль «„внешнего воздействия“ на человека, погрязшего в заблуждениях и пороках» [9, с. 226].

2. Беседу Гостомысла и Ярослава, представляющих Новгородскую и Киевскую линии истории Отечества, открывает показательный историософский афоризм, гласящий, что истинная Вольность непременно опирается на «*законы, справедливые и благоразумные*» [8, с. 302]. С первых строк здесь ключевые акценты смещаются от вопросов общего «народоправления» к размышлениям о внутреннем кредо российского Правителя. Гостомысл, готовясь упрекнуть Ярослава Первого в тирании и посягательстве на вольность новгородцев, практически сразу признает в оппоненте глубокие внутренние достоинства: «*Мудрость его равнялась с трудолюбием*» [Там же]. Последовательно разбирая историю России тех времен, беседующие правители сравнивают две модели – Единовластие и «безначалие», самым опасным спутником последнего признавая корысть и усобицы: «*Каждой хотел быть счастлив один и со вредом других*» [Там же, с. 304], причем эти слова принадлежат не автору знаменитой «Русской Правды», а именно защитнику новгородской вольности Гостомыслу! Он же и подводит итог беседе: самое главное – творение дел, «*распространивших сияние России*» [Там же]. Обратим внимание: все явственней набирает силу закон аллюзии, потому и государство именуется не «Русью», а уже в духе державных тенденций XVIII в.

3. Третий завет истории, к славе России – искусство перенимать опыт у соседей и союзников. Об этом дискутируют Рюрик и Олег. В прологе «уроке» Муравьев сразу исподволь отмечает приоритетное значение в этом процессе «простоты» и «мирности», лишь на смену которым

должна приходить определенная «воинственность». Это – залог того, что сношения «с народом, в котором науки процветали», принесет «ответное просвещение» и россиянам [Там же, с. 306]. Главное кредо князя Олега – надежда «возвести народ <...> на вышшую степень величия» [Там же, с. 308]. Завершает герой летописей красиво и утопично: «Россия займет когда-нибудь сияние древней Греции» [Там же]. Однако последнее слово остается за древним основателем династии первых властителей Отечества. Рурик, вопреки своей реальной исторической роли, выступает ревностным единомышленником писателя-просветителя XVIII в. – и пророчески предупреждает, что если Россия «остановит успехи просвещения», то может «надолго закоснеть в невежестве» [Там же, с. 309].

4. От общих вопросов просвещения разговор в «Разговорах мертвых» логично и ценностно переходит к проблеме внутреннего достоинства – и правителя России, и каждого человека в стране. Представить идею высшего человеколюбия Муравьев доверил супружескому «дуэту» Игоря и Ольги. Первая российская христианка наставляет своего неразумного супруга, продолжающего и в царстве теней наслаждаться кровавыми идеями мщения, в том, что «ложное умствование может быть причиною злых деяний», а добродетель и жестокость, если мы «перенаправим назад» известный афоризм Александра Пушкина из XIX столетия, – «две вещи несовместные» [Там же, с. 310–311]. Как от беседы с Кием гордый Ромул, тут погружается в «справедливое смущение» заблуждающийся язычник, искренно скорбя о том, что не может вернуться «на свет дневной» и через века остановить своего жаждущего браней заблудшего наследника – Святослава.

5. Святая княгиня Ольга в конце беседы с супругом-Игорем не могла не вспомнить их «спасительного внука», князя Владимира Первого – и вот он выходит на страницы «Разговоров...» сам, да еще и в собеседовании с самим Карлом Великим! Интересно, что здесь соотношения в паре «Учитель – Ученик», в сравнении с прологовой беседой Ромула и Кия, зеркально меняются: теперь в роли мудрого наставника выступает герой мировой истории, а креститель Руси предстает как благодарный ученик. Карл выносит на обсуждение цельный нравственный казус:

а) добродетель творящих Историю проверяется в диалоге Настоящего и Будущего, над которыми эта История потом и поднимается. Если современники нередко смотрят на великих вершителей со Страхом, а на предстоящих спасите-

лей с Надеждой, то одни только последующие «беспристрастные поколения <...> превозносят наши добродетели» [Там же, с. 313];

б) необходимо посвятить «спокойствие своей жизни благополучию вселенной» [Там же, с. 314];

в) непреложно отдавать «почтение не сану, но заслугам» [Там же].

Святой Владимир, напившись мудрыми наблюдениями предшественника, завершает беседу – славой будущей для себя России, главными для которой становятся и станут гармония диалога с другими культурами и их славой: «Россия вступила на приличную ей степень; и множество великих имен, которые в течение веков присоединились к нашим, не уменьшают их сияния» [Там же, с. 316].

6. Что же движет благородной логикой Истории? На этот вопрос Муравьев-просветитель стремится найти ответ в утопичном разговоре Святослава Первого и Карла XII. Наследуя лучшие государственные заветы премудрого Феофана (Ф. Прокоповича) в его трагедокомедии «Владимир», Михаил Никитич Муравьев «склоняет» надменного вождя шведов еще в начале беседы с древнерусским князем признать не просто величие, но и победу России и смиренно склонить голову перед победами своего победителя – Петра Великого. Но главное – не в этом, а в размышлениях героев о внутреннем кредо правителя, стремящегося улучшить мир: государь должен составить «блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума» [Там же, с. 321].

7. Наконец, к смысловой сердцевине своего труда не может писатель-просветитель XVIII в. не перейти и в родной ему мир словесности. Роль открывающего диспут с заслуженным уважением «вручена» летописателю Нестору, собеседником которого оказывается Ярослав Мудрый. Примечательно, что это уже второй его «выход на сцену». Итак, как же связаны История и Словесность на пространстве Истории Отечества?

А) «<...> жить в истории <...> как любитель учения и писмен» [Там же, с. 325];

Б) «<...> звание деесписателя <...> предписывает истину» [Там же, с. 326];

В) «<...> мирной правитель государства <...> желал украсить его искусствами...» [Там же, с. 327];

Г) творения писателей «единственно тогда становятся предметом народного внимания, когда внутреннее спокойствие Государства утверждено на основании законов и трудолюбие распространило в обществе приятное изобилие» [Там же, с. 328].

К этим сентенциям мудрого Нестора Ярослав Мудрый добавляет лишь одно – надежду на то, что только нравственность успокоит уходящего вершителя судеб России *«на одре смерти, в сии торжественные мгновения разлуки»* [Там же].

Юрий (Георгий) Долгорукий, Андрей Боголюбский, Александр Невский... – еще целые пласты-плеяды правителей в истории России пройдет в изображении Муравьев, философ истории, – и вновь вернется к вопросам нравственности в историческом процессе. В завершение цикла «Разговоров...» писатель стремится восстановить в правах знаковую триаду древнерусской литературной культуры: История – Вера в Бога – Словесность. Потому и открывает эту финальную часть «встреча» зачинателя российской литературы XVIII в. архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича с патриархом-реформатором Никоном. Никон, вспоминая перед своим преемником испытания, выпавшие на время его церковного правления, высказывает удивительно созвучную самому Муравьеву мысль о добродетельном уединении: *«Спокойствие духа моего было порукою моей невинности»* [Там же, с. 375]. Феофан еще увереннее «составляет» итоговый нравственный гимн искусству слова как главному этическому «стержню» истории России – когда и правитель, и весь народ всем становятся обязаны *«успехам Просвещения, кроткой силе слова»* [Там же, с. 376]. Потому и самый почетный титул Петра Великого – *«Отец Отечества»* [Там же, с. 377]³.

Гораций и Кантемир в своей беседе «поднимаются» на более высокую ступень – готовясь завершить всю картину «Разговоров мертвых», они начинают размышлять об общих законах истории⁴.

³ Е. В. Кунц в недавней фундаментальной монографии, посвященной изучению становления Михаила Муравьева-просветителя, предлагает рассматривать заложенную писателем традицию как исток достаточно обширного руслу трактатов, интенсивно появляющихся в России на рубеже перехода XVIII–XIX столетий, и, в частности, приводит полный текст одной из таких работ: «Слово о том, что мудрый и справедливый Государь сам никогда не судит дел своих подданных...» (1802) Христиана Шлёцера [10, с. 274–291].

⁴ Глубоко примечательно, что и исследователи – интерпретаторы муравьевского наследия, от 1980-х вплоть до современных 2020-х гг., стремились и стремятся найти общую универсальную формулу нового исторического мышления писателя. Так, И. Ю. Фоменко подытоживает: «<...> рассмотрение его (Муравьева. – А. П.) работ расширяет и уточняет наши представления об особенностях и закономерностях формирования в России системы взглядов, име-

Уже легендарному римскому поэту ведомо, что *«вкус прекрасного и любовь к мудрости <...> составляют отличие просвещенного народа»* [8, с. 379]. В лучших традициях закона аллюзии, римлянин превозносит... своего преемника и переводчика в России XVIII века!.. Князь Антиох Кантемир, произнеся ответный «тост» учителю-предтече, вскоре сам обращается в мэтра, благословляющего потомков: прославляет последующие открытия Ломоносова и Сумарокова. Логично, что именно Российскому Писателю передана честь завершить и всю картину концепции Муравьева. По мысли Кантемира, Историей движут две главенствующие силы: твердость духа и устремление к победе – с одной стороны, и союз просвещения с добродетелями – с другой. Приведем последние строки полностью: *«Россиянин умеет побеждать и воспевать свои победы. Письмена воспитывают <...> и обещают народу просвещение, добродетели и щастие»* [Там же, с. 381].

Список источников

1. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Том 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
2. Буранок О. М. Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М.: ФЛИНТА, 2005. 464 с.
3. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе и человеке. М.: Наука, 1977. 294 с.
4. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
5. Россия и Запад: Горизонты взаимопонимания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Вып. 1. М.: ИМЛИ, 2000. 496 с.
6. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских литератур, 2006. 896 с.
7. Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. Л.: Наука, 1981. С. 167–184.
8. Муравьев М. Н. Разговоры мертвых // М. Н. Муравьев Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1819. С. 299–381.

ваемой историзмом» [7, с. 184]. А. Д. Ивинский берет в аналитическое рассмотрение еще более обширную панораму открытий М. Н. Муравьева в литературной культуре в соотносительной связи с его историософией: от известной «екатерининской» триады «Православие – Самодержавие – Народность» до вопросов о статусе литературного языка [9].

9. Ивинский А. Д. Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины Второй. М.: Водолей, 2023. 400 с.

10. Кунц Е. В. М. Н. Муравьев: Реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. 328 с.

References

1. Toporov, V. N. (2001). *Iz istorii russkoi literatury. Tom 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikatsii*. M. N. Murav'ev: *Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature. Vol. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Research, Materials, Publications. M. N. Muraviev: Introduction to Creative Heritage]. Kniga 1. 912 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

2. Buranok, O. M. (2005). *Russkaya literatura XVIII veka. Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th Century. Peter's Epoch. Feofan Prokopovich]. 464 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

3. Demin, A. S. (1977). *Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: Novye hudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode i cheloveke* [Russian Literature of the Second Half of the 17th–early 18th Centuries: New Artistic Conceptions of the World, Nature and Man]. 294 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. 205 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

5. *Rossiia i Zapad: Gorizonty vzaimoponimaniya. Literaturnye istochniki pervoi chetverti XVIII veka* (2000) [Russia and West: Horizons of Mutual Understanding. Literary Sources of the First Quarter of the 18th Century]. Vyp.1. 496 p. Moscow, IMLI. (In Russian)

6. Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Period]. 896 p. Moscow, Yazyki slavyanskikh literatur. (In Russian)

7. Fomenko, I. Yu. (1981). *Istoricheskie vzglyady M. N. Murav'eva* [M. N. Muraviev's Historical Views]. XVIII vek. Sb.13, pp. 167–184. Leningrad, Nauka. (In Russian)

8. Murav'ev, M. N. (1819). *Razgovory mertvykh* [Dialogues of the Dead]. M. N. Murav'ev. Poln.sobr.soch. [Complete Works]. T. 1, pp. 299–381. St. Petersburg. (In Russian)

9. Ivinskii, A. D. (2023). *Russkaya literatura XVIII veka i kul'turnyi proekt Ekateriny Vtoroi* [Russian Literature of the 18th Century and a Cultural Project of Catherine the Second]. 400 p. Moscow, Vodolei. (In Russian)

10. Kunts, E. V. (2018). *M. N. Murav'ev: Reformator, popechitel', nastavnik, poiet* [M. N. Muraviev: A Reformer, Trustee, Tutor, Poet]. 328 p. Moscow, Novyi khronograf. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2024

Поступила в редакцию 12.05.2024

Пашкуров Алексей Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
anp.72@mail.ru

Pashkurov Aleksey Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
anp.72@mail.ru

УДК 82-2

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-176-180

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ДРАМЫ ХАННЫ КАУЛИ «ДЕНЬ В ТУРЦИИ, ИЛИ РУССКИЕ РАБЫ»

© Олег Поляков

THE NATIONAL TEXT OF HANNAH COWLEY'S DRAMA "A DAY IN TURKEY; OR THE RUSSIAN SLAVES"

Oleg Polyakov

The paper analyzes the specificity of imagological representation in the play "A Day in Turkey; or The Russian Slaves" (1791) by Hannah Cowley, a prominent English 18th-century playwright. We consider the literary and historical-political contexts and pretexts of Cowley's drama in connection with the most outstanding geopolitical events of the last decade of the 18th century (the Great French Revolution, the Russian-Turkish War of 1787-1791) and outline a number of plays, which belong to the "oriental text" of English drama. A peculiar feature of the play "A Day in Turkey; or The Russian Slaves" is the realization of imagological heteroglossia as well as the interaction of particular national representations in the framework of political and feminist discourse. This interaction is analyzed based on the national images of Russia, Turkey and France, regarding the genre strategies of the play. Special attention is paid to "the Russian text" of the drama marked by a positive evaluation of the national hetero-image and the absence of imagological aggressiveness, which is quite natural in the case of rival countries. Russian personages carry the main ideological load of the play, embodying the author's humanistic message.

Keywords: John Steinbeck, travelogue, imagological representation, stereotype, image of the Other

В статье рассматриваются особенности имагологической репрезентации в произведении видного английского драматурга XVIII века Ханна Каули «День в Турции, или Русские рабы» (1791). Проанализированы литературные и историко-политические контексты и претексты драмы Каули, ее связь с крупнейшими геополитическими событиями конца XVIII века (Великая французская революция, Русско-турецкая война 1787–1791 гг.), выделен круг произведений, входящих в «ориентальный текст» английской драмы. Особенностью драмы «День в Турции, или Русские рабы» является введение в ее структуру имагологической «гетероглоссии», осуществление взаимодействия отдельных национальных репрезентаций в рамках политического и феминистского дискурсов, которое проанализировано на примере конструирования национальных образов России, Турции, Франции с учетом жанровых стратегий Х. Каули. Особое внимание уделено «русскому тексту» драмы, отмеченному положительной валоризацией национального гетерообраза и отсутствием имагологической агрессивности, вполне закономерной для соперничающих стран. Русские персонажи выполняют основную идейную нагрузку пьесы, воплощая авторский гуманистический идеал.

Ключевые слова: Ханна Каули, «День в Турции, или Русские рабы», имагологическая репрезентация, стереотип, образ «другого»

Для цитирования: Поляков О. Национальный текст драмы Ханна Каули «День в Турции, или Русские рабы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 176–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-176-180

В английской драматургии на протяжении нескольких столетий оставался неизменным интерес к ориентальной тематике, разработка которой велась и в эпоху Ренессанса, и в период Реставрации; отчасти традиции интерпретации восточного материала были сохранены в XVIII в., при этом происходила трансформация жанрового

канона – его обогащение просветительскими идеями и внедрение в поэтику восточной драмы элементов сентиментализма и предромантизма. Кроме того, известные ориентальные сюжеты, заимствованные из хроник, произведений Ж. Расина, Вольтера и других авторов, подвергались политической актуализации, отражая поле-

мику вигов и тори, а также служили для воплощения представлений о «восточном другом», познание которого было необходимым как в связи с общими «космополитическими» исканиями английских просветителей, так и в аспекте постижения национального «своего».

В «ориентальном тексте» эпохи Просвещения выделяются пьесы, написанные на турецкие сюжеты: «Султанша» Ч. Джонсона (1717), «Прекрасная пленница» Э. Хейвуд (1721), «Зара» А. Хилла (1735), «Ирэн» С. Джонсона (1749). В них изображены судьбы европейских рабынь, которые попадают в водоворот дворцовых интриг, становятся жертвами султанов и пашей, а их христианские добродетели, вера и благочестие подвергаются суровым испытаниям. В этих произведениях воплощаются общераспространенные стереотипы о турках, многократно воспроизводившиеся в драматических текстах предшествующих эпох, в частности Возрождения («Селим, император турок» Р. Грина (ок. 1588), «Христианин, обращенный в турка» Р. Дейборна (ок. 1609), «Вероотступник» Ф. Мэссинджера (1624), в которых акцентировались набожность, честность, добросердечие христианских героев и жестокость, хитрость, вероломство турок.

Особое место среди произведений на турецкую тему занимает драма Ханна Каули «День в Турции, или Русские рабы» (1791), в которой, в отличие от ее предшественников, репрезентация национального имеет многовекторный характер, дополняя (и в значительной мере преодолевая) оппозицию «Запад – Восток» через создание имагологической «гетероглоссии», в ходе которой конструируются образы Турции, России, Англии, Франции, Италии. Кроме того, это одна из немногих английских пьес XVIII в., представляющих образ России [1, с. 46–47], [2, с. 11–14]. В их число входят «новая историческая драма» анонимного автора «Северные герои» (1748), трагедия Дж. Крэдока «Царь» (1777) и комедия Дж. О'Киффа «Царь Петр», посвященные деятельности Петра I и в основном развивающие апологетическую традицию рецепции его образа русского царя как реформатора, чья политика вестернизации России находит поддержку на Британских островах. Образ Екатерины Великой практически не разрабатывался в английской драматургии, тем более значимы отсылки к нему в пьесе «День в Турции».

Ханна Каули (1742–1809) – автор, во многом недооцененный литературоведением XX в., в первые десятилетия XXI в. была поставлена в один ряд с О. Голдсмитом и Р. Шериданом [3, с. XXXV] и названа одним из самых значи-

тельных английских драматургов эпохи Просвещения, «ключевой фигурой, обозначившей переход лондонской сцены от классицизма к романтизму» [4, с. 87]. Она прославилась своими комедиями нравов, в которых изображались сильные женские характеры, вступающие в борьбу с обществом и отстаивающие право на счастье. Среди своих учителей Каули называла У. Конгрива, Дж. Фаркера и К. Сиббера, чьи произведения представлялись ей образцами остроумия и наблюдательности, примерами «постепенного развития характера, создававшегося отдельными повторяющимися штрихами, которые приводили его в соответствие с Природой» [5, с. X].

Принцип подражания природе, как ясно из предуведомления к пьесе «День в Турции», драматург трактует с позиций миметической объективности, реалистического отображения действительности: «Истинную комедию всегда определяли как картину жизни, летопись преходящих нравов, зеркало, которое должно отражать для последующих эпох характеры и неразумие современности» [6, с. 142]. Для Х. Каули важно именно достоверное отображение времен и нравов, неслучайно она защищает от критики одного из персонажей своей драмы, француза А. Ля Грека, который органично вписан в историко-культурный контекст и апеллирует к событиям современной истории, чувствительным для английской публики проблемам, связанным с революцией и революционным террором.

Ханна Каули также представляла театр «великой национальной школой», средством формирования национальной идентичности через диалог или конфронтацию с другими национальными культурами. Так, сюжет одной из самых популярных ее пьес, «Уловка красавицы» (1782), основан на попытках главной героини Летиции устроить брак с Дорикуром, predeterminedный волей их отцов. Совершив европейский гранд тур, в ходе которого он познал манеры раскрепощенных французских и итальянских женщин, молодой джентльмен не проявляет интереса к скромной и сдержанной Летиции. Для того чтобы пробудить в нем чувство любви, героиня устраивает театр с одним актером: сначала она предстает в образе вульгарной деревенской простушки, вызывая отвращение своего жениха, а затем является Дорикуру на маскараде под маской прекрасной обольстительной незнакомки, остроумной и элегантной дамы, в которую он влюбляется. Летиция прекращает игру:

«Как видишь, я могу быть кем угодно. Так выбери мой характер по своему вкусу. Мне быть *англий-*

ской женой? Или, порвав с тем, что дано природой и воспитанием, выступить в свете во всем неотразимом блеске иностранных манер?» [7, с. 20].

Авторский патриотический посыл был понятен публике, при этом Каули стремилась в своем творчестве и к размыканию национальных границ, осмыслению общечеловеческих проблем мира и войны, свободы и рабства, взаимоотношений различных национальных культур – все эти темы нашли воплощение в драме «День в Турции».

Основная сюжетная линия драмы связана с широко известной историей XVI в. о Роксолане – славянке, попавшей в плен к туркам. Она была доставлена в Константинополь ко двору султана Сулеймана, который сделал ее своей официальной женой и освободил от рабства. Роксолана обрела могущество, активно участвовала в государственной жизни. В Англии она стала героиней пьес Р. Бойла «Трагедия Мустафы» (1665) и Э. Сеттла «Ибрагим, прославленный Басса» (1677). Помимо этих источников, Х. Каули могла опираться на «Общую историю турок» Р. Ноллса (1603). В драме «День в Турции» в турецком плену оказываются две русские женщины, Алексина и Полина, и в итоге последняя становится женой Бассы Ибрагима, который поступает еще более неожиданно, чем Сулейман: под влиянием любви он усваивает христианскую заповедь всепрощения, освобождает всех русских рабов и злокозненного охранника Азима, вознамерившегося погубить Алексину, восхваляет великодушные своей бывшей рабыни и говорит о правоте христианского вероучения («*Charming magnanimity! if it flows from your CHRISTIAN DOCTRINES such doctrines must be RIGHT, and I will closely study them*») [6, с. 180].

Обращение Каули к русской и турецкой темам было актуальным в связи с событиями Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., вызвавшими острые политические дебаты в Англии, правительство которой не желало допускать ослабления своего геополитического влияния в мире: территориальная экспансия России пугала англичан, не исключавших военное столкновение и предпринимавших дипломатические усилия, с тем чтобы склонить воюющие стороны к мирному договору. Кроме того, революционные потрясения во Франции дестабилизировали ситуацию в Европе и становились предметом дискуссий в публичном поле. В связи с этим имагологическая репрезентация в драме «День в Турции» связана с реализацией политического дискурса, постановкой вопросов о свободе, естественных правах человека, революции и войне.

Образ Франции репрезентируется в пьесе через образ А. Ля Грека, камердинера графа Орлова, который говорит Ибрагиму о «варварстве» русских, невосприимчивых к революционным идеям («*Они все еще продолжают верить, что принц более значим, чем носильщик, и что господин благороднее своего раба. О, если бы они только были со мной в Версале, когда я помогал перевернуть там все с ног на голову!*»), и тут же выражает подбострастное желание «*склонить голову*» перед сандалиями своего господина и «*лизать пыль с его прекрасных ног*» [Там же, с. 152].

А. Ля Грек наделен утонченностью и велеречивостью, которые сочетаются с грубыми шутками и эскападами, и зачастую выступает в роли паяца и лжеца (в 4-м действии, встретив Полину, он рассказывает ей о том, как дал бой туркам, разоружил полдюжины врагов и убил несколько пашей) и проявляет себя как безответственный и трусливый авантюрист (проникает в гарем в поисках любовных приключений, а когда за ним организуют погоню, умоляет рабыню спасти его). Неслучайно Басса Ибрагим относится к нему с презрением и готов предать его смерти в финале произведения. Как отмечает Б. Болтон, А. Ля Грек воплощает карикатурный собирательный образ французов в восприятии англичан в 1790-х гг., соединявший две крайности – сервильность и жестокость [Там же, с. 189].

Образ Турции в пьесе ассоциируется с несвободой, деспотией, воплощенной в метафоре гарема. В восприятии русских рабов Турция – опасный культурный чужой: турки рассматривают христиан как «полезный скот», с легкостью перерезают горло неверному, они характеризуются такими эпитетами, как *vile* ‘подлый, гнусный’, *hard-hearted* ‘жестокий’, *base* ‘низкий’, *dishonorable* ‘бесчестный’. Воплощением турецкого национального характера становится в произведении Каули охранник гарема Азим, проповедующий культурный консерватизм, строгое следование восточным обычаям и правилам поведения. Показателен его спор с другим евнухом, Мустафой, которому непонятны причины ненависти Азима по отношению к Алексине. Тот поясняет их так:

«Она русская, а значит, медведица. Она христианка, а эти христиане ведут себя в высшей степени неразумно – предают своих друзей и любят врагов <...>, в то время как истинный турок отвечает злом на зло» [Там же, с. 147].

С одной стороны, Азим представлен как классический восточный злодей, герой готической трагедии, злобный и мстительный мизан-

троп, с другой – как настоящий социальный мыслитель, подвергающий сомнению просветительские доктрины европейцев, которые объявляют свободу величайшей ценностью, а сами занимаются работорговлей, говорят о социальном равенстве и при этом кичатся своим высоким происхождением. Именно на последнее обстоятельство иронично указывает Азим, когда граф Орлов отказывается трудиться: *«Природа беспристрастна: сын императрицы получает жизнь на тех же условиях, что и сын крестьянки»* [Там же, с. 158].

В определенной мере граф Орлов наделен гордыней, но прежде всего он осознает себя воином и христианином, верным родине и возлюбленной. Его отвага вызывает уважение врагов, его бесстрашие и чувство собственного достоинства беспримерны. Рискую жизнью, Орлов пробирается в гарем и требует освободить его невесту. В следующей сцене он принимает Полину, которой признается в любви Басса, за Алексину, и в неистовстве угрожает Ибрагиму кинжалом, считая, что тот обесчестил ее. По воле случая граф Орлов, брошенный в темницу, встречает там свою возлюбленную, которую лишил свободы Азим, опасавшийся, что Алексина со временем станет любимой наложницей его господина и начнет мстить ему за пережитые унижения, и в этой кульминационной сцене происходит примирение супругов, ожидающих смерти.

Алексина идеализируется драматургом, на протяжении всего действия она хранит добродетель и готова покончить с собой при угрозе посягательств на ее честь. Сочувствующий героине евнух Мустафа, потрясенный ее стоицизмом, восклицает: *«Клянусь тюрбаном, я не понимаю, что происходит. Полагаю, у женщин из разных стран разные души, но такой еще не бывало в гареме»* [Там же, с. 156]. Итальянка Лауретта, страстная и раскрепощенная натура, «моделирующая» любовную интригу между Ибрагимом и Полиной, не может понять, как можно «предпочесть рукам красивого любовника объятия смерти», и называет Алексину «северным ледником», цветком, на который со временем благотворно повлияет южное солнце, способное пробудить чувственность героини [Там же, с. 161]. Алексина и граф Орлов воплощают героическое начало пьесы, парадоксальным образом сочетаемое с ресурсами сентиментальной драмы: русским героям принадлежит большая часть реплик, призванных исторгать слезы публики.

«Русский текст» драмы «День в Турции» представлен также топонимами, зоонимами, пространственными образами: в пьесе называются Санкт-Петербург, Сибирь, северные олени и

медведи, говорится о «сибирской охоте на кабанов», воспроизводятся стереотипы о необъятной территории страны, морозах. С образом России связан один из самых лиричных пассажей драмы, реплика евнуха Мустафы, утешающего Алексину и призывающего ее не терять надежду на освобождение:

«Надежда – легкая и быстрая, как северные олени в вашей стране <...>, она пронесет тебя, как олень, через суровые морозы жизни. Запрягай надежду в свои сани, и ты быстро промчишься по бескрайним пустошам, незаметно преодолеешь порывы ветра и с улыбкой встретишь бурю» [Там же, с. 155].

Важнейшую роль среди русских персонажей и в целом в идейной структуре драмы играет образ Полины – простой крестьянской девушки, непосредственной, наивной и дерзкой, ненавидящей войну и несвободу. Узнав от Мустафы о жестоких наказаниях для наложниц в гареме, она гневно заявляет, что хотела бы повесить всех евнухов «на веревке, которая протянется до самого Санкт-Петербурга» [Там же, с. 159]. Полина, как и А. Ля Грек, воплощает фарсовое начало пьесы, в ее речи и поведении преобладает грубый комизм, но именно ей предназначено выполнить «цивилизаторскую» миссию в отношении Бассы Ибрагима, научить его любовному томлению, дать ему испытать «*sublime excesses of mutual passion*» ‘возвышенные крайности взаимной страсти’, заставить его увидеть в женщине не только объект обладания, но и возжелать ее духа (to make «*a woman's mind <...> an object of passion*» [Там же, с. 150, 164]). Это постижение науки истинной любви смягчает нрав Ибрагима, делает его более толерантным, в том числе и в вопросах веры. Для Ханны Каули история преобразования восточного деспота – это еще и авторское высказывание о возможности преодолеть униженное положение женщин, гуманизировать политику и социальные практики.

По мысли Э. Меллор, таким образом осуществляется «примирение оппозиционных дискурсов свободы и рабства, ясно раскрывающее консервативный феминизм Каули» [8, с. 59]. С другой стороны, драма «День в Турции» представляет собой имагологический текст гибридной природы, в котором происходит не только гармонизация разных жанровых поэтик (комедии, фарса, трагедии), но и организуется диалог различных дискурсов о национальном. Ханна Каули, обращаясь к «смешанной» драме, «создает трансформированный культурный микс, в котором противостоящие друг другу миры, пусть на время, соединяются в дружелюбной оппозиции» [9, с. 38]. Иными словами, на первый план дра-

матург выводит общечеловеческие ценности, превосходящие границы национальных культур. В этом заключен урок драмы «День в Турции», данный на долгие времена.

Список источников

1. Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 224 с.
2. Cross A. The Russian theme in English literature from the sixteenth century to 1980: An introductory survey and a bibliography. Oxford: W.A. Meeuws, 1985. 278 p.
3. Eighteenth-Century Women Dramatists. Ed. M. C. Finberg. Oxford: Oxford University Press, 2008. 448 p.
4. Varner P. Historical Dictionary of Romanticism in Literature. London: Rowman and Littlefield Publications, 2015. 548 p.
5. Cowley H. The Town Before You. London: G. Woodfall, 1795. 103 p.
6. Cowley H. A Day In Turkey; Or, The Russian Slaves (1791) // The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843. Ed. T. C. Crochunis, M. E. Sinatra. Abingdon; New York: Routledge, 2019. P. 138–191.
7. Cowley H. The Belle's Stratagem. London: Charles Wiley, 1825. 20 p.
8. Mellor A. K. Mothers of the Nation: Women's Political Writing in England 1780–1830. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 188 p.
9. Cucich G. Women's Cosmopolitanism and the Romantic Stage: Cowley's A Day in Turkey, or the Russian Slaves // Transnational England. Home and Abroad, 1780–1860. Ed. M. Class and T. F. Robinson. Newcastle

upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 22–40.

References

1. Mikhalskaya, N. P. (2012). *Rossiia i Angliia: problemy imagologii* [Russia and England: The Problems of Imagology]. 224 p. Samara, ООО "Porto-print". (In Russian)
2. Cross, A. (1985). *The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980: An introductory Survey and a Bibliography*. 278 pp. Oxford, W.A. Meeuws. (In English)
3. *Eighteenth-Century Women Dramatists* (2008). Ed. M. C. Finberg. 448 pp. Oxford, Oxford University Press. (In English)
4. Varner, P. (2015). *Historical Dictionary of Romanticism in Literature*. 548 pp. London, Rowman and Littlefield Publications. (In English)
5. Cowley, H. (1795). *The Town Before You*. 103 pp. London, G. Woodfall. (In English)
6. Cowley, H. (2019). *A Day in Turkey; or, The Russian Slaves* (1791). The Routledge Anthology of British Women Playwrights, 1777–1843. Ed. T. C. Crochunis, M. E. Sinatra. Pp. 138–191. Abingdon; New York, Routledge. (In English)
7. Cowley, H. (1825). *The Belle's Stratagem*. 20 p. London, Charles Wiley. (In English)
8. Mellor, A. K. (2002). *Mothers of the Nation: Women's Political Writing in England 1780–1830*. 188 pp. Bloomington, Indiana University Press. (In English)
9. Cucich, G. (2009). *Women's Cosmopolitanism and the Romantic Stage: Cowley's A Day in Turkey; or The Russian Slaves*. Transnational England. Home and Abroad, 1780–1860. Ed. M. Class and T. F. Robinson. Pp. 22–40. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing. (In English)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Поляков Олег Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakoov@yandex.ru

УДК 82-311.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-181-187

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА В РОМАНЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ «ПЕРЕМЕНА КЛИМАТА»

© Наталия Романова

NATIONAL PECULIARITIES OF A TRAUMATIC EXPERIENCE IN H. MANTEL'S NOVEL "A CHANGE OF CLIMATE"

Nataliya Romanova

This article examines the problem of depicting traumatic experiences in modern British literature based on H. Mantel's novel "A Change of Climate" (1994). In the course of the trauma literature development and its research (trauma studies), new opportunities and ways of depicting a traumatic event in fiction appear, for example, the attention of writers shifts from a large-scale description of historical trauma to the private lives of certain people and individual traumas. Mantel's work presents several traumatic events at once, but only one is actual – the loss of a child by the Eldred family during their missionary trip to South African. In addition to the "standard" devices of trauma literature (unreliable narrator, lacunae, etc.), H. Mantel also introduces a national component into the novel, which determines the specifics of the main characters' traumatic experience. So, such concepts as family, religion, virtue, good manners and missionary work become important for the characters born and raised by English society, through the prism of these concepts they perceive reality and try to overcome their trauma. However, this trauma is not only a personal experience, but also a cultural one in a certain sense, since leaving Africa after the child's death at the hands of aborigines shows the failure of their mission. Thus, in his novel, H. Mantel demonstrates how deeply English national character traits are rooted in people's lives, and how they become an obstacle in overcoming a traumatic event.

Keywords: modern British literature, trauma studies, national peculiarities, "A Change of Climate", H. Mantel

В данной статье рассматривается проблема изображения травматического опыта в современной британской литературе на материале романа Х. Мантел «Перемена климата» (1994). В ходе развития литературы травмы и ее исследований (trauma studies) появляются новые возможности и способы изображения травматического события в художественной литературе: например, внимание писателей смещается с масштабного описания исторической травмы на частные жизни определенных людей и индивидуальные травмы. Х. Мантел в своем произведении представляет сразу несколько травматичных событий, однако подлинным является только одно – утрата ребенка семьей Элдредов во время их южноафриканской миссионерской миссии. Помимо «стандартных» приемов литературы травмы (ненадежный рассказчик, лакуны и т. п.), Х. Мантел также вводит в роман национальный компонент, который во многом определяет специфику переживания и проживания травматического опыта главными героями. Так, важными для героев, рожденных и воспитанных английским обществом, становятся такие понятия, как семья, религия, добродетель, благовоспитанность, миссионерство, именно через призму этих понятий они воспринимают реальность и пытаются преодолеть свою травму. Важно отметить, что их травма становится не только личной, но и культурной в определенном смысле, так как отъезд из Африки после смерти ребенка от рук аборигенов показывает несостоятельность их миссии. Таким образом, Х. Мантел в своем романе демонстрирует, насколько английские национальные черты характера глубоко укоренены в жизнь людей и как они становятся препятствием для преодоления травматического события.

Ключевые слова: современная английская литература, литература травмы, национальный аспект, «Перемена климата», Х. Мантел

Для цитирования: Романова Н. Национальная специфика переживания травматического опыта в романе Хилари Мантел «Перемена климата» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 181–187. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-181-187

Британская писательница, литературный и кинокритик, почетный доктор словесности Оксфорда Хилари Мантел (Hilary Mary Mantel, 1952–2022) известна широкому кругу читателей прежде всего благодаря романам об одном из основателей англиканства Томасе Кромвеле. Роман Мантел о данном историческом деятеле «Волчий зал» («Wolf Hall», 2009) и его продолжение «Внесите тела» («Bring Up the Bodies», 2010) были удостоены Букеровской премии в 2009 и 2012 гг. Третий роман из «кромвелевской серии» «Зеркало и свет» («The Mirror & the Light», 2020) выиграл премию Вальтер Скотта в 2021 г. На русский язык были переведены исторические романы писательницы из «кромвелевской серии», ее исторический роман о французской революции «Сердце бури» («A Place of Greater Safety», 1992) и сборники рассказов. Помимо этого, был осуществлен перевод еще нескольких романов Х. Мантел – «Перемена климата» («A Change of Climate», 1994) и «Чернее черного» («Beyond Black», 2005), однако сделано это было не так давно, в 2019 и 2010 гг. соответственно.

Стоит отметить, что отечественные исследователи в основном уделяют внимание именно историческим романам Х. Мантел [1], [2], [3], [4]. Однако еще одной обширной и крайне интересной для исследований темой в творчестве Хилари Мантел является ситуация травмы или же проблема травматического опыта. Этот аспект творчества британской писательницы практически не изучен отечественным литературоведением. Так, рассмотрению травматической составляющей романа Мантел «Чернее черного» посвящена работа Л. Ф. Хабибуллиной «Ситуация травмы в романе Х. Мантел „Чернее черного“» (2018) [5]. В данной статье мы хотели бы обратиться к роману «Перемена климата» и выявить особенности передачи травматического опыта в нем. Ранее данное произведение не рассматривалось и не анализировалось российскими литературоведами.

За последнее время было написано большое количество работ по теории травмы социологами и культурологами, а также литературоведами. Например, стоит отметить фундаментальные работы Дж. Хартмана «On Traumatic Knowledge and Literary Studies» (1995), К. Карут «Необъявленный опыт: травма, рассказ и история» (1996), Д. ЛаКапры «Trauma, Absence, Loss» (1999) и Дж. Александера «Культурная травма и коллективная идентичность» (2012) [6], [7], [8], [9]. В то

же время ситуация травмы и тема переживания травматического опыта на протяжении последних десятилетий находятся в фокусе внимания не только исследователей, но и многих крупных современных писателей (Й. Макьюэн, Т. Моррисон, Дж. Фокс, К. Исигуро, Б. Шлинк). В настоящее время в гуманитарных науках наиболее изучена так называемая «историческая травма», причиной возникновения которой являются какие-либо сильные, катастрофические и конкретные исторические потрясения, например война или геноцид (Вторая мировая война, Холокост) [10], [11], [12]. Именно исторической травме, ее переживанию и проживанию посвящено большинство художественных произведений конца XX в. В литературе же начала XXI в. постепенно актуализируется проблема индивидуальной, психологической травмы. В романах первых десятилетий нового века писатели уделяют все больше внимания травме, не связанной с опытом целых поколений, а основанной на индивидуальных переживаниях и личном опыте (например, романы Дж. Евгенидиса, Д. Тартт, Дж. Харрис, М. Фрейна, поздние работы Й. Макьюэна). Опираясь на уже вышеуказанных исследователей литературы травмы, можно говорить об определенных особенностях репрезентации травмы в художественных произведениях, какой бы «вид» травматического события ни был бы положен в основу сюжета. К таким специфическим чертам, помимо наличия самого травмирующего события, по нашему мнению, можно отнести, например, фрагментарность повествования, наличие смысловых и содержательных лакун в тексте, присутствие так называемого ненадежного рассказчика. Данные приемы, все или же только некоторые из них, могут быть обнаружены в художественном произведении о травме вне зависимости от национальности писателя. Однако, как мы считаем, крайне интересным представляется следующий ракурс рассмотрения проблемы: в настоящее время можно говорить о национальной специфике изображения травматического опыта в литературе, поскольку, на наш взгляд, индивидуальный травматический опыт может проживаться разными нациями по-разному, и автор художественного произведения воспроизводит переживания своих героев в соответствии с собственной национальной идентичностью. Именно эту специфику изображения в романе Х. Мантел мы хотели бы рассмотреть в своей статье.

Основное действие романа Х. Мантел «Перемена климата» разворачивается в английском городе Норидже 1980-х гг. Супружеская пара Ральфа и Анны Элдред, воспитывающая четырех детей, оказывается на грани развода в течение одного лета, когда воспоминания, которые они яростно подавляли в течение двадцати лет, всплывают на поверхность, нарушая целеустремленную и мирную жизнь, которую они пытались вести с тех пор, как ужасная катастрофа постигла их в самом начале супружеской жизни. Повествование в романе «Перемена климата» не линейно, автор достигает этого за счет полифонии, когда тип повествования меняется от одной главы к другой – мы можем встретить рассказ от третьего лица, от лица Анны, Ральфа, их детей и даже сестры Ральфа Эммы. Также читатель периодически переносится из английской современности в опасную южноафриканскую реальность конца 1950-х гг., в города и деревни, где Элдреды работали в миссионерском обществе.

Хилари Мантел в своем романе «Перемена климата» представляет сразу несколько травматичных ситуаций. На первый взгляд кажется, что смерть Феликса Палмера в первой главе будет наиболее драматичной из них, и переживание его смерти женой Джинни и любовницей Эммой станет основой сюжета для всего произведения. Однако писательница стремится как будто запутать читателя, и роман начинается со своеобразного «пролога» под названием «Год 1970-й. Печальные истории и добрые души», в котором описывается, как некая женщина по имени Джоан порезала себе вены на кухне в доме Элдредов, а свидетелем этого события стала маленькая дочь Ральфа и Анны – Кит. Затем первая глава начинается с фразы: «*В день похорон Феликса Палмера его жена Джинни повстречала его любовницу Эмму*» [13, с. 5], так в сюжет произведения «вводится» еще одно травматическое событие – смерть одного из жителей Нориджа, отца, мужа и любовника. Его жена Джинни знала об изменах мужа, более того, весь Норидж также был осведомлен о связи Феликса и Эммы. В контексте именно этой сюжетной линии, связанной с травмой, нам кажется важным отметить, что присутствие травматического события не всегда предполагает возможность проживания этой травмы или утраты. Жена Феликса Палмера имела возможность проститься с мужем, оплакать его на похоронах, несмотря на его измены, то есть прожить и пережить его утрату. В то же самое время автор акцентирует не легитимность утраты другой героини – Эммы. Хотя все знали, что они с Феликсом вместе, как любовница она не может в полной мере поделиться своей болью

с другими, полноценно прожить ее и преодолеть, она молчит о ней так же, как молчала о своих отношениях с умершим. На это обращают внимание и другие персонажи романа:

«Ее попытались лишить права узнать <о смерти Феликса>, вот что меня грызет. Это не по-человечески. Джинни досталось все сочувствие, все внимание. Я не говорю, что она не заслужила, вовсе нет. Просто бедняжка Эмма не получила ничего, не услышала ни единого доброго словечка. Разве что все на нее паялились» [Там же, с. 8], –

говорит Анна Элдред, тем самым подтверждая мысль о том, что позиция жертвы травмы доступна не всем в равной степени.

Травма утраты, связанная с образами Джинни и Эммы, оказывается своеобразным «обрамлением» для основной, истинной травматической ситуации данного романа, которую переживают Анна и Ральф Элдреды. На протяжении примерно двух третей повествования Анна и Ральф очень косвенно упоминают о каком-то событии, которое произошло с ними много лет назад и которое они очень хотели бы забыть. Это «нечто» случилось с ними во время пребывания в Южной Африке, где они служили в христианской миссии. Только ближе к концу романа, в седьмой главе, читатель наконец узнает страшную тайну семьи: в африканском городке у четы родились первенцы-близнецы, но однажды ночью к ним в дом проникли местные жители и похитили малышей. Одного из детей, девочку Кит, удалось найти, но второй ребенок-мальчик, пропал без вести. Скорее всего, он был убит в ритуальных целях либо же погиб от истощения и обезвоживания. Именно это событие и становится «истинным» травматическим событием романа.

«Впрочем, минуло два или три года, и этот внутренний нарратив как-то смазался, утратил зримость и полноту ощущений. Сохранилась лишь подборка мысленных картинок – одни яркие и четкие, другие мутные, едва различимые, не более чем игра света, мрака и звука» [Там же, с. 167], –

так писательница указывает на то, что отголоски давней трагедии, потери ребенка, остались с Элдредами навсегда, хотя со временем их боль и притупилась.

Для выявления национальной специфики переживания травматического опыта в исследуемом нами романе «Перемена климата» важным представляется определить особые национальные черты англичан, так как именно представителями английской культуры и самосознания являются Анна и Ральф Элдреды, а также и остальные герои романа. Согласно множеству ис-

следований историков, социологов и культурологов, национальный английский характер во многом был сформирован в викторианскую эпоху [14], [15]. Брак и семья в это время занимают важное место в системе ценностей англичан; немалая значимость в жизни того времени отводится церкви и религии. Важно отметить, что протестантская система ценностей ложится в основу мировосприятия англичан того времени и становится основой английского самосознания, установившегося на протяжении последующих нескольких веков. Протестантская система ценностей во многом определяет и концепцию самой Империи. Так, основополагающей становится установка, что белая раса метрополии является носителем просвещения, знания и духовности для колоний, в частности для черных жителей африканских колоний, а приобщение к цивилизации – миссия белого человека. В своем романе Х. Мантел демонстрирует, насколько глубоко эти представления о своей миссии въелись в сознание англичан, их национальный характер. Отправляясь в Южную Африку, Элдреды верили в важность и нужность своего дела, на протяжении произведения они действительно стараются помочь местному населению и ответственно выполняют свои гуманитарные задачи, несмотря на множество трудностей и неудобств. Ни бытовые проблемы, ни даже тюремное заключение не смогли заставить героев отказаться от своей миссии – они стойко переносят все невзгоды и готовы оставаться на своей службе. Анна и Ральф, как истинные англичане, верны своим убеждениям. Хотя Мантел в своем романе и рисует образы «подлинных» англичан, в то же время она поднимает вопрос о том, как далеко должна простирается эта стойкость человека и верность национальным убеждениям и стоит ли миссия тех жертв, которые могут произойти во время ее исполнения.

Главная героиня романа говорит про себя с мужем следующее:

«Мы с Ральфом, можно сказать, профессиональные христиане. Этим мы с ним зарабатываем на жизнь» [13, с. 163].

Анна Элдред является своеобразным викторианским «гением домашнего очага», то есть женщиной добродетельной, услужливой, преданной, любящей и самоотверженной. Она воспитывалась в религиозной семье, затем следует из отчего дома за мужем в Южную Африку; когда Ральф становится управляющим благотворительным фондом и периодически приводит в дом людей с печальными историями и «добрых

душ», она заботится о них и помогает, хоть и сама уже устала от их проблем и присутствия. Однако даже в тяжелые для себя времена она не позволяет себе усомниться в своих решениях и выборе, так как это часть ее национального характера. То же самое можно сказать и о Ральфе:

«Она <Анна> поняла, давно, еще когда жили в Элиме, что в свойственной Ральфу доброте присутствует отстраненность, что он, заботясь о людях, делает это не по зову души, а руководствуясь сознательным выбором; теперь эта забота превратилась в культивируемую и даже агрессивную добродетель» [Там же, с. 167].

Х. Мантел раскрывает в своих персонажах «имперскую сущность», которую они и не осознают как таковую, но она выражена в них через эту веру в свою миссию, в то, что они несут добро другим, более «низким», несчастным людям. Только такая трагедия, как потеря одного из детей, заставляет главных героев усомниться в правильности своей африканской миссии и нужности своего нахождения в другой, чужой стране. Несмотря на то что Анна и Ральф пытаются быть добрыми и понимающими по отношению к местным людям, в них все равно присутствует определенный страх белого человека перед диким аборигеном. В своем романе Мантел демонстрирует, что эти опасения не совсем безосновательны, а «имперские амбиции» героев разбиваются о реальность: они не способны выстроить здоровые, доверительные отношения с местным населением, а также не могут ничего поделать с жестокостью местных обычаев и верований. Таким образом, вопрос о состоятельности английских колониально-миссионерских миссий становится предметом авторской рефлексии.

Важно отметить, что, по нашему мнению, трагедия семьи Элдред может быть рассмотрена сразу в нескольких аспектах. Во-первых, вернувшись после потери ребенка в Англию, Ральф и Анна стараются скрыть свое горе не только от окружающего мира («Никто не видел, как она плачет – с самого первого дня ее глаза оставались сухими» [Там же, с. 164]), но даже от своих родных:

«Мы, естественно, не собираемся ей <Кит> рассказывать. Прошу, умоляю, постарайся втолковать это моим родителям и Эмме: когда Кит станет старше, ее следует всячески оберегать от этой жуткой правды» [Там же, с. 160].

Использование таких приемов, как умалчивание, замалчивание, наличие лакун в тексте, является явным показателем присутствия травма-

тического нарратива в романе. Однако Хилари Мантел на протяжении всего произведения указывает читателю на то, что преодолеть травму семья Элдредов так и не смогла:

«В нашей семье, подумалось ей, принято сдерживаться и хранить секреты; мы уважаем мысли, которые не были озвучены. Но наши тайны не желают оставаться под спудом. Они грызут наши души, доводят до изнеможения, рвут и терзают изнутри» [Там же, с. 19].

Анна и Ральф стараются создать образ обычной, добродетельной семьи – дом, уважаемая работа в фонде, дети, однако их стойкость и нежелание и невозможность демонстрировать свои истинные переживания являются еще одной специфической особенностью переживания травматического опыта. В основе этой особенности, как мы считаем, лежит такое явление «английскости». В современных исследованиях «английскость» связывают с такими устоявшимися в жизни англичан концептами, как ‘уединение’, ‘джентльмен’, ‘чувство милосердия’, ‘чувство справедливости’, ‘сдержанность’, ‘личная жизнь’, ‘солидарность’, ‘хорошие манеры’ [16], [17], [18]. Вышеуказанные концепты определяют во многом и уклад жизни главных героев, их реакции на события и травму.

В то же время нежелание Элдредов говорить о своем прошлом может быть связано и с их заблуждениями по поводу своей миссии в Африке. Как мы уже упоминали ранее, стремления Ральфа и Анны изменить жизнь местного населения не увенчались особым успехом. Таким образом, Мантел показывает, что у травматического опыта четы Элдред есть две стороны: с одной стороны – это личная травма утраты и потери ребенка, а с другой – это провал их миссии, и здесь мы можем говорить уже о национальной, культурной травме.

Еще одним важным для национальной идентичности англичан является концепция образа леди. Согласно общепринятому пониманию, леди должна обладать такими качествами, как добродетельность, достоинство, умение прощать. Анна Элдред в романе Мантел является носителем этой самой концепции образа леди, однако автор показывает, что следование данным общепринятым нормам поведения ведет к разрушению личности героини. Анна во всем помогает своему мужу, трудится на благо миссии, а затем семьи и фонда, однако все это не делает ее счастливой. Когда Анна узнает о неверности мужа, все попытки Ральфа объясниться она пресекает фразой:

«Я не слишком хорошо умею прощать. Разве ты этого не знаешь? Не имеет значения, сейчас или потом. Я не смогу этого сделать. Сколько бы ни минуло лет. Я знаю это наверняка, Ральф. Меня и раньше предавали» [13, с. 241].

Предательство, о котором говорит Анна, – это предательство африканской служанки, которая помогла похитить близнецов. Будучи верующей добродетельной англичанкой, Анна осознает важность и необходимость прощения, однако ее индивидуальная травма слишком сильна, она рождает внутреннее противоречие в героине, разрушает ее изнутри. В романе неоднократно отмечается болезненность Анны, у нее есть определенные проблемы со здоровьем. Кит, дочь Анны, хоть и не знает о своем страшном прошлом, но однажды замечает:

«Мамино больное сердце, от которого она якобы страдает. Я долго гадала, почему, если у нее слабое сердце, она выглядит вполне здоровой. Может, это просто образное выражение. Ну, вроде разбитого сердца, на которое столько жалуются?» [Там же, с. 119].

По нашему мнению, ценности, в соответствии с которыми нужно жить Анне, не являются для нее личными, они в той или иной степени навязаны ей обществом, в котором она родилась, выросла и живет, эти «унаследованные» национальные идеи лишь мешают ей преодолеть, прожить ей свою травму.

Таким образом, в романе Хилари Мантел «Перемена климата» проблема переживания травматического опыта тесно связана со спецификой национального самосознания англичан. Важными, определяющими самосознание ценностями для англичан являются такие понятия, как ‘семья’, ‘религия’, ‘миссионерство’, результатами которых должны стать такие качества характера, как добродетель и прощение. Главные герои романа, а в частности Анна Элдред, выстраивают свою жизнь в соответствии именно с этими понятиями. Однако появление травматической ситуации в жизни героев демонстрирует несостоятельность их национальных глубоких убеждений. Следование общепринятым нормам поведения ведет к разрушению личности Анны Элдред, ее муж также не может справиться с травмой, произошедшей с их семьей. Проблема проживания травмы и ее преодоления (смерть ребенка Элдредов, смерть Феликса Палмера) в романе Мантел также тесно связана с такой особенностью английского характера, как стойкость и отказ от демонстрации своих чувств, и это по-

рождает в произведении ситуации умолчания и замалчивания пережитого.

Список источников

1. Проскурнин Б. М. Трилогия Хилари Мантел о Томасе Кромвеле: продолжение вальтерскоттовской традиции? // Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры: коллективная монография / ред. И. О. Волков. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. С. 8–21.
2. Проскурнин Б. М. Историческая дилогия Хилари Мантел и «Память жанра» // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 77–83.
3. Кабанова И. В. Оценщик рисков: образ Томаса Кромвеля в исторической прозе Хилари Мантел // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 49–57.
4. Кабанова И. В. Идеалисты и идеологи в романе Х. Мантел «Стремление к безопасности» // Литература и идеология. Век двадцатый / Под ред. О. Ю. Пановой, В. М. Толмачева. 2016. № 3. С. 304–312.
5. Хабибуллина Л. Ф. Ситуация травмы в романе Х. Мантел «Чернее черного» (Beyond Black (2005)) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 246–250.
6. Hartman G. H. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. Vol. 26, No. 3. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1995. P. 537–563.
7. Caruth C. Unclaimed experience: Trauma, narrative, and history. JHU Press, 1996. 331 p.
8. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. Vol. 25, No. 4. P. 696–727.
9. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
10. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.
11. Мороз О. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1(125). С. 59–74.
12. Николаи Ф. В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: Флинта, 2017. 184 с.
13. Мантел Х. Перемена климата / Пер. с англ. яз. В. Желнинов. М.: АСТ, 2019. 384 с.
14. Богомолова Н. И. Имперская идея и викторианская пресса: репрезентация образа колониальной империи Великобритании в 70-е гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук: Брянск, 2013. 23 с.
15. Дубовик Н. В. Культурно-эстетические аспекты проблемы человека в позднем английском романтизме: автореф. дис. ... канд. культур. наук: Саранск, 2000. 18 с.
16. Когут Д. М. Определение «английскости» в современном литературоведении // Вестник науки. 2020. № 6 (27). С. 37–43.

17. Зиннатуллина З. Р. «Английскость» и «британскость» в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // Филология и культура. Philology and Culture. 2010. № 19. С. 59–63.

18. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2010. № 20. С. 183–187.

References

1. Proskurnin, B. M. (2023). *Trilogiya Khilari Mantel o Tomase Kromvele: prodolzhenie val'terscottovskoi traditsii?* [Hilary Mantel's Trilogy on Thomas Cromwell: A Continuation of the Walterscott Tradition?]. Pp. 8–21. Tomsk, izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
2. Proskurnin, B. M. (2016). *Istoricheskaya dilogiya Khilari Mantel i "Pamyat' zhanra"* [Hilary Mantel's Historical Dilogy and "The Memory of a Genre"]. *Filologicheskii klass*. No. 2(44), pp. 77–83. (In Russian)
3. Kabanova, I. V. (2013). *Otsenshchik riskov: obraz Tomasa Kromvelya v istoricheskoi proze Khilari Mantel* ["An Eye for Risk": Thomas Cromwell in Hilary Mantel's Historical Novels]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. No. 1, pp. 49–57. (In Russian)
4. Kabanova, I. V. (2016). *Idealisty i ideologi v romane Kh. Mantel "Stremlenie k bezopasnosti"* [Idealists and Ideologists in H. Mantel's Novel "The Pursuit of Security"]. *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatyi*. No. 3, pp. 304–312. (In Russian)
5. Khabibullina, L. F. (2018). *Situatsiya travmy v romane Kh. Mantel "Chernee chernogo" (Beyond Black (2005))* [The Plot of Trauma in Hilary Mantel's "Beyond Black" (2005)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 3, pp. 246–250. (In Russian)
6. Hartman, G. H. (1995). *On Traumatic Knowledge and Literary Studies*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press Vol. 26, No. 3, pp. 537–563. (In English)
7. Caruth, C. (1996). *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. 331 p. JHU Press. (In English)
8. LaCapra, D. (1999). *Trauma, Absence, Loss*. *Critical Inquiry*. Vol. 25, No. 4, pp. 696–727. (In English)
9. Alexander, J. (2012). *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 5–40. (In Russian)
10. *Travma: punkty: Sbornik statei* (2009) [Trauma: Points]. Sost. S. Ushakin i E. Trubina. 903 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
11. Moroz, O. (2014). *Trauma studies: istoriya, reprezentatsiya, svidetel'* [Trauma Studies: History, Representation, Testament]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1(125), pp. 59–74. (In Russian)
12. Nikolai, F. V. (2017). *Polemika o travme i pamyati v amerikanskikh issledovaniyakh kul'tury* [The Controversy about Trauma and Memory in American Cultural Studies]. 184 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

13. Mantel, Kh. (2019). *Peremena klimata* [A Change of Climate]. Per. s angl. yaz. V. Zhelninov. 384 p. Moscow, AST. (In Russian)
14. Bogomolova, N. I. (2013). *Imperskaya ideya i viktorianskaya pressa: reprezentatsiya obraza kolonial'noi imperii Velikobritanii v 70-e gg. XIX veka* [The Imperial Idea and the Victorian Press: The Representation of the Image of the Colonial Empire of Great Britain in the 1870s]. 23 p. Bryansk. (In Russian)
15. Dubovik, N. V. (2000). *Kul'turno-esteticheskie aspekty problemy cheloveka v pozdnem angliiskom romantizme* [Cultural and Aesthetic Aspects of the Human Problem in Late English Romanticism]. 18 p. Saransk. (In Russian)
16. Kogut, D. M. (2020). *Opredelenie "angliiskosti" v sovremennoy literaturovedenii* [Definition of "Englishness" in Modern Literary Criticism]. Vestnik nauki. No. 6(27), pp. 37–43. (In Russian)
17. Zinnatullina, Z. R. (2010). *"Angliiskost'" i "britanskost'" v romane Dzhona Faulza "Zhenshchina frantsuzskogo leitenanta"* ["Englishness" and "Britishness" in "The French Lieutenants Woman" by John Fowles]. Filologiya i kul'tura. No. 19, pp. 59–63. (In Russian)
18. Khabibullina, L. F. (2010). *Natsional'nyi mif v sovremennoy angliiskoi literature* [The National Myth in Modern English Literature]. Filologiya i kul'tura. No. 20, pp. 183–187. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Романова Наталия Вадимовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Romanova.n.00@mail.ru

Romanova Nataliya Vadimovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Romanova.n.00@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-188-192

ИСТОРИЯ И МИФ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ЮЗЕФОВИЧА «ФИЛЭЛЛИН»

© Альбина Салахова

HISTORY AND MYTH IN LEONID YUZEFOVICH'S NOVEL "PHILHELLENE"

Albina Salakhova

The article analyzes L. Yuzefovich's novel "Philhellene" from the point of view of its historical and mythological (mythopoetic) codes' functions. The purpose of the work is to identify historical and mythological encodings in the novel, using descriptive and mythopoetic research methods. Particular attention is paid to the analysis of the type of hero, the character system, as well as the identification of the novel chronotope and the justification of its genre characteristics. We argue that L. Yuzefovich's novel is not a historical novel in the generally accepted sense. Although "Philhellene" has the necessary markers of the historical novel genre, L. Yuzefovich, through the category that we call "duality", rises to the level of the symbolic generalization characteristic of myth. In his authorial myth, history, mythologized history, mythology, epic and legend coexist in one space, determining the originality of the novel world of "Philhellene". We analyze the image of the main character, Mostsepanov who reveals a clear similarity with the image of the epic hero. In his wanderings, a mythopoetic chronotope is embodied through the prism of L. Yuzefovich's authorial myth. The article states that L. Yuzefovich sees Greece's path to prosperity through the merging of two related national identities – Russian and Greek – so Mostsepanov becomes the embodiment of this synthesis. As a result of the above statements, "Philhellene" can be characterized as a historical-mythological novel with a predominance of the mythological code.

Keywords: historical-mythological novel, mythopoetics, L. Yuzefovich, authorial myth, epic hero

В статье произведена попытка анализа романа Л. Юзефовича «Филэллин» с точки зрения функционирования в нем исторического и мифологического (мифопоэтического) кодов. Цель работы – выявление исторической и мифологической кодировок в романе при помощи описательного и мифопоэтического методов исследования. Особое внимание уделено анализу типа героя, системы персонажей, а также выявлению романного хронотопа и обоснованию жанровой характеристики. Автором статьи утверждается, что роман Л. Юзефовича не является историческим романом в общепринятом смысле. Хотя «Филэллин» обладает необходимыми маркерами жанра исторического романа, Л. Юзефович через особенность взгляда, которую мы называем «раздвоенностью», поднимается до уровня символического обобщения, свойственного мифу. В его авторском мифе история, мифологизированная история, мифология, эпос и легенда уживаются в одном пространстве, обуславливая самобытность романного мира «Филэллина». Автором статьи осуществлен анализ образа главного героя, Мосцепанова, который обнаруживает явное сходство с образом эпического героя, а в его странствиях воплощен мифопоэтический хронотоп через призму авторского мифа Л. Юзефовича. Утверждается, что Л. Юзефович видит путь Греции к процветанию через слияние двух родственных народных самосознаний – русского и греческого, и воплощением этого синтеза становится Мосцепанов. В результате вышеперечисленных утверждений «Филэллин» можно охарактеризовать как историко-мифологический роман с преобладанием мифологического кода.

Ключевые слова: историко-мифологический роман, мифопоэтика, Л. Юзефович, авторский миф, эпический герой

Для цитирования: Салахова А. История и миф в романе Леонида Юзефовича «Филэллин» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 188–192. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-188-192

Роман Л. Юзефовича «Филэллин» на первый взгляд представляет собой эпистолярный исторический роман, в котором дневниковые записи перемежаются письмами и даже мысленными разговорами героев. Как такового автора здесь нет – он передоверяет свой голос нескольким десяткам персонажей, тем самым претендуя на историчность повествования. «Филэллин» обладает некоторыми маркерами исторического романа (хотя перед нами, скорее, роман об историческом прошлом): он разворачивается в декорациях определенной эпохи, которую от современности отделяет практически двести лет, в нем фигурируют деятели описываемой эпохи, а в своем изложении событий Л. Юзефович не грешит против достоверности. И все же историчность романа в некоторой степени условна. В «Филэллине» нет непреложного, единственного знания истории; история греческого восстания складывается перед нами из множества часто противоречащих друг другу свидетельств, которые, как мозаика, образуют сюжетную канву. В авторском предисловии к «Филэллину» Леонид Юзефович пишет: «Этот роман гораздо более исторически достоверен, чем может показаться» [1, с. 7]; однако: «Я не ставил своей задачей реконструкцию прошлого» [Там же]. В одном из своих интервью писатель замечает: «„Филэллин“ – скорее вариации на исторические темы» [2]. История в романе перетекает в миф, миф сосуществует с преданием и эпосом, и все они соседствуют с низкой народной поэзией. Г. М. Ребель определила жанровую принадлежность «Филэллина» как историко-мифологический роман [3, с. 620] – этот термин, на наш взгляд, помогает понять поэтику романа, хотя мифологическое у Л. Юзефовича в «Филэллине», скорее, преобладает над историческим. История у Л. Юзефовича предстает не как документальное линейное повествование, автор в своем видении истории поднимается до обобщенно-символического образа событий (чего стоит, к примеру, апокалиптическое видение Александром Греции, усеянной маками и статуями, то есть кровью и смертью), обращаясь к мифу, легенде, эпосу, мифологизированной истории.

Слово «филэллин» обозначает людей, сочувствовавших Греции в ее освободительном движении против Османской империи. Причем, по Л. Юзефовичу, филэллины – это не только те, кто непосредственно принимал участие в греческой революции, но всякий, в чьем сердце пылает «огонь любви к Греции» [1, с. 367]. Греческая революция становится полюсом, притягивающим к себе всех персонажей романа, как вымышленных, так и реальных исторических лиц,

среди которых император Александр I, князь Александр Ипсиланти, лорд Байрон, барон и баронесса Криднеры, турецкий султан и греческие повстанцы. Однако большинство исторических деятелей не играют в сюжете значительную роль, появляясь где-то на периферии, кроме разве что Александра I, хотя и личность императора мы видим исключительно глазами его приближенных, в камерной обстановке, а сам он не является субъектом повествования.

По словам Л. Юзефовича, в «Филэллине» он, автор, выступает не в качестве историка, пытающегося отделить образ Александра от его мифологического ореола, а в качестве создателя «собственного мифа о нем» [2]. Император Александр у Л. Юзефовича в первую очередь обычный человек, руководствующийся в своих действиях не политическим умыслом, а нравственным чувством.

Некоторые персонажи имеют реально существовавших исторических прототипов (так, например, французский филэллин Шарль Николя Фавье стал Шарлем-Антуаном Фабье), однако наиболее значимые для повествования герои – вымышленные лица. В их числе главный герой Григорий Мосцепанов, отправляющийся в Грецию на войну с турецким игом.

Характерной чертой персонажей романа является их «раздвоенность». «Греция учит нас жить с трещиной в сердце» [1, с. 68] – эта реплика Фабье может быть применима ко всем центральным героям романа Л. Юзефовича. Фабье воюет за свободу Греции, но довольно цинично смотрит на недостатки современных греков; Ибрагим-паша – грек, который принял ислам и сражается на стороне турков; лекарь Костандис ведет двойную жизнь, работая греческим агентом при русском дворе. Император Александр, которого не раз за глаза называют «Протеем», стремится во всем отыскать середину – он руководствуется высокими принципами гуманизма и отказа от насилия, но в своем гуманизме он предстает равнодушным к страданиям греческого народа.

Только Мосцепанов является единственным цельным персонажем романа. Мосцепанов – отставной штабс-капитан, правдоискатель с Урала, вечный странник, одновременно и мифологический трикстер, и богатырь из славянского эпоса. Он единственный из всех героев, кто не противится своей судьбе. Мосцепанов покоряется воле «вышнего водительства» [Там же, с. 309] и признает его силу, однако он же – единственный, кто способен противостоять неумолимому року. Фортуна определенно благоволит Мосцепанову. Все остальные, даже «величайший и счастли-

вейший из монархов» [Там же, с. 245] Александр, не могут противиться своей судьбе именно по той причине, что они всеми силами пытаются ее избежать, и чем больше они это делают, тем более тщетными являются их попытки. Мосцепанов же описывается как человек, «*нарушивший предначертания судьбы*» [Там же, с. 374]. Все это позволяет охарактеризовать Мосцепанова как эпического героя. По А. Гуревичу, эпический герой отличается целостностью образа; его не мучают колебания и сомнения; он олицетворяет собой некое особое, исключительное качество; его характер проявляется преимущественно в действиях, а его речь проста и тяготеет к народному началу (заметим, что Мосцепанов склонен к пословицам, поговоркам, присказкам, инверсии слов, и порой его речь принимает сказовый характер). Эпический герой не противится своей судьбе, он принимает фатум во всех его воплощениях и не колеблясь идет ему навстречу. Эпический герой не бывает свободен в выборе принятых решений, и ему остается только доблестно исполнить то, для чего он предназначен [4, с. 6]. Предназначением Мосцепанова становится ранение Ибрагима-паши, которое переломило весь ход войны и поспособствовало победе креста над полумесяцем. Причем важно, что он только ранил, а не убил Ибрагима-пашу – Мосцепанов, руководствующийся высшим идеалом, никогда никому не причинил зла.

Важной особенностью романа Л. Юзефовича является многослойность повествования. Сквозь одни эпохи в романе просвечивают другие, они отражаются и притягиваются, складываясь в сложную мозаику. Так, правление Александра I сравнивается с правлением Александра Македонского, который является его мифологическим двойником. Особенно явной эта связь становится в эпизоде смерти императора Александра. Так же, как его великий тезка, он на протяжении месяца остается непогребенным, его тело бальмируется, а останки Александра I, как и останки Александра Македонского, обещают вечное процветание земле, в которой упокоятся. Правление александрийской династии Птолемеев, особенно их бюрократия, явно отражают устройство Российского государства, а в Санкт-Петербурге видится воплощение новой Александрии. Египетские жрецы пророчат Александрии гибель от потопа, и отчасти это находит свое отражение в петербургском наводнении 1824 г.

То же самое характерно для Греции, которая как бы существует в двух реальностях. На страницах романа оживают два образа Греции – Греция мифологическая, населенная богами и героями, и Греция современная для персонажей,

населенная разбойниками и пиратами, совершенно непохожая на себя прошлую: «*Сегодня <...> Греция – пустотелая оболочка того, что когда-то было трапезой богов*» [1, с. 37]. Филэллины видели два воплощения Греции: они были очарованы Грецией легендарного прошлого и перемещали ее в утопическое будущее [5], где Греция мыслилась как идеал братства всех ветвей христианства [1, с. 148], однако настоящего у нее, по сути, нет: в настоящем Греция спит заколдованным сном и ее населяют тени. В том виде, в каком Греция представлялась филэллинам, она кажется пародией на великую когда-то древнюю страну. Пародией стали даже существа из греческих мифов, которые под воздействием народного сознания подверглись причудливой метаморфозе:

«Речных наяд современные греки соединили с морскими nereидами и вдобавок приделали им рыбы хвосты, Харон у них стал не то вестником смерти, не то хозяином кладбищ, кентавры – его пастухами, гонящими по ночным горам стада неприкаянных душ, нимфы – истеричными и злобными лесными ведьмами» [Там же, с. 302].

Эта раздвоенность пронизывает все полотно романа, деля его пространство на историческое и мифологическое.

Сквозными для романа являются тема судьбы и тема смерти, которые тесно переплетаются между собой. Тема судьбы находит свое воплощение в образе бога Сераписа, покровителя тех, кто сражается с роком. Александрийские Птолемеи чтили этого бога выше всех прочих, и именно в Александрию стекались все, гонимые роком. Тема смерти же воплощена в образе бога Харона (именно Харона, а не Аида, так как Аид повелевал смертью в старой Греции, в новой же его образ умаляется до всего лишь лодочника). Образ Харона у Л. Юзефовича весьма самобытен: в «Филэллине» Харон – пеший старец, который легко настигает всадников на быстрых скакунах, его «*лик и одежда пестры, как шкура рыси, глаза – две зарницы*» [Там же, с. 298]. Да и выбор Сераписа кажется весьма необычным, ведь он вовсе не является типичным богом олимпийского пантеона – это божество синкретическое, египетское и эллинское одновременно. Примечательно, что для воплощения эллинского мира Л. Юзефович выбирает умаленный народной фантазией образ Харона и синкретического бога Сераписа – ведь для классического олимпийского пантеона в новой Греции уже нет места. Все персонажи романа, как вымышленные, так и исторические, противостоят этим двум богам – Серапису и Харону, но никто, даже силь-

ные мира сего, не может противиться судьбе и смерти, за исключением разве что Мосцепанова, который не только нарушает предначертания судьбы, но и не раз погибает и воскресает из мертвых в глазах других персонажей. Только ему удастся склонить на свою сторону и Харона, и Сераписа.

Критики и исследователи сравнивали Мосцепанова с Дон-Кихотом [6] и очарованным странником Лескова [3, с. 621]. На наш взгляд, его злоключения, в числе которых арест, бегство, смерть его мифологического двойника, отплытие в Грецию, участие в обороне Акрополя, являются своего рода одиссеей, за тем исключением, что, в отличие от Одиссея, целью странствий Мосцепанова становятся не родные пенаты, а афинский Акрополь, который Мосцепанов видит на гравюре, висящей в доме Натальи Бажиной.

Акрополь у Л. Юзефовича предстает также в двух измерениях: с одной стороны, это реально существующая древняя крепость, которую осаждают турки, с другой, Акрополь на страницах романа определенно символичен. Это мифологический центр всего путешествия Мосцепанова (примечательно, что в авторском мифе Юзефовича мифологический центр воплощает хаос, хотя обычно он является средоточием космоса) и то место, которое отражает его мечту о братстве всех народов. В эту крепость Мосцепанов уходит перед сном. В описании Мосцепановым Акрополя из его видений перед читателем предстает почти мифологическая картина:

«Стоит на горе, обнесен стеной с башнями. Внутри улицы дома все каменные, собор на площади, <...> а жителей немного. <...> А вокруг враги несметной силой, наш город среди их орд – остров в море. Оно хочет его затопить, ярится, лезет на скалы, но гора каменная высока, стена крепка» [1, с. 98].

Этот Акрополь является противоположностью мифологической Александрии, которая описывается как город жестокости и разврата, «вместилище всех пороков, и при всем том – обитель богов» [Там же, с. 111]. При этом Акрополь Мосцепанова едва ли достижим в реальности. В одном из видений Мосцепанов различает жителей этого города – и узнает среди них покойных родителей, утонувшего друга детства, погибшего товарища по полку: с одной стороны, Акрополь – это место братства и единения людей всех народов и вероисповеданий, с другой – царство смерти (интересно в этой связи, что Александрия и Царское Село также сравниваются с царством мертвых, – это тоже топонимы, лежащие как в исторической, так и в мифологической плоскостях).

В романе «Филэллин» Л. Юзефович не раз сравнивает греческую и русскую ментальности. Обоим народам присущ фатализм, что подчеркивается автором; Греция, как и Россия, называется полуазиатской страной, которую необходимо превратить в европейскую, и при этом еще «вернуть ей ее же собственное великое прошлое» [Там же, с. 360]. Важно также и то, что греки, в отличие от французов и англичан, являются православными, как и их русские братья, и именно в слиянии и братстве этих двух народов видится путь Греции к процветанию и счастью. Не зря сердце Александра I находит покой на греческой земле. И не зря Мосцепанов в итоге находит собственный покой в союзе с гречанкой, от которой появляется дочь Эвангелия, чье имя образовано от слова Евангелие. В финале романа Эвангелия декламирует «Ворону и лисицу» Крылова – выбор именно этого автора неслучаен. Басни Крылова восходят к басням Эзопа, и тем самым автор вновь подчеркивает преемственность и союз двух народов. Конец романа завершает картину всеобщего покоя и мира:

«Городской шум сюда не долетал. Трава продолжала звенеть, но этот звук лишь оттенял царившую вокруг тишину. Ее не нарушали даже птицы. Они пропели свои брачные песенки и замолчали до будущей весны» [Там же, с. 381].

В этом финале видится обещание возрождения и пробуждение после долгой зимы и спячки – и не только сезонной. Греция, которая много веков спала волшебным сном, начинает постепенно обретать былую силу и жить своей жизнью, а не навязанными филэллинами идеалами. Мифологическая цикличность жизни обеспечивает ее продолжение и бесконечность.

Таким образом, роман Л. Юзефовича «Филэллин» вбирает в себя как исторический, так и мифологический коды. Во многом это обусловлено выбранной тематикой, но в целом в современном русском романе использование мифопоэтического кода нам видится тенденцией, так как у авторов наблюдается интерес к включению мифопоэтики в ткань произведения. У Л. Юзефовича в «Филэллине» мифопоэтика становится глубиной прозрения: его текст выстроен как отражение и сопоставление исторического и мифологического. Писатель формирует свой авторский миф в декорациях определенной исторической эпохи, используя миф, эпос, предание, народное самосознание. Все это позволяет определить «Филэллин» как историко-мифологический роман.

Список источников

1. Юзефович Л. А. Филэллин. Роман в дневниках, письмах и мысленных разговорах героев с отсутствующими собеседниками. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 380 с.
2. Башмакова М. «Титаны исчезли не только в литературе». Леонид Юзефович – о своем новом романе «Филэллин» // Огонек. 2020. № 45. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565142> (дата обращения: 26.03.2024).
3. Ребел Г. М. Очарованный странник Леонида Юзефовича // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Т. 31, № 3. С. 620–627.
4. Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 5–26.
5. Булкина И. Ниже травы и выше леса. Леонид Юзефович. Филэллин // Новый мир. 2021. № 3. URL: https://nm1925.ru/articles/2021/03-2021/nizhe-travy-i-vyshe-lesa/?sphrase_id=3101 (дата обращения: 30.03.2024).
6. Владимирский В. Дон Кихот из Пермской губернии. Чем интересен новый роман Леонида Юзефовича // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. № 35 (6873). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kikhot-iz-permskoy-gubernii-chem-interesen-novyy-roman-leonida-yuzefovicha/> (дата обращения: 30.03.2024).

References

1. Yuzefovich, L. A. (2021). *Filellin. Roman v dnevnikakh, pis'makh i myslennykh razgovorakh geroev s*

otsutstvuyushchimi sobesednikami [Philhellene. A Novel in Diaries, Letters and Mental Conversations of Heroes with Absent Interlocutors]. 380 p. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

2. Bashmakova, M. (2020). “*Titany ischezli ne tol'ko v literature*”. *Leonid Yuzefovich – o svoem novom romane “Filellin”* [“Titans Disappeared Not Only in Literature”. Leonid Yuzefovich – About His New Novel “Philhellene”]. *Ogonek*. No. 45. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565142> (accessed: 26.03.2024). (In Russian)

3. Rebel', G. M. (2021). *Ocharovannyi strannik Leonida Yuzefovicha* [The Enchanted Wanderer of Leonid Yuzefovich]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*, Vol. 31, No. 3, pp. 620–627. (In Russian)

4. Gurevich, A. (1975). *Srednevekovyi geroicheskiy epos germanskikh narodov* [Medieval Heroic Epic of the Germanic Peoples]. *Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh*. Pp. 5–26. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

5. Bulkina, I. (2021). *Nizhe travy I vyshe lesa. Leonid Yuzefovich. Filellin* [Below the Grass and Above the Forest. Leonid Yuzefovich. Philhellene]. *Novyi mir*. No. 3. URL: https://nm1925.ru/articles/2021/03-2021/nizhe-travy-i-vyshe-lesa/?sphrase_id=3101 (accessed: 30.03.2024). (In Russian)

6. Vladimirskii, V. (2021). *Don Kikhot iz Permskoi gubernii. Chem interesen novyi roman Leonida Yuzefovicha* [Don Quixote from the Perm Province. What Is Interesting about the New Novel by Leonid Yuzefovich]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. No. 35 (6873). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kikhot-iz-permskoy-gubernii-chem-interesen-novyy-roman-leonida-yuzefovicha/> (accessed: 30.03.2024). (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2024

Поступила в редакцию 27.05.2024

Салахова Альбина Олеговна,
аспирант,
Саратовский государственный университет,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
AlyBellamy@mail.ru

Salakhova Albina Olegovna,
graduate student,
Saratov State University,
83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
AlyBellamy@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-193-198

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОЗДАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

© Людмила Сарбаш

NATIONAL CULTURAL AND RELIGIOUS MYTHOLOGEMS IN THE ETHNIC IMAGE CREATION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Lyudmila Sarbash

The article examines the functional purpose of foreign cultural and religious mythologems in conveying an ethnic image in the Russian literary process of the 19th century. We analyze the reception of the confessional Muslim text in the artistic system of "Travels to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800" by M. Nevzorov who contributes to the description of the Tatar layer of life. Religious archetypal ideas are conveyed by means of religious-mythological codifiers, appearing in such a triad as the muezzin's call to worship, the mullah's sermon, the epigraphic inscriptions of tombstones representing the "Word of the Lord" and the prayerful appeal of believers as a confessional text. In the system of literary text, the apprehension of a different religious consciousness creates a bright, unique image of Russian "foreign culture" in its dominant manifestations. In the works of P. Kudryashev and T. Belyaev, the ethnic Bashkir realities of life are identified by religious and historical mythologems: the constants of the Koranic paradise, "Sataniel" Dadzhal, "Bashkir people of seven generations" are involved in the interpretation of the events of the Patriotic War of 1812 as an eschatological event in history. In conveying the ethnic aspects of life, A. Herzen and N. Leskov resort to pre-Christian mythologems of the pagan worldview: the national deities of the Mari and Udmurts are found in the creation of the Russian "past" in the article "Votyaki and Cheremis" and the essay "The Past and Thoughts." In "The Enchanted Wanderer" by N. Leskov, the explication of pagan views on the world conveys the syncretism of the character's worldview: the mythologems of the old Chuvash faith function in creating the image of the Chuvash on a par with Christian saints.

Keywords: ethnic image, cultural and religious mythologems, M. Nevzorov, P. Kudryashev, T. Belyaev, A. Herzen, N. Leskov

В статье исследуется функциональное назначение инонациональных культурно-религиозных мифологем в передаче этнического образа в русском литературном процессе XIX века. Анализируется рецепция конфессионального мусульманского текста в художественной системе «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» М. И. Невзорова, который способствует передаче татарского пласта жизни. Религиозно-мифологические кодификаторы как иной конфессиональный текст, предстающий в такой триаде, как призыв на богослужение муэдзина, проповедь муллы, эпиграфические надписи надгробий, представляющие «Слово Господа» и молитвенное обращение верующих, передают архетипические представления. Апперцепция иного религиозного сознания создает в системе художественного текста яркий неповторимый образ российской «инокультуры» в ее доминантных проявлениях. В сочинениях П. М. Кудряшева и Т. С. Беляева этнические башкирские реалии жизни идентифицируются религиозно-историческими мифологемами: константы коранического рая, «сатанила» Даджжала, «башкирцев-семиродцев» задействованы в интерпретации событий Отечественной войны 1812 года как эсхатологического события истории. В передаче этнических аспектов жизни А. И. Герцен и Н. С. Лесков прибегают к дохристианским мифологемам языческого мировидения: национальные божества марийцев и удмуртов присутствуют в описании российской действительности, создании «былого» в сочинении «Былое и думы» и статье «Вотьяки и черемисы». В «Очарованном страннике» Н. С. Лескова экспликация языческих воззрений на мир передает синкретизм миропонимания персонажа: мифологемы старой чувашской веры функционируют в создании образа чуваша наравне с христианскими святыми.

Ключевые слова: этнический образ, культурно-религиозные мифологемы, М. И. Невзоров, П. М. Кудряшев, Т. С. Беляев, А. И. Герцен, Н. С. Лесков

Для цитирования: Сарбаш Л. Инонациональные культурно-религиозные мифологемы в создании этнического образа в русской литературе XIX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 193–198. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-193-198

В творчестве русских писателей XIX в. в художественном контексте изображения русской жизни инонациональные пласты российской действительности – характерное и закономерное явление. Рецепция полиэтноконфессиональной России как творческое понимание иной национально-культурной традиции, расширяя границы русского литературного текста, способствовала созданию в литературном процессе XIX столетия характерной межкультурной коннотации – широкого плана творческого диалогического взаимодействия.

В произведениях русских писателей появляются этнические пласты жизни как новое явление эстетизированной духовности. Передавая константы бытия нерусской национальности, творчески осваивая «другое», писатели «вводили» в русскую литературу новый культурно-исторический мир жизни. В художественной передаче и осмыслении нерусского доминантными являются мифологемы национального сознания во множестве репрезентаций и их внутренней дифференциации. Инонациональные мифологемы в создании этнического персонажа в творчестве русских писателей XIX в. – проблема актуальная и недостаточно исследованная [1].

В рецепции инонационального писатели использовали религиозные доминанты как приоритетные определители иного конфессионального сознания, создающие запоминающийся этнический образ в его индивидуализированном проявлении. Русский писатель М. И. Невзоров в жанре путевых записок – «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» (1803) адресует читателя к мусульманскому вероисповеданию, кодификатором которого выступает татарская традиция, квалифицируемая как «мухаммеданская». Этнический татарский образ, помимо изображения бытового плана жизни, создается на основе передачи конфессиональных аспектов: описания мечети, в ракурсе ее сравнительного сопоставления с православным храмом и пояснением назначения отдельных частей культового сооружения, введения молитвенного текста другой веры – призыва муэдзина, проповеди муллы и эпиграфических надгробных надписей – эпитафий.

Трансфер мусульманских текстов создает представление об иной религии в ее важнейших, первостепенных компонентах. «Магометанство» предстает в такой его дифференциации, как бо-

гослужение, молитва, проповедь – нравоучение муллы. Писатель многие мусульманские определения и атрибуты моления в мечети сопровождает арабскими эквивалентами (мулла – имам, мусульманство – ислам). М. И. Невзоров в описании мусульманского, обстоятельно конкретизируя татарское богослужение, особо выделяет в нем проповедь-поучение муллы как ту конфессиональную доминанту, которая передает иное религиозное миропонимание в ее сущностно значимых компонентах. Мулла обращается к правоверным в несчастьях жизни молиться Высочайшему Богу, создавшему мирозданье: бог определяется как единый, бессмертный, всемогущий: «*в начале Он есть Бог и в кончине Он есть Бог*» [2, с. 231]. Основной догмат о единобожии в проповеди служителя религиозного культа занимает весьма объемное место.

В речи муллы «перед богомольем» упоминаются в их значимых характеристиках те, кто входит в глоссарий мусульманского учения. Как определяется служителем веры, это стражи и «блюстители» Создателя, его «действительные сотрудники», проповедники Корана, предводители и защитники справедливости и верующих. Регистр «святейших мужей» в проповеди муллы достаточно объемен как в количественном отношении, так и в характеристике их религиозного служения: Алей Боголюбивый, Абубакир, Усман, Гуммир, Хамза и Габбаль, Хасян и Абдуллин Хусяин и другие [Там же, с. 232–234]. Этот перечень великих в наставлении муллы открывает Магомет, который в речи муллы аттестуется весьма пространно, прежде всего как «*первый товарищ*» пророка, близкий к нему, возвышенный им и отмеченный особенной милостью [Там же, с. 231]. Писатель отмечает истинность, достоверность приводимого религиозного текста: сообщается, что проповедь была переведена ему именитыми и знающими казанскими татарами.

Трансфер большого объема мусульманского текста представляет иную веру в ее таких первостепенных составляющих, как божье слово и рекомендации славнейших блюстителей Корана. Передача татарской религиозной традиции в различных формах ее ретрансляции создает концептуальное представление о сущности «другого» – мусульманства, соседствующего с русским христианским. Православная Казань с ее храмами,

монастырями, церквями и богослужением предстает в полноте описания и своем конфессиональном своеобразии именно в соседстве с Другим. В сочинении просматривается просветительская установка: ознакомить читателя с иной религией в российской действительности.

В создании этнического образа в сочинении М. Невзорова специального внимания требует эпиграфика – надгробные надписи, передающие конститутивные представления верующих, содержащие и слово Создателя, и непосредственное обращение мусульманина к Богу. Писатель приводит «изречения на камне», которые содержат субстанциальные представления мусульманина о беспредельности и вечности Всевышнего и малости, бренности земного существования человека [Там же, с. 251]. Об этом говорит и мулла после богослужения в беседе с верующими. Писатель отмечает разнообразие предмета татарских эпитафий: они представляют собой коранические изречения, в которых передаются наставления пророка, его слово, содержатся сведения об усопшем.

Русский писатель приводит одну весьма пространный эпитафию на могиле убитого иноверцем «Мухаммеда Галея Мухаммед Шахова». В эпиграфической надписи имя покойщегося определено годом и месяцем смерти – «от Египта 936 лета, в месяце Зилькааиде» [Там же, с. 250]. «Слова на камне» содержат сведения, по мнению автора, об особенном времяисчислении у мусульман, которыми он и делится со своими читателями. М. И. Невзоров сообщает, что «ныне у магометан» идет 1178 год, следовательно, прошло 242 года, как умер этот человек. Как замечает автор, по «нашему» же, то есть существующему летоисчислению, это произошло в 1558 году [Там же]. Писатель намечает соотношение между разным «счетом времени» – религиозным мусульманским и современным христианским, обращаясь в этом соответствии к такому инцидентному явлению в магометанстве, как Егира (переселение Магомета в Медину). Религиозные мифологемы являются в сочинении М. И. Невзорова детерминантом национального своеобразия, создают в произведении яркий и неповторимый образ «инокультуры» – татарский культурно-религиозный мир жизни, передавая таким образом полихромность российской действительности.

Этнические культурно-религиозные мифологемы появляются в изображении «иных племен», «иноверных жителей России», участвующих в Отечественной войне 1812 года. В стихотворных и прозаических сочинениях Д. В. Давыдова, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Ф. Н. Глин-

ки, С. Н. Глинки «полки славян» сражаются с французским нашествием совместно с конными, «летучими» полками «башкирцев, горцев и татар». В русской армии отстаивают родную землю и Отечество «и татары, и мордва, и черемисы, и чувашки». В Париже отмечается и русский воин, и калмык, и «северный Амур» башкир, и «сын пределов Енисейских» (представитель многочисленных нерусских народностей Сибири), и «придонский казак». Русское воинство, состоящее из «всех народов и племен России», одолело врага и достигло вершин воинской славы.

В поэтическом цикле П. М. Кудряшева об участии башкир в войне 1812 года («Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения») детерминантами в создании этнического образа выступают религиозные мифологемы. Башкирский национально-исторический «ландшафт» создается введением в художественную ткань религиозных элементов мусульманской культуры. Иная этнорелигиозная репрезентация наблюдается в тексте произведения: храбрый батыр клянется родине и любимой «священной книгой» мусульман «Алкораном», своим, отмеченным божией милостью «пророком Магометом». Накануне великих сражений воины-башкиры вспоминают «Аллу великого», милость которого им и ниспослана.

В «Песню башкирца после сражения» П. М. Кудряшев вводит образ мусульманского рая как доминантной мифологемы в создании этнического. Башкирские батыры отличились воинской отвагой и необыкновенной удачей в сражениях, многие лишились жизни. Героическая гибель воинов удостоивается высшей награды – рая как будущего наслаждения и грядущего «блаженства», экспликация которого в Песни дается в явно выраженной коранической корреляции. Необыкновенные девы – «гурии», обладающие «ароматным дыханьем» и «девственным лобзаньем», одаривают «джигитов» сладостной улыбкой, чарующим взглядом, «объятиями» [3, с. 200]. Соположение различных архетипов как моделирующая характерность способствует передаче инационального в его ментальных проявлениях.

В произведении П. М. Кудряшева художественная легитимация этнических явлений «перерастает» этнографический уровень, выводя читателя на экзистенциальные основы жизни и духовно-нравственные аспекты инационального характера, определителем которого выступает религиозное сознание. Метод религиозного трансфера расширяет границы культурного пространства: башкирское входит в художественное

поле русской литературы как иное, другое, отличное от русского, но не чужое.

Т. С. Беляев в «Песни Курайча Рифейских гор» прибегает к поэтическому творчеству башкир, вводя в художественный текст мифологему «башкиры-семиродцы». Предание о делении башкир на семь родов «отсылает» к племенной специфике, связанной с отличительными особенностями родового знака, боевого клича, дерева и родовой птицы. Воины идут сражаться за российского императора – «белого Падышу» со «всеобщим» врагом. Автором передается народное единение: курайчи «бранну песнь играли», «муллы «намазы отправляли», «старейшины седые» призывали «саблей туй скончать» [4, с. 498]. Башкирские воины предстают в устном поэтическом наследии как народность, исторически определяемая «семью родами», которая в сражениях совместно с русскими разгромила врага: «урус» и башкиры-джигиты одолели «нового фараона» Наполеона, напавшего на их землю, с которой он был изгнан и позорно бежал [Там же, с. 498]. Мифопоэтические структуры способствуют изображению «другого» вне упрощения, в его национально-индивидуальном проявлении, рождая в произведении новые коннотации.

В передаваемом контексте событий 1812 года Т. С. Беляев акцентирует внимание на еще одной мифопоэтической структуре – «осьмом роде», коррелирующей в Песни с прежней константой. В художественной системе произведения эта этническая мифологема определяет изображаемые явления в его ментальных исторических нарративах. В эпохальных событиях, в единении с русскими отстаивая и защищая Отечество, башкиры определяются как новое сообщество, формирующаяся идентичность: народ, буквально «едуший» в восьмой род, в него оформляющийся в текущем судьбоносном времени. Возникает новая башкирская общность, которая рождается в перипетиях исторической эпохи [Там же, с. 500].

В «Песне Курайча Рифейских гор» Т. С. Беляева предстает еще одна архетипическая мифологема: война 1812 года предстает как апокалиптический поединок священных, сакральных и дьявольских, сатанинских сил мира. Воплощением зла предстает мусульманский лжемессия, лжесвидетель – «древний Дадьжал», тот «разоритель», «святых чтимой осквернитель», который был низвергнут «Аллой». В современном сражении враг тоже поражен: «в ад летит сатанаил» [Там же, с. 500]. В примечаниях к «Песни Курайча Рифейских гор» Т. С. Беляев дает описание мусульманского сатаны, находя ему соот-

ветствие в другой религии, поясняя, что Дадьжал у русских квалифицируется как «антихрист» [Там же, с. 502]. Т. С. Беляев демонстрирует органичность творческого освоения «иноного», когда субстанциальные архетипы, этнические мифологемы, репродуцируя культурно-религиозную идентичность, создают башкирскую типажность.

Этнические дохристианские мифологемы, уходящие к истокам народной памяти, также являются кодификатором национального в творчестве многих русских писателей.

В сочинениях С. Т. Аксакова, А. И. Герцена, В. И. Даля, Н. С. Лескова, Н. Д. Телешова, Н. Г. Гарина-Михайловского, Ф. М. Достоевского, П. И. Мельникова-Печерского, С. В. Максимова, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко появляются мифологемы религиозного сознания – этнические языческие божества, связанные с укладом жизни, народными обрядами и обычаями. Нерусский фольклорный материал, транслирующий вековые духовно-нравственные представления того или иного народа, задействован в создании образа «другого».

В произведении А. И. Герцена «Былое и думы» дается широчайший охват российской действительности, «энциклопедия» (А. Ревякин) полувековой идейной жизни. В широкую эпическую картину русского бытия органично входят нерусские фрагменты: иномациональные эпизоды в их общественно-социальной характеристике включены в общий поток российской действительности как ее составляющая часть.

В системе художественного текста «Былого и дум» наблюдается репрезентация локальной национально-культурной традиции, обозначены нерусские этноконстанты и мифопоэтические структуры. Писатель вводит в текст мифологемы религиозного сознания автохтонов – языческие молитвы «финского населения» – марийцев и удмуртов, которые связаны, по его мнению, с практической хозяйственной деятельностью народа и носят конкретно выраженный «материальный характер». В молении к этническому божеству содержатся просьбы, которые затрагивают благополучие и достаток земного существования людей. Это хлеб жизни насущный, связанный с мольбой о хорошем урожае; сохранение и преумножение стада как залог безбедного существования; продолжение своего рода на земле как продление земной жизни: непременно чтобы у детей были «их дети», у которых – «свои дети» [5, с. 265]. В передаче национального мировидения писатель выделяет такой архетип мифологизированного сознания, как дохристианское верховное существо прежней языческой веры, на

всемогущество и покровительство которого народ надеется.

А. И. Герцен идентифицирует главного бога «финского населения» – это всевластный и всевластный над человеком Юма, транслируя обращенную к нему молитву. С добрым по своей сущности Юмой почитается и злой «шайтан», воле которого народ покоряется. А. И. Герцен усматривает это в описываемой жизненной сцене. В пожаре, происшедшем в деревне, где жили русские и вотяки, последние увидели проявление силы «*дьявола*», против которой невозможно что-либо предпринять: они стояли и «*плакали навзрыд*», ничего не предпринимая. Русские же «*хлопотали*», спасали добро, которое еще можно было сохранить [Там же]. Выявление религиозно-этнического опыта народа и его экзистенциальных основ бытия наблюдается в статье А. И. Герцена «Вотяки и черемисы». Писателем выделяется верховное божество этих народов, которым определяется все сущее в этом мире и прежде всего земная жизнь людей. Указывается этнический Юма – языческий «верховный дух», который управляет миром сообща с супругой Юман-Ава и многочисленными богами, которые кодифицируются в своей сути и функциональном предназначении. Подробно описывается жертвоприношение Юме – марийский «*большой Юман*», отмечаются сакральные моменты в жертвоприношении, одним из которых является кровь закалываемого животного, должная непременно попасть в огонь [6, с. 372]. Рецепция инационального в ее религиозно-мифологической конкретике выступает как «конденсатор культурной памяти» (Ю. Лотман), передающий этноментальные основы жизни, национальную самоидентификацию.

Принцип «сознательного историзма» (Л. Гинзбург) – неотъемлемое качество «Былого и дум» А. И. Герцена. Уклад жизни, этноментальное сознание – обряды и верования удмуртов, марийцев, поволжских татар, русских как воплощение исторической динамики и многообразия действительности, когда инациональные явления включаются в большое пространство российского «былого».

Архетипы национального сознания как культурно-религиозная основа этноса используются писателями для создания нерусского героя. Так, в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» образ эпизодического персонажа, чуваша, выстраивается на основе дохристианских верований – этнических религиозно-мифологических констант. Главный герой произведения, православный Иван Северьянович Флягин, заявлен в ситуациях полиэтнического и межконфессио-

нального общения и взаимодействия. Детерминантом характера нерусского персонажа в «Очарованном страннике» выступает мифологема «Киреметь» как экспликация языческих народных представлений: она становится доминантной в создании образа [8]. В разговоре с Иваном Флягиным о вере чуваш утверждает, что у него есть бог: это и солнце, и месяц, и звезды, но при этом он почитает Богородицу, Иисуса Христа, Николая Святителя («*Николача-бока*»), которому жертвует летом «*двугривенный*», преследуя вполне практические цели: чтобы тот хорошо «*берег*» и охранял коров. Одновременно, не надеясь только на «*русского бога*», чуваш приносит в жертву целого бычка и Киремети – божеству прежней чувашской веры. Мифологические «далекие контексты» (М. Бахтин) передают синкретизм религиозного сознания, двоемирие персонажа – соединение языческих представлений с христианскими, что и достигается имбрикацией православных констант и древних религиозных универсалий. Иван Флягин пошел пешком, с чувашом не поехал: он не понял, какой тот «*религии*», а без этого «*на степи страшно*» [7, с. 275].

Таким образом, «встраивание» в текст констант иного религиозного сознания, соположение различных национально-архетипических мифологем создает в произведениях русских писателей этнический образ, репродуцирующий культурный опыт того или другого народа. Архетипы сознания, эксплицирующие «другое», вводят в эстетическое поле русской литературы нерусские культурно-исторические миры российской действительности.

Список источников

1. Сарбаш Л. Н. Религиозные константы как кодификатор этнического образа в русской литературе XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 2. С. 379–385.
2. Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. М.: Университетская типография, 1803. Ч. 1. 269 с.
3. Кудряшев П. М. Песнь башкирца после сражения // Вестник Европы. 1828. № 15. С. 198–201.
4. Беляев Т. С. Песнь Курайча Рифейских гор // Поэты 1790–1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1971. С. 497–503.
5. Герцен А. И. Былое и думы // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 518 с.
6. Герцен А. И. Вотяки и черемисы // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 368–372.
7. Лесков Н. С. Очарованный странник // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. М.: «Правда», 1989. С. 218–337.

8. Сарбаш Л. Н. Чувашские языческие боги в творчестве русских писателей XIX века // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы Международной научной конференции. Казань, 2010. С. 278–281.

References

1. Sarbash, L. N. (2023). *Religioznye konstanty kak kodifikator etnicheskogo obraza v russkoi literature XIX veka* [Religious Constants as an Ethnic Image Codifier in Russian Literature of the 19th Century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tom 16. No. 2, pp. 379–385. (In Russian)
2. Nevzorov, M. I. (1803). *Puteshestvie v Kazan', Vyatku i Orenburg v 1800 g.* [Travel to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800]. Tom 1, 269 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)
3. Kudryashev, P. M. (1828). *Pesn' bashkirtsa posle srazheniya* [The Song of the Bashkir after the Battle]. *Vestnik Evropy*. No. 15, pp. 198–201. (In Russian)

4. Belyaev, T. S. (1971). *Pesn' Kuraicha Rifeiskikh gor* [The Song of Quraycha from the Riphean Mountains]. *Poety 1790 – 1810-kh godov. Vstup. stat'ya i sost. Yu. M. Lotmana*. Pp. 497–503. Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
5. Gertsen, A. I. (1956). *Byloe i dumy* [The Past and Thoughts]. *Sobranie sochinenii*. V 30 t. Tom 8, 518 p. Moscow, isd-vo AN SSSR. (In Russian)
6. Gertsen, A. I. (1954). *Votyaki i cheremisy* [Votyaks and Cheremises]. *Sobranie sochinenii*. V 30 t. Vol. 1, pp. 368–372. Moscow, isd-vo AN SSSR. (In Russian)
7. Leskov, N. S. (1989). *Ocharovannyi strannik* [The Enchanted Wanderer]. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* Tom 2, pp. 218–337. Moscow, "Pravda". (In Russian)
8. Sarbash, L. N. (2010). *Chuvashskie yazycheskie bogi v tvorchestve russkikh pisatelei XIX veka* [Chuvash Pagan Gods in the Works of Russian Writers of the 19th Century]. *Sopostavitel'naya filologiya i polilingvizm: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, pp. 278–281. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Сарбаш Людмила Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Чувашский государственный университет,
428015, Россия, Чебоксары,
Московский проспект, 15.
sarbash.lu@yandex.ru

Sarbash Lyudmila Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Chuvash State University,
15 Moskovsky Prospect,
Cheboksary, 428015, Russian Federation.
sarbash.lu@yandex.ru

УДК 821.111.09, 821.161.1.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-199-204

СЕРГЕЙ АКСАКОВ В АНГЛИИ (К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)

© Тамара Селитрина

SERGEI AKSAKOV IN ENGLAND (ON THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY)

Tamara Selitrina

The article presents the assessment of S. Aksakov's artistic heritage by English critics and writers. We prove that the Russian writer unites European cultures by using universal content. Along with the classics of Russian literature – I. Turgenev, L. Tolstoy and F. Dostoevsky, S. Aksakov's prose has worldwide significance. The year 1991 was declared by UNESCO the Year of Sergei Aksakov. Aksakov's "The Family Chronicle" was translated into German by Sergei Rachinsky and was highly praised by A. Herzen. After James Duff translated Aksakov's trilogy into English, the writer, along with Turgenev, Tolstoy, Gogol and Chekhov, entered the "golden fund of world literature". The special interest to Aksakov in England was noticeable both in the early 20th century and in the 1980, when his works became bestsellers along with the works of famous Victorians. The article reveals the role of Dmitry Mirsky in popularizing Russian classics, as well as Virginia Woolf, according to whose testimony books by Russian authors Aksakov, Chekhov Turgenev and Dostoevsky found the most enthusiastic response among English readers. The article also touches upon the translation specifics of Aksakov's works into English.

Keywords: Sergei Aksakov, "The Family Chronicle", "A Russian Schoolboy", D. Mirsky, Virginia Woolf, Andrew Darkin, Pastorale

В статье приводятся оценки художественного наследия С. Т. Аксакова английскими критиками и писателями. Доказывается, что русский писатель объединяет европейские культуры общечеловеческим содержанием. Наряду с классиками русской литературы Тургеневым, Толстым и Достоевским проза С. Т. Аксакова приобрела всемирное значение. 1991 год был объявлен ЮНЕСКО годом Сергея Аксакова. «Семейная хроника» Аксакова была переведена Сергеем Рачинским на немецкий язык и заслужила высокую оценку А. И. Герцена. После перевода Джеймсом Даффом трилогии Аксакова на английский язык писатель наряду с Тургеневым, Толстым, Гоголем и Чеховым вошел в «золотой фонд мировой литературы». Особый интерес к Аксакову в Англии был замечен как в начале XX века, так и в 80-е годы XX века, когда его произведения наряду со знаменитыми викторианцами стали бестселлерами. В статье раскрывается роль Дмитрия Мирского в популяризации русской классики, а также Вирджинии Вульф, по свидетельству которой книги русских авторов Аксакова, Чехова Тургенева и Достоевского нашли самый горячий отклик у английского читателя. В статье также затрагиваются вопросы специфики перевода Аксакова на английский язык.

Ключевые слова: Сергей Аксаков, «Семейная хроника», «Русский школьник», Д. Мирский, Вирджиния Вульф, Эндрю Даркин, пастораль

Для цитирования: Селитрина Т. Сергей Аксаков в Англии (к проблеме национальной идентичности) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 199–204. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-199-204

После выхода в свет работы французского исследователя Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» (1886) первым из русских писателей, вошедших в английский канон русской литературы, станет Тургенев. Вслед за ним английский читатель познакомился с Толстым, Гоголем,

Гончаровым, Аксаковым, Чеховым. Считается, что в Англии особый интерес к русской литературе возник лишь в 1854 г. во время Крымской войны. Этот интерес был продиктован стремлением понять страну, которая могла представлять угрозу для европейской цивилизации.

Ранее русские авторы были представлены лишь в отрывках (Ломоносов, Сумароков, Херасков в 1784 г., Пушкин в 1824, 1829 гг.) Однако в 1850 г. в Англии в переводах появилась целая серия русских романов и повестей: «Капитанская дочка» в 1859 г., «Герой нашего времени» в 1854 г., затем повести Гоголя и «Казаки» Толстого в 1866 г.

Особое значение в приобщении западного читателя, в частности английского, к традиции русской классической литературы XIX в. имела деятельность Д. П. Святополка-Мирского. Он поставил перед собой задачу опровергнуть бытующее мнение о русской литературе как сугубо назидательной. Первоначально он печатает свои очерки в виде серии статей в разных английских журналах. Защитив в Лондонском университете магистерскую диссертацию о Пушкине, он издает ее в виде монографии в 1926 г. Она считалась на Западе лучшим введением в изучение творчества русского поэта. Опубликованная Мирским в 1927 г. обширная монография по истории русской литературы с древнейших времен и до смерти Достоевского считалась первоклассным трудом, а Мирский стал ведущим историком русской литературы как в Англии, так и в Европе. Эта книга, как и многие другие работы Мирского, была переведена на все основные европейские языки. К ним прибегают все изучающие русскую литературу. На наш взгляд, они не устарели до сих пор. По сути, Д. Мирский стал посредником между английской и русской литературами, внося весомый вклад в изучение русско-европейских литературных связей.

Его перу принадлежат также статьи по русской литературе для Британской энциклопедии. По его статьям и книгам знакомились с русской литературой Кэтрин Мэнсфилд, Вирджиния и Леонард Вулфы, Э. М. Форстер и др. Д. Мирский в своих лекциях об истории русской литературы с древнейших времен до 1925 г. объяснял иностранному читателю, что русский реалистический роман со середины XIX и до начала XX в. внес достойный вклад в европейскую литературу, которая, по его мнению, стала достоянием всего человечества.

По справедливому суждению Д. Мирского, русский реализм постепенно освобождался от одностороннего показа действительности и стал изображать жизнь во всей ее полноте, раскрывая в человеке «смешение высокого и обыденного, добра и зла» [1, с. 272]. На его взгляд, унаследовав от Гоголя пристальное внимание к деталям, писатели стремились создать прозу, «адекватную самой жизни» [Там же, с. 274]. Д. Мирский напомнил, что Аксаков, Гончаров и Тургенев опи-

рались на опыт своих предшественников – Пушкина и Лермонтова, и сумели создать «ровное, равное, одинаково человеческое отношение ко всем персонажам» [Там же, с. 273]. Именно эту особенность европейская читающая публика восприняла как откровение. Д. Мирский считал, что русские реалисты сумели представить образ обыкновенного человека. На наш взгляд, в этом русские реалисты сближались с классиками английской литературы, в частности с Джордж Элиот, которая в «Адаме Биде», в «Сценах из клирической жизни» писала, что хочет «возбудить сочувствие к будничным заботам, вызвать слезы, описывая настоящее горе, того горя, которое, может быть, живет по соседству и проходит мимо не в лохмотьях, не в бархате, а в обычной, вполне приличной одежде» [2, с. 104].

Неслучайно другая английская писательница, Вирджиния Вульф, уже в начале XX в. в статье «Русский взгляд» (1918) отмечала, что русские писатели «движимы одним всеобъемлющим стремлением выразить всю меру человеческих страданий и высказать свое беззаветное сочувствие ближнему» [3, с. 413]. Ей импонирует то, что английский читатель заинтересовался русской литературой из столь, казалось бы, далекой и чуждой страны, что эта литература нашла горячий отклик в душе обыкновенного читателя. В. Вульф подчеркивает, что существует языковой барьер, что читатель, как и критик, воспринимает русское слово исключительно через переводчика, и тем не менее уже несколько десятков лет английский читатель наслаждается Толстым, Достоевским, Тургеневым, Чеховым, а также Аксаковым, находя в их книгах «настоящий праздник ума и сердца». [Там же, с. 138].

Сама она стала читать по-русски, занимаясь с русским эмигрантом, юристом и переводчиком Самуилом Котельянским. Одновременно она начала переводить под руководством Котельянского художественные тексты с русского на английский язык. С. Котельянский переводил текст, оставляя пустые строки для вариантов, а Вирджиния Вульф заполняла текст «королевским английским». Нам известно, что она перевела черновые варианты Достоевского к роману «Братья Карамазовы», «Исповедь Ставрогина» и некоторые другие произведения.

Вирджиния Вульф обратила внимание на то, что в английском романе, изображая общество, писателю следует обязательно показать различия между высшим классом и низшим, разницу в их восприятии жизни и жизненных коллизий. Каждый из них подчиняется своим обычаям, традициям и своему особому языку и стилю. Она замечает, что в Англии «все крутится вокруг чай-

ника» (намек на пресловутый five o'clock и страсти англичан к чайной церемонии). В. Вульф полагает, что у англичан наблюдается в большей мере склонность к сатире, нежели к состраданию. Такого стремления, как у русских писателей, – понять каждого отдельного человека, она не обнаруживает у своих соотечественников.

Перевод трилогии С. Аксакова на английский язык осуществил в 1916–1917 гг. Джеймс Дафф (1860–1940). Он был выпускником Тринити-Колледжа (Кембридж), специалистом по классической филологии, переводчиком и издателем Ювенала, Лукреция, Плиния младшего и Лукиана. Прочитав во французских переводах «Войну и мир» Толстого, повести и романы Тургенева, восхитившие его, он стал изучать русский язык сначала по франко-русским словарям, а затем с носителями языка. Познакомившись с семьей русского землевладельца и горнозаводчика Пашкова, чьи сыновья обучались в Тринити-Колледже, он имел возможность совершенствовать свой русский язык, переписываясь в дальнейшем с Александрой Григорьевной Пашковой.

Читая русских авторов Л. Толстого, Тургенева, Герцена, он обратил внимание также на С. Т. Аксакова. Впоследствии под редакцией Даффа вышли на английском языке следующие книги: «Русская лирика и ранний Лермонтов», «Былое и думы» Герцена, «Семейное счастье» Толстого. Особый интерес Дафф питал к творчеству Аксакова. Как и русский писатель, он увлекался охотой, рыбной ловлей, его также пленяла красота родной природы. Дафф изменил русские названия в трилогии Аксакова. «Детские годы Багрова внука» стали называться «Годы детства», «Семейная хроника» – «Русский джентльмен», а «Воспоминания» – «Русский школьник». В своей рецензии на книгу «Русский школьник» Вирджиния Вульф, восхищенная С. Аксаковым, сожалела, что не может познакомиться с продолжением этих повествований. Ей не хотелось расставаться с персонажами, она была готова растянуть удовольствие еще на несколько томов. У нее возникло чувство душевной близости с мальчиком Сергеем Аксаковым, будто она сама в это время находилась в деревне. Причем В. Вульф замечает, что ей одновременно пришлось прочитать множество других книг, но ни одна из них не запала в ее душу. В них, по ее словам, было много удачной игры, но какая-то искусственность, а книга Аксакова была пронизана исключительной свежестью и здоровьем. Перед ней предстала не выдуманная жизнь, а жизнь, в которую хотелось окунуться вновь и вновь, испытывая чувства особой «полноты и те-

пла» [Там же, с. 402]. Она ожидала, что Дафф непременно сумеет отыскать в мировой литературе сокровище, подобное Аксакову.

Вульф подчеркивает особый дар Аксакова – его способность «опять стать ребенком», передать детские ощущения, детали, которые в детстве кажутся огромными, а повзрослевшему человеку видятся «частью обычного уклада жизни» [Там же, с. 401]. Она замечает, что Аксаков заставляет всякого, читающего его книгу, осознать, насколько эмоциональна и любопытна жизнь ребенка и насколько она отличается от жизни взрослого. В. Вульф обращает особое внимание на чуткость мальчика Сергея к жизни, идущей рядом, на его поразительную интуицию. Ее покораивает «эффект живой природы» в его воспоминаниях и образах родителей с позиции ребенка. Вирджиния Вульф полагает, что Аксаков до конца своих дней удерживал мириады впечатлений детства. Он как бы возвращался в другой возраст и переживал заново все происходившее с ним в былые годы. Вульф обращает внимание на известный психологический казус, свойственный человеческой природе, когда прошлое вторгается в настоящее в результате простейшего физического впечатления: запаха цветка, вкуса липового чая (то, что мы наблюдаем в романах М. Пруста). Она высоко ценит «щедрую, восторженную» натуру рассказчика, познавшего во всей полноте свое детство и «сохранившего чистую радость его воскрешения» [Там же, с. 403]. Английскую писательницу очаровывают эпизоды с ловлей бабочек. Она вспоминает собственное фанатичное увлечение, сам процесс «ребячьей страсти», который заканчивается внезапным охлаждением и потерей интереса. Но Вирджинию Вульф изумляет особая чувствительность в воспоминаниях Аксакова, его обмороки и экстазы. Подобные ситуации она обнаружит и у Достоевского. Писательница приходит к выводу, что во всем, вероятно, виновата русская натура и русское воспитание. Ей представляется, что это специфика русской ментальности, русской стихии, русского «самосознания и самоанализа» [Там же, с. 401]. Обратив внимание на фразу Аксакова о том, что «русский народ любит смотреть на движение воды», «любимой стихии», Вульф делает оригинальный и вполне субъективный вывод, что «ликовать и наблюдать зачарованно – особый дар русских людей» [Там же, с. 403].

Восхищенная русской литературой, творчеством Л. Н. Толстого, «Войной и миром» – «самым великим из романов», Вирджиния Вульф уверена, что русский народ создаст в будущем «величайшую автобиографию, прелюдией к которой и явились книги Аксакова». На ее взгляд,

творчество Аксакова заключается в его индивидуальности и красоте души.

Отечественные ученые усматривали определенное типологическое сходство детских персонажей Диккенса и Аксакова. Однако сам Аксаков, обращаясь к читателю, заметил, что его книга изображает мир ребенка, находящегося под влиянием ежедневных новых впечатлений. Ему хотелось создать такую книгу для детей, которой до этого не существовало в мировой литературе. Его задачей было изобразить процесс созидания детской души. Вирджиния Вульф полагала, что за эпизодами собирания бабочек, охоты, ловли рыбы скрывалась у Аксакова бессознательная тяга к красоте, «чувство изобилия и счастья» [Там же, с. 402].

В 1997 г. в США впервые на английском языке вышел перевод книги Аксакова об ужении рыбы, осуществленный Томасом Ходжем. Переводчик сравнил книгу Аксакова с известным в англоязычном мире шедевром Исаака Уолтона «Искусный рыболов, или Созерцательное развлечение мужчины» – произведением, изданным еще в XVII в. и выдержавшим множество переизданий. Томас Ходж обратил внимание на существование в Англии давней традиции этого жанра, тогда как Аксаков явился новатором в своей стране. Для обоих авторов ужение есть своеобразное искусство, а река и ее обитатели представляют собой целый мир.

Аксаков знал о существовании книг по рыбной ловле во Франции и Англии, но эти руководства, на его взгляд, неприменимы к России, поскольку и климат иной, и иные породы рыб.

Для Аксакова мир природы – мир свободы; само общение с природой, на его взгляд, воспитывает и облагораживает человека, отвлекает его от суеты обыденности и пошлости жизни. Сходны суждения Уолтона, уверенного в том, что рыба размышляет о духовной чистоте, погрузившись в красоту вселенной. Стихи, введенные в ткань повествования, явились у обоих авторов свидетельством горячей любви к природе, стремлением постичь ее тайны.

На английском языке в настоящее время существует единственная монография о Сергее Аксакове – «Сергей Аксаков и русская пастораль». Ее автор, Эндрю Даркин, имел возможность непосредственно знакомиться с творчеством русского писателя, работая в крупных библиотеках России. Он выдвинул концепцию, согласно которой книги Аксакова следует рассматривать в русле пасторальной традиции, поскольку, по его мнению, в трилогии Аксакова возникает удаленный от времени повествования идиллический и простой мир, но для рассказчика по-прежнему

близкий и воспринимаемый во всей его противоречивости и сложности. Даркин связывает трилогию Аксакова с пасторальной поэзией. На его взгляд, она близка ей по своей тематике и формам выражения, по пасторальному мироощущению и пасторальной топике.

Даркин сознает, что произведения Аксакова отличаются от традиционной пасторали, тем более что определение самого жанра достаточно аморфно. Критик обнаруживает пасторальные элементы также у Толстого, Гоголя, Гончарова. Но у Аксакова, по его мнению, проблема соотношения между человеком и природой становится определяющей в его художественном сознании. На наш взгляд, пастораль в монографии Даркина «исследуется как общекультурный идеал сельской жизни в гармонии с природой вместе с созидательным трудом и духовной независимостью» [4, с. 43].

Тургенев считал произведения Аксакова олицетворением русской жизни, в которой история семьи сопрягается с историей России, а Льву Толстому импонировала соразмерность и гармоническая целостность книг Аксакова. Неслучайно Д. Мирский помещает творчество Аксакова в один ряд с Толстым.

Американские слависты Маркус Левитт и Ричард Грегг откликнулись на появление книги Эндрю Даркина содержательными статьями. Маркуса Левитта заинтересовала проблема соотношения устной культуры, устного слова как олицетворения архаического мира и цивилизационной составляющей в «Семейной хронике». Он раскрыл это на примере микросюжета исчезновения Моховых озер и преданий, связанных с ними. Левитт сравнил Аксакова с Геродотом, поскольку русский писатель, как и древнегреческий историк, пытался уберечь от забвения устную культуру, находящуюся на перепутье двух миров.

Ричард Грегг в своей статье «Закат династии; от власти к любви в „Семейной хронике“ С. Т. Аксакова» обнаружил библейские аналогии у русского писателя. Он сравнил старика Багрова с Иеговой из книги Бытия, а мир уфимских глав с Софьей Николаевной с образом богородицы с младенцем на руках. На библейский мотив у Аксакова в своих лекциях обратил внимание еще Д. Мирский. Он заметил, что «изложение ведется с монументальной, библейской, гомеровской простотой, сообщающей образу Софьи Зубовой некое героическое величие» [1, с. 287]. Мирский впервые обнаружил в изображении образа отца «одного из самых укрупняющих персонажей», доведенных до мифических масштабов, образов

обыкновенного человека в русской литературе [1, с. 287].

В отечественной критике было отмечено, что искусство детализации, стихия подробностей отличает в первую очередь «Семейную хронику». Детали географические, этнографические, исторические заполняют хронику и характеризуют ее жанровую специфику. Переводчику Дж. Даффу приходилось объяснять английскому читателю значения слов «верста», «кумыс», «десятина», «варяги», «урюма» и т. д. Широкое применение диалектизмов, архаизмов, элементов просторечия, языковых и стилистических тропов, идиоматики требовали особого мастерства переводчика. Неслучайно А. Герцен предупреждал воспитательницу своей дочери, которая вознамерилась перевести «Семейную хронику» на английский язык, о затруднениях, с которыми ей придется столкнуться. Он объяснил ей, что это очень национальное произведение, что надо представлять в деталях исторический и культурный фон, о чем она не имеет ни малейшего представления. Он посоветовал ей прочесть «Семейную хронику» в переводе Сергея Рачинского на немецкий язык. Герцен считал перевод Рачинского чрезвычайно удачным.

Очарованная Аксаковым Вирджиния Вульф понимала, что на чужом языке невозможно воссоздать все элементы структуры оригинала; здесь важна система приоритетов, с которой Джеймс Дафф, безусловно, справился, знакомя английского читателя с творческим наследием Аксакова.

Думается, что систематический интерес английского и западного читателя к произведениям Аксакова соотносится с мнением крупного английского литературоведа Д. Сессила, который отметил следующее: «Семейная хроника» примечательна тем, что, создавая воспоминания с точки зрения ребенка, Аксаков сумел воссоздать атмосферу, которая могла бы существовать «в любое время и в любом месте» [4, с. 52].

Таким образом, русский писатель объединил «европейские культуры общечеловеческой тематикой и приобрел всемирное значение». Вирджиния Вульф первая заговорила о русском влиянии, в частности Аксакова: «Зачем понапрасну тратить слова, когда писать надо только о русской литературе» [3, с. 775].

Современному англичанину С. Аксаков импонирует «чистотой нравственного чувства», поэзией природы, изображением обывденной сельской жизни со всеми ее ритуалами. Общей можно считать и любовь к традиции, уважение к истории. Сегодняшняя английская литература невозможна без уважения к классической традиции. Особенно значима концепция природы у Джона Фаулза. У него, как и у Аксакова, природа становится мыслящим началом, вневременным символом.

Список источников

1. *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древних времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск.: Изд-во «Свинья», 2009. 872 с.
2. *Селитрина Т. Л.* К вопросу о литературно-эстетических взглядах Дж. Элиот // Литературные связи и традиции. Межвуз. сб. Выпуск 4. Горький: Изд-во Горьковского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 1974. 187 с.
3. *Вульф Вирджиния.* Обыкновенный читатель / подгот. Н. И. Рейнгольд; [Отв. ред. А. Н. Горбунов]. М.: Наука, 2012. 776 с.
4. *Селитрина Т. Л.* Преемственность литературного развития и взаимодействия литератур: Учеб. пособие. М: Высшая школа, 2009. 288 с.

References

1. Svyatopolk-Mirskii, D. P. (2009). *Istoriya russkoi literatury s drevnikh vremen po 1925 god* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Per. s angl. R. Zernovaya. 4-oe izd. 872 p. Novosibirsk, izd-vo "Svin'in i synov'ia". (In Russian)
2. Selitrina, T. L. (1974). *K voprosu o literaturno-esteticheskikh vzglyadakh Dzh. Eliot* [On the Literary and Aesthetic Views of George Eliot]. Literaturnye svyazi i traditsii. Mezhevuz. sb. Vypusk 4. 187 p. Gor'kii, izd-vo Gor'kovskii gosuniversitet im. Lobachevskogo. (In Russian)
3. Vul'f, Virdzhiniya (2012). *Obyknovennyy chitatel'* [The Common Reader]. Podg. N. I. Reingol'd; otv. red. A. N. Gorbunov. 776 p. Moscow, Nauka. (Literaturnye pamyatniki). (In Russian)
4. Selitrina, T. L. (2009). *Preemstvennost' literaturnogo razvitiya i vzaimodeistviya literatur: Ucheb. Posobie* [Continuity of Literary Development and Interaction of Literatures: A Textbook]. 288 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024
Поступила в редакцию 01.06.2024

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
имени М. Акмуллы,
450008, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara Lvovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkir State University
named after M. Akmulla,

3a Oktyabrskoy Revolutsii Str.,
Ufa, 450008, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru

МИФ ОБ АНГЕЛЕ В ПОЭЗИИ А. И. ПОЛЕЖАЕВА

© Анастасия Сесорова

THE MYTH OF THE ANGEL IN A. POLEZHAEV'S POETRY

Anastasiya Sesorova

This article considers the myth of the angel in the poetry of A. Polezhaev, a representative of the so-called "God-fighting" romanticism. The image of an angel was quite frequent in the poetry of Russian romantics in the first half of the 19th century, in particular, it was most traditionally and fully represented in the poetry of V. Zhukovsky who worked within the framework of Christian Romanticism. Polezhaev, on the other hand, comes to consider this image from a God-fighting position, and his image of an angel is artistically comprehended through the prism of the opposition "Beauty – Death", which is not only typical, but also meaningful for Polezhaev's poetry. The image of an angel acquires several incarnations in A. Polezhaev's poetry: it can be comprehended through the image of a beautiful beloved endowed with angelic beauty; Polezhaev also refers to the traditional image of an angel messenger of God, but embodies it differently, through the plot of fallen angels rejected by their creator. In addition, the features of the traditional image of an angel in Polezhaevsky poetry are given to a demon capable of bringing not destruction and death, but inspiration. Thus, we can say that the God-fighting motifs in his work manifest themselves atypically and in a peculiar way, the protagonist makes attempts to fight with God both through the image of an angel, including an inverted one, and through beauty.

Keywords: Russian romanticism, God-fighting romanticism, beauty, angel, death, Polezhaev

Данная статья посвящена рассмотрению мифа об ангеле в поэзии А. И. Полежаева, представителя так называемого «богоборческого» романтизма. Образ ангела был достаточно частотным в поэзии русских романтиков первой половины XIX века и, в частности, наиболее традиционно и полно в данный период он был представлен в поэзии В. А. Жуковского, творившего в рамках христианского романтизма. Полежаев же выходит на рассмотрение этого образа с богоборческих позиций, а также образ ангела проходит художественное осмысление через призму оппозиции «Красота – Смерть», являющейся не только типичной, но и смыслообразующей для полежаевской поэзии. Образ ангела приобретает в поэзии А. И. Полежаева несколько воплощений: он может осмысливаться через образ прекрасной возлюбленной, наделенной ангельской красотой; также Полежаев обращается и к традиционному образу ангела – посланника Бога, однако воплощает его иначе, через сюжет о падших ангелах, отвергнутых своим создателем. Кроме того, черты традиционного образа ангела в полежаевской поэзии придают демон, способному нести не разрушение и смерть, а вдохновение. Таким образом, можно говорить о том, что богоборческие мотивы в его творчестве проявляются нетипично и своеобразно, герой предпринимает попытки и через образ ангела, в том числе и перевернутый, и через красоту бороться с Богом.

Ключевые слова: русский романтизм, богоборческий романтизм, красота, ангел, смерть, Полежаев

Для цитирования: Сесорова А. Миф об ангеле в поэзии А. И. Полежаева // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 205–208. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-205-208

Поэзия А. И. Полежаева – недостаточно подробно изученного поэта пушкинской эпохи, представителя так называемого «богоборческого романтизма»¹ – содержит тем не менее религи-

озно-философские образы. Один из подобных образов, к которым обращается поэт в своем творчестве, – образ ангела.

Образ ангела давно и глубоко вошел в код русской культуры, будучи первоначально связан с ее религиозно-философскими истоками. Содержание данного образа стало значимым для понимания различных пластов русского мента-

¹ Данное определение одного из направлений русского романтизма встречается в работах М. М. Дунаева [1, с. 28].

литета и сознания, как духовно-нравственное, так и философское его значение. Как в мировой литературе, так и в русской «ангел давно уже стал одним из самых прекрасных лирических героев – поэтическим образом и эталоном вечной красоты, возвышенной и чистой» [2, с. 1].

Литературная традиция, повествующая о темных и светлых началах, появляется довольно рано: Данте создает «Божественную комедию» в XIV в., Дж. Мильтон – «Потерянный рай» – в XVII в., гетевский «Фауст» написан в XVIII в. Образ ангела довольно частотен (встречается в поэзии В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, П. А. Вяземского и др.) в русской литературе первой половины XIX в., он, как правило, выступает проводником света, хранителем героя, вдохновляет на духовное возрождение, становится своеобразным символом чистоты духа. В литературе русского романтизма частотен образ ангела в поэзии Жуковского (один из интересных концептуальных примеров – поэма «Пери и ангел»), данный в христианском понимании.

Александр Полежаев, представитель «богоборческого романтизма», чье творчество и сама жизнь пронизаны оппозициями, также через призму противоположностей воспринимает и создает свой собственный миф об ангеле. Хотя лирический герой Полежаева зачастую ропщет на Бога и соревнуется с ним, он не отрицает его существование, когда пишет, что «система звезд, прыжок сверчка, Движенья моря и смычка» – «созданья „творческой руки“» [3, с. 112]. В знаменитой поэме «Узник» не оспаривается идея Бога как создателя мира, и, несмотря на богоборческие идеи, пронизывающие данную поэму, некоторые элементы религиозного сознания не искоренены в мировидении А. И. Полежаева.

Полежаев познакомился с философией в студенческие годы на специальных философских курсах, обучаясь в Московском университете. Также с философскими проблемами он соприкоснулся на заседаниях литературного общества С. В. Раича, состоявшего из молодежи, интересовавшейся немецкой философией. Полежаев, однако, интересовался не немецкими, а французскими философами-материалистами (Руссо, Вольтером, Гольбахом, Дидро, Монтенем) – с их критикой религии, обнажением природы и ее законов, обращением к яркой художественной форме для выражения идей. Богоборческие идеи, хотя и не всегда последовательные, становятся важными в творчестве поэта, и через них мы предлагаем рассмотреть образ ангела в полежавской лирике.

Согласно мифологическому словарю, ангелы – «бесплотные существа, созданные богом и служащие богу. А. воюют на стороне бога, охраняют праведников и переносят их души в рай, являются людям как вестники от бога, чтобы сообщить его волю» [4, с. 5]. В энциклопедии «Христианство» обнаруживаем следующее толкование: ангелы – «личные, духовные существа, сотворенные Богом; они возвещают людям волю Божию и исполняют на земле Его веления. <> Ангелы являются слугами Божиими, которым поручается защищать праведных, расстраивать козни демонов, возносить молитвы людей к Богу» [5, с. 7]. Таким образом, можно сделать вывод, что традиционно ангел может выступать посланником Бога, своеобразным посредником между небом и землей, способен открывать божественную мудрость и приводить к гармонии небо и землю. Зачастую в русской литературе русского романтизма и в целом в русской литературе первой половины XIX в. мы можем наблюдать воплощение образа ангела в данном ключе как духовного посланника, вестника Бога, светлого создания.

Интересная вариация образа ангела возникает в поэзии А. И. Полежаева. В полежавском видении часто ангелом может выступать прекрасная женщина, в которую влюблен лирический герой. С одной стороны, в этом можно усмотреть комплиментарно-светское наименование красавиц, в целом присущее культуре XVIII–XIX вв. Однако данный образ может выступать и в качестве философского образа, связанного с концепцией высшей красоты.

В стихотворении «Наденьке» (1829) поэт создает образ «милого ангела во плоти», сочетая его с образом «сорванного цветка» [3, с. 103], означающего бранный жизнь, забвение, стремительное движение к смерти, образуя жизненные контрасты и создавая характерную для Полежаева оппозицию «Красота – Смерть». Красота и Смерть в поэзии А. И. Полежаева неразрывно связаны, что находит подтверждение во многих его стихотворениях и поэмах. «Милый ангел во плоти» [Там же, с. 103], прекрасная героиня, становясь своеобразным «сорванным цветком» [Там же], который уносит неумолимый поток, вовсе не символ жизни и гармонии, наоборот, прочь от нее, скорее к забвению и скорому уходу из этой самой жизни.

Еще в одном стихотворении «На болезнь юной девы» (1834) мы встречаем образ ангела, которым является прекрасная девушка, и вновь наблюдаем оппозицию «Красота – Смерть». Красота юной девы оказывается поработана смертельной болезнью, на ее прелестные черты уже

лег отпечаток смерти, что «огонь мучения» [Там же, с. 103] уже в ее крови, хотя героиня создана для любви и неги.

Герой своей любовью пытается отвлечь смерть от «девы-радости», вернуть былую красоту в мир, сам пытается возродиться через эту любовь, однако смерть оказывается сильнее, остается лишь «призрак унылый изнуренной красоты» [Там же, с. 163].

Похожую ситуацию мы наблюдаем в другом стихотворении А. И. Полежаева «Кольцо» (1832). В нем возлюбленная героя описывается как «ангел», «друг прелестный» [Там же, с. 103], ее изображение дано через призму калокагатийной красоты. Она прекрасна душой и телом, очаровательна, способна сострадать герою в его горестях, что его восхищает, заставляет трепетать перед добродетельной красотой его возлюбленной.

В данное стихотворение, как и во множество других своих стихотворений, Полежаев вписывает автобиографические мотивы, что является частотной особенностью его поэзии, так герой снова описан страдальцем, несущим бремя горькой судьбы.

В стихотворении неслучайно возникает образ огня, для его интерпретации обратимся к его восприятию в мифологии. Огонь являлся символом энергии жизни в натурфилософии Древней Греции. По мысли философов, в нем и зарождается все сущее на земле. Также данная жизненная энергия высвобождается, когда герой или человек проходит через это испытание, через огонь страсти. По мысли исследователя Х. Керлота, «огонь является образом энергии, которая может быть обнаружена как на уровне животной страсти, так и в плоскости духовной силы» [6, с. 353].

В полежаевской поэзии стихийная сила огня способна даже разрушить жизнь героя:

«Как звук волшебного напева,
Мне чувства сердца излила.
И эта речь, о дева, дева!
Меня, как молния, пожгла» [3, с. 109].

Слова признания не радуют героя, наоборот, узнав, что героиня несвободна, он повержен, растоптан, убит отчаянием.

Героиня признается герою в чувствах, однако он узнает, что она несвободна, ее руку украшает обручальное кольцо, герой раздавлен, слова возлюбленной приводят его в отчаяние, он «был убит землей и адом» [Там же, с. 110].

Герой Полежаева понимает, что счастье невозможно, что их любовь обречена, но он все равно мучается и мучает самого себя, не в состоянии забыть свою прекрасную и роковую

возлюбленную: «забыть до гроба не могу» [Там же, с. 110].

Страсть, традиционно предполагающая некие земные радости, вовсе не возносит полежаевского героя к успокоению, счастливой гармоничной жизни, соединению с предметом страсти, совсем напротив – герой находится на грани отчаяния, он страдает, страсть подталкивает его все ближе к смерти. В данном стихотворении «Кольцо» проявляет себя типичная для поэзии А. И. Полежаева оппозиция «Красота – Смерть», которую мы встречаем во множестве его произведений, вновь красота ведет героя не к успокоению и гармонии, а ближе к смерти.

Есть в лирике А. И. Полежаева и традиционное восприятие образа падших ангелов, отвергнутых Богом. Его мы обнаруживаем в стихотворении «Божий суд» (1834). В контексте богоборческих идей такая идея не нова, однако обретает дополнительные оттенки смыслов в контексте биографических деталей: данное стихотворение должно было продемонстрировать абстрагирование А. И. Полежаева от антиклерикальных идей, столь ярко проявившихся в поэме «Сашка» (1825–1826), которая была осуждена самим императором Николаем I. Темой стихотворения становится божий суд над согрешившими ангелами, в данном изображении мы видим тонкий намек на непреклонность Бога и страдания ангелов. Но вновь в полежаевской поэзии мы обнаруживаем неклассическое видение ангельского образа, они не исполняют свою привычную светлую роль, а становятся отступниками, которых наказывает сам Всевышний.

Здесь также появляется взаимодействие Красоты и Смерти. Мир и существа, созданные Богом и населяющие его, по его замыслу, – «волшебная краса». Однако, возроптав, отказавшись от Бога, ангелы низвергаются в ад, нарушают равновесие, губят красоту: «убили прелесть бытия...» [Там же, с. 155].

Вновь проявляются богоборческие мотивы, даже ангелы – носители светлого начала – бунтуют против своего создателя и оказываются отвергнутыми им.

Ангелы в видении А. И. Полежаева начинают исполнять совершенно несвойственную им роль. Интересным также кажется, что классическими чертами ангела у Полежаева может выступать демон, как, например, в стихотворении «Демон вдохновенья» (1833), который является добрым посланником, гостем, навещающим героя и несущим ему утешение, герой называет его «знакомцем чудным моей тоскующей души» [Там же, с. 144]. Таким образом, демон становится неким заместителем ангела, начинает обладать его чер-

тами, претендовать на проявление ангельских черт, сам будучи представителем темной силы.

Здесь вновь в полежаевской лирике проявляется момент богоборчества – вдохновение дается не божьей волей, а желанием демона вдохновения, и, таким образом, через демонические образы Полежаев предпринимает попытку борьбы с богом, соперничества, видится его желание пошатнуть устоявшиеся истины и главенство.

«И он бесплотными устами
К моим бесчувственным приник,
И своенравным вдохновеньем
Душа зажглася с иступленьем,
И проглаголал мой язык...» [Там же, с. 145].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, скорее всего, в силу особого полежаевского мировосприятия образ ангела в его лирике не имеет привычных черт, не выступает ни посланником, ни проводником между земным и божественным миром, ни утешителем героя. Через образ ангела Полежаев также может выходить на рассмотрение проблемы «Красота – Смерть». Прекрасные возлюбленные, именуемые героем ангелами, только губят его, их ангельская красота ведет героя к отчаянию и на порог смерти. Также образ демона может становиться своеобразной перевернутой версией ангела. Так как Полежаев является представителем именно «богоборческого романтизма», его герои предпринимая попытку борьбы с Богом в том числе и через красоту: героини с ангельскими чертами вместо просветления и утешения вызывают в герое страдания и муки, отчаяние; ангелы, созданные Богом, ропщут против него и разрушают красоту, которую он создал в мире. Богоборчество Полежаева также можно обнаружить и в образе демона, который посылает герою вдохновение, что, конечно, противоположно традиционному божественному вдохновению, даруемому свыше. Таким образом, для понимания поэзии А. И. Полежаева важны богоборческие мотивы, а также типичная для его лирики оппозиция «Кра-

сота – Смерть», которые интересно воплощаются в полежаевском мифе об ангеле.

Список источников

1. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. I–II. Издание второе, исправленное, дополненное. М.: Христианская литература, 2001. 736 с.
2. Сахарова О. В. Религиозно-поэтическое мирозерцание М. Ю. Лермонтова: образ ангела: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 22 с.
3. Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина. Л.: Сов. писатель, 1987. 576 с.
4. Щеглов Г. В. Мифологический словарь. М.: АСТ, 2006. 364 с.
5. Годунов И. В. Энциклопедия христианства. М.: Наследие христианства: Евразийский университет народного хозяйства, 2018. 655 с.
6. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.

References

1. Dunaev, M. M. (2001). *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. 736 p. Moscow, Khristianskaya literatura. (In Russian)
2. Sakharova, O. V. (2016). *Religiozno-poeticheskoe mirosozertsanie M. Yu. Lermontova: obraz angela: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [M. Y. Lermontov's Religious and Poetic Worldview: The Image of an Angel: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 22 p. (In Russian)
3. Polezhaev, A. I. (1987). *Stikhotvoreniya i poetry* [Verses and Poems]. 567 p. Leningrad, Sov. Pisatel'. (In Russian)
4. Shcheglov, G. V. (2006). *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. 364 p. Moscow, AST. (In Russian)
5. Godunov, I. V. (2018). *Entsiklopediya khristianstva* [Encyclopedia of Christianity]. 655 p. Moscow, Nasledie khristianstva: Evraziiskii universitet narodnogo hozyaistva. (In Russian)
6. Kerlot, H. (1994). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. 608 p. Moscow, REFL-book. (In Russian)

The article was submitted on 14.05.2024
Поступила в редакцию 14.05.2024

Сесорова Анастасия Дмитриевна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
miss.obliviate@gmail.com

Sesorova Anastasiya Dmitrievna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
miss.obliviate@gmail.com

УДК 821.511.142.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-209-213

АРХЕТИП КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Е. Д. АЙПИНА «В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО СНЕГА»

© Дарья Терентьева

THE CULTURAL HERO ARCHETYPE IN E. AIPIN'S STORY “WAITING FOR THE FIRST SNOW”

Daria Terentyeva

The article presents the mythopoetic analysis of the story “Waiting for the First Snow” (1979) by the Khanty prose writer E. D. Aipin and characterizes the mythopoetic image of the protagonist. The object of the study is the cultural hero archetype, widely spread in any mythology, which allows us to talk about the ways of the classical cultural myth creative interpretation in the modern prose of the Khanty peoples. The protagonist's activity in this story, like that of the mythological cultural hero, is aimed at maintaining the natural order of things, protecting the sacred land of the ancestors. The violation of taboos and the departure from the usual way of life is a kind of reflection of the hero's initiation. In E. Aipin's story, the protagonist, in accordance with the mythological structure, three times breaks the ancient precepts in search of his own meaning of life. The hunt for a new beast - oil - becomes a test of his strength and a means of personality formation. Mythopoetic images transmit the peculiarities of national culture, reflect the experience and traditions of the indigenous people. The use of archetypal and mythopoetic images is intertwined with the gradual disclosure of the protagonist's character psychology, which indicates the author's transformation of the archetypal image of the bogatyr in the story “Waiting for the First Snow”.

Keywords: archetype, cultural hero, E. Aipin, Ugrian mythology, story “Waiting for the First Snow”, mythopoetics

В статье представлен опыт мифопоэтического анализа повести «В ожидании первого снега» (1979) хантыйского прозаика Е. Д. Айпина с целью характеристики мифопоэтического образа героя. Объектом исследования становится архетип культурного героя, широко распространенного в любой мифологии, что позволяет говорить о способах творческой интерпретации классического культурного мифа в современной прозе народов ханты. Отмечается, что деятельность главного героя повести, равно как и мифологического культурного героя, направлена на поддержание природного порядка, охрану священной земли предков. Нарушение табу и уход от привычной жизни является отражением своеобразной инициации героя. В повести Е. Д. Айпина главный герой в соответствии с мифологической структурой трижды нарушает древние заветы в поисках собственного смысла жизни. Охота на нового зверя – нефть – становится испытанием его сил и средством становления личности. Мифопоэтические образы передают особенности национальной культуры, отражают опыт и традиции коренного народа. Использование архетипических и мифопоэтических образов переплетается с постепенным раскрытием психологии характера главного героя, что и указывает на авторскую трансформацию архетипического образа богатыря в повести «В ожидании первого снега».

Ключевые слова: архетип, культурный герой, Е. Д. Айпин, угорская мифология, повесть «В ожидании первого снега», мифопоэтика

Для цитирования: Терентьева Д. Архетип культурного героя в повести Е. Д. Айпина «В ожидании первого снега» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 209–213. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-209-213

Мифология всегда занимала значимое место в жизни и культуре любого народа. Отличительной чертой обско-угорской литературы является отражение в художественных текстах нацио-

нального самосознания, мифологического прошлого народа. Особенно наблюдается тесная связь литературы и мифа. Стоит отметить, что классические мифологические образы и сюжеты

получают новое авторское прочтение в художественном тексте, оказывая большое влияние на развитие культуры и формирование нравственных идеалов и ценностей народа.

А. Ф. Лосев пишет, что миф «есть сама жизнь» [1, с. 41]. Для мифического субъекта миф – это священная история, которая варьируется, повторяется. Это – абсолютное прошлое, но и вечное живое бытие. Именно посредством мифа люди познавали мир, создавали быт и отношения внутри коллектива. У истоков любой мифологии, в том числе и мифологии обских угров, стоят архетипы. Архетипические образы и мотивы можно обнаружить в самых разных культурах, мифах, сферах искусства, далеких друг от друга, а потому объяснить их появление заимствованием нельзя.

Неотъемлемой частью любой мифологии является наличие особенного культурного героя как древнейшего образа мирового мифа. Истории о культурных героях, как правило, объясняют различные явления природы, особенности культуры и быта людей (этиологические мотивы). Культурный герой часто выступает в различных персонификациях. В трактовке В. И. Даля можно обнаружить толкование героя как «чудо-воина...» [2, с. 170.] и богатыря. В книге «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» фигурирует понятие «народный персонаж», который помимо определенного имени имеет и особый набор функций. Как правило, к числу таких функций относится следующее: борьба с хаосом, который выступает в образах демонов или ужасных чудовищ, обучение человека охоте, искусству, ремеслам, а иногда и само создание человека, установление законов, правил, обычаев и многое другое, что преобразует жизнь людей.

По мнению А. Н. Афанасьева, изначально культурные герои являлись «олицетворением стихийных сил природы» [3, с. 20]. Отсюда и наличие у героя сверхъестественных сил или нечеловеческих размеров, которые ему придаются в фольклоре и эпосе. Такой образ создавался сопоставимо с мощью природных стихийных явлений и сохранял их существенные признаки.

Таким образом, основные функции культурного героя в мифологии – участие в мироустройстве и миропорядке. Сюда относилось любое деяние, позитивное или негативное, направленное на благоустройство мира, его упорядочивание. Результатом таких деяний становились глобальные события, влияющие на благоустройство жизни людей. Культурный герой цивилизует жизнь общества, однако в моральном отношении его действия не идеализируются. Культурный

герой может совершать и неблагоприятные поступки в ходе своих приключений, чтобы служить в назидание людям. Такие герои иногда наделяются чертами трикстера (плута-озорника), что можно заметить во многих мифологиях (Прометей, Гермес и др.). С другой стороны, культурный герой зачастую отождествляется с первопредком, демиургом, с именем которого связано рождение этноса. Оба типа культурных героев (демиург и трикстер) являются центральными образами мифологии и фольклора.

В мифологии обских угров также можно обнаружить образ культурного героя. Как правило, это седьмой сын Нуми-Торума – Ими-хиты (он же Ими-хилы, Кон-ики, Мир-суснэ-хум, Мир шэтиви-хо, Эква-пыгрисы и др.).

Мир-суснэ-хум – одно из главных божеств в мифологии народов ханты и манси, занимающих особое место в пантеоне богов.

Повесть «В ожидании первого снега» – одно из первых крупных художественных произведений Е. Д. Айпина, вышедшее в 1979 г., раскрывающее психологию движения молодого охотника поселения ханты от традиционной среды к новому для него индустриальному труду. Главный герой повести, охотник Миккуль Сигильетов, представляется нам тем самым культурным героем, фигурирующим в мифологии народов ханты. Однако здесь мы сталкиваемся с трансформацией классического мифологического образа в новом авторском прочтении.

Повесть начинается с описания того, как по таежному селению Ингу-Ягун пронеслась неожиданная весть: охотник Миккуль покинул родовое поселение и отправился в экспедицию на буровую. Ни железная птица (самолет), ни само появление экспедиции вблизи селения не вызывает у жителей Ингу-Ягуна такого недовольства. Хантам не понятно, как Миккуль мог отказаться от древнего промысла, бросить охотничий инструмент и нарушить целостность священной земли, ведь никогда еще до этого охотник не буравил землю предков.

Тайга является священным местом для коренных жителей и воспринимается как живое существо. Оттого и много сомнений у таежных жителей. Особенно высказывают свои опасения старики, боясь гнева всемогущего Нуми-Торума. Верховный бог может наказать жителей водой и огнем (дождем и громом), ветром и мором, тогда беды не избежать.

Так герой нарушает первое – родовое – табу, изменяя древним традициям в пользу новой жизни. А в конце первой главы автор приводит народную примету, задающую тон всему произве-

дению: «Когда человек приходит в Белую Ночь – большая радость, – а когда уходит...» [4, с. 276].

Решение покинуть родные места и прийти на помощь нефтяникам принимает сам герой, и выбор этот осознанный. С. Комаров называет это выбором сотрудничества, выбором от имени всего народа, «охоты на нового зверя, которым богата родная земля» [5, с. 174], то есть на нефть. Сравнение нефти с невиданным ранее зверем мы видим в словах самого Микуля: «Всякому охотнику интересно узнать, какой такой зверь есть – нефть!» [4, с. 287].

По замечанию С. А. Комарова, мы видим здесь и «категорию описания своего народа (ожидание)» [5, с. 174–175], обозначенную в заглавии повести, и понимание главного героя как мифологического культурного героя, мыслимого «одним из лучших представителей своего народа» [Там же, с. 174]. Именно ожидание появления культурного героя, изменений, новой жизни, которую, как правило, несет за собой такой герой, и отражается в произведении Е. Д. Айпина.

Так, Микуля можно отождествить с одним из основных культурных героев обских угров – Мир шэтивви-хо, младшим из сыновей Нуми Торума, который был рожден между небом и землей. Схоже и осознание Микуля себя как «сына Неба и Тайги» [4, с. 284]. Среди бригады нефтедобытчиков и начинаются жизненные поиски Микуля. Жизнь на буровой становится для героя сродни испытанию, проверкой собственных сил. И именно буровая, как нечто противоестественное привычной жизни, становится тем, что проявляет характер героя.

Все вокруг представляется противоборствующими силами. Живая, чувствующая тайга, которая была для героя «родной матерью» [Там же, с. 284], и «грязно-серая громадина буровой вышки... Ворчит и чихает сизым дымком дизелей...» [Там же, с. 277]. Такова первая встреча Микуля с местом нефтедобычи. Уже здесь возникает важная для традиционного сознания тема богатырства. Вышка, представляющаяся исполинским истуканом, живым, опасным для человека («ворчит», «чихает», «опутан кандалами»), становится соперником культурного героя.

Раз за разом Микуль сравнивает свою прежнюю таежную жизнь с жизнью на буровой, жизнь охотника с жизнью нефтедобытчика. В этом сравнении тихая, чистая, спокойная тайга всегда лучше грязной грохочущей буровой. И сами люди становятся олицетворением той жизни, с которой они связаны: «Веселый тут народ, железный. Так от него машиной и тянет» [Там же, с. 278]. И мыслит такой народ иначе, не

как Микуль. Показателен эпизод, в котором Микуль застаёт смерть Старика – двухсотлетней сосны. Все в этой сцене указывает на восприятие Микулем Тайги как живого существа. Таковы особенности национального сознания его народа. Унцых-ики не просто дерево, нельзя его срубить и выкинуть только для того, чтобы построить площадку для буровой. «Рубят, когда человеку надо дом строить... А тут убили и выбросили» [Там же, с. 292]. Такой поступок для тайги недопустим. Для коренных жителей все живое должно приносить пользу: и человеку, и птице, и животному. И только житель тайги может настоящему услышать ее голос: «...затем в рокот влился едва различимый стон убитой сосны. Теперь сюда влился глухой многоголосый плач всех убитых и покалеченных деревьев» [Там же, с. 291–292]. Потому Микуль в диалоге с буровиками и называет это убийством. «Железным» людям тяжело понять Микуля, не могут они мыслить, как жители тайги, поскольку не знают ее правил и законов. Для буровиков тайга является лишь способом заработка, временным местом обитания, поэтому они и нарушают природное равновесие, убивая домашних оленей или еще не умеющих летать утят. Поэтому герой выступает для буровиков проводником в мире природы, учит правильной охоте и рыбалке, объясняет священные заповеди и исправляет ошибки, как в случае со срубленной сосной, которую Микуль позже успокаивает разговором. Не менее ярко тесную связь героя с родной тайгой иллюстрирует эпизод с медведем, забравшимся на кухню. Микуль обрадовался медведю, будто встретил старого друга, который тоже решил поработать среди грохота машин и железа. Да и медведь, в свою очередь, спокойно относится к охотнику, лишь урчанием просит не мешать ему.

Буровая совершенно не похожа на любимую Микулем тайгу. Нет в ней того голоса, что слышит каждый охотник, нет спокойствия и умиротворения, но и буровая не безмолвна. Ее голос злобный и пугающий, она зло рокочет и грохочет, пугая новичка. Часто Микуль упоминает неприятный шум моторов, скрежет и лязг железа, тревожные и даже болевые ощущения, которые вызывает буровая.

Помимо сравнения вышки с исполинским истуканом, вросшим глубоко в землю, Микуль отмечает и то, что у буровой есть кровь, без которой она не может жить, как любое живое существо. И силы у буровой тоже есть, способные нанести вред охотнику и даже одолеть его. Самое важное для таежного жителя – его острый слух, зоркость и обоняние, а грохот, машинный чад и пыль буровой способны все это отнять. Тогда

ничего не останется от охотника, а значит, герой будет побежден, и Микуль это понимает. Неслучайно он несколько раз сравнивает буровую с Манкв-ики – ужасным людоедом-оборотнем из хантыйского фольклора:

«<...> и глаза есть – моргают в светлом сумраке Белой Ночи равнодушными фонарями, из закопченных труб-ноздрей вырывается крепчайший смрад, грязными лохмотьями черной бумаги сползает на песок борода-навес, а ненасытная пасть, оскалив ротом губы, глотает бесконечную кишку труб» [Там же, с. 284].

Даже земля дрожит и сотрясается от вздохов железного великана.

Заметно, что нефтяная вышка воспринимается враждебной силой, inferнальной. Таковы и ее пространственные характеристики: сама буровая устремляется вверх, вторгаясь в верхний мир, а скважина уходит глубоко вниз, в подземный мир, царство Куль-отыра. Для мировоззрения ханты буровая становится кощунственным местом, «где человек стремится преодолеть запретную черту и выйти за пределы определенного ему Высшими силами жизненного пространства» [6, с. 32]. Для человека предназначен Средний мир, а он пытается проникнуть в миры богов и духов: с помощью вышки в Верхний мир, а с помощью трубы – в пределы Нижнего. Так Микуль нарушает второе – сакральное – табу.

Казалось бы, все оборачивается против героя, его одолевают сомнения в правильности своего выбора: стоило ли охотнику сходить с пути, ведь ни один ханты не бросал дедовский промысел, не работал на буровой, но вернуться в родные места Микуль не может. Не может отказаться от испытания, ведь для героя это означает поражение. От побега его останавливает Надя, сама того не ведая, бросив лишь одно презрительное слово «сбежишь». Это становится вызовом для Микуля – доказать, что и он, охотник, может справиться с жизнью и работой в непривычной для себя среде. Кроме того, немаловажное значение имеет и то, что будут говорить другие. Если Микуль придет с буровой раньше обозначенного срока, тогда в селении засмеют, что железо его победило. Значит, он не смог сдержать данное слово, несерьезный он охотник, а ханты таких людей не любят.

Тогда Микуль находит в себе силы сражаться, ведь и на буровую есть управа, только справляться с ней надо не силой, а хитростью и умом. Если буровая находится на таежной земле, значит она – часть тайги. А кто как не охотник следит за тайгой и управляет ею. Тогда нужно нау-

читься управлять этой железной машиной и остаться на этой земле хозяином, как и заведено.

Есть и иная причина, по которой герой не может вернуться, пока не пройдет испытание. По высказыванию С. Комарова, «культурный языческий герой – охранник и защитник этой земли. Поэтому все, что идет от его земли, включая нефть, не может быть извлекаемо и отторгаемо без него, вне его ведома» [5, с. 175]. Потому он и вступает в пределы мифического подземного царства, туда, где скрыта «черная горячая вода». Даже время на буровой, в этом «нижнем мире», течет иначе: монотонно, однообразно, но при этом непрерывно. В любую погоду – буран, холод – вахта сменяет друг друга. Так время измеряется четкими сменами, все движется по расписанию и никогда не останавливается.

В конце концов любой герой должен сразить своего противника. Однако в случае с Микулем все иначе. В отличие от классического культурного героя он не побеждает в борьбе с буровой. В сознании Микуля буровая настолько тесно переплелась с миром тайги, что стала с ней единым целым, а потому стала близка и самому герою. И тогда неожиданно герой понимает, что кратковременная отлучка в родные места заставляет его скучать по шуму, грохоту дизелей, огням вышки, запаху масла и железа. Будучи коренным жителем своей земли, воспитанный культурой и традициями своих предков, Микуль не сразу принимает данное открытие, не может признать, что буровая его сломила. Охотник, житель тайги, а стал таким же «железным» человеком, что окружали его в месте нефтедобычи. Микуль придумывает себе оправдания, что и за буровой нужно присматривать так, как это умеет только таежник, и эта мысль успокаивает его.

Кроме того, именно здесь герой впервые познает любовь, только любовь эта к чужеземке, что тоже является нарушением табу. Выбор для Микуля вполне оправданный, ведь Надя во многом на него похожа. Она, как хантыйская девушка, умеет чувствовать, видеть красоту Севера, слышать голос леса, ее руки «пахнут свежей брусничкой и солнцем, белым грибом и духами и еще чем-то таким родным и близким» [4, с. 373]. Но при этом Е. Айпин в качестве характеристики Нади использует эпитеты «недоступная и холодная» [Там же, с. 304], точно нефть, ради которой и приехал Микуль. Надя сочетает в себе две культурные парадигмы: традиционную культуру этноса и культуру индустриального общества, потому Микуль сразу чувствует тягу к Наде как к чему-то неизведанному и неизвестному, да и жить без этой девушки он уже не может, все без нее кажется пустым и бессмысленным.

В этом и заключается авторская трансформация классического образа культурного героя, богатыря в повести «В ожидании первого снега». Е. Д. Айпин последовательно раскрывает психологию своего героя, потомственного охотника, нарушившего запрет и отправившегося на новую охоту – охоту на нефть. В конце повести мы в последний раз наблюдаем за Микулем:

«<...> налег на весла – за бортом вспенилась вода. Река смотрела на него безмолвно и сурово. На пики таежных елей спустилось солнце – кончилось Время большой охоты. И тайга снова замерла в ожидании восходящего солнца. Из-за поворота выплыла буровая» [Там же, с. 390].

Победит ли герой в своей битве или буровая превратит его в «железного» человека, читателю неизвестно. Открытый финал оставляет состояние того самого ожидания, о котором и говорится в заглавии повести. Автор не говорит о том, что будет дальше, но дает намек или предчувствие, оставляя читателю простор для самостоятельного размышления.

Список источников

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2006. 735 с.
3. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2007. 608 с.
4. Айпин Е. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: В ожидании первого снега. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2020. 416 с.

5. Комаров С. А. Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика: монография / отв. ред. д-р филол. наук С. А. Комаров. М.: Наука, 2023. 382 с.

6. Ларкович Д. В. Система образных оппозиций в повести Е. Д. Айпина «В ожидании первого снега» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (13). С. 28–39.

References

1. Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa* [The Dialectics of a Myth]. 558 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)
2. Dal', V. I. (2006). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: A Modern Version]. 735 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
3. Afanas'ev, A. N. (2007). *Mifologiya Drevnei Rusi* [Mythology of Ancient Rus]. 608 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
4. Aipin, E. A. (2020). *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 2: V ozhidanii pervogo snega* [Collected Works: In 5 Vol. T. 2: Waiting for the First Snow]. 416 p. Khanty-Mansiisk, Novosti Yugry. (In Russian)
5. Komarov, S. A. (2023). *Proza Eremeya Aipina: etnofilologicheskii rakurs i istoricheskaya poetika* [Yeremey Aipin's Prose: Ethnophilological Perspective and Historical Poetics]. Monografiya, отв. red. d-r filol. nauk S. A. Komarov. 382 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
6. Larkovich, D. V. (2023). *Sistema obraznykh oppozitsii v povesti E. D. Aipina "V ozhidanii pervogo snega"* [The System of Figurative Oppositions in E. D. Aipin's Story "Waiting for the First Snow"]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1(13), pp. 28–39. (In Russian)

The article was submitted on 02.05.2024
Поступила в редакцию 02.05.2024

Терентьева Дарья Дмитриевна,
младший научный сотрудник,
аспирант,
Сургутский государственный педагогический университет,
628417, Россия, Сургут,
50 лет ВЛКСМ, 10/2.
koralina-1@yandex.ru

Terentyeva Daria Dmitrievna,
Junior Researcher,
graduate student,
Surgut State Pedagogical University,
10/2 50 let VLKSM Str.,
Surgut, 628417, Russian Federation.
koralina-1@yandex.ru

УДК 398.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-214-219

ОБРАЗ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ТАТАРСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© Ильназ Фазлутдинов

THE IMAGE OF YEMELYAN PUGACHEV IN TATAR HISTORICAL FOLKLORE

Ilnaz Fazlutdinov

This article examines samples of the Tatars' non-fairy tale prose, which reflects the historical figure of the popular uprising leader in the Urals and the Volga Region, Yemelyan Pugachev. The author summarizes the popular assessment of the Peasant War leader's actions, found in the historical tales of the Tatars from the republics of Bashkortostan, Tatarstan and other regions of Russia. Based on the analyzed sources, it is possible to obtain valuable information about those socio-political clashes that have left deep traces in the worldview and psychology of the local population. The relevance of the research topic is due to the need to understand the role of one of the key personalities for the Bashkortostan Tatars, Yemelyan Pugachev, as well as the need to replenish the knowledge about the local history specifics and the national policy of the tsarist government. The object of the study is the Tatar people's historical tales about uprisings and riots. The subject of the study is the image of Yemelyan Pugachev in Tatar historical tales. The purpose of the work is to identify the features reflecting the image of Yemelyan Pugachev in Tatar tales and the prerequisites that form the basis of the popular assessment of this hero's deeds. The objectives of the article are to review historical tales about popular uprisings, unrest and riots and their leader, to identify the specifics, reflecting people's indignation based on the transformation of the dissenter's image, an opponent of state power in the oral folk art of the Tatars living in various regions of Russia, in particular in the Volga Region and the Urals. The article concludes that despite the strengths and weaknesses of Yemelyan Pugachev's personality, the people portray him with respect, recognizing his strength and charisma, but they are in no hurry to take the "oath of allegiance"; at the same time, through the description of everyday events, he reveals himself, first of all, as a Person.

Keywords: historical tale, Emelyan Pugachev, national uprising, peasant war, Tatar folklore

В данной статье автор рассматривает образцы несказочной прозы татар, в которой отражается историческая фигура руководителя народных восстаний на Урале и в Поволжье Емельяна Пугачева. Автор резюмирует народную оценку действиям предводителя Крестьянской войны, приведенную в исторических преданиях татар республик Башкортостан, Татарстан и других регионов России. На основании проанализированных источников можно получить ценные сведения о тех социально-политических столкновениях, которые оставили глубокие следы в мировоззрении и психологии местного населения. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления роли одной из ключевых для татар Башкортостана персоны Емельяна Пугачева, а также потребностью в восполнении знаний о специфике местной истории и национальной политике царского правительства. Объект исследования – исторические предания татарского народа о восстаниях и бунтах. Предмет исследования – образ Емельяна Пугачева в татарских исторических преданиях. Цель работы – выявить особенности отражения образа Емельяна Пугачева в татарских преданиях и предпосылки, составляющие основу народной оценки деятельности названного героя. Задачи статьи – обзор исторических преданий о народных восстаниях, волнениях и бунтах и их предводителях, выявление специфики отражения народного негодования на примере трансформации образа несогласного, противника государственной власти в устном народном творчестве татар, проживающих в различных регионах России, в частности в Поволжье и Приуралье. Автор приходит к выводу, что, несмотря на достоинства и недостатки личности Емельяна Пугачева, народ изображает его с уважением, признавая силу и харизму, однако дать «присягу в верноподданстве» не спешит, в то же время сквозь описание бытовых событий он раскрывается прежде всего как Человек.

Ключевые слова: историческое предание, Емельян Пугачев, народное восстание, крестьянская война, татарский фольклор

Для цитирования: Фазлутдинов И. Образ Емельяна Пугачева в татарском историческом фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 214–219. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-214-219

Емельян Иванович Пугачев – известная историческая личность, предводитель Крестьянской войны и народного восстания 1773–1775 гг. Выдавая себя за покойного царя Петра III, то есть будучи самозванцем, он сумел поднять и возглавить народное волнение. Под его предводительством в 1773–1775 гг. были охвачены народным бунтом Приуралье и Поволжье. Причин для восстания было много. К этому времени рабочий класс оказался в бесправном положении, эксплуатация государственных крестьян возросла до небывалых с петровского времени размеров, стали неподъемными повинности. Тяжелое положение крестьян усугублялось произволом помещиков. Эти и не только причины способствовали созреванию недовольства среди бесправного простого народа, который уже был готов присоединиться к бунту.

Крестьянскому восстанию под предводительством Емельяна Пугачева в XVIII в., в котором участвовали русские, татары, башкиры, чуваш и другие народы Поволжья и Урала, посвящены многочисленные предания, исторические песни, легенды, байты. Эти события отражались во многих жанрах фольклора у всех перечисленных выше народов.

Народ создал образ Пугачева на уровне своего миропонимания. Основное содержание преданий – рассказы о расправе пугачевцев над помещиками. Сюжеты этих преданий схожи, сложились устойчивые мотивы, которые часто повторяются, переходя из одного произведения в другое.

Крестьянский мятеж под руководством Емельяна Пугачева исследован в многочисленных исторических трудах. Если в работах дореволюционных историков Пугачевское движение и действия восставших описывались и оценивались исключительно негативно, то в советский период в исторической литературе преобладала положительная оценка. Одним из первых историю Пугачевского бунта изучал А. С. Пушкин.

История Пугачевского движения исследована в фундаментальной коллективной монографии «Крестьянская война в России 1773–1775 годов» (в трех томах) под общей редакцией советского историка В. В. Мавродина.

Образ Пугачева достаточно изучен в русской фольклористике. В 1935 г. издан сборник «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», который пол-

ностью посвящен предводителям бунтов – Пугачеву и Разину [1]. В сборнике представлены русские и в переводе на русский язык мордовские, чувашские, башкирские, татарские, удмуртские и уральских казаков народные предания и исторические песни. Первое из трех, представленных в сборнике, татарское предание записано в деревне Средняя Елюзань Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Городищенский район Пензенской области) А. Николаевым от Абурахмана Хабибулина Усманова. Указанный в источнике информант являлся современником Пугачевского восстания, однако данные о нем искажены: некорректно зафиксированы фамилия и отчество. Предание было опубликовано в 1860 г. [2]. Следующие два текста изложены на основании материалов, собранных казанским купцом Мухаметзяном Аитовым и изданных 1912 г. в журнале «Шура». Эти же предания, записанные М. Аитовым у своего отца, были опубликованы в сборнике трудов К. Насыри только в 1926 г. В небольшом предисловии К. Насыри, отмечая, что предания о Пугачеве очень популярны в народе, пишет, что эти образцы были записаны М. Аитовым у своего отца дословно, как тот их услышал, и им переписаны без изменений [3, с. 19].

Часть преданий была зафиксирована до революции и дошла до наших дней в записях и печатных изданиях. Предания о пугачевском восстании изданы в 1850 г. Н. С. Ивановым [4, с. 21–25]. В 1915 г. в журнале «Шура» было опубликовано предание «Дед Бикантай», посвященное Пугачеву [5, с. 2–3].

В сборнике «Древняя татарская литература» опубликовано предание, которое было переписано М. Гали со старинной рукописи [6, с. 431].

Опубликованный впервые в 1938 г. в хрестоматии по татарской литературе и перепечатанный в сборнике «Древняя татарская литература» текст предания уникален тем, что создан по сказочным мотивам [Там же, с. 436].

В татарской фольклористике Пугачеву посвящены также исторические песни и байты.

Исторические предания о народных восстаниях исследованы С. М. Гилязутдиновым, И. К. Фазлутдиновым, есть упоминания об этих преданиях и в статьях С. З. Мухаматнурова, Н. Ф. Ибрагимова.

В татарском фольклоре образ Пугачева раскрывается как образ справедливого царя или

бунтаря-самозванца, праведника или преступника. Каждый, исходя из собственного социального положения, видел в нем защитника, предводителя и освободителя или врага.

Ни один народ, представители которого принимали активное участие в Пугачевском бунте или лицеизрели этого человека, не оставался к нему и его темпераменту равнодушным. Для одних он был справедливым царем, о котором мечтали все подневольные и который олицетворял спасение от гнета, для других – злодеем, посягнувшим на их благополучие.

На противоречивость образа обращает внимание и А. С. Пушкин. В своей книге «История пугачевского бунта» он отмечает:

«Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства» [7].

Источники свидетельствуют об уважительном отношении простого народа к Пугачеву. Даже после подавления восстания народ отзывался о нем только положительно. *«Грех сказать, говорила мне восьмидесятилетняя казачка, – пишет Пушкин в примечаниях к «Истории пугачевского бунта», – на него мы не жалуемся, он нам зла не сделал»* [Там же].

Народ видел в нем своего освободителя. С. З. Мухаматнуров пишет, что в татарских преданиях он освещается как заступник за бедных и воплощен в образе мужественного и справедливого царя-батюшки, защищающего правое дело [8, с. 95]. Такое отношение наблюдается в исторических преданиях и других народов. Например, исследуя образ Пугачева в русских преданиях и чувашском фольклоре соответственно, А. Н. Лозанова и В. Н. Никольский пишут, что *«он являлся к богатым, требовал у них хлеба и денег, то и другое беднякам»* [1], [9, с. 602], то есть в народном сознании образ предводителя крестьянского восстания не сильно отличается от образа благородного разбойника.

С. М. Гилязутдинов отмечает, что среди преданий о пугачевских битвах «есть как объемные произведения, описывающие деятельность таких личностей, как Бахтияр Канкаев, Рахманкул Дуслиев, Салават и др.; такие важнейшие события, как осада Оренбурга, взятие Казани, так и дающие краткую информацию о местах сражений восставших с правительственным войском» [10, с. 78].

При исследовании татарских преданий обращает на себя внимание тот факт, что исторические события и исторические личности описы-

ваются главным образом без субъективной оценки информанта. А. Н. Лозанова в примечаниях к татарским преданиям, включенным в сборник «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», также отмечает, что «в преданиях татар (№ 29 и 30) не встречаем той яркой политической заостренности, которую видим, например, в башкирских, мордовских преданиях» [1, с. 397]. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что турки, в том числе татарский народ, верили в то, что любой правитель является избранником бога и что Всевышний посылает его в зависимости от действий или грехов народа. Во многих преданиях сохранились отзвуки веры людей в то, что герой является Петром III, из-за которой они поддерживали Пугачева и считали свое участие в восстании знаком верности законному царю, расценивали это как помощь в возвращении отнятого у него престола. В предании «Рассказ о Пугачеве» рассказывается о том, что, когда *«Пугачев по всему Яику принимает известность под именем Петра Федоровича»*, со всех близлежащих селений к нему начинает прибывать народ [Там же, с. 218].

Предание «Рассказ о Пугачеве» состоит из нескольких мотивов. В первой части рассказывается о том, как возник слух, что Пугачев – это не Пугачев, а царь Петр Федорович:

«Это было во времена кончины царя Петра Федоровича. Но среди народа ходили слухи о том, что он жив, не умер, что он скрывается. Однажды какой-то старый казак спросил Пугачева: „Не Петр ли Федорович ты?“ Пугачев моментально ответил, предупредив: „Однако, дед, об этом никому не говори“. После этого случая старый казак втихомолку начал говорить каждому: „Смотри, не будь радивым, вот он, Петр Федорович!“» [1, с. 218].

Распространению этих слухов способствовал сам Пугачев и его соратники. В каждом указе Пугачев напоминал о своем статусе «Великий государь и над цари царь и достойной император Петр Федорович», «государь и великая светлость император российский, царь Петр Федорович» [11, с. 23–52]. Время от времени в указах напоминали «А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте» [Там же].

На этой основе и была разработана биография Петра III – Пугачева, которая состояла из действительных фактов о Пугачеве и традиционных мотивов преданий.

Вторая часть предания рассказывает об осаде Пугачевым Оренбурга. Это событие описывается через состояние осажденного населения, которое *«до того изголодалось, что ели разбросанные*

около кузницы куски, выскобленные при ковке лошадей из-под копыт» [3, с. 130], [1, с. 219].

В третьей части предания сообщается, что после Оренбурга «Пугачев пошел занять Казань» [3, с. 130], [1, с. 219].

Несмотря на то что информант только рассказывает о фактах и никак их не комментирует, есть несколько эпизодов, которые позволяют самим слушателям делать умозаключения о пугачевцах: беспорядок – открывших по ним огонь пугачевцы приняли за прибывших на помощь; жестокость – деда-информанта только из-за сомнения в том, сможет ли Пугачев завоевать Казань, хотели предать мученической смерти; мародерство – пугачевцы, ограбив склад деда-информанта, из добытых у последнего овчин соорудили мост, чтобы переправить свои войска через реку Яик. Все эти эпизоды и факты, описанные в тексте, не способствуют созданию положительного образа.

Во втором предании – «События, увиденные самим отцом» – М. Аитовым записаны воспоминания его отца о попытке завоевания Казани Пугачевым и разгроме его войска. Информант восстанавливает все события по рассказам отца, которому в то время было десять лет. По рассказу отца М. Аитова, народ, встречая пугачевцев хлебом и солью, все же дать «присягу в верноподданстве» не спешит. Им в течение нескольких дней несколько раз «предлагают пойти к их батюшке и дать присягу в верноподданстве» [12, с. 86], [1].

«Старик Ибрагим заявил народу: „Теперь делать нечего“. Вооружив и посадив на коней семнадцать человек и повязав на правые руки синие тряпки – знаки пугачевцев, <...> направились они на Арское поле» [1].

Однако позднее эти же люди были вынуждены стремительно присоединиться к отрядам Михельсона.

Пугачевское восстание оставляет в городе большие разрушения, точнее руины, о чем и упоминается в предании:

«В этом году прибытия Пугачева в Казань, то есть в 1774-м, Пугачев дотла сжег и разрушил Казань. До прихода Пугачева вокруг крепости было несколько башен („минаретов“), они им разрушены» [1], [12, с. 87].

В рассмотренных преданиях информанты – отец и сын купцы Аитовы – не являются сторонниками Пугачева. Но в то же время, объективно описывая восстание, они не стараются бесславить или унижать предводителя и восставших.

В предании «О Пугачеве, который хотел стать повелителем», переписанном со старинной рукописи, рассказывается, что пугачевцы с 25 мая по 26 июля 1774 г. создали временный лагерь около деревни. Текст сохранил исторические сведения об оружии восставших: «У каждого есть оружие: дубины, копыя, косы, у некоторых – ружья, сабли», об их отличительном знаке – «На правой руке выше локтя были повязаны синие тряпки» [6, с. 431].

Упоминание об этом знаке есть и в предыдущем предании.

Предание заканчивается сообщением, что в Казани Пугачев был задержан генералом Михельсоном. Только последнее предложение выдает сопереживание предводителю восстания: «У Пугачева промежуток жизни – это всего 54 дня, когда они стояли на нашем поле» [Там же].

В татарских исторических преданиях в основном прослеживается сопереживание Пугачеву. Предание «Сказ о Пугачеве» по своей структуре напоминает волшебную сказку, имеет традиционный зачин, кульминацию и развязку [Там же, с. 436]. Сам образ Емельяна Пугачева здесь преподносится как пропитанный духом авантюризма и протестными настроениями, жаждущий справедливости и возмездия. Логическим завершением предания становится ключевая мысль о том, что народ не забыл славу Пугача несмотря на то, что тот пал жертвой царских войск.

В исторических песнях народ сопереживает пугачевскому движению, величает его предводителя царем:

«Пугачев патша бар дилэр,
Постау бишмэтлэре тар дилэр». –
«Говорят, что есть царь Пугачев,
Говорят, что плисовый бешмет ему мал» (здесь и далее перевод наш. – И. Ф.);
«Пугачев патшаны күрсэн иден,
Алларынан буй бөгеп узса иден». –
«Увидеть бы царя Пугачева,
Пройти бы перед ним с поклоном».

Предания представляют ценность не только в художественном, но и в историческом отношении как отображение исторических событий в народном сознании.

После Пугачевского бунта все, что связано с этими событиями, находилось под запретом. Он же касался и фольклора, нельзя было упоминать даже имя этого человека. Несмотря на это, народ сумел сохранить предания и песни о бунте и его предводителе. Нужно сказать, что более поздние образцы фольклора, связанного с пугачевскими восстаниями, в основном посвящены истории

возникновения топонимов, например предание «Гонцы Пугачева» [12, с. 87].

В преданиях указываются причины бунта, в основном это тяжелая жизнь простых людей. Предания сохраняют дух тех событий, которые пронесли через века состояние и судьбу народов Поволжья, большую часть из которых составляли татары.

Исторические предания и песни сохранили образ Емельяна Пугачева. Если в одних преданиях Пугачев является заступником, защищающим интересы простого народа, справедливым правителем, то в других он изображается самозванцем, преступником. В то же время в преданиях татарский народ очень осторожно подходит к его идентификации.

В татарском фольклоре образ Емельяна Пугачева является довольно противоречивым. Однако, несмотря на достоинства и недостатки данной личности, народ изображает его с уважением, признавая силу и харизму, в то же время сквозь описание бытовых событий он раскрывается прежде всего как Человек, как личность, способная на гуманные поступки. Исследование исторических преданий, посвященных пугачевским событиям и народным волнениям, в целом может восполнить пробелы в изучении истории народов Волго-Уралья, внести существенные штрихи в формирование образов ключевых личностей разных эпох и позволяет дать объективную оценку государственной политике, проводимой в национальных регионах России.

Список источников

1. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, ред. и прим. А. Н. Лозановой. М.-Л.: Academia, 1935. 418 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/fb2/pesni-i-skazaniya-o-razine-i-pugacheve_RuLit_Me_380213.fb2.zip#2 (дата обращения: 06.05.2024).
2. Саратовские губернские ведомости. 1860. № 14 (2 апр.) URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012614701?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 08.04.2024).
3. Казан тарихы турында (Халык сөйләве буенча) / Тәварих Казан. Бәет шәһре Казан. Аксак Каратун, Пугачау һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр / жыючы К. Насыйри. Моңарчы басылмаган әсәрләр һәм 100 еллык бәйрәм материаллары. Казан: Татдәүнәш, 1926. Б. 19–30.
4. Иванов Н. С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // СПб. Ч. 29. 1850. С. 21–25.
5. Бикчәнтәй бабай: Пугач хакында Каргалы легендасы / Язып алучы Сәгыйдә З. // Шура. 1915. № 12. Б. 2–3.
6. Древняя татарская литература (на татарском языке) // СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы

Тел, әдәбият һәм тарих институты. Казан: Татарстан китап нәшрияты. 1963. Б. 431–436.

7. Пушкин А. С. История Пугачевского бунта. М.: Издательство АСТ, 2023. 288 с. Примечания № 73, № 128.

8. Мухаматнуров С. З. Изображение исторических личностей в преданиях // Поэтика татарского фольклора. Сборник статей / Составитель и отв. редактор Х. Ш. Махмутов. Казань. 1991. С. 93.

9. Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 1911. Вып. 6. Т. XXVI. С. 602.

10. Гыйләҗетдинов С. М. Крестьян чыгышлары турында татар тарихи риваятьләре (XVI йөзгәчә икенче яртысы – XVIII йөзгәчә) // Борынгы татар фольклоры мәсьәләләре. Казан, 1984. Б. 77–80.

11. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / кол. авт. Академия наук СССР, Институт истории СССР, Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Центральный государственный архив древних актов; сост. А. И. Аксенов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. 523 с.

12. Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С. М. Гыйләҗетдинов; фәнни редакторы Х. Ш. Мәхмүтов. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. Б. 87.

Библиографический список

1. Ибрагимов Н. Ф. Образ благородного разбойника в татарских преданиях // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. С. 98–100.
2. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. I / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 588 с.
3. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. II / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 512 с.
4. Мавродин В. В. Крестьянская война в России 1773–1775 годов. Восстание Пугачева. Т. III / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 488 с.
5. Соколова В. К. Русские исторические предания // Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1970. 286 с.
6. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татар. китап. нәшр., 1984. 1 т. 567 б.
7. Фазлетдинов И. К. Тарих кайтавазы – риваять. XVI–XIX гасырлардагы зур тарихи вакыйгаларның Башкортстан татарлары риваятьләрендә чагылышы: уку кулланмасы / җаваплы мөхәррир Ә. М. Сөләйманов. Уфа: БДУ нәшрияты, 2007. 111 б.

References

1. *Pesni i skazaniya o Razine i Pugacheve* (1935) [Songs and Tales about Razin and Pugachev]. Vstup. stat'ya, red. i prim. A. N. Lozanovoi. 418 p. Moscow-Leningrad, Academia, URL: <https://www.rulit.me/data/>

programs/resources/fb2/pesni-i-skazaniya-o-razine-i-pugacheve_RuLit_Me_380213.fb2.zip#2 (accessed: 06.05.2024). (In Russian)

2. *Saratovskie gubernskie vedomosti* (1860) [Saratov Provincial Gazette]. No. 14 (2 apr.) URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BI_BL_A_012614701?page=1&rotate=0&theme=white (accessed: 08.04.2024). (In Russian)

3. *Kazan tarikhı turynda (Khalyk söläve buencha)* (1926) [About the History of Kazan (According to What People Have to Say)]. Təvarikh Kazan. Bəet shəhre Kazan. Aksak Karatun, Pugachau həm Ishbulat mulla khakynda rivayat'lər; juyuchy K. Nasyiri. Mönarchy basylmagan əsərlər həm 100 ilyk bəirəm materiallary. Pp. 19–30. Kazan, Tatdəynəsh. (In Tatar)

4. Ivanov, N. S. (1850). *Svedeniya o gorode Menzelinske i ego okruge* [Information about the City of Menzelinsk and Its District]. St. Petersburg. Ch. 29, pp. 21–25. (In Russian)

5. *Bikchəntəi babai: Pugach khakynda Kargaly legendsy* (1915) [Grandpa Bikchantai: The Legend of Kargaly about Pugach]. Yazyp aluchy Səgyidə Z. Shura. No. 12, pp. 2–3. (In Tatar)

6. *Drevnyaya tatarskaya literatura (na tatarskom yazyke)* (1963) [Ancient Tatar Literature (in Tatar)]. SSSR Fənnər akademiya Kazan filialy Tel, ədəbiyat həm tarikh instituty. Pp. 431–436. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)

7. Pushkin, A. S. (2023). *Istoriya Pugachevskogo bunta* [History of the Pugachevsky Rebellion]. 288 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Primechaniya No. 73, No. 128. (In Russian)

8. Mukhamaturov, S. Z. (1991). *Izobrazhenie istoricheskikh lichnostei v predaniyakh* [Images of Historical Figures in Legends]. Poetika tatarskogo fol'klora. Sbornik statei. Sostavitel' i otv. redaktor Kh. Sh. Makhmutov. P. 93. Kazan'. (In Russian)

9. Nikol'skii, N. V. (1911). *Kratkii konspekt po etnografii chuvash* [A Brief Synopsis of Chuvash Ethnography]. Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Vyp. 6. T. XXVI, p. 602. Kazan'. (In Russian)

10. Gyləjətdinov, S. M. (1984). *Krest'yan chygyshlary turynda tatar tarikhı rivayat'ləre (XVI iəzneñ ikenche yartysy – XVIII iəzlər)* [Tatar Historical Legends about Peasant Origins (second half of the 16th–18th centuries)]. Boryngy tatar fol'klory məs'ələləre. Pp. 77–80. Kazan. (In Tatar)

11. *Dokumenty stavki E. I. Pugacheva, povstancheskich vlastei i uchrezhdenii. 1773–1774 gg.* (1975) [Papers from E. I. Pugachev's HQ, Those of Rebel

Authorities and Institutions. 1773–1774]. Kol. avt. Akademiya nauk SSSR, Institut istorii SSSR, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR, Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov; sost. A. I. Aksenov, R. V. Ovchinnikov, M. F. Prokhorov. 523 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. *Tatar khalyk iəçaty. Rivayat'lər həm legendalar* (1987) [Creativity of the Tatar People. Myths and Legends]. Tomny təzyche, keresh məkalə həm iskərmələrne yazuchy S. M. Gyləjətdinov; fənni redaktory Kh. Sh. Məkhmytov. P. 87. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)

Bibliography

1. Ibragimov, N. F. (1976). *Obraz blagorodnogo razboinika v tatarskikh predaniya* [The Image of a Noble Robber in Tatar Tales]. Materialy IV konferentsii molodykh nauchnykh rabotnikov. Pp. 98–100. Kazan'. (In Russian)

2. Mavrodin, V. V. (1961). *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva*. [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising. Vol. I]. T. I. Otv. red. V. V. Mavrodin. 588 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

3. Mavrodin, V. V. (1966). *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva* [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising]. T. II. Otv. red. V. V. Mavrodin. 512 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

4. Mavrodin, V. V. (1970). *Krest'yanskaya voina v Rossii 1773–1775 godov. Vosstanie Pugacheva*. [The Peasant War in Russia in 1773–1775. The Pugachev Uprising]. T. III. Otv. red. V. V. Mavrodin. 488 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

5. Sokolova, V. K. (1970). *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian Historical Traditions]. V. K. Sokolova. Akademiya nauk SSSR, Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. 286 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

6. *Tatar ədəbiyatı tarikhı* (1984) [The History of Tatar Literature]. Tom 1. 567 p. Kazan, Tatar. kitap. nəshr. (In Tatar)

7. Fazletdinov, I. K. (2007). *Tarikh kaitavazy – rivayat'. XVI–XIX gasyrlardagy zur tarikhı vakyigalarnyñ Bashkortstan tatarlary rivayat'lərendə chagylyshy: uku kullannasy* [The Echo of History is a Tradition. Reflection of Major Historical Events of the 16th–19th Centuries in the Traditions of the Bashkortostan Tatars: a Text-book]. Жавapлы мөkhərrire Ə. M. Sələimanov. 111 p. Ufa, BDU nəshriyatı. (In Tatar)

The article was submitted on 15.05.2024

Поступила в редакцию 15.05.2024

Фазлутдинов Ильназ Ильдусович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fazl97@mail.ru

Fazlutdinov Ilnaz Ildusovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fazl97@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-220-225

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОЖИВАНИЯ ТЕЛОСНОГО В РОМАНЕ «НА БЕРЕГУ» И. МАКЬЮЭНА

© Рушана Файзуллина

NATIONAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE CORPOREALITY IN THE NOVELLA “ON CHESIL BEACH” BY I. MCEWAN

Rushana Faizullina

This article studies the national and psychological aspects of corporeality in the novella “On Chesil Beach” (2007) by I. McEwan. The research identifies the existence of national specificity of the bodily and finds ways to convey this in literature. The main themes of the novella are the prohibition of a frank conversation about sexual anxieties, the difference of temperaments and the motif of shame. The novella presents the “borderline” era of English society in the 1960s, the time when ignorance of one’s body and naïveté negatively affected human destinies. The awareness of one’s own physicality due to contact with the body of the Other is an essential aspect of the novella. We have established that I. McEwan demonstrates the impact of the national and psychological aspects on the bodily relationships of the characters in his novella “On Chesil Beach”. The characters’ isolation, their inability to interact with the Other, is part of the national character: I. McEwan’s characters live their lives “from within”, each of them is focused only on themselves and on their own feelings. Due to the Puritanical upbringing and the entire English system of values, the characters are unable to interact with the body of the Other, which entails difficulties in their relationships.

Keywords: national aspect, Victorianism, corporeality, trauma, McEwan, “On Chesil Beach”

Данная статья посвящена изучению национального и психологического аспектов проживания телесного в романе «На берегу» («On Chesil Beach», 2007) И. Макьюэна. Исследование направлено на выявление существования национальной специфики телесного и поиск способов передачи этого в литературе. Главными темами романа являются запрет на откровенный разговор о сексуальных тревогах, разница темпераментов и мотив стыда. В романе представлена «пограничная» эпоха английского общества 1960-х гг., время, когда незнание своего тела и неискренность негативно отразились на человеческих судьбах. Осознание собственной телесности вследствие соприкосновения с телом Другого представляет собой существенный аспект романа. Установлено, что в романе «На берегу» И. Макьюэном продемонстрировано воздействие национального и психологического аспектов на телесные взаимоотношения героев. Закрытость героев, их неспособность к взаимодействию с Другим является частью национального характера: персонажи И. Макьюэна проживают свою жизнь «изнутри» себя, каждый из них сосредоточен только на себе и на собственных чувствах. В связи с пуританским воспитанием и всей английской системой ценностей в целом герои не в состоянии взаимодействовать с телом Другого, что влечет за собой трудности в отношениях.

Ключевые слова: национальный аспект, викторианство, телесность, травма, Макьюэн, «На берегу»

Для цитирования: Файзуллина Р. Национальный и психологический аспекты проживания телесного в романе «На берегу» И. Макьюэна // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 220–225. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-220-225

Проблемы телесности в литературе на сегодняшний день являются релевантными, однако малоизученными. Специфика телесной травмы ранее уже рассматривалась в отечественном ли-

тературоведении, в частности в работах Л. Ф. Хабибуллиной «Иен Макьюэн: метамодернизм или новый облик реализма» [1], «Психологическая травма в романах И. Макьюэна („Суб-

бота“, „Чизил-Бич“) [2], О. А. Джумайло «Английский исповедально-философский роман 1980–2000» [3], А. И. Макарова и А. А. Тороповой «Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме» [4], однако национальному аспекту переживания этой травмы, на наш взгляд, было уделено мало внимания, поэтому мы считаем, что такое исследование будет весьма своевременным.

1960-е гг. – это эпоха революций и перемен не только в политике, но и в обществе и культуре во всем мире. Изменения, начавшиеся в США и Великобритании, распространились на континентальную Европу и другие части земного шара. Этот период был революционным временем, изменившим образ жизни, поведение молодежи; эпохой, преобразившей социальные и моральные нормы. Это время характеризуется ослаблением социальных табу, а также является поворотным моментом для английского общества, социально-культурным переходом от прошлой эпохи к новой, революционной. Перемены возникли как реакция на 1950-е гг.: на их консерватизм и жесткие моральные ценности. Несмотря на разрыв во времени, на этот период большое влияние оказала викторианская эпоха – определенная идеология, образ мыслей и жизни, комплекс нравственных и этических установлений, свидетельствующих о благополучном развитии английского общества. В эссе «Быть англичанином, а не британцем» (1964) Дж. Фаулз сравнивает англичан и их национального героя Робин Гуда, который, столкнувшись с выбором – смириться с несправедливостью или уйти в леса, выбрал скрыться среди деревьев. Писатель подчеркивает особенность английского менталитета, которая заключается в «уходе в метафорические зеленые леса, в способности укрыться за маской, симулирующей согласие, когда мы не согласны, улыбаться, когда мы испытываем ненависть» [5, с. 151]. Запреты викторианской эпохи были обусловлены христианской системой ценностей: аборт был запрещен законом, о заболеваниях, передающихся половым путем, не было никакой информации, многие из таких запретов сохраняются вплоть до середины XX в. Брак рассматривался как единственный способ достижения независимости, как путь к взрослой жизни и сексуальным отношениям. От мужчины ждали доминирования, в то время как женщине предписывалась более пассивная роль. Место женщины было дома, а единственной задачей было вступление в брак и продолжение рода. Следовательно, именно в этом контексте проявляется разрыв между 1950-ми и 1960-ми гг. Шестидесятые годы характеризовались многими радикальными достижениями:

сексуальная революция, феминистское движение, Закон об абортах (1967), Закон о гражданских правах (1964), Закон о реформе бракоразводного процесса (1969) и т. д. Именно из-за влияния викторианской эпохи Англия в нравственном отношении отставала от США, где сексуальная революция уже началась, и от Франции, где сексуальные отношения всегда переживались несколько по-иному.

Камерный роман «На берегу» реалистично представляет перемены в британском обществе 1960-х гг. В одном из своих интервью Макьюэн говорит о том, что ставил перед собой задачу показать в своем романе «переход от невинности к опыту или от детства к взрослой жизни» [6]. Повествование писателя включает в себя как старую, так и новую точки зрения, а также последствия их столкновения. 1960-е гг. рассматриваются как рубеж, поворотный момент в социальном и политическом развитии Англии. Действие романа разворачивается на протяжении двенадцати часов, в течение которых молодожены Флоренс Пойнтинг и Эдуард Мейхью безуспешно пытаются укрепить свои отношения. Структурно роман разделен на три ключевых момента: ужин, первая брачная ночь и финал на пляже, где герои ссорятся и завершают свои отношения. Первая строчка определяет основную проблему романа:

«Они были молодыми, образованными, оба девственниками в эту их первую брачную ночь и жили в то время, когда разговор о половых затруднениях был невозможен» [7, с. 9].

Эта фраза демонстрирует, как общество подавляло и контролировало экономические, моральные и классовые факторы, которые, в свою очередь, вторгались в частную жизнь. Несмотря на то что герои любят друг друга, они являются представителями общества, которое не подготовило их к исполнению обязанностей супружеской пары. Осознание собственной телесности вследствие соприкосновения с телом Другого представляет собой существенный аспект романа. Столкновение как с собственным телом, так и с телом Другого становится для протагонистов романа травмирующим опытом. Автор контекстуализирует реакции героев, указывая на репрессивную историческую эпоху, и фокусируется на их субъективных переживаниях относительно близости посредством усиленных образов, которые эмоционально передают читателю ощущения омерзения или тревоги. В частности, в описании их свадебного ужина Макьюэн акцентирует внимание на деталях, которые вызывают

тошноту, проводя аналогию с отвращением Флоренс в спальне, когда Эдуард ее целует:

«Они поцеловались, и она сразу почувствовала его язык – напряженный и сильный, он пролез между ее зубами, как невежа, протискивающийся в комнату. Вошел в нее. А ее язык с инстинктивной брезгливостью отодвинулся, сложился, предоставив еще больше места Эдуарду» [Там же, с. 39].

Эдуард и Флоренс представляют собой не только результат их послевоенного традиционного образования, но и личных внутренних переживаний: проблемные отношения Флоренс с родителями, эмоциональное отсутствие матери у Эдуарда. Роман «На берегу» основан на наложении частных и исторических дилемм и ставит под сомнение понятие субъективного восприятия. Флоренс страдает не только от недостатка опыта, но и отсутствия поддержки – героиня не может ни с кем поделиться личными переживаниями, поэтому она остается в полном одиночестве, наедине со своими проблемами. Вследствие этого она обращается к другим источникам информации – руководству для молодоженов. Макьюэн описывает негативную реакцию Флоренс, которая проявлялась даже через телесные ощущения героини. Она воспринимает физиологические проявления, названия органов и даже отдельные слова и выражения как нечто недопустимое:

«<...> фразы оскорбляли ее интеллект – в особенности касающиеся „вхождения“: „перед тем, как он входит в нее“, или „теперь, когда он наконец вошел в нее“, или: „радостно войдя в нее“. Она что, обязана в эту ночь стать какой-то калиткой или гостиней, через которую он прошествует?» [Там же, с. 15].

Флоренс использует формальные термины для описания тела Эдуарда и близости в целом. По словам Л. Ф. Хабибуллиной, «каждая телесная реакция описывается в романе очень подробно, при этом взаимонепонимание растет по мере телесного сближения героев» [1, с. 250]. И Флоренс, и Эдуард демонстрируют свою неопытность и неосведомленность в сексуальных вопросах, это ограничивает героев и не позволяет им говорить о собственных чувствах и тревогах, что и превращает их первую брачную ночь в катастрофу.

Тем не менее предыстория у главных героев романа общая: они родились в 1940 г. и их родители относятся к поколению, которое пережило мировую войну и экономическую депрессию. Это отражается на сексуальном темпераменте героев: у Эдуарда довольно высокое либидо, в то

время как Флоренс демонстрирует признаки асексуальности, не испытывая совершенно никакого полового влечения. Л. Ф. Хабибуллина пишет: «Эта классическая схема взаимодействия двух субъектов, один из которых должен принять роль объекта (желания или добровольного отказа от желания) и становится источником травмирующего опыта для героев романа» [Там же, с. 249–250]. Макьюэн подчеркивает положение женщин в обществе 1960-х – они должны были «служить своим мужьям», в финальных сценах романа Флоренс гневно говорит Эдуарду:

«Ты все время на меня давишь, давишь, чего-то хочешь от меня. Мы не можем просто побыть вместе. Просто быть счастливыми. Это постоянное давление. Ты все время хочешь чего-то еще. Какое-то бесконечное вымогательство» [7, с. 160].

Роман Эдуарда и Флоренс разворачивается в промежутке между представлениями прошлого поколения и надвигающейся волной сексуальной революции. Отвращение Флоренс объясняется наивностью и чрезвычайным целомудрием эпохи, предшествовавшей сексуальной революции.

Герои романа являются жертвами системы пуританских ценностей, которая господствовала в Англии до 1960-х гг., они в некоторой степени «последние в своем роде», поскольку их свадьба состоялась летом 1962 г. Данная система ценностей воплощается в условностях, поведении героев и их мировоззрении, как объясняет Эдуард: «никаких сомнений быть не могло: чтобы переспать с любой из них <девушкой>. – Р. Ф.>, надо было жениться» [Там же, с. 47], запрет на выполнение определенных действий, например мужчине нельзя было гулять с детской коляской: «в то время это еще считалось унижительным» [Там же]. Макьюэн объясняет отсутствие коммуникации между Флоренс и Эдуардом эпохой и ее репрессивными законами, указывая на то, что главной причиной, по которой Флоренс и Эдуард не смогли наладить взаимодействие, – это консервативное воспитание и пуританская среда, в которой они выросли:

«А что им препятствовало? Их индивидуальности и прошлое, их неосведомленность и страх, робость и щепетильность, неуверенность в своих правах, отсутствие опыта и непринужденности, остатки религиозных запретов, английское воспитание, сословная принадлежность и сама история» [Там же, с. 110].

Английское воспитание подразумевает строгость, системность и закрытость, на что и обращает внимание Макьюэн – на замкнутость жизни героев, что отражается и в особенностях хроно-

топа. Изолированность героев, их неспособность к взаимодействию с Другим является частью национального характера, частью индивидуализации своей жизни, частью такого проживания жизни, это то, что Дж. Фаулз как раз называл «уйти в леса» – стремлением замкнуться в рамках не просто национальной, а своей собственной системы ценностей. У Макьюэна это очень хорошо показано – его персонажи проживают свою жизнь «изнутри» себя, каждый из них сосредоточен только на себе и на собственных чувствах. Переживания героев в романе являются частью национального, ярким проявлением национального характера. Писатель демонстрирует столкновение ценностей героев в финальной сцене романа, когда Флоренс предлагает Эдуарду новый формат партнерства – свободные отношения по причине собственной асексуальности и невозможности удовлетворить его потребности. Герой только спустя много лет осознает значение и смелость ее предложения, однако во время ссоры Эдуард обвиняет Флоренс, следуя викторианским ценностям, и транслирует идею о том, что женщина должна быть во всем покорной. О. А. Джумайло подчеркивает: «Фатальное для героев непонимание, по Макьюэну, лежит в неспособности Эдуарда принять индивидуальную природу Флоренс и в глухоте к ее великодушию» [3, с. 116]. Викторианские ценности подразумевают патриархальные порядки, подавление сексуальности, строгую мораль и адаптацию под общественные стандарты, что и демонстрирует в данной ситуации Эдуард.

Особенностью авторского стиля является использование пространственных символов: пляж отражает разлуку героев, это единственное место, где они откровенны друг с другом. Их ссора становится моментом невероятной близости, большей, чем то, что они испытывали ранее. Сцена на пляже служит заключительным актом семейной трагедии Эдуарда и Флоренс. Пролив для Эдуарда становится еще одним «противником», поскольку безразличное спокойствие Ламанша воплощает для него невозможность понять и услышать Флоренс и является символом разделения героев. Сам образ моря заключает в себе различные состояния, которые проживают герои на протяжении всего романа: переход от невинности к опыту, пик антагонистических чувств к оппоненту, которого невозможно победить, будь то непознаваемость Другого или в конечном счете ощущение собственной смертности. Пространство романа акцентирует специфически английское островное пространство, подчеркивающее изолированность каждого англичанина.

Другой проблемный аспект романа заключается в воспитании героев и их социальном статусе, которые описываются на протяжении всего повествования с помощью ретроспекции и всезнающего рассказчика, который переключается между сознанием обоих молодых людей и показывает ситуацию со всех сторон. Макьюэн изображает главных героев не только типичными для своего времени, но и индивидуальными, формирующими свою собственную историю. Флоренс и Эдуард являются представителями разных социальных слоев, у них отличаются как личные интересы, так и темперамент. Социальные различия так существенны именно в Англии: например, Эдуард всеми силами пытается скрыть, что семья Флоренс, их жизненный уклад совсем не вызывают его восхищения:

«Он полагал, что так живут все оксфордские преподаватели, и не хотел показывать, что это производит на него впечатление» [7, с. 135].

Действительно, образ жизни Флоренс полностью отличается от образа жизни Эдуарда: героиня живет в готической вилле и является одаренной скрипачкой, активно развивающей собственную карьеру в струнном квартете. Автором противопоставляется ее плавность, сила и решительность движений во время занятий музыкой и телесная неуклюжесть и неуверенность в обычной жизни. Неискушенность Флоренс в телесных контактах является следствием ее воспитания и отношения с семьей: неловкость в общении с отцом, недостаток тактильных контактов и постоянное недопонимание с матерью [Там же, с. 58–59, 64–65]. Для Эдуарда, который, в свою очередь, живет в «неопрятном домишке на Чилтернских холмах» [Там же, с. 45], влюбленность во Флоренс неразрывно связана с атмосферой ее дома. Эдуард привыкает к удовольствиям и комфорту, которые он получает в результате отношений с Флоренс, и в некоторой степени начинает воспринимать это как само собой разумеющееся. Макьюэн отмечает разницу и в их музыкальных предпочтениях: посвящая себя классической музыке, Флоренс не мыслит своей жизни вне квартета. Пластинки Чака Берри, «Битлз» и «Роллинг Стоунз», которые так нравятся Эдуарду, совсем не впечатляют ее.

Можно резюмировать, что Макьюэн демонстрирует влияние национального, исторического и психологического аспектов на специфику переживания телесного, телесных взаимоотношений персонажей. Невозможность взаимодействия с Другим как с телом для героев – это не только результат викторианского, пуританского воспи-

тания, но и всей английской системы ценностей в целом, для которой индивидуальная жизнь, неприкосновенность частной жизни и собственности стоит на первом месте.

Список источников

1. Хабибуллина Л. Ф. Иен Макьюен: метамодернизма или новый облик реализма // Два века английского романа: коллективная монография. К 70-летию профессора Б. М. Проскурнина. СПб.: Издательство «Маматов», 2021. С. 246–261.
2. Хабибуллина Л. Ф. Психологическая травма в романах Й. Макьюэна («Суббота», «Чизил-Бич») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 308–318.
3. Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000: дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 2014. 395 с.
4. Макаров А. И., Торопова А. А. Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 16–26.
5. Фаулз Дж. Кротовые норы. М.: ЭКСМО, 2021. 256 с.
6. Ian McEwan's 'On Chesil Beach' // Author's Interviews NPR. URL: <https://www.npr.org/2007/06/01/10582223/ian-mcewans-on-chesil-beach> (дата обращения: 26.05.2024).
7. Макьюэн И. На берегу. М.: Эксмо, 2018. 192 с.

Библиографический список

1. Файзуллина Р. А. Проблемы гендерной идентичности в романе «Осиная фабрика» Й. Бэнкса // Филология и культура. Philology and Culture. Казань, 2022. № 3 (69). С. 168–173.
2. Фаулз Дж. Аристос. СПб.: АСТ, 2008. 352 с.
3. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Эксмо, 2021. 224 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 416 с.
5. Bentley N. Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.

References

1. Khabibullina, L. F. (2021). *Ien Mak'yuen: metamodernizma ili novyi oblik realizma* [Ian McEwen:

Metamodernism or the New Face of Realism]. Pp. 246–261. Dva veka angliiskogo romana: kollektivnaya monografiya. K 70-letiyu professora B. M. Proskurnina. St. Petersburg, izdatel'stvo "Mamotov". (In Russian)

2. Khabibullina, L. F. (2020). *Psikhologicheskaya travma v romanakh I. Mak'yuen* ("Subbota", "Chesil-Beach") [Psychological Trauma in the Novels of I. McEwan ("Saturday", "On Chesil Beach")]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. No. 65, pp. 308–318. Tomsk. (In Russian)

3. Dzhumailo, O. A. (2014). *Angliiskii ispovedal'no-filosofskii roman 1980–2000: diss. ... dokt. filol. nauk.: 10.01.03.* [English Confessional and Philosophical Novel 1980–2000: Doctoral Thesis]. Rostov-on-Don, Yuzhnyi federal'nyi universitet, 395 p. (In Russian)

4. Makarov, A. I., Toropova, A. A. (2016). *Otchuzhdennye tela: traktovka koncepta telesnosti v postmodernizme* [Alienated Bodies: Interpretation of the Concept of Physicality in Postmodernism]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Volgograd. Seriya 7. Filosofiya, sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. No. 4(34), pp. 16–26. (In Russian)

5. Fowles, J. (2021). *Krotovye nory* [Wormholes]. Per s angl. I. Togoeva. Moscow, EKSMO. (In English)

6. Ian McEwan's 'On Chesil Beach'. Author's Interviews NPR. URL: <https://www.npr.org/2007/06/01/10582223/ian-mcewans-on-chesil-beach> (accessed: 26.05.2024). (In English)

7. McEwan, I. (2018). *Na beregu* [On Chesil Beach]. Per. s angl. V. Golyshchev. 192 p. Moscow, Eksmo. (In English)

Bibliography

1. Bentley, N. (2008). *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. 245 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
2. Faizullina, R. A. (2022). *Problemy gendernoi identichnosti v romane "Osinaya fabrika" I. Benksa* [Gender Identity Issues in "The Wasp Factory" by I. Banks]. Filologiya i kul'tura. Kazan. No. 3(69), pp. 168–173. (In Russian)
3. Foucault, M. (2023). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Per. s franc. V. Naumov. 416 p. Moscow, Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh". (In French)
4. Fowles, J. (2008). *Aristos* [The Aristos]. Per s angl. I. M. Bessmertnaya. 352 p. St. Petersburg, AST. (In English)
5. Freud, Z. (2021). *Ocherki po psihologii seksual'nosti* [Essays on the Theory of Sexuality]. Per. s nem. A. Vyakhirev, I. Polyakov. 224 p. Moscow, Eksmo. (In German)

The article was submitted on 27.05.2024

Поступила в редакцию 27.05.2024

Файзуллина Рушана Альфредовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанское высшее танковое командное
училище,
420059, Россия, Казань,
Оренбургский тракт, 6.
rurinch@mail.ru

Faizullina Rushana Alfredovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Higher Tank Command School,

6 Orenburgskiy Trakt,
Kazan, 420059, Russian Federation.
rurinch@mail.ru

УДК 821.111 (73)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-226-232

ДРУГОЙ В РОМАНЕ «МАЛЬЧИК-ОБЕЗЬЯНА» ФРАНЦИСКО ГОЛДМАНА

© Татьяна Хацкевич

THE OTHER IN THE NOVEL “MONKEY BOY” BY FRANCISCO GOLDMAN

Tatiana Khatskevich

This article discusses the “identity” theme in the novel “Monkey Boy” by Francisco Goldman; the author has an unconventional approach to the image creation as he considers the identity to be a complicated multidimensional phenomenon. The research is aimed at exploration of the hybrid-type identity in the novel. There are some issues connected with the analysis of that kind of character. The first aspect is to understand whether there is the core part of identity; the next point is to clarify the process of accepting identity and the last aspect is to enumerate the factors that influence the self-identification process. The character of that identity-type can never be included into the group of Ours; he hasn’t got the feeling of “being at home”, that’s why the protagonist searches for the place of residence, which would not be connected to his national and ethnic roots. The author shows the hybrid identity through the language as there are Spanish words and phrases in the American-English text. The non-linear narration helps the readers to observe the stages of self-identification, to analyze the traumatic memories and the process of getting over these experiences. The protagonist accepts different elements of his identity by interacting with the Other when he gets to know things and asks the Other questions; as a result, he develops his own way of self-identification and finds solutions to his internal problematic issues. The research of the auto-images and hetero-images is controversial since the character simultaneously belongs to both communities.

Keywords: Francisco Goldman, “Monkey Boy”, identity, Other, auto-images, hetero-images

В статье рассматривается проблема идентичности в романе Франциско Голдмана «Мальчик-обезьяна», нетривиальный подход к созданию образа заключается в исследовании автором идентичности как составного многоаспектного феномена, целью работы становится изучение гибридного типа идентичности в произведении. Рассмотрение образа героя со смешанной идентичностью ставит перед исследователем ряд проблем: во-первых, следует выяснить, существует ли ведущий элемент в самоидентификации, во-вторых, каким образом происходит осознание и принятие идентичности, в-третьих, какие факторы влияют на этот процесс. Персонаж, обладающий таким типом идентичности, как правило, никогда не может быть причисленным к группе Своих, более того, у него часто отсутствует «ощущение дома», именно поэтому он находится в постоянном поиске подходящего места жительства, не связанного ни с одной из сторон национальной и этнической идентичности. Автор проявляет гибридную идентичность на языковом уровне: в тексте романа, написанного на американском английском языке, встречаются включения испанских слов и предложений по ходу развития повествования. Нелинейное развитие сюжета позволяет читателю проследить этапы принятия персонажем собственной уникальной идентичности, проанализировать волнующие уже во взрослом состоянии неприятные воспоминания, а также процессы их проработки. Принятие главным героем различных элементов собственной идентичности происходит посредством взаимодействия с Другим; познавая, изучая, расспрашивая Другого, персонаж находит собственный путь принятия себя и получает ответы на внутренние вопросы. В таком случае гибридной идентичности сложно говорить о репрезентации или рецепции гетеро- и автообраза, в связи с тем что герой находится одновременно и внутри, и вне сообщества.

Ключевые слова: Франциско Голдман, «Мальчик-обезьяна», идентичность, Другой, автообразы, гетерообразы

Для цитирования: Хацкевич Т. Другой в романе «Мальчик-обезьяна» Франциско Голдмана // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 226–232. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-226-232

В 2022 г. в список финалистов Пулитцеровской премии был включен роман американского писателя Франсиско Голдмана (Francisco Goldman, 1954) «Мальчик-обезьяна» («Monkey Boy»), опубликованный в 2021 г. Автор также известен своими журналистскими работами и эссе, и, кроме того, Ф. Голдман занимается преподаванием литературы и творческого письма Аллена К. Смита в Тринити-колледже. Франсиско Голдман – лауреат и обладатель многочисленных престижных премий: работа «Искусство политического убийства» награждена The Index of Censorship, The WOLA / Duke Human Rights Book Award и вошла в 100 лучших книг 2007 г. согласно The New York Times и Washington Post, роман «Длинная ночь белых кур» (1992) удостоен премии Сью Кауфман, «Внутренняя цепь: хроника Мехико, 2014 г.» получил премию Premio Azul, другие романы удостоены «Пен/Фолкнер» (The Pen/Faulkner) и Международной литературной премии Дублина (IMPAC Dublin), роман «Скажи ее имя» (2011) во французском переводе получил Prix Femina Etranger [1]. Произведение «Скажи ее имя» представляет собой детальное, предельно честное исследование смерти, его часто называют мемуарами, автобиографичным романом, так как описанные события коррелируются с биографией автора [2]. Роман «Мальчик-обезьяна», аналогично произведению «Скажи ее имя», выстроен на элементах автобиографии. Рассказчика тоже зовут Франсиско, фамилия героя изменена на «Голдберг», совпадает информация о родителях: рассказчик, как и автор, живет в Бостоне, он описывает учебные годы, поездки в Гватемалу, взаимоотношения с родственниками, общение с ровесниками, кроме того, совпадает род занятий – создание художественных произведений и журналистика [3]. Повествование ведется от первого лица (главного героя Фрэнки), оно нелинейно: читателю представлен как образ юного мальчика, так и взрослого мужчины. Названиями для глав выступают названия дней недели, повествование начинается с главы «Четверг», а заканчивается главой «Воскресенье», особенности хронотопа подчеркиваются не только посредством названий глав, но и комбинированием «сложного прошлого и незаконченного настоящего» [4]. Воспоминания влияют на состояние героя в текущем времени, происходит своего рода переворот в сознании. По сюжету романа главный герой Фрэнки направляется в отчий дом, на протяжении трех дней он вспоминает о своих сложных взаимоотношениях в семье, о травле в школе и других событиях. Герой задается вопросом, остался ли он

все тем же Фрэнки или в нем многое со временем поменялось; его тревожит вопрос, что представляет собой идентичность, какие элементы она включает. Анализ ситуаций взаимодействия одного персонажа с другими в данном романе приводит к исследованию проблемы Другого. Произведение позволяет рассмотреть ее с разных сторон, одной из которых является осознание собственной идентичности через Другого. Пол Рикёр в своем исследовании «Я-сам как другой» начинает рассуждения о Другом с обращения к грамматике естественных языков, а именно – изучает этимологию местоимений на примере французского языка (рассматривая затем и другие европейские языки). Философ приходит к выводу, «что самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубинной степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна, скорее, переходит в другую, если говорить на языке Гегеля. С „как“ нам бы хотелось связать сильное значение, не только сравнения – самого себя, подобного другому, – но еще и импликацию: самого себя в качестве... другого», то есть возникает понимание себя как другого («я-сам как другой») [5, с. 18]. Осознание себя как Другого приходит к главному герою произведения «Мальчик-обезьяна», даже название романа указывает на отличия от группы Своих, сочетанием отнесенности, с одной стороны, к группе людей, с другой – расставляется акцент на отличительных чертах, которые воспринимаются как отталкивающие и отличительные. Первый случай восприятия себя как Другого касается религиозной идентичности. С первых страниц романа рассказчик возвращается к своей учебе в средней и старшей школе, размышляя о том, что он не посещает встречи выпускников, проецирует ситуации, как сложилась бы его жизнь, в том числе в сфере любви, если бы в школе его не терроризировали прозвищем «мальчик-обезьяна». Однако до этого прозвища было еще несколько, одним из самых ненавистных стало «Gols». Родилось оно нетривиально: учитель рассказывал о франках и галлах, школьники выстроили ассоциативную фонетическую цепочку, хотя и с искаженным звучанием слова «галлы», связанную с чем-то ползучим, вурдалаками, упырями. Фрэнки подхватил туберкулез в возрасте шести месяцев, поэтому внешний вид осунувшегося, худого, с впалыми глазами, лохматого мальчика соотносится с этим прозвищем. Удивителен тот факт, что когда Берт, отец главного героя, услышал крики от школьников, то выкрик «Еврей» его совсем не смутил, а вот крик «Gols» вызвал много эмоций и отец обвинил сына в отсутствии харак-

тера [6, с. 21]. Дед Фрэнки родился и жил в царской России «среди казаков и погромов» [Там же, с. 16], отец тоже родился в России, но не любит страну, это связано с антисемитизмом: в России были введены черта оседлости и процентная норма на поступление в высшие учебные заведения¹ [7]. Описанные события должны были повлиять на отношение к выкрикам «Еврей», так как в прошлом они являлись средством, чтобы указывать на не Своего, основная функция – задеть человека, оскорбить, отметить как недостойного.

Мысли Фрэнки постоянно занимают размышления о религии, возможно потому, что перед его глазами разворачиваются постоянно две противопоставленные сцены – как мама ходит в церковь на службы и водит туда детей, а отец идет в синагогу, чтобы завести знакомства в городе. С одной стороны, выбрав легкий путь, Фрэнки мог бы отказаться от той религиозной части, к которой его не приобщали, однако ему важно ее познать, именно поэтому он обращается к примерам писателей с двойной религиозной идентичностью. Исследуя идентичность других и их способ ее познания, рассказчик находит ответ для себя: благодаря изучению Другого, приходит понимание и принятие некоторых аспектов себя. Заглядывая в свою душу и спрашивая себя о возможной религиозной конверсии, Фрэнки дает себе отчет, что для него это невозможно. Однако, навеянное разговорами, в его жизни происходит постоянное обращение к образу «Христа, еврея подвергающегося гонениям и распятого на кресте» (здесь и далее перевод мой. – Т. Х.) [6, с. 276]. Наталья Гинзбург, писательница, с которой рассказчик обсуждает свои тревоги в отношении религиозной принадлежности, рассказывает о том, что, пройдя конверсию, она продолжает ощущать в себе обе идентичности. Она чувствует «единение со всеми гонимыми людьми,

именно это для нее означает быть еврейкой, хотя одновременно с этим она ощущает себя католичкой» [Там же]. Этот разговор становится ключом к принятию своей идентичности. Способ «сплавить» две идентичности в собственную прост:

«Ты можешь быть и тем, и тем одновременно. Возможно, эти проявления не всегда понятные и очевидные, может быть, заметна только одна из сторон, в то время пока другая сокрыта от взгляда и наоборот. Наталья говорила: „Я в полной мере ощущаю себя католичкой, но и абсолютно также еврейкой; мой отец еврей, как и мой муж“» [Там же].

Способность принимать и понимать многомерность, разные качества, разных людей становится сверхспособностью, неким преимуществом в жизни. Наталья Гинзбург доступно и понятно разъясняет свою позицию: «Совсем как Иисус Христос был во всех проявлениях, как человеком, так и Богом, равнозначно тому, что он был Сыном Божьим, воплотившимся в молодом еврее». Это смешение разных частей идентичности создает совершенно новую и уникальную идентичность человека.

Еще один аспект восприятия себя как Другого связан с национальной и этнической идентичностями. Детство и юношество Фрэнки прошло преимущественно в Бостоне, практически каждое лето мать отвозила их на свою родину в Гватемалу, где они навещали многочисленных родственников. В начале трехдневной поездки в родительский дом рассказчик сообщает о своей привычке говорить «еду домой», если он едет в Бостон, хотя постоянное место проживания у него теперь Мехико. Фрэнки не имел возможности познакомиться с частью своей идентичности, включающую отцовские корни. Говоря о материнской линии, следует подчеркнуть любовь и нежное отношение к Гватемале, в старости мать Фрэнки скучает по родным местам и семье, хочет увидеть любимую Гватемалу. Фрэнки также испытывает теплые чувства к этой стране, у него сохранились воспоминания о бабушкином доме в старомодном испанском колониальном стиле, где он проводил лето. Однозначно можно утверждать, что значительный период жизни главного героя в Бостоне нельзя назвать счастливым, и, возможно, поэтому Фрэнки удивляется сохранившейся привычке называть возвращения в США поездками домой. Показательным эпизодом служит ситуация выяснения личности рассказчика. Главного героя приглашают на разговор, так как получен факс, сообщающий, что писатель не является латиноамериканцем, об этом сделан вывод по имени «Фрэнк», говорящее о

¹ «Черта постоянной еврейской оседлости – часть территории Российской империи, внутри которой разрешалось постоянное проживание лиц иудейского вероисповедания (в случае перехода в христианство ограничения отменялись) и деятельность еврейских органов самоуправления и суда» (1790) [7]. Указом императрицы Екатерины II от 23.12.1791(3.1.1792) она была введена в связи с жалобами купечества из-за продажи евреями контрабанды по низким ценам. Постепенно области расширялись, некоторые города, наоборот, закрывались для проживания евреев. «Во II половине XIX века право проживания вне черты оседлости предоставлено студентам (однако для них были установлены „процентные нормы“») [Там же], то есть вводилось ограничение на количество поступивших в университет евреев.

еврейских корнях, более того, абсурдность ситуации поддерживалась еще и тем, что было озвучено школьное прозвище. Фрэнки высмеивает унижительную ситуацию фразой, что прятал личность за фамилией «Голдберг», намекая на то, что никогда не отрицал еврейских корней, что касается имени «Франциско», оно дано ему в честь деда по материнской линии, никто не слышал его в старшей школе, так как даже дома имя мальчика всегда сокращалось. Этот случай наводит рассказчика на размышления о том, что необходимо делать, чтобы быть в группе Своих, так называемых «латинос», бегать с гватемальским флагом и сообщать всем вокруг полное имя. Очевидно, что личность персонажа вбирает в себя все важные для него национальные черты: с одной стороны, Гватемала – важная страна для него, он жил там, знаком с культурными и национальными особенностями, с другой стороны, он американец, проживший большую часть жизни именно в Бостоне, и является носителем американской культуры и традиций.

Автор демонстрирует смешение идентичностей и на языковом уровне посредством использования в тексте как английского, так и испанского языков. В текст могут быть включены отдельные слова, связанные, как правило, с обозначением родственников, например «*Mamita*», «*Abuelita*», «*Tio Memo*», а иногда появляются целые предложения на испанском языке: «*Claro que si*». Согласно сюжету, главный герой заключает с матерью соглашение: когда он приезжает к ней в больницу и играет с ней в слова, то он составляет их на испанском, ей разрешено использование и английского, и испанского языков. С одной стороны, эти игры направлены на развитие памяти матери, с другой – повышение уровня владения вторым родным языком сыном, именно это важно самой матери. Не менее значимый для исследования проблемы идентичности эпизод связан с запретом использования родного языка даже дома:

«Маму вызвали в начальной школе и сказали говорить дома только по-английски, кроме того, раз в неделю меня водили на занятия по фонетике, чтобы избавиться от моего устойчивого неамериканского акцента» [Там же, с. 246].

Тем не менее мать нашла возможность сохранить языковую идентичность [8] своего ребенка, объявив воскресенье днем испанского языка: в этот день мать и сын будут проводить время вместе и общаться только на испанском языке. Условия жизни между двумя культурами показали женщине необходимость сохранения

всех элементов собственной идентичности, более того, в таком общении произошло сближение матери и сына. Мать никогда не чувствовала себя Своей в США, однако она уже больше не принадлежала и к гватемальской культуре, проживая разрыв связи с родной землей и культурой. Не смогла стать «подходящей» для Америки, хотя и прожила там много лет. Ощущение «невстроенности» в культуру преследует и Фрэнки, он будто повторяет путь матери, так как он обладает разделенной идентичностью (*divided identity*). Таким образом, гибридная [9] или множественная идентичность требует особого места для проживания, оно не должно быть связано с элементами, составляющими эту идентичность.

Необходимо отметить, что до момента понимания и принятия своей идентичности Фрэнки сложно переживает состояние неопределенности, он сам говорит о том, что хотел бы быть «ни кем/ничем», так как раздираем противоречиями в силу многоаспектности собственной разделенной идентичности. Пытаясь разобраться в своей идентичности, рассказчик обращается к опыту других людей с подобным типом идентичности, например к известным писателям или людям, окружающим его.

Следующим аспектом рассмотрения образа Другого является изучение его с точки зрения авто- и гетерообраза. В данном случае происходит столкновение с проблемой репрезентации и рецепции образа Другого и в целом национального образа [10, с. 7]. Проблема сопряжена с понятиями «стереотип» и «клише», когда приписываются некоторые характеристики группе людей, то есть создание ложного образа [Там же, с. 13]. Однако О. Ю. Поляков отмечает, что стереотипы сегодня являются составной частью идентичности, так как индивид соотносит себя с определенной группой и перенимает установки данного сообщества, а по отношению к другим группам личность составляет некоторые гетеростереотипы: «гетеростереотипы дают представления и о самой нации, их создающей: отражаясь в образе другого/чужого, она уточняет собственную идентичность» [Там же, с. 15]; таким образом, познание собственной идентичности и в этом аспекте зависит от взаимодействия с Другим. Этническая и национальная идентичность складывается во многом под влиянием общественных социальных установок, в контекст которых также включаются стереотипы. Кроме того, можно обратить внимание на взгляд изнутри общества, когда герой развенчивает те стереотипы, которыми их наделяет другой социум. Может сложиться ситуация, когда герой, наоборот, показывает проблемы, которые не очевидны для группы

Других, более того, могут быть озвучены вопросы, стереотипно воспринимающиеся решенными, хотя это прямо противоположно настоящему положению дел.

В романе «Мальчик-обезьяна» автор демонстрирует иной подход к вопросу авто- и гетеро-образа, так как в данном случае невозможно говорить о принадлежности героя только к одной культуре, одной стране. Взросление персонажа происходило в двух культурных традициях, он владеет обоими языками. Более того, говоря о гибридной идентичности, представляется невозможным иногда отделить некоторые национальные аспекты от религиозных. Принадлежащий этнически к обеим культурам, главный герой не принят ни одним из сообществ, поэтому не может перенимать стереотипы или выстраивать их в отношении каждой из стран, так как в действительности знает реальную ситуацию и изнутри общества, и смотря на него со стороны. Кроме того, и сам Фрэнки не может выбрать для себя группу Своих, так как по факту рождения и проживания в обеих странах для него являются равносильными оба элемента идентичности. Интересно сравнить позицию главного героя и его матери в американском обществе, хотя оба героя находятся в состоянии между двух культур: мать навсегда остается в обществе иммигранткой, Другой, а Фрэнки, как полноценный гражданин страны, должен быть Своим, однако этого не происходит. Примечательно, что автор намеренно показывает разницу в восприятии общества, в котором живут оба персонажа, и их право оценивать это общество, так как мать будет опираться в своей оценке на опыт, полученный при жизни в Гватемале, а у сына уже сложилось повседневное восприятие обоих мест проживания с их плюсами и минусами.

США часто образно называют плавильным котлом, подразумевая, что страна приняла разных иммигрантов, люди со всего мира переезжают туда и находят свое счастье, воплощают американскую мечту в реальность. Общепринято, что США – страна с высоким уровнем толерантности, однако главный герой романа сталкивается с другой реальностью. Фрэнки, как сказано ранее, переживает в школе буллинг, связанный с его внешними данными, мальчика постоянно обзывают «мальчиком-обезьяной», более того, его постоянно преследуют некорректные жесты со стороны сверстников. Так, например, название страны «Гватемала» заменяется «банановой страной» (*«banana land»*) [6, с. 20]), мальчику показывают оскорбительный жест (*«banana eating gesture»*) [Там же, с. 25]), так как в него вложен определенный подтекст, вслед могут вы-

крикивать звуки, имитирующие крик обезьяны (*«made screechy monkey sounds»*) [Там же]). Важно, что взрослые представители общества не реагируют и не останавливают действия, более того, даже участвуют. Еще один эпизод, демонстрирующий проявление расизма, связан с продажей дома: родители Фрэнки объявили о продаже, через несколько дней семья обнаружила петицию, положенную в почтовый ящик, подписанную соседями, они жаловались, что если семья продаст дом «неграм» [Там же, с. 31], то их собственность упадет в цене, поэтому соседи готовы предпринять любые шаги, чтобы предотвратить это. Складывается абсурдная ситуация, когда владельцы не могут самостоятельно распоряжаться собственным имуществом. Описанный случай является примером стереотипа о толерантном американском обществе. Таким образом, главный герой не поддается влиянию стереотипов ни изнутри американского общества, то есть не выстраивает определенного мнения о нем как о группе Своих (в силу собственной принадлежности к нему), ни извне, оценивая как группу Других, так как имеет свое представление о них и сталкивается с ними.

Значимо размышление о том, стал бы Бостон лучше, если бы с людьми, приехавшими из Центральной Америки, общались должным образом. Сначала, будучи иммигрантом, мать боится развивать данную тему и критиковать страну, принявшую ее семью, однако затем она все-таки добавляет, что депортировать людей, нашедших работу, тех, у кого маленькие дети, зависящие от этой работы, не представляется ей лучшим решением [Там же, с. 117]. Интересны умозаключения об обществе в целом: мать Фрэнки рассуждает о том, что иммигрантов «латинос» в стране совсем не уважают, за редким исключением отношение резко меняется в случае, если личность или представитель семьи добивается высоких успехов, оцененных американским обществом, тогда складывается ощущение, что страна наконец-то его принимает [Там же, с. 116]. Разговор состоялся на торжественном вечере вручения наград за литературные работы, и мать, увидев отношение американского общества к сыну, готова «простить» страну за обиды и унижения, пережитые в Америке за эти годы, более того, она даже готова принять гражданство, которое никогда не хотела получить, так как гордилась своими корнями. Главный герой, находясь между двух культур и стран, как и мать, обладает другим положением, поэтому его восприятие данной ситуации кардинально отличается от материнского. Фрэнки не понимает, как можно простить такое отношение страны, тем более что

он всегда испытывал чувство гордости за мать, так как она, в отличие от большинства иммигрантов, никогда не хотела получить гражданство США.

Ситуация выяснения гватемало-американской идентичности, описанная ранее, подтверждает неоднозначное отношение к происхождению и национальности, толерантное общество никогда не задается вопросом происхождения, если сам автор не настаивает на определенном собственном позиционировании.

Однако главный герой так же адекватно оценивает ситуацию в гватемальском обществе. Например, следует обратить внимание на эпизод в гватемальской школьной библиотеке. Книги в этой библиотеке классифицируются непременно согласно этническому происхождению и расе, полки обозначаются подписями «Негры», «Евреи» [Там же, с. 270], хотя при этом не было обозначений азиатских авторов или этнических американцев. В тексте романа встречается еще одно значимое событие, дающее дополнительную информацию об обществе. Фрэнки узнает об африканском происхождении прабабушки: «Мать бабушки была черной, это было большим секретом в нашей семье» [Там же, с. 211], мама запретила говорить о прабабушке, боясь, что сын напишет об этом в одной из своих книг, она всячески отрицает данный факт происхождения, испытывая «расистский стыд» [Там же, с. 213]. Конечно, Фрэнки совершенно по-иному относится к своим корням, он ими гордится, в том числе африканскими, и мечтает назвать дочь в честь прабабушки. Главный герой является частью двух обществ, он не склонен принимать стереотипы ни одного из обществ, что позволяет взглянуть на социум с иной стороны.

Таким образом, принятие собственной идентичности героем изображается посредством взаимодействия с Другим, персонаж создан автором с гибридной идентичностью, что влияет на выстроенный образ. Национальная и религиозная идентичности могут находиться в неразрывной связи, и самоидентификация происходит, как правило, благодаря осознанию и признанию всех составляющих идентичности без выделения каких-либо элементов в качестве ведущих. Персонажу с разделенной идентичностью необходима особая среда проживания, не связанная ни с одной из составляющих, позволяющая герою развиваться вне национальных, этнических, религиозных стереотипов и клише, которые знакомы герою в родных сообществах. Языковая идентичность требует особого внимания и развития как одна из составляющих процесса самоидентификации. С появлением героя литературного

произведения, обладающего гибридной идентичностью, становится все сложнее отнести образ персонажа к авто- или гетерообразу: как правило, данные персонажи не подвержены влиянию авто- и гетеростереотипов в силу принадлежности к разным странам и культурам одновременно.

Список источников

1. American Academy of Arts and Sciences. URL: <https://www.amacad.org/person/francisco-goldman> (дата обращения: 24.04.24).
2. Adams Tim. Say Her Name by Francisco Goldman review // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jul/24/say-her-name-francisco-goldman> (дата обращения: 24.04.24).
3. Lawrence Jeffrey. «I've embraced the outside status»: a conversation with Francisco Goldman. URL: <https://www.publicbooks.org/ive-embraced-the-outsider-status-a-conversation-with-francisco-goldman/> (дата обращения: 24.04.24).
4. Wood James. Francisco Goldman, Archivist and Alchemist of the Self. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/06/14/francisco-goldman-archivist-and-chemist-of-the-self> (дата обращения: 24.04.24).
5. Рикёр Поль. Я-сам как другой. URL: http://www.odinblago.ru/ya_sam_drugoi (дата обращения: 24.04.24).
6. Goldman Francisco. Monkey Boy. Grove Press UK, 2022. 323 p.
7. Мордовин-Залесский А. К. Черта Оседлости // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4683900 (дата обращения: 24.04.24).
8. Sung Joseph, Park Yun. Linguistic Identities [An entry for Mark Juergensmeyer and Helmut Anheier (eds.), The Encyclopedia of Global Studies, 1080–1084. Thousand Oaks: Sage. 2012. A brief overview of issues in language and identity relevant to the study of globalization]. URL: <https://jspark779.wordpress.com/2013/06/25/linguistic-identities/> (дата обращения: 24.04.24).
9. Brouge Natalia. Exploring the Benefits of a Hybrid Culture. URL: <https://getofficely.com/blog/exploring-the-benefits-of-a-hybrid-culture> (дата обращения: 24.04.24).
10. Поляков О. Ю. Имагология: учебное пособие. Киров: ВятГУ, 2015. 184 с.

References

1. American Academy of Arts and Sciences. URL: <https://www.amacad.org/person/francisco-goldman> (accessed: 24.04.24). (In English)
2. Adams, T. Say Her Name by Francisco Goldman – review. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jul/24/say-her-name-francisco-goldman> (accessed: 24.04.24). (In English)
3. Lawrence, J. “I've embraced the outside status”: a conversation with Francisco Goldman. URL: <https://www.publicbooks.org/ive-embraced-the-outsider->

status-a-conversation-with-francisco-goldman/ (accessed: 24.04.24). (In English)

4. Wood, J. *Francisco Goldman, Archivist and Alchemist of the Self*. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/06/14/francisco-goldman-archivist-and-alchemist-of-the-self> (accessed: 24.04.24). (In English)

5. Riker, P. *Ya-sam kak drugoi* [Oneself as Another]. URL: http://www.odinblago.ru/ya_sam_drugoi (accessed: 24.04.24). (In Russian)

6. Goldman, F. (2022). *Monkey Boy*. 323 p. United Kingdom, Grove Press. (In English)

7. Mordovin-Zalesskii, A. K. *Cherta Osedlosti* [Pale of Settlement]. URL: http://www.odinblago.ru/ya_sam_drugoi (accessed: 24.04.24). (In Russian)

8. Sung, J., Park, Y. *Linguistic Identities* [An Entry for Mark Juergensmeyer and Helmut Anheier (eds.). The Encyclopedia of Global Studies, 1080–1084. Thousand Oaks: Sage. 2012. A Brief Overview of Issues in Language and Identity Relevant to the Study of Globalization]. URL: <https://jspark779.wordpress.com/2013/06/25/linguistic-identities/> (accessed: 24.04.24). (In English)

9. Brouge, N. *Exploring the Benefits of a Hybrid Culture*. URL: <https://getofficely.com/blog/exploring-the-benefits-of-a-hybrid-culture> (accessed: 24.04.24). (In English)

10. Polyakov, O. Y. (2015). *Imagologiya: uchebnoe posobie* [Imagology: A Manual]. 184 p. Kirov, VyatGU. (In Russian)

The article was submitted on 07.06.2024

Поступила в редакцию 07.06.2024

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
автономная некоммерческая организация
высшего образования «Русская христианская
гуманитарная академия»
имени Ф.М. Достоевского,
191011, Россия, Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 15, литер А.
ta-ta89@mail.ru

Khatskevich Tatiana Maratovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian Christian Academy for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky,

15 Fontanka Str.,
St. Petersburg, 191011, Russian Federation.
ta-ta89@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-233-237

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ В РОМАНЕ С. КЛАРК «ДЖОНАТАН СТРЕНДЖ И МИСТЕР НОРРЕЛЛ»

© Дмитрий Чугунов

THE NATIONAL MYTH IN S. CLARKE'S NOVEL "JONATHAN STRANGE & MR NORRELL"

Dmitrii Chugunov

The purpose of this article is to study the constituent elements of the English national myth, embodied in the novel "Jonathan Strange & Mr. Norrell" by Susanna Clarke (2004). The work gained genuine success immediately after its appearance, but the reasons for this success have not been investigated to date. The literary criticism focused mainly on the way S. Clarke followed the English literary tradition associated with the names of Charles Dickens, Jane Austen, Walter Scott and other writers of the 19th century. The article traces S. Clark's skill to handle different sides of the national myth, presented in the novel, by creating characteristic images, typical forms of private and public existence, images of English ethnopsychology, etc. S. Clark introduces into the narrative the oppositions characteristic of the national myth: "we – they", "friend – foe", defining the plot conflicts. The result of this is an absolute harmony of the novel pathos with the hypostases of modern English consciousness and an artistic summation of England's place in the world, its role in human history.

Keywords: "Jonathan Strange & Mr. Norrell", S. Clarke, English national myth, English ethnopsychology, literary tradition

Целью настоящей статьи является исследование составных элементов английского национального мифа, нашедших свое воплощение в романе Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», вышедшем в 2004 году. Произведение снискало подлинный успех сразу же после появления, однако причины этого успеха до настоящего времени не были исследованы. В критике преимущественно обращалось внимание лишь на следование С. Кларк английской литературной традиции, связываемой с именами Ч. Диккенса, Дж. Остен, В. Скотта и других писателей XIX века. В статье прослеживается умелое обращение С. Кларк к тем или иным сторонам национального мифа, представленного в романе посредством создания характерных образов, типичных форм частного и общественного существования, изображения английской этнопсихологии и пр. С. Кларк вводит в повествование характерные для национального мифа оппозиции, такие как «мы – они», «свой – чужой», определяющие сюжетные конфликты. Результатом этого становится абсолютное созвучие романного пафоса ипостасям современного английского сознания, художественное подытоживание места Англии в мире, ее роли в истории человечества.

Ключевые слова: «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», С. Кларк, английский национальный миф, английская этнопсихология, литературная традиция

Для цитирования: Чугунов Д. Национальный миф в романе С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 233–237. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-233-237

Огромный роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» (2004), без преувеличения, ошеломил английских читателей. Вот одна из типичных оценок, сделанная литературным обозревателем газеты «Вашингтон пост»: «Кларк мастерски вместила в свои восемьсот страниц мир Джейн Остен, готический роман, светскую новеллу, военно-исторические при-

ключения в духе „Стрелка Шарпа“ и „Хозяина морей“, романтический байронизм и вальтер-скоттовскую страсть к героическому прошлому Севера. Есть книги, которые читаешь, книги, которые изучаешь, и книги, в которых живешь. „Джонатан Стрендж и мистер Норрелл“ – из тех книг, в которых живешь» [1].

Произведение С. Кларк стало одним из ярких примеров расцвета жанра фэнтези в литературе рубежа XX–XXI вв. В современном английском литературоведении основное внимание уделяется связи романа с литературной традицией фэнтези [2], стилистике повествования и использованию автором различных приемов художественного письма XIX в. [3], вопросам личностной и общественной эмансипации, проецируемым на настоящее [4]. Отдельно стоит указать на содержательную работу Э. Хойем, посвященную критическому отношению С. Кларк к национальной истории и постулированию ее не как незыблемой данности, а как темпорально меняющейся величины [5].

На русский язык роман был впервые переведен уже в 2006 г. Однако до настоящего времени в отечественном литературоведении появилось пока что чрезвычайно малое количество научных работ, посвященных произведению. Лишь в 2023 г. увидела свет литературоведческая статья А. А. Дружининой и Е. В. Сомовой «Готическое и романтическое в литературе транзитивных эпох (на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрэндж и мистер Норрелл»)» [6]. Прочие отклики существуют пока что на уровне частных лингвистических или культурологических штудий и газетных и журнальных рецензий увлеченных поклонников.

При этом сама специфика художественного текста С. Кларк, который неторопливо затягивает в себя читателя, заставляет погружаться в атмосферу Англии начала XIX в., позволяет сформулировать интересную исследовательскую задачу. Является ли констатация узнаваемых «предшественников» автора, имена которых легко всплывают в сознании образованного человека, основанием отнести роман С. Кларк к разряду типичных постмодернистских произведений, замешанных на множестве скрытых или явных цитат и апеллирующих к развлекательному, игровому узнаванию? Или же причина популярности книги, ее способности захватывать внимание читателя кроется в другом?

С одной стороны, сама писательница не раз свидетельствовала, что прочитанные книги сформировали ее как личность и научили различным вещам. «Я строю свою прозу на основе других прочитанных мною рассказов. Очень часто это истории, которые я читала давным-давно», – заявила С. Кларк в интервью 2021 г. [7]. Применительно к роману «Джонатан Стрэндж и мистер Норрелл» это выразилось, например, в именах двух женских персонажей, позаимствованных у Дж. Остен (Эмма Вудхаус). Имя леди По-

ул в крещении – Эмма, а фамилия жены Стрэнджа в девичестве – Вудхоуп.

Писательница блистательно воспроизвела в разных местах узнаваемую неторопливую интонацию Дж. Остен, героикку произведений Б. Корнуэлла о стрелке Шарпе, вальтер-скоттовское восхищение легендарным Севером, диккенсовскую и теккереевскую иронию и точность в передаче социальных мелочей, мистику А. Конан Дойла. Однако и новая Англия не осталась без внимания. С. Кларк заставляет невольно вспомнить Дж. Р. Р. Толкина, когда устами мистера Норрелла рассказывает о перекачивании волшебных чар в кольца, которые волшебники носили на пальцах [8, с. 263]. Точно так же вспоминается Дж. Роулинг, когда заходит речь о сосуществовании людей и эльфов на одной земле [Там же, с. 260].

С другой стороны, думается, что приложение постмодернистской модели художественного повествования к роману С. Кларк невозможно хотя бы по той причине, что подобная модель обрезает, сужает его, втискивает в прокрустово ложе игры, ценностной амбивалентности и авторского безразличия к описываемому. Это полностью противоречит самой идее произведения. Роман насыщен множеством смыслов, он подталкивает читателя к серьезным и непростым размышлениям о прошлом, настоящем и будущем. О том, что роман создавался не ради забавы или коммерческого успеха, свидетельствует длительная история его написания – около десяти лет, с 1992 по 2003 г., и, хотя речь в нем идет о двух английских волшебниках, вмешивающихся в европейскую историю наполеоновской эпохи, роман нельзя назвать развлекательным, фантастическим повествованием о вымышленном мире.

Двойная оптика авторского зрения, связанная как с актуализацией культурного багажа читателя, так и с современной оценкой и переоценкой культурных пластов прошлого, позволяет понять истинную причину популярности романа С. Кларк у читателей и высоких оценок его критиками. Писательница не просто предлагает погрузиться в придуманную историю и воспринимать ее как настоящую (настоящую, но малоизвестную, лежащую на периферии общепризнанных фактов и положений). Благодаря постоянному обращению к узнаваемому культурному материалу читатель незаметно погружается в английский национальный миф, разлитый по страницам романа. А сам роман начинает восприниматься как неотъемлемая часть легко узнаваемых представлений о материальной и духовной жизни Англии.

Формы репрезентации английского национального мифа в романе чрезвычайно многообразны.

Во-первых, С. Кларк удалось нарисовать типичные образы и ситуации английского быта, в сущности своей даже не привязанные к XIX в., а легко выходящие за пределы прошлого. Так, мы узнаем, что:

– английские джентльмены пишут статьи, выражая свое мнение по общественным вопросам [Там же, с. 129] и заседают в клубах по интересам [Там же, с. 190];

– английская юриспруденция занимается тем, что выворачивает наизнанку некогда подписанные договоры [Там же, с. 187], а само английское правосудие не только чрезвычайно разорительно для участников процессов [Там же, с. 308]¹, но вообще «справедливость светских судов чрезвычайно сомнительна» [Там же, с. 436];

– решение общественных дел часто происходит через создание некоего общественного «комитета» [Там же, с. 199];

– монархическая форма правления – священна, неслучайно мистер Норрелл ненавидит легендарного Короля-Ворона Джона Аскгласа за бунт против королевской власти [Там же, с. 250–251];

– английская монархия должна быть безупречной (явной отсылкой к правлению Елизаветы II является многозначительная фраза о том, что «принц Уэльский... бросил жену») [Там же, с. 272];

– английский джентльмен так же должен быть безупречен – даже в убийстве [Там же, с. 756]. «Разумеется, ты удивлен, но это не повод забывать о хороших манерах», – замечает эльф Стивену Блэку [Там же, с. 192];

– «традиционные занятия сельских сквайров» – это «ведение хозяйства или охота» [Там же, с. 515–516] и т. д.

Во-вторых, в романе С. Кларк откровенно представлена английская этнопсихология. Писательница где-то с восхищением, где-то с легкой иронией, а где-то и с осуждением изображает типичные реакции англичан на события окружающей жизни и других людей. Так мы узнаем, что:

– англичане обожают заключать пари, даже самые дикие, вроде того, сколько еще проживет другой человек в болезни [Там же, с. 92];

– английское общество проникнуто неизгладимым расизмом, что постоянно ощущает на себе один из главных героев – Стивен Блэк, который замечает: «Я всегда буду занятой диковинкой вроде говорящей свиньи или считающей лошади» [Там же, с. 563];

– английское общество проникнуто неизбывным снобизмом, что опять-таки хорошо заметно в отношении дворцового Стивена Блэка: «Трудно представить себе, чтобы независимые и гордые англичане признали авторитет чернокожего, если бы безотчетно не почитали в нем особу королевской крови» [Там же, с. 158];

– англичане живут по правилам, рассуждают о высоких вещах, однако считают это применимым только к своему обществу и мало относящимся ко всем прочим. Стивен Блэк показательно замечает: «Воздух Англии – воздух свободы. Англичане чрезвычайно этим горятся. „И притом владеют рабами в других странах“, – подумал он» [Там же, с. 344];

– англичане прагматичны, Эльф (джентльмен с волосами как пух) пророчит Стивену Блэку: «В Англию ты будешь заглядывать, чтобы собрать налоги и дань с побежденных народов и поместить эти средства в банк» [Там же, с. 500];

– желания английского джентльмена – всегда закон. Так, доктор Грейстил по приезде в Италию бесцеремонно вторгается в чужое жилище во время обеда: «Доктор Грейстил прибыл в Италию для того, чтобы увидеть все, что только можно увидеть в этой стране, и не понимал, с какой стати должен делать исключения для еврейских джентльменов, занимающихся своими делами в собственных домах», – замечает автор [Там же, с. 626] и т. д.

Критичность взгляда С. Кларк, направленного в прошлое, верно подмечена исследователями. Так, например, Э. Хойэм обратила внимание на одну из центральных метафор в романе – молчание целых социальных групп, никак не представленных в исторических нарративах. При помощи магии буквально лишаются права голоса женщины, цветные, бедняки [5].

В-третьих, в романе С. Кларк представлена и характерная оппозиция «мы – они», свойственная любому национальному мифу. Это:

– живущее в персонажах незыблемое ощущение, что Англия – центр мира. Так, награбленные в других странах произведения античного искусства подаются как просто «замечательные скульптуры, привозимые в Лондон из Италии, Египта и Греции». Речь идет не грабеже, а о сохранении культурного достояния от утраты в условиях варварства [8, с. 431];

¹ «В борьбе за герцогское наследство и Кер, и Иннес понесли огромные расходы» [8, с. 308]. Здесь вспоминаются не только сюжеты Ч. Диккенса, но и, например, известная судебная тяжба между Б. Березовским и Р. Абрамовичем.

– подчеркивание, что Ост-Индская компания важна для процветания английской нации, и лукавое сетование, что ее «военные отряды постоянно подвергаются нападениям со стороны индийских князьков и разбойников» [Там же, с. 593].

Оценивая авторскую позицию С. Кларк, следует заметить, что в подобных моментах она также предстает не как певец английской имперской идеи, подобный Кипплингу, а как критически настроенный гражданин XXI в., требующий справедливой оценки темных страниц прошлого и выражающий это требование через явную иронию.

В-четвертых, к числу главных лейтмотивов повествования принадлежит упоминание старой, доброй, средневековой Англии, в которой некогда правил великий волшебник Король-Ворон. По справедливому замечанию Л. Ф. Хабибуллиной, «конструирование национального мифа невозможно без „воображаемого прошлого“» [9, с. 186]. Именно по этой причине мистер Норрелл постоянно упоминает о древних обычаях и традициях английской магии. Показательно, что сами эти обычаи и традиции как таковые не описываются даже в самом общем виде, однако предполагается, что ставить их под сомнение придет в голову разве что самому темному, необразованному человеку.

Таким образом, можно подойти к выводу. Успех огромного романа С. Кларк зиждется на его абсолютной слиянности с концептосферой современного английского сознания, представленной во многих ипостасях – политической, бытовой, художественной, литературной, исторической и прочих. В свою очередь, роман, сводя их воедино, словно подытоживает роль и место Англии в человеческой истории, закрепляет существование английского национального мифа, открывая перспективу будущего, основывающегося на богатом прошлом.

Список источников

1. Dirda M. «Jonathan Strange and Mr. Norrell» // The Washington Post. 2004. 5 September.
2. Birns N. Jonathan Strange & Mr Norrell, The Magic of Sociality, and Radical Fantasy // Humanities. 2020. № 9 (4):125. URL: <https://DOI:10.3390/h9040125> (дата обращения: 19.05.2024).
3. McDonnell J. Review of Jonathan Strange & Mr Norrell // Irish Journal of Gothic and Horror Studies. 2015. № 14. P. 153–57.
4. Borowska-Szerszun S. The Interplay of the Domestic and the Uncanny in Susanna Clarke's Jonathan Strange & Mr Norrell // Crossroads: A Journal of English Studies. 2015. № 2. P. 4–12.

5. Hoiem E. The fantasy of talking back: Susanna Clarke's historical present in Jonathan Strange and Mr. Norrell // Strange Horizons. 2008. 27 October. URL: <http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/the-fantasy-of-talking-back-susanna-clarkes-histo> (дата обращения: 19.05.2024).

6. Дружинина А. А., Сомова Е. В. Готическое и романтическое в литературе транзитивных эпох (на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 11 (879). С. 137–143.

7. Finney J. The books that shaped me: Susanna Clarke // Goodhousekeeping. 2021. 17 September. URL: <https://www.goodhousekeeping.com/uk/lifestyle/editors-choice-book-reviews/a37630581/the-books-that-shaped-me-susanna-clarke/> (дата обращения: 19.05.2024).

8. Кларк С. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 864 с.

9. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Вестник ТГГПУ. 2010. № 20. С. 183–187.

References

1. Dirda, M. (2004). "Jonathan Strange and Mr. Norrell". The Washington Post. 5 September. (In English)
2. Birns, N. (2020). Jonathan Strange & Mr Norrell, The Magic of Sociality, and Radical Fantasy. Humanities. No. 9 (4), p. 125. URL: <https://DOI:10.3390/h9040125> (accessed: 19.05.2024). (In English)
3. McDonnell, J. (2015). Review of Jonathan Strange & Mr Norrell. Irish Journal of Gothic and Horror Studies. No. 14, pp. 153–157. (In English)
4. Borowska-Szerszun, S. (2015). The Interplay of the Domestic and the Uncanny in Susanna Clarke's Jonathan Strange & Mr Norrell. Crossroads: A Journal of English Studies. No. 2, pp. 4–12. (In English)
5. Hoiem, E. (2008). The Fantasy of Talking Back: Susanna Clarke's Historical Present in Jonathan Strange and Mr. Norrell. Strange Horizons. 27 October. URL: <http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/the-fantasy-of-talking-back-susanna-clarkes-histo> (accessed: 19.05.2024). (In English)
6. Druzhinina, A. A., Somova, E. V. (2023). Goticheskoe i romanticheskoe v literature tranzitivnykh epokh (na primere romana S. Klark "Dzhonatan Strendzh i mister Norrell") [Gothic and Romantic in the Literature of the Transitive Eras (based on S. Clarke's novel "Jonathan Strange and Mr. Norrell")]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. No. 11 (879), pp. 137–143. (In Russian)
7. Finney, J. (2021). The Books that Shaped Me: Susanna Clarke. Goodhousekeeping. 17 September. URL: <https://www.goodhousekeeping.com/uk/lifestyle/editors-choice-book-reviews/a37630581/the-books-that-shaped-me-susanna-clarke/> (accessed: 19.05.2024). (In English)

8. Clarke, S. (2022). *Dzhonatan Strendzh i mister Norrell* [Jonathan Strange & Mr. Norrell]. 864 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)

9. Khabibullina, L. F. (2010). *Natsional'nyi mif v sovremennoi angliiskoi literature* [The National Myth in Modern English Literature]. Vestnik TGGPU. No. 20, pp. 183–187. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Чугунов Дмитрий Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Воронежский государственный университет,
394018, Россия, Воронеж,
Университетская пл., 1.
dr-chugunov@yandex.ru

Chugunov Dmitrii Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq.,
Voronezh, 394018, Russian Federation.
dr-chugunov@yandex.ru

УДК 82-1/-9

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-238-247

**КНИГА КАК ЖАНРОВОЕ ЯВЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(«ВЕНЕЦИЯ. КАРАНТИННЫЕ ХРОНИКИ» Е. МАРГОЛИС)**

© Наталья Шлемова, Елена Пономарева

**THE BOOK AS A GENRE PHENOMENON IN MODERN PROSE
OF THE RUSSIAN ABROAD (“VENICE. QUARANTINE CHRONICLES”
BY E. MARGOLIS)**

Natalia Shlemova, Elena Ponomareva

The article studies the book as a special type of artistic unity, representing an original model for expressing artistic consciousness in modern Russian literature abroad. The article proves the productivity of this genre phenomenon, identifies the main trends in book creation associated with an appeal to the sacral text, with the actualization of the autobiographical, diary and memoir prose traditions. The representative sample is analyzed on the basis of the modern literary scholarship provisions, which conceptualize the book as an original genre phenomenon. Using the example of E. Margolis’ book “Venice. Quarantine Chronicles” (2020), we analyze the mechanisms of constructing the artistic world, organically embodied in book format. The article reveals the nature of the artistic integrity of the book, conditioned by the interaction of verbal and visual components, the motif complex associated with the Christian tradition (which includes motifs of insight, internal movement, silence and healing of the soul), and reveals the features of the palimpsest, which serves as the principle of genre modeling. The conceptual and formal anchor in the book is the image of Venice, which connects everyday and metaphysical, visible and invisible aspects. The article proves that the book represents a form of the world harmonization and a space for a dialogue between different cultural codes at whose junction the author’s hybrid identity is formed.

Keywords: literature of Russian abroad, book, genre, artistic unity, cultural code, E. Margolis, book “Venice. Quarantine Chronicles”, palimpsest

Статья посвящена исследованию книги как особого вида художественного единства, представляющего оригинальную модель выражения художественного сознания в современной литературе русского зарубежья. В статье доказывается продуктивность данного жанрового феномена, обозначаются основные тенденции книготворчества, связанные с апелляцией к сакральному тексту, с актуализацией традиций автобиографической, дневниковой, мемуарной прозы. Репрезентативный образец анализируется на основе положений современной литературоведческой науки, в которых книга осмысливается как самобытное жанровое явление. На примере книги Е. Марголис «Венеция. Карантинные хроники» (2020) анализируются механизмы конструирования художественного мира, органично воплощенного в формате книги. В рамках статьи выявляется природа художественной целостности книги, обусловленной взаимодействием вербального и визуального компонентов, мотивным комплексом, связанным с христианской традицией (включающим мотивы прозрения, внутреннего движения, молчания, исцеления души), раскрываются особенности палимпсеста, выступающего принципом жанрового моделирования. Концептуальной и формальной скрепой в книге является образ Венеции, в котором связываются повседневное и метафизическое, видимое и невидимое. Доказывается, что книга представляет собой форму гармонизации мира и пространство диалога разных культурных кодов, на стыке которых формируется гибридная идентичность автора.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, книга, жанр, художественное единство, культурный код, Е. Марголис, книга «Венеция. Карантинные хроники», палимпсест

Для цитирования: Шлемова Н., Пономарева Е. Книга как жанровое явление в современной прозе русского зарубежья («Венеция. Карантинные хроники» Е. Марголис) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 238–247. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-238-247

Современная литература русского зарубежья представляет уникальную художественную модель «культурного пограничья», созданную на стыке разных культурных традиций. Как утверждает Мария Рубинс, «опыт, состоящий в географических перемещениях, пересечении разнообразных ментальных, культурных и лингвистических границ, адаптации в новой среде и связанных с ней интеллектуальных и эмоциональных переживаниях, получает наиболее адекватное выражение в литературе» [1, с. 5]. По замечанию И. Н. Минеевой, литература русского зарубежья представляет «новый тип словесности, бытующий в нескольких ментальных пространствах» [2, с. 35]. Ее изучение позволяет понять ценностные установки русских людей, живущих за пределами России, выявить духовные константы, способствующие сохранению культурной и национальной идентичности, описать «способы артикуляции «русскости» [1, с. 3] представителями русского зарубежья.

В связи с этим перспективным направлением исследования представляется изучение необычных, нетривиальных жанровых явлений в современной литературе русского зарубежья: анализ и описание таких художественных моделей позволяет вскрыть механизмы конструирования особой картины мира, которая формируется на стыке разных культурных традиций.

Продуктивным жанровым образованием в современной литературе русского зарубежья является книга как вид художественного единства, представляющего собой «сложную мозаичную структуру», в которой из относительно автономных, но не разрозненных, не случайно, а напротив, нарочито сопряженных элементов формируется «целостный образ миропереживания» [3, с. 317].

В данном частном исследовании были использованы системный, структурно-семиотический методы анализа. В качестве методологической основы избрана продуктивная методика жанрового анализа, предложенная Н. Л. Лейдерманом, в трудах которого жанр трактуется как «система принципов и способов художественной завершенности, то есть организации произведения в целостный образ мира (модель мира, „сокращенную Вселенную“), воплощающий эстетическую концепцию человека и мира» [4, с. 5]. Этот подход является концептуальной основой научного прочтения книги Е. Марголис.

Представление о книге как особом жанровом образовании давно и прочно закрепилось в литературоведении. В современной науке системно изучены жанровые особенности книги стихов (труды О. В. Мирошниковой, А. С. Дубинской,

И. С. Кузнецовой, Т. В. Хорошавиной, Н. В. Барковской, У. Ю. Вериной, Л. Д. Гутриной, О. Лекманова и др.). Феномен прозиметрических книг подробно изучается Ю. Б. Орлицким («Прозиметрические (стихотворно-прозаические) книги в истории русской поэзии» (2008)). Книга прозы как структурно-семантическое единство исследуется в диссертации Г. С. Прохорова (2004), в которой представлена попытка определения параметрических характеристик книги прозы как художественного единства. Феномен «мышления книгами», распространившийся в русской прозе XX в., исследуется в работе А. Ю. Большаковой «Книга как жанр: средневековая традиция в русской прозе XX века (В. П. Астафьев, Ф. А. Абрамов)» (2021).

Конститутивные черты книги как жанрового явления впервые были зафиксированы и описаны литературоведами на материале анализа лирических книг, но метакarakterистики этого феномена оказались органично экстраполируемыми и на прозаические модели книги. Так, И. В. Фоменко определяет книгу как «жанрово-архитектоническую форму, характеризующуюся эмоционально-образной одноплановостью в моносубъектных образованиях и многосоставностью образа-переживания в структурах полисубъектного типа» [5, с. 49]. И. С. Кузнецова осмысляет книгу как целостное «авторское издание», которое отличается комплексом характеристик, выраженных на «мотивно-образном, субъектном, пространственно-временном, архитектурном, иллюстративном, полиграфическом, функциональном» [6, с. 5] уровнях, что сообщает этому изданию характер идейно-эстетического целого. Представители научного сообщества опираются на понимание книги, сложившееся в трудах О. В. Мирошниковой, для которой книга являлась прежде всего «системным художественным образованием, отражением <...> авторского лица, концепции мира, специфического миропереживания», выстраиваемых на основе тематических комплексов и лейтмотивов [7, с. 14].

Интегрируя сложившиеся в науке представления, синтезируя существующие подходы, выделим и гипотетически предложим в качестве конструктивных начал книги, понимаемой как специфическое жанровое явление, следующие черты: 1) книга как художественная модель выстраивается на принципах, соотносимых с принципами создания циклической модели (принципами циклизации); 2) основу композиции представляет «устойчивое и способное повторяться соотношение конструктивных элементов» [Там же, с. 11]; 3) монолитность художественной модели обеспечивают монолитность замысла и

общность идеи; 4) концептуальное единство выражается на всех структурных уровнях художественной модели книги: образном, тематическом, композиционном, визуальном, пространственно-временном и др.

О продуктивности книги как жанрового образования в литературе русского зарубежья свидетельствует практика крупных издательств. Так, издательство «Алетейя» (Санкт-Петербург) в рамках серии «Русское зарубежье» в 2000-е гг. опубликовало более 20 книг. Среди них выделяются книги, имеющие специфическое архитектурное решение. Например, книга-цикл С. Грабаря «Сецессии» (2009), состоящая из лирических миниатюр, объединение которых рождает «магический витраж», отражающий путь обретения божественной любви. Ассоциативно связанные миниатюры и внутренние циклы миниатюр формируют композицию книги, отождествляемую с логикой от сотворения мира Богом до сотворения собственного внутреннего мира человеком по законам божьим. Также выделяется книга-композиция А. Айзенберга «Passion. Страсти (голографические импровизации)» (2009), построенная по законам музыкального произведения и одновременно в соответствии с канонами визуально-пространственного искусства (каждая часть номинируется как «грань», имеющая цвет; 5 крупных композиционных блоков книги конструируют фигуру разноцветного пятигранника – пентаграммы, выступающей в качестве христианского символа пяти чувств или пяти ран Христа, знака жизни, совершенства). Архитектоническое решение книги продиктовано сакральным смыслом и отражает стратегию жанрового эксперимента: фрагменты выстраиваются в композицию целого в соответствии с христианской символикой. Представленные примеры демонстрируют одну из тенденций книготорчества, связанную с апелляцией к сакральному тексту, позволяющему упорядочить, гармонизировать изображаемую картину мира.

Авторerefлексивность, исповедальность, автобиографичность, формирующие векторы жанровых поисков в современной прозе русского зарубежья, определяются установкой на изображение «жизни души» (чувств, настроений, впечатлений) русского человека, который, дистанцировавшись, пытается осмыслить себя, свое место в другом культурном мире. В этом контексте продуктивными жанровыми формами становятся «встречи», «хроники», «записки», «заметки», «воспоминания», из которых часто составлены книжные единства (например, книги Михаила Федотова «Иерусалимские хроники» (2000), Евсея Цейтлина «Несколько минут после. Книга

встреч» (2012), Киры Сапгир «Двор чудес» (2016), Олега Гулько «Мимолетные встречи» (2021), Игоря Шесткова «Повелитель четверга: записки эмигранта» (2022) и др.). Отчасти объяснение востребованности жанра хроник, воспоминаний находим в книге Ольги Матич «Записки русской американки. Семейные хроники и случайные встречи» (2017): «Мощным стимулом воспоминаний о семье является желание осмыслить семейные ценности. Утверждение принадлежности – одно из основных свойств жанра семейных мемуаров, а не только установка на память. <...> Возможно, вписывая себя в прошлое, я пытаюсь преодолеть то, что я назвала бездомностью, – свои русско-американские противоречия» [8, с. 8]. Отчасти в цитируемых размышлениях кроется ключ к пониманию того, почему продуктивным жанровым явлением в прозе современного русского зарубежья остается книга памяти, соотносимая с традициями автобиографической, мемуарной прозы и являющаяся своего рода способом самоидентификации русского человека, живущего в инокультурной среде, но не всегда в нее погруженного, ставшего его реальной частью.

Еще один вектор жанровых поисков современного русского зарубежья связан с созданием книг, обусловленных актуальными тенденциями литературы цифровой эпохи. Речь идет о книжных единствах, созданных на основе интернет-дневников, которые становятся способом «проговаривания», «проживания» определенного опыта, в том числе травматического, повседневного, и одновременно формой упорядочивания чувств и мыслей. Так, в 2021 г. в редакции Елены Шубиной, в какой-то мере формирующей облик, контуры современного литературного процесса, представляющей широкому читателю новые имена авторов, была создана серия «Русский иностранец», которая объединила четыре книги русских авторов, живущих в разных странах: Аси Долиной «У него ко мне был Нью-Йорк», Натальи Осис «Солнечный берег Генуи. Русское счастье по-итальянски», Анастасии Писаревой «О чем молчит Биг-Бен», Алексея Тарханова «До востребования, Париж». Это явление можно считать тенденциозным, маркирующим важную грань и фиксирующим значимую в контексте нашего исследования и, как показывает опыт, тенденциозную для современной социокультурной парадигмы литературную тенденцию: традиционная (бумажная) книга во всех случаях представляет завершенную форму переживания; при этом нужно отдавать себе отчет в том, что в создании книги как художественного целого огромную роль играет редактор, который предла-

гает формат, организующий хаотичные сетевые записи в тематически и композиционно выстроенную структуру. Значимость и принципиальность приведенных примеров свидетельствуют в первую очередь именно о продуктивности жанра книги, представленного в разных архитектурных вариантах. Однако вопрос о концептуальной заданности образцов, подобных приведенным нами, в каждом конкретном случае, конечно, следует решать при помощи комплексного анализа, демонстрирующего степень концептуально-формальной спаянности и характер конструирования художественного целого в рамках художественной модели книги как особого явления, соприродного в первую очередь жанровой модели.

Одним из самобытных произведений, репрезентирующих рассматриваемый жанровый феномен, становится книга Е. Марголис, писателя, художника из Венеции. Прочтение книги «Венеция. Карантинные хроники» (2020) позволяет изучить особенности конструирования жанра книги, а также осмыслить некоторые стратегии книготворчества в современном русском зарубежье. Исходя из этих положений, мы определяем цель работы как исследование природы художественной целостности книги Е. Марголис «Венеция. Карантинные хроники», представляющей архитектурный вариант книжного единства, органичную форму выражения художественного сознания современного русского зарубежья. Для этого попытаемся последовательно решить несколько задач: 1) изучить особенности мировидения автора, определяющие характер словесного и изобразительного творчества; 2) выявить принципы книгомоделирования на разных уровнях организации художественного целого; 3) охарактеризовать интермедийную природу жанра, обусловленную взаимодействием вербального и изобразительного компонентов.

Екатерина Марголис известна как художник, график, иллюстратор, эссеист и переводчик. Она родилась в 1973 г. в Москве в интеллигентной семье: родители из диссидентского круга университетских преподавателей, прадедушка – философ Густав Шпет, репрессированный в 1937 г., дальний дядя, на даче которого в Переделкино прошло детство автора, – Б. Пастернак. Е. Марголис окончила факультет лингвистики РГГУ, затем стажировалась как стипендиат в Падуанском Университете (Италия) и поступила в аспирантуру в Мельбурнском Университете (Австралия). В настоящее время живет и работает в Венеции. Является членом общества Европейского Совета Искусств, участником персо-

нальных и коллективных выставок в Европе, США и России.

Важно отметить, что книготворчеством художница начала заниматься в Венеции, которая и сформировала главный образ в ее творчестве, стала главным героем ее работ. Определяя свое положение в мире, пытаясь идентифицировать себя, Е. Марголис написала в telegram-канале: «Живу на два дома (речь о Москве и Венеции), эмигрантом не была. Жизнь в ритме маятника – единственно возможный жизненный ритм» (запись Telegram). Осознание принадлежности двум мирам может свидетельствовать о «гибридной идентичности» автора, творчество которого находится на пересечении традиции и современности, национальной культуры и европейских тенденций. В книгах Е. Марголис реализуется не только стратегия вписывания своего «Я» в иное культурное пространство, которое становится своим, ощущается домом, автор также вписывает себя в то, что существует вне времени, – пространство вечной красоты, воплощенной в Венеции.

Книга «Венеция. Карантинные хроники» относится к художественным экспериментам, созданным в период пандемии, направленным на поиск способов преодоления границ, в том числе онтологических, коммуникативных, границ сознания, восприятия. Карантинное время породило особое мировосприятие, которое также определило обновленный формат и специфику жанровых явлений в литературе и искусстве, отчасти обусловило тематику произведений.

Книга представляет собой художественный дневник, запечатлевший изменения, происходящие с человеком и городом в карантинный период. Это хроника первых сорока дней карантина, которые осмысливаются художником, играющим своеобразную роль летописца, с помощью слова и кисти. В книге воссоздается особый образ Венеции: покинутый гостями город возвращается к самому себе, к себе. Вместе с ним к жизни возвращается и человек, оказавшийся в этом пространстве. Основой книги стали акварельные рисунки, входящие в серию «Картины карантина», и ежедневные разрозненные заметки в Интернете, которые создавались во время карантина. Они составили книжное единство, отражающее попытку упорядочить реальность в сознании собственно автора и читателя. Как отмечает Е. Марголис в интервью, «книга рождалась в реальном времени, в котором мы все очутились и которое казалось поначалу таким сюрреальным» [9].

Художественное единство включает 38 компонентов, расположение которых подчиняется хронологическому принципу, традиционно

присущему хроникальному способу структурирования материала («День первый», «День второй» и т. д.). Жанровый маркер, вынесенный в заголовок книги (карантинные хроники), указывает на главный способ изображения событий во временной последовательности, что не только не противоречит, но и напротив, в полной мере отвечает канонической поэтике хроники как особой жанровой модели: «организующей силой сюжета предстает сам ход времени», «экстенсивный сюжет образуется чередованием сцен, фрагментов, картин изменяющейся действительности», «за точку отсчета событий, как правило, принимаются моменты реально-исторического времени» [10].

Названия компонентов книги Е. Марголис отражают счет карантинных дней. Одним из главных героев книги становится время. Оно растягивается, дробится, что отражается в заголовках компонентов (второй компонент называется «День второй», третий компонент – «День второй. Вечер»), сжимается и останавливается (названия компонентов «День десятый. День одиннадцатый», «День четырнадцатый. День пятнадцатый» и др.), отражая заданные авторские интенции. Время в хронике дается в субъективном измерении:

«А дни все замедляют ход. Распыляясь в ежедневные мелочи, время утекает как сквозь пальцы» [11, с. 102];

«Сегодня суббота. А пока я собралась с мыслями и словами – уже и воскресенье. Почему-то именно в этом опустошенном безвременье особенно важно различать дни» [Там же, с. 103].

Проживание карантинных дней позволяет разглядеть в повседневном невидимое, приблизиться к сакральному. Взматривание становится практикой вчувствования, которая помогает преодолеть состояние потерянности и принять мир через смирение и благодарность. Изучение физической среды реальной Венеции в новых условиях позволяет герою обрести важный чувственный опыт, позволяющий встать на путь «возвращения к жизни».

Авторская концепция, определившая жанровое содержание книги, сформулирована так:

«Важно перенастроить оптику на более пристальный взгляд в жизни повседневной, жизни города и собственной жизни, потому что, остановившись так резко, вдруг можно было навести резкость на какие-то вещи, которые иначе проскальзывают, промелькивают совершенно незаметно» [Там же, с. 45].

Сакрализация времени достигается за счет соотнесенности повседневного течения жизни

(дни изоляции) с датами христианского календаря (День Богородицы, Вербное воскресенье, Святая пятница, Пасха), что указывает на вневременной смысл событий настоящего.

Формой сакрализации выступает и сам авторский жанр, номинированный как «Quarantena» (сорокоднев). Книга для Е. Марголис становится пространством сотворения мира и себя. Каждая заполненная страница фиксирует опыт прочтения города и возвращения к жизни, отражает путь освобождения души, прикоснувшейся к вечному (что в христианстве увязывается с числом 40), путь исцеления, соотносящийся с историей борьбы с чумой в Венеции XVII в. (40 дней моряки не могли сойти на берег, чтобы не занести чуму).

«Незаметно Quarantena стала жанром. Ежедневные записи помогли прожить эти 40 дней как 40 страниц: в поисках формы, отливающей эти пустоты, наполняющей их смыслом, замещающим собой томящуюся в них тревожную неопределенность. Они помогали ловить день и дробить пустынное безвременье короткими промежутками в ритме собачьих прогулок – от моста до набережной, от угла до площади, между образами и словами, между прошлым и будущим, превращая по мере сил увиденное в написанное» [Там же, с. 285].

Путь человека этой книги, обозначенный как «*карантинный переход через пустыню*» [Там же, с. 274], ассоциируется с библейским сюжетом исхода. Проживание каждого карантинного дня увязывается с процессом заполнения чистого листа, знаменующего преодоление внутренней пустоты и исцеление души:

«Слово „исцеление“ имеет глубочайшую внутреннюю форму. Собираение целого из осколков, исход из разбитости. Сотворение мира после катастрофы [Там же, с. 138].»

Так, жанр *quarantena* несет «семантику преодоления разлада» [3, с. 525], воплощает образ мира, воспринявшего Благодать, стремящегося к возвращению к целостности. Автор утверждает идею преобразующей силы веры: «*Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» [11, с. 191]. Так прочерчивается связь с эпиграфом книги, в качестве которого используется цитата из стихотворения Б. Пастернака: «*Ты здесь, мы в воздухе одном, / Твое присутствие, как город...*». Невидимое – это и есть вечность, духовная сущность, энергия, сила, присутствующая в воздухе и ощущаемая теми, кто может преодолеть «железный занавес внутри» [Там же, с. 214].

Христианское мироощущение автора определило жанровое своеобразие книги, ее внутреннюю организацию. Попытка одновременно понять и выразить внутреннее «Я», разобраться в своих чувствах и донести их до читателя, общее лирическое мировидение, присущее писателю и художнику, определили ярко выраженное лирическое начало, формально экстраполированное в принципы мотивной организации книги. Доминантными мотивами, скрепляющими художественное единство на сюжетно-композиционном уровне, являются лейтмотивы зрения и движения.

Мотив зрения связан со зрительным постижением внешнего, осознаваемого, материального мира, с его субъективным восприятием, с расширением горизонта авторского видения, с попытками всмотреться в себя и заглянуть за границы видимого. Зрение отождествляется с познанием высшего смысла, неуловимой духовной сути, которое оказалось возможным в ситуации, когда привычное движение жизни останавливается и в состоянии статики мира зримым становится невидимое (*«впервые глаз увидел то, что видел десятки раз, но не разумел»*) [Там же, с. 168]. Способность видеть приравнивается к дару, связанному с познанием счастья: *«Блаженны не верившие, а увидевшие?»* [Там же, с. 242]. Обретение духовного (внутреннего) зрения, которое приобщает к сакральной сфере и помогает ощутить свое присутствие в мире, происходит через созерцание внешнего мира – красоты Венеции: *«Увидеть – стать частью того, что видишь»* [Там же, с. 241].

В книге передается состояние «резкого торможения» и «вынужденной остановки» привычного хода жизни: она словно замирает, Венеция пустеет. Но неподвижность является иллюзией (все как будто останавливается только в видимом мире), она оборачивается внутренним движением, которое управляет зрением и позволяет познать высший смысл. В книге актуализируется мотив тихого и неостановимого движения, связанного с духовным прозрением: *«всматриваться в само время, приглядываться к его тихому»* [Там же, с. 106] – вот путь преодоления пустоты и исцеления души. Так, движение героя осуществляется в двух планах – физическом и духовном. Блуждание по городу во время прогулок с собакой становится толчком к изменениям внутреннего ландшафта, связанным с расширением пространственно-временных границ. Прошлое, настоящее, будущее, историческое, повседневное, вечное пересекаются и отражаются в воспоминаниях, переживаниях, размышлениях

художника-созерцателя: *«время стало тобой»* [Там же, с. 246].

Особенности мировидения, система взглядов на действительность Е. Марголис определяются понятием «обратная перспектива», которое является основополагающим в иконной живописи, отражающей «духовную реальность, выстраивающуюся от Бога к человеку» [12, с. 117]:

«Если в прямой перспективе точка схода – это некая воображаемая точка на горизонте, то в обратной – все только расширяется. Точка же схода – это ты сам, смотрящий, пропускающий все линии и все значения слова *grazia* через себя. И потому любая человеческая жизнь, любая биография, коей ты свидетель, – это история с обратной перспективой, история, вверенная тебе, и писать ее хочется как икону, а не как некролог с точкой схода в конце» [11, с. 168].

У Е. Марголис, мыслящей в христианских координатах, обратная перспектива становится способом раскрытия иконичности времени и пространства. Хронотопическую модель книги характеризует слияние категорий пространства и времени с категорией вечности, когда «эмпирическое время и пространство в художественном произведении не только воспроизводятся, но и преодолеваются, образуя атемпоральную структуру» [13, с. 27].

Карантинная жизнь характеризуется как *«жизнь в ожидании возвращения в жизнь»* [11, с. 274], когда *«время превратилось во внимание»* [Там же, с. 275]. Автор приводит цитату из эссе К. Кампо, позволяющую выразить философское понимание времени: *«Внимание есть ожидание, пыльное и бесстрашное принятие реальности»* [Там же, с. 277]. Е. Марголис дополняет: *«...ожидание – открытое окно. Сама жизнь без подсчетов времен и сроков»* [Там же]. Так автор утверждает, что ожидание – это окно в вечность, открыв которое, человек исцелит душу, ощутит Благодать. При этом обыденные хлопоты, встречи с людьми, бытовые дела, описанию которых отводится часть книги, – это не мелочи, а вовлеченность в жизнь, помогающая осознать и прочувствовать ее прелесть, ощутить полноту бытия. Е. Марголис близка концепция Б. Пастернака, выразившаяся в формуле «свет повседневности». В ней утверждается мысль о постижении высокого смысла через земную жизнь, бытийного через будничное. Повседневное неотделимо от вневременного, духовного, которое открывается в моменты чувственного постижения жизни, увязываемого с творческим порывом. Это выражается в созданных Е. Марголис акварельных рисунках, составивших серию, частично представленную в книге.

Акварельные рисунки были собраны в визуальную главу, актуализирующую мотив тишины и молчания, связанный в христианском понимании с осознанием присутствия сакрального начала в жизни. Silent chapter отсылает к традиции Silent Books («тихие книги»), оформившейся в западном искусстве. Важно, что эта глава открывает книгу и вводит читателя в пространство Венеции, которая в дни карантина раскрылась по-новому: все излюбленные туристами места («места-клише») опустели. Эта особенность подчеркивается затем в описаниях города:

«пустынный мост Академии» [11, с. 35], «пустынная, залитая солнцем Пьяцца» [Там же, с. 41], «пустынные солнечные улицы вокруг рыбного рынка» [Там же, с. 47], «зияющая пустота площади» [Там же, с. 59], «ветер гонял пустоту» [Там же, с. 116], «зияющие пустоты нынешней городской жизни» [Там же, с. 118].

В этой, казалось бы, тревожной пустоте город ожил, зазвучал, словно «вернулся к себе». Пейзажи впечатления (которые можно охарактеризовать как собственно жанр впечатления), созданные Е. Марголис, передают дыхание города, отражают поэтическое мировосприятие художника, транслирующего в своих лиричных, светосно-эфемерных рисунках Венеции ощущение возвышенности, одухотворенности, испытываемое в моменты внутренней сосредоточенности и задумчивой отрешенности. Акварельные рисунки, отличающиеся повышенной импрессией, отражают чувственное переживание автора, интуитивное постижение красоты через тишину и созерцательное молчание, открывающее путь к невидимому: «Тишина – возможность услышать. А услышав, увидеть» [Там же, с. 81], чтобы затем «превратить увиденное в написанное» [Там же]. Так, рисунок и слово представляют способы освоения реальности, опыт художественного переживания ситуации изоляции. Е. Марголис выражает невыразимое, как художник в красках и как писатель в слове. Акварельные зарисовки фиксируют эмоциональное впечатление, едва уловимые ощущения художника и в то же время погружают читателя-зрителя в особую атмосферу, позволяя ему сначала увидеть и почувствовать открывшуюся красоту мира, воплощенную в образе Венеции.

Акварели, в которых с помощью растворения красок в воде создается эффект легкости, воздушности, прозрачности изображаемого, в книге Е. Марголис отражают попытку «залить живой водой пустоту» [Там же, с. 119], наполнить чувством жизни сердце, освободиться от тревоги, страха, горя: «изображение обратно языку, это

способ освобождения» [Там же, с. 260]. Возможно, это и объясняет включение ряда изобразительных работ в главу, играющую роль эмоционального вступления, увертюры. Словесное творчество, составляющее основу книги, демонстрирует опыт осмысления и осознания чувственного переживания человека, столкнувшегося с хаосом карантинного времени и пытающегося его преодолеть, принять реальность через смирение и благодарность. Этим определяется характер взаимодействия вербального и визуального компонентов в книге: словесное и изобразительное продолжают, развивают, дополняют, отражаются друг в друге. Так условно можно обозначить принцип композиционной организации книги, ее сложную архитектуру.

Книга демонстрирует путь преодоления пустоты безвременья, постижения красоты и тайны бытия через прикосновение к вечному, сакральному, символом которого становится Венеция, вбирающая в себя «память жизни, истории, культуры» [14]. Несмотря на мрачность и трагичность пандемийной реальности, мир Венеции Е. Марголис светлый. Создается картина одухотворенного города, погрузившегося в состояние неторопливости жизни:

«Нежное солнце утра понедельника обнимает весь город целиком» [11, с. 26], «туманное солнце спросонья протирает окна, купола, черепички. Открываются крылья ставен» [Там же, с. 39], «солнце позаботилось само о цельности композиции и колорита, нежно обнимало и посетителей, и мостовую, и гондолы на привязи, и силуэты крыш вдаль» [Там же, с. 51], «канал Джудекки жадно впитывал первые дымчатые лучи весеннего солнца, словно первую утреннюю чашечку кофе» [Там же, с. 54], «солнце ныряет в каналы, отскакивает оттуда зеленоватыми бликами, запрыгивает в окна» [Там же, с. 79].

В зарисовках повседневной Венеции обнаруживаются знаки сакрализации венецианского пространства, указывающие на сопряжение срединного и небесного миров и организующие вертикаль венецианского топоса:

«на темнеющем небе, кроме луны, стала отчетливо видна венера. Среди миров в мерцании светил...» [Там же, с. 28], «и над всем огромный купол синего весеннего неба, увенчанный едва намечающимся серебристым нимбом луны» [Там же, с. 207], «в новом мировом порядке небесные светила возвращают себе свой архаичный статус, делаются точкой схода и местом встречи» [Там же, с. 133], «пасхальное яйцо купола Салюте, повисшее на голубой праздничной скатерти неба» [Там же, с. 279].

Подобное начало обнаруживается в обращении к христианской символике в образном строе (Венеция как «город-скит», «город-храм»), во включении цитат богослужебных текстов (фрагмент речи блаженного Августина, библейская цитация).

Город становится пространством пересечения повседневного и метафизического, видимого и невидимого. Автор через «всматривание в город» приходит к прозрению. Финальная фраза книги – точка пути, свидетельствующая о примирении, исцелении и освобождении души. И в этом пунктирно зафиксированном итоге тоже есть вывод в сакрализованное пространство, утверждение ценности мира, четко обнаруживаемая авторская интенция, вектор движения авторского сознания от переживания прошлого – к настоящему и непременно – к будущему:

«40 дней.

Я точно вернулась. Я еще обязательно вернусь» [Там же, с. 277].

Образ Венеции в книге Е. Марголис представляет «топографию души» человека, блуждающего, но обретающего через непростые поиски в этом непривычном мире гармонию. В этом смысле по-особому звучит авторское определение хроники, составившей основу книги:

«Хроники, и визуальные, и вербальные, – это история продолжения взгляда. Попытки сделать зримым уже или еще невидимое» [Там же, с. 100].

«Рисовать невидимое» – так можно охарактеризовать творческую установку художника, работы которого передают состояние внутренней сосредоточенности созерцателя, тонко чувствующего красоту жизни и всматривающегося в ее тайны. Е. Марголис обладает «культурой зрения», которую М. М. Бахтин связывал «с умением субъекта проникать за границы пульсирующей поверхности в глубину становящейся реальности» (цит по: [15]).

«Город диктует форму» – так еще в первой книге «Венецианские тетради. И. Бродский и другие» (2002, 2004) Е. Марголис обозначила особенность формотворчества. Книга, словно уподобляясь образу Венеции, в котором «смысло- и структурообразующим началом выступают сопрягаемость и взаимоотражения» [14], становится в творчестве Е. Марголис органичной формой воплощения цельности мироздания. Автор создает многомерную картину мира, адекватную структуре палимпсеста, который в литературоведении трактуется как «иерархия просвечивающих друг через друга текстов», как «поро-

ждающее устройство модели мира, складывающейся из многообразных вариаций памяти, размышлений и отражений в сознании» [16, с. 49]. В анализируемой книге взаимоотражающимися становятся тексты, созданные на разных языках, относящиеся к разным семиотическим системам, к разным жанрам, написанные в разное время разными авторами. Развернутый интертекстуальный план, организуемый встраиванием текстов философских, искусствоведческих эссе (К. Кампо, О. Седакова «Письма о Рембрандте», М. Фуко «Слова и вещи», Платон «Государство»), фрагментов стихотворений русских (Б. Пастернак, А. Ахматова, С. Есенин, И. Бродский и др.) и зарубежных поэтов (Ш. Бодлер, Д. Донн), переводов, выполненных Е. Марголис, фрагментов «Набережной неисцелимых» И. Бродского, создает многослойное повествование, свидетельствующее о том, что изображенное сознание – это сознание носителя культурной памяти, что книга представляет пространство диалога разных культурных кодов, на стыке которых формируется гибридная идентичность автора.

Подводя итог, отметим, что книга Е. Марголис «Венеция. Карантинные хроники», составленная из сетевых записей и параллельно создаваемых акварельных рисунков, представляет художественное единство, в котором хроникальное изображение реальной Венеции в дни карантина, включающее ежедневные сводки о количестве умерших, описание событий повседневной жизни венецианцев, бытовые зарисовки, наполняется сакральным смыслом. Основой для создания внутреннего сюжета становится комплекс христианских мотивов (прозрения, внутреннего движения, тишины, молчания, исцеления), акцентированных оригинальным визуальным решением книги. Хронотопическая модель сакрализуется, а книга в целом воплощает образ мира, отражающий христианское сознание автора, и становится формой гармонизации реальности («мир вдруг собирается из кусочков, как мозаика. Золотистая мозаика Серениссимы» [11, с. 158]). Палимпсестная природа книги свидетельствует о том, что художественное единство строится на пересечении разных культурных традиций и благодаря этому приобретает дополнительный смысловой объем. Гипотетически можно предположить, что одна из причин продуктивности такого жанрового явления, как книга, в литературе русского зарубежья, возможно, обусловлена тем, что в рамках этой художественной модели, объединяя отдельные части в единую композицию, автор получает возможность воплотить образ целостного мироздания, которое в контексте лучших традиций мировой

литературы и искусства базируется на общечеловеческих духовно-нравственных ценностях, актуализируемых в непростые, требующие выбора, самоидентификации исторические и социокультурные периоды.

Список источников

1. Рубинс М. Невыносимая легкость диаспорического бытия. Модальности письма и чтения экстерриториальных нарративов // Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020): сборник статей / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка. Е. Гудвин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 336 с.
2. Минеева И. Н. Литература русской эмиграции на рубеже XX–XXI вв.: предварительные итоги изучения // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 29–36.
3. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание. Екатеринбург, 2009. 904 с.
4. Лейдерман Н. Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Екатеринбург, 2006. Вып. 9. С. 3–33.
5. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992. 157 с.
6. Кузнецова И. С. Дебютная книга в русской лирике 1840-х – начала 1850-х гг.: мотивно-образные и жанровые комплексы, формы циклизации, архитектурные варианты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 23 с.
7. Мирошникова О. В. Лирическая книга как устойчивая многокомпонентная структура. Проблемы изучения книги стихов в современной филологии // Лирическая книга в современной научной рецепции. Омск: Издательство ОмГПУ, 2008. С. 5–15.
8. Матич О. Записки русской американки. Семейные хроники и случайные встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 750 с.
9. Марголис Е. «У нас было ложное ощущение защищенности». Екатерина Марголис — о карантине в Венеции // Афиша Daily, 20 октября 2020. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/17476-u-nas-bylo-lozhnoe-oschuschenie-zaschischennosti-ekaterina-margolis-o-karantine-v-venecii/> (дата обращения: 01.03.2022).
10. Энттейн М. Н. Хроника // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/7138/ХРОНИКА (дата обращения: 03.02.2024).
11. Марголис Е. Венеция. Карантинные хроники. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 304 с.
12. Яковлева Н. А. Анализ и интерпретация произведений искусства: учебное пособие / Н. А. Яковлева, Е. Б. Мозговая, Т. П. Чаговец и др. М.: Высшая школа, 2005. 551 с.
13. Шкуронат М. Ю. Иконичность как понятие теории литературы // Литературоведческий сборник. 2007. Вып. 31–32. С. 23–34.
14. Меднис Н. Е. Венецианский текст русской литературы. 1999. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9> (дата обращения: 04.03.2024).
15. Лавлинский С. П. О двух стратегиях художественной репрезентации зримости // Дискурсивность и художественность. М.: Издательство Ипполитова, 2005. С. 60–70.
16. Крюкова Е. В. Из истории концепции литературного палимпсеста: теория «Белого знания» и «Б-пространства» у Терри Пратчетта // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 48–56.

References

1. Rubins, M. (2021). *Nevynosimaya legkost' diasporicheskogo bytiya. Modal'nosti pis'ma i chteniia eksterritorial'nykh narrativov* [The Unbearable Lightness of Being a Diasporian: Modes of Writing and Reading Narratives of Displacement]. *Vek diaspori: Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020): sbornik statei*. Pod red. M. Rubins; per. s angl. A. Stepanova, N. Makhlauiuka. E. Gudvin. 336 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
2. Mineeva, I. N. (2015). *Literatura russkoi emigratsii na rubezhe XX–XXI vv.: predvaritel'nye itogi izucheniya* [Literature of Russian Emigration at the Turn of the 20th–21st Centuries: Preliminary Results of the Study]. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. No. 20, pp. 29–36. (In Russian)
3. Lederman, N. L. (2009). *Teoriya zhanra: Nauchnoe izdanie* [Theory of Genre: A Scientific Publication]. 904 p. Ekaterinburg. (In Russian)
4. Lederman, N. L. (2006). *Problema zhanra v modernizme i avangarde (Ispytanie zhanra ili ispytanie zhanrom?)* [The Problem of Genre in Modernism and the Avant-garde]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. Issue 9, pp. 3–33. Ekaterinburg. (In Russian)
5. Fomenko, I. V. (1992). *Liricheskii tsikl: stanovlenie zhanra, poetika* [Lyrical Cycle: The Formation of the Genre, Poetics]. 157 p. Tver'. (In Russian)
6. Kuznetsova, I. S. (2011). *Debyutnaya kniga v russkoi lirike 1840–kh–nachala 1850kh gg.: motivno-obraznye i zhanrovye komplekсы, formy tsiklizatsii, arkhitektonicheskie varianty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A Debut Book in Russian Lyric Poetry of the 1840s–Early 1850s: Motif-Figurative and Genre Complexes, Forms of Cyclization, Architectonic Options: Ph.D. Thesis Abstract]. Omsk, 23 p. (In Russian)
7. Miroshnikova, O. V. (2008). *Liricheskaya kniga kak ustoychivaya mnogokomponentnaya struktura. Problemy izucheniya knigi stikhov v sovremennoi filologii* [A Lyric Book as a Stable Multicomponent Structure. Problems of Studying Books of Poetry in Modern Philology]. *Liricheskaya kniga v sovremennoi nauchnoi retseptsii*. Pp. 5–15. Omsk. (In Russian)
8. Matich, O. (2017). *Zapiski russkoi amerikanki. Semeinye khroniki i sluchainye vstrechi* [Notes of a Russian American. Family Chronicles and Chance Encoun-

ters]. 750 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

9. Margolis, E. (2020). “*U nas bylo lozhnoe oshchushchenie zashchishchennosti*”. *Ekaterina Margolis – o karantine v Venetsii* [“We Were Lulled into a False Sense of Security”. Ekaterina Margolis – about Quarantine in Venice]. *Afisha Daily*, 20 oktyabrya. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/17476-u-nas-bylo-lozhnoe-oschuschenie-zashchishchennosti-ekaterina-margolis-o-karantine-v-venecii/> (accessed: 01.03.2022). (In Russian)

10. Epshtein, M. N. (1987). *Khronika* [A Chronicle]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/7138/ХРОНИКА (accessed: 03.02.2024). (In Russian)

11. Margolis, E. (2020). *Venetsiya. Karantinnnye khroniki* [Venice. Quarantine Chronicles]. 304 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

12. Yakovleva, N. A. (2005). *Analiz i interpretatsiya proizvedenii iskusstva: uchebnoe posobie* [Analysis and Interpretation of Works of Art: A Textbook]. N. A.

Yakovleva, E. B. Mozgovaya, T. P. Chagovets i dr. 551 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

13. Shkuropat, M. Yu. (2007). *Ikonicnost' kak ponyatie teorii literatury* [Iconicity as a Concept in Literary Theory]. *Literaturovedcheskii sbornik*. Issue 31–32, pp. 23–34. (In Russian)

14. Mednis, N. E. (1999). *Venetsianskii tekst russkoi literatury* [Venetian Text of Russian Literature]. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9> (accessed: 04.03.2024). (In Russian)

15. Lavlinskii, S. P. (2005). *O dvukh strategiakh khudozhestvennoi reprezentatsii zrimosti* [On Two Strategies for Artistic Representation of Visibility]. *Diskursivnost' i khudozhestvennost'*. Pp. 60–70. Moscow, izdatel'stvo Ippolitova. (In Russian)

16. Kryukova, E. V. (2020). *Iz istorii kontseptsii literaturnogo palimpsesta: teoriya “Belogo znaniya” i “B-prostranstva” u Terri Pratchetta* [From the History of the Concept of Literary Palimpsest: The Theory of “White Knowledge” and “B-Space” by Terry Pratchett]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No.2 (53), pp. 48–56. (In Russian)

The article was submitted on 14.05.2024

Поступила в редакцию 14.05.2024

Шлемова Наталья Николаевна,
кандидат филологических наук,
Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
454080, Россия, Челябинск,
проспект Ленина, 76.
kundaevann@susu.ru

Shlemova Natalia Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
South Ural State University,

76 Lenin Ave.,
Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.
kundaevann@susu.ru

Пономарева Елена Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский центр качества образования,
105318, Россия, Москва,
Семеновская пл., 4.
ponomareva_elen@mail.ru

Ponomareva Elena Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow Center for Education Quality,
4 Semenovskaya Sq.,
Moscow, 105318, Russian Federation.
ponomareva_elen@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-248-253

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОМАНЕ Ч. Н. АДИЧИ «ПОЛОВИНА ЖЕЛТОГО СОЛНЦА»

© Инна Щепачева

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION IN CH. N. ADICHIE'S “HALF OF A YELLOW SUN”

Inna Shchepacheva

The article deals with the novel “Half of a Yellow Sun” (2006) by the African-American writer Chimamanda Ngozi Adichie. The writer shows different components of the identification process in the modern multicultural world. The main historical event of the novel is the Civil War of 1967-1970, which took place due to political and ethnic struggle. It was caused by numerous attempts by the southeastern provinces of Nigeria to secede and form the Republic of Biafra. The novel shows how the interethnic conflict between the Hausa and Igbo peoples, and later the war, influence not only the fate of the characters, but also the peculiarities of their identification process. This process is represented by three components: ethnic, national and gender. Kainene and Odenigbo, whose ethnicity is formed and recognized with the emergence of a new republic, feel, first, not as Nigerians, but as Igbos. Therefore, they take an active part in the Civil War. British interest in the war is shown through the characters of Susan and Richard who demonstrate typical colonial attitudes towards Africans. However, Richard's interest in African culture contributes to the process of realizing the ethnic identity of Ugwu who chooses a member of the African community for his role model. Olanna, representing a new generation of Nigerian women, destroys the traditional forms of gender relations in Nigerian reality.

Keywords: English-language Nigerian literature, Ch. N. Adichie, Civil War, “Half of a Yellow Sun”, problem of identification

В статье рассматривается роман африкано-американской писательницы Чимаманды Нгози Адичи «Половина желтого солнца» («Half of A Yellow Sun», 2006), на примере которого писательница показывает разные составляющие процесса идентификации в современном мультикультурном мире. Основным историческим событием романа становится гражданская война (1967–1970), разразившаяся из-за политической и этнической борьбы, вызванной многочисленными попытками юго-восточных провинций Нигерии отделиться и сформировать Республику Биафра. В романе показывается, как межэтнический конфликт народов хауса и игбо, а затем и война влияют не только на судьбы героев, но и на особенности процесса их идентификации. Этот процесс представлен тремя составляющими: этнической, национальной и гендерной. Герои Кайнене и Оденигбо, чья этническая принадлежность формируется и осознается ими одновременно с появлением новой государственности, ощущают себя в первую очередь не нигерийцами, а игбо, поэтому они принимают самое активное участие в гражданской войне. Британский интерес в войне показан через образы англичан Сьюзен и Ричарда, которые демонстрируют типичное колониальное отношение к африканцам. Но в случае с Ричардом его заинтересованность в африканской культуре способствует процессу осознания этнической идентичности Угву, который в качестве ролевой модели ориентируется на представителя африканского сообщества. Героиня Оланна, олицетворяющая новое поколение нигерийских женщин, разрушает традиционные формы гендерных отношений нигерийской действительности.

Ключевые слова: англоязычная нигерийская литература, Ч. Н. Адичи, гражданская война в Нигерии, «Половина желтого солнца», проблема идентификации

Для цитирования: Щепачева И. Проблема идентификации в романе Ч. Н. Адичи «Половина желтого солнца» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 248–253. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-248-253

Сегодня в англоязычной нигерийской литературе появляются новые имена, среди которых

Теджу Коул, Тайе Селаси, Крис Абани и др. Это так называемые писатели нового поколения, ко-

торым, по словам Т. М. Гавристовой [1, с. 688–699], удалось реконструировать и репрезентовать ситуации трансцендентности и идентичности. Африканские интеллектуалы ведут дискуссии, обсуждая проблемы глобализации и метисации, гибридности и кросскультурного диалога, интеллектуальной и персональной истории, культурного наследия и исторической памяти. Среди вышеперечисленных писателей ярко выделяется Чимаманда Нгози Адичи (Chimamanda Ngozi Adichie, 1977), американо-африканская писательница, лектор, общественный деятель, родившаяся в семье преподавателя Университета Нсуки (этнически игбо) и выросшая в профессорской среде. Часто ее называют одной из значимых молодых англоязычных писателей, которым удастся привлечь внимание к новой африканской литературе [2, с. 22]. Рожденная в Нигерии, Адичи получала образование в Америке, сейчас проживает на две страны: в Нигерии она дает уроки писательского мастерства, в американском Балтиморе она живет со своей семьей. Подобная транскультурность, представляющая собой в условиях глобализации XX–XXI вв. типичное явление современной англоязычной прозы, во многом отразилась на писательской манере Адичи, о чем свидетельствуют ученые постсоветского пространства, занимающиеся изучением ее творчества. Так, А. Р. Шевченко [3, с. 481–490], характеризуя зрелое творчество писательницы, говорит о взаимодействии африканской и американской или британской культур и освещении процесса самоидентификации в современном транскультурном мире. Эту идею развивает и белорусская исследовательница Е. В. Гранкина [4, с. 142–146], анализируя нашумевший роман 2013 г. «Американха» («Americanah»), где поднимаются вопросы самоидентификации современных африканцев и афроамериканцев в ходе их пребывания на территории США и Великобритании. Что касается ранних работ, то они являются попыткой в начале нового века проследить при помощи художественного слова закономерности исторического развития Нигерии. Одним из таких произведений является роман «Половина желтого солнца». На русский язык роман был переведен в 2011 г., а в 2017 г. был переиздан ввиду своей востребованности.

Роман повествует о судьбе двух сестер, Оланны и Кайнене, из богатой нигерийской семьи во время событий 1967–1970 гг., когда в Нигерии разразилась страшная и кровопролитная гражданская война, которая была вызвана политической и этнической борьбой и попыткой отделения Восточных провинций страны под пред-

водительством игбо и созданием частично признанной Республики Биафра. Как государство Нигерия образовалась в 1914 г. под руководством Британии. До этого на этой территории проживали разные племена: языческие йоруба и игбо на юге были насильно объединены с северными мусульманами-хауса, которые почти до 1960-х гг. находились у власти. Как признается сама писательница [5], она выросла в тени трагедии Биафры, с детства слушала рассказы отца и матери о гражданской войне в Нигерии, во время которой те лишились своего имущества и потеряли родителей, поэтому еще в 16 лет она решила, что напишет об историческом прошлом своей Родины. Кроме того, в Нигерии до сих пор много людей, которые надеются на возвращение пропавших во время гражданской войны родственников.

Так, российские исследователи Н. Ю. Ильина [6, с. 287–303], З. В. Мокрушина [7, с. 89–98] анализируют роман как произведение о гражданской войне, не касаясь вопросов национальной, этнической, культурной идентификации современного нигерийца, что, на наш взгляд, является серьезным упущением при исследовании творчества Адичи, поскольку сама писательница заявляет о своей заинтересованности в освещении процесса идентификации в современном транскультурном мире [8], где, по мнению теоретика и основателя Бирмингемской школы культурологических исследований Стюарта Холла, «процесс формирования идентичности не может быть завершен, и каждая личность находится в состоянии постоянного пересмотра собственной идентичности, в особенности во взаимодействии с „Другим“» [9, с. 41–68]. Обращение к собственной идентичности заявлено уже в названии романа, которое также отсылает читателя к историческому прошлому Нигерии. Половина желтого солнца – это флаг новой самопровозглашенной республики Биафры, преисполненной надеждой на будущее, однако тяжелейшее испытание гражданской войной трансформируют образ восходящего солнца в образ солнца, которое заходит над кровавой опустошенной землей в конце романа. Подобное название романа свидетельствует об этнической принадлежности героев романа, о важности которой неоднократно заявляет Адичи, определяя себя не как нигерийку, а представительницу игбо среднего класса [5].

Роман разделен на четыре части, где в первой и третьей изображается страна накануне гражданской войны, а вторая и четвертая описывают основные события вооруженного конфликта. В художественном мире романа Ч. Н. Адичи Нигерия показана как страна, живущая в условиях

политических и этнических противоречий, классового разделения, где власть сосредоточена в руках элиты хауса, в то время как низы игбо вынуждены прозябать в трущобах безо всякой надежды на улучшение своего положения. Кайнене, одна из главных героинь, описывает хауса так:

«Новая нигерийская верхушка – сборище невежд: ничего не читают, едят непривычные и нелюбимые блюда в дорогих ливанских ресторанах и ведут светские беседы о своих машинах» [10, с. 98].

Несмотря на то, что Кайнене живет в крупном городе Порт-Харкорте и достаточно успешно управляет бизнесом, сотрудничая с правительством хауса, она критикует этот этнос, который строит свою жизнь в соответствии с британскими стандартами и, по сути, ведет ту же колониальную политику, что и британцы вплоть до образования нигерийского государства:

«Народу игбо цари неведомы. А сейчас белые поставили над нами назначенных вождей, и эти глупцы величают себя царями» [Там же, с. 109].

Став свидетелем зверских убийств игбо, Кайнене отказывается вести торговлю с хауса, даже во вред семейному бизнесу. Позже в романе она активно участвует в войне, руководит лагерем для беженцев игбо, занимается гуманитарной помощью, поскольку ее образ является воплощением непоколебимости духа Биафры [11]. Героиня воспринимает себя в первую очередь как игбо, а не как нигерийку, тогда как представителей хауса она причисляет к нигерийцам. Как справедливо замечает Е. В. Андрианова, даже относящиеся к одной и той же нации и культуре люди могут быть «своими» и «чужими» [12, с. 171–177]. Представляя новое поколение игбо, чья этническая принадлежность формируется и осознается ее носителями одновременно с появлением новой государственности, в конце романа Кайнене пропадает без вести, что можно соотносить с поражением Биафры и дальнейшим угнетением игбо.

Еще одним представителем нового поколения выступает профессор математики Оденигбо, интеллектualan, один из активных деятелей университетской среды Нсуки, который устраивает встречи сторонников свободной Биафры, с горящими глазами отстаивает свои идеи, ездит по деревням с агитбригадой и просвещает народ. В начале романа он является ярким сторонником идей panaфриканизма, а затем становится одержим идеей разделения Нигерии по этническому признаку и создания Биафры:

«Африканец по-настоящему отождествляет себя лишь со своим племенем. Я нигериец, потому что белые создали Нигерию и назвали меня нигерийцем. Я черный, поскольку белые делят людей на расы, чтобы подчеркнуть свое отличие от нас. Но прежде всего я – игбо, ведь наш народ существовал и до прихода белых» [10, с. 36].

Описывая ужасные события 1960–70-х гг., Н. Ч. Адичи, безусловно, симпатизирует игбо и осуждает народ-хауса в развязывании межэтнических конфликтов, а затем гражданской войны. Так, несколько раз в романе Оланна еще в довоенное время становится жертвой этнической дискриминации. Например, сосед в самолете отказывается с ней разговаривать, когда узнает, что она игбо, или когда Оланна отказывается от отношений с Мухаммедом, отпрыском из богатой семьи хауса, члены которой называют ее врагом, а брак с ней пятном на всей родословной молодого человека. Во время войны семья Оланны становится жертвой бесчеловечной резни, когда солдаты-хауса убивают близких родственников героини, издеваются над беременными женщинами, отрезают головы детям. Обвинения писательницы направлены и против британской политики колониализма, которые звучат из уст Оденигбо:

«Эта политика ориентируется на различия между племенами и поощряет отсутствие единства, что делает управление огромной страной таким легким» [Там же, с. 166].

Единственное нелестное высказывание в отношении игбо звучит из уст англичанки Сьюзен, проживающей в Нигерии:

«Если подумать, они сами виноваты: держатся особняком, нос задирают, все рынки у них в руках. Как евреи, право слово... Помню, когда я сюда приехала, меня предупредили: тысячу раз подумай, прежде чем нанимать слугу-игбо, не успеешь оглянуться, он и дом твой, и землю присвоит» [Там же, с. 224].

Героиня демонстрирует типичное отношение европейцев ко всем африканцам, что, по мнению С. Н. Фильюшкиной, характеризует не только того, кто является объектом стереотипных суждений, но и того, кто такой стереотип создает [13, с. 141–155]. Через образ Сьюзен писательница демонстрирует традиционное уничижительное отношение британцев к нигерийцам, продвигая идею о том, что африканцы остались примитивными дикарями, которые только выигрывают от британского покровительства, поскольку таким образом у них появляется воз-

можность познакомиться с цивилизацией. Плохо скрывая свое высокомерие и фальшь в речах, британцы организуют закрытые клубы для игры в поло, в котором «*черные ничего не смыслят*» [10, с. 335], устраивают вечеринки «только для белых», где обсуждают следующее:

«<...> нигерийская политика – сплошь первобытная дикость и „эти ребята“ не готовы управлять страной <...> здешние жители – попрошайки, готовьтесь к тому, что от них воняет, что они будут стоять на дорогах и глазеть на вас, не верьте жалобам на тяжелую жизнь, прислугу держите в строгости» [Там же, с. 84].

Но главным развлечением подобной вечеринки становится анекдот об африканце, который «гуляет с собакой; мимо идет англичанин и спрашивает: „Что ты делаешь рядом с этой обезьяной?“ Негр отвечает „Это не обезьяна, а собака“, будто англичанин обращался к нему!» [Там же].

Казалось бы, иное отношение к нигерийцам демонстрирует Ричард Черчилль, молодой британец, который, в отличие от своего знаменитого тезки, восхищается и верит в народ игбо. Прежде всего его поражает то, что в Нигерии были найдены древние сосуды, свидетельствующие о высокоразвитой культуре. Также ему импонирует то, что у народа игбо никогда не было царей, которые бы угнетали народ. Символичным становится и выбор Ричарда возлюбленной, он оставляет свою соотечественницу ради африканки Кайнене, что шокирует Сьюзен, потому как чернокожих женщин она не воспринимает как равных и не видит в них достойных соперниц. В конце романа подлинность чувств к Кайнене не вызывает сомнений у читателя, но в начале повествования даже сам герой задумается об истоках его увлечения, не есть ли это возможность «*по-развлечься с чернокожей*» [Там же, с. 104].

Несмотря на его интерес к африканцам, в начале романа подсознательно отношение Ричарда к ним остается имперским. Хоть на его лице не было выражения «*мы, мол, знаем вас, африканцев, лучше, чем вы сами себя*» [Там же, с. 59], Адичи акцентирует внимание читателей на большом росте героя, из-за чего Ричард привык быть выше всех, смотреть на африканцев сверху вниз. Его увлечение нигерийской культурой приводит к тому, что он пытается написать два романа, один об искусстве игбо, а второй о войне, что, несомненно, можно трактовать как желание белого человека рассказать историю, во-первых, заведомо субъективную, поскольку он не является африканцем, во-вторых, как возможность продемонстрировать необразованность африкан-

цев, неспособных осознать историческую значимость культурных артефактов и происходящих событий. Кроме того, в Лондоне Ричард был достаточно посредственным журналистом, типичным аутсайдером, что заставило его покинуть Англию и фактически отказаться от своей национальной составляющей, а написание им романа в Нигерии следует рассматривать как попытку достичь признания если не в столице империи, то хотя бы за ее пределами. Во время гражданской войны Ричарду все-таки удастся стать неплохим журналистом, чьи статьи привлекают внимание общественности, он осуждает главное правило западной журналистики, когда убитый белый равен сотне мертвых черных, не оставляет попыток выучить язык, что, несомненно, дает ему доступ к закрытому сообществу игбо. Несмотря на то что опыт войны приближает героя к этническому сообществу игбо, он не становится его частью, а по-прежнему остается европейцем:

«Его пугало то, что он хорошо спал по ночам, что его все еще успокаивал аромат апельсиновых листьев и бирюзовая тишина моря. Он не опасался за свою жизнь, поэтому массовые убийства не касались его; он наблюдал за ними со стороны, зная, что он в безопасности» [Там же, с. 466].

Как объясняет сама Н. Ч. Адичи [5], невозможность Ричарда говорить о чужом наследии и историческом прошлом неслучайна, потому что об Африке могут рассуждать только африканцы, и, по ее мнению, пришло время самим африканцам рассказать эту историю. Как становится известно в конце романа, именно молодой игбо, герой по имени Угву, создает книгу о войне. Угву – деревенский юноша, слуга в доме Оденигбо, поэтому его восприятие мира ограничено домом хозяина. Уроки Угву, полученные в доме Оденигбо, влияют на героя, и он проходит огромный путь от не умевшего читать и писать деревенского мальчишки до взрослого мужчины, который многому научился, во время войны работает учителем, принимает участие в военных действиях, а после, осознавая свое происхождение и необходимость говорить об этнических разногласиях, решается написать книгу. Образ Угву представляет собой новое поколение молодых африканцев, которые проживают в сельской местности, но прилагают все усилия для своего развития. Примечательно, что ролевой моделью для героя становится не белый человек, а такой же черный, как и он сам, хозяин, но имеющий идентичную культуру, цвет кожи и происхождение. Об этом мы узнаем из посвящения романа, которое звучит как «*Хозяину, другу моему*»

[10, с. 603]. Угву постоянно изучает книги Оденигбо, пытается их прочитать, подражает хозяйну в одежде и манере говорить, что свидетельствует о том, что ориентиром для современных африканцев должны стать молодые образованные и прогрессивные соотечественники, а не белые колонизаторы. Сама Адичи сравнивает себя с образом Угву, потому что, по признанию писательницы, она черпает вдохновение для произведений у своего учителя, известного нигерийского писателя Чинуа Ачебе [5].

Кроме Угву, во многом образ Оланны наделен многими автобиографическими чертами, что является характерной тенденцией современной мультикультурной прозы. Подобно своей героине, которая сохраняет свое африканское имя даже обучаясь в Европе, Ч. Н. Адичи не отказывается от имени Чимаманду, которое часто пытались сократить до европейского Аманда. Имяна-речение является важным атрибутом африканской культуры, поэтому, как и присутствие в имени писательницы «Нгози», что на языке игбо переводится как «благословение», так и значение имени Оланны («Золото Бога») является сакральным.

Оланна представляет собой новый тип женщины нигерийского общества, которая, согласно идеям С. де Бовуар [14], становится «Другой» по отношению к социально доминирующему мужчине. Героиня является представителем среднего класса, получает высшее образование в Англии, предпочитает сама себя обеспечивать и отстаивает свое право выбирать супруга самостоятельно, не соглашаясь на брак по расчету. Свои феминистические взгляды Адичи высказала в эссе «Мы все должны быть феминистками» [15], заявляя о том, что гендер является социальной характеристикой, и, опираясь в основном на свой личный опыт, она отвергает гендерное распределение ролей в обществе. Писательница ратует за высшее образование и экономическую независимость женщины, что позволит ей ощутить себя на равных с мужчиной. Создавая героиню, подобных Оланне, Адичи продолжает тенденцию, характерную для африканского феминистского дискурса, представленного целым рядом современных африканских писательниц, таких как Флора Нвапа, Бучи Эмечета, Кайне Агари и др.

В романе Оланне противопоставлена Матушка, мать Оденигбо, которая представляет человека с укоренившимися «старыми» взглядами. Она – пожилая необразованная женщина из сельской местности, которая воспринимает невестку как угрозу традициям, заявляя, что «слишком много образования губит женщину» [10, с. 98]. По ее мнению, Оланна недостойна называть себя игбо

и стать женой ее сына, потому что мать не вскормила ее грудью, и, соответственно, молодая девушка является ведьмой. Отсутствие детей в паре Оланны и Оденигбо она решает патриархальным способом: одурманивает сына с помощью трав и заставляет свою служанку заняться с ним сексом, что также свидетельствует об отсутствии каких-либо прав у африканской женщины, она воспринимается только как объект для продолжения рода. Будучи приверженцем укоренившихся порядков, она отказывается покинуть свой дом во время войны и погибает, что на символическом уровне можно рассматривать как смерть старых устоев и традиций, тогда как Оланна с новым видением жизни остается живой в конце романа.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, обращаясь к историческому прошлому Нигерии, в романе «Половина желтого солнца» Ч. Н. Адичи сосредоточивает свое внимание на разных составляющих процесса идентификации в современном африканском пространстве. Через образы Кайнене и Оденигбо писательница показывает особенности этнического самоопределения внутри Нигерии. Наличие «Другого» национального характера не разрушает личность и нацию, а наоборот, помогает осознать уникальность африканской идентичности, что и происходит с Угву и Ричардом, а противопоставление Оланны и Матушки свидетельствует о разрушении традиционных гендерных форм в африканской действительности.

Список источников

1. Гавристова Т., Хохолькова Н. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 688–699.
2. Copnall J. Steak Knife // The Times Literary Supplement. 2011. P. 1–22.
3. Шевченко А. Изображение расово-этнического конфликта в романе Чимаманды Нгози Адичи «Американха» // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 481–490.
4. Гранкина Е. Проблема «Другого» в романе Чимаманды Нгози Адичи «Американха»: национальный аспект // Вестник БДПУ. 2022. № 3. С. 142–146.
5. Adichie Ch. Things Left Unsaid: Chimamanda Adichie Reviews «There Was A Country» by Chinua Achebe // One Page Weekly, 2012. URL: <https://www.lrb.co.uk/v34/n19/chimamanda-adichie/things-left-unsaid> (дата обращения: 20.05.2024).
6. Ильина Н. Нигерийские писатели о гражданской войне 1967–1970 гг. // Труды Института Востоковедения. 2017. № 3. С. 287–303.

7. Мокрушина З. Нигерийские публицисты: от исторического конструктивизма к историческому настоящему // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 89–98.

8. Adichie Ch. The Danger of a Single Story // TED. Jule 2009. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_the_danger_of_a_single_story/transcript?language=ru (дата обращения: 20.05.2024).

9. Hall S. Old and New Identities, Old and New Ethnicities // Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Condition for the Representation of Identity: edited by Anthony D. King. Minneapolis: U of Minnesota Press. 1997. P. 41–68.

10. Адичи Ч. Половина желтого солнца. М.: Фантом Пресс, 2019. 608 с.

11. Awelewa A. The Archetypal Search for Kainene: Adichie's *Half of a Yellow Sun* // African Studies Bulletin. 2016. No. 78. P. 105–117.

12. Андрианова Е. Процесс самоидентификации как литературоведческая проблема // Вестник МГЛУ. 2018. Сер. 1, Филология. 2018. № 6 (97). С. 171–177.

13. Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и в литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 125–139.

14. Бовуар де С. Второй пол. СПб: Азбука, 2021. 928 с.

15. Адичи Ч. Мы все должны быть феминистками // СамКульт, 2016. URL: <http://samcult.ru/review/5871> (дата обращения: 20.05.2024)

References

1. Gavristova, T., Khokhol'kova, N. (2022). *Postkolonial'naya epistemologiya: afrikanskije "registry"* [Postcolonial Epistemology: African "Registers"]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 22. No 4, pp. 688–699. (In Russian)

2. Copnall, J. (2011). *Steak Knife*. The Times Literary Supplement. Pp. 1–22. (In English)

3. Shevchenko, A. (2022). *Izobrazheniye rasovotnicheskogo konflikta v romane Chimamandy Ngozi Adichi "Amerikanah"* [The Representation of Racial and Ethnic Conflict in Chimamanda Ngozi Adichie's "Americanah"]. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. T. 19 (3), pp. 481–490. (In Russian)

4. Grankina, E. (2022). *Problema "Drugogo" v romane Chimamandy Ngozi Adichi "Amerikanah": natsional'nyi aspekt* [The Problem of "Other" in the Nov-

el by Chimamanda Ngozi Adichie "Americanah": A National Aspect]. Vestnik BDPU. No. 3, pp. 142–146. (In Russian)

5. Adichie, Ch. (2012). *Things Left Unsaid: Chimamanda Adichie Reviews "There Was a Country" by Chinua Achebe*. One Page Weekly. URL: <https://www.lrb.co.uk/v34/n19/chimamanda-adichie/things-left-unsaid> (accessed: 20.05.2024). (In English)

6. Il'ina, N. (2017). *Nigeriiskie pisateli o grazhanskoi voine 1967–1970 gg.* [Nigerian Writers about the Civil War of 1967–1970]. Trudy Instituta Vostokovedeniya. No. 3, pp. 287–303. (In Russian)

7. Mokrushina, Z. (2019). *Nigeriiskie publitsisty: ot istoricheskogo konstruktivizma k istoricheskomu nastoyashchemu* [Nigerian Publicists: From Historical Constructivism to the Historical Present]. Kunstkamera. No. 4 (6), pp. 89–98. (In Russian)

8. Adichie, Ch. (2009). *The Danger of a Single Story*. TED. URL: https://www.ted.com/talks/chimamanda_ngozi_adichie_the_danger_of_a_single_story/transcript?language=ru (accessed: 20.05.2024). (In English)

9. Hall, S. (1997). *Old and New Identities, Old and New Ethnicities*. Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Condition for the Representation of Identity: edited by Anthony D. King. Pp. 41–68. Minneapolis, U of Minnesota Press. (In English)

10. Adichi, Ch. (2019). *Polovina zhelтого solntsa* ["Half of a Yellow Sun"]. 608 p. Moscow, Fantom Press. (In Russian)

11. Awelewa, A. (2016). *The Archetypal Search for Kainene: Adichie's "Half of a Yellow Sun"*. African Studies Bulletin. No. 78, pp. 105–117. (In English)

12. Andrianova, E. (2018). *Protsess samoidentifikatsii kak literaturovedcheskaya problema* [The Process of Self-Identification as a Literary Problem]. Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya. No. 6 (97), pp. 171–177. (In Russian)

13. Filyushkina, S. (2005). *Natsional'nyi stereotip v massovom soznanii i literature (opyt issledovatel'skogo podkhoda)* [National Stereotype in Mass Consciousness and Literature (Experience of a Research Approach)]. Logos. No. 4 (49), pp. 125–139. (In Russian)

14. Bovuar, de S. (2021). *Vtoroi pol* [The Second Sex]. 928 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)

15. Adichi, Ch. (2016). *My vse dolzhny byt' feministkami* [We Should All Be Feminists]. SamKul't. URL: <http://samcult.ru/review/5871> (accessed: 20.05.2024). (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Щепачева Инна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
inna.schepacheva@yandex.ru

Shchepacheva Inna Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
inna.schepacheva@yandex.ru

УДК 82:801.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-254-259

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: КАШШАФ ПАТИИ

© Нурфия Юсупова

FORGOTTEN NAMES: KASHSHAF PATII

Nurfiya Yusupova

The article studies Kashshaf Patii's work, identifying the development features of his poetry in the context of literary and aesthetic thought of the early twentieth century. As research shows, the educational paradigm contributes to the formation of a poetic concept of the world, the concept of a lyrical hero and motifs in his works. Tracing the main trends in the development of Kashshaf Patii's poetry and the main periods of his work, we identify the features of the development of national literature of the early twentieth century as a whole and determine general and specific aspects in the patterns of the national literary art development. This determines the relevance of our work. It is for the first time that the work of Kashshaf Patii has become the object of a systematic study and literary analysis. It is the first study about the life and creative biography of the poet. As a result of the study, we conclude that Patii's first works put forward the idea of developing Tatar society on the basis of education, knowledge and culture; their dominant motif is Tatar society's call for social transformation. At the same time, romantic techniques predominate in the artistic and aesthetic aspects. This indicates that the poet's work belongs to educational romanticism. At the second stage of his work, the author reflects on the mission of the poet and poetry in the context of classical romanticism - on the highest values in the world, while serving the nation is interpreted as divine predestination. The alienated lyrical hero, experiencing loneliness, comes to the fore in his philosophical lyrical poetry.

Keywords: Tatar poetry of the early twentieth century, Kashshaf Patii, motif, lyrical hero, enlightenment romanticism, classical romanticism

В статье рассматривается творчество Кашшафа Патии, выявляются особенности развития его поэзии в контексте литературно-эстетической мысли начала XX века. Как показывают исследования, просветительская парадигма способствует формированию поэтической концепции мира, концепции лирического героя и мотивов в его произведениях. Проследивание основных тенденций развития поэзии Кашшафа Патии, определение основных периодов его творчества позволяют выявить специфические особенности развития национальной литературы начала XX века в целом, определить общее и особенное в закономерностях развития национального словесного искусства. Этим определяется актуальность нашей работы. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней творчество Кашшафа Патии впервые становится объектом системного изучения и литературоведческого анализа. Это первое исследование жизненной и творческой биографии поэта, в результате чего утверждается, что в первых произведениях Патии звучит мысль о необходимости развития татарского общества на основе просвещения, знаний и культуры, доминирует мотив призыва татарского общества к социальным преобразованиям. При этом в художественно-эстетическом аспекте преобладают романтические приемы. Это свидетельствует о принадлежности творчества поэта к просветительскому романтизму. На втором этапе творчества в контексте классического романтизма автор размышляет о смысле жизни, смысле бытия, миссии поэта и поэзии – о высших ценностях на свете, при этом служение поэзии, нации интерпретируется как божественное предопределение. В философской лирике на первый план выдвигается отчужденный лирический герой, находящийся в состоянии одиночества.

Ключевые слова: татарская поэзия начала XX в., Кашшаф Патии, мотив, лирический герой, просветительский романтизм, классический романтизм

Для цитирования: Юсупова Н. Забытые имена: Кашшаф Патии // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 254–259. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-254-259

В начале XX в. татарская литературно-эстетическая и общественно-философская мысль вступает в эпоху ускоренного развития, исторические события начала столетия создают условия для перемен и трансформаций в литературно-эстетическом процессе. Изменения в содержании и структуре татарской литературы той эпохи были настолько значительны, что вызвали много споров, дискуссий по поводу «целесообразности» подобных изменений [1, с. 109]. По мнению Г. Гачева, каждый народ «в определенный момент (обычно это бывает в эпоху складывания наций) пробуждается к новой исторической жизни, включается в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигается вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие народы и нации» [2, с. 4]. Подобное ускоренное развитие, а также преобразования в татарской литературе начала XX в., формирование иной, новой литературной модели, смена дискурса, возникновение новой художественной парадигмы начинается с поэзии – с самого оперативного и гибкого вида словесного искусства. Творчество целой плеяды поэтов, чувствительных к новым литературным веяниям, знающих мировую литературу, поставивших перед собой задачу реформирования литературно-эстетической мысли, дали импульс для формирования новых тенденций в словесном искусстве, зарождения новой поэзии [3, с. 207].

В начале XX в. на литературную арену вступает огромное количество авторов, общее число которых, согласно рукописи, составленной литератором-текстологом Р. Гайнановым, достигает восьми сотен, из них более трехсот были поэтами [4, с. 4]. Однако многие имена и их творчество до сих пор остаются в тени, среди них фигурирует и литературное наследие Кашшафа Патии.

Габделькашшаф Шарифович Патиев (Кашшаф Патии – литературный псевдоним) – поэт, педагог, мулла – родился в 1884 г. в деревне Зимница Хвалынской губернии (ныне Саратовская область) в семье потомственного муллы. В 1905 г. будущий поэт приехал в Казань, учился в медресе, работал в типографиях, участвовал в работе литературного кружка под руководством Амирхана в медресе «Мухаммадия», начал публиковать свои первые статьи на страницах периодической печати с псевдонимами Кашшаф Патин и К. Патин [5, с. 144]. Отдельные источники указывают на то, что Кашшаф в 1909 г. уехал в деревню и некоторое время служил муллой в родном селе [6, с. 197].

В эти годы Патии вошел в ближний круг друзей Габдуллы Тукая и до самой смерти поэта

дружил с ним. Кроме того, он стал вольным слушателем медицинского факультета Казанского императорского университета, поэтому друзья поэта называли Кашшафа «заместителем Тукая по здравоохранению». После 1915 г. Кашшаф вернулся в родную деревню, где открыл школу и занялся обучением детей, вел просветительскую деятельность. В начале 1920-х гг., следуя за движением ликвидации безграмотности, с группой татарских учителей направился в Узбекистан в город Хива, где до 1927 г. занимался преподавательской деятельностью. Однако в конце 1920-х гг. семья Патиевых была репрессирована и выслана в Архангельск, но Кашшафу удалось получить разрешение на отъезд в Узбекистан с целью заняться преподавательской деятельностью. После этого вплоть до смерти в 1971 г. он проживал с семьей сначала в Ташкенте, позднее в Андижане, где работал учителем, в одно время даже агрономом, занимался агитационной работой.

Кашшаф Патии пришел в литературу в 1907 г. В том году в журнале «Элгасрелджаид» («Новый век») появилось его первое стихотворение – «„Элгасрелжаид“ журналына» («Журналу „Элгасрелджаид“») [7]. Этот стих, по сути, был посвящен дню рождения журнала, поэтому в нем К. Патии всячески хвалил журнал, тем самым вспоминая и восхваляя Тукая, который принимал активное участие в его издании:

«Ул тарафта аның кеби шагыйрь юктыр,
Һәр шигыре укучыны уйландыра...» [Там же]. –
«Там, наверно, нет такого поэта.

Каждое стихотворение задумывает читателя...» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н. Ю.).

В стихотворении наблюдается стремление видеть в Тукае поэта-наставника, возглавляющего литературный процесс, он интерпретируется как мерило подлинной поэзии, поэтический образец для тех, кто претендует на высокое звание поэта.

Первая книга стихов Кашшафа Патии, составленная Хайруллой Йосфи и объединявшая 18 стихов, вышла в 1910 г. в типографии Каримовых под названием «Патии шигырьләре» («Стихи Патии») [8]. После публикации этого сборника творчество молодого поэта получило высокую оценку в татарской литературной критике. Так, газета «Идель» сообщила о поступлении в правление стихов Кашшафа Патии и интерпретировала их как «...прекрасные, впечатляющие и пронизанные национальным духом стихи» [9], отметив, что «Кашшаф Патии заслуживает занять второе место после Г. Тукая» [Там же]. В 1915 г. был издан второй сборник стихов «Эшгарь» («Стихи») [10], в который вошли около 30 стихо-

творений поэта. Кроме того, текстологи относят к Патии сборник «Девять цветов», опубликованный в 1906 и 1912 гг. при авторстве Абдулкашшафа Зимницы [11, с. 519], [6, с. 197]. На сегодняшний день 12 стихотворений Патии перенесены в кириллицу З. Рамиевым и опубликованы в его книге «Татарская поэзия: начало XX века» [6, с. 197–200]. Однако значительная часть творческого наследия поэта до сих пор остается не перенесенной в кириллицу и находится в отделах рукописей Национальной библиотеки РТ и ИЯЛИ АН РТ. Отсутствие монографических исследований поэтического наследия Кашшафа Патии в татарском литературоведении также усиливает актуальность нашей работы.

Многие стихотворения К. Патии, написанные на начальном этапе его творчества, ориентируются на просветительскую парадигму, в них доминируют мотивы призыва татарского читателя к знаниям, просвещению, утверждается, что это – ключевой путь к национальному, духовному возрождению, преобразованию татарского общества. В стихах ярко выражены идеи просветительства: призыв к распространению знаний и модернизации татарского общества («Ерак мәмләкәттәге дустыма» («Другу, живущему вдалеке»), «Дустыма» («Другу»), «Мөхәммәдиядән: Сөальләр» («Из Мухаммадии: Вопросы»), «Каләмгә» («Перу»), «Сукачыга» («Пахарю»), «Яңа тормышка» («Новой жизни»), призыв к духовному совершенству («Гыйбрәт» («Поучение»), «Җәһиз милләткә» («Родной нации»), осознание необходимости социальных преобразований («Чәпан»), призыв к преодолению религиозного фанатизма «Ватсаң» («Разбиться»)).

Например, в стихотворении «Ерак мәмләкәттәге дустыма» («Другу, живущему вдалеке») поэт критикует консервативность татарского общества и религиозный фанатизм. Кадимизм, борьба против просвещения, невежественность считаются основными проблемами татарского общества того времени.

В структуре текста на первый план выходит оппозиция джадидизм/кадимизм в модификации школа / публичный дом. Такая своеобразная оппозиция становится формой выражения авторской идеи: лирический герой призывает к социальным преобразованиям, модернизации татарского общества, утверждает, что национальное возрождение невозможно достичь без просвещения, не развивая джадидических взглядов:

«Кемсә бездә оста алдый алса шул матур булып,
Киң чәпан, койрыклы чалмалар кигән матур булып...
Яңа ысул мәктәп ачса бездә мордар булып,

Бездә мәктәп урынына фәхешханә мәгъмур булып» [8, с. 3–4]. –

«Кто сможет у нас искусно обмануть, будет тот красавцем.

Кто ходит в широких чапанах и в чалмах, будет тот красавцем...

Если откроет джадидскую школу, будет грешным мерзавцем.

У нас приветствуется открытие публичного дома».

Отдельные стихи поэта поднимают проблему свободы татарской женщины, в них сатирический дискурс направлен против безнравственности и религиозного фанатизма. К примеру, в стихотворении «Чәпан» чәпан становится символом невежества, кадимистских взглядов, покрывающих жизнь татарских женщин. Патии выступает в защиту равноправия женщин:

«Хатын-кыз галәмен каплап алган бу яшел чәпан!
Бетешкән яктылыкларны алар соң күрәчәк кайчан?..

Хатын-кызның надан калуына сәбәп чәпан, чәпан,
Чәпанга будыр актык сүз! Татарлыктан ерак кайчан!» [Там же, с. 4]. –

«Этот зеленый чәпан, покрыл мир татарских женщин!

Когда же они увидят этот мир?..

Поводом к невежеству женщины стал чәпан, чәпан.

Это последнее слово чәпану! Пусть уходит от татар далеко!»

В отдельных стихах К. Патии ставятся проблемы предназначения поэта-гражданина, его места и роли в татарском обществе. В них миссию развития, продвижения татарского общества поэт возлагает на литературу, тем самым утверждая божественную сущность поэзии. Так, в стихотворении «Поэту» говорится о том, что поэтическое слово, как проводник божественного совершенства, должно изменить мир, вывести читателя в свет:

«Я шагыйрь! Шигыйрь яз, тасвир ит син төрле сүзләргә,..

Караны ак яса, Уздырчы? Аклыктагы безләргә» [Там же, с. 5]. –

«О, поэт! Пиши стихи, описывай разные слова...

Сделай черное белым, Перегони? Нас, живущих в белом свете».

Во втором этапе его творчества доминируют приемы классического романтизма, мотивы смысла жизни, смысла бытия и высших ценностей выступают смыслообразующими мотивами. Философский дискурс представляет одинокого, отчужденного лирического героя, в таких произ-

ведениях душевные переживания лирического героя связаны с низменностью людей. В стихотворении «Гыйбрэт» («Поучение») подобный лирический герой восхваляет духовные ценности, не находит понимания в жизни среди равнодушных людей, призывает их пересмотреть жизненные ценности: *«Подумай об этом, возьми себе урок»*. Исповедальность и внутренний драматизм, стенание связаны с ощущением духовного кризиса людей, крушением надежд. Зависть, безнравственность, равнодушие, жажда мести по этому оцениваются как невежество:

«Бер бәлагә очрасаң берәү дә килмәс яныңа,
Дуст дигәнәң дә риза булмас синең зур шаныңа,
Кемсә бакмас әһле ялкынлы сулышлы хәлеңә,
Кул чабар, тамаша итәр ачы бер фәрьядыңа» [Там же, с. 2]. –

«Если встретишь беду, никто не придет к тебе.
Твои благие дела не обрадуют и друга.
Никто не поддержит когда болеешь,
Аплодирует, смотрит, как на зрелище, на твою горькую жизнь».

По мнению автора, высший смысл, идеал существования человека – жить горестями и заботами других, в посвящении себя другим. Стихотворение «Тормыш» («Жизнь») также формируется как монолог одинокого, отчужденного от жизни лирического героя. Он мучается, думает о том, что «не нашел настоящего счастья», «не обнаружил зверя у ворот», «не появилась в его жизни птица счастья»:

«Акты тормыш, чын сәгәдәт бәхте берләң акады,
Шат, ачык йөз берлә бер тапкыр көлеп тә бакмады...

Бар диләр бәхет кошы, ләкин килеп ул кунмады;
Чын бәхетсез булдың инде, һич тә бәхтем булмады» [12]. –

«Прошла жизнь, но не была счастливой.
Ни разу не смотрела на меня с веселым, приветливым лицом...
Говорят, есть птица счастья, но она не садилась.
Я был несчастным, не было счастья».

Самая драматическая точка стенания в последних строках:

«Узды яшь вакытым эрәмгә, узды, һич туктамады;
Үз-үземә кызганыч булсам да, ул кызганмады» [Там же]. –
«Моя жизнь прошла, не остановилась.
Мне жалко себя, но жизнь не пожалела меня».

Лирический герой, не сумевший осуществить мечты, осознает, что его молодость ушла, но не оправдала надежд, она прошла бесполезно, его стенание, таким образом, возникает как резуль-

тат осознания недостижимости счастья и мечты. Это стихотворение – яркий пример, свидетельствующий о стремлении К. Патии к символическому мышлению.

Стихотворение «Дөньядан» («Из этого мира») [10, с. 27] написано в форме риторического обращения. Лирический герой обращается к татарскому читателю («ты») и призывает обрести не пропадающее, несправедное богатство. В данном ключе высоко поднимается служение народу, этот путь подтверждается самым правдивым путем, вечно не гаснущим и не теряющимся богатством, идеалом каждого человека. В стихах «Музыка» [13], «Курайчы башкорт бабайга» («Башкирскому дедушке-кураисту») [10, с. 23] и «Илләрдә» («В мире») [8, с. 21] лирический герой обращается к музыке, призывает ее развлечь, пробудить татарское общество. В них музыка поднимается на высоту божественной силы, которая совершенствует человека, спасает его от духовной темноты. В стихотворении «Билгеле» («Известный») [14] то же состояние передается через обращение к возлюбленной. В нем любовь интерпретируется как источник поэтического и душевного вдохновения.

В романтических произведениях утверждает святая миссия поэта: быть борцом за свободу, защитником народа, человеком с сильным духом, способным увлечь за собой нацию. В стихотворении «Тукайга» («Тукаю») романтическая символика становится своеобразным художественным приемом создания образа Тукая:

«Тукай, син бриллиант халкың күзендә,
Һаман ялт-йолт итәр «Ялт-йолт» йөзендә.
Бәләнд рухын, бәләнд аң диңгезендә,
Тирән эз калды ул узган эзендә...
Тыныч тор, акланып тор ак бүзендә,
Чәчәк атты гөләң дә һәм гүрәң дә» [15, с. 4]. –
«Тукай, ты бриллиант в наших глазах.
По-прежнему блесит „Ялт-йолт“.
Дух счастья, в маленьком море сознания.
Глубокий след оставил...
Будь спокойным, оставайся в белом саване.
Процветал твой сад и твоя могила».

Символ жемчуга, бриллиантовых драгоценных камней входит в литературный оборот в средневековой поэзии, широко используется и в поэзии самого Тукая. Символический образ – жемчуг – означает слезы, горе, страдание. У Маари «жемчужина» противопоставлена «капле слезы». «Капля слезы» и является подлинной драгоценностью, жемчужиной. Тукай творчески воспринимает и развивает эту традицию арабской поэзии [1, с. 115]. Символы жемчуга и бриллианта в структуре стиха Патии использу-

ются в двух значениях: во-первых, подчеркивают подлинную драгоценность поэзии Тукая, во-вторых, ассоциируются с образом слез в связи с безвременной кончиной поэта. Подобная многозначность образа включает возможность выявления новых смысловых нюансов, тончайших изгибов мысли [16, с. 62]. Кроме того, обращаясь к символике белого цвета и образу цветка, поэт символизирует духовную чистоту поэта, величие его поэзии, процветающей в словесном искусстве. Тот же мотив прослеживается и в стихотворении «Шагыйрь кабере» («Могила поэта»), в котором Тукай воспринимается как идеал, посвятивший себя служению нации, творчеству, поэзии:

«Син шагыйрь кабере! Синең баш очында милләт көрсенә,

Үз рухы, үз тойгысы ташкан кабергә күз тегә.

Тор рәхәт кабреңдә, шагыйрь, кер дә кунмас исменә.

Мәңгелек ядкар итеп билгә кадарбыз өстенә.

Шөбһәсез, хадимәтләрлек исмен күңелне үстерә,

Тәкъдирә куйдык, чәчәк бәйләмнәрен киң кабреңә» [10, с. 15]. –

«Ты, могила поэта! В одном конце могилы народ вздыхает.

Смотрит на могилу, в которой лежит его дух, его чувства.

Спи, поэт, в своей могиле, не загрязняя свое имя.

Будем наносить на тебя знак вечным памятником.

Без сомнения, твой великий дух развивает тысячу душ.

Поставили как памятник в твою могилу букеты цветов».

Отдельные стихи К. Патии пронизаны мотивом любви к Богу и воспринимаются не только как обращение к Абсолюту, но и как «разговор» с читателем о судьбе человека:

«Кайда башланса Ходайга буйсыну,

Анда чын бәхетле тормыш башлана.

Әмма динсезлеккә булса кузгалу,

Шунда чын тормыш бетә, эш ташлана»

[Там же, с. 3]. –

«Где начнется повиновение Богу,

Там начинается настоящая счастливая жизнь.

А там, где властвует неверие,

Там и кончается настоящая жизнь».

Лирический герой призывает опираться на Бога, подчиняться ему, молиться, утверждая, что это самый праведный путь, источник человеческого счастья. При этом духовное состояние человека противопоставляется материальным ценностям: «*А там, где властвует неверие, / Там и кончается настоящая жизнь*» [Там же, с. 3]. Кашшаф Патии утверждает: покорность Богу да-

ет человеку счастье, а отчуждение от Бога отталкивает его от жизненного блага.

Таким образом, в первом этапе творчества К. Патии доминирует мотив призыва татарского общества к знаниям, просвещению, джадидизму, и эта задача прежде всего возлагается на поэта и поэзию, эта миссия воспринимается как божественное предназначение. При этом в поэтических произведениях К. Патии, опубликованных в первом сборнике его стихов, доминируют романтические приемы, с помощью которых автор демонстрирует свои просветительские идеалы, на первый план выдвигается просветительская романтика. Это, на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности творчества поэта к просветительскому романтизму.

Во втором этапе его творчества поэта романтические умонастроения и художественные принципы существенно углубляются, доминируют приемы классического романтизма. В романтических произведениях автор размышляет о смысле жизни и смысле бытия, миссии поэта и поэзии – о высших ценностях на свете, при этом служение поэзии и нации в целом интерпретируется как божественное предопределение. В философской лирике на первый план выдвигается стечение отчужденного лирического героя, находящегося в состоянии одиночества в несовершенном бытии. Так Кашшаф Патии прокладывает свой путь в татарской поэзии.

Список источников

1. Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 1997. 192 с.
2. Гачев Г. Д. Неминуемое: Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
3. Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 4: XX йөз башы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 533 б.
4. Рәмиев З. З. Кереш // Татар шигърияте: XX йөз башы. Казан: Мәгариф, 2004. Б. 3–8.
5. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Татар әдәбиятында тәхәллүсләр / төз.: Л. Ш. Гарипова, Г. Н. Зәйниева. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 10 нчы чыг. 300 б.
6. Татар шигърияте: XX йөз башы / төз. З. З. Рәмиев. Казан: Мәгариф, 2004. 447 б.
7. Патии К. Әлгасрелжәдид журналына // Әлгасрелжәдид. 1907. 25 гыйнвар.
8. Патии К. Кәшшаф Патии шигърьләре. Казан: Электро-типография «Урнэк», 1910. 16 б.
9. Яңа эсәр // Идел. 1910. № 241.
10. Патии К. Әшгарь. Казан: Кәримовлар матбагасы, 1915. 31 б.
11. Татар поэзиясе антологиясе: 2 томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 544 б.

12. Патии К. Тормыш // Идел. 1910. № 252.
13. Патии К. Музыка // Идел. 1910. № 238.
14. Патии К. Билгеле // Шура. 1914. № 14.
15. Патии К. Тукайга // Сабыйлар догасы. Казан, 1915. Б. 4.
16. Гафиятуллина Н. М. Образ Тукая в татарской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 174 с.

Библиографический список

1. Әскәров М. Патиевлар // Ватаным Татарстан. 2000. 11 август.

References

1. Nigmatullina, Yu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literatures]. 192 p. Kazan', izd-vo "Fen" AN RT. (In Russian)
2. Gachev, G. D. (1989). *Neminuemoe: Uskorennoe razvitie literatury* [The Inevitable: The Accelerated Development of Literature]. 431 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
3. *Tatar әдәбияты тарихы: 8 томда* (2016) [History of Tatar Literature: In 8 Volumes]. T. 4: XX-йөз башы. 533 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)
4. Rәmiyev, Z. Z. (2004). *Keresh* [Introduction]. Tatar shig'riyate: XX-йөз башы. Pp. 3–8. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)
5. *Rukhi miras: ezlәnylär һәм tabyshlar* (2021) [Spiritual Heritage: Searches and Findings]. Tatar әдәбиятында тәһәллысләр. Төз.: L. Sh. Garipova, G. N. Zәnieva. 300 p. Kazan, TӘhSI. 10 nchy chyg. (In Tatar)

6. *Tatar shig'riyate: XX йөз башы* (2004) [Tatar Poetry: Early 20th Century]. Төз. Z. Z. Rәmiyev. 447 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)
7. Patii, K. (1907). *Әlğasrelәçәdid zhurnalyna* [Algasreljadid Magazine]. Әlğasrelәçәdid. 25 gынvar. (In Tatar)
8. Patii, K. (1910). *Kәshshaf Patii shigyr'lәre* [Poems by Kashshaf Patii]. 16 p. Kazan, Elektro-tipografiya "Urnek". (In Tatar)
9. *Үәңә әсәр* (1910) [New Work]. Idel. No. 241. (In Tatar)
10. Patii, K. (1915). *Әshgar'* [Ashgar]. 31 p. Kazan, Kәrimovlar matbagasy. (In Tatar)
11. *Tatar poeziyase antologiyase: 2 tomda* (1992) [Tatar Poetry Anthology: In Two Volumes]. T. 1. 544 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)
12. Patii, K. (1910). *Tormysh* [Life]. Idel. No. 252. (In Tatar)
13. Patii, K. (1910). *Muzyka* [Music]. Idel. No. 238. (In Russian)
14. Patii, K. (1914). *Bilgele* [Obviously]. Shura. No. 14. (In Tatar)
15. Patii, K. (1915). *Tukaiga* [To Tukay]. Sabyilar dogasy. Kazan. P. 4. (In Tatar)
16. Gafiyatullina, N. M. (2002). *Obraz Tukaya v tatarskoi poezii XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Image of Tukay in Tatar Poetry of the Twentieth Century: Ph.D. Thesis]. 174 p. Kazan'. (In Russian)

Bibliography

1. Әскәров, М. (2000). *Patievlar* [The Patievs]. Vatanym Tatarstan. 11 avgust. (In Tatar)

The article was submitted on 07.04.2024
Поступила в редакцию 07.04.2024

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsovnova,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСТЕЙ В ОБРАЗОВАНИИ

© Нелли Валиахметова, Римма Ахмадуллина, Искандер Ярмакеев

OPPORTUNITIES AND RISKS OF USING NEURAL NETWORKS IN EDUCATION

Nelly Valiakhmetova, Rimma Akhmadullina, Iskander Yarmakeev

The innovative development of modern education continues to move towards the adoption of information technologies. However, there is no significant increase in the quality of education due to their implementation; the process is much slower than expected. We face a problem of integration of educational information technologies and pedagogical technologies. It has become especially relevant in connection with the rapidly developing practice of using neural networks and the scientific and methodological substantiation of their effectiveness at different levels and stages of learning. In this regard, the purpose of the present study is to identify the potential opportunities and risks of using neural networks in education.

The practical part of the work consists of an analysis and synthesis of both foreign and domestic statistical studies regarding existing trends in the implementation of AI in the field of education. The article presents the results of a survey, conducted among university students, to identify the advantages and limitations of using generative artificial intelligence in learning. Based on the SWOT analysis, the article provides generalized conclusions regarding the strengths and weaknesses, risks and threats of using neural networks in education.

The data obtained can be used to organize further research and more effective use of the neural network technology in educational practices for both teachers and students.

Keywords: information technologies in education, information technologies in teaching, artificial intelligence, neural networks, potential opportunities, risks, SWOT analysis

Инновационное развитие современного образования продолжает идти в направлении освоения информационных технологий. Однако существенного повышения качества знаний пока не наблюдается, процесс идет гораздо медленнее, чем ожидалось. Существует проблема интеграции информационных технологий обучения и педагогических технологий. Особо актуальной она стала в связи с быстро развивающейся практикой использования нейросетей и научно-методическим обоснованием их эффективности на разных уровнях и этапах обучения. В связи с этим целью представляемого исследования явилось выявление потенциальных возможностей и рисков применения нейросетей в образовательном процессе.

Практическая часть работы представляла собой анализ и обобщение как зарубежных, так и отечественных статистических исследований относительно существующих тенденций внедрения искусственного интеллекта в сферу образования. Авторы также приводят результаты проведенного ими опроса среди обучающихся вуза на предмет выявления преимуществ и ограничений использования генеративного искусственного интеллекта в процессе обучения. На основе проведенного SWOT-анализа в статье приводятся обобщенные выводы относительно сильных и слабых сторон, рисков и угроз применения нейросетей в образовании. Полученные данные могут быть использованы для организации дальнейших исследований и более эффективного применения технологии нейросетей в образовательной практике как преподавателей, так обучающихся.

Ключевые слова: информационные технологии в образовании, информационные технологии обучения, искусственный интеллект, нейросети, потенциальные возможности, риски, SWOT-анализ

Для цитирования: Валиахметова Н., Ахмадуллина Р., Ярмакеев И. Возможности и риски применения нейросетей в образовании // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 260–271. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-260-271

Использование информационных технологий в образовании как долговременный тренд является одновременно источником и локомотивом его инновационных обновлений. В то же время значительный прогресс в плане представления и транслирования учебной информации пока, к сожалению, не привел к существенному повышению качества подготовки обучающихся. Данная проблема, на наш взгляд, обусловлена отставанием интеграции педагогических и информационных технологий, а именно недостаточным научно-методическим обеспечением процесса использования информационных технологий в образовательной практике. Это касается как уровня общего среднего, так и высшего профессионального образования. Ситуация повторяется и относительно применения в обучении такого направления искусственного интеллекта, как нейросети.

Часто, говоря об информационных технологиях в образовании, используют понятие «информационные технологии обучения» (далее – ИТО). Термин подразумевает их использование для производства инновационных решений в области передачи знаний, восприятия учебного контента обучающимися, контроля результатов обучения. Программные и технические средства выступают в качестве ресурсов осуществления процесса. Применение ИТО реализуется в двух ключевых вариантах: в обеспечении доступности и в качестве источника инноваций в содержании, методиках и приемах обучения. В начале 21 века, когда ускоренными темпами стали развиваться интернет- и цифровые технологии (смешанная и виртуальная реальность, искусственный интеллект, приложения для мобильных устройств и т. п.), образовательное сообщество ожидало революционных продвижений в качестве обучения. Однако вскоре исследователи констатировали, что процесс преобразований идет гораздо медленнее, чем предполагалось. Традиционные образовательные модели до сих пор не используют в полном объеме современные информационные технологии, а инновационные форматы образования (например, дистанционное) так и не доказали свое стопроцентное преимущество и поэтому не получили такого широкого распространения как ожидалось [1].

В качестве основной причины сложившейся ситуации большинство авторов называют неоднозначные представления о вариантах использования ИТО внутри образовательных систем различного уровня. Предлагаются или отдельные изменения в рамках традиционных педагогических процессов, или кардинальная их перестрой-

ка. При этом не дается технологичное описание функционирования этих новых образовательных систем, которое содержало бы конкретные рекомендации по использованию информационных обучающих технологий. Этот вопрос отдается на усмотрение самих педагогов или учащихся.

Между тем неоднократно подчеркивалось, что современные образовательные системы должны стать особыми социо-техническими средами, которые подразумевают обязательность совместной разработки социальных и технических характеристик и сосредоточены в основном не на самих результатах проектирования, а на учете социальных условий их применения [2].

В подобных социо-технических системах в приоритете оказывается субъективное начало, и они могут трансформироваться не только сами по себе, но и под влиянием внешнего воздействия. Их функционирование во многом определяется интересами участников.

То есть, по сути, они ставят неперенным условием сочетание новейших информационных технологий и современных научно-педагогических решений, которые дадут четкие рекомендации по их использованию. Только в этом случае возможно реализовать огромный потенциал и преимущества ИТО, предоставляемые преподавателям и учащимся [3]. Если этого не происходит, то, к сожалению, мы можем получить ситуацию, подобную истории с мобильными приложениями для обучения, когда эйфория, связанная с их развитием, сменилась почти полным отказом от применения в образовательном процессе школы. Или, как предупреждали отдельные исследователи, информационные технологии в практическом отношении будут эффективно использоваться только высокомотивированными учащимися с достаточно развитым уровнем самоуправления учебной деятельностью; иначе «стремление „удовлетворить” противоречивые и постоянно изменяющиеся требования со заказчиков образования (учащихся, родителей, работодателей) может привести только к хаотичным и беспорядочным реорганизациям и обновлениям» [4, с. 41].

В настоящее время инновационный прорыв в образовании ожидается в связи с бурным развитием технологии искусственного интеллекта и его отдельным направлением – нейронной сетью (нейросетью). Ее, несомненно, можно отнести к очередной образовательной инновации, которая, как и все другие, нуждается в регулировании и управлении. Однако, при всем ее уже достаточно широком практическом использовании в обучении, научно-методические аспекты, а также воз-

можные преимущества и ограничения применения еще нуждаются в дополнительных исследованиях.

В связи с вышеизложенным целью предлагаемой статьи явилось определение потенциальных возможностей и вероятностных рисков применения нейросетей в образовании.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, искусственный интеллект (ИИ) назван одним из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий, одним из условий, способным обеспечить реализацию задачи повышения конкурентоспособности на международной арене [5].

Искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, которые имитируют творческие интеллектуально-психологические функции человека, могут совершенствоваться на основе машинного самообучения и осуществлять поиск лучших решений, не по заранее заданному алгоритму» [6, с.27]. Это понятие трактуется очень широко, в частности, к его инструментам относят: машинное обучение, нейронные сети, технологии обобщения больших массивов данных, алгоритмы обработки визуальных данных и т. д. [7], [8].

Под термином «нейронная сеть» (нейросеть) наиболее часто понимается одно из направлений ИИ или технология так называемого генеративного искусственного интеллекта, способного производить информацию или изображения по текстовому запросу [9]. Ее также определяют иногда как разновидность ограниченного ИИ, специализирующегося на выполнении конкретной задачи; она способна как использовать готовые тексты, так и формировать уникальные, подходящие под запрос [10].

Довольно простым и понятным, на наш взгляд, является и определение нейросети как математической модели, имитирующей деятельность человеческого мозга и способной к самообучению на основе заложенных в нее данных.

Начиная с 2022 года, после появления ChatGPT и демонстрации примеров его использования в образовательных целях, началось широкое применение нейросетей в практике обучения. На данный момент уже даны прогнозы их возможностей и влияния на всю систему образования, все его уровни. Во-первых, по мнению части исследователей, существенно будут реформированы процессы контроля знаний, а именно возрастет объем устных заданий, приоритет будет отдан аудиторному их выполнению. Во-вторых, цифровой формат обучения бу-

дет более персонализирован, будет учитывать накопленные знания, опыт, психологические особенности пользователей. В-третьих, благодаря переводу на другие языки увеличится охват студентов из других стран при гибридном формате обучения. В-четвертых, повысится вовлеченность обучаемых, станет возможным студентам и преподавателям значительно рациональнее распределять время за счет освобождения от рутинных операций [11].

Другие авторы указывают, что мнения экспертов по вопросу о возможной трансформации образования под влиянием нейросетей сильно различаются. Даются следующие, весьма противоречивые прогнозы применения генеративного ИИ:

- полный уход традиционной образовательной модели;
 - произойдет постепенная его интеграция в эту модель, под влиянием которой парадигма, основанная на компетентностном подходе, сменится на творчески ориентированную;
 - генеративный интеллект покинет институциональное формальное образование и перейдет в сферу неформального и информального. И, по образному выражению, превратится в технологическую «игрушку». Для достижения единства мнений по вопросам целесообразности и механизмов использования ИИ авторами делается вывод о необходимости дальнейших научных исследований этой проблемы [12].
- Наряду с широким обсуждением возможных кардинальных трансформаций системы образования под влиянием нейросетей и, в целом, неоднозначности их роли, уже предлагаются и конкретные практические рекомендации по использованию, например, ChatGPT, для разработки:
- вопросов, развивающих нестандартное мышление, к обсуждению;
 - разноуровневых дифференцированных заданий;
 - для генерации образной, символической и других видов наглядности;
 - контрольно-оценочных заданий;
 - глоссариев к учебной теме и др. [13].

В практической части нашего исследования с целью определения и систематизации потенциальных возможностей применения нейросетей в образовании, а также выявления ограничений (недостатков, рисков, угроз) их использования нами был проведен анализ статистических данных, приводимых в отечественных и зарубежных исследованиях по данному вопросу. Также была разработана анкета и осуществлен опрос среди магистрантов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» в Институте фи-

лологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. С целью обобщения полученных результатов был применен метод SWOT-анализа.

Согласно данным опроса Artificial Intelligence in Education, представленным на ведущей мировой аналитической платформе сбора данных HolonIQ, в настоящее время отмечается быстрый прогресс в отношении применения искусственного интеллекта в образовании, поскольку «он направлен на разработку новых решений в области преподавания и обучения для улучшения качества образования, повышения эффективности и содействия равенству в образовании» [14]. Платформа HolonIQ определяет четыре основных типа технологий ИИ, представляющих на данный момент особую востребованность в образовании: Vision, Voice, Language and Analytics (визуализация, озвучивание, язык и аналитика). Считается, что наибольший образовательный интерес представляют аналитические (с целью персонализации, адаптивного обучения) и языковые приложения (Рис.1.).

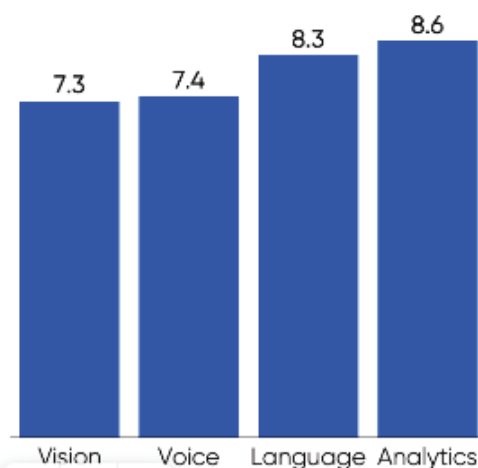

Рис.1. Оценка применения основных типов технологий ИИ в образовании (по 10 балльной шкале) (по данным Artificial Intelligence in Education. 2023 [14]).

Тестирование и оценка (Testing and Assessment), изучение языка (Language Learning) – это те образовательные сферы, в которых в ближайшее время ИИ будет наиболее востребован (Рис.2.).

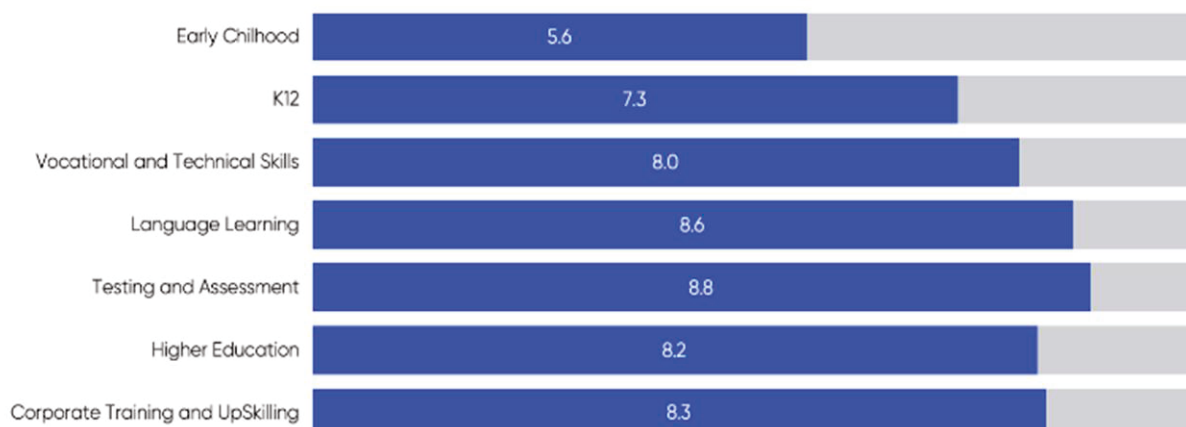

Рис.2. Оценка применения инновационных технологий ИИ в различных сферах образования (по данным Artificial Intelligence in Education. 2023 [14]).

Улучшение результатов обучения является главной причиной внедрения ИИ (75%) [Там же].

В соответствии с результатами опроса, проведенного СберУниверситетом, и данными образовательной платформы GeekBrains, преподава-

тели в большей степени, чем обучающиеся, способны определить потенциальные возможности и риски применения генеративного ИИ [15] (Рис.3,4.).

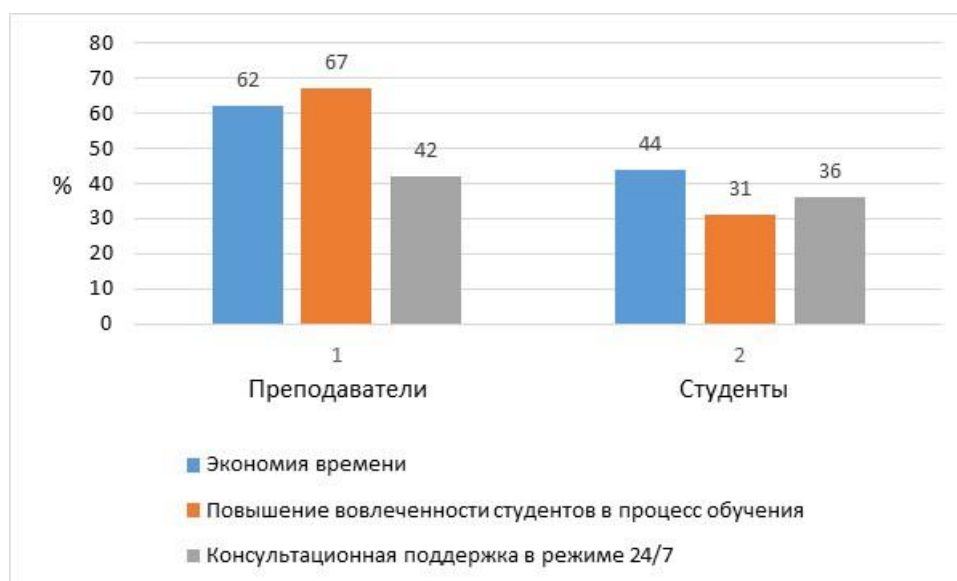

Рис.3. Возможности применения генеративного искусственного интеллекта, согласно мнению преподавателей и студентов (по данным онлайн-опроса СберУниверситета и GeekBrains [15]).

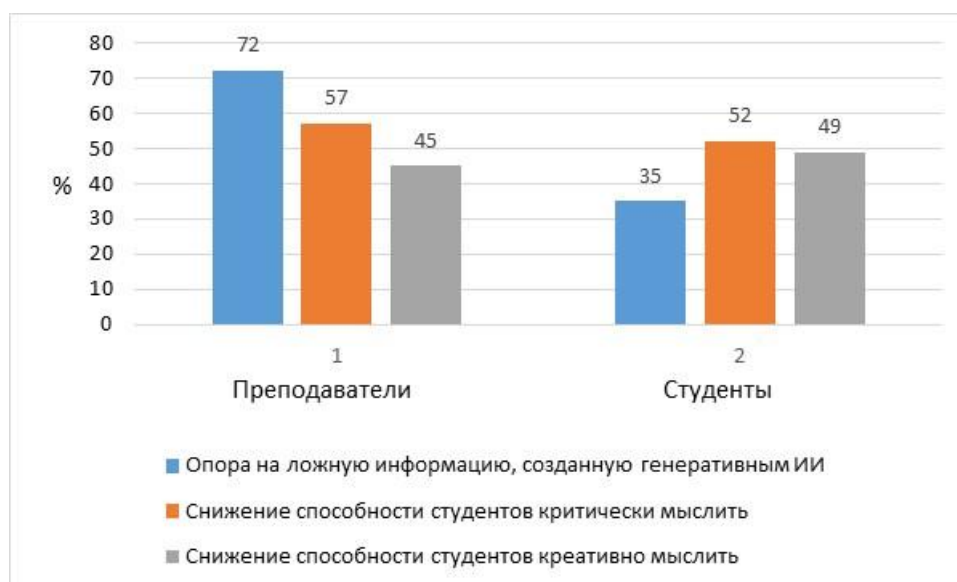

Рис.4. Угрозы применения генеративного искусственного интеллекта, согласно мнению преподавателей и студентов (по данным онлайн-опроса СберУниверситета и GeekBrains [15]).

По результатам опроса 1272 студентов российских университетов, проведенного аналитиками школы IT-профессий Skillfactory, более половины из них (65%) имеют опыт и навыки использования генеративного ИИ [16].

Приоритеты выбора нейросетей среди студентов распределились следующим образом (Рис.5.):

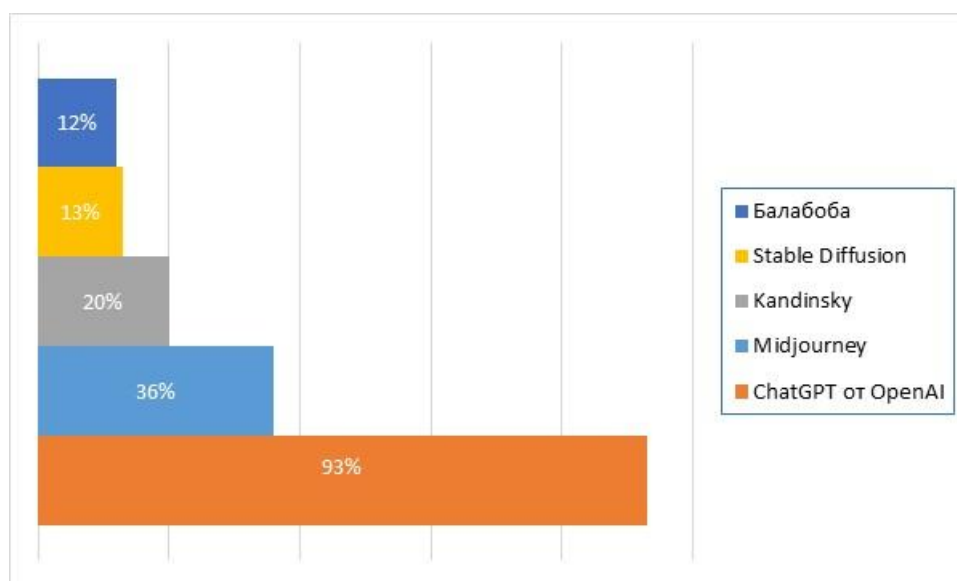

Рис.5. Рейтинг инструментов ИИ, используемых студентами (по данным Skillfactory [16]).

С точки зрения цели применения ИИ в процессе обучения ответы опрошенных разделились следующим образом (Рис.6.):

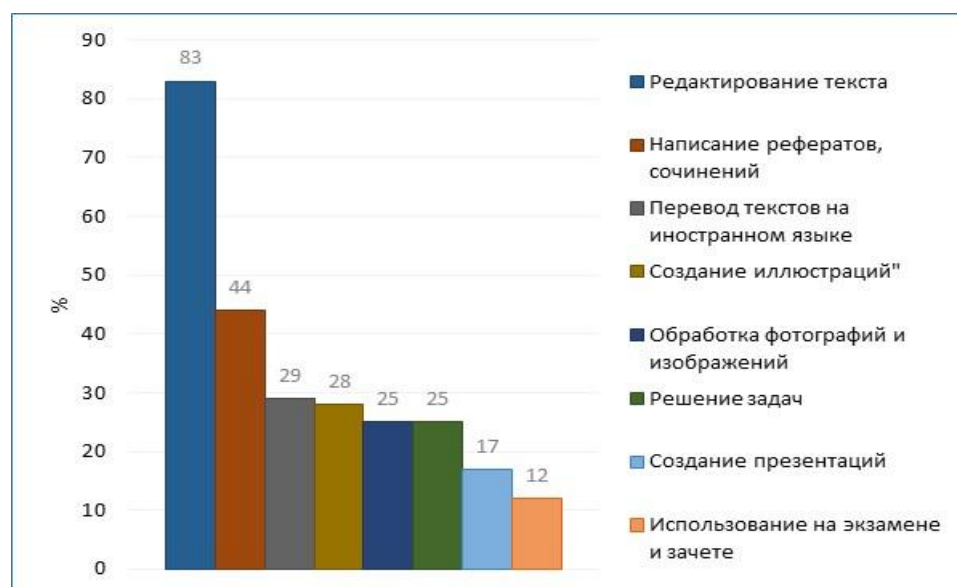

Рис.6. Возможные цели применения ИИ в обучении, согласно мнению студентов (по данным Skillfactory [16]).

Около 48% опрошенных студентов указали на то, что применение ИИ позволило повысить их успеваемость. Это стало возможным в основном благодаря экономии времени (отметили 62%). При этом большинство (79%) обратили внимание на важность обучения грамотному применению нейросетей в образовательных целях [Там же].

Для получения данных по проблеме исследования нами была разработана анкета и проведен опрос среди пятидесяти магистрантов, обучающихся в Институте филологии и межкультурной коммуникации КФУ по направлению 44.04.01

«Педагогическое образование», профиль подготовки – «Арт-педагогика и цифровые технологии»; «Цифровые образовательные практики и технологии»; «Преподавание иностранного языка в средней и высшей школе»; «Преподавание русского языка и литературы в средней и высшей школе»; «Иностранные языки в сфере профессиональной коммуникации».

Опрос предполагал получение следующей информации:

1. Определение отношения к применению искусственного интеллекта в образовании (положительное / отрицательное).

2. Выявление мнения относительно возможностей применения нейросетей в образовании.

3. Выявление мнения относительно ограничений (недостатков, рисков, угроз) в использовании нейросетей в образовании.

4. Выяснение опыта и цели применения инструментов генеративного интеллекта в собственной практике (в том числе педагогической).

5. Выяснение мнения относительно возможности «замены» педагога искусственным интеллектом.

Были получены следующие результаты:

1. В целом все участники опроса выразили положительное отношение к применению нейросетей в образовании – 88% (Рис.7.).

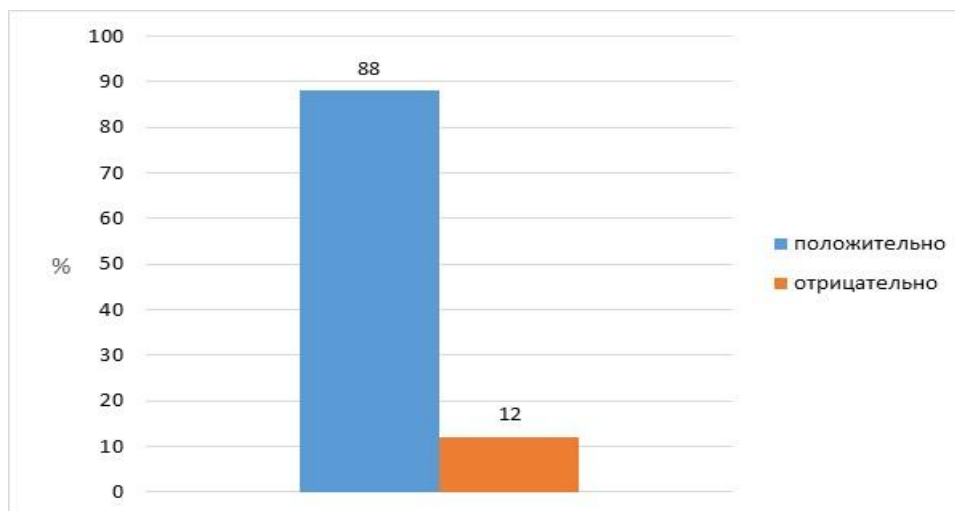

Рис.7. Отношение участников опроса к применению ИИ в образовании.

2. По вопросу о возможностях применения нейросетей в образовании преимущественно были даны следующие ответы (Рис.8.):

- быстрый поиск релевантной информации, развитие навыков работы с ней;
- разработка индивидуальных образовательных программ, персонализация обучения;
- создание типовых и творческих заданий, в том числе для проверки знаний;

- автоматизированная проверка знаний, экономия времени педагога;

- создание интерактивных учебных материалов;

- генерация изображений для учебных материалов;

- анализ данных и прогнозирование успеваемости обучающихся.

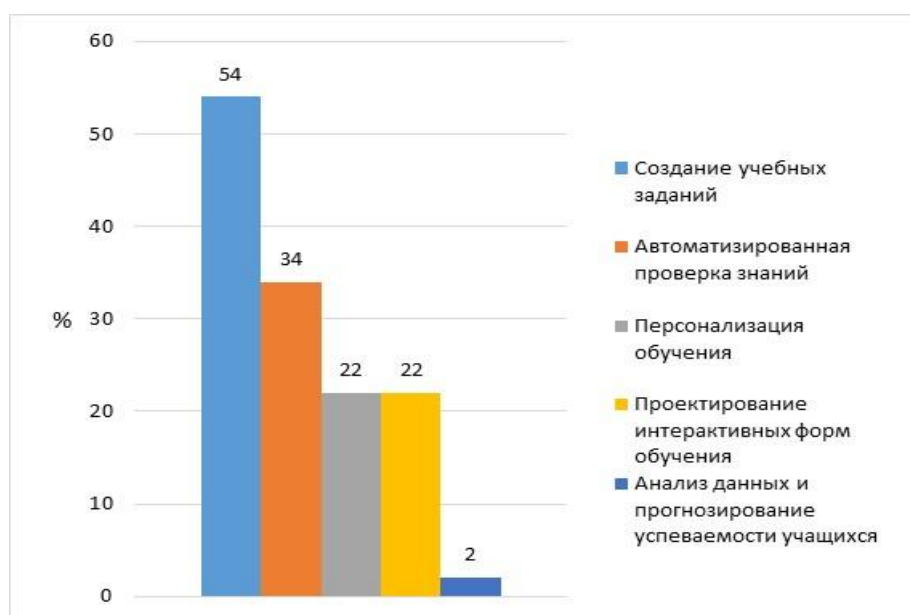

Рис.8. Возможные цели применения нейросетей в образовании, согласно мнению участвовавших в опросе респондентов.

3. Среди рисков и угроз использования ИИ в образовании чаще всего указывались следующие:

- плагиат, заимствование чужой интеллектуальной собственности;
- отсутствие защиты данных обучающихся, нарушение приватности личной информации;
- искаженность и неточность информации, генерируемой ИИ;
- снижение мотивации для развития самостоятельного критического и креативного мышления;
- снижение активной «живой» коммуникации обучающихся и преподавателей, слабая реализация личностного подхода;

- недостаточная прозрачность хода решения задач, осуществляемых ИИ;

- снижение уровня качества знаний обучающихся;

- отсутствие специальных знаний как у преподавателей, так и у обучающихся по работе с технологиями генеративного ИИ;

- угроза потери рабочих мест для педагогов и преподавателей.

Количественное соотношение соответствующих данных представлено в нижеследующей диаграмме (Рис.9.):

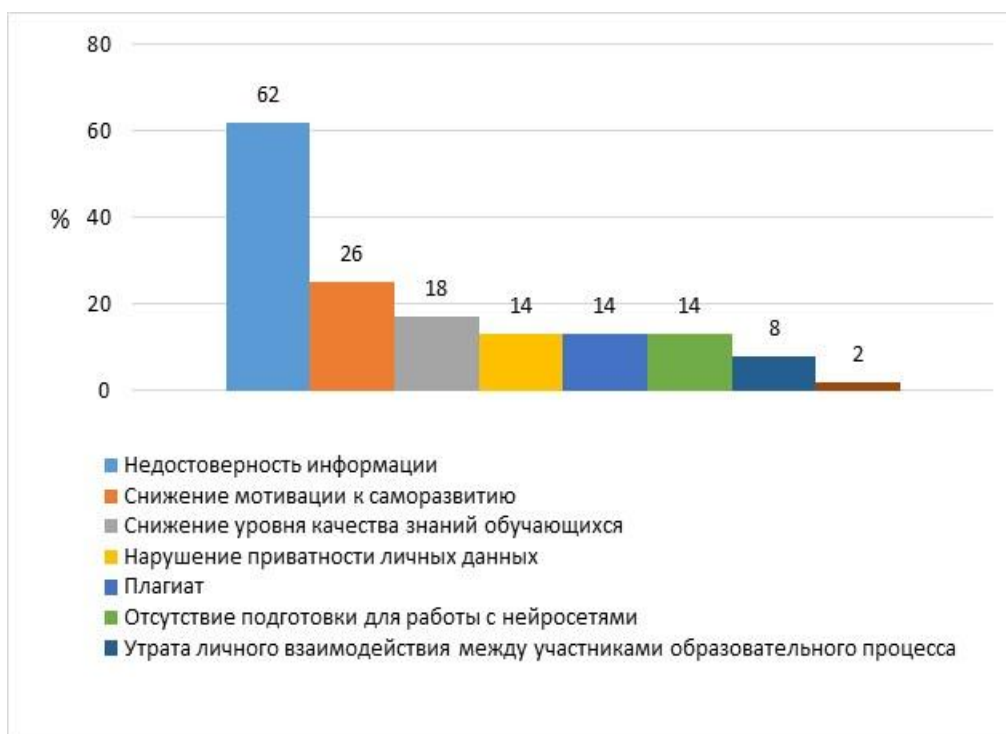

Рис.9. Риски и угрозы использования ИИ в образовании, согласно мнению участвовавших в опросе респондентов.

4. Отвечая на вопрос о предпочитаемых инструментах ИИ и цели их применения в своей практике, магистранты указали следующее: ChatGPT – анализ текстов, создание презентаций, составление текстов заданий, решение задач, пе-

рефразирование; Twee – составление текстов заданий, тестов; Deepl – перевод текстов; Gamma – для презентаций; HeyGen – создание видео (Рис.10.).

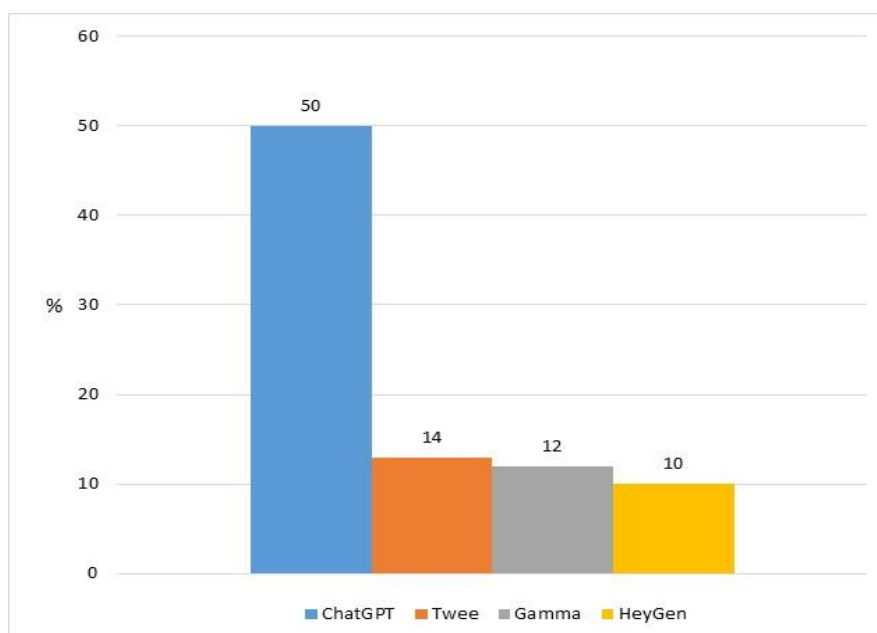

Рис.10. Инструменты ИИ, применяемые в учебном процессе вуза и педагогической практике, согласно мнению участвовавших в опросе респондентов.

Среди ответов, полученных по данному вопросу, были и такие, в которых указывалось на отсутствие какого-либо опыта использования нейросетей (14% опрошенных).

5. В вопросе о вероятности полной замены педагога технологиями ИИ практически все респонденты опровергли эту ситуацию (92%). Обоснованием стали высказывания о том, что, в отличие от ИИ, наставники способны проявлять эмпатию, осуществлять реальное «живое» общение, развивать критическое мышление, мотивировать на выработку собственного мнения, осуществлять воспитание. Основной функцией ИИ должна стать оптимизация учебного процесса за счет эффективных инструментов при ведущей роли наставника.

С учетом полученных результатов нами был проведен SWOT-анализ, который позволил обобщить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы применения нейросетей в образовании (см. Табл.1.).

Таблица 1.

SWOT-анализ применения нейросетей в образовании

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
1. Новые эффективные возможности индивидуализации процесса обучения. 2. Автоматизация трудоемких этапов педагогического процесса (проверка результатов)	1. Недостаточность (непрозрачность) информации, что не позволяет усвоить логику и алгоритм решения задачи. 2. Ложность информации и недостоверность

деятельности обучающихся, оценка, мониторинг успеваемости).
3. Увеличение возможностей создания учебного контента за счет применения инновационных цифровых инструментов.

данных.
3. Отсутствие ответственности за сгенерированный контент на законодательном уровне.
4. Низкий уровень информационной безопасности.

Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
1. Оптимизация образовательной деятельности за счет разработки новых цифровых инструментов. 2. Совершенствование и развитие информационных компетенций. 3. Создание новых направлений в психолого-педагогических исследованиях с целью совершенствования образовательного процесса.	1. В психологическом аспекте сгенерированная информация может стать ориентиром принятия решения личностного характера. 2. Снижение когнитивных способностей обучающихся. 3. Утрата навыков межличностного взаимодействия. 4. Ложность выводов в связи с некорректностью информации. 5. Нарушение приватности личных данных. 6. Зависимость от технологий и, как следствие, пассивность в самостоятельной учебной деятельности

Таким образом, результаты нашего исследования подтвердили наличие как сильных сторон, так и существенных рисков в отношении применения нейронных сетей в образовании. Мы не можем отрицать, что с развитием информационного общества использование генеративного ИИ в сфере образования является перспективным направлением. Однако существует необходимость дальнейших глубоких научно-теоретических и экспериментальных исследований по эффективности и целесообразности использования нейросетей, а также специфики их применения на всех этапах педагогического процесса и разных уровнях образования. Результатами исследований должны стать разработка методических рекомендаций и педагогических технологий по использованию инструментов искусственного интеллекта.

Список источников

1. Yuan, L., & Powell, S. MOOCs and Open Education: Implications for Higher Education. URL: https://www.researchgate.net/publication/265297666_MOOCs_and_Open_Education_Implications_for_Higher_Education (дата обращения: 20.05.2024).
2. Gerhard Fischer and Masanori Sugimoto Supporting Self-Directed Learners and Learning Communities with Sociotechnical Environments. Research and Practice in Technology Enhanced Learning. March 2006. 1 (01): 31–64. Contribution to the Inaugural Issue of the Journal “Research and Practice in Technology Enhanced Learning (RPTEL)”. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/S1793206806000020> (дата обращения: 20.05.2024).
3. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. Г. Захарова. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 192 с.
4. Образовательные экосистемы для общественной трансформации. Доклад Global Education Futures «Образование для сложного мира: зачем, чему и как». Доклад о форуме Global Education Leaders’ Partnership Moscow. URL: https://vbudushee.ru/upload/documents/obr_sloj_obsh.pdf (дата обращения: 25.05.2024).
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71670570/#block_1000 (дата обращения: 25.05.2024).
6. Дятлов С. А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия СПбГЭУ. 2021. № 2. С. 25–29.
7. Водяненко Г. Р. Инструменты с искусственным интеллектом в работе педагога // Интерактивная наука. 2023. № 8 (84). С. 21–24.
8. Как искусственный интеллект может помочь в образовании. URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/education-with-ai> (дата обращения: 25.05.2024).

9. Малышев И. О., Смирнов А. А. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №1-2 (88). С. 168–171.
10. Барцевский Е. Г. Использование искусственного интеллекта // Восточно-Европейский научный журнал. 2023. № 3-2 (88). С. 56–58.
11. Егорычев Д. Н., Егорычев А. Д. Направления влияния нейросетей на экономику, бизнес и образование // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 25–33.
12. Константинова Л. В., Ворожжихин В. В., Петров А. М., Титова Е. С., Штыхно Д. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36–48.
13. Капустина Л. В., Ермакова Ю. Д., Калужная Т. В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 10. С. 119–132. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231099.htm>. (дата обращения: 25.05.2024).
14. Artificial Intelligence in Education. 2023. Survey Insights. URL: <https://www.holoniq.com/notes/artificial-intelligence-in-education-2023-survey-insights> (дата обращения: 20.03.2024).
15. Управление изменениями в образовании: генеративный ИИ [Электронный ресурс]: отчет об исследовании // СберУниверситет: [образовательная платформа]. 31.03.2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_upravlenie_izmeneniyami_v_obrazovanii_generativnyy_ii_sber_geek_brains/ (дата обращения: 15.04.2024).
16. Skillfactory: половина российских студентов используют нейросети в учебе. URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=171581> (дата обращения: 15.04.2024).

References

1. Yuan, L., & Powell, S. (2013). *MOOCs and Open Education: Implications for Higher Education*. URL: https://www.researchgate.net/publication/265297666_MOOCs_and_Open_Education_Implications_for_Higher_Education (accessed: 25.05.2024). (In English)
2. Gerhard Fischer and Masanori Sugimoto. (2006). *Supporting Self-Directed Learners and Learning Communities with Sociotechnical Environments*. Research and Practice in Technology Enhanced Learning. March 2006. No. 1 (01), pp. 31–64. Contribution to the Inaugural Issue of the Journal “Research and Practice in Technology Enhanced Learning (RPTEL)”. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/S1793206806000020> (accessed: 25.05.2024). (In English)
3. Zakharova, I. G. (2008). *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Information Technologies in Education: A Textbook for University Students]. I. G. Zakharova. 5-e izd., ster. 192 p. Moscow, izdatel'skii tsentr “Akademiiia”. (In Russian)

4. *Obrazovatel'nye ekosistemy dlya obshchestvennoi transformatsii. Doklad Global Education Futures "Obrazovanie dlya slozhnogo mira: zachem, chemu i kak". Doklad o forume Global Education Leaders' Partnership Moscow*. [Educational Ecosystems for Social Transformation. Global Education Futures Report "Education for a Complex World: Why, What and How". Report on the Global Education Leaders' Partnership Moscow Forum]. P. 41. URL: https://vbudushee.ru/upload/documents/obr_sloj_obsh.pdf (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
5. *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody* [Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030] URL: https://base.garant.ru/71670570/#block_1000 (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
6. Dyatlov, S. A. (2021). *Iskusstvennyi intellekt kak institut razvitiia tsifrovoy neuro-setevoi ekonomiki* [Artificial Intelligence as an Institute for the Development of a Digital Neural Network Economy]. *Izvestiya SPbGEU*. No. 2, p. 27. (In Russian)
7. Vodyanenko, G. R. (2023). *Instrumenty s iskusstvennym intellektom v rabote pedagoga* [Tools with Artificial Intelligence in the Work of a Teacher]. *Interaktivnaya nauka*. No. 8 (84), pp. 21–24. (In Russian)
8. *Kak iskusstvennyi intellekt mozhет pomoch' v obrazovanii* [How Artificial Intelligence Can Help in Education]. URL: <https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/education-with-ai> (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
9. Malyshev, I. O., Smirnov, A. A. (2024). *Obzor sovremennykh generativnykh neurosetei: otechestvennaya i zarubezhnaya praktika* [Overview of Modern Generative Neural Networks: Domestic and Foreign Practice]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 1–2 (88), pp. 168–171. (In Russian)
10. Barshchevskii, E. G. (2023). *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta* [Use of Artificial Intelligence]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi zhurnal*. No. 3–2 (88), pp. 56–58. (In Russian)
11. Egorychev, D. N., Egorychev, A. D. (2023). *Napravleniya vliyaniya neurosetei na ekonomiku, biznes i obrazovanie* [Directions of Neural Networks Impact on Economy, Business and Education]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*. No. 2 (38), pp. 25–33. (In Russian)
12. Konstantinova, L. V., Vorozhikhin, V. V., Petrov, A. M., Titova, E. S., Shtykho, D. A. (2023). *Generativnyi iskusstvennyi intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy* [Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts]. *Otkrytoe obrazovanie*. T. 27. No. 2, pp. 36–48. (In Russian)
13. Kapustina, L. V., Ermakova, Yu. D., Kalyuzhnaya, T. V. (2023). *ChatGPT i obrazovanie: vechnoe protivostoianie ili vozmozhnoe sotrudnichestvo?* [ChatGPT and Education: Eternal Confrontation or Possible Cooperation?]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. No. 10, pp. 119–132. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231099.htm>. (accessed: 25.05.2024). (In Russian)
14. *Artificial Intelligence in Education. 2023. Survey Insights*. URL: <https://www.holoniq.com/notes/artificial-intelligence-in-education-2023-survey-insights> (accessed: 20.03.2024). (In English)
15. *Upravlenie izmeneniyami v obrazovanii: generativnyi II: otchet ob issledovanii* [Managing Change in Education: Generative AI]. *SberUniversitet: [obrazovatel'naya platforma]* 31.03.2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2023_upravlenie_izmeneniyami_v_obrazovanii_generativnyi_ii_sber_geekbrains/ (accessed: 15.04.2024). (In Russian)
16. *Skillfactory: polovina rossiiskikh studentov ispol'zuyut neuroseti v uchebe* [Skillfactory: Half of Russian Students Use Neural Networks in Their Studies]. URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=171581> (accessed: 15.04.2024). (In Russian)

The article was submitted on 30.05.2024

Поступила в редакцию 30.05.2024

Валиахметова Нелли Раисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nellyv1975@mail.ru

Ахмадуллина Римма Маратовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
akhrimma@mail.ru

Valiakhmetova Nelly Raisovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nellyv1975@mail.ru

Akhmadullina Rimma Maratovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
akhrimma@mail.ru

Ярмакеев Искандер Энгелевич,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ermakeev@mail.ru

Yarmakeev Iskander Engelevich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ermakeev@mail.ru

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-272-280

ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВОИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ НЕЙРОСЕТИ GLIGLISH ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ УСТНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

© Эльвира Гимадиева

REVEALING EDUCATIONAL POTENTIAL OF NEURAL NETWORK GLIGLISH AS A LINGUO-INFORMATION TECHNOLOGY IN TEACHING ORAL COMMUNICATION TO STUDENTS AT UNIVERSITY

Elvira Gimadieva

The relevance of the article is justified by the popularization of linguo-information technologies in education and their necessity in language teaching. This study identifies the potential of linguo-information technologies in teaching foreign language oral communication at a university. In this research, it is understood as teaching speaking, which is the aim of this study. Research methods include the analysis of theoretical sources, generalization and systematization of the key concepts and exercise modeling. A literature review on the research topic established that the current generation of students belong to the generation of digital natives, which affects the modern language teaching characteristics. The linguo-informational approach is significant to teaching language, consequently, linguo-information technologies are relevant. The article proposes a definition of linguo-information technologies for teaching foreign languages. To explore the potential of linguo-information technologies, we chose the neural network Gliglish.

The practical part of the research involved exploring and analyzing the functionality of the Gliglish. While creating a system of exercises, we designed tasks of imitation and substitution to develop pronunciation, lexis and grammar skills, using this neural network, and described the methodology for working with these exercises. The outcome of the research revealed the potential of Gliglish in developing speech skills and abilities of students in a university.

Keywords: information technologies, linguo-information technologies, oral communication, teaching speaking skills, neural network, set of exercises, foreign language teaching

Актуальность статьи обоснована популяризацией лингвоинформационных технологий в образовании и их необходимости в языковом образовании. Исследование посвящено выявлению потенциала данных технологий при обучении иностранному языку в вузе в контексте обучения иноязычному устному общению, которое автор статьи понимает как обучение говорению, что является целью представляемого исследования. Методы исследования включают в себя анализ теоретических источников, обобщение и систематизацию ключевых понятий, метод моделирования упражнений. Теоретический обзор литературы по теме исследования помог установить, что современное поколение студентов относится к поколению цифровых аборигенов, это обуславливает особенности и требования к современному обучению языку. Автор указал на то, что значимым подходом к обучению языкам является лингвоинформационный подход, в рамках которого актуальность представляют лингвоинформационные технологии. В исследовании было предложено определение понятию «лингвоинформационные технологии» при обучении иностранным языкам. Для изучения их возможностей автором была выбрана нейросеть Gliglish.

Практическая часть работы представляла собой анализ функционала лингвоинформационной технологии – нейросети Gliglish. Автором предложены упражнения имитативного и подстановочного вида в рамках создания системы упражнений для развития произносительного, лексического и грамматического навыков с использованием данной нейросети, была описана методика работы с ними. Итогом исследования стал раскрытый потенциал нейросети Gliglish при развитии речевых навыков и речевых умений студентов языкового вуза.

Ключевые слова: информационные технологии, лингвоинформационные технологии, иноязычное устное общение, обучение говорению, нейросеть, система упражнений, обучение иностранному языку

Для цитирования: Гимадиева Э. Потенциал лингвоинформационной технологии нейросети GLIGLISH при обучении иноязычному устному общению студентов языкового вуза // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 272–280. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-272-280

Современные студенты вуза являются представителями поколения цифровых аборигенов (англ. *digital natives*). Данный термин был предложен Марком Пренски, он используется для обозначения молодежи, которая родилась в период с 2003 г. по настоящее время [1], [2]. Это поколение не представляет свою жизнь без Интернета, использования социальных сетей, нуждается в незамедлительной обратной связи, видимом результате.

В связи с этим значимым подходом к обучению стал лингвоинформационный подход. Согласно К. Э. Безукладникову и Б. А. Крузе лингвоинформационный подход понимается как «новейшая и быстро распространяющаяся информационная среда современной поликультурной языковой действительности, как новый тип технологического, психофизического, социокультурного бытия полилингвальной и поликультурной личности вообще» [3, с. 3].

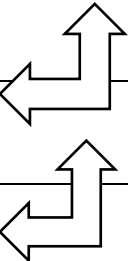
В рамках лингвоинформационного подхода используются такие понятия как «лингвоинформационная среда» – «совокупность различных информационных ресурсов, технического и учебно-методического обеспечения, которые выступают в качестве средств формирования и развития языкового и речевого потенциала обучающихся» [3], [4], [5], [6], а также лингвоинформационные технологии.

Опираясь на определение информационных технологий О. И. Пащенко, в данном исследовании мы используем следующее определение лингвоинформационных технологий – это методы и технические средства сбора, хранения, обработки, организации, представления и передачи информации с целью обучения языку, иностранному языку в частности [7, с. 22]. Лингвоинформационные технологии обладают возможностью создания безопасного онлайн-пространства для практики применения иностранного языка, аутентичного иноязычного пространства (например, использование видеоматериалов TED talks), организации самостоятельной работы по иностранному языку, формирования определенной лингвообразовательной среды, в которой у студентов есть возможность отследить свой прогресс, получить обратную связь.

Одним из аспектов обучения иностранному языку является обучение иноязычному устному общению, основой которого является такой про-

дуктивный вид речевой деятельности, как говорение. Согласно концепции Е. И. Пассова, овладение говорением происходит в 3 этапа: формирование произносительных, лексических, грамматических навыков, далее следует этап комбинирования данных навыков, и последний – это этап развития речевого умения [8] (Таблица 1):

Таблица 1.
Этапы овладения говорением по Е. И. Пассову

Этапы овладения говорением			
Этап	Название этапа		
I этап 	Формирование навыков	Формирование произносительных навыков	
		Формирование лексических навыков	
		Формирование грамматических навыков	
II этап 	Совершенствование навыков	Комбинирование усвоенного материала, изученного на I этапе, представление материала на основе разговорного текста	
III этап	Развитие умения		

Можно ли использовать современные лингвоинформационные технологии при обучении говорению на иностранном языке?

Использование нейросетей в образовании сейчас активно внедряется в процесс обучения. Например, Е. В. Комарова изучила использование ChatGPT для подготовки учебного материала для студентов, изучающих иностранный язык [9]; М. С. Коган обращается к вопросу разработки заданий, которые можно выполнять на занятиях по иностранному языку с помощью нейросети ChatGPT [10]; Н. Д. Игнатьева и Е. Ю. Сидорова рассмотрели использование нейросети «Кандинский» для реализации принципа наглядности при обучении русскому языку как иностранному [11].

В данной работе предлагается создать систему упражнений для организации обучения иноязычному устному общению с применением одной из лингвоинформационных технологий, а именно нейросети Gliglish [12].

Нейросеть Gliglish создана Фабьеном Сновартом, разработчиком и преподавателем английского языка, и с ней возможно устное общение. Данная нейросеть работает на 38 иностранных языках. При использовании английского языка можно выбрать американскую, британскую и австралийскую версии. Нейросеть предоставляет свободный доступ пользователям, также есть возможность регистрации для сохранения созданных диалогов.

Можно выбрать два режима общения с нейросетью: учитель (происходит свободное общение на любые иницилируемые темы с коррекцией возникающих ошибок), ролевая игра (выбор одного из представленных сценариев, который содержит речевую задачу по контексту ролевой игры. Например, "At the bakery" ('В пекарне'), предлагаемая речевая задача: Imagine you're a customer stepping into a bakery, filled with the enticing aroma of fresh bread and pastries. The clerk greets you as you walk in ('Представьте, что вы клиент в пекарне, в пекарне царит аромат свежего хлеба и выпечки. Продавец приветствует

вас'). В данной работе был выбран режим «Учитель» (рис. 1):

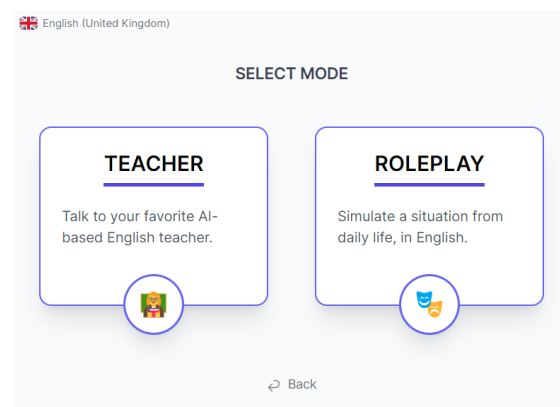

Рис. 1. Выбор режима «Учитель» в нейросети Gliglish

Функционал нейросети Gliglish достаточно обширный и включает в себя следующие функции:

1) «Поддержание диалога». С помощью предлагаемых реплик с целью создания дружественной среды идет диалог с нейросетью. Например, на вопрос «Что Вы сейчас изучаете в университете?» от Gliglish предлагаются следующие варианты ответов, которыми может воспользоваться обучающийся (рис.2):

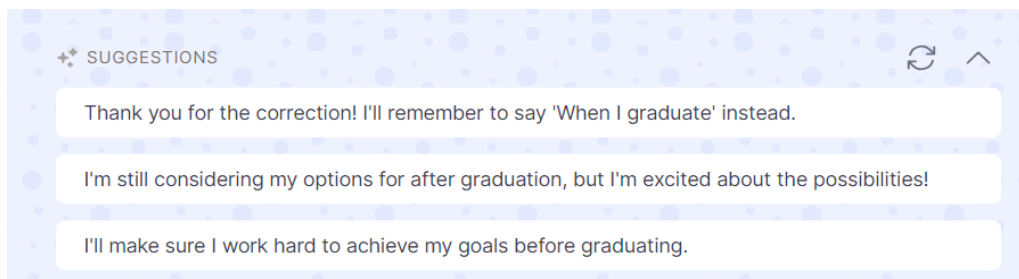

Рис. 2. Функция «Поддержание диалога»

2) «Коррекция грамматических, лексических и произносительных ошибок». На рисунке представлен пример (рис. 3). Была допущена грамматическая ошибка в использовании

условных предложений первого типа, нейросеть заметила ошибку и исправила её, предложив правильную грамматическую форму.

Рис. 3. Функция «Коррекция грамматических, лексических и произносительных ошибок»

3) «Коррекция с объяснением». Чтобы проверить правильность высказывания, при наличии ошибки будет представлен правильный вариант и подробное объяснение допущенной ошибки. При грамматической ошибке даётся правильная грамматическая форма, а также подробное объяснение; при неправильном употреблении лексемы предлагается вариант замены на более подходящую по контексту; при произносительной ошибке нейросеть рекомендует сравнить транскрипции сказанного варианта и правильного варианта (рис. 4):

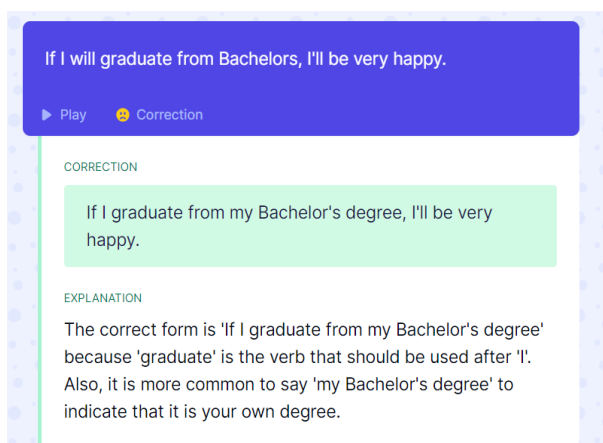

Рис. 4. Функция «Коррекция с объяснением»

4) «Подбор лексемы». Нейросеть предоставляет возможность задать запрос, объяснив смысл, для подбора правильной лексемы при составлении высказывания на иностранном языке. Например, на запрос «Можешь ли подсказать? Как называют студента, который окончил вуз?» (рис. 5):

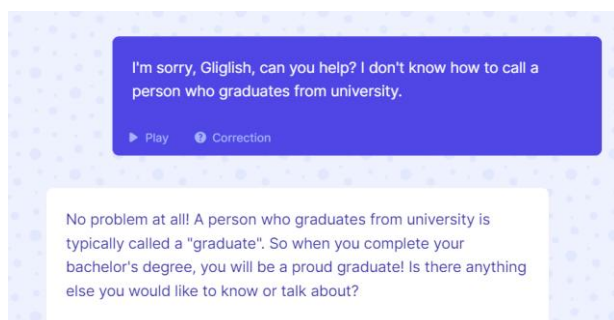

Рис. 5. Функция «Подбор лексемы»

5) «Озвучивание высказывания нейросети и повторного высказывания студента». Воспользовавшись предлагаемой функцией, можно прослушать диалог или определенное высказывание многократно, что очень полезно для самоанализа (рис. 6):

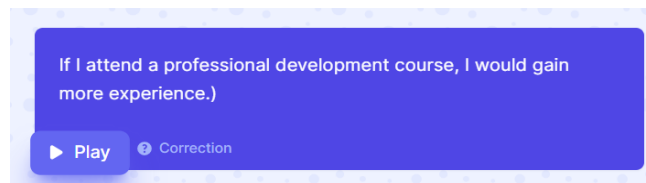

Рис. 6. Функция «Озвучивание высказывания нейросети и повторного высказывания студента»

6) «Настройка скорости озвучивания высказывания». Данная функция позволяет замедлить либо ускорить темп высказываний нейросети с целью настройки наиболее оптимального и комфортного для обучающегося темпа речи (рис. 7):

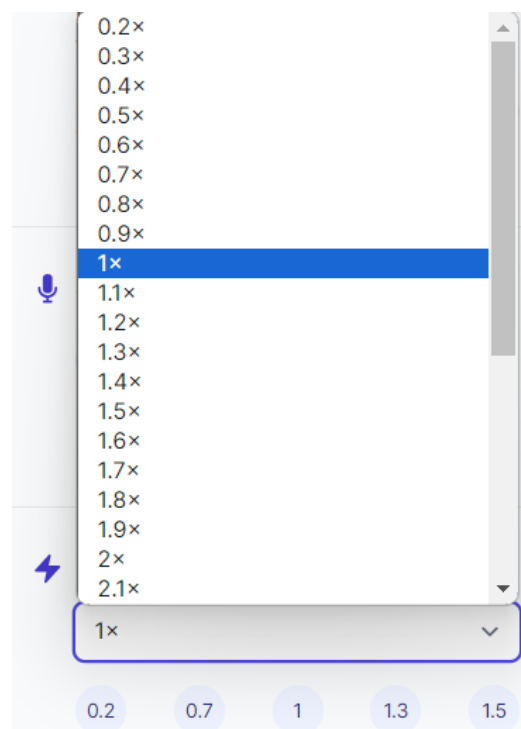

Рис. 7. Функция «Настройка скорости озвучивания высказывания»

7) «Транскрипция». Данная функция позволяет показывать транскрипцию разговора во время диалога. Обучающийся может включить либо выключить данную функцию, чтобы ориентироваться только на устное высказывание без опоры на транскрипцию, создавая условия реального общения (рис. 8):

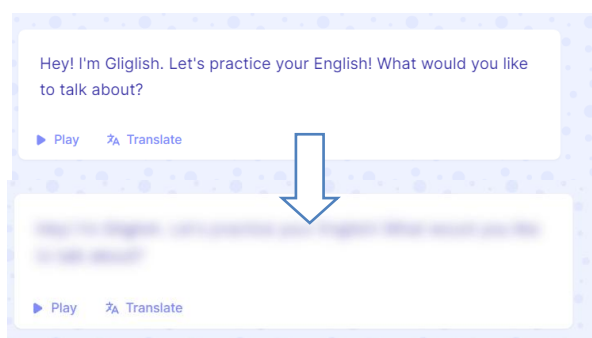

Рис. 8. Функция «Транскрипция»

Анализ функционала нейросети Gliglish показал, что она обладает значительным лингводидактическим потенциалом: обучающийся получает возможность общения с нейросетью на иностранном языке в любое удобное для него время; она позволяет обучающимся выполнять задания

в подходящем для них темпе и формате, а также получать обратную связь в режиме реального времени, своевременно восполняя пробелы в знаниях.

Приведем пример разработанной системы упражнений для развития речевых навыков и умений с использованием лингвоинформационной технологии Gliglish.

Система упражнений строится на основе классификации, предложенной Е. И. Пассовым, – это *условно-речевые упражнения*, направленные на развитие речевых навыков (произносительных, лексических, грамматических), и *речевые упражнения*, направленные на развитие речевого умения, выделяемые на основе этапов процесса овладения иноязычной речью [13] (Таблица 2).

Таблица 2.

Классификация упражнений по Е. И. Пассову

Параметры, предъявляемые к упражнениям				Тип упражнения	Виды	Цель
Речевая задача	Ситуативная соотнесенность фраз	Обусловленность высказывания содержательной и структурной сторонами	Опоры, используемые при составлении высказывания	Условно-речевые упражнения	Имитативные	Создание речевого образца (произносительного, лексического, грамматического) обучающимся для повторения и использования
					Подстановочные	Создание речевой задачи, в которой обучающимся необходимо повторить и подставить необходимый материал
					Трансформационные	Создание речевой задачи, чтобы обучающиеся трансформировали часть реплики, порядок слов и т. д.
					Репродуктивные	Создание речевой задачи с целью воспроизведения обучающимися ранее усвоенного материала в самостоятельном высказывании
				Речевые упражнения		Создание речевой задачи для выработки неподготовленного, мотивированного выражения мыслей обучающимися

Система упражнений разработана для организации самостоятельной работы обучающихся с уровнем владения английским языком B1+ (intermediate plus) в ходе практики иноязычного обучения в рамках внеаудиторной работы с целью развития речевых навыков и умений.

Лингвоинформационная технология – нейросеть Gliglish – использована при составлении ус-

ловно-речевых упражнений имитативных и подстановочных упражнений на основе темы “Study and work: Put it on your CV” (рус. ‘Учись и работай. Добавь это в свое резюме’) УМК New English File Intermediate Plus [14, с. 40].

Для условно-речевых упражнений (имитативных и подстановочных) важным фактором является не просто механическое повторение и

подстановка лексического или грамматического материала, но и интеракция обучающегося с собеседником. В нашем случае обучающийся получает речевую задачу, которую реализует совместно с нейросетью Gliglish [12].

Рассмотрим пример имитативного упражнения для развития лексического и произносительного навыков на основе следующего лексического материала: *higher education, undergraduates, postgraduates, tutor, professors, campus, faculties, halls of residence, lectures, seminars, webinars, dissertation, thesis, applying for a job or course, write a CV / covering letter, work as an intern / trainee, skills, a referee, qualifications, look out for job vacancies / courses, get a job offer, experience, attend an interview, apply for a job / work permit / grant / scholarship.*

Цель имитативных упражнений – имитация живой речи, повторение заданного лексического материала в готовом виде в формате утверждений, вопросов для закрепления.

Студентам предлагается воспользоваться нейросетью Gliglish для решения следующей речевой задачи: *Being a 3rd year student makes you think about your future. You are trying to decide whether you want to focus on studying and get a master's degree, or to start working as a teacher...or both at the same time.*

Необходимо перейти по ссылке, поприветствовать нейросеть (*Click on the following link – [1. *What are some common challenges faced by undergraduates in their studies?*
2. *What are the advantages of getting master's degree after completing a bachelor's degree?*
3. *How can a tutor effectively support and guide students through their higher education journey?*
4. *What qualities and qualifications are essential for becoming a successful professor in a higher education institution?*
5. *What are the key facilities and resources that a campus should provide to support the development of its students?*
6. *How do different faculties within a university collaborate to offer a well-rounded educational experience for students?*
7. *What are the benefits of living in university halls of residence for students during their higher education experience?*
8. *How do lectures contribute to the learning experience of students in higher education institutions?*](https://gliglish.com/free consult on the topic of studying and working. Remember to be polite and responsive – thank for the answers and corrections. You should greet Gliglish and ask the following questions)</i> и устно задать ей вопросы:</p>
</div>
<div data-bbox=)*

9. *In what ways do seminars enhance the understanding and application of academic concepts for students in higher education?*

10. *How can webinars be effectively used as an addition to traditional classroom learning in higher education?*

11. *What are the key steps involved in completing a dissertation at the postgraduate level?*

12. *How does writing a thesis contribute to the depth of knowledge and research skills of postgraduate students?*

13. *What are the essential elements to consider when preparing to apply for a job or a specialized course after completing higher education?*

14. *What are some effective strategies for crafting a compelling CV and covering letter for job or course applications post-graduation?*

15. *How can pursuing internships or trainee positions enhance the practical skills and industry exposure of higher education graduates?*

16. *What role do practical skills play in complementing the theoretical knowledge gained through higher education?*

17. *How important is it for higher education graduates to have reputable referees who can vouch for their capabilities and character in professional settings?*

18. *What significance do academic qualifications hold in shaping the career of individuals who have completed higher education?*

19. *What strategies can higher education graduates adopt to stay informed about relevant job vacancies or advanced courses in their field of study?*

20. *What factors contribute to a successful job offer for individuals who have recently completed their higher education?*

21. *In what ways does gaining practical experience complement the theoretical knowledge acquired during higher education studies?*

22. *What are the key preparations that higher education graduates should undertake before attending job or course interviews?*

23. *What are the key considerations for higher education graduates when applying for job positions, work permits, grants, or scholarships in their respective fields?*

Каждый из вопросов содержит изучаемую лексику. Обучающиеся задают вопросы нейросети Gliglish, тем самым имитируют речевой образец в рамках диалога с нейросетью. Далее происходит иноязычное общение между студентом и нейросетью (рис. 9):

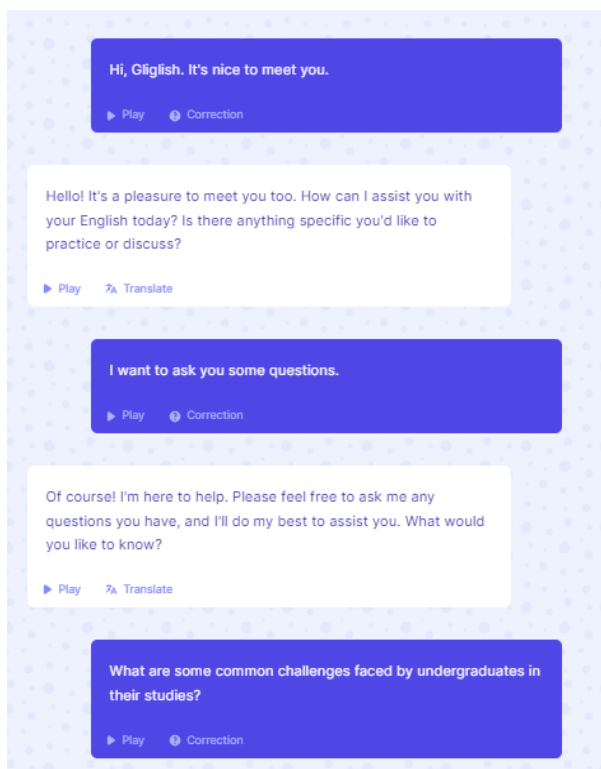

Рис. 9. Пример выполнения имитативного упражнения

Как можно видеть (рис. 10), Gliglish даёт полные ответы на поставленный вопрос и задаёт вопросы, учитывающие контекст разговора:

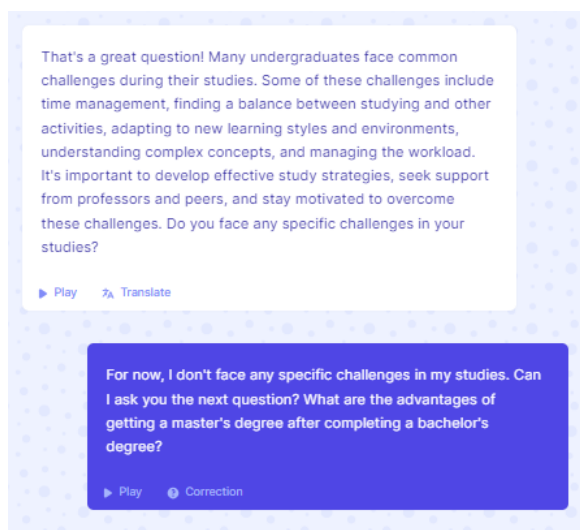

Рис. 10. Пример выполнения имитативного упражнения

Нейросеть предлагает варианты ответов на тот или иной вопрос. Например, на вопрос *Do you face any specific challenges in your studies?* предлагает следующие ответы (рис. 11):

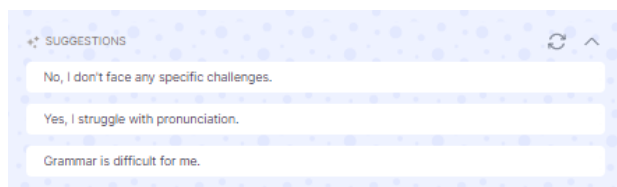

Рис. 11. Варианты ответов в рамках имитационного упражнения

Нейросеть проверяет правильность произношения, корректную имитацию представленного вопроса, а также при предоставлении ответов создает значимый контекст.

Следующий вид упражнений – это подстановочные упражнения.

Цель таких упражнений – подстановка изучаемых грамматических структур в речевой образец с минимальными изменениями. Рассмотрим пример развития произносительного и грамматического речевых навыков при изучении грамматической темы условных предложений первого и второго типа.

Обучающимся предлагается выполнить следующее упражнение: Talk to Gliglish about your studying and working experience, click on the following link [12] greet Gliglish, ask if you can share some facts about yourself, use the beginning of the given sentences below, complete them so they are true for you and discuss with Gliglish, remember to be responsive:

1. If I complete my bachelor's degree, ____.
2. If I attend a professional development course, ____.
3. If I gain experience in a relevant field, ____.
4. If I volunteer for a non-profit organization, ____.
5. If I achieve a certification in a specialized skill, ____.
6. If studying enhances my skills and knowledge, ____.
7. If I demonstrate leadership qualities in a team project, ____.
8. If I participate in a research project, ____.
9. If I present at a conference or seminar, ____.
10. If I complete an internship, ____.
11. If I had studied a different major in college, I would ____.
12. If I could choose any job in the world, I would ____.
13. If I had more work experience, I would ____.
14. If I were offered a scholarship to study abroad, I would ____.
15. If I had better time management skills, I would ____.
16. If I spoke another language fluently, I would ____ in my career.

17. If I were more confident in interviews, I would ____.
18. If I could work remotely from anywhere, I would ____.
19. If I had the opportunity to do an internship at a company, I would ____.
20. If I were more proactive in networking, I would ____.

В подстановочных упражнениях обучающимся необходимо использовать изученный речевой шаблон в процессе общения с нейросетью. В данном случае нейросеть проверяет правильность грамматического оформления составленных предложений, проверяет произношение согласно принятым в языке нормам (рис. 12):

Рис. 12. Пример выполнения подстановочного упражнения

Современные лингвоинформационные технологии предоставляют огромное количество возможностей языковому образованию: их можно рассматривать как эффективное средство развития речевых навыков и умений у студентов вуза. В данной работе рассмотрено применение лингвоинформационной технологии Gliglish для создания системы упражнений для обучения говорению в рамках самостоятельной работы студентов. В перспективе планируется провести педагогический эксперимент по их апробации.

Список источников

1. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
2. Prensky M. Digital natives, digital immigrants: Part 1. On the Horizon, 9(5), 2001. Pp. 1–6.
3. Безукладников К. Э., Крузе Б. А. Лингвоинформационный подход к высшему иноязычному образованию: Методика формирования лингводидактических компетенций. М.: Издательство Нобель Пресс, 2013. С. 1–10.
4. Безукладников К. Э., Вахрушева О. В. Проектирование лингвоинформационной среды военного вуза: содержательный и технологический аспект // Язык и культура. 2022. № 60. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-lingvo-informatsionnoy-sredy-voennogo-vuza-soderzhatelnyy-i-tehnologicheskii-aspekt> (дата обращения: 17.04.2024).

5. Якунина Е. К., Дёрина Н. В. Развитие информационно-технологического потенциала преподавателей университета в процессе корпоративного обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63 (1). С. 428–432.

6. Вахрушева О. В., Назарова А. В., Нарцица Л. С. Лингвоинформационная среда как средство и условие организации обучения иностранному языку в неязыковом вузе (на примере военного вуза) // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/88PDMN320.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

7. Пащенко О. И. Информационные технологии в образовании // учебно-методическое пособие. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 20–30.

8. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык. 1989. 277 с.

9. Комарова Е. В. Вовлечение чат-ботов в процесс обучения иностранным языкам // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. №1. С. 149–158.

10. Коган М. С. О возможном использовании нейросети chatgpt в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 31–38.

11. Игнатьева Н. Д., Сидорова Е. Ю. Возможности нейросети для реализации принципа наглядности в обучении русскому языку как иностранному // Современный взгляд на обучение РКИ: нейроаспекты: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 июня 2023 года / Под общей редакцией Е. А. Хамраевой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 182–188.

12. Нейросеть Gliglish URL: <https://gliglish.com/free> (дата обращения: 12.03.2024).

13. Пассов Е. И., Кузнецова Е. С. Обучение общению на иностранном языке. Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. 40 с.

14. Oxenden C., Latham-Koenig C., Seligson P. New English File: Intermediate Plus Student's Book // Oxford University Press. 2020. Pp. 36–44.

References

1. Ozhiganova, E. M. (2015). *Teoriya pokolenii N. Khouva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya* [Theory of Generations: Ways of Using that on Practice]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*. No. 1, pp. 94–97. (In Russian)
2. Prensky, M. (2001). *Digital Natives, Digital Immigrants: Part 1. On the Horizon*. No. 9 (5), pp. 1–6. (In English)
3. Bezukladnikov, K. E., Kruze, B. A. (2013). *Lingvoinformatsionnyi podkhod k vysshemu inoyazychnomu obrazovaniyu: Metodika formirovaniya lingvodidakticheskikh kompetentsii* [Linguo-Informational Approach at University. Ways of Forming Linguo-

Informational Competency]. 216 p. Moscow, izdatel'stvo Nobel' Press. (In Russian)

4. Bezukladnikov, K. E., Vahrusheva, O. V. (2022). *Proektirovanie lingvo-informatsionnoi sredy voennogo vuza: sodержatel'nyi i tehnologicheskii aspekt. Yazyk i kul'tura* [Creating Linguo-Informational Space in the Military University: The Content and Technological Aspects]. No. 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-lingvo-informatsionnoy-sredy-voennogo-vuza-soderzhatelnyy-i-tehnologicheskii-aspekt> (accessed: 17.04.2024). (In Russian)

5. Yakunina, E. K., Dyorina, N. V. (2019). *Razvitie informatsionno-tehnologicheskogo potentsiala prepodavatelei universiteta v protsesse korporativnogo obucheniya* [Developing Information-Technological Potential of Pre-Service Teachers while Corporate Learning]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. No. 63(1), pp. 428–432. (In Russian)

6. Vahrusheva, O. V., Nazarova, A. V., Naritsyna, L. S. (2020). *Lingvoinformatsionnaya sreda kak sredstvo i uslovie organizatsii obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze (na primere voennogo vuza)* [Linguoinformational Space as a Tool to Organize Foreign Language Teaching in a Military University]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*. No. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/88PDMN320.pdf> (accessed: 15.03.2024). (In Russian)

7. Pashhenko, O. I. (2013). *Informtsionnye tehnologii v obrazovanii* [ICT in Teaching]. Pp. 20–30. Nizhnevartovsk, izd-vo Nizhnevart. gos.universiteta. (In Russian)

8. Passov, E. I. (1989). *Osnovy kommunikativnoi metodiki obucheniya inostrannym yazykam* [Foundations

of Teaching Foreign Languages]. 277 p. Moscow. Russkii yazyk. (In Russian)

9. Komarova, E. V. (2024). *Vovlechenie chat-botov v process obucheniya inostrannym yazykam* [Using Chat Bots While Teaching Foreign Languages]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1, pp. 149–158. (In Russian)

10. Kogan, M. S. (2023). *O vozmozhnom ispol'zovanii neuroseti chatgpt v obuchenii inostrannym yazykam* [The Possibilities of Using AI ChatGPT in Teaching English]. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 3, pp. 31–38. (In Russian)

11. Ignat'eva, N. D., Sidorova, E. Yu. (2023). *Vozmozhnosti neuroseti dlya realizatsii printsipa naglyadnosti v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* [AI Opportunities in Order to Realize the Visual Aid Principle While Teaching Russian as a Foreign Language]. *Sovremennyi vzglyad na obuchenie. RKI: neuroaspekty: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 182–188. Moskva, 01–02 iyunya 2023 goda. Pod obshhei redaktsiei E. A. Hamraevoi. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

12. *Gliglish*. URL: <https://gliglish.com/free> (accessed: 12.03.2024). (In English)

13. Passov, E. I., Kuznetsova, E. S. (2002). *Obuchenie obshheniyu na inostrannom yazyke* [Teaching Foreign Languages]. 40 p. Voronezh, NOU Interlingva (In Russian)

14. Oxenden C., Latham-Koenig C., Seligson P. (2020). *New English File: Intermediate Plus Student's Book*. Pp. 36–44. Oxford University Press. (In English)

The article was submitted on 23.05.2024

Поступила в редакцию 23.05.2024

Гимадиева Эльвира Наилевна,
аспирант,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gellonsy@mail.ru

Gimadieva Elvira Nailevna,
graduate student,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gellonsy@mail.ru

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-281-288

ЛОНГРИД КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ЭДЬЮТЕЙНМЕНТ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ЭКСТЕНСИВНОМУ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© Искандер Ярмакеев, Татьяна Пименова, Альбина Абдрафикова, Роберт Хусаинов

LONGREAD AS A TOOL OF THE EDUTAINMENT TECHNOLOGY IMPLEMENTATION IN TEACHING EXTENSIVE READING IN A FOREIGN LANGUAGE

Iskander Yarmakeev, Tatiana Pimenova, Albina Abdrafikova, Robert Khusainov

The article considers Longread as a tool for implementing the Edutainment technology in the theory and practice of teaching extensive reading in EFL classes. Taking into account the purpose and objectives of the study, we formulate the definitions of the terms Edutainment and Longread, typologize their components, provide their creation algorithms and offer methodological recommendations for conducting classes based on the Edutainment technology. The article describes a model of teaching reading with the help of Longreads. The research findings confirm that teaching to read Longreads fits into the concept of the Edutainment technology and aims at developing skills of working with large amounts of information. This approach may contribute to the formation of students' linguistic and communicative competencies, as well as to the development of a sustainable motivation to learn a foreign language. We choose a theoretical analysis of scientific literature, a content analysis of pedagogical literature, questionnaires, experiment, mathematical data processing, analyses of personal empirical experience of teaching foreign languages as the leading methods of the research. The scientific and practical evidence, presented in this article, may inspire EFL teachers to adopt the model of teaching extensive reading with the help of Longreads for their students' and their own benefit.

Keywords: Longread, Edutainment technology, reading instruction, Longread algorithm, Longread work methodology

В статье рассматривается лонгрид как инструмент внедрения технологии эдьютейнмент в теорию и практику обучения экстенсивному чтению на английском языке. Авторы с учетом цели и задач исследования формулируют определения недавно появившихся в теории обучения терминов «эдьютейнмент» и «лонгрид», типологизируют их компоненты, предоставляют алгоритмы их создания, предлагают методические рекомендации для составления лонгрида и методику работы с ним. Разработанная авторами теоретическая база стала основанием для организации заключительного этапа исследования – создания и апробации модели обучения чтению лонгридов. Как показал педагогический эксперимент, обучение экстенсивному чтению на основе лонгридов вписывается в концепцию педагогической технологии эдьютейнмент и направлено на формирование умений работы с большими объемами информации. Авторы выбирают теоретический анализ научной литературы, контент-анализ педагогической литературы, анкетирование, эксперимент, математическую обработку данных, анализ личного эмпирического опыта преподавания иностранных языков в качестве ведущих методов исследования. В статье представлена методика обучения экстенсивному чтению на иностранном (английском) языке на основе модели обучения чтению лонгридов. Результаты и материалы проведенного исследования могут быть рекомендованы преподавателям английского языка.

Ключевые слова: лонгрид, технология «эдьютейнмент», обучение экстенсивному чтению, алгоритм составления лонгрида, методика работы с лонгридом

Для цитирования: Ярмакеев И., Пименова Т., Абдрафикова А., Хусаинов Р. Лонгрид как один из инструментов имплементации технологии эдьютейнмент в процессе обучения экстенсивному чтению на иностранном языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 281–288. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-281-288

В современном российском образовании существует потребность в поиске таких педагогических технологий, которые могут эффективно работать в сложном, нестабильном, меняющемся мире, диктующем свои правила и предъявляющем свои требования к организации образовательного процесса. Одним из способов преодоления этих вызовов, стоящих перед образованием, может стать умелое комбинирование технологий, зарекомендовавших себя на практике как эффективные, и новых технологий обучения. Одним из примеров такой комбинации может служить педагогическая технология эдьютейнмент (edutainment + education), которая является для российской системы образования новой и мало изученной.

«Эдьютейнмент» как понятие сложилось во второй половине XX столетия. Так, например, в 1970-е годы в США и Великобритании эта новая для того времени технология широко использовалась в здравоохранении [1]. Постепенно технология эдьютейнмент вошла в другие сферы, включая образовательную.

Зарубежные авторы отличительной характеристикой технологии эдьютейнмент считают «создание развлекательно-образовательной среды, которая способствует максимальной реализации всех возможностей современного образования» [Там же, с. 144]. В научной литературе сам термин «эдьютейнмент» широко не представлен, хотя существует немало описаний практик использования этой технологии в учебно-методической литературе (Букатов В. М., Дьяконова О. О., Зиновкина М. М., Кобзева Н. А., Buckingham D., Katsalaki K., White R., Charsky D., Sharon De Vary, Michela Addis, Zekeriya Kazanci, Zuhail Okan, Scanlon M.).

Так что же это за технология «эдьютейнмент» глазами теоретиков и практиков? Если суммировать все определения и толкования, можно прийти к следующему выводу: эдьютейнмент – это педагогическая технология, в основе которой лежит идея обучения в простой и интересной форме и в комфортных для учащихся условиях. Такая трактовка ставит следующие вопросы:

1. Какие формы обучения можно идентифицировать как «простые» и «интересные»?
2. Какие условия могут считаться «комфортными» для учащихся?

К «интересной» форме обучения экстенсивному чтению объемных текстов на английском языке с применением технологии эдьютейнмент мы относим лонгрид.

Лонгрид в переводе с английского языка означает «долго-читаемый», поскольку лонгрид – это объемный текст (800–2000 слов). Отличительной чертой лонгрида, или «трендовой статьи», помимо его длины, является его семантическая насыщенность и высокая информативность [2, с. 37]. Еще одной особенностью лонгрида является форма подачи текста. Согласно М. И. Бондаренко, В. В. Витвинчук, лонгрид – это объемный текст, нестандартно поданный, благодаря использованию различных мультимедийных средств, оказывающих на читателя глубокое впечатление [3, с. 289].

Лонгрид – это текст, оснащенный инфографикой; такая форма подачи учебного материала основывается на идее эдьютейнмента – «обучение через развлечение». Однако надо заметить, что обучение с использованием текста такого формата требует определенных умений и со стороны учителя, и со стороны учащихся, как минимум, владения умением работать с цифровыми технологиями. Это всегда «интересно», но не всегда «просто».

«Толковый словарь русского языка» предлагает такое определение термину «комфорт»: «Комфорт – это условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют» [4, с. 1039]. Каким может быть комфорт в образовательном процессе? В первую очередь, психологическим и интеллектуальным. Под психологическим комфортом понимают состояние радости, удовольствия и удовлетворения, которое могут испытывать учащиеся, находясь в учебном учреждении. Интеллектуальный комфорт – это удовлетворенность учащихся своей мыслительной деятельностью и ее результатами на уроке. Все это предоставляет технология «эдьютейнмент». К такому выводу приходит Н. А. Кобзева, точку зрения которой мы разделяем. В своем исследовании автор приводит следующее определение этой педагогической технологии: «Edutainment – это технология обучения, рассматриваемая как совокупность современных технических и дидактических средств обучения, которая основана на концепции обучения через развлечение» [5, с. 195], имплементация которой в учебный процесс, по мнению автора, создает психолого-педагогический комфорт в учебном учреждении, что, безусловно, оказывает свое влияние на результативность усвоения знаний учащимися [Там же].

В настоящем исследовании авторами были поставлены следующие задачи:

1. Разработать алгоритм составления лонгрида для образовательных целей.

2. Представить методику работы с лонгридом при обучении экстенсивному чтению на уроках английского языка.

Отсутствие достаточного количества учебных лонгридов для обучения экстенсивному чтению объемных текстов на английском языке обусловило первую задачу. Контент-анализ учебников английского языка для учащихся средних общеобразовательных школ, рекомендованных Министерством просвещения Российской Федерации, показывает почти полное отсутствие текстов больших объемов для чтения. Такое состояние учебников можно объяснить, как минимум, двумя причинами: учебники последних лет составлены на принципах коммуникативной методики, которая в качестве стратегической цели обучения иностранным языкам ставит формирование и развитие не грамматической компетенции, а коммуникативной компетенции на основе бесструктурного изучения языка. И вторая, на наш взгляд, причина состоит в том, что объем школьного учебника имеет свои границы. Ради объективности надо заметить, что в комплект некоторых учебно-методических комплексов могут входить так называемые «ридеры», то есть книги в бумажном или электронном формате, содержащие объемные тексты. Но как любое учебное пособие оно тоже ограничено количеством страниц.

Алгоритм составления учебного лонгрида

Каков алгоритм создания учебных лонгридов? Авторы предлагают следующий план:

- выбор фабульного текста по теме урока;
- отбор мультимедийных элементов, согласующихся с содержанием текста;
- анализ и редакция текстового и мультимедийного материалов;
- верстка собранного материала;
- разработка методики подачи материала (лонгрида).

Авторы также дают некоторые методические рекомендации для составления учебного лонгрида:

- Рекомендуется использовать увлекательные тексты по изучаемой теме, включающие релевантную информацию и отвечающие возрасту и интересам учащихся, на чтение которых требуется 5–7 минут.
- Следует тщательно подбирать мультимедийное сопровождение для создания качественного лонгрида. При этом необходимо принимать во внимание, что мультимедиа должны выполнять две функции: сопроводительную – для поддержания интереса к материалу со стороны чита-

теля и информационную – для изучения материала.

– Как рекомендует А. Колесниченко, надо помнить, что иллюстративность не является показателем высококачественного лонгрида, так как она может вызвать не «длительное прочтение», а «длительный просмотр» контента [2, с. 38].

– При составлении лонгрида авторы предлагают пользоваться такими приемами, как брошкский заголовок, риторический вопрос, парцелляция и др.

– Составитель лонгрида (учитель) должен понимать:

✓ Какова заложенная в лонгрид дидактическая задача?

✓ Насколько интересна и полезна для ученика информация, содержащаяся в лонгриде?

✓ Какую смысловую нагрузку несет каждый элемент лонгрида?

Кроме того, требуется подчеркнуть, что лонгрид должен отвечать определенным требованиям, а именно:

- сюжет текста должен разворачиваться во времени и разбиваться на эпизоды;
- детали, содержащиеся в тексте, должны изображаться графически, а не вербально;
- должно быть исчерпывающее количество достоверной информации справочного характера.

Методика работы с лонгридом

Какова методика работы с лонгридом и насколько она эффективна в обучении чтению англоязычных текстов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы попытались на основе модели П. И. Пидкасистого [6] составить свой вариант модели обучения чтению лонгридов (объемных текстов), которая представлена на рисунке 1, и апробировать модель, проведя педагогический эксперимент.

Requirements of the FSES		
TARGET MODULE		
Target: Formation and improvement of students' extensive reading skills with the use of longreads		
CURRICULUM CONTENT		
THEORETICAL MODULE		
Approaches: personality-oriented, systematic, culturological		
Principles: integrity principle, activity principle, scientific principle, visibility principle		
TECHNOLOGICAL MODULE		
Teaching methods	Organizational forms	Tools

Communicative Interactive Alternative (Suggestopedia) Explanatory and illustrative teaching	Individual work Group work	PC Training pack- age Supplementary ICTs
CONDITIONS FOR SUCCESSFUL INTERGRATION OF LONGREADS IN THE LEARNING PROCESS		
EVALUATIVE AND RESULTATIVE MODULE Criteria for the formation of reading skills: com- pliance with the communicative task and norms of a foreign language, competent lexical and grammati- cal design of speech RESULT: Formation and improvement of extensive reading skills		

Рис. 1. Модель обучения чтению лонгридов
(объемных текстов)

В соответствии с требованиями ФГОС [7, с. 34] (Requirements of the FSES) к формированию речевых умений по каждому виду речевой деятельности мы выделяем целевой блок (TARGET MODULE), в котором обучение чтению объемных текстов определяется как обучение экстенсивному чтению, формирующее и развивающее умение читать объемные тексты с общим охватом содержания текста. Средствами обучения служат лонгриды. Тщательно составленные и / или грамотно подобранные и согласующиеся с программной тематикой лонгриды с разработанными заданиями к ним мы включаем в контент программы (CURRICULUM CONTENT).

Второй блок (THEORETICAL MODULE) представляет базовые дидактико-методические принципы и подходы, на которых основывается обучение любому виду речевой деятельности, включая обучение чтению (экстенсивному в том числе). Мы называем в качестве ключевых подходов: личностно-ориентированный, системный, культурологический (Approaches: personality-oriented, systematic, culturological); в качестве ключевых принципов – принципы интеграции, активности, научности, наглядности (Principles: integrity principle, activity principle, scientific principle, visibility principle).

В третий блок модели обучения чтению объемных текстов, организованных в лонгриды, (TECHNOLOGICAL MODULE) входят методы и приемы обучения (Teaching methods), формы организации работы учащихся (Organizational forms), инструменты или средства обучения (Tools). Наиболее популярными и результативными мы считаем коммуникативный, интерак-

тивный, альтернативный, объяснительно-иллюстративный методы обучения (Communicative, Interactive, Alternative, Explanatory and illustrative teaching methods). В теории и методике обучения иностранным языкам называют две основные формы организации учебной деятельности в рамках классно-урочной системы: индивидуальную и групповую (Individual work, Group work). В нашей модели мы не отходим от классики, предлагая организовывать процесс обучения чтению объемных текстов, используя как индивидуальную работу (для интровертов), так и работу в группах (для экстравертов). К средствам обучения в третьем блоке мы относим персональный компьютер или ноутбук (PC), учебный комплект (Training package), дополнительные информационно-коммуникационные технологии (Supplementary ICTs). Составляющей компонентой третьего блока модели являются следующие педагогические условия, при которых возможна успешная интеграция учебных лонгридов в образовательный процесс (CONDITIONS FOR SUCCESSFUL INTERGRATION OF LONGREADS IN THE LEARNING PROCESS):

► Тщательный отбор учебных лонгридов, соответствующих целям обучения и изучаемым темам, а также возрасту и интересам обучающихся.

► Разработка заданий, направленных на развитие навыка экстенсивного чтения.

► Выбор форм организации работы учащихся, согласующихся с общей концепцией технологии «эдьютейнмент».

► Наличие технических средств обучения.

► Сформированность навыка чтения и работы с текстовым материалом.

► Владение ИКТ (ICT).

► Средний или высокий уровень мотивации обучающихся к изучению иностранного языка.

4 блок (EVALUATIVE AND RESULTATIVE MODULE) складывается из критериев, позволяющих провести оценку уровня сформированности навыков экстенсивного чтения, а именно: а) соответствие коммуникативной задаче и б) грамотное лексико-грамматическое оформление речи, определяющих понимание:

- информации о персонажах, времени и месте действия и др.;

- подтекстовой информации, которая не излагается вербально, а подразумевается;

- концептуальной информации, выражающей точку зрения автора и ключевую идею текста.

Педагогический эксперимент по апробации модели обучения чтению учебных лонгридов

Апробация модели обучения чтению лонгридов (объемных текстов) на иностранном (английском) языке была проведена на базе трех классов начальной школы г. Казани. В педагогическом эксперименте принимали участие учителя английского языка 3-х начальных классов.

Первый этап эксперимента включал тест на определение уровней сформированности грамматических и лексических навыков, а также навыка работы с текстом. В таблице 1 представлены результаты входного теста.

Таблица 1.

Результаты входного теста на определение уровней сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом

Количество тестируемых	Показатель уровня владения английским языком по системе CEFR (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком)
9	Pre A1
21	A1
24	A2

Полученные данные свидетельствуют, что у 9 обучающихся из 54-х – начальный уровень (Pre A1); у 21 обучающегося уровень сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом определяется как базовый (A1), то есть обучающиеся, владея базовыми фразами, могут составить своё высказывание на ту или другую предложенную тему на английском языке; 24 обучающихся показали предпороговый уровень (A2), что означает, что тестируемый смог использовать выученные речевые паттерны в предложенной речевой ситуации, а также вступить в простую коммуникацию, обмениваясь информацией при помощи знакомых ему клише.

Следующий этап эксперимента включал анкетирование, которое было проведено с целью выявления уровней мотивации обучающихся к изучению иностранного (английского) языка. Для этого мы использовали авторскую методику изучения учебной мотивации обучающихся начальной школы М. Р. Гинзбург [8]. Данные анкеты, обработанные в соответствии со шкалой автора, отражены в Таблице 2.

Таблица 2.

Данные анкеты на определение уровней мотивации обучающихся к изучению английского языка

Количество тестируемых	Уровень мотивации учения
12	I (очень высокий уровень мотивации учения)

12	II (высокий уровень мотивации учения)
9	III (нормальный / средний уровень мотивации учения)
15	IV (сниженный уровень мотивации учения)
6	V (низкий уровень мотивации учения)

Полученные данные выявили уровень мотивации школьников и позволили определить последовательность следующих этапов эксперимента и организовать целостную деятельность по обучению чтению объемных текстов (лонгридов) на иностранном языке, так как учебный материал способен влиять на уровень мотивации обучающихся.

Далее последовала разработка лонгридов в соответствии с содержанием учебника «Starlight-4» [9]. По каждой теме был составлен лонгрид, представляющий собой объемный текст, сопровождающийся визуальным рядом. В таблице 3 в качестве образца представлена поурочная тематика лонгридов, составленных в соответствии с темами модуля 5 учебника.

Таблица 3.

Тематика лонгридов по модулю 5 учебника «Starlight-4»

Тема модуля	Тема лонгрида
«Код страны (The country code)»	«Здоровый образ жизни (Healthy lifestyle)»
«День Святого Валентина (St. Valentine's Day)»	«День Петра и Февронии (Peter and Fevronia's Day)»
«Рыцари и замки (Knights and Castles)»	«Средневековые замки (Medieval castles)»
«История ивы (Willow's Story)»	«Назад в прошлое (Back in time)»

На следующем этапе, после проведения диагностики уровней сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом и разработки соответствующих этим уровням учебных материалов, была протестирована технология работы с лонгридом, согласно которой:

1. Обучающиеся читают объемный текст (лонгрид), который разделен на несколько частей, каждая со своей подтемой; чтение текста можно начинать с любого фрагмента. Некоторые подтемы представлены визуально, то есть сопровождаются мультимедийными материалами. Важная задача для учащихся на этом этапе – понять основное содержание текста, игнорируя непонимание значения незнакомых слов. Понимание проверяется вопросами общего типа (General

questions), которые предусматривают ответ «Да» или «Нет».

2. Для полного понимания текста и изучения новой лексики учащиеся работают с текстом по заданиям:

- Для выявления, насколько полно учащиеся поняли содержание текста, предлагается задание на определение верного (T-True) или неверного (F-False) утверждения. Такое упражнение традиционно выполняется устно.

- Примером заданий на изучение новых лексических единиц может служить упражнение на сопоставление (Matching the words with their definitions), которое предполагает установление значений слов. В дополнение допускаются задания типа: Fill in the gaps using the words in the box; Circle the odd word и др.

- Задание «My tips of staying healthy», которое завершает работу над лонгридом «Здоровый образ жизни (Healthy lifestyle)», носит творческий характер и является домашним: обучающимся необходимо подготовить выступление по теме прочитанного лонгрида в любом формате (эссе, презентация, устный доклад и т. п.).

Контрольный этап эксперимента продемонстрировал, что обучение с использованием лонгрида способствует:

а) повышению общего уровня владения английским языком обучающимися, что подтверждается результатами контрольного теста на определение уровня сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом (Таблица 4), а также результатами входного и контрольного тестов в сравнении (Таблица 5).

Таблица 4.

Результаты контрольного теста на определение уровня сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом

Количество обучающихся	Показатель уровня владения английским языком по системе CEFR (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком)
8	Pre A1
15	A1
31	A2

Таблица 5.

Результаты входного и контрольного тестов на определение уровня сформированности грамматических и лексических навыков и навыка работы с текстом

Количество обучающихся (входной тест)	Количество обучающихся (контрольный тест)	Показатель уровня владения английским языком по системе CEFR (Общеввропейские компетенции владения языком)
9	8	Pre A1
21	15	A1
24	31	A2

б) формированию навыка работать с объемными текстами: на контрольном этапе упражнения с целью полного извлечения информации из прочитанного текста (определение верного или неверного утверждения; расстановка предложений в логическом порядке в соответствии с содержанием текста и др.) выполнялись учащимися с большой результативностью.

В таблице 6 представлены в качестве образца количественные показатели выполнения заданий с целью полного извлечения информации из прочитанного лонгрида «Здоровый образ жизни (Healthy lifestyle)».

Таблица 6.

Количественные показатели выполнения заданий с целью полного извлечения информации из лонгрида «Здоровый образ жизни (Healthy lifestyle)»

Количество правильных ответов	Define the statements as true or false	Arrange the following statements in a logical order	Match the words to their definitions	Fill in the gaps using the words in the box	Answer the following questions
(максимум) 54	51	50	47	47	49

Наше исследование позволяет сделать следующие выводы:

– Лонгрид как инструмент обучения экстенсивному чтению обладает большим дидактическим потенциалом, вписывается в концепцию технологии эдьютейнмент и приобретает все большую популярность в наши дни, способствуя выработке умений работы с большими объемами информации.

– Работа с лонгридом может осуществляться обучающимися как самостоятельно, так и с помощью учителя.

Список источников

1. Самосенкова Т. В. Технология «Эдьютейнмент»: к истории вопроса / Т. В. Самосенкова, И. В. Савочкина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). Вып. 36. С. 142–149.
2. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. М.: Изд-во «Москва», 2008. С. 37–38.
3. Бондаренко М. И. Лонгрид как новый жанр отечественной журналистики / М. И. Бондаренко, В. В. Витвинчук // Novainfo.ru. 2016. Т. 3, № 46. С. 288–290.
4. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. 943 с.
5. Кобзева Н. А. Edutainment как современная технология обучения. Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4 (II) (Психолого-педагогические науки). С. 192–195.
6. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / П. И. Пидкасистый, В. А. Мижериков, Т. А. Юзефович; под ред. П. И. Пидкасистого. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 624 с. (Сер. Бакалавриат).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286. С. 34–36.
8. Методика «Изучение школьной мотивации» М. Р. Гинзбург. URL: <https://cutvideo.ru/izucheniye-uchebnoy-motivatsii-m-r-ginzburg/> (дата обращения: 09.01.2023).
9. Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В. Английский язык. 4 класс. Учебник. В 2-х частях. ФГОС. М.: Просвещение, 2023 г. 136 с.

References

1. Samosenkova, T. V. (2017). *Tekhnologiya "Ed'yuteinment": k istorii voprosa* [Edutainment Tech-

nology: Back to the History of the Issue]. T. V. Samosenkova, I. V. Savochkina. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. No. 28 (277). Vyp. 36, pp. 142–149. Belgorod, Nauchnye vedomosti BelGU. (In Russian)

2. Kolesnichenko, A. V. (2008). *Prakticheskaya zhurnalistika. Uchebnoe posobie* [Practical Journalism. A Study Guide]. Pp. 37–38. Moscow, izd-vo "Moskva". (In Russian)

3. Bondarenko, M. I. (2016). *Longrid kak novyi zhanr otechestvennoi zhurnalistiki* [Longrid as a New Genre of Russian Journalism]. M. I. Bondarenko, V. V. Vitvinchuk. Novainfo.ru. Vol. 3, No. 46, pp. 288–290. Moscow, Novainfo.ru. (In Russian)

4. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeol. vyrazhenii* (1997, 1999, 2001, 2003) [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. 943 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

5. Kobzeva, N. A. (2012). *Edutainment kak sovremennaya tekhnologiya obucheniya* [Edutainment as a Modern Learning Technology]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. No. 4 (II) (Psikhologo-pedagogicheskie nauki). Pp. 192–195. (In Russian)

6. *Pedagogika: uchebnik dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya* [Pedagogy: A Textbook for Student Institutions of Higher Professional Education]. P. I. Pidkasyty, V. A. Mizherikov, T. A. Yuzefavichus; pod red. P. I. Pidkasytogo. 2-e izd., pererab. i dop. 624 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (Ser. Bakalavriat). (In Russian)

7. *Federal'nyi gosudarstvennij obrazovatel'nyi standart nachal'nogo obshhego obrazovaniya. Prikaz Ministerstva prosveshheniya Rossijskoi Federatsii ot 31 maya 2021 g. № 286*. [The Federal State Educational Standard of Primary General Education. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 286 dated May 31, 2021]. Pp. 34–36. (In Russian)

8. *Metodika "Izuchenie shkol'noi motivatsii"* M. R. Ginzburg. URL: <https://cutvideo.ru/izucheniye-uchebnoy-motivatsii-m-r-ginzburg/> (accessed: 09.01.2023). (In Russian)

9. Baranova, K. M., Duli, D., Kopylova, V. V. (2023). *Angliiskii yazyk. 4 klass. Uchebnik. V 2-h chastyakh* [English Language. 4th Grade. A Textbook. In 2 Parts]. FGOS. 136 p. Moscow, Prosveshhenie. (In Russian)

The article was submitted on 04.06.2024
Поступила в редакцию 04.06.2024

Ярмакеев Искандер Энгелевич,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ermakeev@mail.ru

Yarmakeev Iskander Engelevich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ermakeev@mail.ru

Пименова Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
pimenova_ts@mail.ru

Абдрафикова Альбина Ринатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina112000@mail.ru

Хусаинов Роберт Рустемович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
robert.khusainov.00@mail.ru

Pimenova Tatiana Sergeevna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
pimenova_ts@mail.ru

Abdrafikova Albina Rinatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina112000@mail.ru

Khusainov Robert Rustemovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
robert.khusainov.00@mail.ru

**IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ:
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ».
ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ**

© Татьяна Бреева, Лилия Хабибуллина

**THE 9TH INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
“NATIONAL MYTH IN LITERATURE AND CULTURE”**

Tatiana Breeva, Liliya Khabibullina

Для цитирования: Бреева Т., Хабибуллина Л. IX Международная научная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: множественность репрезентаций». Промежуточные итоги // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 289–291. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-289-291

Кафедра русской литературы и методики ее преподавания и кафедра зарубежной литературы ИФМК КФУ в этом году в девятый раз провели крупнейшую в своей области международную конференцию «Национальный миф в литературе и культуре». В этом году она была посвящена множественности репрезентаций национального мифа в культуре и литературе.

Участниками нынешней конференции стали 110 докладчиков со всего мира, а также со всех регионов России – от Крыма до Сургута и Барнаула; международные участники представляли Беларусь, Узбекистан, Пакистан, Израиль, Китай, Иран. Предусмотрена возможность их участия не только в очном, но и в дистанционном формате. Всего же с 2003 г. в конференции приняли участие специалисты из большинства университетов России и многих стран мира: Великобритании, США, Израиля, Италии, Германии, Австрии, Китая, Грузии, Казахстана, Беларуси и др.

Внимание крупнейших ученых-филологов из года в год привлекает как широкая проблематика конференции, так и ее ориентация на наиболее актуальные социальные и научные тренды. Вопросы национального мифа обсуждаются каждый раз в связи с русской, татарской, английской, американской и другими национальными литературами и культурами. Пленарные и секционные доклады «Национального мифа в литературе и культуре» всегда становятся важным элементом отечественной и мировой научной жизни,

они активно обсуждаются филологами, культурологами, философами, социологами.

Конференция носит периодический характер и проводится один раз в два года, с 2003 г., когда в Казанском государственном педагогическом университете была проведена международная конференция «Литература: миф и реальность» (тогда даже предложенное уже в это время и впоследствии ставшее традиционным название вызвало множество вопросов и не нашло поддержки у прежней администрации вуза и факультета). С первых дней конференции в ней принимали участие Елена Евгеньевна Приказчикова, профессор кафедры литературы Уральского государственного университета, выступившая с докладом «Культурные миф XVIII века в творчестве Г. Р. Державина», и Ольга Юрьевна Анцыферова, тогда заведующая кафедрой зарубежной литературы Ивановского государственного университета, рассказавшая о функции киномифа в романе Уокера Перси «Любитель кинематографа».

С 2009 г. конференция стала называться «Национальный миф в литературе и культуре», с 2011 г. организаторы конференции акцентировали тот или иной аспект этой обширной проблематики: в частности, в 2011 г. это была проблема взаимодействия национального и идеологического. Конференция «Национальный миф в литературе и культуре: литература и идеология» вызвала большой интерес исследователей со всей России и зарубежных стран, как это затем происхо-

дило и с каждой из последующих конференций, география расширялась, а количество участников возрастало. В частности, тогда особое внимание привлек доклад Татьяны Александровны Снигиревой, Алексея Васильевича Подчиненова «Сюжет возвращения в пространстве идеологии».

В 2013 г. конференция «Национальное и конфессиональное в английской и русской литературе и культуре» проводилась совместно Институтом филологии и искусств К(П)ФУ и Российской ассоциацией преподавателей английской литературы; это вновь расширило состав участников, и с того времени преподаватели английской литературы в России, такие как Борис Михайлович Проскурнин, на тот момент декан филологического факультета Пермского университета, Анастасия Андреевна Липинская, доцент кафедры зарубежной литературы Санкт-Петербургского университета, остаются постоянными участниками конференции. Среди них – Олег Юрьевич Поляков, профессор Вятского государственного гуманитарного университета, чей доклад «Национальный текст литератур в свете имагологии: культурная иконография Д.-А. Пажо» позволил найти точки соприкосновения имагологии и концепции национального мифотворчества.

В 2015 г. состоялась очередная конференция «Национальный миф в литературе и культуре: национальное и историческое», где к числу постоянных участников конференции присоединилась Барковская Нина Владимировна, профессор Уральского федерального университета, ее доклад «Мифология степи в современной русской прозе» стал одним из важных событий конференции.

Для участия в конференции 2017 г. «Национальный миф в литературе и культуре: колониальный и постколониальный дискурс» были приглашены столичные специалисты в соответствующей области, такие как Сергей Петрович Толкачев с докладом «Билингвизм как отражение мультикультурной парадигмы в современной английской литературе» и Элеонора Федоровна Шафранская с докладом «Фазы русского колониального дискурса». В этот же раз свой доклад «Деконструкция национального дискурса у Николая Лескова» на пленарном заседании представила профессор из Австрии, директор Института славистики Университета Инсбрука Андреа Цинк.

В 2019 г. состоялась конференция «Национальный миф в литературе и культуре: образ Другого», где участников конференции прежде всего интересовал вопрос воплощения образа русского в иной культуре, этому был посвящен

пленарный доклад профессора Балтийского военно-морского института Юлии Анатольевны Говорухиной «„Другие русские“: мифотворчество в публицистике эмиграции четвертой волны», а также впервые проводившийся в рамках конференции вебинар «Русский как Другой в мировой литературе».

Конференция «Национальный миф в литературе и культуре: рубежи и границы», состоявшаяся в мае 2022 г., несмотря на сложные условия проведения, привлекла множество специалистов, представителей гуманитарных наук из разных стран и городов России. Свой доклад «„Тольяттинский миф“ как отражение постсоветской мифологии (на материале „тольяттинской драматургии“»)» на пленарном заседании представила доктор филологических наук, представитель Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева Журчева Татьяна Валентиновна.

Неизменными участниками конференции являются ученые Казанского федерального университета, среди них организаторы конференции – доктора филологических наук Лилия Фуатовна Хабибуллина и Татьяна Николаевна Бреева, которым принадлежит идея конференции, а также доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы Ольга Олеговна Несмелова, доктора филологических наук Вера Борисовна Шамина, Алексей Николаевич Пашкуров, Вячеслав Николаевич Крылов, Альфия Фоатовна Гилимуллина, кандидаты филологических наук Алсу Хадиевна Вафина, Наталья Георгиевна Махина, Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова, Елена Александровна Груздева, Татьяна Ивановна Колабинова, Татьяна Александровна Карпеева, Елена Ивановна Шевченко.

Цель нынешней конференции заключалась в подведении промежуточных итогов, именно поэтому предполагалось, что и пленарное, и секционные заседания будут обобщать все те аспекты исследования национального мифа, которые были заявлены на предыдущих конференциях. На пленарном заседании достаточно широко обсуждалась проблема художественной репрезентации образа Другого в докладах кандидата филологических наук Зульфии Рафисовны Зиннатуллиной и доктора филологических наук, профессора Казанского федерального университета Лилии Фуатовны Хабибуллиной «Стратегии репрезентации внутреннего Другого в английской литературе второй половины XX века» и кандидата филологических наук Анастасии Андреевны Липинской «Хорошие английские мальчики. О конструировании гендерного и национального в го-

тической новеллистике». Помимо этого, всесторонне была рассмотрена и проблема мифа и мифологизации, теоретический аспект которой был представлен в двух докладах: доктора филологических наук Олега Юрьевича Полякова «Проблема мифа в современной имагологии» и нового участника нашей конференции, доктора филологических наук, профессора Государственного академического университета гуманитарных наук Александра Ильича Иваницкого «Эволюция концепта „национальности“ в немецкой философии культуры конца XVIII – первой четверти XIX в.». В докладе еще одного нового участника конференции, доктора филологических наук, профессора Российского государственного социального университета Олеси Равилевны Тимершиной «„Советское“ как прием: к вопросу об интерпретации некоторых лирических текстов М. Ю. Елизарова» была рассмотрена специфика функционирования советского мифа в современной русской поэзии и основные стратегии ее репрезентации в творчестве М. Елизарова. Кроме

этого, еще одной проблемой, обсуждаемой на пленарном заседании, стала проблема национальной самоидентификации. Она рассматривалась в докладах доктора филологических наук Нины Владимировны Барковской «Гибридная идентичность и образ родной земли в русскоязычной поэзии Казахстана» и еще одного нового участника конференции, доктора филологических наук, профессора Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Матвеевой Юлии Владимировны «Процесс национальной самоидентификации как особый сюжет русской литературы».

Проблематика, связанная с различными аспектами осмысления национального мифа в литературе и культуре, остается как никогда востребованной, что демонстрирует все расширяющийся формат конференции. Это позволяет говорить о незавершенности данного проекта и открытии новых ракурсов осмысления проблемы национального.

The article was submitted on 09.05.2024
Поступила в редакцию 09.05.2024

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@kpfu.ru

Breeva Tatiana Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@kpfu.ru

Хабибуллина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Lilia.Habibullina@kpfu.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Lilia.Habibullina@kpfu.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

- Список литературы (по центру);
- труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);
- References (по центру);
- транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёльль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б.* Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 2 (76)

Дата выхода в свет 21.06.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 34,41.

Тираж 1000 экз. Заказ 57/6.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

